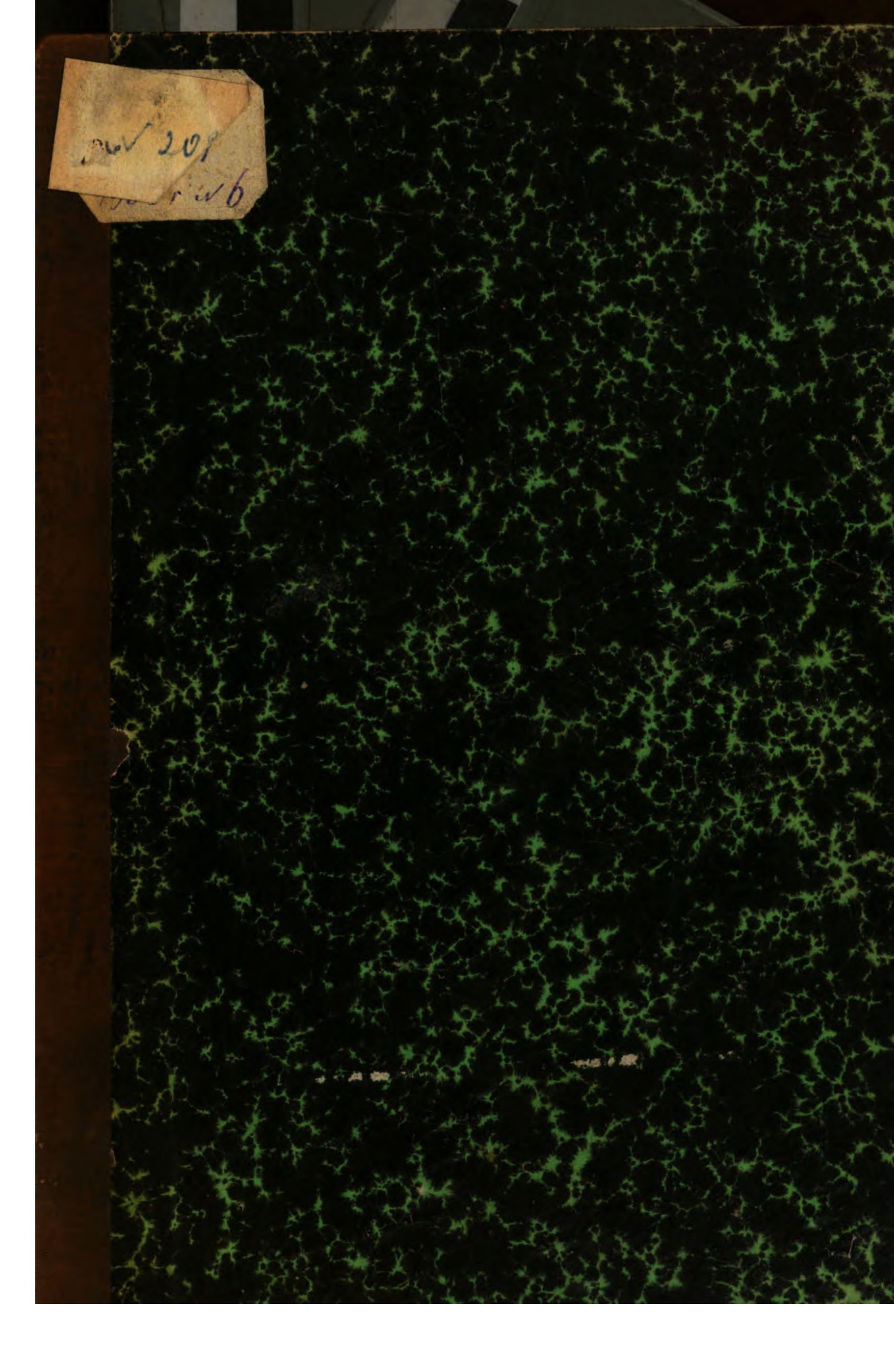

Годъ XIV-й. № 6-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

IЮНЬ.

1905 г.

С ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1905.

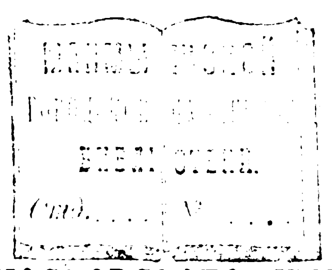
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31-го мая 1905 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Къ полуторавѣковому юбилею: 1755—1905).

(*Окончаніе* *).

XVI.

Несмотря на всѣ ограничительныя мѣры Уварова, число учащихся въ московскомъ университетѣ быстро увеличивалось: въ 1836 году было 438 студентовъ и слушателей, а въ 1847 г. учились уже 1.250 человѣкъ. Совершенно иное дѣйствіе оказалъ указъ 30-го апрѣля 1849 г., ограничившій число студентовъ, не считая медиковъ, тремя стами человѣкъ. Въ 1852 году на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, было всего только 328 студентовъ. Если же взять общее число учащихся въ московскомъ университетѣ, то окажется, что оно къ 1850 году сократилось на одну треть, а къ 1855 году опять поднялось почти до прежняго уровня. Въ 1850 году въ университетѣ было около 800 учащихся, изъ нихъ болѣе половины (405 ч.) на медицинскомъ факультетѣ, а на первомъ курсѣ остальныхъ факультетовъ было всего только 21 человѣкъ. Въ 1855 году общее количество учащихся было около 1.200 человѣкъ, изъ нихъ 800 медиковъ. Такимъ образомъ, указъ 30-го апрѣля 1849 года вызвалъ искусственный ростъ медицинскаго факультета. Многіе молодые люди, желавшіе пройти университетскій курсъ, волей-неволей поступали на медицинскій факультетъ. Извѣстно, напримѣръ, что только благодаря этому обстоятельству Россія получила знаменитаго клинициста въ лицѣ Боткина, который желалъ сдѣлаться математикомъ, а не врачомъ. Послѣ 1855 года число учащихся опять начинаетъ быстро возрастать и въ 1862 году доходитъ до 2.225 человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе 500 постороннихъ слушателей, усиленный наплывъ которыхъ замѣчается съ 1861 года. Что касается студентовъ-медиковъ, то число ихъ, поднявшись въ 1857 году до 1.068 человѣкъ, въ 1862 году падаетъ до 582 человѣкъ **).

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май 1905 г.

**) Статистическій матеріалъ относительно московскаго университета за 1848—1894 годы обработанъ въ статьѣ г. А. Л—каго, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ 1897 г., №№ 6 и 7.

Если искусственными мѣрами и удалось на непродолжительное время значительно сократить число студентовъ, то, съ другой стороны, стремленіе правительства избавить московскій университетъ отъ учащагося пролетаріата не достигло цѣли. Точныхъ данныхъ объ имущественномъ положеніи московскихъ студентовъ не имѣется, но литература воспоминаній даетъ не мало указаній, позволяющихъ думать, что бѣдныхъ студентовъ и послѣ 1835 года было очень много. Правда, по заявленію Колюпанова, «студенты, за исключеніемъ медиковъ, принадлежали къ достаточнымъ, а часто къ зажиточнымъ дворянскимъ фамиліямъ». Особенно мало было бѣдняковъ, по его словамъ, на юридическомъ факультетѣ. Но какъ разъ студенты-юристы даютъ намъ противоположныя указанія. «Большая часть студентовъ,—говоритъ Аѳанасьевъ,—жила по квартирамъ, нанимая небольшую комнатку со столомъ и прислугою, иногда и чаемъ; нѣкоторые жили весьма бѣдно; стипендіи, выдававшіяся отъ университета... и уроки, были единственными средствами имъ въ жизни». «Неприглядна была наша жизнь,— вспоминаетъ Бестужевъ-Рюминъ, — денегъ часто не было... помню, разъ два мѣсяца я ходилъ въ сапогахъ, на которыхъ почти не было подошвъ; комнаты были довольно грязны; кормили плохо... часто ничего нельзя было ѣсть». По свидѣтельству Полонскаго, «были студенты, которые испытывали не только бѣдность, но и нищету; они жили въ окрестностяхъ Москвы и въ университетъ ходили по очереди, такъ какъ у двоихъ была только одна пара сапогъ». Тотъ же Полонскій сообщаетъ о студентѣ, который ночевалъ на бульварныхъ скамейкахъ и съ голоду глодалъ кости скелетовъ. Кромѣ русскихъ студентовъ, которые часто приходили въ Москву пѣшкомъ изъ отдаленныхъ губерній, въ московскомъ университетѣ учились цѣлыя сотни поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній, и большинство ихъ, по свидѣтельству профессора Ешевскаго, отличалось «крайней бѣдностью» и могло существовать только благодаря освобожденію отъ платы за лекціи, стипендіямъ и помощи со стороны товарищей.

Послѣ 1855 года, когда двери университета были раскрыты для всѣхъ желающихъ, число бѣдныхъ студентовъ, разумѣется, сильно увеличилось и матеріальныя лишенія нѣкоторыхъ изъ нихъ были прямо ужасны. «Повѣрите ли,—писалъ Капустинъ Погодину въ 1860 году,—что есть буквально умирающіе съ голоду, есть студенты въ лохмотьяхъ» (Барсуковъ, XVII, 251).

Чтобы еще вѣрнѣе оцѣнить бѣдность московскихъ студентовъ, слѣдуетъ вспомнить, что жизнь въ Москвѣ полвѣка тому назадъ была необыкновенно дешева. Деркачевъ въ 1856 году нанималъ на Козихѣ за три рубля въ мѣсяцъ свѣтлую и чистенькую комнатку, какой теперь, по его словамъ, не найдешь и за десять рублей. За пять руб. въ мѣсяцъ можно было найти простой, но вкусный и здоровый обѣдъ. Неудивительно, что студенты, располагавшіе 25-ти-рублевымъ бюдже-

томъ, считались богачами, а Митропольскій ухитрялся существовать даже на *семь* рублей въ мѣсяцъ.

Точныхъ данныхъ о сословномъ происхожденіи московскихъ студентовъ мы также не имѣемъ; можно только сказать, что и въ своемъ стремленіи аристократизировать русскіе университеты правительство встрѣтило серьезныя препятствія. Правда, въ московскомъ университетѣ училось много дворянскихъ сыновей, тамъ былъ даже «кружокъ аристократовъ по фамиліямъ и отчасти по состоянію», гдѣ, по свидѣтельству Аѳанасьева, преобладалъ французскій языкъ, разговоры о балахъ, бѣлыя перчатки и треугольныя шляпы даже и тогда, когда онѣ не были еще обязательны для всѣхъ студентовъ. Нѣкоторые члены этого кружка ѣздили въ университетъ на собственныхъ рысакахъ, нанимали обширныя квартиры, держали собственныхъ поваровъ имѣли иногда содержанокъ и проживали болѣе тысячи рублей въ мѣсяцъ. Но общій тонъ въ университетѣ задавали все-таки бѣдняки, среди которыхъ было много семинаристовъ и разночинцевъ. Благодаря ихъ вліянію въ московскомъ университетѣ господствовалъ «демократическій духъ» наперекоръ всѣмъ стараніямъ правительства.

Этотъ духъ заражалъ даже «аристократиковъ», хотя и не всегда проявлялся въ желательныхъ формахъ. «Я самъ видѣлъ, — писалъ Колюпановъ,—какъ одинъ «аристократикъ», которому маменька сшила щеголеватую кавалерійскую фуражку на бѣломъ подбоѣ, надѣвалъ ее на сапогъ и тщательно вытиралъ ею полъ для того, чтобы придать ей требуемый видъ». Дѣло въ томъ, что по студенческимъ воззрѣніямъ того времени «настоящій буршъ непремѣнно долженъ быть одѣтъ нѣсколько неряшливо, въ потертомъ вицъ-мундирѣ, а шапка такая, что взглянуть страшно, вся истрепанная, блиномъ». Разумѣется, такой идеалъ могъ болѣе или менѣе безнаказанно осуществляться только во время инспекторства Нахимова. Въ угоду тому же демократическому духу «аристократики» посѣщали знаменитый студенческій трактиръ «Великобританію» и тамъ, по словамъ Колюпанова, «самоотверженно проглатывали водку *четырехъ разбойниковъ* и закусывали, чуть не подавившись, растегаемъ на прогоркломъ маслѣ».

Но въ большинствѣ случаевъ «аристократики» брезгливо сторонились отъ студенческой массы, шокировавшей ихъ своими демократическими привычками *). По другимъ причинамъ, національнаго харак-

---

*) Было уже упомянуто, что К. Аксаковъ считалъ аристократическій элементъ вреднымъ для университета. Еще дальше пошелъ въ этомъ отношеніи князь В. А. Черкасскій. Образованіе въ началѣ сороковыхъ годовъ среди учащейся молодежи „аристократической шайки или партіи“, старавшейся рѣзко отдѣлиться отъ общаго товарищества, онъ считаетъ болѣе зловѣщимъ и разрушительнымъ началомъ, чѣмъ распространявшееся между дѣльными студентами отвращеніе къ практической дѣятельности и службѣ. „Съ тѣхъ поръ

*

тера, стояли въ сторонѣ студенты-поляки. Какъ извѣстно, возстаніе 1830 года вызвало закрытіе университетовъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и лицея въ Кременцѣ. Часть польской молодежи стала учиться во вновь учрежденномъ университетѣ св. Владиміра, но цѣлыя сотни польскихъ и западно-русскихъ уроженцевъ слушали лекціи въ московскомъ университетѣ, гдѣ существовали спеціальныя каѳедры для изученія польскаго законодательства. Кромѣ юридическаго факультета много поляковъ было и среди студентовъ-медиковъ. «Университетское начальство,—говоритъ Шестаковъ,—всячески старалось о сближеніи поляковъ съ русскими, но, къ сожалѣнію, мало достигало успѣха». Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Колюпанова, наблюдались отдѣльные случаи тѣснаго сближенія русской и польской молодежи, которое иногда вело къ окончательному обрусѣнію поляковъ.

Студенты-поляки представляли наиболѣе многочисленную и наиболѣе сплоченную группу въ московскомъ университетѣ. Остальное же студенчество, не считая «аристократиковъ», разбивалось на мелкіе кружки, имѣвшіе тотъ же характеръ, что и въ предыдущемъ періодѣ, но получившіе несравненно болѣе широкое распространеніе. Главнымъ связующимъ звеномъ кружковъ было составленіе или провѣрка общими силами лекцій и совмѣстное приготовленіе къ экзаменамъ. «Въ кружкѣ—говоритъ Обнинскій—всегда имѣлся полный курсъ лекцій, записываніе и составленіе которыхъ распредѣлялось между членами въ годовомъ обиходѣ. Всякій избиралъ себѣ предметъ, которому наиболѣе сочувствовалъ... Не будь спасительнаго кружка, успѣшная подготовка (къ экзаменамъ) явилась бы дѣломъ невозможнымъ».

Но составленіемъ лекцій и приготовленіемъ къ экзаменамъ не ограничивалась роль студенческихъ кружковъ. Въ нихъ велись горячіе споры о литературѣ, философіи, театрѣ, иногда даже о политикѣ. Въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, главнымъ предметомъ студенческихъ бесѣдъ была философія Гегеля, имѣвшая горячихъ поклонниковъ въ тогдашней передовой журналистикѣ и на университетскихъ каѳедрахъ. По словамъ С. М. Соловьева, «Гегель кружилъ всѣмъ головы... студенты не иначе выражались какъ гегелевскими терминами». Ученіе Гегеля, по свидѣтельству Фета, «составляло главнѣйшій интересъ частныхъ бесѣдъ студентовъ между собою». «Въ то время,—говоритъ Полонскій,—всякій понялъ и сочувственно отнесся бы къ студенту К. Д. Кавелину, когда онъ говорилъ, что употребилъ слишкомъ полгода на то, чтобъ прочесть и понять одно только предисловіе къ философіи Гегеля». Что касается соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, нѣкогда царившихъ въ кружкѣ

уже,—говоритъ кн. Черкасскій,—начала падать общественная товарищеская жизнь стараго университета". „(Князь В. А. Черкасскій. Его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ". М. 1879 г.).

Герцена и Огарева, то они выдвинулись на первый планъ только во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, особенно подъ вліяніемъ февральской революціи, которая вызвала сильное возбужденіе среди студентовъ. Московское студенчество этой эпохи заплатило обильную дань и западно-европейскому политическому либерализму, и утопическому соціализму Фурье и Кабэ, хотя увлеченіе этими идеями отличалось строго-теоретическимъ характеромъ. «Мы носились,—говоритъ Бестужевъ-Рюминъ,—въ какомъ-то отвлеченномъ либерализмѣ и соціализмѣ и мало понимали, въ чемъ дѣло».

Несравненно болѣе жизненнымъ и болѣе плодотворнымъ было отрицательное отношеніе учащейся молодежи къ «гнусной россійской дѣйствительности» того времени. Удушающая общественная атмосфера дореформенной Россіи очень живо чувствовалась наиболѣе развитой частью молодежи. Только немногіе студенты были поклонниками профессоровъ, проповѣдывавшихъ съ каѳедры политическое credo гр. Бенкендорфа, состоявшее, какъ извѣстно, въ томъ, что прошлое Россіи было удивительно, настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно, а будущее не поддается самому смѣлому воображенію. Несравненно больше было такихъ студентовъ, которые увлекались сочиненіями Гоголя и Лермонтова, зачитывались статьями Бѣлинскаго и Герцена и больше вѣрили Грановскому, Рѣдкину и Кавелину, чѣмъ Погодину, Шевыреву и Давыдову. Изящная литература, критика, университетскія лекціи, домашнія бесѣды профессоровъ—все это питало оппозиціонный духъ молодежи по отношенію къ существовавшему тогда строю.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, во всемъ своемъ безобразіи знакомый большинству студентовъ по личнымъ впечатлѣніямъ. «Мы всѣ были идеалистами,—говоритъ Полонскій,—то-есть мечтали объ освобожденіи крестьянъ». Почти недоступное для публичнаго обсужденія въ печати, крѣпостное право открыто осуждалось въ университетскихъ аудиторіяхъ и даже въ студенческихъ сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, кн. В. А. Черкасскій въ 1844 году написалъ на заданную факультетомъ тему сочиненіе по исторіи русскихъ крестьянъ, гдѣ прямо говорилось: «пусть частные владѣльцы, двѣсти лѣтъ незаконно пользовавшіеся крестьянскою барщиною, наконецъ, отъ нея откажутся». Освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, водвореніе строгой законности въ судѣ и администраціи—эта программа, выставленная въ знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю, пользовалась полнымъ сочувствіемъ тогдашняго студенчества. Недаромъ письмо Бѣлинскаго получило такое широкое распространеніе среди учащейся молодежи, раздѣлявшей и политическіе взгляды и религіозныя увлеченія великаго критика.

Московскій университетъ строгановскаго періода не можетъ похвалиться такими знаменитыми студенческими кружками, какими были кружки Станкевича и Герцена. Но и въ это время были кружки, оста-

вившіе слѣдъ въ литературѣ воспоминаній. Таковъ, напримѣръ, кружокъ Аполлона Григорьева въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, гдѣ можно было встрѣтить, между прочимъ, Соловьева, Кавелина, князя Черкасскаго, Полонскаго и Фета. Въ этомъ кружкѣ, который собирался то у Григорьева, то у Кавелина, рядомъ съ крайнимъ увлеченіемъ гегелизмомъ не послѣднюю роль играла поэзія, театръ, наука и даже общественные вопросы. Въ срединѣ сороковыхъ годовъ можно указать кружки Юрьева и Нѣмчинова. Кромѣ Колюпанова, который былъ членомъ обоихъ этихъ кружковъ, къ первому изъ нихъ принадлежали, между прочимъ, Чаевъ и Н. Дмитріевъ, а ко второму—Островскій и Эдельсонъ, а также Аполлонъ Григорьевъ, въ это время уже не бывшій студентомъ. Въ кружкѣ Юрьева преобладала литература и театръ, особенно сильно увлекались тамъ критикой Бѣлинскаго и драмами Шекспира. Кружокъ Нѣмчинова *), по словамъ Колюпанова, былъ «философскій, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ соціализма». Тамъ еще можно было встрѣтить правовѣрныхъ гегеліанцевъ, но были также поклонники Конта и Фурье. Независимо отъ существованія отдѣльныхъ кружковъ, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, если вѣрить Колюпанову, была сдѣлана попытка организовать студенческій клубъ. «Нанята была особая квартира, гдѣ собиралось до 400 (!) человѣкъ, доставали всѣ (!) запрещенныя газеты и брошюры, шли оживленные толки». Но клубъ этотъ, какъ было упоминуто, дѣйствовалъ очень не долго и былъ закрытъ по совѣту Нахимова.

Мрачное семилѣтіе, пережитое Россіей послѣ февральской революціи, было въ высшей степени неблагопріятно для развитія серьезныхъ студенческихъ кружковъ, но и въ это время тамъ шла серьезная работа надъ самообразованіемъ и таился духъ оппозиціи и протеста противъ полицейско-бюрократическаго режима. Апологіи безобразной дѣйствительности, расточаемыя профессорами вродѣ Баршева и Орнатскаго, достигали какъ разъ обратной цѣли, наталкивая юные умы на противоположные выводы. Духовные запросы молодежи, не удовлетворяемые университетскими лекціями, обращались къ рукописнымъ и литографированнымъ брошюрамъ, которыя читались и обсуждались въ студенческихъ кружкахъ. «Говорили шопотомъ,—вспоминаетъ Обнинскій,—ходили на цыпочкахъ, чувствовалось холодное вѣяніе силы, желѣзной, страшной, непреклонной. Съ особой алчностью расхватывались съ рукъ на руки истрепанные литографированные листки, развертывавшіе передъ запуганной аудиторіей иныя перспективы, звавшіе на борьбу съ этой силой, указывавшіе ея слабыя, уязвимыя мѣста. Листки эти зачитывались «въ засосъ», какъ говорится, и прятались «за десятью замками и девятью печатями». Кромѣ литографиро-

*) Это былъ „очень даровитый", по свидѣтельству Колюпанова, студентъ, умершій вскорѣ по окончаніи курса.

ванныхъ брошюръ, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, студенческіе кружки того времени имѣли библіотечки изъ тоненькихъ книжечекъ, въ которыхъ были переплетены вырванныя изъ старыхъ журналовъ статьи Бѣлинскаго, Герцена, Чаадаева, даже повѣсти Салтыкова и Достоевскаго. Факты подобнаго рода не позволяютъ согласиться съ Бѣлоголовымъ, который заявляетъ, что въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ «никакія вольнодумныя мысли не проникали въ университетъ со стороны».

Послѣ 1855 года кружковая жизнь опять расцвѣтаетъ, кружки дѣлаются болѣе многочисленными и получаютъ широкую извѣстность даже внѣ студенческой среды. Такъ, напримѣръ, въ кружкѣ Рыбникова, извѣстнаго впослѣдствіи собирателя олонецкихъ былинъ, кромѣ учащейся молодежи можно было встрѣтить, по свидѣтельству Деркачова *), гвардейскихъ офицеровъ, сельскихъ священниковъ, духоборовъ, даже Хомякова, вступавшаго въ философскіе диспуты со студентами. Прояснившаяся общественная атмосфера отразилась и на самомъ характерѣ студенческихъ кружковъ. Мѣсто «отвлеченнаго либерализма и соціализма» было занято живыми общественными вопросами того времени. Стали возникать кружки на почвѣ «освободительныхъ идей и общей готовности послужить дѣлу народнаго образованія». И готовность эта не замедлила выразиться дѣятельнымъ участіемъ московскихъ студентовъ въ организаціи воскресныхъ школъ.

Почти всѣ студенческіе кружки были очень немногочисленны и собирались у одного изъ членовъ. Спеціальная «сборная комната», нанимавшаяся кружкомъ Деркачова, была явленіемъ исключительнымъ. Но немногочисленность членовъ не мѣшала кружкамъ играть выдающуюся роль въ жизни учащейся молодежи. Правда, кружковая жизнь имѣла и свои отрицательныя стороны. Хорошо извѣстна филиппика, которою раздражается «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» противъ «кружка in der Stadt Moskau»... «Кружокъ,—по его словамъ,—это гибель всякаго самобытнаго развитія; кружокъ—это безобразная замѣна общества, женщины, жизни... Кружокъ—это лѣнивое и вялое житье вмѣстѣ и рядомъ, которому придаютъ значеніе и видъ разумнаго дѣла, кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, пріучаетъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ отъ уединенной, благодатной работы, прививаетъ литературную чесотку, лишаетъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души. Кружокъ—да это пошлость и скука подъ именемъ братства и дружбы» и т. д.

Въ этихъ желчныхъ тирадахъ озлобленнаго неудачника, безспорно, заключается доля истины, но очень небольшая. Польза кружковъ неизмѣримо превышала тотъ вредъ, который они приносили нѣкоторымъ слабохарактернымъ личностямъ, дѣлая изъ нихъ эхо чужихъ непро-

---

*) „Воспоминанія о студенческой жизни". М. 1889 г.

думанныхъ мыслей. «Нельзя не засвидѣтельствовать,—говоритъ Обнинскій,—что кружковые чтенія и дебаты, длившіеся зачастую до разсвѣта, за самоваромъ и въ клубахъ табачнаго дыма, много способствовали усвоенію сути университетскихъ лекцій; они превосходно дрессировали неопытную мысль, то и дѣло заставляя ее схватываться съ самыми противоположными доводами и комбинировать самыя непримиримыя противорѣчія... Съ другой стороны, только благодаря этимъ нашимъ собраніямъ, возможно было пополнить широкіе пробѣлы тогдашняго гимназическаго курса... (Кромѣ того) они замѣняли для насъ карты, биліарды, трактиры; о попойкахъ и кутежахъ, помимо всякихъ принципіальныхъ соображеній, просто некогда было и подумать. Для развлеченія мы довольствовались студенческими пѣснями хоромъ или подъ аккомпаниментъ фортепіано... На благодатной почвѣ такого, можно сказать, взаимнаго обученія завязывалась дружба, неразрывная и до сихъ поръ, созидался духъ товарищества, выравнивались характеры, подготовлялась общность альтруистическихъ интересовъ. Студенческіе кружки наши, кромѣ всего этого, путемъ общаго ознакомленія съ философскими и общечеловѣческими принципами, совершенно упразднили для всѣхъ насъ значеніе сословнаго начала и навсегда сокрушили сословные предразсудки... «И графы, и князья, и коммерческая аристократія—продолжаетъ Колюпановъ—не только остерегались въ чемъ-либо или чѣмъ-либо проявить свою родовитость или свое богатство, но, напротивъ того, какъ бы конфузились ихъ; несравненно больше гордились они своимъ званіемъ студента, своею принадлежностью къ этой избранной корпораціи, и потому стремились слиться съ нею во всемъ до костюма включительно, щеголяя своимъ затасканнымъ сюртукомъ и карнаухой треуголкой... Въ этомъ оздоровительномъ всесословномъ общеніи исчезали кастовые инстинкты, оживлялись умы потомковъ захудалыхъ дворянскихъ родовъ... Князья и графы... пили вмѣстѣ съ дьяконскими сыновьями жиденькій кружковый чай, зачитывались и заговаривались до бѣла-свѣта. Объединяющимъ началомъ, вмѣсто винта и скачекъ, являлась выслушанная утромъ лекція, прочитанная книга, общественные идеалы».

Однимъ словомъ, студенческіе кружки были необходимымъ и крайне полезнымъ, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, дополненіемъ къ профессорскимъ лекціямъ и бесѣдамъ. Неудивительно поэтому, что изъ кружковъ вышли не одни Рудины и «Гамлеты Щигровскаго уѣзда», оттуда же вышли какъ выдающіеся, такъ и рядовые дѣятели «эпохи великихъ реформъ». «Когда на престолъ,—говоритъ Полонскій,—взошелъ гуманнѣйшій Александръ II-й, гдѣ нашелъ онъ наилучшихъ для себя помощниковъ по уничтоженію рабства и преобразованію судовъ, какъ не въ средѣ моихъ тогдашнихъ университетскихъ сотоварищей?».

XVII.

Къ сожалѣнію, слѣдуетъ оговориться, что кружки далеко не всегда отвлекали студентовъ отъ попоекъ и кутежей. Даже въ тѣхъ кружкахъ, о которыхъ съ такимъ сочувствіемъ говоритъ Обнинскій, «фигурировали кое-когда Бахусъ и Гамбринусъ». И тамъ, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, въ Татьянинъ день или по окончаніи экзаменовъ, устраивались пирушки съ традиціонною жженкой, и съ этихъ пирушекъ студенты возвращались домой въ такомъ видѣ, что отъ нихъ «почтительно сторонились прохожіе». Существуютъ указанія, что даже похороны любимыхъ профессоровъ не обходились безъ возліяній самаго неумѣреннаго характера. «Послѣ похоронъ Крюкова,— говоритъ Колюпановъ,—тутъ же въ гостинницѣ всѣ перепились. Приглашенное духовенство съ недоумѣніемъ смотрѣло на этотъ странный способъ заявленія скорби объ умершемъ. «Не удивляйтесь,—сказалъ покойный Грановскій,—таковъ у насъ въ университетѣ обычай, и профессора и студенты—всѣ пьяницы».

Неумѣренный разгулъ, которому предавалась нѣкоторая часть студенчества, находилъ даже своего рода оправданіе и поддержку въ иностранныхъ образцахъ. По словамъ Колюпанова, «идеаломъ служило германское студенчество, о которомъ жадно ловились разсказы отъ людей бывалыхъ, въ особенности отъ дерптскихъ студентовъ, переходившихъ почему-либо въ московскій университетъ». «У насъ,—продолжаетъ Колюпановъ,—все нѣмецкое было въ ходу: ландсманншафты... бурши, фуксы, кнейпы, даже рапиры, которыя впрочемъ, употреблялись только для скрещиванія надъ кастрюлей при жженіи сахара, когда варилась жженка. Пѣлись нѣмецкія и латинскія пѣсни, даже мѣстная, дерптская». Взамѣнъ факельцуговъ подгулявшіе студенты иногда ночью съ громкимъ пѣніемъ проходили по московскимъ улицамъ.

Особенно усердствовали русскіе студенты въ подражаніи нѣмцамъ по части Бахуса и Гамбринуса. «Настоящій буршъ,—говоритъ Колюпановъ,—долженъ былъ непремѣнно поглощать ужасающія пропорціи... Я былъ извѣстенъ тѣмъ, что могъ вылить въ полоскательную чашку цѣлую бутылку рому и осушить ее за одинъ присѣстъ». Вообще, умѣренность рѣдко соблюдалась на студенческихъ попойкахъ. «Собираясь кутить, — говоритъ Буслаевъ, — мы заранѣе гордились возможностью охмелѣть настолько, что не будемъ въ состояніи вести себя какъ слѣдуетъ». И послѣдствія для юныхъ бражниковъ, иногда увлекаемыхъ единственно силою примѣра, нерѣдко бывали очень трагическими. «Сколько даровитыхъ натуръ,—говоритъ Колюпановъ,—не выдержавъ напора разныхъ невзгодъ и неудачъ, благодаря положенному въ университетѣ изъ-за ложнаго молодечества фундаменту, сначала топили горе въ винѣ, а потомъ окончательно спивались и погибали».

Не всегда оставались безнаказанными и ночныя похожденія сту-

дентовъ въ пьяной компаніи и ихъ столкновенія съ полиціей, о которыхъ такъ подробно повѣствуетъ Колюпановъ *). «Драка (съ полиціей),—говоритъ онъ,—готова была вспыхнуть при каждомъ удобномъ случаѣ. Побѣда всегда клонилась на нашу сторону. Если насъ было мало числомъ или противники одолѣвали, одинъ изъ сражающихся бросался на извозчика и опрометью летѣлъ въ Британію. «Burschen heraus», кричалъ пріѣзжій еще на лѣстницѣ, а тамъ уже все приходило въ движеніе, вставали изъ-за столовъ, надѣвали шинели въ рукава, и, по указанію посланнаго, 200—300 человѣкъ спѣшили на извозчикахъ на мѣсто опасности». Далѣе Колюпановъ подробно разсказываетъ, какъ студенты однажды избили жандармовъ и остались безнаказанными, потому что гр. Строгановъ всю вину свалилъ на «переряженныхъ буяновъ».

Упомянувъ о студенческомъ разгулѣ, невозможно пройти молчаніемъ и знаменитый въ сороковыхъ годахъ студенческій трактиръ «Великобританія», который часто называется просто «Британія» и подъ такимъ названіемъ изображенъ въ романѣ Писемскаго «Взбаломученное море». Здѣсь также, какъ и въ «Желѣзномъ» трактирѣ, къ услугамъ студентовъ были особыя комнаты, билліардъ, журналы и кредитъ на закуски и напитки; но значеніе «Великобританіи» въ жизни московскаго студенчества было несравненно важнѣе. «Въ Британіи,—говоритъ Колюпановъ **),—въ каждой комнатѣ висѣло расписаніе университетскихъ лекцій; половые знали характеристику каждаго профессора и по-своему толковали о писателяхъ. Во время лекцій тянулась безъ перерыва цѣпь студентовъ, возвращавшихся изъ «Британіи» въ университетъ или обратно направлявшихся туда; каждый вечеръ далеко за полночь въ «Британіи» собирались сотни студентовъ. Это была настоящая, ежедневная, учено-литературная сходка, на которой, впрочемъ, рѣшались студентами и всѣ до нихъ касающіяся университетскія дѣла. Платонъ Степановичъ офиціально признавалъ «Британію» за status in statu: онъ посылалъ туда письменныя объявленія о вызовѣ кого-либо изъ студентовъ, и отъ казеннокоштнаго студента, оканчивавшаго курсъ и получавшаго при выходѣ опредѣленную сумму на экипировку, требовалъ квитанціи въ уплатѣ счета въ «Британію», безъ чего деньги не выдавались».

Разумѣется, и театръ продолжалъ играть въ жизни московскаго студенчества большую роль. «Иногда синіе воротники,—говоритъ Колюпановъ,—такъ плотно усаживались въ райкѣ, что онъ казался снизу обведеннымъ синей полосой». Особенной популярностью среди учащейся молодежи пользовался Мочаловъ, входившій со студентами въ личное знакомство и повѣрявшій имъ свои душевныя муки. «Если на

*) „Русское Обозрѣніе“ 1895 г., № 3, стр. 21—22.

**) Біографія Кошелева, т. II, стр. 58. М. 1892.

одномъ театрѣ,—говоритъ Н. Дмитріевъ,—давалась какая-нибудь замѣчательная пьеса, а на другомъ игралъ Мочаловъ, многіе изъ студентовъ брали мѣста въ обоихъ театрахъ. Прослушавъ лучшія мѣста у Мочалова, они переходили въ другой театръ». Когда Мочаловъ умеръ въ 1848 году, студенты, вопреки тогдашнему обычаю, возложили на его гробъ лавровый вѣнокъ и на рукахъ несли до самаго кладбища прахъ знаменитаго русскаго трагика. Другимъ любимцемъ молодежи былъ Щепкинъ, который также не уклонялся отъ личнаго общенія со студентами и нерѣдко появлялся даже въ университетскихъ аудиторіяхъ.

Увлекались также московскіе студенты оперой и особенно балетомъ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ соперничали Санковская и Андреянова, раздѣлившія московскую публику на двѣ партіи. Студенты находили игру Санковской болѣе изящной и встрѣчали и провожали ее такими аплодисментами, что директоръ театровъ Гедеоновъ, покровитель Андреяновой, нашелъ нужнымъ «унять мальчишекъ». Оскорбительная фраза дошла до студентовъ, и началась борьба съ дирекціей. «Сколько разъ,—говоритъ Аѳанасьевъ,—аплодисменты, которыми публика осыпала Андреянову, были нарушаемы студенческимъ шипѣніемъ, и сколько разъ неистовое хлопанье студентовъ встрѣчало и провожало ихъ любимицу». По свидѣтельству Колюпанова, «на спектакли, гдѣ появлялась Санковская, приходили сотни студентовъ, сыпались цвѣты въ такомъ количествѣ, что буквально забрасывали переднюю часть сцены, подносились цѣнные подарки: серебряная ваза работы Сазикова, серебряный тамбуринъ, золотой вѣнокъ». Для пріобрѣтенія такихъ подарковъ студенты продавали послѣднюю подушку и даже входили въ долги, лишь бы почтить свою любимицу, художественная игра которой, по словамъ Н. Дмитріева, весьма много способствовала эстетическому воспитанію молодежи. Когда Андреянова покинула Москву, и у Санковской явилась новая соперница въ лицѣ Ирки Матіасъ, разгорѣвшіяся страсти дошли до того, что однажды во время балета, по свидѣтельству Колюпанова, «въ самомъ партерѣ произошла драка у студентовъ съ гусарами и публикой».

Послѣ Строганова и Нахимова веселая, разгульная и беззаботная жизнь московскаго студенчества подверглась сильнымъ стѣсненіямъ; но и въ это время, по свидѣтельству Бѣлоголоваго, возможны были «безобразныя попойки» и неизбѣжныя при этомъ скандальныя исторіи и столкновенія или съ инспекціей или съ полиціей, съ тою только разницей, что всѣ эти исторіи не проходили безнаказанно. Широкая волна общественнаго возбужденія послѣ 1855 года нѣсколько отвлекла студентовъ отъ разгула, который сталъ менѣе бросаться въ глаза еще и потому, что въ университетъ поступило много бѣдняковъ, которымъ было не до кутежей. Студенческія попойки и въ это время не обходились безъ столкновеній съ полиціей, и одна такая «исторія» сдѣлалась въ полномъ смыслѣ слова исторической.

Въ концѣ сентября 1857 года одинъ студенческій кружокъ праздновалъ именины своего товарища; въ числѣ присутствовавшихъ было пять-шесть поляковъ. Шумная пирушка вызвала вмѣшательство полиціи, и произошла кровопролитная свалка, въ которой побѣда оказалась на сторонѣ городовыхъ. Студенты были избиты и арестованы, четверо изъ нихъ пострадали такъ сильно, что опасались за ихъ жизнь. Дикая расправа полиціи вызвала страшное ожесточеніе студентовъ, на сторонѣ которыхъ оказалось и московское общество. Появились прокламаціи, въ которыхъ студенты приглашались «смыть съ себя позоръ», нанесенный полиціей; начались сходки въ саду стараго университета, на которыхъ говорилось о томъ, что надо «проучить полицію» и добиться для студентовъ права быть арестованными не иначе, какъ въ присутствіи депутата отъ университета. По свидѣтельству Каткова, «студенты вели себя превосходно. Ихъ митинги... отличались духомъ законности и совершенной зрѣлости». Сходки прекратились только тогда, когда попечитель Ковалевскій, собравъ студентовъ въ большой медицинской аудиторіи, далъ обѣщаніе употребить все свое вліяніе для разъясненія дѣла и предложилъ выбрать по два депутата отъ каждаго курса для сношенія съ начальствомъ и наблюденія за слѣдствіемъ. Офиціальное слѣдствіе, произведенное товарищемъ министра народнаго просвѣщенія кн. Вяземскимъ, оказалось благопріятнымъ для студентовъ. Государь, проѣзжавшій въ это время черезъ Москву, также принялъ сторону студентовъ, и полицейскіе чины были преданы военному суду *).

Разсказанный случай сдѣлался своего рода эрой въ исторіи московскаго студенчества, о чемъ свидѣтельствуетъ оффиціальная записка университетской коммиссіи 1861 года, подписанная профессорами Соловьевымъ, Бодянскимъ, Леонтьевымъ, Ешевскимъ и Чичеринымъ **). «Исторія» 1857 года, по мнѣнію названныхъ лицъ, *«въ первый разъ* вызвала въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ... Съ этихъ поръ укоренилась въ нихъ привычка къ сходкамъ и депутатамъ», тогда какъ раньше «у нихъ не было ни сходокъ, ни депутатовъ». Дальнѣйшія событія университетской жизни еще болѣе укрѣпили въ студентахъ духъ солидарности и сознаніе собственныхъ силъ. Была основана студенческая касса, которая управлялась выборными изъ среды учащейся молодежи. Въ 1858 году были сходки по случаю изгнанія проф. Варнека, причемъ студенты опять оказались побѣдителями, такъ какъ ихъ сторону приняли медицинскій и физико-математическій факультеты. Нѣсколько позже были сходки по поводу оскорбленія, нанесеннаго ректоромъ

*) Барсуковъ, XV, 431—432, 449, 453, 458. Воспоминанія Мезенсовскаго въ „Древней и Новой Россіи“ 1876 г., № 8.

**) Записка эта цитируется въ статьѣ Шестакова о студенческихъ волненіяхъ въ Москвѣ 1861 года („Русская Старина“ 1888 г., №№ 10 и 11).

одному студенту-медику, но скоро прекратились, такъ какъ Альфонскій поспѣшилъ извиниться. Наконецъ, въ сентябрѣ 1861 года въ Москвѣ вспыхнули серьезные студенческіе безпорядки.

Студенческимъ волненіямъ 1861 года предшествовалъ рядъ крайне неудачныхъ распоряженій и странныхъ мѣръ со стороны учебнаго начальства. Обыкновенно въ московскомъ университетѣ освобождалось отъ платы 150—200 студентовъ, а въ 1861 году послѣдовало распоряженіе предоставить эту льготу только 18 студентамъ, по два человѣка изъ каждой губерніи округа, причемъ плата за первое полугодіе должна была вноситься еще до вступительнаго экзамена, и прошенія безъ денегъ не принимались. Далѣе, входъ въ университетъ дозволенъ былъ только по билетамъ, причемъ для каждаго факультета былъ особый цвѣтъ билетовъ и особый входъ въ зданіе университета. «Въ большихъ сѣняхъ новаго университета,—говоритъ Ешевскій,—была сдѣлана чугунная рѣшетка съ дверцами, охраняемыми солдатами... Подъ предлогомъ сквозного вѣтра задѣлали дверь въ корридоръ между математическими аудиторіями и главными сѣнями, и такимъ образомъ было прервано или затруднено сообщеніе между аудиторіями юридическаго и филологическаго факультетовъ». Кромѣ того, новымъ курсамъ студентовъ не позволили выбрать депутатовъ въ управленіе студенческой кассы. Къ стѣсненіямъ и ограниченіямъ подобнаго рода, исходившимъ частью отъ центральной, частью отъ мѣстной власти, присоединилось и оскорбленіе моральнаго свойства. Въ Москвѣ находился покойный цесаревичъ Николай Александровичъ и ждалъ начала учебныхъ занятій, чтобы посѣщать лекціи. «Московское высшее общество,—по словамъ Ешевскаго,—сильно волновалось, предвидя бѣдственныя послѣдствія отъ сближенія будущаго государя съ университетомъ, и старалось всѣми силами помѣшать этому». И вотъ 2-го сентября 1861 года наслѣдникъ престола совершенно неожиданно былъ увезенъ въ Петербургъ. «Московскіе тузы,—говоритъ Ешевскій,—торжествовали, а студенты были снова оскорблены недовѣріемъ къ нимъ».

Накопившееся среди студентовъ недовольство не замедлило вспыхнуть, какъ только было получено извѣстіе о закрытіи петербургскаго университета *). Въ концѣ сентября появились прокламаціи, пріѣхала изъ Петербурга депутаты, начались сходки въ аудиторіяхъ и въ университетскомъ саду. Инспекторъ Шестаковъ (впослѣдствіи попечитель казанскаго округа и авторъ упомянутыхъ статей) былъ освистанъ, хотѣли даже разгромить его квартиру, но ограничились одними угрозами; зато была сломана рѣшетка въ университетскихъ сѣняхъ и испорчена мебель. Наи-

*) Петербургскій университетъ былъ закрытъ 22-го сентября 1861 года по случаю волненій, главной причиной которыхъ, по мнѣнію г. Спасовича, было внезапное уничтоженіе студенческаго корпоративнаго самоуправленія, возникшаго при попечителѣ кн. Щербатовѣ.

большее участіе въ безпорядкахъ принимали студенты первыхъ курсовъ и особенно поляки, главнымъ образомъ, потому, что они крайне нуждались въ стипендіяхъ и, кромѣ того, представляли тѣсно сплоченный кругъ. «Польская община,—говоритъ Ешевскій,—была крѣпко организована, дѣйствовала единодушно, повиновалась извѣстнымъ предводителямъ и, очевидно, должна была брать верхъ надъ разрозненными, часто безсознательными, необдуманными стремленіями русскихъ студентовъ».

На студенческихъ сходкахъ происходило, главнымъ образомъ, обсужденіе адреса государю о нуждахъ студенчества. Къ этой мысли сочувственно относился самъ московскій генералъ-губернаторъ Тучковъ, который дозволилъ сходки, принималъ депутатовъ отъ студентовъ и даже редактировалъ адресъ. По словамъ Шестакова, студенты желали безплатнаго слушанія лекцій, права сходокъ, особой студенческой библіотеки и кассы, студенческаго суда, наконецъ, участія черезъ депутатовъ въ выборѣ ректора и профессоровъ. Болѣе же радикальная партія, по свидѣтельству Ешевскаго, предлагала «крайнія мѣры и дикія требованія» и явно стремилась къ закрытію университета. Но большинство студентовъ не хотѣло прекращенія занятій. Вообще, единства въ желаніяхъ и требованіяхъ студентовъ не было. Кромѣ двухъ главныхъ партій, умѣренной и крайней, были еще другія группы, каждая со своими предложеніями.

Кромѣ сходокъ была устроена крупная, но окончившаяся вполнѣ мирно демонстрація 4-го октября, въ годовщину смерти Грановскаго. Болѣе 300 студентовъ изъ университетскаго сада черезъ Кузнецкій мостъ и Лубянку принесли на могилу Грановскаго корзину цвѣтовъ и вѣнокъ и послѣ рѣчей вернулись назадъ тою же дорогою. На кладбищѣ были полиція, жандармы, казаки, даже пѣхота, но никакого столкновенія не произошло, не было даже предложено студентамъ разойтись. «Войска и полиція,—говоритъ Ешевскій,—были поставлены у кладбища какъ будто затѣмъ, чтобы отдать честь торжественному шествію». Слѣдующая затѣмъ недѣля прошла въ обсужденіи и подписываніи адреса. Наконецъ, адресъ, одобренный Тучковымъ, былъ готовъ и представленъ попечителю Исакову, но тотъ категорически отказался его принять и даже прочитать. И Ешевскому и Шестакову казалось, что волненіямъ насталъ конецъ, и что вся эта исторія закончилась комическимъ эпизодомъ поимки въ университетскомъ саду полицейскаго агента, назвавшаго себя студентомъ *«юритистическаго* факультета седьмого курса». Но волненіямъ суждено было закончиться не комически, а трагически. 11-го октября студенты снова сдѣлали попытку вручить адресъ попечителю. Они окружили его въ профессорской комнатѣ и прижали въ уголъ вмѣстѣ съ профессорами Ешевскимъ и Бодянскимъ. Тщетно Ешевскій доказывалъ студентамъ, что

«насиліе компрометируетъ самое лучшее дѣло», тщетно и попечитель заявлялъ, что онъ не можетъ и не хочетъ измѣнить университетскія правила, толпа демонстрантовъ продолжала осаду, надѣясь запугать Исакова. Но послѣдній со стойкостью и хладнокровіемъ военнаго человѣка выдержалъ трехчасовую осаду до конца и не сдѣлалъ ни одной уступки.

Въ ночь на 12-ое октября были произведены аресты, но такъ неудачно, что, по свидѣтельству Шестакова, были захвачены даже такіе студенты, которые открыто противились безпорядкамъ. Утромъ 12-го октября громадная толпа студентовъ двинулась къ генералъ-губернаторскому дому и благополучно достигла Тверской площади. Принятые Тучковымъ депутаты предъявили требованіе, чтобы всѣ арестованные были немедленно освобождены. Требованіе депутатовъ не было исполнено, и сами они были арестованы. Узнавъ о судьбѣ своихъ представителей, студенты зашумѣли и не хотѣли разойтись. «Тогда—разсказываетъ Ив. Аксаковъ въ письмѣ къ графинѣ Блудовой—явились два эскадрона жандармовъ и солдаты, бывшіе въ засадѣ и на готовѣ, бросились на студентовъ, они бѣжать, кто драться, нѣсколькихъ студентовъ тяжело ранили, человѣкъ 200 захватили и загнали въ часть (тутъ напротивъ), за остальными пустились въ погоню и т. д. Народъ помогалъ ловить, воображая съ чего-то, что это дворяне пришли просить, чтобъ закрѣпостили опять крестьянъ» *).

Не особенно красивую роль въ этомъ такъ называемомъ «Дрезденскомъ сраженіи» (побоище было около гостиницы «Дрезденъ») сыграли профессора. «Надобно правду сказать—говоритъ Аксаковъ въ томъ же письмѣ—что Тучковъ до послѣдней минуты не хотѣлъ употреблять силы, но уже двѣ недѣли сряду профессора ругаютъ его за недостатокъ энергіи и упрекаютъ въ слабости, а Исаковъ, пріѣхавши, и подъ вліяніемъ профессоровъ, требовалъ отъ Тучкова употребленія военной силы». Къ этому заявленію можно было бы отнестись съ недовѣріемъ, если бы не было подтвержденія въ воспоминаніяхъ Ешевскаго о событіяхъ 1861 года.

Безобразный финалъ плачевной исторіи съ вѣрноподданническимъ адресомъ увеличилъ партію умѣренныхъ студентовъ. Предложеніе крайнихъ не ходить на лекціи до тѣхъ поръ, пока не рѣшится участь арестованныхъ товарищей, не было принято, но университетская жизнь долго еще не могла войти въ свое обычное русло. Не даромъ въ это время ежегодно выбывала до окончанія курса седьмая часть общаго числа учащихся въ московскомъ университетѣ, а въ 1863 году выбыло 465 студентовъ.

---

*) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", т. IV, стр. 195. Спб. 1896 г.

XVIII.

Студенческія волненія, охватившія почти всѣ русскіе университеты въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, серьезно занимали вниманіе правительства и вызвали цѣлый рядъ мѣропріятій. Такъ, въ 1859 году студенты внѣ университета были подчинены надзору полиціи на общемъ основаніи, причемъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ было приказано строго слѣдить, чтобы «мѣстныя полиціи обходились со студентами университетовъ благодушно, вѣжливо и снисходительно, и отнюдь не оскорбляя ихъ рѣзкими и неприличными выходками». Въ 1861 году была учреждена особая коммиссія для разсмотрѣнія мѣръ о надзорѣ за студентами, и коммиссія эта признала необходимымъ коренное преобразованіе университетовъ. Заявленіе коммиссіи и серьезные безпорядки 1861 года ускорили начавшійся еще раньше пересмотръ университетскаго устава, и 18-го іюня 1863 года былъ утвержденъ новый уставъ, не просуществовавшій и четверти вѣка. Проектъ устава предварительно былъ разосланъ русскимъ и иностраннымъ ученымъ и вызвалъ съ ихъ стороны рядъ замѣчаній и отзывовъ, рекомендовавшихъ возможно большее развитіе университетской автономіи и академической свободы. Но авторитетные совѣты не были использованы въ надлежащей степени, и новый уставъ, представляя несомнѣнный шагъ впередъ, въ сущности не далеко ушелъ отъ уваровскаго устава 1835 года. Полномочія совѣта были расширены, но и власть попечителя была сохранена. Былъ учрежденъ университетскій судъ, но вѣдѣнію его подлежали одни только дисциплинарные проступки студентовъ. Инспекторъ или проректоръ для надзора за студентами могъ выбираться совѣтомъ (проректоръ изъ среды профессоровъ), но корпоративнаго устройства студентамъ не было дано, не дозволено даже имѣть студенческую кассу, библіотеку и читальню. Лица, окончившія курсъ гимназій и духовныхъ семинарій, стали поступать въ университетъ безъ экзамена, но плата за слушаніе лекцій была сохранена въ прежнемъ размѣрѣ (40—50 рублей въ годъ).

Безспорно, интересы науки и преподавателей при новомъ уставѣ были обезпечены гораздо лучше, чѣмъ прежде; но студенты не могли удовлетвориться своимъ безправнымъ положеніемъ, и студенческія волненія послѣ 1863 года не только не прекращаются, но даже усиливаются и уже не ограничиваются одними чисто-академическими требованіями. Осложненіе студенческаго движенія элементами политическаго характера было вполнѣ естественнымъ результатомъ общественной реакціи; но предержащія власти не хотѣли взглянуть «въ корень вещей», не хотѣли повѣрить Пирогову, что университетъ есть лучшій барометръ общества, и усматривали причины студенческихъ волненій въ злонамѣренной агитаціи, въ присутствіи поляковъ, евреевъ и семинаристовъ, въ недостаткѣ инспекціи, наконецъ, въ несовершенствѣ

университетскаго устава 1863 года. Особенно не нравилась реакціонерамъ автономія университетскаго совѣта, которая скоро встрѣтила враждебное отношеніе даже среди своихъ недавнихъ защитниковъ вродѣ Каткова. Неудивительно, что общая реакція, усилившаяся послѣ выстрѣла Каракозова, коснулась и университетскаго вопроса особенно, когда мѣсто Головнина, проведшаго уставъ 1863 года, занялъ гр. Д. Толстой.

Новый министръ на первыхъ же порахъ ограничилъ пріемъ въ университеты поляковъ и усилилъ полицейскій надзоръ за студентами, которымъ, кромѣ того, было воспрещено устраивать всякаго рода публичныя собранія даже съ благотворительною цѣлью (26-го мая 1867 года). Образованная въ концѣ 1874 года подъ предсѣдательствомъ Валуева спеціальная комиссія по поводу студенческихъ волненій рѣшительно и опредѣленно высказалась противъ устава 1863 года и предложила ограничить автономію университетскаго совѣта, установить новый порядокъ назначенія профессоровъ, усилить правительственный контроль за преподаваніемъ, а также преградить доступъ въ университеты нежелательнымъ элементамъ. Опираясь на заключенія валуевской коммиссіи, гр. Толстой въ 1879 году ограничилъ права совѣта, упразднилъ университетскій судъ, усилилъ власть инспекціи, воспретилъ принимать въ университеты семинаристовъ. Тогда же былъ составленъ и проектъ новаго устава, въ которомъ усиливался правительственный контроль надъ университетами, въ частности надзоръ за студентами, профессора и инспекторъ назначались министромъ, сверхъ платы за ученье вводился гонораръ въ пользу преподавателей и т. д. Проектъ былъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ, но неожиданная отставка гр. Толстого остановила дѣло.

Преемники гр. Толстого, Сабуровъ и баронъ Николаи, оказались сторонниками стараго устава, а Сабуровъ хотѣлъ даже предоставить студентамъ корпоративное устройство, и въ московскомъ университетѣ представителями учащейся молодежи уже вырабатывался соотвѣтствующій проектъ. Но въ 1882 году постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ Деляновъ, который въ шестидесятыхъ годахъ былъ горячимъ защитникомъ университетской автономіи, а теперь добился утвержденія толстовскаго проекта (съ незначительными измѣненіями), несмотря на то, что его отвергли три четверти членовъ государственнаго совѣта. Но и уставъ 15-го августа 1884 года, усилившій власть попечителя, уничтожившій выборное начало и подвергшій студентовъ строгому надзору, все еще казался либеральнымъ. Въ 1885 году была возстановлена форменная одежда, полученіе стипендій и пособій было поставлено въ зависимость отъ благосклонныхъ отзывовъ инспекціи; въ 1887 году пріемъ евреевъ былъ ограниченъ извѣстнымъ процентомъ, а плата за ученіе возвышена съ 10 до 50 руб. въ годъ, не считая гонорара въ пользу преподавателей. По смерти гр. Делянова (въ 1898

году), съ одной стороны, были сдѣланы нѣкоторыя уступки, но зато, съ другой, послѣдовало новое усиленіе инспекціи и была проведена даже такая суровая мѣра, какъ отдача въ солдаты студентовъ, уволенныхъ за безпорядки.

Таковы оффиціальныя рамки, которыя въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, подобно испанскимъ сапогамъ, все болѣе и болѣе суживались, все сильнѣе и сильнѣе стѣсняли нормальное развитіе русскихъ университетовъ. Было бы въ высшей степени интересно прослѣдить новѣйшую исторію старѣйшаго русскаго университета по воспоминаніямъ профессоровъ и студентовъ, но, къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный матеріалъ еще не опубликованъ въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ. Большой интересъ представила бы исторія той борьбы, которая велась въ университетскомъ совѣтѣ между враждебными партіями профессоровъ, среди которыхъ были защитники и противники устава 1863 года, причемъ послѣдніе опирались на поддержку Каткова, за спиною котораго стояли не только попечители московскаго учебнаго округа, но и министры народнаго просвѣщенія. Было бы очень интересно выслушать отзывы студентовъ о профессорахъ, въ числѣ которыхъ можно указать цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей, пользующихся почетной извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Еще интереснѣе были бы показанія самихъ студентовъ о тѣхъ причинахъ, которыя заставляли ихъ чуть не каждый годъ производить волненія и безпорядки и даже становиться въ ряды революціонныхъ дѣятелей. Но для отвѣтовъ на подобные вопросы недостаетъ матеріаловъ и не приспѣло еще время.

Какой выдающійся интересъ въ ряду этихъ матеріаловъ представитъ литература студенческихъ воспоминаній, объ этомъ можно пока судить на основаніи разсказовъ кн. Щетинина, напечатанныхъ въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній г. Авторъ воспоминаній поступилъ въ московскій университетъ въ 1885 году, «когда только что былъ введенъ въ дѣйствіе новый университетскій уставъ, перевернувшій вверхъ дномъ весь прежній укладъ студенческой жизни, разрушившій до основанія ея лучшія традиціи и вдохнувшій въ нее холодный, мертвящій формализмъ». Хотя до маршировки дѣло и не доходило, какъ пугали гимназистовъ до поступленія въ университетъ, однако же «сажанье студентовъ въ карцеръ,— по словамъ кн. Щетинина,—было явленіемъ столь обычнымъ, столь правильно и систематически организованнымъ, что представлялось даже какимъ-то неотъемлемымъ аттрибутомъ высшей науки». «Въ то время,—продолжаетъ кн. Щетининъ,—инспекторомъ студентовъ былъ «знаменитый» А. А. Брызгаловъ, стяжавшій во второй половинѣ 80-хъ годовъ такую громкую славу, что выраженіе «брызгаловская эпоха» для московскаго студента-восьмидесятника звучитъ теперь не менѣе опредѣленно, чѣмъ какая-нибудь «Аракчеевщина» или «Бироновщина».

Брызгаловъ ввелъ въ стѣнахъ университета цѣлую систему шпіонства и доносовъ, въ которыхъ изощрялись, главнымъ образомъ, низшіе служители инспекціи, такъ называемые педели. Малѣйшее нарушеніе дисциплины со стороны студента уже влекло за собою педельское «слово и дѣло» и неизбѣжное наказаніе провинившагося карцеромъ».

«Въ описываемую эпоху,—говоритъ кн. Щетининъ,—университетскіе педели, по большей части, бывшіе унтеръ-офицеры, были надѣлены совершенно исключительными полномочіями. Для студентовъ это было ближайшее и грозное начальство, которое, по своему усмотрѣнію, могло карать или миловать всякаго провинившагося». Грубость педелей доходила до того, что они на улицахъ хватали студентовъ, одѣтыхъ не по формѣ, за шиворотъ и влекли въ университетъ. Особенно много страдали отъ грубости педелей студенты-стипендіаты, въ то время какъ студенты «бѣлоподкладочники» откупались отъ придирокъ университетской полиціи деньгами. «Бѣлоподкладочникъ»,—по словамъ кн. Щетинина,—могъ откупиться извѣстной суммой денегъ и совсѣмъ не ходить въ университетъ, будучи увѣреннымъ, что педель ежедневно отмѣчаетъ его въ своемъ журналѣ, тогда какъ недостаточный студентъ, даже вполнѣ исправно посѣщающій лекціи, далеко не могъ имѣть подобной же увѣренности: педель всегда могъ записать его отсутствующимъ. Такимъ образомъ, система обязательнаго посѣщенія лекцій ставила студентовъ въ крайне унизительное положеніе по отношенію къ педелямъ. Не разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ плохо одѣтый студентикъ, въ сильно потрепанномъ сюртучкѣ, робко пробирался въ аудиторію и, проходя мимо педеля, почтительно кланялся ему съ заискивающей улыбочкой на лицѣ, а тотъ удостаивалъ его въ отвѣтъ лишь олимпійскимъ кивкомъ головы. Или, напримѣръ, приходилось наблюдать, что студентъ, желая избѣгнуть педельской «неблагопріятной» отмѣтки въ журналѣ, пускался на хитрость: онъ оставался дома, а товарищу поручалъ занести въ университетъ свое пальто и повѣсить его въ раздѣвальнѣ. Когда начинались лекціи, педель обходилъ раздѣвальню, тщательно осматривая вѣшалки съ фамиліями и отмѣчая по нимъ отсутствующихъ, среди которыхъ, конечно, не оказывалось приславшаго вмѣсто себя пальто».

Подобнаго рода «брызгаловщина» до того ожесточила учащуюся молодежь, что 22-го ноября 1887 года на студенческомъ концертѣ одинъ тихій, скромный и застѣнчивый студентъ-юристъ, по фамиліи Синявскій, далъ инспектору пощечину, за что и угодилъ въ арестантскія роты (впослѣдствіи онъ все-таки окончилъ курсъ въ университетѣ). «Событіе 22-го ноября,—говоритъ кн. Щетининъ,—послужило сигналомъ къ грандіознымъ студенческимъ безпорядкамъ». 24-го ноября въ актовомъ залѣ университета состоялась первая сходка, на которой раздавались крики: «долой инспекцію!» Ректоръ пытался усмирить студентовъ, но «его рѣчь была заглушена свистками и

крикомъ». Изъ актоваго зала студенты перешли на университетскій дворъ, гдѣ собралась масса молодежи со всѣхъ факультетовъ и даже изъ другихъ учебныхъ заведеній. Пріѣхалъ попечитель графъ Капнистъ и тоже пытался образумить студентовъ, но успѣха не имѣлъ. «Сходка принимала угрожающіе размѣры; часть Моховой улицы, вдоль университета, была вся запружена толпою любопытныхъ; движеніе экипажей пріостановилось. Въ это время изъ окна своей квартиры выглядывалъ Брызгаловъ и что-то записывалъ въ книжку,—вѣроятно имена участниковъ сходки... А публики все прибывало. Она уже охватила тѣснымъ кольцомъ университетскій дворъ, за оградой котораго скрывались манифестанты». Наконецъ, во весь опоръ прискакали казаки. «Мигомъ былъ оцѣпленъ университетскій дворъ, манифестантовъ окружили и на глазахъ всей публики отвели въ манежъ... Тамъ всѣхъ участниковъ сходки поголовно переписали и, продержавъ въ манежѣ до вечера, въ тотъ же день отправили въ Бутырскій тюремный замокъ». 26-го ноября была устроена вторая сходка около Екатерининской больницы, но конные жандармы быстро разсѣяли толпу, причемъ «къ вечеру упорно распространился слухъ, что жандармы убили двухъ студентовъ». Результатомъ этихъ волненій, вызвавшихъ «сочувственное отношеніе общества и печати того времени», было временное закрытіе московскаго университета.

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ кн. Щетинина даются и отзывы о нѣкоторыхъ московскихъ профессорахъ восьмидесятыхъ годовъ. Едва ли не самыми популярными профессорами въ то время были А. И. Чупровъ и М. М. Ковалевскій, аудиторіи которыхъ были всегда биткомъ набиты студентами всѣхъ факультетовъ. «Вліяніе Чупрова на университетскую молодежь,—по словамъ кн. Щетинина,—было огромно, къ нему прислушивались, какъ къ какому-то оракулу, жадно ловили каждое его слово, гдѣ бы оно ни было сказано, въ аудиторіи, на улицѣ, въ ученомъ засѣданіи, въ печати или просто у него на дому, куда любой изъ его слушателей имѣлъ доступъ. Блестящій ораторъ, всесторонне образованный, человѣкъ стойкихъ и независимыхъ убѣжденій, искренній, честный, гуманный, прогрессистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, безъ сомнѣнія, онъ могъ оказывать на студентовъ лишь благотворное вліяніе. Каждая лекція его будила мысль, горячіе споры, иногда цѣлые дебаты, и мы всѣ чувствовали, какъ у насъ пробуждался серьезный интересъ къ наукѣ. Помню, первая вступительная лекція А. И. вызвала необычайный энтузіазмъ. Всѣ дружно ринулись къ каѳедрѣ, неистово апплодируя и крича, у большинства возбужденно блестѣли глаза, ярко горѣли щеки». «Не менѣе популяренъ, чѣмъ Чупровъ, былъ въ то время и М. М. Ковалевскій, читавшій о конституціонномъ устройствѣ западно-европейскихъ государствъ. Лекціи его полны были остроумія, доходившаго порою до ѣдкой сатиры, въ особенности, когда, неожиданно отвлекшись отъ своей темы, онъ дѣлалъ

экскурсію въ область современной русской дѣйствительности. Тутъ иногда невозможно было удержаться отъ смѣха... Научной эрудиціей Ковалевскій обладалъ колоссальною, цитатами такъ и сыпалъ, то и дѣло уснащая свою рѣчь разными мѣткими словечками, великолѣпными метафорами и необыкновенно удачными сравненіями. Всякій разъ, когда М. М. читалъ лекцію, актовый залъ былъ биткомъ набитъ народомъ, и, насколько мнѣ не измѣняетъ память, онъ ни разу не спускался съ каѳедры безъ дружныхъ аплодисментовъ всей аудиторіи».

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, Московскій университетъ и послѣ 1863 г. занималъ первое мѣсто въ ряду русскихъ университетовъ не только общимъ количествомъ учащихся и выдающимися представителями науки, но и тѣмъ духомъ смѣлаго и благороднаго протеста, который никогда не переставалъ раздаваться изъ профессорской и студенческой среды. Велики были жертвы и утраты, понесенныя московскимъ университетомъ въ борьбѣ за лучшее будущее, особенно въ послѣдніе двадцать лѣтъ. Цѣлый рядъ выдающихся профессоровъ долженъ былъ прекратить чтеніе лекцій, напримѣръ: Виноградовъ, Гамбаровъ, М. Ковалевскій, Милюковъ, Муромцевъ, Эрисманъ и др. Цѣлыя тысячи студентовъ, частью временно, частью навсегда, были удалены изъ университета, отправлены въ ссылку, отданы въ солдаты, разсажены по тюрьмамъ и т. д. Но московскій университетъ все-таки продолжалъ служить лучшимъ барометромъ русскаго общества и отмѣчать какъ свѣтлые моменты, такъ и мрачныя годины русской жизни. Послѣднія событія русской исторіи, вызвавшія небывалый подъемъ русскаго общественнаго мнѣнія, также не замедлили найти самый живой и сочувственный откликъ въ московскомъ университетѣ. Оттуда прежде всего раздалось наиболѣе сильное, смѣлое и опредѣленное осужденіе современнаго университетскаго режима и не менѣе сильное, смѣлое и опредѣленное требованіе «академической свободы», обезпеченной элементарными правами человѣка и гражданина. И представители русской науки не могли ничѣмъ лучшимъ почтить полуторавѣковой юбилей московскаго университета, какъ изложеніемъ «нуждъ просвѣщенія» въ извѣстной запискѣ, подписанной сотнями русскихъ ученыхъ, начиная съ ассистентовъ, лаборантовъ и доцентовъ и кончая членами академіи наукъ.

С. Ашевскій.

Конецъ.

СРЕДЬ ШУМНАГО БАЛА.

(Старымъ товарищамъ посвящаю).

I.

Лѣто на исходѣ. Топкія равнины приморской тундры притихли. Густыми стаями улетаютъ ватаги птицъ. Улетаютъ молча, безъ радостныхъ возгласовъ и хлопотливаго гама. И только прерывистый шорохъ острыхъ крыльевъ слабо шелеститъ въ свѣтлыхъ глубинахъ неба. И оттуда неслышно спускается безмолвіе смутной грусти.

Безпрерывное сіяніе солнца, безконечное, томительное, прекратилось. Кончился однообразный блескъ долгаго двухмѣсячнаго дня и вернулся воскресшій закатъ. А за нимъ на потухающіе своды пришли и робко улеглись давно исчезнувшія сумерки, блѣдныя, хилыя, какъ будто въ далекихъ странствованіяхъ по пустынямъ сѣвера онѣ растеряли и нѣжную тьму, и душистый мракъ полуденныхъ странъ...

И какъ только полярный день заболѣлъ, и на небѣ, какъ чахоточныя пятна, показались алые отблески фіолетовыхъ зорь,—съ полюса, изъ невѣдомыхъ областей вѣчной стужи потянуло жуткимъ холодкомъ. Океанъ, суровый стражъ этого забытаго края, разинулъ свой бѣлый зѣвъ и дунулъ леданымъ дыханіемъ на арктическое солнце. Затрепетали его испуганные лучи, съежился и потускнѣлъ золотой дискъ... И когда онъ скрылся, изъ дрожащей синевы горизонта вырвались и встали остроконечные, огненные столбы—первые вѣстники зимняго сполоха.

Природа насторожилась, заспѣшила: она жадно впиваетъ послѣднее тепло. Заторопились деревья и ягодные кусты,—и корявая лиственъ спѣшно укуталась зеленой сѣтью иголчатыхъ вѣтвей. На топкихъ поляхъ, на мшистыхъ угорьяхъ блестящими шариками замелькалъ искристый глазокъ черники. А отъ янтарной, кистеобразной морошки заструился смолистый ароматъ, тягучій и пряный. На кочковатыхъ бугоркахъ, конусообразныхъ и влажныхъ, застѣнчиво алѣетъ земляника; зардѣлся шиповникъ.

И на высокихъ каменныхъ утесахъ, которые, вонъ тамъ, за изгибомъ песчанаго мыса хмуро высматриваютъ въ щетинистой

оправѣ сибирскаго кедра, прячась въ шершавой поросли разноцвѣтнаго мха, сочная брусника горитъ темнокраснымъ коралломъ...

И у насъ пошли торопливыя хлопоты: время для работы было самое удобное. И какъ только короткіе дни трехнедѣльной осени растерянно забѣгали, колонія наша дѣятельно взялась за приготовленія къ девятимѣсячной зимѣ. Артельщики неустанно копошились вокругъ своихъ наскоро сколоченныхъ хибарокъ: предстояло приспособить это утлое жилье къ лютымъ холодамъ заарктическаго круга.

Кромѣ «фаланстеріи», большого сараеобразнаго дома, гдѣ помѣщались учрежденія общины: столовая, кладовая, библіотека, квартира артельнаго старосты и залъ собраній,—мы ютились въ маленькихъ пирамидальныхъ срубахъ. Юрты эти, настоящія норы троглодита, отапливались небольшимъ очагомъ изъ битой глины, и оттого тепло жилья быстро истощалось.

Стекла тутъ не было, и небольшія отверстія въ бревенчатыхъ стѣнахъ обтягивались промасленной бумагой. Ее часто пожирали, падкія до жира, ѣздовыя собаки, и тогда въ дырья обнаженныхъ оконцевъ сѣрыми толпами проникалъ комаръ гнилыхъ болотъ, окружающихъ поселокъ, и своимъ поистинѣ бѣшенымъ укусомъ отравлялъ наше существованіе. Чтобы его прогнать, приходилось посрединѣ юрты развести костеръ изъ конскаго помета, и мы слѣпли и задыхались въ зловонномъ дыму.

Зимою промасленная бумага замѣнялась толстой льдиной. Бѣлая глыба, при помощи веревокъ и шестовъ, плотно приставлялась къ оконной рамѣ снаружи. Ея пазы и края одновременно обсыпались снѣгомъ и заливались водой, и ледяное окно крѣпко примерзало къ дереву подоконника.

И было холодно, и приходилось нагрѣвать эти полутемныя хижины въ день четыре раза.

Съ ранняго утра и до ночи, безконечной и морозной, мы или наготовляли дрова, или топили. Цѣлые часы возились мы, озябшіе и неумѣлые, съ громадными, въ человѣческій обхватъ бревнами. И приходилось однимъ топоромъ, ибо пилъ у насъ не было, разрубать суковатое дерево на плахи, а плахи раскалывать на тонкія полѣнья. Отъ сильной стужи сжималось дерево топорища, а желѣзо ежеминутно спадало съ кривой ручки. И отъ этого работа плохо спорилась.

И мы изнемогали и проклинали и непріютную страну вѣчнаго мороза, и твердое, какъ камень, бревно, и свою безпомощность, и безсмысленные очаги.

Крѣпко и упорно думали головы наши, какъ облегчить этотъ нелѣпый трудъ, какъ избавиться отъ этой варварской обстановки. И явился среди насъ преобразователь.

Левъ Николаевичъ Кеплеръ, близорукій блондинъ, съ мягкой бородкой и продолговатыми глазами, занялся выдѣлкой кирпича и составилъ артель печниковъ.

Сутуловатый, съ крутымъ лбомъ, никогда не унывающій и стойкій, Кеплеръ, несмотря на природный недостатокъ (онъ слегка заикался), раньше былъ лекторомъ словесности. И теперь онъ, повидимому, рѣшилъ, что литература находится въ тѣсной связи съ кладкой печей.

Надъ профессоромъ, какъ и надъ всякимъ новаторомъ, вначалѣ зло подсмѣивались. Внезапно очутившись среди жалкихъ полукочевниковъ, придавленные суровыми условіями крайняго сѣвѣра,—колонисты безпомощно растерялись. Люди опасались вѣрить въ какое-либо улучшеніе: разочарованіе было бы слишкомъ тяжелымъ.

Но Льва Николаевича насмѣшки мало смущали и послѣ первыхъ неудачныхъ экспериментовъ у него дѣло наладилось.

Правда «галанки» и «камины» реформатора имѣли странный видъ. Они походили на каменные гробы, были неуклюжи и кривобоки, и, бывало, приходилось ломать совершенно готовую трубу: она отклонилась немного въ сторону отъ отверстія, которое заранѣе прорубили въ потолкѣ.

Ходили также слухи, что подручные мастера не совсѣмъ чистымъ путемъ добываютъ обручи для печныхъ сводовъ. И даже Абрамъ Максимычъ Лизогубъ, староста общины, человѣкъ весьма положительный и осторожный, не разъ жаловался, что съ тѣхъ поръ, какъ началась печная эра, рукой невѣдомаго злоумышленника попорчены ушаты и лоханки: съ нихъ таинственно исчезаютъ обручи.

И наши «обличители», ехиднѣйшій Анчаровъ и злоязычный, вѣчно сомнѣвающійся въ человѣческой добродѣтели, Ларинъ насмѣшливо укоряли Льва Николаевича, рѣдкаго пуриста, лукаво спрашивая:

— Говорятъ, вы пользуетесь... пускаете въ ходъ краденые обручи?

— Что вы можете сказать въ свое оправданіе? А-а? И это у васъ называется неуклонно слѣдовать принципамъ? Безъ всякаго компромисса? Н-да-а? Вотъ до чего доводитъ погоня за славой!..

Обличители, благочестиво вздыхая, сокрушенно покачивали головами!

На всѣ эти претензіи и укоры Кеплеръ отвѣчалъ, что онъ не гувернеръ своимъ подмастерьямъ. Это разъ. Потомъ кража у себя самихъ для себя же не воровство.

Отчитавъ такимъ образомъ старосту, Анчарова и Ларина, Левъ Николаевичь обращался къ хихикающей втихомолку публикѣ съ такимъ сентенціознымъ монологомъ:

— О толпа! Да не смущаетъ васъ форма...—«Мастеръ» намекалъ на аляповатый видъ своихъ печей. При этомъ онъ насмѣшливо глядѣлъ поверхъ бѣлыхъ огромныхъ очковъ.

— Вы-ы, неблагодарные! Обратите в-вниманье,—онъ начиналъ заикаться,—на суть! Д-да! Въ корень вещей смотрите!

— Те-те-теплѣе ли теперь въ юртахъ? К-ка-акъ?—Онъ дѣловито нагибалъ правое ухо, какъ бы намѣреваясь безпристрастно выслушать всякаго добросовѣстнаго противника.

Никто, однако, не возражалъ, и Кеплеръ продолжалъ свои вопросы, уже слегка задравъ голову.

— Сколько разъ въ день вы теперь топите? Замерзаютъ ли теперь у васъ чернила на столѣ, какъ во времена кка-ка-камельковаго періода? А-а-а?—Онъ вызывающе нагибалъ лѣвое ухо.

— Нѣ-этъ? Чего же вы, неразумные, хотите?

Каждый свой вопросъ Левъ Николаевичъ сопровождалъ торжественной, глубоко-обиженной паузой.

Толпа конфузливо безмолвствовала, обличители иронически отмалчивались,—изобрѣтатель былъ правъ: дѣйствительно, кирпичные ящики, поглощая мало дровъ, давали долгое и ровное тепло.

И съ топливомъ стало лучше. На топкихъ берегахъ Куандина уже толпился цѣлый караванъ плотовъ. Его недавно пригнали сверху, изъ глухихъ чащъ Баюканскаго бора, верстъ за четыреста отъ нашей колоніи. Тамъ, начиная съ первыхъ дней марта, когда февральскіе сорокавосьми-градусные морозы смѣнились тридцатидвухъ-градусными утренниками весны,—тамъ компанія дровосѣковъ во главѣ съ Рафаиломъ Галеви, лирическимъ поэтомъ и отъявленнымъ метафизикомъ (въ формулярѣ онъ значился: «человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій»), рубила лѣсъ, приготовляя намъ дрова на зиму.

Работа была не изъ легкихъ. Имъ, выходцамъ изъ теплаго юга, приходилось проводить трудовой день среди снѣговъ, стужи и лѣсного звѣря. Хлѣба у нихъ, какъ и у всѣхъ насъ, не было. Надъ мерзлой почвой суровой тундры не зрѣли и привѣтливо не колыхались нѣжные стебли спѣлаго колоса... Муку доставляли изъ-за тысячи верстъ, она цѣнилась на вѣсъ золота, и дровосѣки питались кониной и мерзлой рыбой, запивая свою незатѣйливую ѣду мутной жижей кирпичнаго чая, безъ сахару. И онъ былъ здѣсь неслыханной роскошью.

Нерѣдко укладываясь на ночь подъ тонкимъ ровдужнымъ *) пологомъ, они засыпали усталые и полуголодные, подъ аккомпаниментъ дикаго воя полярнаго волка. Цѣлыя недѣли трудились ра-

*) Ровдуга—замша, выдѣланная изъ оленьей кожи.

ботинки, не снимая съ себя мѣховыхъ мѣшковъ. И только огонь костра спасалъ ихъ отъ жестокаго холода.

Теперь, спустя четыре мѣсяца, невзгоды эти изгладились, и «лѣшіе»—такъ у насъ окрестили дровосѣковъ—дружно разбирали плоты, вытаскивая тяжелыя бревна изъ прибрежной тины Куандина.

Разборка тянулась съ недѣлю до тѣхъ поръ, пока извилистые берега не стали задергиваться прозрачной настилкой замерзающихъ водъ.

И взбухшая, зазубренная кайма, какъ оторочка изъ бѣлаго мѣха, плотно опоясала отвердѣлыя тропы топкаго берега.

II.

Сентябрь. На рѣкѣ показались одинокія тонкія льдины. Онѣ еще робки. Еще растерянно бродитъ эта слабая рать поздней осени и трусливы ея безпорядочные набѣги на высокіе гребни бурныхъ валовъ. Но проходитъ день, минула ночь, и по взволнованной равнинѣ гнѣвной зыби уже безстрашно разсыпались и задорно перебѣгаютъ цѣлыя пловучія дружины.

Вотъ онѣ столпились въ громадныя трескучія орды, остановились, словно обдумывая рѣшительный приступъ, и снова шумно понеслись бѣлыми ватагами съ гулкимъ, тягучимъ грохотомъ.

Еще онѣ не одолѣли непокорную рѣку. Между ихъ грозныхъ громадъ сдавленный рокотъ плѣнной волны еще ворчливо плещется; она рвется, задыхаясь, изъ ледяныхъ объятій. Тщетно. Съ каждымъ мгновеніемъ протестующій говоръ живыхъ струекъ становится глуше и прерывистѣй,—и ужъ скоро-скоро умолкнутъ и покорятся закованныя въ бѣлыя цѣпи бунтующія воды...

Куандинъ сталъ, и городокъ нашъ, жалкій полярный поселокъ, съ тремя десятками крохотныхъ строеній, ожилъ.

Лѣтомъ онъ пустовалъ, и туземцы и колонисты разъѣзжались: кто на неводьбу, кто въ улусы къ скотоводамъ, а Галкинъ Алексѣй Павловичъ, шумный, беззаботный и вѣчно веселый, разгуливалъ по отдаленнымъ заимкамъ.

Низенькаго роста и растрепанный, съ черными выпуклыми глазами, постоянно въ засаленной кухлянкѣ и облѣзломъ треухѣ, Галкинъ или Галка, онъ же Галочка, былъ рѣдкій товарищъ, и ради компаніи былъ готовъ, какъ онъ самъ выражался, и на черное злодѣяніе и на годовой кутежъ. Всѣ свои зеленые годы Галкинъ провелъ за газетной работой въ перемежку съ невольными скитаньями по глухимъ закоулкамъ отдаленнѣйшихъ окраинъ. И оттого ему, вѣчному скитальцу, трудно было приспособиться къ однообразному режиму нашего общежитія.

Тутъ за одинъ годъ Галкину пришлось перемѣнить съ десятокъ профессій. Алексѣй Павловичъ исполнялъ и роль прачки, и завѣдывалъ библіотекой. Былъ помощникомъ артельнаго интенданта и печникомъ у Кеплера. Былъ свѣчелеемъ, былъ сидѣлкой, и во всѣхъ этихъ должностяхъ проявилъ безтолковую неряшливость и прямо болѣзненную лѣнь.

И вотъ теперь, съ наступленіемъ зимы, когда публика съѣхалась, Галкинъ забросилъ свою юрту—ее, вѣдь, нужно было топить—и съ постелью въ рукахъ слонялся отъ товарища къ товарищу. Онъ искалъ «хорошаго воздуха». Такъ у него называлась подходящая компанія или соотвѣтствующая обстановка.

Между тѣмъ и послѣ печной реформы толки о дальнѣйшихъ преобразованіяхъ нашей общины не прекращались. Но въ данное время иниціатива шла отъ самого старосты. Дѣло въ томъ, что Лизогубу, обремененному безчисленными дѣлами артельнаго хозяйства, ему—нашему верховному избраннику—приходилось исполнять и обязанности стряпухи.

Абрамъ Максимычъ, добрѣйшая душа и смиреннѣйшій изъ людей (мы его звали «мамашей»), долго и безропотно тянулъ артельную лямку, но, наконецъ, не выдержалъ и открыто забунтовалъ.

Колонія сначала была поражена: до того всѣ свыклись съ безграничнымъ терпѣніемъ «мамаши». Потомъ рѣшили, что начальство просто куражится: извѣстно, власть портитъ человѣка, поломается и перестанетъ, и все пойдетъ попрежнему. Но забастовка продолжалась: въ Лизогубѣ, уроженцѣ Малороссіи, заговорило его племенное упорство, и онъ пересталъ стряпать.

— Годи!—заявилъ Абрамъ Максимычъ, волнуясь. Въ важныхъ случаяхъ онъ всегда объяснялся на родномъ нарѣчіи.

— Не можу!.. Всэ я... да я!.. Бодай васъ!...

И потухъ нашъ очагъ: не варили. И становилось круто. Вопросъ о стряпнѣ пріобрѣлъ остроту неотложности, и въ публикѣ поднялись возбужденные разговоры. И Ларинъ, по своему обыкновенію, предложилъ прогнать старосту, давъ ему предварительно нахлобучку, а общину упразднить. Надо освободить индивидуальность отъ всякихъ общественныхъ путъ: будетъ предоставлено каждому заботиться о самомъ себѣ. Такъ именно и должны поступать истинно свободные люди.

Съ этимъ, конечно, не согласились и постановили освободить старосту отъ поварскихъ обязанностей, а столовую поручить особому учрежденію изъ четырехъ лицъ.

И какъ-то вышло, что въ коллегію эту попали одни фармацевты.

По этому поводу Анчаровъ, иронизируя, увѣрялъ, что на-

родная воля, остановивъ на фармацевтахъ свой выборъ, инстинктивно руководилась такимъ соображеніемъ: люди, умѣющіе приготовлять лекарства больнымъ, съ неменьшимъ успѣхомъ прокормятъ здоровыхъ.

Для поднятія престижа правленія каждому изъ его членовъ присвоили громкій титулъ: «директоръ столовой».

Директорія раздѣлила мѣсяцъ на четыре смѣны. Каждому изъ нихъ приходилось стряпать понедѣльно. Въ помощь шефу ежедневно командировался дежурный. Этой повинности были подвергнуты всѣ члены артели, исключая старосты и завѣдующихъ отдѣльными частями общиннаго хозяйства.

И, чтобы укрѣпить новый порядокъ, кухню объявили на положеніи усиленной охраны: во время варки входъ туда былъ воспрещенъ. Въ случаяхъ нарушенія этихъ правилъ, дежурный имѣлъ полномочіе силой выдворять назойливыхъ посѣтителей. На нашемъ жаргонѣ эта чрезвычайная мѣра носила не совсѣмъ изящное названіе: «давать въ шею».

И почему-то на первое дежурство назначили Алексѣя Павловича. Тотъ, конечно, пытался увернуться. Онъ скрылся въ пустую юрту, но его выслѣдили, и подъ конвоемъ двухъ здоровенныхъ артельщиковъ водворили по мѣсту службы. При этомъ зло высмѣивали его неудачное дезертирство.

— Я литераторъ... журналистъ... семь чертей вамъ въ затылокъ!—огрызался Галкинъ.

— А меня опредѣляютъ къ горшку! Онъ негодовалъ вслухъ, взволнованно бѣгая по маленькой кухнѣ.

— Ты предоставь мнѣ настоящій воздухъ —и я тебѣ во какую повѣсть сооружу! Да-а! Галочка съ свирѣпой гордостью глядѣлъ на улыбающагося директора.

— А то... на-а! руби кобылятину, Алексѣй Павловичъ! Ну. пойми же ты, какой супъ можетъ выйти вотъ, изъ этихъ рукъ? Онъ, недоумѣвая, разводилъ руками.

И дѣйствительно, вышло что-то такое, чего въ ротъ нельзя было взять.

Дѣло въ томъ, что Лизогубъ, довольный, что избавился отъ черной работы кухарки, рѣшилъ на радостяхъ побаловать артель. Онъ гдѣ-то раздобылъ немного муки и предложилъ шефу приготовить, вмѣсто всѣмъ пріѣвшагося конскаго бульона, мучной супъ.

А Галкинъ по разсѣянности перепуталъ тарелки (Ларинъ укорительно утверждалъ, что нарочно: дескать, «вотъ вамъ неопровержимое доказательство моей неспособности») и вмѣсто муки въ котелъ попало фунта два соли...

На этомъ и закончилась поварская карьера Алексѣя Павловича: его отставили и назначили въ безсмѣнные водовозы.

III.

Послѣднія преобразованія особенно отразились на небольшой группѣ, извѣстной въ колоніи подъ именемъ «Ордена рыцарей Лукулла»,—все народъ здоровый, работящій, съ здоровыми аппетитами и объемистыми желудками. Исключая Галкина, человѣка весьма умѣреннаго въ пищѣ (онъ вошелъ въ орденъ исключительно изъ чувства товарищества), группа состояла изъ Александра Анчарова, поэта Ларина и Ивана Ѳедоровича Оглобли, великана необычайной силы.

Иванъ Ѳедоровичъ былъ казачимъ есауломъ и звали его у насъ «Новая Жизнь». Кличку эту есуалъ получилъ оттого, что, будучи, по его же словамъ, «весьма подверженъ спиртуознымъ выпивонамъ», онъ послѣ каждой выпивки собирался окончательно «наплюнуть на водчонку», давалъ зарокъ и, потрясая пудовыми кулаками, отчаянно клялся своему другу Галкину:—Алексѣй Палецъ! Галочка! вотъ увидишь... завтра же начинаю новую жизнь.

Но рокъ смѣялся надъ Оглоблей: всегда, какъ только онъ начиналъ новую жизнь, происходили такія событія, что непремѣнно нужно было выпить...

Обычный артельный паекъ для рыцарей былъ недостаточенъ. А въ поселкѣ, кромѣ дрянной водки, настоянной для крѣпости на махоркѣ, послѣ окончанія рыбнаго промысла невозможно было доставать ничего съѣстнаго. Оттого-то припасы, заранѣе пріобрѣтенные, поровну распредѣлялись между всѣми. И поэтому рыцари часто голодали.

Чтобы хоть изрѣдка насытиться, «орденъ» разъ въ мѣсяцъ устраивалъ «фиксы». Для этого «Лукуллы» авансомъ забирали свои завтраки дней на пять, на десять; собирались вмѣстѣ, топили каминъ и радостно разговлялись. При этомъ шли разнообразные, долгіе споры.

Самое почетное мѣсто въ орденѣ занималъ есаулъ, и на одномъ изъ фиксовъ съ нимъ произошелъ такой случай. Былъ вечеръ. Орденъ въ полномъ сборѣ усѣлся за трапезу. И говорили о символизмѣ. Иванъ Ѳедоровичъ, человѣкъ вообще не рѣчистый, на этотъ разъ сцѣпился съ Ларинымъ, умѣреннымъ приверженцемъ новой красоты. Оглобля былъ разбитъ по всей линіи. Ларинъ превосходный діалектикъ уже осыпалъ своего противника цѣлымъ потокомъ язвительныхъ насмѣшекъ, какъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ круто оборвалъ споръ: онъ совершенно неожиданно сталъ критиковать меню. Ужинъ состоялъ изъ хаяка *).

---

*) Замороженная смѣсь пахты (маслянки) и масла, заправленная кислымъ молокомъ. Въ фунтѣ смѣси $1/_{10}$ чистаго масла.

Этой диверсіей побѣжденный пытался отвлечь вниманіе слушателей отъ своего пораженія, избавиться отъ ироническихъ остротъ.

— Развѣ это ѣда? Чортъ знаетъ что!—Онъ сердито бросилъ согнутыми кулаками. Диверсія удалась, и обрадованный Оглобля торопливо продолжалъ:

— Чтобы человѣку насытиться вотъ... этимъ...—онъ презрительно метнулъ указательнымъ пальцемъ,—нужно спустить... ну?.. порцій съ двадцать... Это я понимаю.

— Хвастаешь, господинъ хорошій!—Галеви лукаво прищурился и, уморительно улыбаясь, процѣдилъ:—сим-во-листъ!

Оглобля вспѣтушился. Стали его задирать, и дѣло кончилось пари: за небольшой кусочекъ сахару Иванъ Ѳедоровичъ обязался съѣсть въ одинъ присѣстъ 15 порцій, около пяти фунтовъ хаяку.

Немедленно приступили къ дѣлу: есаулъ ѣлъ быстро и глаза его лукаво улыбались. Въ юртѣ было тихо, и скрипучее хрустѣнье челюстей рѣзко оттѣняло внимательное молчаніе.

Спустивъ девять порцій, Оглобля, замедляя темпъ ѣды, сталъ какъ-то неестественно покашливать; онъ энергично, обѣими ладонями теръ животъ. На двѣнадцатой онъ сдѣлалъ большую передышку.

— Массажистъ!—ехидно уронилъ Ларинъ.

— Хаякъ, видишь ли... онъ... какъ будто.. знаешь... сегодня онъ горьковатый... Въ горлѣ что-то першитъ... Можно мнѣ, конечно, немного чаю...—Иванъ Ѳедоровичъ спрашивалъ съ невинностью дитяти.

— Іезуитъ! Ишь наивничаетъ. Х-ха-а!

— Отчего же? Развѣ вамъ не все равно?—Онъ продолжалъ «разыгривать младенца».

— Слушайте, господа, онъ же можетъ заболѣть отъ этого?.. Галкинъ сердобольно заволновался.

— Ни чорта ему не будетъ!

— А то пусть откажется.

— Н-н-а-а!—Есаулъ энергично соорудилъ фигуру изъ трехъ пальцевъ, оскорбленно оттопырилъ губы и опять принялся жевать.

При тринадцатой Оглобля уже умоляюще спрашивалъ:

— Можетъ быть, одну каплю?.. Только глотку смочить... Задерживается тамъ...

Опять раздались опасенія, какъ бы ему въ самомъ дѣлѣ не повредила эта мальчишеская затѣя. И уже ото всѣхъ посыпались совѣты бросить, плюнуть..

Былъ моментъ, когда на налитомъ кровью лицѣ Ивана Ѳедоровича побѣжали нерѣшительныя струйки. Онъ, видно, заколебался. Но это было только мгновеніе. Есаулъ упрямо бросилъ сжатыми кулаками, распоясался и разстегнулъ все, что можно было разстегнуть.

Теперь онъ ѣлъ уже стоя, еле передвигая челюстями.

— Пятнадцатая! — ликующе воскликнулъ обрадованный Галкинъ, и въ юртѣ шумно заговорили. А Оглобля кинулся къ остывшему чайнику, припалъ къ нему и большими глотками жадно тянулъ изъ мѣднаго носка.

А «Лукуллы» окружили есаула и съ почтительнымъ любопытствомъ щупали его надувшійся животъ. И Анчаровъ, бардъ и бытописатель ордена, предложилъ наградить Ивана Ѳедоровича титуломъ «почетнаго объѣдалы», выдать ему на это грамоту и въ ней золотыми буквами описать подвигъ геніальнаго желудка. И, чтобы такія дѣянія были другимъ въ назиданіе, просить почетнаго объѣдалу на людяхъ никогда не застегивать поддевки.

Предложеніе это встрѣтили съ шумнымъ весельемъ и долгимъ хохотомъ, а потомъ, когда смѣхъ прекратился, всѣмъ стало не по себѣ, и люди тихо разбрелись.

Оставшись одинъ, Оглобля долго расхаживалъ по узкой юртѣ. Ему было скверно, и щеки горѣли отъ остраго стыда и сосало подъ ложечкой. Онъ напился и потащился, пьяный, на деревянную колокольню старенькой церкви. Это былъ его любимый уголокъ...

Было темно и на черныхъ сводахъ неба угрюмо лежали лохматыя облака. И подъ низкіе своды ветхой башенки заметался и заплакалъ стонущій перезвонъ. Онъ тяжело уплывалъ въ глухую тишину. И казалось, что въ дребезжащихъ ударахъ стараго колокола кричитъ живая тоска, рыдаетъ загубленная доля заброшеннаго человѣка. А нѣмая ночь молча ловила и безотвѣтно поглощала одинокія мѣдныя рыданья...

IV.

Черный предъобѣденный часъ... «Лукуллы» уныными парами расхаживаютъ по мрачной столовой фаланстеріи. Кромѣ нихъ въ обширной, сараеобразной комнатѣ пестрыми группами усѣлись и другіе артельщики. Кое-гдѣ вспыхнетъ отрывистый споръ, но быстро угасаетъ: голодъ, какъ когти разъяреннаго звѣря, царапаетъ пустые желудки. Одинъ только поэтъ не умолкаетъ. Галеви, отчаянный спорщикъ, всегда ищетъ съ кѣмъ бы сцѣпиться. Какъ натура поэтическая и человѣкъ, стало быть, настроенія, Рафаилъ считаетъ себя въ правѣ, по крайней мѣрѣ, раза два въ недѣлю мѣнять свое міровоззрѣніе.

Такъ, если въ понедѣльникъ онъ упорно защищалъ правовѣрный марксизмъ, то въ среду отъ него можно было услышать самую восторженную апологію крайнему индивидуализму. По воскресеньямъ, когда насъ кормили фунтовыми пирогами изъ

жирной кобылятины, Галеви бывалъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи, зато въ пятницу, какъ сегодня, онъ проявлялъ самый мрачный пессимизмъ.

Случалось, что порядокъ настроеній мѣнялся. И тогда поэтъ говорилъ, что онъ безусловно свободная индивидуальность, и его духъ, какъ часть великаго абсолюта, не подчиненъ никакимъ законамъ природы.

Рафаилъ медленно расхаживаетъ между длинными столами: онъ ищетъ родственную душу, человѣка, кто бы его выслушалъ, понялъ.

Профессоръ, постоянный оппонентъ Галеви, теперь не склоненъ къ разговорамъ.

Левъ Николаевичъ только что пришелъ изъ школы, недавно открытой имъ и Оглоблей. Тамъ Кеплеръ битыхъ три часа пытался ознакомить своихъ полудикихъ учениковъ (контигентъ школы исключительно состоялъ изъ взрослыхъ туземцевъ) съ начальными буквами азбуки. Теперь профессоръ тщательно обдумываетъ набросанную имъ вчернѣ схему чукотской грамматики, а въ мозгу, рядомъ съ блѣдными контурами новаго алфавита, по невѣдомымъ законамъ причинности, уже зародилась идея новаго изобрѣтенія, приготовленіе уксуса изъ брусничной ягоды: община очень нуждалась въ кислотахъ.

Галеви томительно ждетъ, когда его пріятель очнется отъ крылатыхъ грезъ, но тотъ весь ушелъ въ творчество, и Рафаилъ присталъ къ Галкину. Этотъ, какъ всеобщій другъ, всегда готовъ выслушать товарища.

Поэтъ приперъ Алексѣя Павловича къ печкѣ и, описывая растопыренными пальцами какія-то странные полукруги, вѣско и раздѣльно баситъ:

— Оп-ти-мизмъ—чистѣй-шая че-пу-ха! Разумѣешь?

— Одно я разумѣю,—захлебываясь, какъ бы проглатывая воздухъ, спѣшно бросаетъ Галкинъ,—мнѣ бы водчоночку да закусончикъ...—Онъ сладострастно закатываетъ зрачки.—И больше ничего, и меньше ни копейки...

Чтобы выразить поэту свое особое къ нему расположеніе, Алексѣй Павловичъ сгибаетъ шею и, томно поматывая спутанной бородой, головой пытается ткнуть его въ животъ. У Галкина это знакъ наивысшаго благоволенія.

— Sir! Это не изящно.—Галеви брезгливо отстраняетъ нечесанную голову.—Ты слушай!

— Ну-у-у?

— Ну-ну! Нанукался... Ты пойми меня...

— Я тебя пойму...

— Да стой... не перебивай... Не станешь же ты утверждать

что земля, эта ничтожнѣйшая изъ ничтожнѣйшихъ величинъ космоса... что она первенецъ мірозданія?

— Это ты, собственно, въ какихъ смыслахъ?

Въ глазахъ у Галкина вялое недоумѣніе.

— Видишь ли... на другихъ небесныхъ тѣлахъ, которыя появились на милліарды лѣтъ раньше... Какъ бы сказать...

— Д-да-а-а!

— Да не поддакивай, а вникни!

— Валяй, валяй я вникну...

— Такъ вотъ... нелѣпо думать, что сознательная жизнь имѣется только на этой жалкой песчинкѣ. Она обязательно есть и на другихъ мірахъ... Ты слушаешь?

— А то какъ же! Валяй дальше.

Рафаилъ торжественно отчеканиваетъ:

— А разъ такъ, разъ тѣ міры созданы раньше, то и структура ихъ богаче и сложнѣе, нежели строеніе земли...—Галеви дѣлаетъ небольшую паузу и медленно водитъ указательнымъ пальцемъ по широкому лбу: что-то серьезно обдумываетъ. Потомъ быстро сгибаетъ палецъ и со страстностью заправскаго агитатора властно бросаетъ:—значитъ, обитающіе на тѣхъ мірахъ человѣки... ку-уды-ы-ы! въ милліоны разъ выше насъ и физикой, и психикой... Да-а!..

Усталое лицо Галкина передернуломъ бѣглымъ смѣшкомъ. Онъ обрубленно прыснулъ, но спохватился и, чтобы скрыть неделикатность, суетливо залепеталъ:

— Ну... конечно... А то какъ же... извѣстно...

— Погоди-и!—Поэтъ возбужденно зашагалъ.—Вліяніе черезъ пространство, передача воли одного другому на разстояніи, вѣдь, доказано?

Галеви остановился и таинственно прищурился.

— Такъ что?—Алексѣй Павловичъ изумленно уставился.

— А то, что мы въ абсолютной кабалѣ у жителей, ну, хоть Сиріуса... въ полномъ рабствѣ. Они вліяютъ на насъ... управляютъ нами... нивеллируютъ всю нашу жизнь... Мы воистину пѣшки въ ихъ рукахъ. Мало. Они кормятся нами. Не мясомъ нашимъ. Нѣ-этъ! О! эти господа избалованы... такой дряни кушать не станутъ... Они питаются нашей жизненной силой, нервнымъ магнитизмомъ, исходящимъ отъ меня, вотъ отъ тебя...

— Ну-у-у! Сморозилъ, философъ!..

— Да я не кончилъ...

— Будетъ. Надоѣлъ... Отстань отъ мене, сатано, потому жрать хочу.

И Галкинъ разражается заливнымъ, разсыпчатымъ хохотомъ, и смѣется вся его растрепанная фигура.

Поэтъ съ презрительной жалостью смотритъ на своего собесѣдника и, когда тотъ, наконецъ, угомонился, брезгливо роняетъ:

— Сказано: не мечите бисера.. Предъ нимъ открываешь сокровеннѣйшія тайны вселенной, а онъ, скотъ, о жратвѣ... и еще смѣется...

— А ты, черная меланхолія, не ругайся. А то отправимъ туда, на Сиріусъ, по этапу!.. Ххххаа-ха-хххa-а! Тамъ тебѣ, братъ, перепадетъ... за распространеніе ложныхъ слуховъ...

И вновь залился перекатистымъ смѣхомъ и, раскачиваясь, направился въ кухню. За нимъ, въ сопровожденіи другихъ рыцарей, поплелся и Галеви.

* * *

У «вратъ эдема»—такъ «Лукуллы» называли кухонную дверь—сегодня дежуритъ членъ ордена, благодушнѣйшій Оглобля. Рыцари и разсчитываютъ.

Иванъ Өедоровичъ теперь немного хмуръ. Онъ только что освѣжилъ цѣлую конскую тушу, нарубилъ пуда два котлетъ: сегодня около 40 обѣдающихъ.

Оглобля сидитъ на порогѣ и куритъ. Эта грязная работа не то, чтобы утомила его. Что она для него значитъ? Но онъ нравственно усталъ: опротивѣла ему эта, въ сущности, женская возня. Она такъ не гармонируетъ со всей его мощью. И на что приходится мѣнять всю силу... великую силу... Развѣ къ этому онъ готовился?.. Объ этомъ ли мечталось?..

Тихо клубятся и извилисто таютъ спутанныя струйки махорочнаго дыма, и въ памяти есаула отрывочно мелькаютъ картины свѣтлаго прошлаго.

Плевна... Тамъ онъ дрался безусымъ юнкеромъ. Кризисъ міровоззрѣнія... Деревня... родной просторъ.

— Иванъ Өедоровичъ!

Оглобля очнулся. У дверей стоялъ весь орденъ, и двѣ робкія фигуры отдѣлились отъ группы и пытаются прошмыгнуть за запретный порогъ... Это Галеви и Галкинъ.

Дежурный насторожился. Онъ сразу поднялся и всѣмъ своимъ громаднымъ корпусомъ загородилъ дверное отверстіе. Взглядъ его серьезенъ: онъ на посту. Но изъ-подъ рыжихъ бровей предательски крадется его блаженная улыбка, теперь подернутая задумчивой грустью.

Галкинъ выступаетъ впередъ. Онъ болѣзненно улыбается, а скорбные глаза мечтательно устремлены на кухонный столъ. На немъ вызывающе лежатъ цѣлыя груды костей. Ароматный паръ пищи нагло лѣзетъ прямо въ ноздри, задорно щекочетъ подъ

мокрымъ языкомъ... И у «вратъ эдема» завязывается такой діалогъ:

— Иваня! Ско-о-роо о-бѣ-эдъ?

Алексѣй Павловичъ блѣденъ. Глаза у него выпучены и горятъ голоднымъ блескомъ... И дрожитъ его голосъ, обрывается.

Начиная съ утра голодные артельщики освѣдомляются объ обѣдѣ вотъ ужъ сотый разъ, и это томительно-надоѣдливое повтореніе начинаетъ раздражать Ивана Ѳедоровича, и онъ, не глядя на Алексѣя Павловича, недовольно бросаетъ:

— Проваливай, проваливай, подзаборная душа! Нечего тутъ... прохлаждаться...

Дежурный становится въ позу.

— Что ты, что ты, Новая Жизнь? вѣдь другъ ты мнѣ...

Галочка кокетливо, глазами влюбленной институтки, смотритъ на есаула.

Поэту моментъ кажется благопріятнымъ, и онъ бочкомъ пытается шмыгнуть въ «эдемъ». Рафаилъ увѣренъ, что товарищъ по ордену не выдастъ своихъ...

Но обманчива надежда людская: казакъ вѣренъ долгу.

Иванъ Ѳедоровичъ внезапно дѣлаетъ «налѣво кругомъ», быстро сгибаетъ громадное колѣно, моментально «поддаетъ» и подбрасываетъ поэта. Минутное замѣшательство, и ужъ видно, какъ подброшенный грузно летитъ и, падая, сбиваетъ съ ногъ оторопѣлаго Галкина. И надъ порогомъ кухни рѣзко мелькнула и растерянно заболтала пара торбасовъ *). Черезъ секунду кудрявая голова поэта замоталась между задранными вверхъ ногами Алексѣя Павловича. Начинается долгое нудное препирательство. Галкинъ горько сѣтуетъ на упадокъ людскихъ нравовъ, на тлѣнность дружбы человѣка.

— Эхъ ты-ы! А приходишься мнѣ другомъ! Величина ты стоеросовая! Долженъ ты подкормить отощалыхъ товарищей, а онъ, животина, колѣномъ!..

И Рафаилъ въ сильной обидѣ. Жестикулируя, тряся головой, онъ нервно и торопливо говоритъ, что *такъ* поступать съ голодными больше... да-да! больше, чѣмъ свинство!. Я понимаю шутки... Но, фасонъ ты эдакій! Такъ же можно шею своротить!.. Ты-ы-ы!..

Иванъ Ѳедоровичъ очень смущенъ. Онъ робко оправдывается.

— Не разсчиталъ силу... силу удара...

Чтобы какъ-нибудь загладить вину, Оглоблія туманно намекаетъ, что и теперь, когда онъ, можно сказать, на посту, и те-

---

*) Торбаса—полярная зимняя обувь изъ оленьяго мѣха.

*

перь ему не чужды товарищескія чувства. Онъ дипломатично отходитъ отъ порога...

На блѣдныхъ лицахъ оскорбленныхъ рыцарей широкими пятнами поплыла улыбка примиренія. Обиды прощены. Компанія уже за порогомъ и на цыпочкахъ—она сознаетъ свое нелегальное положеніе, подбирается къ грудѣ объѣдковъ.

Давясь обгладываютъ рыцари огромныя кости. А спина Ивана Өедоровича политично не оборачивается: глазъ дежурнаго не долженъ видѣть беззаконія.

V.

Начало октября. Колонія въ большой тревогѣ: ждутъ не дождутся почты. Обыкновенно она приходила три раза въ годъ: въ декабрѣ, въ апрѣлѣ и въ августѣ. Но случалось, что изъ-за бездорожья почта опаздывала на цѣлые мѣсяцы, и тогда многіе нервничали и, какъ призраки ожиданья, хмуро бродили они, гнѣвные и молчаливые, и наводили на всѣхъ злобное уныніе.

Такъ было и теперь.

Ужъ не разъ подгорные якуты, люди по нашему вполнѣ освѣдомленные, авторитетно сообщали: завтра почта непремѣнно прибудетъ. Прошло, однако, нѣсколько дней, и слухи совершенно оборвались, умолкли. И завѣса неизвѣстности, густая и сѣрая, снова опускалась передъ ними, и люди еще больше нервничали. И когда колонія уже совершенно отчаялась, тревожно предполагая, что съ почтой приключилась бѣда, быть можетъ, утонула (примѣры такіе бывали здѣсь), разъ предъ закатомъ двухчасового дня по пустынной уличкѣ проскакало нѣсколько верховыхъ... На лошадяхъ болтались туго набитые вьюки...

Публика, какъ застигла ее эта вѣсть, такъ и кинулась за караваномъ: кто во что былъ одѣтъ. Оглобля поверхъ бѣлья успѣлъ только накинутъ обтрепанную доху. Онъ прыгалъ саженными шагами, какъ гигантскій медвѣдь. За нимъ кинулся Анчаровъ, нашъ присяжный политикъ. Этому не хватило времени даже обуться и, разхрястанный, безъ шапки, бѣжалъ онъ въ однихъ мѣховыхъ чулкахъ. Чулки спадали, подворачиваясь подъ подошвы, и Анчаровъ нетерпѣливо останавливался, бросая по сторонамъ тревожные взгляды, нервно подымалъ неустойчивыя голяшки, бѣжалъ дальше, вновь останавливался, изнемогалъ и задыхался отъ злобной досады. Лизогубъ и Кеплеръ старались идти степенно, медленно, какъ подобаетъ солиднымъ людямъ, но эта неторопливая ходьба незамѣтно для нихъ же самыхъ часто прерывалась неровнымъ растеряннымъ бѣгомъ.

По всей улицѣ мелькали растрепанныя фигуры бѣгущихъ ар-

тельщиковъ. И даже великій лѣнивецъ-Галкинъ (онъ никогда ни отъ кого ничего не получалъ) и тотъ поддался за почтой. И, вопреки своему обыкновенію, бѣжалъ крупной, размашистой рысью.

Большая изба почтоваго отдѣленія. Всѣ городскіе члены артели налицо. На столахъ лежатъ груды пакетовъ, мѣшковъ, вьюковъ. Сѣрая кожа почтовыхъ сумъ смотритъ задорно, съ обаяніемъ тайны. Мучительно хочется проникнуть за жесткую оболочку... сейчасъ же сломать сургучныя печати, красныя, наглыя... Долгое, тяжелое ожиданіе. Исправникъ-начальникъ почтоваго отдѣленія спитъ, а безъ него нельзя приступить къ сортировкѣ писемъ. Время угрюмо тянется. Негодующее возбужденіе, черное и злое, вспыхнуло и клокочетъ. Вотъ-вотъ оно прорвется...

Появляется исправникъ. Люди злобно накидываются на него... бурнымъ потокомъ полились упреки, укоры.. Они быстро изсякли: пришибленная улыбка жалкаго пропойцы совершенно обезоруживаетъ гнѣвныхъ людей.

Приступаютъ къ раздачѣ. Острые, какъ гвозди, глаза ожидающихъ впились въ трясущіяся руки сортировщика, а тотъ торопливо и нервно—настроеніе колонистовъ заразило и его,—дрожащими пальцами рветъ толстые пакеты. И надъ его согнутой головой нависли, подвижной рамой, блѣдныя бородатыя лица. Десятокъ рукъ порывисто протянулись. Застыли. Минута затаеннаго, настороженнаго безмолвія. И только шершавый трескъ разрываемой бумаги скрипуче шелеститъ...

И вотъ руки задрожали, заходили. Замелькали бѣлые исписанные листочки... Возбужденно заговорили. Громкое, спутанное чтеніе, сбивчивыя, отрывистыя восклицанья: колонисты порывисто дѣлятся впечатлѣніями, свѣдѣніями и шумно, небольшими кучками расходятся по юртамъ. Но подъёмъ не долгъ: настроеніе начинаетъ спадать: то, что принесла почта, не оправдало напряженнаго ожиданія.

А есаулъ шелъ отдѣльно: понуро плелась его высокая фигура. Ему не было писемъ. Оглобля кое-какъ дотащился домой и улегся на оронѣ. Онъ стиснулъ руками голову, какъ бы желая раздавить въ ней всякую мысль, остановить работу мозга; онъ тупо смотритъ на пламя камина...

Дрова горѣли, глина обвалилась, и деревянный остовъ камина занялся и вспыхнулъ. По юртѣ пошелъ острый запахъ гари. Вотъ уже занялся потолокъ, красные языки пожарища уже дерзко лизали балки стропилъ, а Оглобля не трогается съ мѣста: развѣ не все равно... Въ душѣ сгустилась мутная холодная пустота; въ сознаніи отчаяніе безнадежности: пусть все сгоритъ, пропадаетъ пропадомъ.

И только, когда мечеобразное пламя запрыгало по стѣнамъ, а

сѣрый дымъ сталъ залѣзать подъ опущенныя вѣки, Иванъ Ѳедоровичъ очнулся. Онъ потушилъ пожаръ и побрелъ въ фаланстерію. Тамъ притихшіе и разочарованные, сидѣли артельщики, и только Анчаровъ и Галеви съ кипой газетъ въ рукахъ, суетливо перебѣгали отъ группы къ группѣ: они шумно коментируютъ «самыя послѣднія событія». Тѣ, далеко-далеко отъ нашихъ ледяныхъ логовищъ, тамъ на широкой аренѣ вольнаго міра, произошли давнымъ-давно за сотни дней...

Въ сѣняхъ поднялась возбужденная возня и широко распахнулись двери: принесли добавочную почту. Въ публикѣ понятная сенсація, всѣ зашевелились, и Абрамъ Максимычъ со сдержаннымъ волненіемъ приступаетъ къ разборкѣ. Общинники тѣснымъ кольцомъ окружили старосту и все замерло. Вниманіе колонистовъ сосредоточено на рукахъ мамаши. Лица у артельщиковъ вытянуты, и они молчаливо водятъ ими въ тактъ движеніямъ Лизогуба. Когда его пальцы исчезаютъ въ кожанной торбѣ, головы зрителей порывисто нагибаются. Руки вынырнули изъ таинственныхъ глубинъ мѣшка, вытащили сумочку, головы подымаются. Сумочка бережно кладется на подставъ, тотъ нѣжно поддерживается Галкинымъ—головы потянулись впередъ. Мѣшочекъ торжественно распарывается, и уже не однѣ головы, но и туловища заколыхались. Давка и укоризненный шопотъ...

— Крупчатка!—тихо объявляетъ Лизогубъ. Онъ таинственно двинулъ затылкомъ.

— Круп-чат-ка-а!—шопотомъ передаетъ Галкинъ, и изъ его черныхъ глазъ льется сіяніе.

— Крупчатка-а-а! сдержаннымъ гуломъ хоромъ откликаются артельщики.

— Сахарръ! уже громко, не совладѣвъ съ собой выкриваетъ «мамаша».

— Са-ха-аррръ!—бурно гудитъ публика.

— Господа-а! У Лизогуба перехватило въ горлѣ...

— Что-о?.. Что-о? Что такое-е?..—радостной тревогой запрыгали вопросы.

— Да во-отъ! смотрите! Восторгъ заливаетъ ему гортань.

— «Воскресенье»! Подождите!.. слушайте!.. Толстой!.. Новый романъ... написалъ... Левъ Николаевичъ написалъ «Воскресенье»... Вы это понимаете?.. вотъ... вотъ... вотъ..—перебивая «мамашу» поетъ «поэтъ». Онъ крѣпко прижимаетъ къ бьющемуся сердцу драгоцѣнный даръ.

— Ну-у-у! разражается послѣ длительной паузы Ларинъ.

— Д-да-а! сочувственно отзывается Кеплеръ. И они поняли другъ друга и, растерянные отъ счастья переглядываются съ нами.

И всѣ замолчали,—умы подавлены: слишкомъ много впечатлѣній за одинъ разъ.

И въ душѣ закопошилось смутное неясное чувство: мы не позабыты. Еще о насъ, на родинѣ далекой, заботится рука внимательнаго друга...

Рафаилъ безпокойно заерзалъ и нервно передернулъ плечами Ему не терпится. Хочется, жгуче хочется сейчасъ же прочесть, одному прочесть новое произведеніе любимаго писателя. «Поэтъ» незамѣтно крадется къ выходу, и во взволнованной груди дробно бьется сердце, стучитъ въ вискахъ...

Рафаилъ ужъ у порога. Тихо-тихо, сдерживая дыханіе, приподымаетъ онъ дверную скобу... одинъ только мигъ, — и онъ у себя въ юртѣ... онъ упьется дивными строфами великаго мастера...

Подлый, предательскій скрипъ: дверь тягуче завизжала... Влажный холодокъ поднялся, подкатилъ къ притихшему сердцу и жуткими струйками побѣжалъ по озябшимъ ногамъ, до самыхъ пальцевъ.

Галеви безсознательно обернулся, растерянный, блѣдный...

— Куда вы-ы? Что съ тобой? Люди всполошились.

— Господа-а! Гдѣ «Воскресенье»? Да онъ, поэтесса эта самая, онъ, разбойникъ, книгу утащилъ!..

— А-а-а-а-а! вотъ оно что!.. Красть!.. воровать!

— Держи-и-и! Лови-и-и!

Галеви опомнился: онъ опрометью кинулся за дверь. Произошло минутное замѣшательство, и поднялась суматоха. Пестрые крики, спутанный гамъ; за убѣгающимъ шумно кинулась вся ватага. Бѣглеца скоро настигли, отняли уже помятую книгу и, держа его, барахтающагося, за руки и за ноги, съ шутками и смѣхомъ втащили въ кухню. Тамъ усѣлись на полу и тутъ же снарядили судъ.

Дежурный пробовалъ было протестовать: въ кухню входъ вѣдь воспрещенъ, но Ларинъ на него такъ посмотрѣлъ, что тотъ понялъ всю великую нелѣпость своего протеста. Дежурному заявили: «Сегодня законы отмѣнены. Да-а! Такова воля народа!— Въ такой важный моментъ, когда люди держатъ въ своихъ рукахъ новое твореніе генія... теперь отстаивать какія-то кухонныя права... надо быть... ну-у? Городовымъ надо быть!.. Да! Кому сегодня нужно это безсмысленное учрежденіе? Кто нынче ѣсть станетъ?»

Дежурный стушевался, и судъ приступилъ къ разбирательству. И послѣ пятиминутнаго совѣщанія постановили: «За покушеніе... за эгоистическое намѣреніе одному, прежде всѣхъ, прочесть «Воскресеніе»... и, принимая во вниманіе, что цѣнность духовныхъ наслажденій неизмѣримо выше матеріальнаго удоволь

ствія, Рафаилъ Аароновъ Галеви, поэтъ и метафизикъ, какъ человѣкъ вполнѣ понимающій всю тяжесть сего преступнаго дѣянія, единогласно приговаривается: прочесть вслухъ треть книги. Если онъ охрипнетъ, отъ дальнѣйшаго наказанія освободить. Приговоръ немедленно привести въ исполненіе».

Приступили къ чтенію. Люди улеглись на разостланныхъ шкурахъ звѣрей, спинами вверхъ. Головы упирались на согнутыя руки,—и строфа за строфой плавно лилась вдохновенная повѣсть человѣческаго возрожденія. Время тихо уплывало, чтецы смѣнялись чтецами, и это длилось восемь часовъ. И въ тотъ день не ѣли и не топили печей.

Черезъ недѣлю, когда увлеченіе «Воскресеніемъ» немного улеглось, въ артели обнаружились явные признаки остраго броженія. Община громко роптала противъ Лизогуба: тотъ нарушилъ стародавнія традиціи. Отъ полученныхъ подарковъ староста не отдѣлилъ обычной доли на угощеніе; онъ все припряталъ къ предстоящему балу (колонія давала два бала въ году: на Рождество и на Пасху). А люди стосковались по сахару,—и недовольство росло.

Разумѣется, больше другихъ мутили «Лукуллы». Орденъ надѣялся воспользоваться движеніемъ, устроить coup d'état и добиться амнистіи своимъ авансамъ.

Въ доисторическія времена, такъ называлась эпоха до реформаціи столовой, рыцарямъ такія авантюры удавались.

И вотъ, однажды вечеромъ орденъ зловѣщей гурьбой ввалился въ большую прихожую фаланстеріи.

Рыцари затопили печь и, тѣсно прижавшись другъ къ дружкѣ, усѣлись у чернаго устья.

Трескучимъ рокотомъ зашипѣли тонкія полѣнья. Горятъ, разгораются. И пламя, гнѣвно потряхивая красными космами огненной гривы, поетъ-запѣваетъ мощный гимнъ теплу и свѣту. И подъ бурный напѣвъ горящихъ дровъ начался у людей заговорщицкій шопотъ.

Инсургенты долго и таинственно шушукались и постановили во что бы то ни стало добыть сахаръ... Возникло, однако, затрудненіе: драгоцѣнный продуктъ хранился въ ларцѣ подъ замкомъ, а на взломъ заговорщики не рѣшались.

И когда казалось, что весь замыселъ долженъ рухнуть, Галкинъ замѣтилъ, скромно и вскользъ, что его рука свободно проходитъ въ скважину между крышкой и стѣнками ларца. Осмотрѣли его руку и поручили ему приступить къ выполненію заговора.

Было рѣшено сначала обезпечить себя «съ тыла». И для этого Рафаилу, какъ члену общиннаго правленія, дается порученіе

отвлечь вниманіе старосты. Въ помощь поэту, въ качествѣ мужа совѣта, командируется Анчаровъ, весьма искушенный въ дипломатическихъ ухищреніяхъ.

Черезъ полчаса, когда Алексѣй Павловичъ орудовалъ въ кладовой, въ каморкѣ у Абрама Максимыча оживленно говорили о новой упряжи. Въ разгарѣ совѣщанія Рафаилъ вдругъ громко прыснулъ, ему живо представилось, какъ Галочка обрабатываетъ ларецъ... «Мамаша» сдѣлала большіе глаза. Анчаровъ состроилъ невиннѣйшую рожу и, съ притворнымъ удивленіемъ смотря на своего соучастника, злобно цѣдилъ: «предатель»...

Поэтъ опомнился. Большимъ усиліемъ воли онъ подавилъ смѣхъ и, незамѣтно подбираясь къ дверямъ, вновь заговорилъ объ упряжи. Заговорилъ и Анчаровъ. Лизогубъ насторожился. Чутье сторожившаго пса подсказало ему, что во ввѣренномъ его попеченію хозяйствѣ что-то не ладно. Онъ медленно зашагалъ по каморкѣ, притворно вслушиваясь въ слова своихъ совѣтчиковъ и вдругъ метнулся къ выходу.

— Стой! Ни шагу! ты арестованъ!—Поэтъ уже смотрѣлъ мрачнѣе сѣверной пурги.

Завязалась отчаянная борьба. Старостѣ все же удалось вырваться. Онъ вбѣжалъ въ столовую и оторопѣлъ отъ негодующаго изумленія: за столами сидѣли артельщики и весело попивали чай. Они демонстративно грызли сахаръ.

Лизогубъ плаксиво выругался, почесалъ за ухомъ, потоптался на мѣстѣ, вздохнулъ, снова почесалъ за ухомъ и конфузливо забормоталъ: Ишь бисові дити! бенкетуютъ? и я-жъ... и мени... хоть шматочекъ дайте!

— Браво-о-о!—И мародеры радостно загудѣли: просьба «начальства» узаконила хищеніе. И Абрама Максимыча торжественно, подъ руки, усадили на почетное мѣсто. И Галкинъ, съ покорностью смирившагося бунтовщика, почтительно преподнесъ «мамашѣ» большую тарелку крѣпкаго чаю.

Народъ веселился, и Ларинъ пѣлъ. А профессоръ, обнимая его за талію, прихлебывалъ изъ маленькой сковороды (на всѣхъ стакановъ не хватило) и въ тактъ подплясывалъ ногами.

VI.

Холодно. Топкія болота крайняго сѣвера отвердѣли, какъ желѣзо, сжались и укутались снѣгами. А сверху, надъ ними лависли суровые темные своды. Исчезли утро и вечеръ, скрылись зори, и надъ неоглядной пустыней замерзшей тундры разостлалась тысячечасовая арктическая ночь, въ свѣтломъ ореолѣ полярныхъ сіяній...

Сполохъ искрился, разсыпался фосфорическими полосами и пылающими тропами избороздилъ всю небесную высь. Между

звѣздъ вспыхивали и трепетали радужные лучи, таинственные и неопредѣленные, какъ предчувствіе. Они перекинулись на землю и странными узорами забѣгали на снѣжныхъ сугробахъ. Въ воздухѣ, застывшемъ отъ цѣпкихъ объятій стужи, носится свѣтящаяся пыль. И кажется, что снѣга зажглись и слились съ горящими небесами и въ этомъ огненномъ водоворотѣ кружатся и пляшутъ въ мистическомъ танцѣ бѣлые духи полярнаго мороза.

Глубокая зима. По замерзшей рѣкѣ уже непрестанно шныряютъ оленьи и собачьи нарты: кочевники съ приморскихъ стойбищъ съѣзжаются для мѣнового торга.

И къ намъ въ общину, прибыли гости, «понизовая вольница». Въ поселкѣ нашемъ пищи для всѣхъ было недостаточно, и небольшая кучка товарищей перекочевала къ устью Куандина,—на «низъ», оттого группу и прозвали «понизовой вольницей».

Обыкновенно «низовики» пріѣзжали къ рождественскому балу, но въ этомъ году, изъ-за плохого улова, у нихъ быстро истощились припасы и имъ пришлось ускорить свой пріѣздъ. Правда недалеко отъ «вольницы» были чукотскія кочевья, и у тѣхъ можно было вдоволь достать оленье мясо. Но богатые оленеводы обмѣнивали свои продукты главнымъ образомъ на водку. И передъ товарищами, обитающими на «низу» предсталъ тяжелый вопросъ: въ правѣ ли они предлагать дикарямъ этотъ вредный продуктъ?

Дилемма была очень серьезна, и вольница не захотѣла сама рѣшать вопросъ: она рѣшила посовѣтоваться со всей общиной.

Пріѣзжіе взбудоражили скучающую публику. Со дня полученія почты прошло уже больше мѣсяца. И среди мертвыхъ болотъ наше существованіе однообразно тянулось, тянулось безъ перемѣнъ, безъ солнца, безъ дня... Тупая апатія, какъ сѣрыя нити паутины, густо опутала колонистовъ, и артельщики застыли въ угрюмой скукѣ.

И вотъ теперь люди ожили. Пошли долгіе, горячіе споры. И рѣшили для всесторонняго изученія вопроса сдать его въ коммиссію, а для окончательнаго обсужденія, въ виду чрезвычайной важности, созвать «великую раду».

Залъ фаланстеріи освѣщенъ. Посрединѣ возвышается небольшая эстрада изъ пустыхъ флягъ, задрапированныхъ мѣхами. Это мѣсто для президіума. Рядомъ стоитъ опрокинутымъ большой кухонный ушатъ, прикрытый оленьей шкурой. Это трибуна для докладчика коммиссіи и ораторовъ.

Напротивъ амфитеатромъ мѣста для народа.

Вся колонія въ сборѣ, и по обыкновенію рада размѣстилась по партіямъ.

Направо отъ президіума расположились приверженцы компромиссовъ, «реалисты».

Ихъ лозунгъ—жизнь есть рядъ компромиссовъ между дѣйствительностью и идеаломъ.

На лѣвой усѣлась оппозиція—«пуристы»,—ярые противники малѣйшихъ отступленій отъ принциповъ.

Центръ занимала «обструкція» или «дикіе»—небольшая группа, не признающая никакихъ общественныхъ установленій.

Члены этой партіи не принимали участія въ дебатахъ по существу, а иногда вставляли въ рѣчи ораторовъ язвительныя реплики и ироническія примѣчанія «для развитія самосознанія и выясненія истины»: такъ они опредѣляли свою роль.

Атмосфера собранія насыщена нервнымъ электричествомъ предстоятъ горячія схватки, и вожаки-то возбужденно перешептываются съ товарищами, то мелкими мягкими шагами озабоченно расхаживаютъ. Готовятся.

На скамьяхъ обструкціи тихо. Тактика центра всегда неизмѣнна, и Ларинъ—лидеръ группы,—спокойно умѣстился на плоскомъ обрубкѣ пористой коряги, а у ногъ его робко лежитъ Разбойникъ—лохматый передовикъ артельной своры. У собаки на кожанномъ ошейникѣ болтается надтреснутый колокольчикъ упряжки.

Когда въ публикѣ волненіе и предсѣдатель приглашаетъ ее къ порядку, Ларинъ даетъ пинокъ Разбойнику. Тотъ, глухо ворча, трясетъ головой, и по залу разносится громкій, растерянный звонъ. Это обструкція помогаетъ президіуму успокоить публику.

— Объявляю засѣданіе открытымъ!

Предсѣдатель почтенный старецъ, долго жившій въ Англіи и поэтому прозванный Лордомъ, важно расправляетъ свои сѣдые бакены.

Начинается обсужденіе. Сначала разсматривается предложеніе Абрама Максимыча о помощи голодающимъ якутамъ. Дебаты идутъ вяло: ораторы приберегаютъ энергію къ «гвоздю» собранія.

При преніяхъ выясняется, что артель не въ силахъ создать прочной помощи: для этого не хватаетъ около 200 р. Начинается скучное препирательство. И, къ удивленію всѣхъ, Галеви, непремѣнный застрѣльщикъ всѣхъ дебатовъ, теперь скорбно молчитъ.

И когда окончательно выяснилось, что необходимыхъ денегъ достать негдѣ, Рафаилъ конфузливо положилъ на предсѣдательскій столъ свой дорогой хронометръ.

— Вотъ...—онъ застѣнчиво покраснѣлъ,—продать можно... Зачѣмъ онъ мнѣ?—Онъ рѣзко обернулся къ публикѣ.—Зачѣмъ намъ тутъ знать время? Вотъ теперь... Когда круглая ночь... Я вчера ходилъ въ полицію узнавать, какое число было... Скоро мѣсяцы позабудешь...

Поэтъ тихо усѣлся.

Изъ обструкціи ему язвительно послали: «филантропъ», и Ларинъ, прищурившись, загадочно прошипѣлъ:—Х-мъ, глупость заразительна,—вся наша группа отказывается отъ завтраковъ... Я говорю серьезно!—Онъ сердито вскинулъ глазами на предсѣдателя.—Экономія отъ этого пусть идетъ имъ... голодающимъ...

По залу пронесся одобрительный шопотъ. И Оглобля съ профессоромъ, путаясь и перебивая другъ друга, отрывисто заявили, что они сокращаютъ свой паекъ наполовину въ теченіе мѣсяца и совершенно отказываются отъ чаю.

Раздались аплодисменты. Предсѣдатель призвалъ къ порядку, и Ларинъ пнулъ Разбойника. Песъ завылъ, замоталъ лохматой мордой, и его колокольчикъ тревожно заметался и рѣзко закричалъ.

Когда волненіе улеглось, Лордъ торжественно осмотрѣлъ собраніе и важно произнесъ:

— Теперь Александръ Иванычъ прочтетъ намъ докладную записку о способахъ...—старикъ слегка запнулся,—о способахъ... пріобрѣтенія пищевыхъ продуктовъ...

— То-есть, какъ на основаніи морали опаивать чукотскаго мужичка,—ехидно вставили изъ обструкціи.

Настало неловкое молчаніе.

Докладчикъ, Анчаровъ, долго теребитъ свою жесткую клинообразную бородку, бѣгло окидываетъ своими надменными глазами скамьи рады, долго откашливается и все перебираетъ листки доклада. Наконецъ, онъ приступаетъ къ чтенію. Онъ читаетъ небрежно, съ выраженіемъ снисходительнаго презрѣнія.

«Коммиссія пришла къ заключенію... мы находимся въ экономической зависимости отъ чукочъ... Не мы, а они, сытые, пользуются нашей нуждой, нуждой голодныхъ... Безъ водки съ ними невозможно... Товарищей, живущихъ на низу ждетъ голодъ... Если же низовики переселятся сюда, лучше не станетъ: и у насъ пищи въ обрѣзъ... Не нами водка заведена... другого исхода нѣтъ, поэтому коммиссія полагала бы»...

Анчаровъ бросаетъ неспокойные взгляды на центръ: съ нимъ у него старые счеты, и въ чтеніи прокрадывается сдержанная тревога.

Но обструкція сосредоточенно молчитъ, и голосъ докладчика окрѣпъ и чтеніе вновь становится небрежнымъ: дескать, надо же понимать... доказывай вотъ, что кислый огурецъ не похожъ на спѣлую грушу... Нелѣпо же!..

Глухой ропотъ пробѣжалъ по собранію: на скамьяхъ «пуристовъ» прорвался протестующій гулъ. Кеплеръ—глава оппозиціи—проситъ слова. У него слегка вздрагиваетъ нижняя челюсть... Въ залѣ жутко: вотъ-вотъ что-то прорвется, рухнетъ.

Левъ Николаевичъ съ напускной дѣловитостью разбираетъ докладъ; онъ, слегка заикаясь, сурово доканчиваетъ:

—

— Тту-уть...—онъ сдѣлалъ широкій жестъ рукой,—мы въ ненормальныхъ условіяхъ, и именно тту-уть нужно быть непреклоннымъ. Я и говорю: одна уступка по-по-повлечетъ другую... Обязательно.—Профессоръ рѣзко мотнулъ головой.

— И мы покатимся, какъ по лѣстницѣ... И тогда мы одичаемъ. Потеряемъ образъ человѣческій... А оттуда, изъ-за пятнадцати тысячъ верстъ,—онъ порывисто вытянулъ руку и потрясъ распростертой ладонью,—оттуда за нами слѣдятъ... Тамъ за нами зоркій глазъ: и друга, и врага... Послѣдовательность принципамъ нужно доказать тогда именно, когда предстоитъ опасность... На дѣлѣ доказать!.. а то на словахъ...—Кеплеръ презрительно повелъ плечами и властно отчеканилъ:

— Пусть будетъ, что будетъ, но ни малѣйшаго компромисса!..

Левъ Николаевичъ обвелъ всѣхъ горящими глазами и шумно усѣлся.

Водворилось подавленное молчаніе тяжелаго раздумья. И даже со скамей дикихъ не раздавалось ни одного насмѣшливаго возгласа. Долгая, скорбная тишина. А потомъ сразу, перебивая другъ друга, заговорило нѣсколько человѣкъ.

— Такъ нельзя! Это не исходъ!

— Ерунда! Говорить легко... Витать тамъ, гдѣ-то въ облакахъ... Надо трезво смотрѣть на вещи... прямо смотрѣть жизни въ глаза...

Люди возбужденно забѣгали, жестикулировали, возмущались.

— А что же водка?.. Кабакъ завести? Стоило для этого попасть сюда! Нечего сказать—договорились.

— Оставьте тамъ! Прямо глупости... Кабакъ! водка-а! Не злоупотребляйте же словами..: Это не шутка: людямъ придется съ голоду подыхать!—Анчаровъ негодующе перебѣгалъ отъ одного къ другому.

— Кому это нужно? Ну скажите, Левъ Николаевичъ?—Александръ Ивановичъ ярился.

— А-а? Это же утопія! То-есть... и гдѣ разумъ у человѣка?

— Ненужныя, безсмысленныя жертвы! И во имя чего? Зачѣмъ?..

— На взглядъ б-бу-буржуя всякая гибель гглу-упости...—И профессоръ рѣзко повернулся спиной.

Анчаровъ поблѣднѣлъ, у него затряслись руки и онъ гнѣвно заговорилъ о некультурности, о неуваженіи къ чужимъ взглядамъ...

— Довольно-о!—Галеви, злой и возмущенный, прервалъ его.

— Я требую отвергнуть безъ баллотировки неразумное... Нѣ-этъ! Позорное!.. Да-а! Позорное рѣшеніе коммиссіи...

Въ собраніи поднялся пестрый шумъ: грозило ссорой. Кое-какъ Лорду, Оглоблѣ и Лизогубу удалось успокоить расходившіяся страсти.

Дебаты длились безконечно долго. Измученные, съ растрепанными нервами, люди разошлись ни съ чѣмъ: не рѣшились вынести опредѣленной резолюціи.

VII.

Предъ-рождественскіе дни. Колонія хлопотливо готовится къ балу. Въ столовой идутъ важныя совѣщанія, и кухня завалена разнообразными припасами,—и поэтому ея охрана усилена. Она объявлена въ «осадномъ положеніи». И стоитъ непрерывный гулкій стукъ: рубятъ, пекутъ, варятъ.

И въ большой оглоблинской юртѣ тоже кипитъ дѣятельная сутолока. Тамъ импровизированная труппа подъ управленіемъ поэта и Галкина старательно репетируетъ сцены изъ Шиллеровскихъ разбойниковъ.

А за два дня до праздника съ Рафаиломъ случилось несчастье: онъ едва не погибъ.

Галеви вмѣстѣ съ Алексѣемъ Павловичемъ, артельнымъ водовозомъ, поѣхали на рѣку по воду. Было темно и нарта попала въ прорубь. Собаки отчаянно визжали, и Рафаилъ кинулся спасать животныхъ и очутился въ полыни: погибающіе псы ухватились за рукавъ его мѣховой куртки. Галкину съ неимовѣрными усиліями удалось вытащить утопающаго Рафаила. Галеви изрядно отморозилъ и руки, и ноги и теперь отлеживался, а Алексѣй Павловичъ ухаживалъ за нимъ, какъ мать за больнымъ ребенкомъ.

На многихъ изъ колоніи случай съ «поэтомъ» подѣйствовалъ очень плохо. Ихъ охватило жуткое предчувстіе и они смутно тревожились.

И изъ-за болѣзни режиссера балъ отложили на цѣлую недѣлю.

Канунъ Новаго года. Пустынные закоулки полярнаго городка застыли отъ лютой стужи. Жалкія хижины испуганно съежились и бѣлыми льдинами оконъ, какъ слѣпой съ открытыми зрачками, оцѣпенѣло глядятъ на блѣдную ночь арктической зимы.

Надъ дремлющими трубами жилищъ космы лохматаго дыма не изгибаются съ трескучимъ гудѣньемъ, не играетъ разсыпчатыми брызгами, круглыми и искристыми, прыгающее пламя.

Вездѣ морозное безмолвіе, и только надъ плоской крышей артельнаго дома огнебурые клубы колышутся густыми, спутанными валами.

Въ фаланстеріи, прибранной и освѣщенной, на большомъ обѣденномъ столѣ, запыхавшись, ворчливо отдувается и добродушно мурлычетъ добрый пріятель артели—трехведерный самоваръ. И вкругъ стараго ворчуна, у его мѣдныхъ подножекъ довѣрчиво пріютилась застѣнчивая семейка чашекъ, стакановъ, тарелокъ.

Небольшіе холмики сахару привѣтливо бѣлѣютъ искристыми квадратиками, а сѣрыя толстобрюхія бутылки лукаво прищурились, ухмыляются и задорно подмигиваютъ старымъ пріятелямъ...

Спектакль прошелъ блестяще. Режиссера восторженные зрители засыпали бумажными цвѣтами. И поэтъ сіялъ, радовался, какъ дитя, и говорилъ, что жизнь хороша, хороша всегда, вездѣ...

Началось вокальное отдѣленіе вечера. Теперь на низкихъ подмосткахъ маленькой сцены стоялъ Ларинъ, лучшій пѣвецъ колоніи. Онъ кокетливо поигралъ черными глазами, смущенно откашлялся и тихо запѣлъ. И полились звуки чистые, какъ первые лучи восходящаго солнца.

«О но-очь волше-ебная!
Полная-а нѣ-ги-и!»

Мелодія нѣжно плыла, мягко стлалась, тосковала по теплу, по ласкѣ...

«Бу-удишь ты гре-езы!..
О счастьи мину-у-увшемъ!»

Сердечные гибкіе звуки зарокотали, заплакали...

«Гдѣ ты жела-ан-на-я-а?
Гдѣ-ѣ? Отзови-ися-а!
При-и-и-ди-и!..»

Тоскующія слова взлетѣли подъ потолокъ, растерянно опустились и, какъ испуганные голуби, бились о толстыя льдины оконъ... жаловались, страстно звали.

Острая боль ущемила грудь Рафаила. Онъ угрюмо усѣлся у камина и подъ жалобы пѣсни, подъ ея страстный призывъ, во взбудораженной памяти закружились далекія воспоминанія. . .

. . . .

Ночь. Страстная ночь Крыма. Вечеринка. Буйныя головы, гордыя, не гнущіяся спины юношей, дѣвушекъ. Горячіе, смѣлые споры. Экзаменъ всему міру... Все и вся призвано къ отвѣту... И его, Рафаила, властное слово... Ушли вмѣстѣ на утесъ къ морю. Усѣлись. Свѣтъ мѣсяца... сѣрые жгуты песка... задорный, какъ молодость плескъ: волны набѣгаютъ... Она къ нему застѣнчиво прижалась... Будутъ работать вмѣстѣ... рука объ руку... Гдѣ она теперь?.. Разметала ихъ жизнь...

Рафаилъ Галеви мрачно поникъ головой.

— Чего ты, поэтесса?—Левъ Николаевичъ неслышно подкрался. Онъ любовно смотритъ на тоскующаго друга.

— Чего разрюмился? Плачешь будто?

— А ты знаешь, что значитъ, когда мужчина плачетъ?

У Рафаила глаза гнѣвно вспыхнули.

— Зз-знаю ,Значитъ—бба-ба.—Кеплеръ утвердительно мотнулъ головой.

— Чушь городишь!

— Нѣ-этъ, не чушь!—Профессоръ гордо выпрямился.

— Человѣкъ, когда знаетъ, что ему нужно, хныкать не станетъ.

— Его прижали, а онъ упрется. Дд-да-а! и ничего съ нимъ не подѣлаютъ, потому... главнаго отнять не могутъ... Во-отъ мысль мою!—Кеплеръ вызывающе постучалъ по лбу вытянутыми пальцами.

— Дду-умать я всегда буду по своему... Потому...

— Эй, поэзія тамъ! Наука! Бро-ось! Нашли время! Философія... Эстетика.., Что такое? Пи-ить! Теперь пить надо!

Есаулъ, блаженный, сіяющій съ бутылкой въ рукахъ тормошилъ пріятелей.

— Пе-э-эй! тоска-а пройде-о-отъ!—Онъ весело оборвалъ.

— Выпьемъ, чтобъ того... Ну-у? Вотъ такъ! Это я понимаю. Еще!.. Еще... Молодчаги! Ххо-ххо! Наука. Поэзія!? Обними меня, братцы!

— Я всѣхъ люблю! Время пить и время... какъ тамъ сказано?..

— Что? много выпилъ?

— Да, завтра окончательно бросаю, баста!

— Новая жизнь?—Анчаровъ лукаво засмѣялся.

— Обязательно! Клянусь волей! Вотъ Алексѣй знаетъ...

Алеша, ты мнѣ вѣришь?.. Изъ стр-р-р-раны, стрра-ны далекой!

— Эй тамъ! музыка! Шевелись! Но-о! Живо-о-о!

«Музыка»—двѣ скрипки и гитара забористо заиграли бравурный маршъ, и Оглобля, схвативъ въ своихъ саженныхъ объятіяхъ тонкій станъ «поэта», понесся, какъ паровозный вагонъ.

Во второй парѣ шелъ «Мамаша» съ Анчаровымъ, а за ними Алексѣй Павловичъ съ «профессоромъ». Галочка былъ за «даму» и «для полной иллюзіи»» повязалъ голову платкомъ. Онъ томно склонилъ свою спутанную шевелюру на острое плечо «кавалера», нѣжно къ нему прижимался, тщательно выдѣлывая неуклюжіе па.

Директоръ Лашковъ, благообразный и толстый, плылъ съ лоханкой, «лордъ» кружился съ чайникомъ, кто отплясывалъ съ ухватомъ, кто съ кочергой, а остальные во всю «откалывали» трепака, залихватски подпѣвая музыкантамъ.

Тѣ «старались». Они безпрерывно играли и, увлеченные бурнымъ топотомъ, не переставая играть, сами пустились въ удалой плясъ.

— Музы-кан-ты-ы! Грай! Струментъ побью.

Иванъ Ѳедоровичъ шумно подбадривалъ публику.

Танцы мѣнялись. За вальсомъ слѣдовала какая-то нелѣпѣйшая кадриль, потомъ краковякъ. Забурлила пылкая лезгинка, а за ней меланхолично полились грустные звуки румынскаго «джога»...

Ужинали поздно. Ѣда была обильная, «вольная»—безъ порцій. Былъ хлѣбъ. Его подавали маленькими ломтиками, какъ дорогой

дессертъ. Пили много и перепились. Потомъ пѣли хоромъ: «Проведемте друзья», «Gaudeamus», «Дубинушку» и «Гимнъ невольниковъ».

И опять поднялась и пошла лихая пляска. Десятки рукъ плотно сплелись, и съ пѣніемъ и гиканьемъ закружился хороводъ.

Безшабашная трескучая дробь прыгающихъ ногъ, шумный всплескъ ладошъ слился въ оглушительный, хаотическій топотъ.

«Ба-а-рыня! бары-ня-я! Сударыня... барыня-а!..

Галкинъ, Рафаилъ и Оглобля прорвали кругъ и, очутившись посрединѣ, бѣшено понеслись, то задорно вскидывая ногами выше головы, то низко присѣдая и круто отбивая тактъ мѣховыми подошвами. Безумное веселье обуяло толпу, и танецъ росъ и ширился, и разгульная пляска бѣсновалась и слышалось: «дробъ-дроба, дробъ-дроба, гоххъ-гоххъ, гоххъ-гоххъ...»

Рафаилъ усталъ. Отъ скверной водки его тошнило, жгло, ныли ноги, и онъ безсильно прислонился къ дверному косяку.

Хмѣльный поэтъ тупо смотритъ помутнѣвшими глазами. Предъ нимъ вихремъ носится изогнутое кольцо хоровода, мелькаютъ растрепанныя фигуры, и у него кружится голова, туманится сознаніе..

Острый, угловатый комъ подкатилъ къ замирающему сердцу, неуклюже поползъ и застрялъ въ сдавленномъ горлѣ... На изгибахъ шеи легла липкая тяжесть, въ ушахъ шумно переливается кровь и мучительно щемитъ въ груди. Ему хочется кричать, плакать, громко плакать на весь домъ, чтобы всѣмъ слышно было.

А хороводъ дико прыгаетъ. Никому, ни одному изъ нихъ нѣтъ дѣла до его смертельной тоски... онъ одинокъ... они пляшутъ... и протяжнымъ ревомъ грубо несется:

«А ста-ару-ухѣ двад-цать лѣ-этъ!
Молоду-у-у-ухѣ го-оду-у нѣ-этъ!»

. . . .

Рафаилъ, блѣдный, стоитъ на подмосткахъ сцены.

— Слушайте-э! Вы-ы! Я-я!—Широкимъ жестомъ простерлась и застыла его тонкая рука.—Слушай-те-э э!

Отчаянный крикъ рѣзко ворвался и властно покрылъ пеструю гамму танца. Пляска прервалась. Люди безпорядочной ватагой шумно столпились у эстрады.

— Пшшъ!.. Стой!.. Ти-и-ше-э! Онъ хочетъ читать стихи, собственные стихи...

Галкинъ суетливо завозился. Онъ, качаясь, взобрался на подмостки, накинулъ на «поэта» оленью шкуру и съ пьяными ужимками всунулъ въ простертую руку гитару.

— Валяй!

Галеви закрылъ глаза, дрожащими пальцами свободной руки тихо провелъ по спущеннымъ вѣкамъ и взволнованно началъ:

«Снова я вспомнилъ про лиру забытую:
Грустно мнѣ. Ноетъ душа и болитъ.
Жизнь одинокую, юность разбитую»...

Онъ неловко оборвалъ.

— Нѣтъ... Забылъ это.. Я другое.

Онъ гнѣвно тряхнулъ черными локонами, метнулъ глазами и снова началъ:

«Тамъ! На родинѣ далекой,
Море смѣлое шумитъ!
Валъ кипучій, валъ широкій!..»

Поэтъ рѣзко умолкъ, порывисто скинулъ шкуру, отшвырнулъ гитару. Онъ нервно рвалъ воротъ рубахи.

— Не могу... Не желаю... больше...

— Да ну-у-у!.. пожалуйста... вотъ еще, право...

— Будетъ ломаться! Валяй дальше!..

— Эхъ, чтобъ его. Подзадоритъ—и на попятный...

— Брррa-во-о-о! Брррa-во-о-о!

— Отстаньте-э!—Рафаилъ грубо выругался. Толпа опѣшила.— Чего пляшете? Вы-ы?.. Живые мертвецы!..

— Ну вотъ... Поне-ссъ... Завелъ органчикъ... Переста-ань!..

Люди настороженно всполошились.

— Нѣ-этъ! Не перестану!—Глаза его зловѣще зажглись.— Насъ жизнь отшвырнула... вотъ сюда... Въ ледяной гробъ заколотила!.. Мы не выйдемъ отсюда.. Больше не увидимъ дня!.. надъ нами всегда будетъ эта проклятая... вѣчная ночь!..

Онъ захлебывался. Его била мелкая дрожь, и онъ ужъ выкрикивалъ прерывистыми истерическими возгласами:

— Тутъ съ ума сойдешь!.. Я свѣта хочу!.. Гдѣ солнце?.. Мое солнце?..

— Ну будетъ!.. Ну довольно! Ради Бога... Успокойся...

Его тревожно окружили, пытались свести съ эстрады.

— Голубчикъ! Ми-илый! Не разстраивай!..—Съ хмельныхъ лицъ соскочилъ пьяный угаръ,—колонисты отрезвѣли; у многихъ заскребло въ горлѣ.

— Аа-а-а! Испуга-ались!—Поэтъ гнѣвно отбивался.—Пи-иръ! Танцы!.. Хха!—Деревянный злобный смѣшокъ покатился съ подмостковъ.—Не нужно! Ничего не нужно! Вѣру... Жалость... Состраданье... Къ дьяволу все это!..—Онъ всплеснулъ въ отчаяньи руками, обхватилъ ими голову и зарыдалъ громко, зло...—Я ненавижу! Пусть все провалится... Пусть разрушится... Погибнетъ...

Слова проклятія прыгали, какъ маленькія черныя ядра, и содроганье охватило испуганныхъ людей и они оцѣпенѣло слушали..

— Все отдалъ бы... науку... мысль человѣческую... поэзію и красоту... Великіе идеалы... счастье... Все за месть! Чтобы эта подлая земля... чтобы весь міръ содрогнулся... Не нужно! Не нужно!

— Вре-ошь! врешь ты-ы! Самъ... негодяй!—Есаулъ гнѣвно трясся.—Любо-овь! Она всѣмъ нужна!..—У Ивана Ѳедоровича заклокотало въ горлѣ, и по глубокимъ шрамамъ шершавыхъ щекъ забѣгали вздувшіяся струйки круглыхъ слезъ.—Ты не смѣешь такъ!.. Я тебя... убью-у-у!—Онъ яростно ринулся къ сценѣ.

Дюжина рукъ обхватила расвирѣпѣвшаго Оглоблю. Его удерживали, успокаивали, упрашивали.

— Лю-бо-овь! Ххха-хха-хха! Кому? За-чѣмъ? Что она намъ дала?—У Рафаила передернулось лицо. Онъ на мгновенье остановился, потомъ спрыгнулъ съ эстрады и, подбѣжавъ къ есаулу, неистово закричалъ:

— Глупецъ! Любовь насъ загнала сюда!.. Живыми въ могилу!.. Кончено!.. Гдѣ наша смѣлая юность?.. Ты мнѣ скажи... Гдѣ?..

Тупой стукъ густо бахнулъ и перекатисто оборвался: Рафаилъ тяжело упалъ. Онъ ничкомъ забился о грязныя доски пола.

Кеплеръ и Ларинъ, оба блѣдные и разстроенные, бережно подняли бьющееся въ судорогахъ тѣло и вынесли его на морозный воздухъ. . . . .

На полуночномъ небѣ широкими, дрожащими лентами переливался малиновый сполохъ. Иногда онъ сгущался, становился ярко-краснымъ, какъ кровь. И тогда въ зенитѣ вспыхивало багровое зарево, пылалъ горизонтъ и клубились огненныя облака. И чудилось, что тамъ въ надзвѣздныхъ краяхъ, за далекими гранями земли идетъ великая битва. Титаны міра возмутились и подняли открытый бунтъ. Они грозно машутъ красными знаменами возстанія.

Вотъ-вотъ они разрушатъ космосъ, взворвутъ небеса и опрокинутъ пылающіе своды на окоченѣлыя страны мрака и холода...

Поэтъ очнулся. Онъ поднялъ покрытое замерзшими слезами лицо, растерянно осмотрѣлся и снова зарыдалъ. Галеви плакалъ безпомощно, жалобно, и изъ сведенныхъ конвульсіями губъ хрипло вырывалось:

— Въ Христа... толпа плевала... онъ остался Богомъ, а тебя бьютъ и ты теряешь образъ... образъ человѣческій теряешь!..

Поэтъ заметался, онъ порывисто обнялъ Льва Николаевича. Профессоръ стиснулъ зубы, сжалъ кулаки и погрозилъ ими вверхъ въ морозное пространство.

И оттуда, съ пылающаго неба на нихъ сыпался странный свѣтъ загадочнаго сіянія.

Н. М. Осиповичъ.

ВЪ ИТАЛІИ.

Очерки.

(*Окончаніе* *).

Римъ.

Памятники, старинные римскіе мавзолеи, сложенные изъ кирпичныхъ плитокъ и облицованные сѣрымъ камнемъ. Они встали у дороги двойнымъ рядомъ, какъ безконечная улица, а настоящая улица современнаго города ушла въ безконечную даль. Даже на мостовой, сквозь современный итальянскій щебень, мѣстами пробиваются широкія античныя плиты. Онѣ лежатъ здѣсь уже больше двухъ тысячъ лѣтъ и сто поколѣній римскихъ ословъ не могли окончательно истоптать ихъ своими крѣпкими копытами.

Это Аппіева дорога. Она протянулась, какъ длинная прямая черта туда, гдѣ на горизонтѣ синѣютъ туманные силуэты Альбанскихъ горъ, и еще на самомъ склонѣ неба видно, какъ ея свѣтлая полоска всползаетъ вверхъ по крутому горному скату. Мы въ царствѣ древнихъ римлянъ, и ни одного живого итальянца не видно на этихъ священныхъ камняхъ, и маленькія зеленыя ящерицы, проворно перебѣгающія среди расщелинъ, кажутся такими же странными и безсмертными, уцѣлѣвшими отъ сѣдой старины.

Римскіе памятники бѣлѣютъ мраморными барельефами и пестрѣютъ полустертыми надписями. Читать ихъ трудно, но я не могу смотрѣть на нихъ безъ волненія, ибо рука, высѣкавшая ихъ, принадлежала къ другой эпохѣ и надпись, сдѣланная ею, протягивается ко мнѣ изъ глубины вѣковъ, какъ символъ нашего общаго братства.

Аппіева дорога начинается гробницей Цециліи Метеллы. Средніе вѣка снабдили ея вершину кирпичными зубцами и превратили ее въ сторожевую башню, но строгая красота ея уцѣлѣла подъ этой варварской передѣлкой и она стоитъ, какъ старый сторожъ, на рубежѣ аллеи памятниковъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май 1905 г.

Римляне имѣли обычаи погребенія болѣе благородные, чѣмъ наши. Они не закапывали человѣческую падаль въ холодную землю, чтобы она истлѣвала тамъ въ темнотѣ и сырости въ обществѣ червей и скользкихъ мокрицъ, но сожигали ее легкимъ и жаркимъ огнемъ, а пепелъ ссыпали въ урну и ставили въ мраморную нишу на перекресткѣ дорогъ.

„Wenn die Flamme blüht, wenn die Funke sprüht
Fliegen wir den alten Göttern zu!"

И въ то время, какъ наши кладбища являются источникомъ заразы, которую нужно удалять подальше за городъ, римляне могли украшать своими гробницами самыя людныя дороги, ибо они умѣли устранить изъ смерти медленное обезображивающее ее разложеніе.

Рядомъ съ Аппіевой дорогой тянутся два огромные акведука. Они построены еще республикой за двѣсти лѣтъ до Рождества Христова, но одинъ изъ нихъ еще до сихъ поръ снабжаетъ водой римскіе бассейны и фонтаны. Другой полуразрушенъ, но эти огромныя развалины внушаютъ еще больше уваженія своими грузными циклопическими размѣрами. Какая стихійная сила воздвигла эти тысячи колоннъ и втащила на ихъ высоту такіе огромные широко-отесанные камни? Они сложены гигантской трубой на протяженіи двадцати миль и на высотѣ сорока футовъ надъ землей, и какъ-то не вѣрится, что такая работа была выполнена человѣческими руками, безъ сложныхъ механическихъ приспособленій, которыми мы располагаемъ для собственныхъ построекъ. Человѣчество безмѣрно могуче и воля его можетъ преодолѣвать косность матеріи какъ бы однимъ своимъ напряженіемъ, даже безъ помощи сложныхъ машинъ.

Аппіева дорога приводитъ въ Римъ сквозь столь же древнія, почти разрушенныя Капенскія ворота.

Въ современномъ Римѣ три слоя жителей, расположенныхъ рядомъ, другъ подлѣ друга, какъ пласты различныхъ гелогическихъ эпохъ. Верхній слой это живые итальянцы. Они бѣгаютъ по улицамъ съ пачкой фотографій подъ мышкой, хватаютъ прохожихъ за полы и кричатъ раздирающимъ голосомъ: «Синьоръ, синьоръ, купите карточки, полъ-лиры за полсотни, по чентезиму за штуку». Когда «синьоръ» вырываетъ свои полы, они не обижаются и отвѣчаютъ смѣхомъ на крѣпкія слова. Въ нихъ много добродушія и лукавой простоты, но я больше люблю древнихъ жителей города Рима.

Это картины и статуи. Въ общемъ итогѣ ихъ, конечно, не меньше, чѣмъ живыхъ обитателей вѣчнаго города земли.

Статуи значительнѣе картинъ. Человѣческая форма, перейдя въ мраморъ, отвердѣла и пріобрѣла неподвижность и безсмертіе. Даже черезъ двѣ тысячи лѣтъ, отрытая изъ-подъ груды мусора и разбитая въ куски, бѣлая статуя какъ будто волшебствомъ складываетъ вмѣстѣ свои разрозненные члены и ворождается, возвращая свою прежнюю

юность и красоту. Эта красота проста и рельефна, ее можно созерцать съ разныхъ сторонъ, въ ней есть нѣчто сверхъ-человѣческое. Она также неизмѣнна и сіяюще безстрашна, какъ окружающая ее безмолвная и пышная природа. Хрупкая красота картинъ похожа на самую красоту человѣческой жизни. Ее можно разглядѣть только съ извѣстнаго разстоянія и для того, чтобы оцѣнить ее, нужно, чтобы солнце освѣщало ее самыми яркими и благосклонными лучами. И такъ же, какъ человѣческая жизнь, кросота картинъ бренна и непрочна, и на нашихъ глазахъ великая душа Леонардо Винчи исчезаетъ и изглаживается вмѣстѣ съ его фресками, между тѣмъ. какъ вдохновеніе античнаго художника еще живетъ и будетъ жить вѣчно въ бѣлыхъ очертаніяхъ Бельведерскаго Аполлона.

Зато, въ самой непрочности своей, картины выразительнѣе и живѣе бѣлыхъ статуй. Статуя стоитъ выше жизни и внѣ жизни, это памятникъ, эмблема, и даже самыя реальныя и ужасныя группы, Лаокоонъ со змѣями, Галлъ, заколовшій свою жену, Дирцея, привязываемая къ рогамъ быка, встаютъ передъ нами, какъ человѣческая страсть, чудесно схваченная художникомъ въ минуту наибольшаго разгара и застывшая навѣки, какъ трагическая маска, какъ голова Горгоны на щитѣ Аѳины Паллады.

Оттого знаменитымъ людямъ не ставятъ статуй при ихъ жизни, но портреты ихъ рисуютъ красками и ежегодно выставляютъ на художественной выставкѣ напоказъ.

Картина — это свѣтлая иллюзія, и, пока яркая жизнь ея красокъ еще не стала блекнуть, она выходитъ предъ нами изъ рамы и говоритъ съ нами такимъ же слабымъ и страстнымъ языкомъ, какъ та другая иллюзія, которая зовется людская жизнь.

И потому красота картинъ полнѣе, чѣмъ красота статуй. Онѣ проходятъ предо мной, какъ хороводъ прекрасныхъ женщинъ и заглядываютъ мнѣ въ лицо своими лучезарными глазами. Во главѣ ихъ идетъ юная Флора Тиціана, въ ореолѣ золотыхъ волосъ надъ ея полуобнаженнымъ, блистающимъ, цѣломудреннымъ тѣломъ, и юная Заря Гвидо Рени, погоняющая своихъ лошадей пурпурными возжами на лонѣ яркаго восхода, святая Катерина Мурильо, чистая, какъ лебедь, какъ будто вся сотканная изъ лебяжьяго пуха, чуждая малѣйшей земной тѣни или желанія, и вдохновенныя дѣвы Рафаэля, Поэзія въ лавровомъ вѣнкѣ и Правосудіе съ важнымъ лицомъ и вѣсами въ рукахъ, и Философія, разсматривающая свитокъ, и святыя дѣвы Карло Дольче съ ихъ прозрачными чертами и взоромъ, устремленнымъ въ небеса, Богородицы Андрея Сарто и Сассоферато и стольких другихъ, которые оставили намъ тысячами эти прекрасныя созданія своихъ грезъ.

Такимъ образомъ я постоянно колебался между средневѣковыми картинами и античными статуями. Статуи, впрочемъ, одолѣвали чаще,

ибо женственной красотѣ картинъ онѣ противопоставляли свою крѣпкую мужественную силу и почти противъ моей воли увлекали меня въ свой мраморный кругъ.

И многіе дни я странствовалъ отъ Ватикана къ Капитолію, разсматривая фигуры и лица этихъ удивительныхъ античныхъ людей, которые такъ рано и такъ ярко вдохновились первымъ воспріятіемъ красоты.

Здѣсь была цѣлая толпа портретовъ, патриціи, матроны, императоры, и я скоро свелъ съ ними близкое знакомство и потомъ узнавалъ ихъ всѣхъ съ перваго взгляда, какъ старыхъ пріятелей, Августа съ его тонкимъ саркастическимъ профилемъ, Каракаллу съ хищнымъ и злымъ, испуганнымъ и мстительнымъ лицомъ, смирнаго и, должно быть, недалекаго Гету, Адріана съ его низкимъ черепомъ, при видѣ котораго мнѣ всегда вспоминается его страсть къ юному Антиною, Тита съ широкимъ лбомъ и тяжелыми челюстями и благороднаго Марка Аврелія съ его мужественнымъ и задумчивымъ взглядомъ, и Люція Вера съ его правильной красотой, Демосоена съ упрямо выпяченной верхней губой, Сократа съ спокойными глазами и широкимъ утинымъ носомъ Предо мной прошла вереница фигуръ и группъ, неслыханно дерзкихъ въ своей потрясающей реальности, божественно-совершенныхъ въ своей пластической красотѣ. Умирающій гладіаторъ глядѣлъ мнѣ въ лицо своими блѣдными глазами. Рабскій ошейникъ обвивалъ его шею и пальцы его судорожно сжимались, какъ будто все еще отыскивая безсильно выпавшій мечъ. Рядомъ толстый мальчуганъ старался удержать гуся, неистово вырывавшагося изъ его короткихъ объятій. Красивый подростокъ, граціозно изогнувшись, вынималъ занозу изъ своей босой подошвы. Приземистый фавнъ съ тупымъ носомъ и особеннымъ «голымъ» лицомъ училъ играть на свирѣли молодого фригійскаго пастуха. И тяжелый Нилъ съ курчавой бородой лѣниво лежалъ на своемъ гладкомъ ложѣ, опираясь на рогъ изобилія, и малютки-мѣсяцы, игравшіе вокругъ него, походили на мраморныя копіи дѣтскихъ ангеловъ Рафаэля. Я привыкъ также узнавать въ лицо боговъ, которые въ этихъ заколдованныхъ предѣлахъ казались реальнѣе людей, Юпитера съ его профилемъ аристократическаго жуира, тяжеловѣсную Юнону, хвастливаго и проворнаго Марса и лукавую Венеру съ роскошнымъ тѣломъ и безстыдно смѣющимся взглядомъ, козлоногаго Пана съ наивной и похотливой усмѣшкой на толстыхъ губахъ и весь легіонъ нимфъ, сатировъ и фавновъ, болѣе многочисленный, чѣмъ вся человѣческая толпа. И надъ всѣми богами и людьми возвышался божественный Аполлонъ, столь лучезарный и совершенный, что какъ-то не вѣрилось, что человѣческія руки создали это мраморное чудо, и казалось, что это самъ идеалъ, воочію сошедшій на землю и воплотившійся въ бездушной глыбѣ холоднаго мрамора и оживившій ее своимъ теплымъ и творческимъ дыханіемъ.

Чешскій учитель греко-латинской грамоты, нѣкогда отравлявшій наши юные дни аористами и частицей an, закрылъ цѣлому поколѣнію доступъ въ самую яркую и интересную эпоху исторіи и своими тяжелыми единицами вколотилъ въ насъ убѣжденіе, что въ огромномъ античномъ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ школьной номенклатуры: panis, piscis, crinis, finis. Впечатлѣніе отъ его науки было такъ сильно, что его не могли поколебать ни Момзенъ, ни Ренанъ, и мнѣ потребовалось заблудиться въ кипарисовыхъ рощахъ, насаженныхъ Мессалой и Адріаномъ, и столкнуться лицомъ къ лицу съ безчисленной мраморной ратью, для того, чтобы, наконецъ, убѣдиться воочію, что римскіе Юній Брутъ и Тиберій Семпроній Гракхъ не имѣлъ ничего общаго съ наукою Хомы Брута и Тиберія Горобця изъ Кіева.

Къ вечеру, утомленный мраморной толпою музеевъ, я уходилъ къ развалинамъ древнихъ храмовъ и бродилъ среди колоннъ, которая еще стоятъ на римскихъ улицахъ и площадяхъ, какъ погубленный, наполовину вырубленный лѣсъ. Отъ этого лѣса колоннъ остались только несимметричные пни. Варвары разбивали ихъ въ куски, жгли изъ нихъ известку, тѣмъ не менѣе Римъ еще полонъ ими. Всѣ церкви и дворцы скрываютъ сотни и тысячи этихъ высокихъ, прямыхъ и круглыхъ столбовъ изъ сѣраго мрамора, изъ краснаго порфира, изъ нѣжнаго, гладко отполированнаго, пятнисто-фіолетоваго камня. Онѣ были натасканы съ разныхъ сторонъ, изъ храмовъ, съ площадей, безъ соотвѣтствія величины и безъ симметріи въ размѣщеніи, и даже мраморныя кресла римскихъ бань, передѣланныя монахами въ престольныя сидѣнья, съ удивленіемъ глядятъ на эти разнокалиберные стволы.

Но ни варвары, ни монахи, даже за цѣлую тысячу лѣтъ, не успѣли разрушить всего античнаго наслѣдія, и бронзовая статуя великаго Марка еще стоитъ на вершинѣ Капитолійскаго холма и съ высоты своего огромнаго коня онъ попрежнему глядитъ на прохожихъ своимъ меланхолическимъ, глубоко разочарованнымъ взглядомъ.

Колонны Траяна и того же Марка Аврелія еще поднимаются на своихъ природныхъ площадяхъ подъ вольнымъ и голубымъ небомъ и безконечныя процессіи племенъ, побѣжденныхъ мощью Рима, попрежнему восходятъ вверхъ по ихъ круглой грани. Но на вершинѣ колоннъ вмѣсто генія славы стоитъ грузный монахъ въ мантіи, подвязанной веревкой, съ жидкимъ золотымъ нимбомъ вокругъ жирной тонзуры, и это есть послѣдняя печать, которую сирійскій аскетизмъ наложилъ на великое наслѣдіе античной красоты.

И во время праздничныхъ процессій изъ храма выносятъ вмѣсто прекрасной и нагой богини серебряный истуканъ такого же монаха съ съ мантіей на плечахъ и съ плѣшью на темени, и возвышаясь на плечахъ своихъ жрецовъ, онъ глядитъ вокругъ суровыми старческими глазами и говоритъ себѣ: «это все мое!».

Среди безчисленныхъ церквей какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ старый

Пантеонъ съ его огромнымъ сѣрымъ куполомъ; въ ожиданіи будущихъ великихъ людей Италія помѣстила въ немъ своихъ савойскихъ королей, Виктора-Эмануила II, который далъ ей объединеніе, и Гумберта I, который далъ абиссинскую войну.

Окрестности Рима усыпаны развалинами виллъ. Онѣ стоятъ среди цвѣтниковъ, въ платановыхъ рощахъ, съ длинными аллеями кипарисовъ. Ихъ кровли развалились, чеканная бронза содрана со стѣнъ, фрески слиняли и мозаики разрушены, но даже эти обломки древнихъ дворцовъ превосходятъ все, что могла намъ дать наша собственная архитектура.

Историки говорятъ, что естественный путь прогресса пролегаетъ съ юга на сѣверъ и что будущее на землѣ принадлежитъ скучнымъ жителямъ «умѣренно-холодныхъ» странъ, англичанамъ и пруссакамъ, бостонскимъ янки и петербургскимъ чиновникамъ. Не знаю, быть можетъ, этому слѣдуетъ радоваться съ точки зрѣнія дешевыхъ ситцевъ или быстроты желѣзнодорожныхъ сообщеній, но я знаю одно, что по мѣрѣ удаленія на сѣверъ жизнь потеряла свои свѣжія краски и изъ теплой цвѣтной картины превратилась въ сѣрую фотографію.

Вмѣсто искрометнаго вина мы напиваемся тяжелымъ пивомъ и крѣпкимъ спиртомъ, вмѣсто яркаго солнца бродимъ въ сыромъ туманѣ, наши жилища закупорены отъ стужи, и наша литература и философія есть цѣпь тяжелыхъ сѣверныхъ рефлексовъ, которые вѣчно ищутъ виноватаго внутри и внѣ себя и составляютъ преддверіе самоубійства. Наша добродѣтель колюча, какъ прокрустово ложе, и наши пороки ужасны, какъ грезы каторжника. Съ переселеніемъ на сѣверъ человѣчество утратило свою юношескую невинность и уже никогда, даже въ вѣнцѣ своей осуществленной мечты, оно не вернетъ себѣ древней, безхитростной и наивной радости бытія.

Нечего поэтому удивляться, что вмѣсто изящной роскоши античныхъ построекъ, простой и цѣлесообразной въ своемъ величіи, рядомъ съ этими открытыми дворами, куда солнечные лучи проникаютъ такъ свободно, гдѣ воздухъ освѣжается фонтанами и дыханіемъ живыхъ цвѣтовъ, предъ этими портиками и искусно расположенными террасами, наши современные дворцы превратились въ унылыя казармы, въ батареи каменныхъ коробокъ, поставленныхъ другъ на друга въ нѣсколько ярусовъ, какъ будто на широкой землѣ уже не хватаетъ мѣста для жилищъ человѣческой плѣсени. Эти дворцы—печальное созданіе людей, которые не вѣрятъ ничему, кромѣ смерти.

Средніе вѣка имѣли, по крайней мѣрѣ, мужество своей вѣры и, разрушивъ языческіе храмы, они воздвигли своему Богу памятники странные, но запечатлѣнные духомъ творчества, которые стремятся въ вышину, но не для того, чтобы спорить съ небесами, какъ вавилонская башня, но для того, чтобы вознести къ нимъ свое безграничное почтеніе и любовь. Самое полное выраженіе этого чувства заклю-

чено въ крестообразной границѣ собора святого Петра и стоя подъ каменнымъ небомъ этого высокаго купола, чувствуешь себя такимъ маленькимъ, ничтожнымъ и невольно начинаешь повторять желѣзныя слова, выписанныя вокругъ арки твердыми и огромными знаками: «Ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь свою и врата адовы не одолѣютъ ю».

Для того, чтобы видѣть начало католическаго христіанства, нужно съ высоты святого Петра спуститься подъ землю и посѣтить катакомбы Калликста.

Это лабиринтъ узкихъ и черныхъ улицъ, перекрещивающихся по всѣмъ направленіямъ, гдѣ нельзя сдѣлать шагу безъ факела и проводника. Подобно античному Риму это тоже городъ мертвыхъ, но вмѣсто мраморныхъ статуй здѣсь черные склепы и смерть является здѣсь въ своей реальной неподкрашенной наготѣ. Вездѣ могилы, могилы. Старыя, полуразрушенныя, наполненныя мягкимъ и жирнымъ прахомъ. Онѣ расположены ярусами и стѣснились, какъ ячеи въ соту. Каждый вершокъ пространства занятъ чьими-нибудь костями, ибо шестьсотъ тысячъ мертвецовъ нашли здѣсь свой послѣдній пріютъ. И исторіи, которыя разсказываетъ старый монахъ, идущій впереди со своимъ восковымъ факеломъ, подъ стать этимъ полуразрушеннымъ и заплѣсневѣлымъ плитамъ. На этомъ камнѣ было найдено тѣло святой Цециліи съ тремя ранами на шеѣ, по этой полуразрушенной лѣстницѣ ворвались воины Деція, чтобы напасть на молящихся; здѣсь лежатъ кости сорока малолѣтнихъ мучениковъ, заколотыхъ палачами Максимина. Мрачныя зловѣщія преданія, черныя ямы вмѣсто свѣтлаго храма, ничего, кромѣ праха, тлѣнія и мертвыхъ костей. Неудивительно, что римскіе патриціи столь ужасались этому пришлому культу, который дерзко стремился замѣстить поклоненіе красотѣ своими бурыми, осыпанными землей черепами.

Но безплотная мечта побѣдила тѣлесную красоту и опрокинула античный міръ.

Какимъ неожиданнымъ чудомъ Италія помолодѣла?

Какъ изъ этого древняго племени, истощеннаго въ тысячелѣтнихъ войнахъ, служившаго добычей сотнѣ иноплеменныхъ нашествій, еще полвѣка тому назадъ задыхавшагося между австрійской капральской палкой, папской инквизиціей и неаполитанской тюрьмой, внезапно выросъ новый народъ, молодой, даже варварскій, бѣдный и жадный, трудолюбивый и плодовитый, которому тѣсно въ узкихъ географическихъ предѣлахъ итальянскаго «сапога» и который ежегодно переправляетъ черезъ Атлантическій океанъ сотни тысячъ своихъ дѣтей и угрожаетъ отвоевать у испанцевъ половину латинской Америки для своего собственнаго языка. Италія много работала въ послѣдніе сорокъ лѣтъ и несмотря на налогъ съ помола и битву при Адуѣ цѣлая бездна

отдѣляетъ ее отъ добраго стараго времени, когда министры Пармы и Неаполя дарили своимъ любовницамъ готовые приказы объ арестѣ съ правомъ вписать туда какое угодно имя. Мелкія княжества управляли страной при помощи маленькой домашней тиранніи и отечески спускали шкуру съ провинившихся подданныхъ. Теперь Италія выросла въ великую державу и даже полицейская прижимка и казнокрадство расширились до размѣровъ, соотвѣтствующихъ ея международному положенію.

Я былъ на собраніи, гдѣ Энрико Ферри, только что приговоренный судомъ къ аресту за свои дерзкія рѣчи по адресу казнокрадовъ, давалъ новую отповѣдь своимъ недавнимъ судьямъ. Слушателей было больше двухъ тысячъ и успѣхъ, который получилъ ораторъ, выдѣляется даже, если принять во вниманіе крайнюю склонность итальянцевъ къ усиленной жестикуляціи и крику. Самые мелкіе люди, плохо одѣтые, почти оборванные, задавали оратору вопросы, свидѣтельствовавшіе объ ихъ близкомъ знакомствѣ съ дѣятельностью кровососныхъ піявокъ, высасывающихъ всѣ соки изъ бюджетовъ итальянской арміи и флота. И резолюція принятая единодушно, гласила о необходимости бороться изо всѣхъ силъ противъ этихъ паразитовъ.

Рядомъ съ этимъ идетъ другая борьба и путемъ непрерывныхъ стачекъ рабочая плата непрерывно возвышается, по крайней мѣрѣ, въ сѣверной и средней Италіи.

Неаполь.

«Взгляни на Неаполь и потомъ умри!» говоритъ неаполитанская пословица. Дѣйствительно, послѣ первой же прогулки по неаполитанской улицѣ, можно умереть отъ шума и нестерпимой вони, пропитавшей самые камни этого нечистоплотнаго города. Когда съ высоты аббатства Санъ-Мартино мы смотрѣли на живописную массу домовъ разстилавшихся подъ самыми нашими ногами, крики уличныхъ торговцевъ, ревъ ословъ и громкая ругань извозчиковъ сливались вмѣстѣ и ударялись объ отвѣсную скалу крѣпости, какъ грохотъ валовъ, и Неаполь шумѣлъ подъ нами громче, чѣмъ Средиземное море.

Мы спустились съ высоты аббатства и отправились въ Пуццоли. Этотъ ужасный притонъ лежитъ на лазурномъ берегу великолѣпнаго залива и утопаетъ въ своихъ отбросахъ. Онъ наполненъ грязными рыбаками, оборванными женщинами, нищими и дешевыми гидами по полуфранку въ часъ. Они набросились на насъ, какъ на свою добычу, и чуть не разорвали насъ въ куски, такъ что намъ не осталось ничего, кромѣ стремительнаго бѣгства. Самые яростные изъ нихъ гнались за поѣздомъ нашей конки чуть не до самаго Неополя, и долго потомъ земля и небо, и рельсы, и Средиземное море, пахли тухлой рыбой и горѣлымъ лукомъ.

Пуццоли, быть можетъ, самое грязное мѣсто всей Европы, и самая обильная ловля въ этомъ рыбачьемъ мѣстечкѣ—это ловля вшей, которую мѣстныя дамы постоянно производятъ другъ у друга въ волосахъ, прямо на улицѣ, въ назиданіе прохожимъ.

Впрочемъ, Неаполь, пожалуй, еще хуже. Половина нижняго города, между Толедской улицей и пристанью, представляетъ запутанный клубокъ узкихъ и извилистыхъ переулковъ, которые кишатъ немытымъ, ободраннымъ, нищимъ и голоднымъ человѣчествомъ. Каждая извилина этого лабиринта ближе всего напоминаетъ внутренность сибирской пересыльной тюрьмы съ ея картежнымъ майданомъ и продажей грязныхъ пироговъ по копейкѣ за штуку, и узкій небесный просвѣтъ вверху постоянно закрытъ множествомъ бѣлья, развѣшаннаго на веревкахъ. Кстати сказать, ни въ одной странѣ не развѣшано столько мокраго бѣлья по городскимъ улицамъ и въ то же время нигдѣ люди не ходятъ такъ грязно, какъ въ Италіи. Это одно изъ противорѣчій итальянской жизни. Жители какъ будто вѣчно отдаютъ въ стирку свои послѣдніе лохмотья и послѣ того ходятъ рваные и полунагіе.

Другая половина Неаполя, впрочемъ, немногимъ лучше первой и даже знаменитая набережная Кіайя усѣяна ухабами и обмывается только волнами, бьющими черезъ парапетъ.

Окрестности Неаполя поразительно красивы. Горныя тропинки и береговыя скалы и клочки песчанаго берега, пріютившіеся въ ихъ разсѣлинахъ и окаймленные голубыми волнами, все встаетъ предъ глазами, какъ изваянное рѣзцомъ и разрисованное темными красками, яркими и гармоническими, какъ будто добытыми изъ лучей южнаго солнца. Но люди сдѣлали все, что могли, для того, чтобы испортить эту неувядающую прелесть, и красота неаполитанскаго побережья есть вѣчная борьба между художественной природой и нищими людьми, которые копошатся на этихъ сіяющихъ склонахъ.

Вся южная Италія похожа на Сандрильону, прекрасную и запачканную грязью, босую и въ лохмотьяхъ, какія скитаются во множествѣ по неаполитанскимъ улицамъ.

Неаполь, какъ и вся южная Италія, въ сущности едва выходитъ изъ средневѣковаго періода. На каждомъ, шагу встрѣчаешь нѣчто знакомое и вспоминаешь Вильну и Бирзулу, Вшивую Горку и Нахичевань на-Дону.

Нищіе на улицахъ цѣлуютъ вамъ руки, выпрашивая мѣдную монету, мальчишки набрасываются стаями на каждаго новаго прохожаго, какъ уличныя собаки, въ вѣчной погонѣ за милостыней. У нихъ есть особенныя заклинанія и даже цѣлыя кантаты, граціозныя и низкопоклонныя, сопровождаемыя пляской и воспѣвающія въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ красоту и величіе милостивца, а главное его щедрость. Но горе неопытному иностранцу, который вздумаетъ одѣлять своими сольдами эти дѣтскую ораву. При первомъ звонѣ денегъ

со всѣхъ концовъ сбѣгается неисчислимая толпа и только своевременная помощь городового можетъ выручить его изъ этой назойливой аттаки.

Въ Италіи три сорта городовыхъ. Одни носятъ короткіе плащи и круглыя шляпы, украшенныя куриными перьями, какъ у театральныхъ бандитовъ. Другіе щеголяютъ въ мантіяхъ и огромныхъ треуголкахъ, съ пушистыми помпонами, желтыми съ голубымъ, похожими на цвѣтныхъ попугаевъ. Третьи, напротивъ того, одѣты въ какіе-то темненькіе, совсѣмъ затрапезные мундиры. Но все это одинаково добродушные и любезные люди, по крайней мѣрѣ для знатныхъ иностранцевъ. А каждый иностранный гость съ двумя стами франковъ въ карманѣ есть «знатный» иностранецъ для Италіи. Тысяча франковъ даютъ право на титулъ русскаго графа, а кошелекъ, дѣйствительно туго набитый, даже на «американскаго князя». Городовые оказывали намъ множество услугъ, указывали намъ дорогу, даже отгоняли отъ насъ собакъ и во время уличныхъ зрѣлищъ отыскивали для насъ лучшее мѣсто. Со своими собственными согражданами они обращаются нѣсколько иначе, и мнѣ довелось видѣть въ этомъ же Неаполѣ, во время карнавала, какъ группа полицейскихъ расправлялась съ двумя молодыми людьми, которые хотѣли проникнуть въ балаганъ безъ билета.

Въ Неаполѣ пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ жителей и изъ нихъ полумилліону нечего ѣсть. Они стоятъ на улицѣ и стерегутъ случайный заработокъ. Не думаю, чтобы такое времяпрепровожденіе было особенно пріятно. Существуетъ общепринятое мнѣніе о лѣности неаполитанскихъ лаццарони, но мнѣ кажется, что на одну только взаимную брань и перепалку они тратятъ столько нервной силы, что ея хватило бы для самыхъ сложныхъ механическихъ работъ. Но въ южной Италіи нѣтъ капиталовъ. Въ городѣ нѣтъ промышленности и никакихъ постоянныхъ заработковъ для всего этого голоднаго люда, и лаццарони волей неволей остается при своемъ досугѣ.

Мальчишки съ пачками иллюстрацій, разносчики съ крестиками и бездѣлушками, носильщики, посыльные, шныряютъ по улицамъ во всякую погоду, неустанно отыскивая патрона.

Извозчики съ еле живыми лошадьми, всѣ въ лохмотьяхъ, какъ цыгане, толпами стоятъ на перекресткахъ и при первомъ намекѣ на кліента съ крикомъ выскакиваютъ впередъ и начинаютъ осадную войну. Избавиться отъ нихъ трудно и почти невозможно и даже если вы взяли одного, остальные слѣдуютъ сзади и ругаютъ счастливаго соперника. Кто хочетъ, чтобы неаполитанцы оставили его въ покоѣ, долженъ замкнуть свои уста, надѣть маску безстрастія на лицо и все время притворяться, что онъ деревянный истуканъ. Однажды, проѣзжая въ электрическомъ вагонѣ мимо цѣлой стаи веттурино, которые ожесточенно щелкали бичами и громко требовали, чтобы мы сошли съ конки и воспользовались ихъ экипажемъ, я сошкольничалъ и показалъ

одному изъ нихъ языкъ. Онъ принялъ это за приглашеніе и немедленно поскакалъ вслѣдъ за вагономъ. Казалось, онъ былъ готовъ вскочить внутрь вмѣстѣ съ лошадью. Чрезъ минуту вагонъ вошелъ въ большой туннель, проходящій подъ горою Вомеро. Извозчикъ поскакалъ въ объѣздъ, но по выходѣ изъ тунеля я выскочилъ изъ вагона и скрылся въ сосѣднемъ переулкѣ.

Другой веттурино забрался ко мнѣ въ гостинницу и въ оправданіе своего визита предъявилъ удивительный документъ. Это былъ родъ свидѣтельства, напечатаннаго по-русски, не умѣю сказать, въ какой типографіи, но совсѣмъ по формѣ и даже за надлежащимъ номеромъ. Свидѣтельство гласило: «Предъявитель сего Джіованни Малатеста Бельтрафіо говоритъ немного по-французски и по мѣрѣ своего разумѣнія угождаетъ сѣдокамъ. Я ѣздилъ съ нимъ и остался доволенъ. Впрочемъ довольно глупъ». Дальше слѣдовала подпись: —скій предводитель дворянства такой-то.

Въ виду отсутствія промышленности и заработковъ, въ Неаполѣ и окрестной странѣ все дешево и продается за гроши. Въ Сорренто два десятка апельсиновъ стоитъ одинъ сольдъ, меньше двухъ копеекъ. Меблированную виллу съ садомъ можно нанять за пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, а прислугу за двѣнадцать, но населеніе бѣжитъ отъ этой дешевизны и толпами выселяется въ Америку.

Вся неаполитанская сторона поразительно плодородна. Это цвѣтущій садъ, сплошь воздѣланный и населенный. Густыя апельсиновыя рощи въ разгарѣ зимы осыпаются плодами болѣе многочисленными, чѣмъ листья на ихъ вѣтвяхъ. Оливковыя деревья спускаются по горнымъ склонамъ вплоть до морского прибоя и всѣ промежутки между ними тщательно вскопаны и засажены помедорами и фенокками. Главная дорога, идущая вдоль берега, представляетъ одну непрерывную улицу и въ сущности неаполитанскія предмѣстья развернулись на огромномъ протяженіи отъ Позилипа до Байевъ и отъ Везувія до Капо ди Сорренто,

Но южно-итальянскіе порядки придаютъ этому земному раю такія черты, что и жителямъ и гостямъ хочется только одного,—убѣжать безъ оглядки и по возможности подальше. Улица прибрежныхъ строеній на разстояніи двадцати пяти миль распадается на шесть городовъ, которые отдѣлились другъ отъ друга заставами и взимаютъ, и съ коннаго и съ пѣшаго разнообразные акцизы въ пользу городской казны и мелкія взятки въ пользу стражи. Въ теченіе шести часовъ ѣзды отъ Неаполя до Помпеи меня заставили четыре раза раскрыть свои чемоданы. Электрическая дорога проходитъ сквозь всю длину побережья, но акцизная полиція черезъ каждыя три версты останавливаетъ вагоны и требуетъ пошлину за пару апельсиновъ, за ковригу хлѣба, за пачку дешевыхъ макаронъ. Даже между двумя поселками острова Капри существуетъ застава и акцизъ, и сердитый сѣверный

вѣтеръ, трамонтано, который часто отрѣзываетъ островъ на цѣлые дни отъ всего внѣшняго міра не можетъ угасить жадности этихъ общинъ и муниципальнаго стремленія къ взаимной обчисткѣ.

Населеніе ненавидитъ заставы, но не можетъ отъ нихъ избавиться. Недавно въ процессѣ Соннино адвокатъ, защищавшій его противъ обвиненія въ плутовствѣ при поставкѣ казенныхъ подрядовъ, воскликнулъ въ видѣ послѣдняго аргумента: «Кто изъ васъ, господа судьи, не переходилъ черезъ линію акцизной стражи съ запретной колбасой въ карманѣ?» И судьи приняли его сторону.

Прибрежная дорога въ принципѣ вымощена лавой, но ухабы ея напоминаютъ негритянскія ямы для ловли дикихъ звѣрей. Лошади и ослы, вѣчно загромождающіе ее, покрыты кровью и ранами, ибо въ итальянской упряжкѣ хомутъ замѣненъ первобытнымъ нагруднымъ ремнемъ и жесткія постромки постоянно полосуютъ бока несчастныхъ животныхъ. Сѣверные нервы не могутъ выдержать итальянскаго обращенія съ лошадьми, предъ которымъ блѣднѣютъ подвиги казанскихъ живодеровъ. Каменьщики, которые постоянно чинятъ эту избитую дорогу снимаютъ при вашемъ проѣздѣ шапки и кланяются, точь-въ-точь, какъ на русскомъ провинціальномъ шоссе. Жилища крестьянъ, разсыпанныя вдоль развѣтвленій дороги, очень живописны снаружи. Они увиты плющемъ и обсажены виноградомъ, но внутри это берлоги, безъ мебели и почти безъ утвари, съ земляным полом, протекающей кровлей и окнами безъ стеколъ. Обитатели ихъ спятъ, подостлавъ подъ себя рухлядь и во время обѣда хозяйка вытираетъ пару выщербленныхъ тарелокъ концомъ грязнаго платка, покрывающаго ея голову. Однимъ словомъ, несмотря на смуглую краску лицъ и различіе языка, картина привычная, знакомая намъ съ дѣтства.

Есть, впрочемъ, и въ окрестностяхъ Неаполя восхитительные уголки, гдѣ соединяются красота южной природы и сытость старинной помѣщичьей жизни на русскій образецъ, разумѣется, для того, у кого есть въ карманѣ шесть франковъ, чтобы заплатить за дневное содержаніе. Мы прожили двѣ недѣли въ деревнѣ Кокумелла, въ двухъ верстахъ отъ Сорренто. Наша гостинница стояла въ обширномъ саду и вѣтви лимонныхъ деревьевъ, отягощенные зимними плодами, протягивались прямо въ наши открытыя окна. У насъ былъ свой спускъ къ берегу, морскія купальни и лодки для катанья. Это былъ международный пансіонъ, устроенный для удобства пріѣзжихъ гостей, съ дешевымъ обиліемъ даровъ природы и покойной угодливостью южно-итальянской жизни. Дворецкій говорилъ одинаково скверно на всѣхъ языкахъ, даже по-русски и по-голландски. Каждую недѣлю устраивались экскурсіи, по вечерамъ полуподдѣльная крестьянская труппа плясала тарантеллу и пѣла неаполитанскія пѣсни.

И записная книга пансіона была наполнена восхваленіями гостепріимству хозяина въ стихахъ и въ прозѣ, съ рисунками и даже съ

нотами. Мнѣ особенно запомнилось одно русское стихотвореніе, не лишенное живописности, несмотря на свою краткость.

„Апельсины, тарантелла,
Макароны, самоваръ,
Все подноситъ Кокумелла
Въ услажденье русскихъ баръ.
О Кокумелла, я, какъ умѣла,
Тебя воспѣла!..“

Въ пансіонѣ, дѣйствительно было три самовара и при желаніи можно было расположиться совершенно по домашнему.

Пансіонеры въ нашей гостинницѣ постоянно мѣнялись, но меньше сорока человѣкъ никогда не садилось за столъ.

Половина табльдота была занята англійскими и американскими дамами, которыя оставили мужей дома зарабатывать деньги, а сами уѣхали пользоваться итальянскимъ тепломъ и дешевизной. Онѣ укрѣпились въ лучшей гостиной и засѣдали въ ней каждый вечеръ, замыкая двери на ключъ и услаждая свои досуги чтеніемъ изданій Таухница. Впрочемъ, нѣсколько рослыхъ, очень зрѣлыхъ дѣвицъ играли роль перебѣжчицъ и, за неимѣніемъ единоплеменниковъ, расточали свои улыбки молодымъ людямъ нѣмецкаго и шведскаго племени. Нѣмцевъ было довольно много, но они не держались въ Сорренто и тотчасъ же уѣзжали въ Капри, гдѣ подъ цѣломудренной сѣнью Круппа выросла и расплодилась цѣлая нѣмецкая колонія. Кромѣ нѣмцевъ и англичанъ, въ нашемъ пансіонѣ были французы и бельгійцы, испанцы изъ Южной Америки, даже армяне и сирійцы. Двѣ-три записи въ книгѣ отеля были выведены замысловатой восточной вязью, понятной только для посвященныхъ.

Въ русскихъ тоже не было недостатка. Они являлись изъ Петербурга, Москвы и Тулы, въ теплыхъ пальто и барашковыхъ шапкахъ, и черезъ десять минутъ единодушно принимались бранить итальянскій климатъ.

Они распредѣлялись, впрочемъ, по двумъ опредѣленнымъ типамъ. Большинство ругало заграницу вплоть до пищи и природы. Они говорили, что весь свѣтъ намъ завидуетъ и потому унижаетъ достоинство Чухломы, сравнительно съ Неаполемъ. И глядя на Везувій, который дымился передъ окнами, они съ азартомъ утверждали, на основаніи путевыхъ записокъ Лейкина, что вулканъ этотъ поддѣланъ, и что англійскій подрядчикъ спускаетъ ежедневно въ кратеръ десять тоннъ угля, чтобы производить столбъ дыма указанной высоты. Эти люди по-французски говорили плохо; они привозили съ собой острый запахъ канцеляріи, изъ которой они взяли двухмѣсячный отпускъ, но куда имѣли возвратиться, прямо съ развалинъ Помпеи и каналовъ Венеціи.

Другіе были независимѣе въ средствахъ и говорили по-французски безъ особыхъ ошибокъ. Эти впадали въ противоположную крайность

и готовы были утверждать, что даже итальянская грязь благороднѣе и культурнѣе отечественной.

Въ числѣ прочихъ былъ ветхозавѣтный купецъ изъ Сибири, маленькій, колючій, въ теплыхъ сапогахъ, вывезенныхъ прямо съ ирбитской ярмарки. Онъ все удивлялся, куда итальянцы дѣваютъ такое множество лимоновъ, когда никто заграницей не пьетъ чаю съ лимономъ. Я попробовалъ напомнить о лимонадѣ, но сибирякъ настаивалъ, что на всемъ свѣтѣ лимонадъ поддѣльный и приготовляется изъ кислоты.

Былъ человѣкъ въ футлярѣ изъ Риги, который съ перваго слова заявилъ, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и, глядя на великолѣпный закатъ солнца съ перевала у Меты, томнымъ голосомъ цитировалъ «розоперстую Эосъ».

А закатъ солнца былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Въ легкомъ туманѣ оно садилось огромное и красное, какъ кровь, за острыя скалы Искіи и легкія башни полуразрушенныхъ замковъ острова, исчезавшія цѣлый день на краю горизонта, внезапно появлялись на фонѣ багроваго огня и казалось, что эти башни и острыя скалы вырѣзались въ недоступной дали, въ самой тверди огромнаго круглаго солнца.

Время нашего пріѣзда было временемъ карнавала. Неаполь одинъ изъ немногихъ итальянскихъ городовъ, гдѣ карнавалъ сохранилъ часть прежняго блеска, но въ этомъ году первый же день карнавала ознаменовался столкновеніемъ между процессіей колесницъ и пѣшей публикой. По неаполитанскому обыкновенію было нанесено нѣсколько ударовъ ножомъ. Тогда городской полицмейстеръ, не долго думая, запретилъ процессіямъ и ряженымъ появляться на улицѣ. Въ городѣ началась агитація, ибо неаполитанцы были поражены въ самое чувствительное мѣсто. По стѣнамъ были расклеены протесты, проектировался даже митингъ, но полиція стояла на своемъ и разрѣшила процессіи только въ послѣдній день. Болѣе мирные жители утѣшились, найдя средство обойти запрещеніе и праздновать карнавалъ на улицѣ, но такъ сказать, при закрытыхъ дверяхъ. Для этой цѣли компанія предпринимателей окружила деревянной рѣшеткой самую большую изъ городскихъ площадей, захвативъ внутрь своей ограды два памятника, церковь и порядочный прудъ. Компанія устроила перманентное гулянье съ платой по франку за входъ и всевозможными масляничными ухищреніями и дешевыми соблазнами внутри ограды. Въ первый субботній вечеръ я пошелъ посмотрѣть на гулянье. Было еще рано, но густая толпа напирала на рогатки у входовъ и постепенно просачивалась внутрь, какъ озеро сквозь плотину. Многіе повидимому проходили даромъ, не смотря на бдительность сторожей. Внутри ограды уже было нѣсколько тысячъ человѣкъ. Они толпились на срединѣ и смотрѣли на фейерверкъ, который только что загорѣлся на верхушкахъ трехъ мачтъ, укрѣпленныхъ въ центрѣ площади. Поближе къ оградѣ были бала-

ганные театры, музей рѣдкостей, обѣщавшій показать публикѣ, какъ значилось на афишѣ, игру природы, африканскаго слона, пойманнаго въ индійскомъ архипелагѣ подъ сѣнью бамбуковъ.

Очень смуглый апуліецъ зазывалъ желающихъ посмотрѣть на языческаго людоѣда, который ѣстъ раскаленное желѣзо и глотаетъ горящіе угли. Людоѣдъ внутри балагана звенѣлъ цѣпью, рычалъ и по временамъ ругался осиплымъ голосомъ, но на самомъ чистомъ неаполитанскомъ нарѣчіи.

У пруда была палатка цыганской гадалки. Чтобы поразить публику, желающихъ перевозили въ лодкѣ подъ охраной сторожа въ поношенномъ солдатскомъ мундирѣ. У деревянной стѣны расположились лавчонки, бойко торговавшія лакомствами и бездѣлушками. По обыкновенію лакомства были наполовину отравленныя и три четверти предметовъ совершенно ненужны раскупавшей ихъ толпѣ.

Человѣчество, вообще, охотнѣе всего покупаетъ именно ненужныя вещи. Культура приходитъ къ дикарямъ или къ жителямъ захолустья въ яркомъ балахонѣ, вся въ блесткахъ и бусахъ, въ дурацкомъ колпакѣ и съ пестрымъ опахаломъ въ рукахъ. Такою она осталась до послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ въ обыденной уличной жизни. Стоитъ пройтись по главной улицѣ любаго города, чтобы воочію убѣдиться, что огромное большинство вещей, на которыя уходитъ излишняя покупательная стоимость, вся капитализированная сила, выжатая изъ природы и труда, негодны ни на какое цѣлесообразное употребленіе и даже въ число предметовъ роскоши попадаютъ только по велѣніямъ моды, чудовищной властительницы богатыхъ обществъ современности. Въ этомъ отношеніи соединяются всѣ классы и общественные слои. Вся разница въ томъ, что богатые покупаютъ настоящіе брилліанты, черепаховый лорнетъ, корсетъ изъ китоваго уса, а бѣдные покупаютъ бусы и поддѣльные камни, серебряныя кольца, корсетъ изъ желѣзной проволоки. Зато они тратятъ на эти блестки культуры послѣдніе гроши, скопленные урѣзываніемъ въ пищѣ, сверхурочной работой или прямо самопродажей.

Вдоль деревянной стѣны тѣснились небольшіе балаганы съ дешевой рулеткой и разнаго рода лотереей, до которой итальянцы такіе охотники. Было больше сотни балагановъ и они зазывали публику оглушительнымъ свистомъ, грохотомъ трещотокъ и стукомъ кастаньетъ.

У всѣхъ дверей стояли глашатаи и восхваляли самые вѣрные шансы своей игры. Они вертѣли надъ головой колбасы, окорока, живыхъ куръ, гусей, даже молодыхъ барановъ, которые являлись главнымъ предметомъ выигрыша. Куры, одурѣвшія отъ крика и постояннаго встряхиванія, глядѣли по сторонамъ тусклыми глазами и казались единственными спокойными гостями на этомъ крикливомъ народномъ праздникѣ. Публика брала балаганы приступомъ, разбирала билеты, стрѣляла изъ ружей въ цѣль, попадала мячомъ въ желѣзный кружокъ,

изо всѣхъ силъ стараясь выиграть призъ. Въ разныхъ мѣстахъ солдаты и мальчишки уже таскали столовые часы, клѣтки для птицъ и тому подобные трофеи, или съ равнодушной жестокостью носили живую птицу, привѣшенную къ поясу за ноги или за шею. И я увидѣлъ воочію, что эта простонародная масса была родная сестра той великосвѣтской толпы, которая играла въ такую же рулетку среди раззолоченныхъ покоевъ Монако. У ней были тѣже страсти, таже стихійная жадность и готовность поддаваться на элементарные соблазны и она разбрасывала во всѣ стороны полными горстями свой трудъ и деньги, столь же беззаботная, какъ сама природа, которая швыряетъ свои богатства, не жалѣя и не считая, и для достиженія своихъ задачъ неизмѣнно выбираетъ самые безумные и расточительные пути.

На другой день рано утромъ я вышелъ изъ своего ночного пріюта. Неистовый Неаполь утомилъ меня и я инстинктивно искалъ мѣста, гдѣбы отдохнуть отъ его крикливыхъ впечатлѣній. Въ вагонѣ электрической конки я добрался на вершину Позилипа, на тотъ высокій и чудесный мысъ, гдѣ нѣкогда давалъ свои пиры безпутный Ведій Полліонъ. Имя Позилипъ по-гречески означаетъ «оставь заботы». Послѣ Ведія Поллiона римскій императоръ Августъ пріѣзжалъ сюда отдыхать отъ заботъ своего правленія и свѣтскаго актерства.

Избавившись благополучно отъ досужаго гида, выскочившаго мнѣ навстрѣчу изъ близлежащаго кафе, заплативъ дань двумъ нищимъ и price трем цвѣточницамъ, я прошелъ въ разрѣзъ Бельведера и усѣлся на каменной стѣнѣ на самомъ краю глубокаго и крутого обрыва.

У ногъ моихъ разстилалась картина чудной красоты. Широкая полоса земли у подножія горы была какъ будто раздѣлена на шахматныя клѣтки, расцвѣченныя различными оттѣнками зелени, одинъ другого ярче и свѣжѣе. Дальше, вдоль песчанаго берега, были разбросаны избушки Королліо и поднимались приземистыя красныя трубы сѣрнистыхъ купаленъ Баньоли. Береговая линія замыкалась высокими синими утесами, за которыми скрывалась пристань города Пуццоли. Прямо подо мною двѣ барки ловили рыбу неводомъ и двѣ группы людей, тащившихъ по песку прибрежныя крылья невода, походили отсюда на мелкихъ черныхъ жуковъ, копошащихся у линіи прибоя. Дальше простиралось море и оно казалось съ высоты спокойнымъ и гладкимъ, какъ шелкъ, и воды его вспыхивали и отливали на солнцѣ, какъ муаръ, то голубымъ, то зеленымъ блескомъ. Маленькій островъ Низида приткнулся у мыса, какъ камень брошенный съ неба. Вдали темнѣла круглая стрѣлка Мизенскаго мыса, разорванныя скалы Прочиды и чуть замѣтныя очертанія далекой Искіи. Гладкое морское лоно было такъ близко къ скалѣ, что мнѣ иногда казалось, будто я вижу внизу отраженіе мыса Позилипа и собственную тѣнь на краю старой стѣны.

Когда я старался уловить убѣгающія очертанія этой колеблющейся

тѣни, внезапно изъ глубины морской выплыло новое отраженіе и мало-по-малу сгустилось и окрасилось жизнью. Я поднялъ глаза и посмотрѣлъ предъ собою. Оно сидѣло на крайнемъ выступѣ обрыва, какъ будто готовое спрыгнуть внизъ и утонуть въ томъ самомъ морѣ, откуда оно возникло. Но лицо его было обращено ко мнѣ и глядѣло мнѣ въ глаза жестокимъ, дерзкимъ, пытливымъ, насмѣшливымъ взглядомъ. Это было лицо и фигура женщины, чувственныя линіи рта, круглыя плечи, пышная и крѣпкая грудь, но чудовище имѣло львиныя лапы, какъ сфинксъ или химера, и крѣпко держалось ими за закраину скалы.

И при видѣ этого страннаго видѣнія я невольно затрепеталъ и спросилъ: «Кто ты»?

— Я толпа! — сказала Химера и засмѣялась короткимъ и безпечнымъ смѣхомъ.

Ея холодные сѣрые глаза продолжали заглядывать мнѣ въ душу своимъ вызывающимъ и загадочнымъ взглядомъ. Тогда собственный мой взглядъ смутился и круги поплыли предъ моими глазами въ ясномъ воздухѣ и мнѣ показалось, что прекрасное лицо Химеры удваивается и утраивается. Избѣгая этого зрѣлища, я снова посмотрѣлъ внизъ. Вода у подножія скалы взволновалась внезапнымъ прибоемъ, но съ этой высоты волны казались какъ рябь и мнѣ снова почудилось, что смутное отраженіе фигуры, сидѣвшей на скалѣ, удваивается и утраивается и множится безъ числа.

Чудовище продолжало смѣяться.

— О сфинксъ,—сказалъ я съ внезапной болью,—скажи, зачѣмъ съ такой похотливой готовностью ты отдаешь свое тѣло и душу нечистымъ объятіямъ каждаго бродяги и лакея и превращаешь ихъ въ своихъ супруговъ и господъ?

Вмѣсто отвѣта Химера широко открыла свои крѣпкія объятія и всѣмъ тѣломъ потянулась мнѣ навстрѣчу. По груди ея пробѣжала волнистая дрожь, какъ въ тѣлѣ молодой пантеры, которая нѣжится на солнцѣ, и въ этомъ безмолвномъ движеніи было подтвержденіе и отвѣтъ.

— О сфинксъ,—продолжалъ я настойчиво,—ты развращаешь своихъ господъ своимъ слѣпымъ послушаніемъ и сама вкладываешь имъ въ руку карающую плеть.

— Я люблю силу!—быстро возразила Химера.

Новый сфинксъ внезапно вонзилъ свои когти въ расщелины скалы, и осколки твердаго камня полетѣли въ стороны.

— О сфинксъ,—продолжалъ я съ упрекомъ,—зачѣмъ разбрасываешь ты на всѣ четыре вѣтра земли свои лучшія силы, лучшую кровь своихъ сыновей?

— У меня много сыновей!—сказала Химера.

— Что пользы въ томъ?—возразилъ я упрямо.—Число твое множится, какъ морской песокъ, но умъ твой растетъ медленно и самое время безсильно надъ его косностью.

— Я безсмертна!—сказала Химера.—Время мнѣ подвластно.

— Застой не есть безсмертіе,—возразилъ я увѣренно.—Эта скала уже десять тысячъ лѣтъ лежитъ на мѣстѣ и она не умретъ, ибо не имѣла жизни никогда!

— Ты смертенъ и торопишься!—сказала Химера.—Тѣло твое распадется и сила разложится и растаетъ въ пространствѣ.

— Ты лжешь!—возразилъ я съ внезапнымъ гнѣвомъ.—Тѣло мое смертно, но творческая сила, живущая во мнѣ, безсмертна. Ея сила толкаетъ міръ впередъ и говоритъ ему: «иди!».

— Иди!—повторила Химера и презрительно прищурила глаза.

— О сфинксъ,—сказалъ я съ растущимъ порывомъ. — Посмотри мнѣ въ глаза и признай своего господина! Всѣ тѣ, которымъ ты продавала себя и отдавала свое тѣло, къ которымъ ты переходила по праву наслѣдства и по праву силы и обмана, все это были твои случайные любовники. Я одинъ твой законный повелитель и супругъ.

И Химера затрепетала въ свою очередь и стала рвать когтями скалу.

— Какъ зовутъ тебя?—спросила она со страхомъ въ голосѣ.

— Я—Человѣческій Духъ,—сказалъ я.—Я выбираю тебѣ дорогу на перекресткахъ земли. Въ зеркалѣ моихъ грезъ отраженъ грядущій міръ. Я—Крѣпость Воли. Чего я хочу, то будетъ, какъ судьба. Я—огонь любви. Моя любовь оплодотворяетъ твою стихійную утробу.

— Приди!—сказала Химера и раскрыла объятія.

Я безстрашно подошелъ, закинулъ ей руки на плечи и впился въ ея губы неистовымъ поцѣлуемъ. Въ одномъ поцѣлуѣ я хотѣлъ перелить свою душу въ это прекрасное чудовище. Объятія Химеры замкнулись за моей спиной, когти ея вонзились въ мое тѣло. Кровь брызнула фонтаномъ, я чувствовалъ, что умираю. Скала поколебалась, осѣла и съ грохотомъ рухнула въ море. Химера слилась съ своимъ отраженіемъ и растаяла въ волнахъ...

Самое замѣчательное мѣсто въ окрестностяхъ Неаполя и, быть можетъ, во всей Италіи есть Помпеи. Это не развалины и не реликвія, это цѣлый живой городъ, выхваченный чудомъ изъ древней эпохи и пересаженный въ нашу. Онъ проспалъ подъ слоемъ пепла восемнадцать вѣковъ, какъ замокъ заколдованной царевны. Теперь археологическая лопата разрушила его гробницу и онъ живетъ второй жизнью, болѣе знаменитой и значительной, чѣмъ его первая эпоха.

Его новая жизнь не менѣе реальна, чѣмъ жизнь окружающихъ его городовъ современной Италіи. Дома его цѣлы, форумъ стоитъ окруженный портикомъ и храмами. Улицы, мощеныя лавой, еще хранятъ глубокія слѣды колей, какъ будто послѣдняя квадрига проѣхала только сегодня утромъ. Лавки и таверны сохранились во всей неприкосновенности, и вывѣски, наивныя, но выразительныя, попрежнему призываютъ потребителей. Полупьяный воинъ, нарисованный красной охрой подъ

виннымъ мѣхомъ, попрежнему приказываетъ служанкѣ: «Дай-ка похолоднѣе!»

И противъ веселаго дома чья-то насмѣшливая надпись гласитъ: «Не стойте здѣсь зѣваки! Это мѣсто не для васъ!»

Когда на стѣнѣ одного изъ новооткрытыхъ домовъ я увидѣлъ тонкія, вырѣзанныя гвоздемъ, слова: «Сей домъ принадлежитъ К. Фронтону Сильному»,—мною овладѣло жуткое чувство и мнѣ показалось, что самъ Фронтонъ вотъ-вотъ выйдетъ изъ своей столовой, уставленной мраморной мебелью и украшенной яркими фресками, и заговоритъ со мною по-латыни. Чувство это упорно возвращалось и проходя по узкому переулку между двумя рядами низкихъ кирпичныхъ домовъ, я постоянно ожидалъ, что изъ-за угла главной улицы выйдетъ толпа жителей въ сандаліяхъ и туникахъ, съ голыми ногами и непокрытой головой, и пройдетъ въ храмъ Юпитера или на рынокъ суконщиковъ. Изъ крытаго театра какъ будто еще доносилось эхо послѣдней мелопеи, разыгранной греческими музыкантами. Въ большомъ циркѣ мнѣ чудились зрители, ожидающіе выхода гладіаторовъ, и въ низкихъ каменныхъ клѣткахъ, подъ поломъ арены, какъ будто еще корчились за крѣпкой желѣзной рѣшеткой призраки жертвъ, обреченныхъ на съѣденіе звѣрямъ.

Но никто не показывался на улицахъ Помпеи. Зрители и гладіаторы были мертвы, нѣсколько окаменѣлыхъ труповъ неподвижно лежали въ музеѣ, и волшебная палочка археологіи была безсильна воскресить ихъ для новой жизни.

Пусть же ихъ кости мирно покоятся въ оболочкѣ каменнаго туфа, замѣнившаго ихъ истлѣвшій тѣлесный покровъ. Античный городъ живетъ и урокъ, провозглашаемый этими стѣнами и памятниками, такъ же ясенъ и внятенъ, какъ если бы его провозглашали вѣстники на каждой площади города.

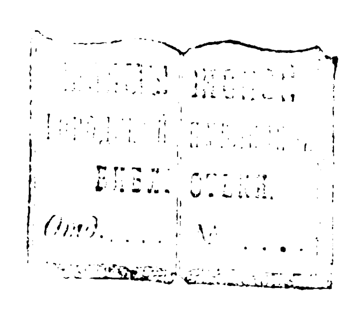
Человѣкъ малъ и ничтоженъ, но человѣчество вѣчно. Культура и прогрессъ отдѣляются изъ его души съ непреодолимой органической силой, какъ тонкія нити шелка изъ утробы шелковичнаго червя. Двадцать вѣковъ тому назадъ культура развилась на этихъ ясныхъ берегахъ и стала рости и переплетаться, какъ колонія коралловъ, создающая Зеленый островъ въ водахъ Тихаго океана. Встрѣчныя струи властолюбія, суевѣрія и звѣрства, возникшія въ ея собственныхъ нѣдрахъ, остановили ея ростъ, и дикія волны варварства, бушевавшія у ея границъ, хлынули внутрь и смыли ее долой съ ея мраморныхъ основаній. И ночь, которая водворилась надъ человѣчествомъ, стала еще мрачнѣе, ибо она уже знала свѣтъ и лишилась его, и видѣла начало зари, которая возвратилась назадъ и погасла.

Но черезъ тысячу лѣтъ стихійная сила, которая заложена отъ вѣка въ нѣдрахъ человѣчества, воскресла съ тѣмъ же непреодолимымъ упорствомъ и пошла по тому же пути и мало-по-малу возстановила

поверженное зданіе, организовала производство и торговлю, вымостила улицы, изваяла статуи, основала науку и искусство. Устои культуры изъ мраморныхъ стали желѣзными и новая сѣть, вмѣсто Средиземнаго моря, охватила всѣ земные океаны, а поприщемъ ея служатъ пять материковъ, и вмѣсто связи римскаго гражданства основавшей вооруженный миръ подъ охраной сотни легіоновъ, современнымъ мечтателямъ, подъ грохотъ скорострѣльныхъ пушекъ и автоматическихъ минъ, упорно грезится огромное международное братство. Цѣпи себялюбія и варварства въ нѣдрахъ современной культуры постепенно превращаются изъ неуклюжихъ желѣзныхъ веригъ въ тонкія стальныя проволоки и сцѣпленія гладкихъ рельсъ. Проволоки заряжены электричествомъ и убиваютъ на лету, и каждый разрывъ рельсъ создаетъ ужасное крушеніе и отзывается землетрясеніемъ на сотни миль вокругъ, но даже въ противорѣчіяхъ современности больше вѣтвистаго сцѣпленія и планомѣрной связи силъ, чѣмъ было въ древности.

Творческій духъ прогресса, тотъ самый стихійный законъ, который ведетъ матерію по предустановленному пути отъ туманныхъ пятенъ къ покрытымъ зеленью планетамъ и отъ амебы къ позвоночному животному, еще ярче отражается въ развитіи человѣчества. И если завтра какой-нибудь междупланетный вихрь или изверженіе снова сорветъ культуру съ ся огромныхъ якорей, духъ творчества готовъ назавтра снова приняться за дѣло, чтобы возстановить поверженное зданіе на еще болѣе широкихъ основахъ и снова вести человѣчество впередъ къ той же великой, отъ вѣка предуставленной цѣли.

Танъ.

ИТОГИ АНТИСЕМИТИЗМА ВЪ ГЕРМАНІИ.

(*Окончаніе* *).

V.

Религіозное значеніе антисемитизма.

Мы указали выше на роль протестантскихъ пасторовъ въ антисемитическомъ движеніи Германіи и цѣли, которыя они при этомъ имѣли въ виду. Посмотримъ теперь насколько эти цѣли были достигнуты.

Пасторы были возмущены критикой церковныхъ обрядовъ и самихъ религіозныхъ вѣрованій, которая въ то время занимала большое мѣсто въ либеральной прессѣ; приписывая эту критику еврейскимъ писателямъ или еврейскому вліянію, они ополчились противъ евреевъ вообще. Что касается послѣднихъ, то ихъ наклонность къ критическому отношенію къ христіанству вообще, конечно, лежитъ въ самомъ ихъ положеніи; но тѣмъ не менѣе нѣмецкая еврейская интеллигенція не разъ обнаруживала большое тяготѣніе къ христіанскимъ идеямъ; цѣлый рядъ евреевъ, выдающихся по уму и талантамъ и стоящихъ притомъ внѣ подозрѣній въ матеріальныхъ побужденіяхъ, присоединились оффиціально къ христіанству. Но наложить печать молчанія на всѣхъ своихъ единоверцевъ евреи, понятно, не могли, въ особенности на тѣхъ изъ нихъ, которые по самому своему положенію призваны высказываться обо всемъ, что интересуетъ общество. Пасторъ Штекеръ прямо заявилъ, что именно «еврейскія» газеты, къ которымъ онъ причислялъ всѣ либеральные органы, и ихъ нападки на церковь побудили его выступить противъ евреевъ и организовать антисемитическое движеніе. «Никогда,—сказалъ онъ,—я бы не подумалъ выступить противъ чисто экономическихъ заблужденій, если бы съ ними не была связана фривольная охота на христіанскіе элементы нашей народной жизни» *).

Посмотримъ, насколько антисемитическое движеніе привело къ возстановленію уваженія къ евангелической церкви и увеличенію вліянія

---

*) См. „Міръ Божій“ № 5, май 1905 г.

**) См. „Das moderne Judenthum in Deutschland, besondersin Berl in“ Zwei Reden von A. Stöcker. V-te Auflage. Berlin. 1880, p. 33.

христіанскихъ идей. Мы уже отмѣтили выше, что антисемиты очень скоро стряхнули съ себя вліяніе пастора Штекера и организовались особо, вполнѣ независимо отъ пасторовъ и «христіанскихъ соціалистовъ». Уже въ самомъ началѣ движенія антисемиты не придавали значенія своей связи съ церковью и христіанствомъ; съ теченіемъ времени они все болѣе удалялись отъ послѣднихъ и, наконецъ, открыто выступили *противъ нихъ*.

Весьма поучительно прослѣдить за этой эволюціей германскаго антисемитизма. Евангелическая церковь вообще питаетъ извѣстное почтеніе къ іудейской религіи; такъ, даже Штекеръ высказалъ еще въ 1878 г.: «Мы почитаемъ іудейство, какъ низшую степень божественнаго откровенія» *). Но политическіе антисемиты, нуждавшіеся въ матеріалѣ для своей демагогической агитаціи, сейчасъ принялись за пересмотръ всѣхъ еврейскихъ религіозныхъ и богословскихъ книгъ. Въ послѣднихъ они нашли много цѣнныхъ для ихъ агитаціи изреченій разныхъ еврейскихъ обскурантовъ и фанатиковъ и питались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этой духовной пищей. Всѣ помнятъ нескончаемые препирательства о значеніи Шулхенъ - Аруха, Талмуда и другихъ средневѣковыхъ богословскихъ сочиненій, которыя одно время усерднѣе изучались антисемитами, чѣмъ евреями. Но публика потеряла интересъ къ этимъ препирательствамъ, когда выяснилось, что для современнаго германскаго еврейства Талмудъ, Шулхенъ-Арухъ и т. п. произведенія средневѣкового духа имѣютъ лишь значеніе историческихъ памятниковъ. Тогда антисемитическіе публицисты и ученые занялись книгой, несомнѣнно священной для вѣрующихъ евреевъ и знакомой въ то же время всему современному поколѣнію, именно—Пятикнижіемъ, Ветхимъ Завѣтомъ. Правда, эта книга священна также для протестантовъ и изучается во всѣхъ народныхъ школахъ; но это какъ будто придало особую пикантность агитаціи противъ Ветхаго Завѣта, имѣвшей одно время большой успѣхъ. Къ антисемитамъ присоединилась въ этомъ случаѣ также свободомыслящая часть общества и много неантисемитическихъ педагоговъ, находившихъ, что книга Ветхаго Завѣта по своему содержанію, во всякомъ случаѣ, неподходящая для дѣтей школьнаго возраста. Движеніе противъ Ветхаго Завѣта было настолько сильно, что само правительство начинало уступать ему, какъ видно изъ нѣкоторыхъ циркуляровъ прусскаго министерства просвѣщенія. Даже нѣкоторые пасторы стали на сторонѣ этого движенія, хотя они не могли не замѣтить, какими опасностями для всей исторической и традиціонной основы протестантской церкви угрожаетъ агитація противъ первой части Библіи. Но политиканствующіе пасторы сочли политичнымъ пойти на уступки, можетъ быть, надѣясь задержать такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе этого страшнаго движе-

*) A. Stöcker. „Chistlich-social“. Gesammelte Schriften und Reden, p. 127.

нія. Такъ, Адольфъ Штекеръ нашелъ нужнымъ признать публично на народномъ собраніи, 2-го ноября 1892 г.: «Конечно, Яковъ представляетъ собою типъ еврейства: онъ обманываетъ и хитритъ; конечно, Давидъ былъ прелюбодѣй и убійца!» *).

Но эта маккіавелліевская тактика почтеннаго отца антисемитизма не достигла своей цѣли. Непреодолимая сила логической послѣдовательности и настоятельныя потребности демагогической агитаціи толкали антисемитовъ все дальше и дальше. Ветхій Завѣтъ сталъ для антисемитическихъ агитаторовъ любимой иллюстраціей закоренѣлой безнравственности евреевъ, почитающихъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій «такую» книгу, а вліяніе Ветхаго Завѣта на протестантскую церковь— яркимъ примѣромъ «сатаническаго» характера семитическаго духа, съумѣвшаго вторгнуться въ самую святую святыхъ народной души. Крикъ: «наша религія отравлена евреями!»—сталъ популярнымъ лозунгомъ антисемитическихъ агитаторовъ, которые въ послѣдовательномъ развитіи этой «мысли» скоро предались самой необузданной критикѣ христіанства, до такой степени рѣзкой, что мы не можемъ здѣсь повторять ее. Интересующихся этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ книгамъ: «Antisemiten-Katechismus», составленному Теодоромъ Фритшемъ, однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ антисемитическихъ публицистовъ и къ книгѣ «Antisemiten-Spiegel», изданной «обществомъ борьбы съ антисемитизмомъ», а въ особенности къ сочиненіямъ философа антисемитизма Евгенія Дюринга.

Мы ограничимся только немногими, менѣе рѣзкими цитатами.

Въ журналѣ «Freideutschland», изданіе профессора Ферстера, одного изъ свѣтилъ антисемитической партіи, въ номерѣ отъ 2-го іюня 1886 г. находятся слѣдующія замѣчанія:

«Исторически не подлежитъ сомнѣнію, что старо-германская сила героическаго народа всемірной исторіи только *до* соприкосновенія съ христіанствомъ была совершенно неподдѣльна; съ тѣхъ поръ эта сила въ теченіе вѣковъ все болѣе и болѣе слабѣла, пока мы не превратились, наконецъ, въ жалкій народъ настоящаго времени—все подъ вліяніемъ христіанства».

Въ «Антисемитической корреспонденціи», изданіи «нѣмецко-соціальной партіи» находятся (въ 4-мъ № 1902 г.) слѣдующія утвержденія:

«Христіанство, которое, какъ религіозное произведеніе семитическаго духа, первоначально было создано только для евреевъ, привитое къ намъ внѣшнимъ образомъ, вслѣдствіе благопріятныхъ политическихъ условій, *инфицировало* насъ семитическимъ духомъ и задавило лучшіе и благороднѣйшіе задатки нашей національной натуры... Нужно, наконецъ, признать, что христіанство содержитъ въ себѣ добрую

*) „Antisemitische Korrespondenz“, № 226, стр. 587.

долю семитизма; поэтому полное выдѣленіе еврейства возможно только тогда, когда будетъ выдѣлено и христіанство»...

Были, впрочемъ, и такіе антисемиты, которые отрицали всякую связь христіанства съ іудействомъ. Такъ, напр., антисемитическій публицистъ Hentschel помѣстилъ въ «Deutsch-soziale Blätter» *), въ 1893 г., «изслѣдованіе» подъ заглавіемъ «War Christus Jude?», въ которомъ самымъ серьезнымъ образомъ доказывается, что основатель христіанства не былъ ни евреемъ, ни семитомъ, а по всей вѣроятности—германцемъ, такъ какъ у него были бѣлокурые волосы, голубые глаза и прямой носъ...

Но наиболѣе серьезные антисемиты видѣли, что такими «изслѣдованіями», точно такъ же какъ и попытками «очистить» христіанство, нельзя достигнуть цѣлей «чистаго» антисемитизма; они присоединились къ Евгенію Дюрингу, который считалъ борьбу съ христіанствомъ такою же «священною обязанностью серьезнаго антисемита», какъ борьбу съ еврействомъ, потому что «тѣ, которые хотятъ сохранить христіанскія традиціи, неспособны выступать настойчиво противъ еврейства», и «христіанинъ, понимающій себя, не можетъ быть серьезнымъ антисемитомъ» **).

Должно признать, что Дюрингъ лучше понималъ отношеніе христіанства къ антисемитизму, чѣмъ политиканствующіе пасторы...

VI.

Вліяніе антисемитизма на положеніе евреевъ.

Мы видѣли, что политическіе и религіозные результаты антисемитической агитаціи были прямо противоположны тѣмъ результатамъ, на которые расчитывали ея протекторы. Столь же отрицательнаго свойства были и соціальные результаты антисемитизма. Въ рукахъ германскихъ евреевъ сосредоточились большія матеріальныя средства, значительно превышающія ту долю, которая соотвѣтствовала бы ихъ количественному отношенію къ общему населенію Германіи. Этотъ неоспоримый фактъ служитъ однимъ изъ главныхъ стимуловъ антисемитической агитаціи, какъ будто не подлежитъ сомнѣнію, что капиталы, находящіеся теперь въ рукахъ германскихъ евреевъ попали бы въ руки нѣмцевъ, если бы евреевъ въ Германіи не было. Это однако-жъ въ дѣйствительности болѣе чѣмъ сомнительно. Извѣстно, что предпріимчивость еврейскихъ фабрикантовъ, коммерсантовъ и банкировъ привлекла въ Германію огромные капиталы изъ чужихъ странъ, подчасъ очень отдаленныхъ отъ Германіи. Извѣстно также, что и внутри Германіи предпріимчивость евреевъ не мало содѣйствовала развитію

*) 1893 г., p. 343.
**) E. Dühring. „Die Parteien und die Judenfrage“.

торговли и промышленности, благодаря которому благосостояніе германскаго народа такъ поразительно возрастаетъ. Несомнѣнно, что тѣ крупные капиталы, которые находятся въ рукахъ германскихъ евреевъ, составляютъ лишь одну часть тѣхъ богатствъ, которыя привлечены въ страну или созданы внутри ея еврейской предпріимчивостью. Можно бы спросить, не слишкомъ ли велика эта часть? Но этотъ вопросъ связанъ съ общимъ вопросомъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи богатствъ между различными классами населенія, это вопросъ не антисемитизма, а соціализма. Мы поэтому не можемъ здѣсь его касаться.

Практическое значеніе имѣютъ слѣдующіе два вопроса:

1) Какъ произошло, что въ рукахъ германскихъ евреевъ оказалась несоразмѣрно съ ихъ численностью высокая доля богатствъ страны?

2) Способенъ ли антисемитизмъ возстановить равновѣсіе въ этомъ отношеніи?

Отвѣтъ на первый вопросъ производитъ впечатлѣніе парадокса, но онъ основанъ на несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ. Въ краткой формулировкѣ онъ гласитъ: несоразмѣрное накопленіе богатствъ въ рукахъ германскихъ евреевъ есть прямое послѣдствіе антисемитизма (стараго и новаго антисемитизма). Германскіе евреи отнюдь не добровольно посвятили себя исключительно торговлѣ и банковымъ операціямъ, а были къ этому насильно *принуждены* государственною властью, *запретившей* имъ другія занятія. Государственная власть *насильственно помѣшала* равномѣрному распредѣленію евреевъ по всей странѣ и по всѣмъ профессіямъ. Это положеніе впродолженіи многихъ вѣковъ имѣло крайне удручающее вліяніе на матеріальное состояніе еврейскаго населенія; только въ самое новѣйшее время, когда города расцвѣли, а торговля стала жизненнымъ нервомъ всей экономической жизни, экономическое состояніе евреевъ улучшилось, и ихъ занятія, которыми чистокровные нѣмцы прежде гнушались, стали самыми прибыльными источниками крупныхъ богатствъ и предметомъ общихъ вожделѣній и общей зависти. *Тогда* потомки средневѣковыхъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, наслѣдники ихъ государственной мудрости—наши современные антисемиты, потребовали, чтобы евреи уступили имъ свои прибыльныя занятія, а сами занялись бы ремеслами и хлѣбопашествомъ *). Но Блейхредеръ теперь не имѣетъ никакой охоты переселиться изъ своего дворца въ крестьянскую хижину, а Ротшильдъ не чувствуетъ никакого влеченія къ ремеслу сапожника; ихъ предки, можетъ быть, согласились бы на это съ удовольствіемъ, но тогда антисемиты не хотѣли. Теперь они требуютъ отъ евреевъ,

*) См. Th. Frifsch. „Antisemiten Katechismus“, 25-te Auflage, p. 11: „я предлагаю слѣдующій законъ: евреи могутъ заниматься только хлѣбопашествомъ или производительнымъ ремесломъ“.

чтобы они оставили свои банки, фабрики и магазины и занялись воздѣлываніемъ картофеля и капусты или приготовленіемъ пироговъ и колбасъ... Очевидно, что это требованіе не будетъ исполнено. Германскіе евреи всецѣло принадлежатъ къ буржуазному классу и столкнуть ихъ оттуда внизъ нѣтъ возможности. Для современной Германіи еврейскій вопросъ состоитъ въ томъ, *какъ распредѣлить равномѣрно еврейскій элементъ въ самомъ буржуазномъ классѣ.* Вопросъ этотъ имѣетъ крупное государственное значеніе, въ виду той роли, которую буржуазный классъ играетъ въ современномъ государствѣ. Въ буржуазномъ классѣ Германіи евреи, которые во всемъ населеніи составляютъ только 1%, имѣютъ довольно высокую долю, доходящую въ нѣкоторыхъ слояхъ до 10% и болѣе. Тутъ неравномѣрное распредѣленіе еврейскаго элемента и накопленіе его въ немногихъ пунктахъ особенно чувствительно нарушаетъ необходимое равновѣсіе въ соціальныхъ отношеніяхъ разнородныхъ элементовъ. А между тѣмъ антисемитизмъ именно и ведетъ къ такому нарушенію необходимаго равновѣсія. Германскіе антисемиты требуютъ исключенія евреевъ изъ всѣхъ областей государственной и общественной службы, изъ школъ и университетовъ, изъ парламентовъ, изъ арміи, даже изъ самаго такъ наз. «общества» и его салоновъ. Это, какъ мы видѣли, традиціонная политика антисемитовъ, несообразность которой съ самыми цѣлями, преслѣдуемыми антисемитами, столь ясно доказана историческимъ опытомъ. Тѣмъ не менѣе эта политика недавно была еще популярна въ нѣмецкомъ обществѣ.

Въ первое время общество какъ будто само стыдилось своего столь неразумнаго увлеченія, но по мѣрѣ того, какъ антисемитическія идеи распространялись и число антисемитовъ увеличивалось, стыдъ исчезалъ и въ концѣ концовъ уступилъ мѣсто прямо противоположному чувству: «порядочному» человѣку стало непристойнымъ не быть антисемитомъ. Антисемитизмъ вошелъ въ моду, онъ сталъ украшеніемъ салоновъ, интересной темой для занимательныхъ бесѣдъ.

Редакторы антисемитическихъ газетъ разсказываютъ, что въ первое время ихъ агитаціи, въ 80-хъ годахъ, они были вынуждены разсылать свои произведенія въ запечатанныхъ конвертахъ и притомъ безплатно. Сочувствующіе антисемитизму настоятельно просили о строжайшей «дискреціи», такъ какъ «считалось предосудительнымъ и опаснымъ быть антисемитомъ», въ 93 году всѣ «приличные» люди были открытыми антисемитами *). Правда, эта мода не долго продолжалась, но она успѣла внести большое замѣшательство въ общественныя отношенія, задержать естественное стремленіе еврейской и христіанской интеллигенціи къ взаимному сближенію и остановить притокъ еврейской энергіи и еврейскихъ талантовъ къ государственной и общественной дѣятельности.

*) См. „Deutsch-soziale Blätte“, 1893, p. 2.

Антисемиты торжествовали, но каковы были результаты?

Евреи тѣснѣе сомкнули свои ряды, стали все болѣе и болѣе сближаться исключительно съ своими единовѣрцами и все болѣе удаляться отъ другихъ соотечественниковъ. Ихъ приверженность къ еврейской литературѣ, искусству и наукѣ усилилась, ихъ интересъ къ нѣмецкой литературѣ ослабѣлъ. Они вышли изъ обще-нѣмецкихъ организацій и основали чисто еврейскіе союзы, число которыхъ быстро увеличилось. Словомъ «исключительность» евреевъ, представляющая, по мнѣнію антисемитовъ опасность для Германіи, чрезвычайно усилилась. Ихъ соціальное вліяніе, между тѣмъ, нисколько не уменьшилось. Ихъ экономическая сила возросла, потому что они еще болѣе сосредоточили свое вниманіе на коммерческой и промышленной дѣятельности, а вмѣстѣ съ матеріальной силой возросли также духовныя силы нѣмецкаго еврейства, повысился уровень образованія, расширились кадры интеллигенціи. Не имѣя возможности распредѣлиться равномѣрно по всѣмъ каналамъ соціальнаго организма, еврейская интеллигенція устремилась всей своей массой къ свободнымъ интеллигентнымъ профессіямъ, которыя они, по выраженію антисемитовъ, и «захватили», точно такъ же, какъ другіе евреи по аналогичнымъ причинамъ «захватили» нѣмецкую торговлю въ свои руки.

Еврейскіе юристы, лишенные возможности примѣнять свои знанія и способности въ качествѣ чиновниковъ, судей и т.-п., посвятили себя почти всецѣло адвокатурѣ. Еврейскіе ученые, не имѣвшіе возможности посвятить себя чистой наукѣ на университетскихъ каѳедрахъ, занялись частной и популярной наукой, писали книги, издавали журналы и газеты; еврейскіе врачи по аналогичнымъ причинамъ посвятили себя, главнымъ образомъ, частной практикѣ. Ихъ вліяніе, благодаря этому, было менѣе оффиціальное, менѣе видное, но врядъ ли менѣе глубокое и широкое. Наоборотъ, въ свободныхъ профессіяхъ еврейская интеллигенція особенно близко соприкасалась съ народной массой и тутъ пріобрѣла то вліяніе, въ которомъ имъ «наверху» отказывали. Словомъ, всѣ ограничительныя мѣры не уменьшили силъ и вліянія германскихъ евреевъ, а только *перемѣстили* ихъ и притомъ самымъ неудачнымъ образомъ съ точки зрѣнія антисемитизма.

Эти парадоксальныя послѣдствія антисемитизма предсказывались многими при самомъ его возникновеніи, между прочимъ также княземъ Бисмаркомъ и графомъ Каприви. Но то, что было ясно для имперскаго канцлера, оставалось неяснымъ для его подчиненныхъ, для бюрократіи, для чиновничества, въ которомъ почва оказалась весьма воспріимчивой для антисемитизма. Въ концѣ концовъ и правительство съ своей стороны нашло необходимымъ уступить общему настроенію бюрократическихъ сферъ, какъ въ отношеніи пріема евреевъ на государственную службу, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Законы, гарантирующіе евреямъ полное равноправіе, были сохранены въ полной неприкосновен-

ности, но ихъ практическое примѣненіе было во многихъ отношеніяхъ пріостановлено. Германское правительство въ теоріи осуждало антисемитизъ, а на практикѣ дѣйствовало согласно его внушеніямъ.

Послѣдствіемъ этого образа дѣйствія со стороны правительства былъ *переходъ всѣхъ евреевъ на сторону оппозиціи.* По мѣрѣ усиленія антисемитизма въ бюрократіи, оппозиціонное настроеніе усиливалось въ свою очередь, становилось болѣе рѣзкимъ, болѣе рѣшительнымъ, болѣе крайнимъ,—до того, что значительная часть германскихъ евреевъ присоединилась въ концѣ концовъ къ самой крайней оппозиціонной партіи, къ соціалъ-демократіи. Этотъ фактъ представляетъ собою вообще явленіе крайне ненормальное: евреи, которые по своему соціальному положенію призваны быть самыми горячими защитниками принципа частной собственности, переходятъ на сторону партіи, стремящейся совершенно уничтожить послѣднюю; евреи, которые, по общему мнѣнію, какъ никакой другой народъ, склонны ко всякимъ сдѣлкамъ, уступкамъ и компромиссамъ, становятся въ ряды непримиримой революціонной соціалъ-демократіи; евреи-банкиры, коммерсанты и фабриканты идутъ рука объ руку съ пролетаріями и чернорабочими! Это несомнѣнно ненормальное явленіе есть, однако-жъ, *естественный* продуктъ ненормальныхъ условій; этотъ историческій парадоксъ есть прямое послѣдствіе парадоксальнаго антисемитическаго движенія! Исторія также выбиваетъ клинъ клиномъ... Антисемитизмъ погналъ въ ряды соціалъ-демократіи нѣмецкій народъ, онъ же погналъ туда евреевъ и такимъ образомъ соединилъ бывшихъ антисемитовъ съ евреями для дружной борьбы съ общими противниками...

VII.

Къ характеристикѣ антисемитизма.

Обозрѣвая всѣ результаты антисемитическаго движенія, парадоксальные по своему существу, прямо противоположные всѣмъ планамъ, намѣреніямъ и желаніямъ его организаторовъ и покровителей, внесшіе крайнюю смуту въ умы, въ общество и въ народъ, невольно вспоминаешь характеристику, данную императоромъ Вильгельмомъ II первой антисемитической организаціи, созданной отцомъ антисемитизма, Адольфомъ Штекеромъ, «христіанско-соціальной партіи». Какъ мы уже упомянули, Вильгельмъ II сказалъ: «Христіанскій соціализмъ—безсмыслица!» Что же тогда сказать объ антисемитическомъ соціализмѣ или о чистомъ антисемитизмѣ? Если судить о нихъ по ихъ плодамъ, то нужно признать, что во всемъ XIX-мъ столѣтіи, столь богатомъ разнообразными формами политическихъ движеній, не было ничего болѣе безразсуднаго, болѣе противорѣчащаго всѣмъ задачамъ и самой сущности «политики».

Таковы «плоды» политическаго антисемитизма; но и его намѣренія немногимъ лучше.

Чего въ самомъ дѣлѣ добивался германскій политическій антисемитизъ, что онъ намѣревался сдѣлать съ евреями? Уничтожить ихъ, прогнать ихъ или просто отнять у нихъ ихъ имущество? Представители антисетитизма съ негодованіями отвергли бы такія предложенія. И однако-жъ отдѣльные антисемиты не разъ высказывались за такія «радикальныя» мѣры, а нѣкоторые даже очень ревностно пропагандировали въ ихъ пользу: напомнимъ ректора Альвардта, графа Пюклера, доктора Бахлера, имѣвшихъ не мало «учениковъ» и послѣдователей. Правда, эта агитація фактически не вызвала ни грабежей, ни кровопролитій, но агитаторы въ этомъ не виноваты... Успѣху этой агитаціи помѣшалъ только высокій культурный уровень нѣмецкаго народа, слишкомъ далеко ушедшаго отъ мрачныхъ временъ средневѣковья, чтобы возвращаться къ нимъ подъ вліяніемъ публичныхъ рѣчей или газетныхъ статей. Власти также въ общемъ удовлетворительно выполнили лежащія на нихъ обязанности; онѣ хотя въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, свободны отъ всякихъ сентиментальностей, вообще, и, въ частности, отъ нѣжнаго чувства къ евреямъ, но жизнь и имущество гражданъ онѣ охраняли со свойственнымъ имъ усердіемъ.

Но нельзя, конечно, отождествлять всю антисемитическую партію съ Альвардтомъ и Пюклеромъ. Въ своей оффиціальной программѣ антисемиты требовали лишь введенія особаго законодательства о евреяхъ, объявленія ихъ чужестранцами, хотя Германія уже нѣсколько столѣтій составляетъ ихъ родину, хотя большинство изъ нихъ поселилось въ Германіи только немногимъ позже, чѣмъ сами нѣмцы, а нѣкоторые, можетъ быть, и раньше. Какого именно характера должно быть желательное законодательство о евреяхъ, программа умалчиваетъ; но очевидно, что оно, по мнѣнію антисемитовъ, должно быть строго ограничительнаго характера, т.-е. того же характера, какого было законодательство о евреяхъ въ прежніе вѣка. Извѣстно, между тѣмъ, что именно это законодательство и привело къ сосредоточенію евреевъ въ немногихъ пунктахъ страны и въ нѣсколькихъ профессіяхъ, т.-е. именно къ тому самому, что служитъ главнымъ источникомъ недовольства со стороны антисемитовъ. Извѣстно также, что въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ до сихъ поръ сохранилось исключительное законодательство о евреяхъ, еврейскій вопросъ не только не принялъ болѣе успокоительной формы, чѣмъ въ Германіи, но прямо какъ кошмаръ виситъ надъ всей соціальной, политической и духовной жизнью страны, дѣйствуя крайне подавляющимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Консервативная партія не требовала ограничительнаго законодательства противъ германскихъ евреевъ. Ея органы и ея ораторы говорили только объ «обузданіи» евреевъ, которые, по ихъ мнѣнію, слишкомъ «распустили себя»; они требовали чего-то вродѣ общественнаго воспитанія евреевъ, манеры которыхъ они находили нехорошими и непріятными. Въ этомъ смыслѣ высказались самые выдающіеся

представители консервативнаго антисемитизма, какъ, напр., Гейнрихъ Трейчке, Адольфъ Вагнеръ и Адольфъ Штекеръ. Они открещивались отъ солидарности съ «чистыми», радикальными антисемитами, въ особенности А. Вагнеръ, который уже лѣтъ 10 тому назадъ заявилъ на публичномъ собраніи, что онъ вообще не антисемитъ и присоединился къ Штекеру только ради *соціальной* части его программы.

Что касается самого Штекера, то онъ въ своихъ знаменитыхъ, рѣчахъ, положившихъ первое основаніе антисемитическому движенію, такъ формулировалъ свое отношеніе къ еврейскому вопросу *):

«Что же дѣлать? Мы думаемъ, что евреи и христіане должны вмѣстѣ заботиться о томъ, чтобы между ними установились нормальныя отношенія. Другого пути нѣтъ... Израиль долженъ отказаться отъ своей претензіи сдѣлать іудейство религіей будущаго... Еврейская пресса должна стать толерантнѣе,—это перое условіе лучшихъ отношеній. Соціальный же вредъ, приносимый евреями, долженъ быть уничтоженъ посредствомъ мудраго законодательства». Затѣмъ ораторъ излагаетъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, обращенлыхъ не противъ евреевъ, а вообще противъ злоупотребленій коммерсантовъ и спекулянтовъ. По отношенію къ однимъ евреямъ онъ требуетъ только ихъ удаленія изъ христіанскихъ школъ и установленія соотвѣтствія между числомъ еврейскихъ судей и долей евреевъ въ общемъ населеніи. Въ другой своей рѣчи Штекеръ прибавилъ слѣдующее **):

«Великій вопросъ состоитъ въ томъ, какъ намъ устранить или уменьшить опасность, угрожающую отъ новѣйшаго еврейства? Законодательство можетъ кое-что сдѣлать, если оно ограничитъ господство капитала и тѣмъ съузитъ область еврейскихъ владѣній. Самое лучшее должно придти отъ возрожденія живого христіанства. Когда нѣмецкій народъ снова станетъ народомъ христіанскимъ, свободнымъ отъ жадности къ деньгамъ, переполненнымъ благоговѣнія передъ его церковью, тогда новѣйшее еврейство ничего не сможетъ сдѣлать со своимъ мамоновымъ духомъ, со своей презрѣнной прессой, со своей ненавистью противъ церкви. Напротивъ, тогда оживотворенное христіанство выполнитъ могучую и непреодолимую миссію по отношенію къ самимъ евреямъ новѣйшимъ и ортодоксальнымъ». «Hier liegt des Pudels Kern», сказалъ бы въ этомъ мѣстѣ Мефистофель; тутъ лежитъ корень штекеровскаго антисемитизма: *въ миссіонерствѣ*. Для политическаго и общественнаго дѣятеля онъ поэтому, въ сущности, особаго интереса не представляетъ.

Перейдемъ къ Гейнриху Трейчке, извѣстному (нынѣ умершему) историку берлинскаго университета, написавшему въ концѣ 79-го и

---

*) „Das moderne Judenthum in Deutschland, besonders in Berlin". V-te Auflage. Berlin. 1880, p. 19.

**) Ib., p. 40.

началѣ 80-го года нѣсколько статей противъ евреевъ, вызвавшихъ въ то время сильнѣйшую сенсацію.

Какъ историкъ, Трейчке хорошо зналъ, что недостатки германскихъ евреевъ представляютъ собою въ значительной степени прямой продуктъ ограниченій и притѣсненій прежнихъ временъ: такъ, обсуждая причины несоразмѣрнаго вліянія германскихъ евреевъ на прессу, онъ говоритъ: «преобладаніе еврейства въ ежедневной прессѣ есть фатальное послѣдствіе нашихъ узкосердечныхъ старыхъ законовъ, закрывшихъ евреямъ доступъ къ большинству ученыхъ поприщъ» *). Трейчке былъ поэтому рѣшительнымъ противникомъ ограничительнаго законодательства противъ евреевъ. «Объ отмѣнѣ или даже ограниченіи совершившейся эмансипаціи,—сказалъ онъ **),—у здравомыслящихъ людей не можетъ быть и рѣчи; это бы... только усилило національный антагонизмъ, отъ котораго мы теперь страдаемъ». Но Трейчке находилъ, что современные германскіе евреи имѣютъ много непріятныхъ нѣмцамъ свойствъ, отъ которыхъ они непремѣнно должны освободиться; онъ находилъ, что нѣмцы имѣютъ право *требовать* этого отъ евреевъ, въ качествѣ господъ и хозяевъ Германіи. Эти непріятныя нѣмцамъ еврейскія свойства, по признанію самого Трейчке, отчасти коренятся въ самой натурѣ семитической расы, въ ихъ живомъ нервномъ темпераментѣ, налагающемъ отпечатокъ на всѣ ихъ движенія и манеры, на ихъ рѣчь, на ихъ мысль, на весь ихъ характеръ, точно также какъ темпераментъ итальянцевъ, испанцевъ или французовъ даетъ извѣстный колоритъ характеру этихъ народовъ; отчасти представляютъ собою продуктъ безчеловѣчнаго и безразсуднаго обращенія съ евреями со стороны предковъ современныхъ нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе Трейчке требовалъ, чтобы евреи немедленно освободились отъ всѣхъ этихъ свойствъ, угрожая въ противномъ случаѣ очень непріятными послѣдствіями. На это категорическое требованіе, особенно странное со стороны историка, который, казалось бы, долженъ понимать, что свойства народнаго характера не мѣняются по командѣ, Гейнриху Трейчке отвѣтилъ другой историкъ берлинскаго университета, нынѣ также умершій, знаменитый Теодоръ Момзенъ *). Онъ не отрицалъ существованія непріятныхъ свойствъ у германскихъ евреевъ,—да гдѣ тотъ народъ, который не имѣлъ бы извѣстнаго количества болѣе или менѣе крупныхъ недостатковъ?—но онъ утверждалъ, что и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, со всѣми ихъ недостатками, евреи составляютъ полезную часть общаго населенія. «Я вообще того мнѣнія,—замѣчаетъ онъ при этомъ,—что Провидѣніе гораздо лучше, чѣмъ господинъ Штекеръ, знало, зачѣмъ нужно было примѣ-

---

*) „Ein Wort über unser Judenthum“. Von H. von Treitschke. Berlin 1881, p. 2.
**) Id. p. 4.
***) Theodor Momsen. „Auch ein Wort über unser Judenthum“. Berlin, 1881.

шать къ германскому металлу нѣсколько процентовъ Израиля». Момзенъ рѣшительно отрицаетъ у нѣмцевъ право *требовать* отъ евреевъ, чтобы они измѣнили свою натуру и свой характеръ изъ вниманія къ вкусамъ и характеру германцевъ, и прибавляетъ, что во, всякомъ случаѣ, улучшеніе еврейскаго характера не будетъ достигнуто грубыми окриками, оскорбленіями и необузданной агитаціей: «дурные евреи,—говоритъ онъ,—останутся такими же, какими они были раньше, а хорошіе отвернутся отъ христіанъ; въ то же время среди самихъ христіанъ чернь всѣхъ классовъ съ жадностью устремится на беззащитную дичь и даже лучшіе христіане потеряютъ отчасти внутреннюю твердость и начнутъ колебаться». Дальнѣйшее развитіе антисемитическаго движенія вполнѣ подтвердило эти предсказанія Момзена.

Требованія, предъявленныя Трейчке къ евреямъ, были вызваны, главнымъ образомъ, тѣмъ неизмѣримымъ самообожаніемъ и тѣмъ презрѣніемъ ко всему ненѣмецкому, которыя охватили большую часть нѣмецкой (точнѣе *прусской*) интеллигенціи послѣ нѣмецкихъ побѣдъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Но даже если бы эти требованія сами по себѣ были справедливы, то крайняя нетерпѣливость, съ которой антисемиты подступили съ ними къ евреямъ и которая съ объективно-исторической точки зрѣнія, только безконечна-комична, съ человѣческой точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ, глубоко-возмутительна. «Что же, чуда, что ли, требуютъ отъ неба? — справедливо высказалъ извѣстный политическій дѣятель Гёнель *).—Какъ, господа! больше тысячи лѣтъ мы порабощали евреевъ, топтали ихъ ногами, убивали ихъ, когда это намъ нужно было (волненіе среди депутатовъ). *Да! убивали, когда это намъ нужно было* (совершенно вѣрно! среди депутатовъ), мы ихъ исключали изъ нашей національной общины, изъ нашей семейной общины, мы ихъ принуждали ограничиваться лишь немногими извѣстными занятіями и послѣ такого тысячелѣтняго прошлаго выставляется требованіе, чтобы его вліяніе было *сразу* уничтожено! Сколько времени прошло съ момента эмансипаціи нѣмецкихъ евреевъ?—Едва одно поколѣніе; а со времени полной эмансипаціи—едва одно десятилѣтіе!»

Этотъ самый вопросъ разобралъ 70 лѣтъ тому назадъ знаменитый англійскій историкъ Маколей въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ общинъ 17-го апрѣля 1833 года при обсужденіи вопроса объ эмансипаціи евреевъ.

Въ отвѣтъ на рѣчь одного противника еврейской эмансипаціи Маколей высказалъ **):

---

*) При дебатахъ въ прусскомъ ландтагѣ 20-го ноября 1880 г. Гёнель—чистокровный нѣмецъ.

**) Беремъ эту выдержку изъ изданія: „Macaulay's Rede für die Emanzipation der Juden". Frankfurt a/M. 1881.

*

«Почтенный представитель Ольдгама утверждаетъ, что евреи представляютъ низкую, скупую и жадную расу, что они избѣгаютъ всякую почтенную профессію; онъ говоритъ, что евреи не занимаются ни хлѣбопашествомъ, ни скотоводствомъ, что ростовщичество—единственное занятіе, къ которому они способны и что они лишены всякихъ благородныхъ чувствъ. Такъ во всѣ времена аргументировало лицемѣріе. Для того, чтобы оправдать преслѣдованія, оно ссылается на пороки, вызванные этими самими преслѣдованіями. Англія и наполовину не была отечествомъ для евреевъ, а мы ихъ упрекаемъ за то, что они не вполнѣ патріотичны; мы обращаемся съ ними, какъ съ рабами, и удивляемся, что они не относятся къ намъ, какъ къ братьямъ; мы ихъ принуждаемъ заниматься низменными дѣлами и упрекаемъ ихъ въ томъ, что они не посвящаютъ себя почтеннымъ профессіямъ; съ незапамятныхъ временъ мы имъ запрещаемъ владѣть землей и жалуемся, что они занимаются только торговлей; мы имъ закрыли доступъ къ почетнымъ должностямъ и теперь презираемъ ихъ за то, что они поддались жадности къ деньгамъ; впродолженіи многихъ столѣтій мы злоупотребляли по отношенію къ евреямъ превосходствомъ нашихъ физическихъ силъ и возмущаемся, что они прибѣгаютъ къ хитрости, естественному орудію слабаго для самозащиты противъ насилія сильнаго. Но развѣ евреи всегда были такими, какіе они теперь? Никто не знаетъ лучше моего уважаемаго друга, представителя Оксфорда, что въ національномъ характерѣ евреевъ нѣтъ ничего такого, что дѣлало бы ихъ неспособными къ выполненію самыхъ высшихъ гражданскихъ обязанностей. Онъ прекрасно знаетъ, что уже въ первыя времена человѣческой культуры, когда въ нашемъ отечествѣ все еще было такъ же дико, какъ теперь въ Гвинеѣ, когда и въ Аѳинахъ еще ничего не знали объ искусствѣ и наукѣ, когда на мѣстѣ современнаго Рима едва находилась одна жалкая хижина, что тогда уже этотъ народъ, который теперь такъ сурово обвиняютъ, имѣлъ свои кедровые дворцы, свои великолѣпные храмы, свой торговый флотъ, свои богословскія школы, великихъ государственныхъ мужей и генераловъ, своихъ философовъ, историковъ и поэтовъ! И если въ теченіе столѣтій порабощенные потомки героевъ и мудрецовъ не находятся на той высотѣ, на которой находились ихъ предки, и если, исключенные отъ благодѣтельнаго вліянія законности, приниженные рабствомъ, они пріобрѣли нѣкоторые пороки, свойственные рабамъ и безправнымъ, то можемъ ли *мы* имъ дѣлать упреки за это? Не должны ли мы, наоборотъ, стыдиться этого и чувствовать угрызенія совѣсти?»

Антисемиты, однако-жъ, не стыдятся; но, къ счастью, ихъ вліяніе на народъ и государства въ современной Германіи незначительно.

VIII.

Отношеніе народа и государства къ антисемитизму.

Какія чувства нѣмецкій народъ въ глубинѣ души питаетъ къ евреямъ и насколько въ нихъ сохранилось традиціонной, вѣками воспитанной вражды къ нимъ, трудно установить.

Но въ практическихъ, житейскихъ и дѣловыхъ отношеніяхъ главную роль играютъ не традиціи, а свѣжія, непосредственныя впечатлѣнія живой дѣйствительности. Какого же рода эти впечатлѣнія? Подтверждаютъ они антисемитическія традиціи или идутъ съ ними въ разрѣзъ? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ въ концѣ концовъ рѣшеніе еврейскаго вопроса.

Для полученія объективнаго отвѣта мы употребимъ тотъ же самый методъ, который примѣняли въ этомъ изслѣдованіи при рѣшеніи всѣхъ другихъ сложныхъ проблемъ антисемитическаго движенія, т.-е., не останавливаясь на отдѣльныхъ частностяхъ и разнообразныхъ случайностяхъ, которыя такъ легко поддаются пристрастной группировкѣ, мы прямо обратимся къ итогамъ, къ результатамъ яснымъ, выпуклымъ, очевиднымъ для всякаго объективнаго наблюдателя. Для этого мы должны свести нашъ вопросъ къ слѣдующему: какія отношенія *установились* между нѣмцами и нѣмецкими евреями?

Первое мѣсто въ этихъ отношеніяхъ, какъ вообще въ жизни, занимаютъ, конечно, чисто дѣловыя отношенія; охотно ли вступаютъ нѣмцы въ дѣловыя сношенія съ евреями? Многіе будутъ склонны отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ; но если бы это было такъ, если бы нѣмцы избѣгали дѣловыхъ сношеній съ евреями, то въ результатѣ евреи должны были бы оказаться изолированными, выдѣленными изъ дѣлового круговорота. Нѣтъ ни одной области, въ которой рядомъ съ евреемъ не было бы нѣсколькихъ германцевъ, всегда есть возможность сдѣлать выборъ, поэтому если бы народъ постоянно или въ большинствѣ случаевъ отдавалъ предпочтеніе неевреямъ, то евреи неминуемо были бы, по меньшей мѣрѣ, оттѣснены на задній планъ дѣловой жизни; это ясно, какъ простой математическій итогъ. Но всѣмъ извѣстно, что дѣйствительные итоги совсѣмъ иные, что во *всѣхъ* тѣхъ областяхъ, къ которымъ доступъ не закрытъ для нихъ насильственно, *извнѣ*, по соображеніямъ, постороннимъ самому существу дѣла, нѣмецкіе евреи занимаютъ очень почетныя, подчасъ выдающіяся мѣста. Это можно видѣть во всѣхъ областяхъ торговли и промышленности, во всѣхъ свободныхъ и ученыхъ профессіяхъ, въ политикѣ и въ искусствѣ. Почему же нѣмецъ вступаетъ въ куплю-продажу съ евреями, хотя рядомъ съ нимъ есть множество чисто германскихъ коммерсантовъ? Почему онъ обращается при болѣзни къ еврейскому врачу, при процессахъ—къ еврейскому адвокату? Почему чи-

таетъ онъ книги, писанныя евреями, газеты, издаваемыя ими, смотритъ ихъ пьесы и картины, слушаетъ ихъ музыку, посѣщаетъ ихъ театры, хотя во всѣхъ этихъ областяхъ работаетъ столько чистокровныхъ нѣмцевъ?

На всѣ эти вопросы, число которыхъ можно бы увеличить до безконечности, отвѣтъ очень кратокъ. Народъ меньше интересуется національностью и религіей людей, съ которыми онъ вступаетъ въ сношенія, чѣмъ выгодами и удовольствіями, которыя они ему доставляютъ; поэтому эти сношенія и выдержали бурный натискъ антисемитической агитаціи. Съ отличительной нѣмецкой систематичностью нѣмецкіе антисемиты впродолженіи многихъ лѣтъ старались всѣми силами отвлечь своихъ соплеменниковъ отъ посѣщенія еврейскихъ магазиновъ, театровъ и концертовъ, отъ чтенія еврейскихъ книгъ, журналовъ и газетъ и вообще отъ всякихъ сношеній съ евреями; въ безчисленныхъ экземплярахъ распространяли они списки «чисто» нѣмецкихъ магазиновъ, ресторановъ и отелей (связанные съ этимъ расходы, понятно, охотно покрывались ихъ хозяевами); милліоны экземпляровъ антисемитическихъ газетъ и брошюръ раздавались на улицахъ всѣмъ встрѣчнымъ и присылались въ дома и квартиры; и въ результатѣ? Магазины Вертгейма, Титца, Израиля и Герсона безостановочно расширяются, потому что въ нихъ не хватаетъ мѣста для быстро возрастающаго числа нѣмецкихъ покупателей; «Berliner Tageblatt», «Berliner Zeitung» и другія еврейскія газеты все увеличиваютъ свои изданія, а Барнай, Пассартъ, Кайнцъ и Іоахимъ не въ силахъ удовлетворить всѣхъ желающихъ ихъ видѣть и слушать *). Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ вся агитація антисемитовъ не имѣла почти никакого вліянія на нѣмцевъ; даже пугливыя Гретхенъ не обратили вниманія на предупрежденія антисемитовъ, что за каждымъ евреемъ стоитъ Мефистофель и что каждую нѣмецкую дѣвушку, довѣрившуюся еврею, ожидаетъ такой же трагическій конецъ, какой постигъ бѣдную подругу доктора Фауста *). Число смѣшанныхъ браковъ между христіанами и евреями очень значительно и быстро увеличивается; въ послѣднее пятилѣтіе XIX-го вѣка на каждые 100 чисто еврейскихъ браковъ приходилось смѣшанныхъ браковъ христіанъ съ евреями: въ Пруссіи—16,95, а въ

---

*) Замѣчательно, что сами организаторы антисемитическаго движенія въ частной жизни почти такъ же мало, какъ весь народъ обращаютъ вниманія на предразсудки и предубѣжденія, о распространеніи и укрѣпленіи которыхъ они такъ заботятся съ своей общественной дѣятельности: Штекеръ публично признавалъ, что имѣетъ друзей и пріятелей среди евреевъ, которыхъ онъ „искренно уважаетъ"; точно также Трейчке; фонъ—Плетцъ поручаетъ веденіе своихъ дѣлъ еврейскому нотаріусу; самъ графъ Пюклеръ, разстроивъ свои нервы бѣшеной агитаціей противъ евреевъ, поступилъ для леченія *въ еврейскую клинику!*

**) См. статью: „Die Juden und die Weiber" въ „Deutsch-soziale Blätter", 1893, p. 346.

Берлинѣ—34,13; *въ Берлинѣ слѣдовательно изъ каждыхъ 4 еврейскихъ бракозаключеній одинъ былъ смѣшанный* *).

Словомъ, дѣловитые нѣмцы руководствуются по отношенію къ евреямъ только вопросами практической выгоды, чувствительныя нѣмки повинуются только голосу своего сердца, а разсудительныя нѣмецкіе асессоры и лейтенанты стараются соединить пріятное съ полезнымъ: красивыя дочки богатыхъ еврейскихъ банкировъ пользуются большимъ вниманіемъ съ ихъ стороны... Весь нѣмецкій народъ снизу доверху **) смотрѣлъ на свои отношенія къ евреямъ съ простой практической, эмпирической, такъ сказать, точки зрѣнія, очень мало руководствуясь предразсудками, предубѣжденіями и отвлеченными соображеніями; онъ не бралъ на себя задачи заранѣе указывать евреямъ опредѣленное мѣсто на бѣломъ свѣтѣ и, признавая себя самого рабомъ божьимъ, предоставлялъ рѣшеніе этой задачи Богу, природѣ и судьбѣ.

Это отношеніе нѣмецкаго народа къ евреямъ, составляющее естественное выраженіе простого здраваго смысла, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вполнѣ совпадаетъ съ уже отмѣченнымъ нами отношеніемъ къ евреямъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей того же времени: Теодора Момзена и князя Бисмарка; очевидно, что это отношеніе соотвѣтствуетъ также и государственнымъ, и историческимъ интересамъ страны.

Какія требованія современное культурное государство предъявляетъ къ своимъ гражданамъ? Менѣе всего оно можетъ требовать однородности религіозныхъ вѣрованій. Тысячелѣтній историческій опытъ достаточно ясно показалъ, что однородность религіозныхъ вѣрованій, какъ и вообще вѣрованій, представленій и мыслей, совершенно недостижимая вещь, самая чудовищная утопія. Столь же мало великое государство, образованное изъ разнородныхъ національностей, можетъ стремиться къ *національной* однородности; это противорѣчило бы самой сущности такого государства. Такое стремленіе естественно только для маленькихъ, угнетенныхъ національностей, ищущихъ возможности свободнаго развитія своихъ силъ и задатковъ. Германія, въ которой сплоченіе и объединеніе ея разнородныхъ составныхъ элементовъ составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ современныхъ государственныхъ задачъ, менѣе всего можетъ теперь поддаваться националистическимъ тенденціямъ, дѣйствующимъ прямо въ обратномъ смыслѣ, т.-е. разлагающимъ, центробѣжнымъ образомъ. Лозунгъ «Германія для германцевъ!» можетъ быть пріятенъ для отдѣльнаго германца, руко-

---

*) „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik", 1902, p. 761 (A. Ruppin).

**) Императоръ Вильгельмъ II еще со школьной скамьи поддерживаетъ частныя дружескія отношенія съ нѣкоторыми евреями, нисколько не обращая вниманія на сѣтованія антисемитовъ, будто весь дворъ „забаллинированъ" (Баллинъ—имя одного изъ еврейскихъ друзей императора).

водствующагося узкимъ индивидуальнымъ эгоизмомъ, но для государства, какъ цѣлаго, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго смысла уже потому одному, что для государства главнымъ источникомъ силъ и богатства служитъ не страна сама по себѣ, а населеніе; въ особенности въ современной Германіи, гдѣ во всѣхъ областяхъ экономической и соціальной жизни существуетъ недостатокъ въ работникахъ, несмотря на крайнее напряженіе всѣхъ наличныхъ силъ *). При такихъ обстоятельствахъ было бы очень странно для государства отказаться отъ сотенъ тысячъ дѣятельныхъ и даровитыхъ гражданъ изъ-за ихъ вѣрованій или расовыхъ свойствъ.

Но, можетъ быть, именно дѣятельность и способность германскихъ евреевъ приносятъ Германіи не пользу, а вредъ? Познакомимся съ ролью евреевъ въ Германіи.

Въ экономическомъ отношеніи роль германскихъ евреевъ, какъ уже было указано, очень значительна и въ ихъ рукахъ скопились огромныя состоянія; это вызываетъ большое недовольство и безпокойство среди антисемитовъ; но государство, конечно, не можетъ становиться на точку зрѣнія мелочной индивидуальной зависти, оно можетъ только радоваться богатству своихъ гражданъ.

Военную службу германскіе евреи выполняютъ наравнѣ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ и съ неменьшей старательностью; но антисемиты упрекаютъ ихъ въ томъ, что они «слишкомъ» стараются и стремятся къ высшимъ членамъ и должностямъ. Это можетъ быть непріятно лично, но государство, конечно, заинтересовано въ томъ, чтобы всѣ какъ можно болѣе «старались» и «стремились». Тотъ же самый недостатокъ нѣмецкіе евреи, по свидѣтельству антисемитовъ, обнаруживаютъ на гражданской службѣ, въ общественной и политической дѣятельности, на научномъ поприщѣ,—словомъ, всюду, гдѣ они имѣютъ возможность проявить себя. Для предупрежденія фатерланда отъ опасности, угрожающей ему съ этой стороны, нѣмецкіе антисемиты составили списки всѣхъ знаменитостей современной Германіи, по которымъ оказалось, будто чуть ли не всѣ славныя имена, дѣлающія честь нѣмецкому имени и почитаемыя всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, принадлежатъ евреямъ. Эти списки были бы чрезвычайно интересны, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ ихъ комментировали антисемиты, если бы они были... достовѣрны. Но они ложны: подъ вліяніемъ овладѣвшей ими маніи антисемитамъ всюду мерещились евреи... Эти списки поэтому интересны только, какъ доказательство того, что антисемиты считаютъ евреевъ народомъ, чрезвычайно

*) Это выражается какъ въ постоянномъ повышеніи заработной платы и вообще всякаго рода вознагражденіи за трудъ, такъ и въ крайней слабости эмиграціоннаго движенія и въ усиливающемся притокѣ работниковъ изъ чужихъ странъ.

одареннымъ отъ природы. Съ ихъ точки зрѣнія это крайне печально, но съ государственной точки зрѣнія и это, конечно, не бѣдствіе, а большое благо, отъ котораго было бы грѣшно отказываться.

Однако-жъ, въ упомянутыхъ областяхъ работаетъ только незначительная часть германскихъ евреевъ; главная масса занята чисто-экономической дѣятельностью: ремеслами, промышлмнностью и торговлей,— больше всего торговлей. Тутъ-то германскіе евреи и пріобрѣтаютъ свои богатства. Выполняютъ ли они при этомъ также полезную соціальную функцію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ принципіальнаго отношенія къ торговлѣ. Соціалисты, какъ извѣстно, полагаютъ, что, какъ особая соціальная функція, торговля излишня и что колоссальныя суммы, удерживаемыя торговцами за ихъ услуги, могли бы быть сбережены; но и они признаютъ, что при *существующемъ* экономическомъ строѣ, при господствѣ капиталистическаго производства безъ торговаго посредничества очень трудно, если вообще возможно обойтись. Антисемиты, эти соціалисты на изнанку, съ своей стороны полагаютъ, что торговля вообще *необходима* *), но крупныя торговыя предпріятія, по ихъ мнѣнію, вредны, потому что они мѣшаютъ мелкимъ торговцамъ... Они также признаютъ необходимость банковъ при современномъ экономическомъ строѣ, но требуютъ изгнанія изъ нихъ Ротшильдовъ, Блейхредеровъ и Мендельсоновъ и замѣщенія ихъ Михелемъ, Миллеромъ и Шульце... Ихъ симпатіи къ послѣднимъ понятны, но для государства и для народа совершенно безразлично, носитъ ли банкиръ имя Ротшильда или Шульце. Правда, антисемиты утверждаютъ, что чистокровные германцы повели бы дѣла, находящіяся теперь въ рукахъ евреевъ, хотя и не умнѣе и не энергичнѣе, чѣмъ послѣдніе, но зато болѣе честно. Это вполнѣ голословное увѣреніе они основываютъ на другомъ столь же голословномъ, будто нѣмцы чуть ли не самый добродѣтельный въ мірѣ народъ, а евреи крайне деморализованы въ нравственномъ отношеніи; для доказательства приводятся примѣры изъ еврейской жизни и уголовной хроники. Было бы безцѣльно повторять здѣсь эти примѣры, разбирать ихъ въ отдѣльности и сопоставлять съ примѣрами противоположнаго характера,— *такимъ* образомъ истинное положеніе дѣла не выясняется; для этого необходимы общіе подсчеты, итоги, сравнительная статистика.

Такая статистика, къ счастью, имѣется, это сравнительная статистика преступности въ хрисітанскомъ и еврейскомъ населеніи Германіи съ 1882 до 1895 г., составленная оффиціальнымъ статистическимъ бюро. Но эта статистика показываетъ, что преступность среди нѣмецкихъ евреевъ значительно ниже, чѣмъ въ христіанскомъ населе-

---

*) Борьба съ потребительными коопераціями, имѣющими цѣлью устранить торговое посредничество, составляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ антисемитической программы.

ніи *). Было бы, однако-жъ, поспѣшно дѣлать на этомъ основаніи заключенія, исключительно благопріятныя для евреевъ, такъ какъ преступность находится въ тѣсной зависимости съ соціальными условіями и съ родомъ занятій, а въ этомъ отношеніи евреи занимаютъ особое положеніе; но намъ кажется, что вопросъ о томъ «кто лучше?» вообще довольно праздный, интересный только для національнаго самолюбія; мы поэтому оставимъ его здѣсь въ сторонѣ и ограничимся разсмотрѣніемъ *абсолютныхъ* цифръ, для выясненія вопроса, насколько евреи сами по себѣ склонны къ преступности и къ *какого рода* преступности; тогда можно будетъ рѣшить вопросъ о томъ, заслуживаютъ ли они мѣста въ благоустроенномъ, культурномъ государствѣ,

Передъ нами криминальная статистика германской имперіи за 1895 г. **), содержащая детальныя данныя о всѣхъ осужденныхъ за какія-либо преступленія. По ней оказывается, что на все еврейское населеніе Германіи, составлявшее въ томъ году около 575.000 ***), пришлось только 4.764 осужденій. Среди преступленій, вызвавшихъ эти осужденія, первое мѣсто занимаютъ «частныя оскорбленія», за которыя было осуждено 886 евреевъ, затѣмъ слѣдуютъ:

Нанесенія ранъ	598	осужде-ній.
Проступки противъ закона о воскресномъ отдыхѣ	587	
Воровство	345	

Послѣдняя цифра поразительно низкая; при перечисленіи на проценты со всего еврейскаго населенія въ наказуемомъ возрастѣ (свыше 12 лѣтъ) получается 8,51 осужденныхъ на 10.000 наказуемыхъ, тогда какъ въ христіанскомъ населеніи Германіи это отношеніе составляло 25,8 на 10.000. Антисемиты попытались было объяснить этотъ для нихъ непріятный фактъ такимъ образомъ, что евреи-де слишкомъ хитры и осторожны, чтобы самимъ отважиться на воровство и поэтому-де предпочитаютъ посылать другихъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ принять накраденное на храненіе или купить его за безцѣнокъ. Но неумолимая статистика показываетъ, что *такіе случаи* еще болѣе рѣдки. Вся рубрика «содѣйствія и укрывательства» преступленій, подъ которую эти случаи подходятъ, насчитываетъ за весь годъ *только 93* еврейскихъ осужденій. Точно также безпартійная статистика опровергаетъ обвиненія противъ евреевъ въ недостаткѣ уваженія къ присягѣ, къ религіи и къ властямъ, въ недостаткѣ добросовѣстности при исполненіи служебныхъ обязанностей, въ большомъ пристрастіи къ ростовщичеству и злостному банкротству; за весь 1895 годъ было осуждено евреевъ:

---

*) „Jahrbuch f. Nationalökonomie und Statistik"., J. 1902[1] p. 781.

**) Ibid, p. 782.

***) По переписи 1890 г.—567.884; по переписи 1900 г.—586.833 („Statistisches Jahrbuch").

За преступленія противъ святости присяги 30
(умышленныя, неосторожныя и т. д.).
За преступленія противъ религіи 9
За сопротивленіе распоряженіямъ властей 59

За оскорбленіе величества, за государственную измѣну и вообще всякаго рода государственныя преступленія за весь годъ не было *ни одного осужденнаго* еврея (противъ 619 осужденныхъ христіанъ). За преступленія и проступки по должности было осуждено 13 евреевъ, за злостное банкротство—16, а за ростовщичество—только 10 евреевъ. Въ рубрикѣ самыхъ тяжкихъ преступленій, обнимающей убійства, дѣтоубійства и смертельныя пораненія евреи *совсѣмъ отсутствуютъ* въ статистикѣ 1895 г.

Такимъ образомъ степень еврейской преступности ни въ какомъ отношеніи не даетъ повода къ безпокойству; ни государственному порядку, ни гражданской нравственности не угрожаетъ съ этой стороны никакой опасности. Какія бы ужасныя мѣста антисемиты ни находили въ Талмудѣ, Шулхенъ-Арухѣ и другихъ произведеніяхъ мрачнаго средневѣковья, современная дѣйствительность не даетъ никакого основанія считать евреевъ менѣе нравственными, чѣмъ какую-либо другую часть населенія Германіи.

Намъ остается еще для полноты разсмотрѣть вопросъ о состояніи физическаго здоровья германскихъ евреевъ и о томъ—не представляется ли опасности для германской расы отъ смѣшенія ея крови съ кровью семитовъ. Смѣшеніе, повидимому, неизбѣжно, какъ бы ни противодѣйствовали этому антисемиты и сами евреи. Тутъ самые энергичные министры и самые краснорѣчивые ораторы ничего не подѣлаютъ. Приходится поэтому взглянуть прямо въ глаза угрожающей опасности. Какое вліяніе примѣсь еврейской крови будетъ имѣть на германскую кровь? Прямо отвѣтить на этотъ вопросъ трудно... наука еще не выяснила химическаго состава еврейской и нѣмецкой крови и тѣхъ реакцій, которыя происходятъ при ихъ смѣшеніи... Одно мы знаемъ: дѣти, рождающіяся отъ смѣшанныхъ браковъ, не менѣе живучи и здоровы, чѣмъ дѣти чисто германскихъ браковъ; по даннымъ статистики живучесть даже возрастаетъ при этомъ смѣшеніи. Мы имѣемъ статистику рожденій въ Пруссіи за цѣлое 25 лѣтіе, отъ 1875 до 1899 гг. и она устанавливаетъ, что въ чисто христіанскихъ бракахъ на каждую 1.000 рожденій, приходится 35,88 мертворожденныхъ, а въ смѣшанныхъ бракахъ между христіанами и евреями только 34,54; при мужѣ евреѣ даже только 33,17⁰/₀₀. Этотъ благопріятный результатъ, повидимому, вызванъ вліяніемъ *еврейской* крови, такъ какъ въ чисто еврейскихъ бракахъ число мертворожденныхъ еще ниже, составляя только 32,07 на тысячу рожденій *)

*) Op. cit. p. 376. (Jahrbuch f. Nationalök. u. Stat., 1902 г.).

Да и вообще во всѣхъ возрастахъ наблюдается меньшая смертность въ еврейскомъ населеніи Германіи, чѣмъ въ остальномъ населеніи. За періодъ отъ 1893 г. до 1897 г. смертность христіанскаго населенія Пруссіи составляетъ 21,84 на тысячу, а въ ея еврейскомъ населеніи *только 14,73*$^{0}/_{00}$. Эта низкая смертность, впрочемъ, не составляетъ отличительнаго свойства еврейской рассы, а есть прямой продуктъ подъема экономическаго и культурнаго уровня нѣмецкихъ евреевъ во второй половинѣ XIX вѣка; за періодъ отъ 1820 г. до 1860 г. смертность составляетъ у нихъ 20,4$^{0}/_{00}$ *). Но скажетъ, можетъ быть, иной изъ читателей, при такой живучести еврейскаго населенія евреи со временемъ (черезъ какой-нибудь десятокъ тысячелѣтій...) будутъ составлять большинство въ германской имперіи. Этой опасности однакожъ тоже нѣтъ! Одновременно съ уменьшеніемъ смертности у нѣмецкихъ евреевъ наблюдается уменьшеніе *рождаемости*, упавшей къ концу вѣка (по даннымъ 1893—1897 гг.) до 22,25 на тысячу еврейскаго населенія, т.-е. почти до того же низкаго уровня, который рождаемость занимаетъ во Франціи (22,1$^{0}/_{00}$ въ 1891—1900 гг.), между тѣмъ какъ въ христіанскомъ населеніи Германіи рождаемость пока нисколько не ослабѣла и составляла въ 1893—1897 гг. 38,15 на тысячу населенія. Уменьшеніе рождаемости у нѣмецкихъ евреевъ вызвано уменьшеніемъ бракозаключеній,—обычныя послѣдствія повышеннаго культурнаго уровня.

Вслѣдствіе этого процентное отношеніе еврейскаго населенія къ христіанскому постепенно понижается; еще въ 1871 г. евреи составляли 1,25$^{0}/_{0}$ общаго населенія Германіи, а въ 1900 году уже только 1,0$^{0}/_{0}$.

Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи можно сказать: Lieb Vaterland magst ruhig sein!—германское отечество внѣ всякой опасности!

Послѣ всего этого мы можемъ безъ колебаній признать, что германскій политическій антисемитизмъ, имѣвшій большое вліяніе также и на другія страны, не имѣлъ рѣшительно никакого разумнаго raison d'être, никакого политическаго смысла! Много было попытокъ отыскать какой-нибудь смыслъ въ этомъ движеніи, также со стороны его противниковъ; инстинктивное уваженіе ко всему, *что есть*, побуждаетъ насъ искать во всѣхъ историческихъ явленіяхъ не только причинную связь, но также и разумный смыслъ, человѣчную цѣлесообразность. Надо однакожъ признать, что если все, что случается, и имѣетъ, безъ сомнѣнія свои *причины*, то далеко не все, къ несчастью, имѣетъ *смыслъ* т.-е. разумно и полезно съ точки зрѣнія *человѣческихъ* интересовъ, потому что исторія, какъ и природа, къ сожалѣнію, не всегда стоитъ на точкѣ зрѣнія этихъ интересовъ. Конечно, антисемитическое движеніе также имѣло свои причины, но разумнаго цѣлесообразнаго

---

*) Ibid.

смысла оно и въ наше «просвѣщенное» время имѣло столь же мало, какъ въ мрачные средніе вѣка. Мѣткія слова Мартина Лютера о средневѣковомъ антисемитизмѣ въ полной мѣрѣ примѣнимы и къ современному; они поэтому заслуживаютъ повторенія въ заключеніе нашего изслѣдованія о послѣднемъ. Лютеръ издалъ въ 1523 году особую книгу подъ заглавіемъ: «Dass Jesus Christus eyn geborener Jude sey», въ которой онъ далъ такую характеристику антисемитизму: «Unsere Narren, die Päpste, Bischöfe, Sophisten und Mönche, die groben Eselsköpfe, haben bisher also mit den Jüden gefahren, dass wer ein guter Christ wäre gewesen, hätte wohl mächt ein Jüde werden. Und wenn ich ein Jüde gewesen wäre und hätten solche Tölpel und Knebel den Christenglauben regiert, so wäre ich lieber eine Sau worden, denn ein Christ» (p. 29).

Какъ, по его мнѣнію, христіане *должны* относиться къ своимъ еврейскимъ согражданамъ, Лютеръ говоритъ въ другомъ мѣстѣ той же книги, которую мы приведемъ въ русскомъ переводѣ. «Поэтому я прошу и совѣтую обращаться съ ними прилично и наставлять ихъ по писанію. Если имъ хотятъ оказать поддержку, то нужно примѣнять къ нимъ христіанскую любовь, принимать ихъ любезно, позволять имъ работать и зарабатывать вмѣстѣ со всѣми, дабы они пріобрѣли желаніе и возможность оставаться у насъ и съ нами». Въ этихъ словахъ Лютера нельзя не замѣтить большого внутренняго сходства съ тѣмъ, что высказалъ 355 лѣтъ послѣ него французскій делегатъ на берлинскомъ конгрессѣ, Ваддингтонъ, при единодушномъ сочувствіи всѣхъ представителей всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Ваддингтонъ сказалъ, таковъ смыслъ его словъ, что освобожденіе евреевъ отъ всѣхъ правовыхъ ограниченій, унижающихъ ихъ до положенія паріевъ, возбуждающихъ въ нихъ враждебныя чувства и вызывающихъ глубокіе внутренніе раздоры, составляетъ для просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля не только долгъ чести, но также и категорическое требованіе государственной мудрости. Дѣйствительно, можно бы сказать, что всѣ мудрые государственные люди всѣхъ временъ такъ смотрѣли на «еврейскій вопросъ»; но какую роль играютъ въ политической жизни *мудрые* государственные люди?

That is the question!

Р. М. Бланкъ.

МУЖЪ ЧЕСТИ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

XII.

Лиза поднялась наверхъ. Какъ она дошла, она не помнила. Но теперь она не могла думать о предосторожностяхъ.

Она быстро прошла черезъ кухню, гдѣ дверь была оставлена ею же отпертой. Въ глубокой темнотѣ проникла она въ столовую и здѣсь, совершенно забывъ о распредѣленіи мебели, натолкнулась на столъ, споткнулась, зацѣпила рукой за лампу, послышался грохотъ, трескъ и звонъ.

Внутреннее состояніе, которое она переживала, и эти новыя обстоятельства произведшія испугъ, все вмѣстѣ подѣйствовало на нее и она вдругъ потеряла сознаніе и грохнулась на полъ.

Съ полминуты въ квартирѣ длилась глубокая тишина, но затѣмъ послышалась тревожная возня въ комнатѣ Анны Григорьевны, она отворила дверь и выскочила въ столовую.

Анна Григорьевна была въ наскоро накинутомъ капотѣ, въ рукѣ она держала зажженную свѣчу. Столовая освѣтилась.

На столѣ, сдвинутомъ съ мѣста, валялись осколки разбитой лампы. Анна Григорьевна подошла къ столу, осмотрѣла его и вдругъ увидѣла Лизу, лежавшую на полу, лицомъ внизъ. Анна Григорьевна подбѣжала къ ней.

— Лиза, Лиза... Она безъ чувствъ... Ради Бога...

Анна Григорьевна быстро побѣжала въ кухню искать помощи. Оттуда явилась сонная горничная.

Даша, увидѣвъ Лизу, лежащую на полу, обомлѣла. Она быстро сообразила, что это должно имѣть какое-то отношеніе къ ночнымъ прогулкамъ Лизы въ саду.

«Теперь все узнается», подумала она.

Анна Григорьеваа постучалась къ Матвѣю.

---

*) См. „Міръ Божій", № 5, май 1905 г.

— Что тамъ?—спросилъ изъ своей комнаты Матвѣй.

— Выйди пожалуйста... Съ Лизой дурно... Ничего не понимаю...

Матвѣй быстро одѣлся и вышелъ. Въ столовой собрался весь домъ, даже кухарка вышла. Всѣ хлопотали надъ Лизой. Было рѣшено перенести ее въ ея спальню и уже собирались это сдѣлать. Вдругъ щелкнулъ ключъ въ парадной двери. Всѣ оставили Лизу, выпрямились и смотрѣли туда. Вошелъ Осипъ Матвѣевичъ.

Всѣ съ изумленіемъ и вмѣстѣ со страхомъ смотрѣли на него. Онъ вошелъ въ то время, когда, по общему убѣжденію, онъ долженъ былъ спать въ кабинетѣ. Въ головѣ Анны Григорьевны быстро промелькнули всевозможныя сопоставленія и въ душѣ поднялась новая тревога: значитъ, Лиза здѣсь не случайно и не случайно упала она безъ чувствъ.

— Что здѣсь?—спросилъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Лизѣ дурно. Не знаю... Не понимаю...—отвѣтила Анна Григорьевна.

— Гм... Дурно... Гм... Хорошо... Она очнется... Анна, зайди ко мнѣ.

И даже не взглянувъ на Лизу, которая все еще лежала на полу, онъ круто повернулся и пошелъ въ кабинетъ. Онъ зажегъ тамъ спичку и лампу.

Анна Григорьевна осталась и не знала, что ей дѣлать. Какъ уйти къ нему, когда Лиза нуждается въ помощи?

Но придавленная воля ея не обладала способностью сопротивляться. Слова имъ были сказаны и ее уже тянуло исполнить ихъ.

— Отнесите ее въ комнату... Матвѣй, сдѣлай это... Я не понимаю... О, Господи,—ломая руки, говорила она и, какъ загипнотизированная, направилась въ кабинетъ.

Матвѣй былъ очень силенъ. Онъ поднялъ Лизу на руки и безъ всякаго затрудненія понесъ ее въ комнату. Горничная послѣдовала за ними. Онъ уложилъ ее на постель. Лиза все еще была безъ движенія.

— Матвѣй Осиповичъ, вы на минутку выйдите,—сказала Даша,—я ихъ разстегну... Надобно облегчить имъ грудь...

Она, конечно, имѣла въ виду и свои интересы. Лиза очнется и, Богъ знаетъ, что начнетъ разсказывать.

Матвѣй согласился и вышелъ. Онъ пошелъ въ свою комнату и началъ тамъ какъ-то многозначительно шагать изъ угла въ уголъ. Онъ уже понималъ, что Лиза въ чемъ-то провинилась. Лицо Осипа Матвѣевича сказало ему это. Но въ чемъ именно?

Приблизительная картина мелькала у него въ головѣ. Ночью, послѣ двѣнадцати часовъ,—очевидно онъ поймалъ ее въ чемъ-то... Что-нибудь романическое, но въ какомъ смыслѣ и съ кѣмъ... Объ этомъ онъ никакъ не могъ догадаться даже приблизительно.

Горничная разстегнула Лизѣ корсажъ, спрыснула ее водой, растворила окно.

— Барышня, барышня, да очнитесь же... Что вы надѣлали?.. Ахъ, что вы надѣлали!

Лиза глубоко вздохнула и открыла глаза. Она увидѣла горничную, державшую надъ нею свѣчу. Въ глазахъ ея выразилась напряженная мысль. Она, видимо, хотѣла вспомнить что-то и вдругъ она почувствовала ужасъ...

— Это правда? Это все было?—спросила она.

— Что правда, барышня? Я же ничего не знаю... Поймали васъ, что ли?

— Боже мой...

Лиза вдругъ вспомнила все и зарыдала. Горничная не знала, какъ успокоить ее. Она боялась, что войдутъ, а ей надо было сказать свое. Лиза рыдала нѣсколько минутъ, потомъ замолкла.

— Что-жъ было?—спрашивала Даша.—Застукали? Накрыли?

— Тихонько подкрался, зажегъ спичку и фонарь...—говорила Лиза:—мы сидѣли на скамейкѣ, об.... обнявшись...

— Пропали вы... И онъ пропалъ!—воскликнула Даша.

— Да, да, и онъ...

— Барышня, а про меня то не говорите... Ужъ вамъ все равно хуже не будетъ, чѣмъ будетъ... А меня прогонятъ... А можетъ и хуже что... Ужъ помолчите. Я для васъ старалась, барышня.

— Хорошо, хорошо... Ты будь спокойна... А со мной что будетъ?

— Да ужъ... даже и не знаю, что... Ужъ лучше и не гадать.

Вошелъ Матвѣй. Даша замолкла. Матвѣй подошелъ къ кровати, взглянулъ на Лизу.

— Я останусь съ нею,—сказалъ онъ Дашѣ и та поняла, что ее приглашаютъ уйти и удалилась.

Матвѣй сѣлъ на кровати и ласково погладилъ руку Лизы.

— Что это съ тобой за случай такой необыкновенный?—спросилъ онъ.

— Не спрашивай меня, Матвѣй, не спрашивай,—съ тихимъ стономъ сказала Лиза.

— Ну, какъ же не спрашивать?.. Сейчасъ разразится буря... Ужъ недаромъ онъ такъ торжественно позвалъ мать въ кабинетъ: «Анна, зайди ко мнѣ!» Надо знать. Ну, романъ, да?

— Матвѣй...

— Я, положимъ, Матвѣй... А у тебя былъ романъ?

— Да,—тихо, однимъ вздохомъ прошептала Лиза.

— Кто-же этотъ счастливецъ?

— Я не могу сказать, не могу...

— Эхъ, ты, глупая Лиза! Вѣдь онъ засталъ васъ, значитъ, онъ знаетъ кто... Такъ ужъ тутъ нечего скрывать. Ну!

— Володя...

— Володя? Ну, ихъ у насъ въ гимназіи десятка два. Какой же Володя?

— Броницынъ...

— Что? Вотъ этотъ? Дохлый? Ну, и выбрала. Впрочемъ, это теперь все равно. Значитъ, онъ засталъ тебя съ нимъ? А что у васъ было?

— Боже мой...

— Ну, Лиза, перестань восклицать, теперь не время. Мнѣ нужно знать. Что было?

— Все.

— Неужели все? Сумасшедшая... Ты дура, а онъ... онъ негодяй.

— Не брани его...

— Ну, ужъ ладно... Я бранить его не буду, а побью... Жестоко прибью... Я отобью ему гнилыя легкія... Вотъ скотъ!..

— Матвѣй... Ради Бога.

— Послушай, Лиза, передъ отцомъ не сдавайся, чтобы то ни было, а не сдавайся. Надо возстать противъ него... Ты вотъ надѣлала глупостей, безобразія непоправимаго, а я тебя не могу винить... Какъ насъ воспитали!.. Развѣ онъ заботился о нашемъ просвѣщеніи? И вотъ теперь ты... Что такое ты? Ты прямо дурочка какая-то... Тебя всякій проведетъ... А виноватъ онъ, онъ, инспекторъ Тарановъ... И я все это ему скажу... Я давно уже думаю, я много, много думалъ... Я теперь не такой уже дуракъ, какъ былъ прежде. Я вотъ уже около года какъ книги сталъ читать... Только онъ тутъ ни при чемъ... Постой, тамъ что-то не ладно!..—прибавилъ онъ и началъ прислушиваться.—Крики какіе-то... Кажется, мама кричитъ. Я пойду туда.

Онъ вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ въ столовую. Дверь въ кабинетъ была полуотворена и тамъ, дѣйствительно, происходило что-то неладное.

Началось это съ того, что Анна Григорьевна вошла въ кабинетъ. Осипъ Матвѣевичъ сидѣлъ за столомъ, а его сжатый кулакъ лежалъ на столѣ. Онъ повернулъ голову къ Аннѣ Григорьевнѣ.

— Послушай, Анна, тебѣ извѣстно, какъ и съ кѣмъ проводитъ ночи твоя дочь?—спросилъ онъ тономъ строгаго судьи, почему то сильно подчеркнувъ слово *твоя*.

— Проводитъ ночи? Ночи? Я не понимаю...

— Ты ничего не понимаешь... Такъ ты пойми. Я говорю ясно. Ночь, это же ясно, что такое ночь... Ну, проводитъ ночи. Какъ и съ кѣмъ?

— Осипъ Матвѣевичъ, я не знаю... Ты знаешь, ты и говори... Зачѣмъ ты меня мучаешь?

— Вы всѣ почему-то мучаетесь, все мученики какіе-то. Но я могу сказать по чистой совѣсти, что это не по моей винѣ. Я честно исполняю свой долгъ и никому не причиняю вреда. Я засталъ ее ночью въ саду, сидящей на скамейкѣ, обнявшись съ гимназистомъ шестого класса Броницынымъ. Вотъ какъ проводитъ ночи твоя дочь.

— И твоя, Осипъ Матвѣевичъ!—какъ-то непроизвольно вырвалось у Анны Григорьевны.

— Нѣтъ, не моя. У меня не можетъ быть такой дочери. Съ той минуты, какъ это случилось, она перестала быть моей дочерью. Я занимаю отвѣтственное мѣсто инспектора гимназіи. Я пользуюсь довѣріемъ... Я требую отъ учениковъ безупречнаго поведенія. Но чтобы имѣть право требовать, я самъ долженъ быть безупреченъ, но... Человѣкъ, дочь котораго шляется по ночамъ съ гимназистами, не можетъ претендовать на званіе безупречнаго. Слѣдовательно, она не можетъ быть дольше моей дочерью.

— Зачѣмъ ты все это говоришь, Осипъ Матвѣевичъ? Что ты хочешь, чтобы я думала?—произнесла Анна Григорьевна, и въ глазахъ ея какъ-то постепенно незамѣтно разгорался странный огонь, какого не видѣлъ въ нихъ до сихъ поръ Осипъ Матвѣевичъ.

Сквозь задавленную волю, сквозь въ конецъ заглушенную личность, подымаясь изъ глубины сердца, пробивалось на поверхность задѣтое материнское чувство. Оно уже не первый разъ было задѣто. Исторія Вари, исторія Осипа, все это будоражило его, но тогда оно еще не набралось настолько силъ, чтобы проявить себя.

Теперь въ душѣ Анны Григорьевны затрепетало что-то новое и отъ него загорѣлся этотъ странный огонь въ ея глазахъ.

Но Осипъ Матвѣевичъ не привыкъ принимать въ разсчетъ настроенія и чувства другихъ. Онъ неуклонно стремился къ своей цѣли и не замѣчалъ ничего, что попадалось по дорогѣ.

— Я говорю—и желаю, чтобы и ты такъ думала,—что эта дѣвушка не моя дочь и она не можетъ дольше оставаться въ моемъ домѣ... Она позоритъ его, понимаешь ли ты, что это значитъ для меня, для моего положенія: живя въ немъ, она безчеститъ его.

Тутъ произошло что-то невѣроятное, чего никто не могъ бы ожидать отъ Анны Григорьевны, а Осипъ Матвѣевичъ менѣе всѣхъ. Онъ думалъ, что ея душа уже покорена и замерла, застыла навѣки вѣчные, что нѣтъ въ этой душѣ ни одного уголка, гдѣ еще теплилась бы жизнь. И онъ всегда ждалъ отъ нея только одного покорнаго принятія его взглядовъ, исполненія его рѣшеній.

Но онъ былъ вообще плохой сердцевѣдъ. Онъ не зналъ, что у забитаго, покореннаго чувства, какъ у всякаго раба, развивается хитрость, которая помогаетъ ему прятаться и, притаившись, сидѣть незамѣтно, дожидаясь благопріятнаго случая. Вотъ почему рабы, покорно исполняющіе самыя дикія требованія тирановъ, вдругъ возмущаются, поднимаютъ голову и дѣлаются жестокими, безчеловѣчными мстителями.

Это случилось съ материнскимъ чувствомъ Анны Григорьевны. Вдругъ она явственно ощутила, что отрываютъ у нея отъ сердца часть его. Лиза была этой частью.

Другія дѣти не были такъ безпомощны. У нихъ, по крайней мѣрѣ, были здоровыя головы на плечахъ. А эта бѣдняжка, благодаря дикой жизни въ ихъ домѣ, осталась какимъ-то вѣчнымъ слабымъ ребенкомъ. Она не узнала ни жизни, ни людей. Никто не научилъ ее понимать правильно вещи. И вотъ теперь,—можетъ быть, это и правда, ну, да, если онъ говоритъ, то это правда,—дитя, вздумавшее пойти самостоятельно, оступилось и сломало себѣ ногу.

И за это такая казнь? Нѣтъ. Въ ней проснулась львица, готовая защищать своего дѣтеныша, и она въ одну минуту преобразилась.

Въ два прыжка она стояла около него и, какъ-то нелѣпо нагнувшись, приблизила свое лицо къ его лицу и, крѣпко сжавъ свои худые, маленькіе кулаки, подняла ихъ и потрясала ими.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты лжешь на нее, ты лжешь...—рѣзкимъ истерическимъ голосомъ вскрикивала, она.—Она не безчеститъ... Не можетъ безчестить дитя... А она дитя, глупое, темное, непросвѣщенное дитя... Безчестишь ты, ты...

Осипъ Матвѣевичъ быстро отодвинулся отъ нея.

— Анна, что ты говоришь? Я запрещаю тебѣ говорить это.

— Не запретишь. Да и не я говорю это... Говоритъ во мнѣ мать... Возмутилась во мнѣ мать... Да, наконецъ, возмутилась...

— Анна... остановись...

— Не остановлюсь... Что такое? Проводитъ ночь! Съ гимназистомъ? Ты это видѣлъ? да, да? А ты... ты училъ ее когда-нибудь, какъ надо проводить ночь? Ты училъ ее, какъ надо быть хорошимъ человѣкомъ? Ты думалъ объ ней? Ты думалъ объ комъ нибудь, кромѣ себя? И ты смѣешь выгонять изъ дому... Ты смѣешь... Ты, ты... подлецъ!

Послѣ этого слова Осипъ Матвѣевичъ вскочилъ съ мѣста и вдругъ точно выросъ. Онъ какъ-то вытянулся, выпрямился, лицо его сдѣлалось краснымъ и онъ грозно поднялъ кулаки надъ головой Анны Григорьевны.

*

— Замолчи!—громовымъ голосомъ крикнулъ онъ.—Замолчи, или я...

Но Анна Григорьевна только на шагъ попятилась отъ него.

— Ударить хочешь? Меня? Женщину? Которую ты измучилъ, изгадилъ, изничтожилъ... Подлецъ, подлецъ, подлецъ!..

Она пошатнулась, но ухватилась за столъ и удержалась на ногахъ. Осипъ Матвѣевичъ взглянулъ на дверь и увидѣлъ стоящаго тамъ Матвѣя. Руки его со сжатыми кулаки какъ-то сами собой опустились. Но видъ Матвѣя, смотрѣвшаго на него, какъ ему казалось, съ усмѣшкой, возмутилъ его. При-томъ же онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы Матвѣй присутствовалъ при этой сценѣ.

— Что тебѣ нужно здѣсь? Пошелъ вонъ!—грубымъ, некрасивымъ голосомъ, какого отъ него никогда не слышали, крикнулъ онъ, но Матвѣй стоялъ неподвижно, опершись о дверную раму.

— Пошелъ вонъ, пошелъ вонъ!—кричалъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Я здѣсь для матери,—съ какимъ-то напускнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Матвѣй.—Это хорошо, что вы опустили кулаки, а иначе...

— А что иначе? Что ты хочешь сказать?—съ угрожающимъ видомъ спросилъ Осипъ Матвѣевичъ, оставивъ Анну Григорьевну и пододвигаясь къ нему.

— Иначе... Иначе было бы плохо..

— Кому это?

— Вамъ,—отвѣтилъ Матвѣй и, засунувъ руки за спину, прямо въ упоръ посмотрѣлъ ему въ глаза.

Первый разъ въ жизни Осипъ Матвѣевичъ растерялся. Въ этомъ взглядѣ онъ встрѣтилъ прямое и открытое противодѣйствіе его силѣ, и вся его напряженная самоувѣренность какъ-то вдругъ понизилась. Онъ точно увидѣлъ себя окруженнымъ врагами, которые сильнѣе его, и началъ искать прикрытія.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—хорошо... Это зашло слишкомъ далеко... Возьми, уведи ее... Оставьте меня.

Анна Григорьевна во время этой сцены почувствовала сильную слабость и опустилась на диванъ. Лицо ея было мертвенно—блѣдно. Она прерывисто дышала. Матвѣй подошелъ къ ней.

— Пойдемте, мама.

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ. Она не сопротивлялась. Но она едва передвигала ноги.

Напряженіе, которое сейчасъ перенесли ея нервы, превышало ихъ силы. Теперь она была въ такомъ состояніи, что Осипъ Матвѣевичъ, если бы онъ это зналъ, могъ бы заставить ее сдѣлать все, что угодно, даже выгнать дочь изъ дому. Едва ли хватило бы у нея силъ во второй разъ ополчиться на защиту Лизы.

Матвѣй увелъ ее. Осипъ Матвѣевичъ шумно захлопнулъ за ними дверь и громко щелкнулъ задвижкой.

Матвѣй отвелъ Анну Григорьевну въ ея спальню и уложилъ на диванѣ. Напрасно онъ спрашивалъ ее, не надо ли ей чего? Не уложить ее въ постель? Она не была способна отвѣтить, она теперь ни на что не была способна.

XIII.

Все замерло въ домѣ инспектора. Въ дамскихъ комнатахъ лежали недвижимыя существа. Матвѣй убѣдился въ этомъ. Обѣ женщины потеряли слишкомъ много силъ и теперь отъ нихъ ничего нельзя было добиться. Онъ оставилъ ихъ до слѣдующаго дня и легъ спать.

Спалось ему плохо. Въ самомъ дѣлѣ, Матвѣй въ послѣдніе мѣсяцы сильно перемѣнился. Никто не видѣлъ, какъ это произошло и что произошло. Онъ былъ одинокъ совершенно. Съ товарищами онъ не сходился, потому что видѣлъ съ ихъ стороны какое-то особое отношеніе—осторожное и въ то же время не вполнѣ откровенное.

Хотя и для всѣхъ было ясно, что между нимъ и отцомъ нѣтъ ничего общаго и согласнаго, все-же онъ былъ сынъ инспектора и носилъ его фамилію. Все же большинство учителей дѣлали ему снисхожденіе. А домашнія отношенія постоянно будили его умъ, заставляя его вникать, обсуждать, и однажды онъ вдругъ замѣтилъ, что его умъ находится на самой первобытной точкѣ. Это былъ и несчастный, и счастливый день въ его жизни.

Онъ увидѣлъ, что юноши его возраста ушли далеко, даже среди его товарищей, не отличавшихся большимъ развитіемъ. И тогда онъ набросился на книги.

Никто въ его комнату не заглядывалъ и никто не видѣлъ, что тамъ постоянно мѣнялись книги, потому что онъ ихъ проглатывалъ. Онъ доставалъ ихъ изъ гимназической библіотеки и изъ частныхъ черезъ Осипа.

И съ каждымъ мѣсяцемъ онъ подымалъ голову, начиналъ все яснѣе и яснѣе понимать то, что вокругъ его происходило.

Уже давно онъ опредѣлилъ отношенія въ своей семьѣ и безповоротно осудилъ отца. Сперва онъ, желая быть безпристрастнымъ, допускалъ, что виноваты всѣ другіе. Потомъ разобралъ подробно жизнь матери и поведеніе всѣхъ остальныхъ членовъ семьи,—старшей сестры, Осипа, и пришелъ къ заключенію, что надо всѣми царилъ каменный эгоизмъ его отца и всѣмъ испортилъ жизнь.

Эпизодъ, разыгравшійся съ Лизой, былъ для него неожидан-

ностью и онъ досадовалъ на то, что Лиза, благодаря своей глупости, дала отцу такое орудіе въ руки.

Но подумавъ, онъ и тутъ рѣшилъ, что виноватъ отецъ, и что иначе не могло быть и случилось бы, все равно, раньше или позже.

Теперь на его обсужденіе поступилъ новый вопросъ: онъ все-таки не допускалъ мысли, чтобы отецъ способенъ былъ объявить такое рѣшеніе: чтобы Лиза, это жалкое безпомощное существо, покинула домъ. Такой черствости онъ даже отъ Осипа Матвѣевича не ожидалъ. Теперь это отмѣнено, благодаря странной неожиданной вспышкѣ негодованія у матери и отчасти его твердости. Но что еще будетъ завтра? Будетъ ли отецъ настаивать на своемъ рѣшеніи?

Онъ заснулъ только къ утру и спалъ не долго. У него была мысль раньше, чѣмъ разыграется исторія въ гимназіи, повидать Броницына и поговорить съ нимъ.

Осипъ Матвѣевичъ обыкновенно къ утренней молитвѣ былъ уже въ гимназіи. Поэтому Матвѣй отправился до молитвы. Онъ былъ въ корридорѣ, когда гимназисты спускались сверху изъ спальни. По лицамъ гимназистовъ онъ догадался, что никто еще не разболталъ.

Да никто и не могъ этого сдѣлать. Помощникъ, конечно, держалъ языкъ за зубами, а Броницынъ навѣрное до того струсилъ, что теперь боялся всѣхъ. Да къ тому же и времени не было: онъ пришелъ въ дортуаръ ночью, когда всѣ спали, а теперь гимназисты едва только успѣли протереть глаза.

Вотъ онъ спускается по лѣстницѣ. Матвѣй взглянулъ на него: что за видъ! Онъ еще больше похудѣлъ и осунулся. У него лицо умирающаго, и ноги его передвигаются какъ то неровно, нерѣшительно, точно онъ боится упасть.

Когда Броницынъ сошелъ внизъ, Матвѣй подошелъ къ нему. Броницынъ, увидѣвъ Матвѣя, отшатнулся. Тотъ сказалъ:

— Пойдемъ со мной въ садъ. Нужно поговорить.

— Сейчасъ молитва... Перекличка... сказалъ Броницынъ.

— Ну, что тебѣ теперь перекличка! Пойдемъ въ садъ.

Брониныцъ больше не возражалъ. Они прошли весь корридоръ и вышли во дворъ, потомъ въ садъ.

Здѣсь еще не было никого изъ воспитанниковъ. Сторожъ подметалъ дорожки. Матвѣй выбралъ наиболѣе уединенное мѣсто.

— Вотъ, видишь-ли, я знаю все,—сказалъ Матвѣй,—все, что было и вчера и до вчерашняго дня. Прибавлять тебѣ нечего, ты, вѣроятно, не интересуешься моимъ мнѣніемъ.

— Напротивъ,—сказалъ Броницынъ.

— Въ такомъ случаѣ я скажу, что это было съ твоей стороны и глупо, и подло... Впрочемъ, больше глупо, чѣмъ подло.

———

— Можетъ быть, глупо, но не подло...—возразилъ Броницынъ:— я сейчасъ же выхожу изъ гимназіи и женюсь на Лизѣ.

— Такъ вотъ прежде надо было это сдѣлать: выйти и жениться, а потомъ ужъ остальное. Тогда было бы только глупо... Но это послѣ... Вчера отецъ рѣшилъ, чтобъ Лиза ушла изъ дому, куда—неизвѣстно. Но мы съ матерью сумѣли осадить его. Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Я же сказалъ: выхожу изъ гимназіи...

— То-есть тебя выключатъ изъ нея!

— Ну, это безразлично для женитьбы. Выхожу и женюсь...

— А твои родные? Вѣдь тебѣ только восемнадцать лѣтъ. Они развѣ позволятъ? При твоемъ здоровьи...

— Если даже не позволятъ, я все равно женюсь.

— Положимъ... Хотя для этого нужны средства. Если тебѣ не позволятъ, то и средствъ не дадутъ. Что ты будешь дѣлать?

Броницынъ съ болѣзненной нервностью передернулъ плечами.

— Я не знаю... Зачѣмъ такъ думать!.. Мои родители добрые... Они не изверги..

— Ну да, я знаю, что не такіе звѣри, какъ мой отецъ... Ужъ я не знаю, что это будетъ за бракъ. Ты больной, слабый, нервный, а она—устрица какая-то по уму. Ужъ не знаю, желать ли этого. Но вотъ: ты смотри, не вздумай заявлять, что у васъ зашло такъ далеко... Были свиданія, но не больше, и потомъ совѣтую тебѣ сейчасъ, до совѣта, который, кажется, будетъ собранъ моимъ отцомъ сегодня, подать прошеніе объ увольненіи. Ты напиши «по болѣзни», хотя безъ родителей нельзя, но ты напиши, что совсѣмъ боленъ и не можешь оставаться въ гимназіи и пансіонѣ тѣмъ болѣе. Вонъ идетъ черезъ дворъ отецъ. Иди на молитву. Ты, кажется, такъ боишься переклички, хотя это глупо, такъ какъ ты уже больше не гимназистъ.

Они разошлись. Матвѣй вернулся домой и узналъ, что дамы еще спятъ, что Осипъ Матвѣевичъ вышелъ изъ кабинета молча и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій.

Странный это былъ день въ гимназіи. Ученики замѣчали и чувствовали, что въ высшей сферѣ происходитъ какое-то необычное волненіе, и никто ничего не понималъ. Осипа Матвѣевича видѣли такъ же повсемѣстно, какъ и каждый день. Онъ не обнаруживалъ ни малѣйшей растерянности. Напротивъ, въ его движеніяхъ, голосѣ, манерахъ видно было еще больше твердости и сосредоточенности.

Помощникъ его заглядывалъ въ классы и у него было какое-то виноватое лицо. Директоръ совсѣмъ не показывался, хотя въ одиннадцать часовъ у него былъ урокъ греческаго языка. Урокъ оказался пустымъ.

Во время большой перемѣны въ садъ не явился никто изъ начальства. Это тоже было необычно. Ужъ непремѣнно кто-нибудь заглядывалъ.

Наконецъ, ученики замѣтили, что окна въ инспекторской квартирѣ наглухо затворены и даже внутри спущены занавѣски, хотя день былъ прекрасный, весна разыгралась во всю.

Но никому даже и въ голову не приходила причина всѣхъ этихъ разнородныхъ обстоятельствъ. Очевидно, и учителя не знали ничего о случившимся. Трудно допустить, чтобы ни одинъ изъ нихъ такъ или иначе, хотя намекомъ, не далъ бы понять ученикамъ объ исторіи, такой важной для гимназіи.

Броницынъ же, убитый, какъ-то обезсиленный, покорно и терпѣливо сидѣлъ на всѣхъ урокахъ и даже на одномъ изъ нихъ отвѣчалъ, стараясь не испортить себѣ отмѣтку. Все это онъ дѣлалъ машинально, по разъ заведенной привычкѣ. Но въ то же время онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда же это начнется...

Началось это послѣ большой перемѣны. Какъ только шестой классъ весь собрался и стали ждать учителя математики Фукса, пришелъ въ канцелярію курьеръ и вызвалъ изъ класса Броницына.

— Васъ директоръ требуютъ.

— Въ канцелярію?—спросилъ Броницынъ.

— Въ ихъ кабинетѣ. Пожалуйте.

Броницынъ ушелъ и ужъ больше въ классъ не возвращался.

XIV.

Директоръ Корнъ ходилъ по кабинету, когда вошелъ Броницынъ. При его появленіи Корнъ остановился и посмотрѣлъ на него полнымъ изумленія взглядомъ.

— Броницынъ, да неужели же это правда? Какъ вы на это рѣшились? Вы сынъ почтенныхъ, благородныхъ родителей, какъ вы могли на это рѣшиться?

Броницынъ молчалъ. Собственно ему и отвѣчать было нечего. Что можно отвѣтить на вопросъ: какъ онъ могъ на это рѣшиться?

Разсказать всю исторію, какъ это было, но это ни къ чему не поведетъ, и директоръ не станетъ слушать. А главное—развѣ это могло бы что-нибудь измѣнить?

Вся гимназія знаетъ, какъ слабъ былъ директоръ Корнъ во всѣхъ случаяхъ, когда на чемъ-нибудь настаивалъ инспекторъ Тарановъ. Если-бы здѣсь не былъ замѣшанъ Тарановъ, тогда конечно, можно было бы надѣяться на всякія послабленія, но при Тарановѣ—конецъ одинъ.

Поэтому онъ молчалъ почти убѣжденно.

— Что-жъ вы молчите Броницынъ?—спросилъ директоръ.

— Что-жъ я могу сказать, Василій Андреевичъ? Позвольте мнѣ сѣсть... Я такъ ослабѣлъ послѣ этой исторіи... Я не могу стоять.

— Ну, вотъ видите. Вы слабый, больной. Вѣроятно, и безъ этого ваше состояніе доставляетъ огорченіе вашимъ родителямъ. А теперь что вы имъ преподнесете? Садитесь.

Броницынъ сѣлъ. У него дѣйствительно дрожали колѣни. Вообще онъ былъ слабъ сегодня, а тутъ приходилось стоять передъ директоромъ, да еще по такому поводу.

Послѣ того, какъ онъ сѣлъ, Корнъ, вѣроятно тронутый его болѣзненнымъ состояніемъ, еще болѣе смягчилъ тонъ.

— Досаднѣе всего то, что я ничего для васъ не могу сдѣлать. Я хотѣлъ бы облегчить вашу участь, но... Вы были пойманы самимъ инспекторомъ и это такой проступокъ, такой проступокъ... До сихъ поръ ничего подобнаго не случалось во ввѣренной мнѣ гимназіи.

— То-есть никого не поймали, Василій Андреевичъ?—осмѣлился сказать Броницынъ.

— Да, конечно. Мы можемъ судить только о томъ, что засвидѣтельствовано. Вотъ если бы и вы умѣли такъ преступать правила нравственности, чтобы васъ не поймали, то и вы были бы безнаказанны... Да... Вы конечно имѣете право не вдаваться въ подробности, тѣмъ болѣе, что васъ собственно говоря, уже можно не считать ученикомъ гимназіи... Но по крайней мѣрѣ, могу я узнать, кто была эта... эта особа? Вѣдь это же въ стѣнахъ гимназіи... Я отвѣчаю за это...

У Броницына опустились и повисли руки, которыя лежали у него на колѣняхъ. Онъ поднялъ голову и большими недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на директора.

«Такъ, значитъ, онъ не знаетъ, кто это былъ, и это правда? Но правда ли это въ самомъ дѣлѣ?» такъ думалъ онъ, а передъ нимъ стоялъ вопросъ, только что поставленный директоромъ. На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить. Но какъ отвѣтить?

Броницынъ былъ очень наивный и крайне непрактичный юноша; онъ никогда не умѣлъ сообразить, что ему выгодно, и въ данномъ случаѣ онъ не зналъ, повредитъ ли ему правда, или наоборотъ, принесетъ пользу.

Кромѣ того былъ и другой вопросъ: если директоръ знаетъ о его преступленіи и не знаетъ о Лизѣ, значитъ Тарановъ сказалъ ему не все, такъ имѣетъ ли онъ право выдавать Лизу? Не будетъ ли это съ его стороны неосторожно и не скажетъ ли Матвѣй Тарановъ, что онъ совершилъ новую подлость?

Но тутъ онъ вспомнилъ, что вѣдь вчера, кромѣ Таранова, былъ еще и его помощникъ, который, конечно, хорошо знаетъ Лизу въ лицо.

Если бы тамъ былъ только Тарановъ, можно было бы молчать и не называть Лизу, но ждать этого отъ посторонняго лица по меньшей мѣрѣ неосновательно. Онъ еще не назвалъ, но конечно назоветъ.

И Броницынъ колебался, онъ не зналъ, какъ ему повести себя.

— Я не знаю...—странно отвѣтилъ онъ.

— Какъ? Вы не знаете, кто съ вами былъ и кого вы... Ну, да... кого вы обнимали?—съ удивленіемъ спросилъ директоръ.

— Нѣтъ, не то... Я не знаю, имѣю ли я право, долженъ ли я?

— Вы, конечно, не должны... А что касается права, то это... Однако, если вы считаетесь съ этимъ, значитъ эта особа вами уважаема?—сказалъ Корнъ, очевидно пытаясь поймать его на словѣ и хоть какъ-нибудь вывѣдать.

— Не могу я сказать, Василій Андреевичъ... Право, я не знаю... съ мучительнымъ колебаніемъ отвѣтилъ Броницынъ.

Однако директору очень хотѣлось узнать. Можетъ быть, у него были какія-нибудь данныя предполагать истину и ему хотѣлось только подтвержденія.

— Я вамъ объясню, Броницынъ. Возможенъ такой случай: если особа принадлежитъ... ну, скажу, къ кругу порядочному — какъ это ни странно было бы въ данномъ случаѣ, то могутъ повліять извѣстнымъ благопріятнымъ образомъ, это можетъ смягчить и вашу участь... А вы должны подумать о вашихъ родителяхъ.

Броницынъ окончательно сбился и потерялъ всю свою небольшую твердость. Напоминаніе о родителяхъ Корнъ сдѣлалъ своевременно. Родители Броницына дѣйствительно дрожали надъ нимъ, надъ его здоровьемъ, надъ его судьбой. И исключеніе его изъ гимназіи будетъ для нихъ большимъ ударомъ.

И ему пришло въ голову, что открытіе истины въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, можетъ въ самомъ дѣлѣ повліять благопріятно, именно потому, что Лиза дочь инспектора. И онъ рѣшился сказать.

— Я вамъ скажу, Василій Андреевичъ. Это была дочь...

— Ну-те, ну-те?—нетерпѣливо вызывалъ его Корнъ.—Договаривайте.

— Это была дочь инспектора.

Теперь настала очередь Корну сдѣлать необычайно большіе глаза и выразить безпредѣльное изумленіе.

— Дочь инспектора? Какого инспектора?—воскликнулъ онъ такимъ страннымъ голосомъ, что Броницынъ поднялся и выпрямился.

— Нашего,—отвѣтилъ онъ.

— Осипа Матвѣевича?

—

— Да... Ли... Елизавета Осиповна...

Директоръ подошелъ совсѣмъ близко къ Броницыну и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— И вы, Броницынъ, говорите чистую правду?

— Я говорю правду, Василій Андреевичъ... Спросите Матвѣя Таранова...

— Какъ? онъ зналъ?

— Нѣтъ, онъ узналъ только послѣ этого случая.

— И еще кто знаетъ?

— Да вѣдь вмѣстѣ съ инспекторомъ былъ помощникъ, Максимъ Петровичъ.

— Знаю. Только онъ былъ не такъ близко и не видалъ...

— Онъ стоялъ рядомъ съ инспекторомъ... Я не могу ручаться... но... трудно было не видѣть.

— Хорошо, Броницынъ. Вотъ видите, это очень важно, что вы назвали... Это удивительно, но важно. Вы совершили проступокъ тяжкій, очень тяжкій... Но я не люблю крутыхъ мѣръ, я предпочитаю исправить, нежели исторгнуть... Можетъ быть, и удастся какъ-нибудь смягчить это... Вы идите. Сегодня я принужденъ собрать совѣтъ. Послѣ совѣта узнаете. Но будьте въ зданіи гимназіи, можетъ быть, васъ потребуютъ. Идите.

Но Броницынъ не уходилъ.—Василій Андреевичъ, я прошу васъ принять отъ меня прошеніе объ увольненіи... Вотъ.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу и подалъ ее директору.

— Вы хотите? Что-жъ, это можетъ понадобиться... Если нельзя будетъ обойтись... Хорошо, пусть. Идите.

Броницынъ ушелъ, но на уроки онъ уже не явился. Онъ былъ слишкомъ разстроенъ, онъ отправился въ лазаретъ и попросилъ у фельдшера позволенія полежать на кровати. Тамъ ему разрѣшили это.

Послѣ ухода Броницына раздался рѣзкій директорскій звонокъ. Прибѣжалъ Ананья.

— Сейчасъ ко мнѣ Максима Петровича.

Ананья исчезъ. Черезъ три минуты въ кабинетъ вошелъ помощникъ—толстенькій человѣкъ небольшого роста, съ незначительнымъ обросшимъ смуглымъ лицомъ.

— Максимъ Петровичъ, я хотѣлъ,—проговорилъ Корнъ, почему-то не глядя на него, точно не желая стѣснять его въ отвѣтахъ,—я хотѣлъ въ дополненіе къ данному уже вами объясненію... кое что еще... Видите ли, вопросъ очень щекотливый. Вы сказали, что этотъ гимназистъ... Броницынъ... былъ съ женщиной... Но... Вы даже не догадываетесь, кто могла быть эта женщина?

— Василій Андреевичъ... имѣю ли я право высказывать догадку, когда дѣло касается чести...—очень ловко уклонился Максимъ Петровичъ.

— Это такъ!—сказалъ директоръ,—Но... Я теперь говорю съ вами не какъ директоръ, а какъ частный человѣкъ, какъ добрый знакомый... Я даже скажу вамъ цѣль мою: облегчить участь виновнаго. И я понимаю, что догадку оффиціально никто не имѣетъ право высказывать. Но я вотъ именно хочу знать: это только догадка?

— Василій Андреевичъ... Я становлюсь въ очень затруднительное положеніе,—сказалъ помощникъ.

— Да... Вашъ отвѣтъ почти удовлетворяетъ меня... И если я скажу вамъ, что я знаю имя этой особы... и, наконецъ, если я назову вамъ ее: это дочь инспектора... Вамъ только остается промолчать, если вы не можете сказать—нѣтъ.

Максимъ Петровичъ промолчалъ, а Корнъ далъ этому молчанію продлиться настолько, чтобы оно сдѣлалось несомнѣннымъ и многозначительнымъ.

— Ну, вотъ,—сказалъ Корнъ,—это все, изъ-за чего я васъ вторично потревожилъ. Да, вотъ что,—прибавилъ онъ, вдругъ измѣнивъ тонъ на начальническій:—ко мнѣ, какъ вы знаете, поступила докладная записка Осипа Матвѣевича о вчерашнемъ ночномъ происшествіи съ гимназистомъ Броницынымъ. Дѣло настолько серьезное, что я принужденъ созвать экстренный совѣтъ. Я хотѣлъ бы, именно въ виду экстренности, чтобы совѣтъ собрался въ четыре съ половиной часа, послѣ уроковъ. Прошу васъ оповѣстить всѣхъ. Предупреждать о причинѣ я считаю излишнимъ. Такъ пожалуйста.

— Я исполню,—отвѣтилъ Максимъ Петровичъ, поклонился и вышелъ.

XV.

Учительскій персоналъ былъ страшно заинтригованъ. Внезапное назначеніе экстреннаго совѣта было рѣдкимъ явленіемъ. Всетаки получали извѣщеніе хоть наканунѣ, а тутъ за два часа. Никто ничего не могъ узнать.

Директоръ не только въ учительскую не показывался, но ушелъ къ себѣ на квартиру. Помощникъ извѣстилъ всѣхъ письменно, и курьеръ давалъ всѣмъ расписываться. Самъ же старался не попадаться ни-кому на глаза. Когда же кто-нибудь изъ преподавателей все-таки его настигалъ гдѣ-нибудь въ корридорѣ и спрашивалъ о причинѣ совѣта, онъ отвѣчалъ:

— Почемъ же мнѣ знать? Это директоръ назначилъ. Я исполняю то, что мнѣ приказано.

Тарановъ тоже былъ неуловимъ. Онъ если и забѣгалъ въ учительскую, то только за тѣмъ, чтобы захватить какой-нибудь забытый классный журналъ, и моментально вылеталъ. Однако, учитель Роскошный все-таки остановилъ его и спросилъ:

— Позвольте узнать, Осипъ Матвѣевичъ, по какому это важному случаю такъ экстренно совѣтъ назначенъ?

Осипъ Матвѣевичъ посмотрѣлъ на него «косвеннымъ взглядомъ» и отвѣтилъ:

— На совѣтѣ директоръ, по всей вѣроятности, не будетъ держать это въ тайнѣ,—и вышелъ.

Всѣ переглянулись.—Ну, господа, вы увидите, что это исходитъ отъ Осипа Максимовича. По глазамъ его вижу,—замѣтилъ Роскошный.

— Какая-нибудь новая жестокость,—сказалъ кто-то изъ молодыхъ.

— Экстренная жестокость,—прибавилъ другой.

— А вы, господа, возмущаетесь его жестокостью?—спросилъ Роскошный.

— Я думаю. Развѣ можно восхищаться ею?

— Ага... А почему же вы не протестуете? Я всегда протестую, но остаюсь почти одинокъ...

— Да, вѣдь, это ни къ чему не поведетъ. Онъ напишетъ въ округъ, и тамъ, все равно, согласятся, съ его мнѣніемъ.

— Пусть напишетъ. А мы и передъ округомъ будемъ защищать свое мнѣніе.

Молодые преподаватели махнули на него рукой.

— Вотъ оптимистъ. Точно вы не знаете, какъ тамъ смотрятъ.

— Да тамъ смотрятъ, какъ случится, подъ какую руку попадетъ. А какіе вы, господа, готовенькіе пессимисты. Я вотъ восемнадцать лѣтъ служу и, конечно, разочаровывался въ тысячу разъ больше, чѣмъ вы, а такимъ безнадежнымъ скептикомъ, какъ вы не сдѣлался. Такъ не хотите поддержать меня?

— Да, можетъ быть, что нибудь такое, что и поддерживать нельзя...

— Вотъ вы и уклоняетесь, виляете... Эхъ, эхъ... Плоха на васъ надежда... Вотъ поэтому-то Тарановъ такъ рѣшительно и дѣйствуетъ, что не ждетъ никакого сопротивленія. Ну, пойду преподавать исторію,—прибавилъ онъ и, захвативъ журналъ, ушелъ въ классъ.

Преподавателямъ пришлось послѣ уроковъ ждать нѣкоторое время въ учительской. Это настроило ихъ мрачно. Всѣ привыкли въ это время обѣдать и отдыхать. Нѣкоторые были классными наставниками, значитъ, имъ придется потомъ торопиться. Словомъ, этотъ экстренный совѣтъ былъ непопуляренъ.

Къ четыремъ съ половиной часамъ всѣ собрались въ большой комнатѣ, примыкавшей къ кабинету директора. Не было еще только директора и Таранова.

Корнъ пришелъ раньше Осипа Матвѣевича. Роскошный къ нему обратился:

— Въ чемъ дѣло, Василій Андреевичъ? Отчего это такая таинственность,—спросилъ онъ.

— Сейчасъ узнаете, сейчасъ... Очень непріятное дѣло,—сказалъ Корнъ.—Не хочется дважды разстраивать себя... Вотъ пошлемте за Осипомъ Матвѣевичемъ. Ананья, сходи, братецъ, и позови Осипа Матвѣевича; скажи, что мы всѣ въ сборѣ.

Таранова нашли въ корридорѣ гимназіи Домой онъ въ этотъ день послѣ уроковъ совсѣмъ не заходилъ. Онъ очень скоро явился.

— Теперь, господа, сядемте,—сказалъ директоръ.

Всѣ сѣли.

— Дѣло это, господа, я ставлю на ваше обсужденіе по докладу Осипа Матвѣевича, нашего инспектора. Вы сами будете докладывать?—спросилъ онъ, обращаясь къ Таранову.

— Я представилъ вамъ свой докладъ. Въ немъ все изложено. И я ничего не могу ни прибавить, ни убавить,—отвѣтилъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Хорошо-съ. Такъ я прочитаю вашъ докладъ.

Онъ вынулъ листъ бумаги, исписанный съ двухъ сторонъ, и началъ читать.

«Господину директору... Ну и такъ далѣе... Докладъ... Имѣю честь доложить на ваше благоусмотрѣніе и для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ о слѣдующемъ. Вчерашняго числа утромъ я получилъ извѣщеніе о томъ, что ученикъ шестого класса Владиміръ Броницынъ имѣетъ привычку по ночамъ, когда всѣ пансіонеры уже спятъ, вставать съ постели, одѣваться и уходить въ садъ.

«Подобная привычка сама по себѣ уже есть нарушеніе правилъ гимназіи, ибо ночь должна быть проводима воспитанниками въ спальнѣ, на своихъ постеляхъ. Но въ виду заявленія, что подобный уходъ изъ спальни совершается Броницынымъ ежедневно, я придалъ этому особое значеніе и вынужденъ былъ разслѣдовать это дѣло. При этомъ мнѣ было сообщено, что, уходя изъ спальни, ученикъ Владиміръ Броницынъ проводитъ время въ саду, причемъ было обозначено мѣсто—правая часть сада. Въ тотъ же день вечеромъ, предупредивъ моего помощника о его готовности явиться на мой зовъ, я отправился въ пансіонскій дортуаръ и, не найдя на своемъ мѣстѣ служителя, вошелъ и, дѣйствительно, не нашелъ ученика Броницына на его кровати, причемъ и одежда его и сапоги также отсутствовали.

«Получивъ это первое подтвержденіе извѣстія, я зашелъ къ

моему помощнику, попросилъ его захватить фонарь, и мы вмѣстѣ съ нимъ, стараясь соблюдать необходимую тишину, направились въ указанное мѣсто сада.

«Остановившись у кустовъ сирени, мы услышали тихій разговоръ шопотомъ, изъ чего заключили, что Броницынъ не одинъ. Приблизившись затѣмъ къ разговаривавшимъ, мы зажгли свѣчу въ фонарѣ и совершенно явственно разглядѣли ученика шестого класса Владиміра Броницына, который сидѣлъ на скамейкѣ, а рядомъ съ нимъ находилась особа женскаго пола. Поза ихъ не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, что между ними существовали близкія, никоимъ образомъ недопустимыя въ предѣлахъ гимназіи отношенія. Спрошенный мною ученикъ Владиміръ Броницынъ отъ объясненія уклонился.

«Докладывая о семъ, прошу предложить на обсужденіе совѣта изложенный проступокъ ученика шестого класса Владиміра Броницына, каковой ученикъ, согласно правиламъ учебнаго заведенія, подлежитъ немедленному исключенію изъ гимназіи. Инспекторъ гимназіи, статскій совѣтникъ Осипъ Тарановъ».

Прочитавъ докладъ, директоръ положилъ передъ собой бумагу и началъ нервно теребить свое лѣвое ухо, которое почему-то у него горѣло.

Преподаватели молчали. Тарановъ тоже не проронилъ ни слова. Директоръ почувствовалъ себя въ необходимости сказать что-нибудь:

— Господа,—промолвилъ онъ какимъ-то, видимо, принужденнымъ тономъ,—изложенное въ докладѣ Осипа Матвѣевича происшествіе, несомнѣнно, представляетъ собою, со стороны ученика Броницына, проступокъ изъ ряда вонъ выходящій, и совершившій его ученикъ, безъ всякаго сомнѣнія, подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія. Но, прежде чѣмъ поставить вопросъ о наказаніи, я прошу васъ высказать ваше мнѣніе.

— Позвольте мнѣ,—попросилъ Роскошный, на секунду привставъ и потомъ опять опустившись на мѣсто.

— Пожалуйста, Иванъ Арнольдовичъ,—разрѣшилъ Корнъ.

— Вотъ вы изволили сказать, Василій Андреевичъ, что ученикъ, совершившій проступокъ, описанный въ докладѣ господина инспектора, подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія. Вы изволили выразиться осторожно, характеризуя самый проступокъ, какъ изъ ряда вонъ выходящій, и не предрѣшая выборъ самаго наказанія. Логически иначе и не могло бы быть, такъ какъ, пригласивъ насъ въ экстренное засѣданіе совѣта, отъ насъ, повидимому, вы желали услышать наше мнѣніе. Но въ концѣ доклада господина инспектора сказано, что ученикъ Броницынъ подлежитъ исключенію изъ гимназіи. Должны ли мы смотрѣть на это, какъ на предрѣ-

шеніе самаго наказанія и только доведеніе до нашего свѣдѣнія поступка Броницына, или намъ предоставлено судить и рѣшать о наказаніи?

— Я полагаю, что Осипъ Матвѣевичъ въ докладѣ выразилъ только свое мнѣніе,—сказалъ Корнъ.

— Я не могу представить себѣ, чтобы совѣтъ могъ оказаться другого мнѣнія,—промолвилъ Тарановъ. — Проступокъ такъ ясенъ, что не допускаетъ никакихъ толкованій.

— Такъ что это предрѣшено?—настойчиво спросилъ Роскошный.

— Я полагаю,—отвѣтилъ Тарановъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, намъ ничего не остается, какъ разойтись,—сказалъ Роскошный и взглядомъ, ищущимъ сочувствія, осмотрѣлъ всѣхъ преподавателей.

На лицахъ его товарищей была написана нерѣшительность. Только математикъ Фуксъ явно поддержалъ его.

— Я присоединяюсь къ вашему мнѣнію,—сказалъ онъ твердо.

— Господа, позвольте,—остановилъ ихъ директоръ,—мнѣ кажется, что вы неправильно поняли заявленіе Осипа Матвѣевича. Онъ полагаетъ, что иного рѣшенія не можетъ быть, но это нисколько не препятствуетъ намъ рѣшать согласно нашему разумѣнію, и потому я прошу васъ высказаться.

— Въ такомъ случаѣ,—опять заговорилъ Роскошный,—я прошу позволенія коснуться дѣла по существу. Вы позволите?—обратился онъ къ Корну.

— Надѣюсь, Осипъ Матвѣевичъ ничего противъ этого не имѣетъ.

Тарановъ пожалъ плечами.—Я считаю это безполезной тратой времени, но ничего не имѣю.

— Хорошо-съ, —сказалъ Роскошный,—благодарю васъ,—и онъ наклонилъ голову по направленію къ Таранову. Онъ продолжалъ:—я внимательно слушалъ докладъ господина инспектора, и нахожу, что въ самой главной и важной своей части онъ весьма не полонъ.

— Именно?—спросилъ Тарановъ.

— Именно въ той своей части, гдѣ докладъ утверждаетъ, что личность, сидѣвшая на скамейкѣ рядомъ съ Броницынымъ, была «особа женскаго пола»; въ докладѣ ничего не сказано, какимъ образомъ господинъ инспекторъ убѣдился въ томъ, что эта особа была женскаго пола.

Учителя переглянулись, понявъ замѣчаніе Роскошнаго въ пикантномъ смыслѣ. Повидимому такъ же понялъ его и самъ Тарановъ. Онъ отвѣтилъ:

— Господину учителю исторіи угодно шутить, но я считаю это неумѣстнымъ и несогласнымъ съ достоинствомъ совѣта.

— Нисколько,—возразилъ Роскошный.—Вы позволите мнѣ продолжать?—спросилъ онъ директора и тотъ утвердительно кивнулъ головою.

— Я нисколько не шучу и ни мало не расположенъ къ этому. Господа, мы здѣсь рѣшаемъ судьбу юноши, который при томъ же всегда отличался тихимъ характеромъ и хорошимъ поведеніемъ. Если его судьба рѣшена уже безъ насъ, мы умоемъ руки, но если намъ предоставлено участвовать въ рѣшеніи его судьбы, мы имѣемъ право и обязаны требовать подробнаго и яснаго изложенія проступка. И потому я повторяю мой вопросъ: какимъ образомъ господинъ инспекторъ убѣдился въ томъ, что это была особа женскаго пола? Напримѣръ, господинъ инспекторъ разговаривалъ съ нею?

— Нѣтъ,—сказалъ Тарановъ.

— Значитъ, онъ не слышалъ ея голоса...

— Виноватъ, Иванъ Арнольдовичъ, я васъ перебью,—промолвилъ Корнъ:—въ докладѣ есть указаніе на то, что Осипъ Матвѣевичъ и его помощникъ слышали разговоръ...

— Тамъ сказано: шопотъ. А шопотъ, какъ извѣстно, одинаковый у мужчины и у женщины. Такимъ образомъ, голоса ея господинъ инспекторъ не слышалъ. Хорошо-съ. Далѣе въ докладѣ не сказано, въ какой одеждѣ была эта личность. Безъ сомнѣнія, она была въ женскомъ платьѣ, въ длинномъ или короткомъ, это все равно. Но есть ли это доказательство женскаго пола, господа? Мы знаемъ, что дѣти очень часто продѣлываютъ фарсы,—переодѣваются, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ принуждаетъ къ этому слишкомъ строгая дисциплина, требуемая инспекціей, считающей, напр., преступной ночную прогулку въ саду. Я говорю вообще, я не имѣю въ виду никакихъ личностей. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, какъ это дѣлается для того, чтобы укрыться отъ глазъ наблюдательнаго начальства. Я, разумѣется, и не думаю одобрять подобные поступки, но надо все-таки установить фактъ,—есть проступки большаго и меньшаго значенія... Но, можетъ быть, господинъ инспекторъ разглядѣлъ ея лицо и знаетъ эту особу въ лицо,—тогда, конечно, мы должны будемъ повѣрить ему. Я прошу васъ, Василій Андреевичъ, освѣтить намъ это недоумѣніе.

— Не знаю, право, какъ Осипъ Матвѣевичъ,—нерѣшительно сказалъ Корнъ. Тарановъ плотно прислонился къ прямой и высокой спинкѣ стула и сказалъ:

— Подобный допросъ я считаю ниже моего достоинства.

— Я прошу васъ, господа, засвидѣтельствовать,—обратился Роскошный ко всѣмъ,—что я не имѣю въ виду касаться достоинства господина инспектора; я хочу знать только истину!—при-

бавилъ онъ, повидимому, задавшись цѣлью на этомъ дѣлѣ сорвать свою злобу противъ Таранова.—Такимъ образомъ,—продолжалъ онъ,—вопросъ относительно достовѣрности заключенія, что это была именно особа женскаго пола, остается открытымъ.

— Позвольте мнѣ...—попросилъ учитель словесности, прищуренными глазами взглянувъ на Роскошнаго. Учитель исторіи сразу понялъ, что въ этомъ онъ не найдетъ поддержки, и что скорѣе онъ хочетъ поддержать инспектора.—По всей вѣроятности, самъ Броницынъ подтвердилъ это. Вѣроятно, ему былъ произведенъ допросъ?

— Онъ отказался дать объясненіе,—отвѣтилъ ему Тарановъ.

— Но, можетъ быть, онъ не откажется дать ихъ намъ?

Корнъ заволновался.—Господа, позвольте. Я безъ крайней необходимости не хотѣлъ бы прибѣгать къ этому. Совѣтъ можетъ имѣть дѣло только съ докладомъ инспектора. Допросъ ученика показалъ бы, что совѣтъ не вполнѣ довѣряетъ объясненіямъ инспектора.

— Какъ и есть въ дѣйствительности,—холодно и ясно отчеканилъ Тарановъ, продолжая прижиматься къ спинкѣ стула.

— А я даже считаю это безполезной жестокостью,—сказалъ Роскошный.—Если онъ отказался объяснить разъ, то откажется и во второй разъ. А выпытывать намъ не приходится. Но, можетъ быть, Василій Андреевичъ разрѣшитъ намъ поговорить съ Максимомъ Петровичемъ, который былъ очевидцемъ?

— Если Осипъ Матвѣевичъ ничего не имѣетъ противъ

— Ничего не имѣю,—откликнулся Тарановъ.

Корнъ позвонилъ и приказалъ Ананіи пригласить помощника. Максимъ Петровичъ очевидно былъ готовъ къ этому и находился въ канцеляріи. Онъ явился въ ту же минуту.

— Садитесь, Максимъ Петровичъ,—мягко пригласилъ его Корнъ.—Вотъ господа преподаватели желаютъ кой-о-чемъ спросить васъ.

Максимъ Петровичъ сѣлъ и приготовился.

— Вы позволите?—опять спросилъ Роскошный директора и, получивъ разрѣшеніе, обратился къ помощнику—вотъ видите ли, Максимъ Петровичъ, вы, вѣроятно, знаете, что намъ предложено обсудить вчерашній эпизодъ съ ученикомъ Броницынымъ. Ночью въ саду, господинъ инспекторъ въ вашемъ сопровожденіи застигъ Броницына, сидѣвшаго на скамьѣ рядомъ съ особой женскаго пола, при чемъ, согласно докладу, не остается сомнѣнія въ ихъ близости. Вѣдь вы изволили быть при этомъ? Я не ошибаюсь?

— Да, я былъ, Иванъ Арнольдовичъ.

— Скажите же намъ вы, какъ и господинъ инспекторъ, получили вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что это навѣрно и безъ всякихъ сомнѣній была женщина?

— Да... Мнѣ такъ показалось...

— Хорошо-съ. Благодарю васъ. А позволю себѣ спросить, почему вамъ такъ показалось?

— Во-первыхъ, по фигурѣ, по одеждѣ...

— А во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ... Да это все.

— Значитъ, особа эта не сдѣлала ничего такого, что свойственно именно женщинѣ и не свойственно мужчинѣ?

— Нѣтъ!—нерѣшительно отвѣтилъ Максимъ Петровичъ, никакъ не будучи въ состояніи постигнуть, къ чему ведетъ Роскошный.

— Хорошо-съ. А сколько времени вы наблюдали эту особу?

— Очень не долго, можетъ быть съ полминуты.

— И что же, она осталась на мѣстѣ или ушла?

— Она закрыла лицо руками и исчезла въ темнотѣ.

— А, такъ что лицо ея вы не могли разглядѣть, если оно было закрыто руками!

— Какъ вамъ сказать...—началъ Максимъ Петровичъ, видимо желая увильнуть, но Роскошный внушительно перебилъ его:

— Сказать надо такъ, какъ было въ дѣйствительности.

— Смутно!—отвѣтилъ Максимъ Петровичъ.

— Хорошо-съ. Еще только одинъ вопросъ я себѣ позволю. Но еслибъ вамъ сказали, что это могла быть не женщина, а, скажемъ, мальчикъ, гимназистъ, переодѣвшійся въ женское платье, позвольте, я этого не утверждаю,—прибавилъ Роскошный, увидѣвъ на лицѣ Максима Петровича желаніе протестовать,—я говорю, что если бы кто-нибудь высказалъ такую мысль, могли бы вы съ полнымъ убѣжденіемъ сказать: нѣтъ, это ни въ какомъ случаѣ невозможно.

— Съ полнымъ убѣжденіемъ—нѣтъ. Подобный случай возможенъ.

— Благодарю васъ. Я больше ничего не имѣю.

— Можетъ быть, еще кто-нибудь желаетъ поговорить съ Максимомъ Петровичемъ?—спросилъ Корнъ.

Опять вызвался учитель словесности, и опять Роскошный почувствовалъ, что онъ будетъ говорить не въ его пользу.

— Но, однако, вамъ самимъ подобное предположеніе не пришло въ голову, такъ что для васъ эта мысль совершенно новая?—спросилъ учитель словесности.

— Безусловно.

Максима Петровича отпустили, но онъ все-таки остался въ канцеляріи.

*

XVI.

— Если мнѣ позволено будетъ сдѣлать выводъ изъ всего предыдущаго,—продолжалъ Роскошный,—то я вижу только одно: что самое главное въ этомъ дѣлѣ не установлено. Господинъ инспекторъ и его помощникъ вполнѣ довѣрились своему первому краткому и, стало быть, поверхностному впечатлѣнію и рѣшили, что то была женщина, не потрудившись удостовѣриться въ этомъ, хотя бы путемъ простого разговора съ ней. Поэтому, нисколько не убѣжденный докладомъ господина инспектора въ томъ, что особа, застигнутая вчера ночью въ саду съ ученикомъ Броницынымъ, была женщина, я утверждаю, что это была не женщина, а переодѣтый въ женское платье, ради фарса, хотя не заслуживающаго одобренія, гимназистъ.

Преподаватели съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли на Роскошнаго. Для всѣхъ было ясно, что онъ ни въ чемъ подобномъ не убѣжденъ и говоритъ это единственно съ полемическими цѣлями, чтобы досадить Таранову. И глаза его въ это время смѣялись. Чувство его по отношенію къ Таранову раздѣляли всѣ.

Если учитель словесности и пытался какъ бы клонить въ его сторону, то причиной этого было не чувство, а расчетъ.

И преподаватели, не чувствуя сами для этого ни силы, ни гражданскаго мужества, просто любовались Роскошнымъ и его ловкой діалектикой.

— Это ни на чемъ не обоснованное утвержденіе!—сказалъ Тарановъ.

— Оно также обосновано, или, лучше сказать, также не обосновано, какъ и ваше,—отпарировалъ Роскошный.—И я на немъ настаиваю.

— Господа,—сказалъ Корнъ.—Иванъ Арнольдовичъ возбудилъ совершенно новый вопросъ, такъ сказать, непредусмотрѣнный; угодно вамъ высказаться по этому поводу?

Никто не выразилъ желанія.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ прибѣгнуть къ собиранію голосовъ.

— Вы ставите подобный вопросъ на баллотировку?—съ удивленіемъ пожимая плечами, сказалъ Тарановъ.

— Матвѣ Осиповичъ, я желаю быть только безпристрастнымъ. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать это.

— Какъ вамъ угодно.

— Итакъ, господа, я ставлю вопросъ: можетъ ли считаться достаточно установленнымъ тотъ фактъ, что особа, бывшая вчера ночью съ ученикомъ шестого класса Броницынымъ, была женщина?

Не такъ ли? Тѣхъ, кто считаетъ этотъ фактъ установленнымъ прошу встать.

Необыкновенно твердо и убѣжденно поднялся Тарановъ. Вслѣдъ за нимъ, далеко уже не такъ рѣшительно, всталъ учитель словесности. И больше никто. Тогда Корнъ, очевидно убѣдившись, что этимъ уже ничего не можетъ измѣнить, тоже поднялся, но не во весь ростъ, а какъ-то нагнувшись надъ столомъ.

— Что же теперь, господа?—спросилъ онъ.

— Теперь, я полагаю, намъ остается рѣшить вопросъ, какому наказанію подлежитъ ученикъ, проводящій ночные часы не въ спальнѣ, а въ саду, въ сообществѣ съ своими товарищами, неизвѣстно зачѣмъ производящими маскарадъ и переодѣвающимися въ женское платье...

Тарановъ энергично замахалъ головой.—Я протестую! Я протестую и прошу занести въ протоколъ, что на совѣтѣ нѣкоторые члены позволяютъ себѣ оскорблять достоинство инспектора. Я назначенъ на должность инспектора высшимъ начальствомъ, которое, слѣдовательно, мнѣ довѣряетъ. Для совѣта должно быть достаточно подтвержденія факта инспекторомъ. Я прошу занести въ протоколъ.

— Позвольте, господа... Осипъ Матвѣевичъ, я увѣренъ, что Иванъ Арнольдовичъ не желалъ...

Положеніе Корна было самое двусмысленное. Прежде всего онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, очень хорошо знавшій, что «особа» была никто иной, какъ его родная дочь, вмѣсто того чтобы погасить этотъ инцидентъ и такимъ образомъ избавить себя отъ большой непріятности, настаиваетъ на томъ, чтобы его раздуть.

Если онъ до совѣта могъ это сдѣлать, надѣясь на безпрекословное согласіе съ нимъ всѣхъ учителей, то теперь, убѣдившись въ противномъ, для него было бы самымъ лучшимъ ухватиться за мысль Роскошнаго и взять обратно свое предложеніе объ исключеніи Броницына.

Но онъ лѣзетъ на огонь, настаиваетъ, кипятится, даже говоритъ о занесеніи въ протоколъ... Но, вѣдь, Роскошный горячо жаждетъ устроить ему гадость. Онъ, очевидно, не знаетъ еще, кто именно была эта женщина, но, вѣдь, въ концѣ концовъ этого не скроешь. И онъ, конечно, на этомъ сыграетъ хорошую игру, въ которой Тарановъ долженъ потерять. Удивительно—что за слѣпой человѣкъ!

Корнъ даже обрадовался тому обороту, какой приняло дѣло въ изложеніи Роскошнаго. Но теперь онъ видѣлъ, что на этомъ дѣло не остановится, и онъ не зналъ, какъ ему вести себя. Тара-

нова онъ боялся. Но, съ другой стороны, не хотѣлъ уронить и свое достоинство. Онъ былъ между двухъ пропастей.

— Я ничего не желаю, кромѣ безпристрастія,—сказалъ Роскошный.—Притомъ же огромное большинство моихъ сочленовъ раздѣляютъ мое мнѣніе.

— Право, я не знаю, какъ это примирить,—сказалъ Корнъ.

Вмѣшался въ дѣло Фуксъ:

— Если вамъ угодно считаться съ мнѣніемъ большинства,—сказалъ онъ,—то это ясно: вопросъ рѣшенъ, и, слѣдовательно, приступимъ къ рѣшенію другого вопроса о наказаніи за пребываніе ночью въ саду въ обществѣ товарища.

— Невозможно, чтобы Броницынъ оставался въ гимназіи. Я этого не допущу...—чрезвычайно твердо, даже съ оттѣнкомъ угрозы, сказалъ Тарановъ.

Это заявленіе какъ-то рѣзануло по сердцу директора Корна: ему показалось, что подобное заявленіе со стороны инспектора, въ присутствіи его, директора, ужъ черезчуръ нахально. Въ особенности это имѣло дурной видъ въ присутствіи его подчиненныхъ.

И онъ начальственно поднялъ голову и съ большимъ достоинствомъ сказалъ;

— Я все же полагаю, Осипъ Матвѣевичъ, что начальникъ этого учебнаго заведенія я, и вы, какъ инспекторъ, можете выражать то или другое мнѣніе, дѣлать такое или иное предложеніе, но допускàть или не допускать ничего не можете.

— Я и не думалъ покушаться на ваше право,—очень сдержанно отвѣтилъ Тарановъ.—Я именно защищаю свое мнѣніе. А если я выразился не такъ, я извиняюсь.

Но это уже было поздно. Корнъ уже былъ заряженъ противъ него, тѣмъ больше, что онъ чувствовалъ сильную поддержку въ лицѣ почти всѣхъ преподавателей.

Отпоръ, который онъ далъ Таранову, видимо, произвелъ на нихъ хорошее впечатлѣніе. До сихъ поръ онъ балансировалъ между двухъ лагерей, стараясь соблюсти интересы Таранова и всячески желая уберечь тайну. Теперь ему вдругъ это сдѣлалось безразлично. И онъ сказалъ:

— Господа, у насъ есть еще одинъ неисчерпанный источникъ. Я былъ противъ этого, но теперь вынужденъ къ этому прибѣгнуть. Я хочу позвать сюда Броницына.

Роскошный началъ было возражать, но не сильно. Въ концѣ концовъ у него не было расчета противодѣйствовать Корну, который началъ вести себя такъ хорошо.

Это было какъ бы молчаливое согласіе воспользоваться случаемъ и съѣсть Таранова, который всѣмъ досадилъ до смерти.

Всѣ согласились. Тарановъ нахмурилъ брови, но ничего не возразилъ.

Ананья отправился розыскивать Броницына. Но это было не трудно, потому что Максимъ Петровичъ «приготовилъ его», посовѣтовавъ ему быть во время совѣта въ лазаретѣ. Броницына привели.

Но дѣло въ томъ, что Максимъ Петровичъ тоже въ достаточной степени ненавидѣлъ Таранова.

Осипъ Матвѣевичъ обращался съ своими подчиненными презрительно; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что въ его образѣ дѣйствій никогда не бываетъ ни одного пятнышка, и потому держалъ голову высоко.

Максимъ Петровичъ служилъ въ гимназіи уже лѣтъ двѣнадцать и всегда пользовался уваженіемъ начальства. Корнъ обращался съ нимъ, какъ съ равнымъ. Тарановъ же не иначе, какъ въ формѣ приказаній и выговоровъ.

И когда Максимъ Петровичъ во время допроса замѣтилъ, что дѣло благодаря выдумкѣ Роскошнаго, надъ которой онъ въ душѣ смѣялся, принимаетъ новый оборотъ, и что на этомъ можно доставить большую непріятность Таранову, онъ всѣми силами хотѣлъ помогать такому исходу.

И когда Броницынъ проходилъ черезъ канцелярію, онъ остановилъ его и сказалъ тихо:

— Васъ будутъ спрашивать, кто была особа... Молчите и говорите, что не можете сказать: на все, на все отказывайтесь... Понимаете? Это въ вашу пользу!

Броницынъ предсталъ передъ ареопагомъ съ совершенно измученнымъ видомъ. Хотя онъ и отдохнулъ въ лазаретѣ, даже заснулъ, но ко всему, что уже случилось, явилось еще новое обстоятельство: сегодня пріѣхалъ изъ деревни его старшій братъ. Онъ получилъ отъ него извѣстіе и долженъ былъ явиться къ нему въ гостинницу вечеромъ. Мысль о томъ, что онъ явится исключеннымъ изъ гимназіи, страшно удручала его.

Но этотъ измученный видъ сразу подкупилъ въ его пользу весь составъ совѣта, разумѣется, за исключеніемъ Таранова, который даже не взглянулъ на него.

— Ну-съ, вотъ и Броницынъ!—сказалъ Корнъ.—Вамъ трудно стоять, Броницынъ... У васъ ноги дрожатъ... Я позволяю вамъ присѣсть. Отвѣтьте намъ на нѣкоторые вопросы. Вотъ Иванъ Арнольдовичъ и большинство совѣта не увѣрены въ томъ, что особа, которая была съ вами, была дѣйствительно женщина... Вы можете подтвердить, что это была именно женщина?

— Василій Андреевичъ,—подавленнымъ голосомъ сказалъ Броницынъ:—я не могу отвѣчать... Я, я очень взволнованъ и... нездоровъ.

— Но однако,—сказалъ Фуксъ,—это не требуетъ никакого напряженія. Это совсѣмъ не трудно.

— Да, правда, Броницынъ, для этого не требуется здоровья,—подтвердилъ Корнъ, стараясь говорить мягко.

Броницынъ молчалъ. Онъ былъ страшно спутанъ всѣмъ происходящимъ. Прежде всего онъ никакъ не могъ понять, почему его объ этомъ спрашиваютъ. Почему они сомнѣваются, что то была женщина?

Среди нестройныхъ мыслей его единственная, какая была ему понятна, это та, что самъ Тарановъ, желая оградить Лизу возбудилъ сомнѣніе въ томъ, что то была женщина. Но Тарановъ ни о чемъ его не спрашивалъ. Онъ даже не смотрѣлъ на него.

И Броницынъ ничего не понималъ и чувствовалъ себя потеряннымъ. Онъ не могъ знать и того, какъ къ нему относится весь этотъ ареопагъ. Онъ скорѣе думалъ, что всѣ они противъ него и хотятъ утопить его. Поэтому онъ боялся сказать какое-нибудь лишнее слово.

Въ головѣ его все время стоялъ совѣтъ Максима Петровича: «на все отказывайтесь, на все молчите». И это была единственная положительная и ясная мысль и онъ старался придерживаться ея и молчалъ.

— Такъ что же, Броницынъ, вы намъ не хотите ничего сказать?—спросилъ Корнъ послѣ его долгаго молчанія.

— Я не могу...—отвѣтилъ Броницынъ съ видомъ страданія.

— Я говорилъ, что это будетъ безполезная жестокость съ съ нашей стороны,—промолвилъ Роскошный.

— Ну, ступайте, Броницынъ.

Броницынъ быстро поднялся и исчезъ.

— Къ сожалѣнію,—сказалъ Корнъ,—этотъ источникъ оказался непригоднымъ. Господа, мы затянули засѣданіе... Надо, наконецъ, рѣшать.

На губахъ Таранова появилась саркастическая усмѣшка.

— Чтобы быть послѣдовательными, вамъ надлежитъ призвать и допросить еще садоваго сторожа.. Ибо и это можетъ способствовать выраженію недовѣрія инспектору,—сказалъ онъ.

Директоръ Корнъ полностью принялъ это замѣчаніе на свой счетъ. Вообще сегодняшнее поведеніе Таранова возмущало и задѣвало его. Передъ преподавателями это имѣло такой видъ, что Тарановъ въ грошъ не ставитъ его авторитетъ. Это такъ и было въ дѣйствительности, но сегодня онъ подчеркивалъ это. И это въ то время, когда онъ, Корнъ, зная обстоятельство могущее его опозорить, всячески скрывалъ его. И ему, задѣтому, ужасно хотѣлось швырнуть инспектору въ лицо это обстоятельство.

Но безъ достаточнаго повода, разумѣется, сдѣлать это онъ

не могъ. И онъ теперь уже жалѣлъ о томъ, что Роскошный такъ повернулъ дѣло.

Однако, онъ не хотѣлъ прощать Таранову его сарказмъ и собирался съ силами, чтобы отвѣтить ему по достоинству. Онъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, что инспекторъ подъ довѣріемъ разумѣетъ безусловное согласіе съ его мнѣніемъ.

Тарановъ поднялъ голову.—Потому что его мнѣніе согласно съ закономъ и нравственностью.

Тогда и директоръ въ свою очередь поднялъ голову. Лицо его сдѣлалось надменнымъ и гордымъ. Онъ теперь уже почувствовалъ себя обязаннымъ встать на защиту своего достоинства.

— Въ настоящемъ случаѣ. Осипъ Матвѣевичъ,—ѣдко замѣтилъ онъ,—неумѣстно говорить о нравственности, вамъ въ особенности.

Всѣ насторожились. Ужъ это было что-то дѣйствительно изъ ряда вонъ выходящее. Никто еще не видѣлъ Корна такимъ возмущеннымъ и такимъ смѣлымъ по отношенію къ Таранову. Всегда онъ малодушничалъ передъ нимъ и уступалъ. Правда, и Тарановъ никогда не позволялъ себѣ по отношенію къ нему такого неуважительнаго тона. Всѣ начали понимать, что въ этой исторіи кроется что-то такое, чего не знаютъ они и знаютъ директоръ и инспекторъ.

— Почему такъ?—спросилъ Тарановъ.—Почему неумѣстно и именно мнѣ?

— Я не отвѣчу на вашъ вопросъ, потому что дорожу достоинствомъ занимаемой вами должности и репутаціей ввѣренной мнѣ гимназіи!—сказалъ Корнъ.

«О, о», подумали всѣ разомъ и начали ждать громового удара. Это было даже интересно и развлекало всѣхъ.

А Корнъ, чтобы показать высшую степень игнорированія Таранова, тотчасъ обратился къ совѣту.

— Итакъ, господа, рѣшимте вопросъ о наказаніи — я полагаю, что сидѣнье ночью въ саду небольшое преступленіе.

Но въ это время вдругъ выросла величественная фигура Таранова, который какъ-то стремительно поднялся и обратился къ Корну.

— Виноватъ. Я прошу объяснить вашу фразу, Василій Андреевичъ.

Корнъ сдѣлалъ видъ, что не видитъ и не слышитъ его и продолжалъ:

— И если мы, особенно принимая во вниманіе слабое здоровье виновнаго...

— Ваше превосходительство, господинъ директоръ, я требую, чтобы фраза, сказанная въ присутствіи учительскаго персонала, была въ его же присутствіи объяснена.

Корна при словѣ *требую* всего передернуло. У него вдругъ почему-то покраснѣли глаза. Онъ прервалъ свою рѣчь и поднялъ голову.

— Вы требуете? Очень хорошо... Господа...—отрывисто и злобно сказалъ онъ:—я долженъ извиниться передъ вами, но вы поймете, что мною руководили вполнѣ благородныя побужденія. Теперь, по требованію господина инспектора, я долженъ объяснить истину. Я знаю, достовѣрно знаю, что особа, о которой здѣсь говорили, была женщина... Я знаю даже, кто была эта особа... Это была родная дочь господина инспектора...

— А!—какъ-то разомъ воскликнуло нѣсколько голосовъ. И всѣ устремили взоры на Таранова. И имъ представилось поразительное зрѣлище.

Вмѣсто смущенія и замѣшательства, они увидѣли на его лицѣ выраженіе какого-то горделиваго презрѣнія. Онъ стоялъ въ той-же величавой позѣ, въ какой требовалъ отъ Корна объясненія. Ни одинъ мускулъ на его лицѣ не пошевельнулся. Корнъ стремительно откинулся на спинку предсѣдательскаго кресла и замолкъ. Молчали и другіе. И среди этого молчанія раздался голосъ Таранова—громкій, ясный, твердый и преисполненный сознанія неуязвимости.

— Ваше превосходительство въ сопровожденіи остальныхъ выступили противъ меня въ походъ съ негоднымъ оружіемъ. Меня заставляютъ заявить, что никому здѣсь не можетъ быть дѣла до того, что происходитъ въ нѣдрахъ моего семейства. Была это моя дочь или нѣтъ, проступокъ ученика отъ этого не уменьшается. Такимъ образомъ, я могу только поблагодарить васъ за подтвержденіе моего показанія, столь несправедливо подвергнутаго здѣсь сомнѣнію, а именно: что ученикъ Броницынъ былъ съ женщиной, и еще разъ настойчиво требую исключенія его изъ гимназіи.

Подобной неуязвимости Корнъ никакъ не ожидалъ даже отъ Таранова. Выпустивъ большой зарядъ злости, онъ теперь увидѣлъ, что цѣль осталась нетронутой, а зарядъ его отскочилъ, не причинивъ царапины этой неуязвимой душѣ. И теперь, помимо злости, у него явилось еще сильно затронутое самолюбіе. Уязвить этого человѣка сдѣлалось цѣлью его существованія—разумѣется, на эти полчаса.

Что касается учителей, то они были еще подъ слишкомъ сильнымъ впечатлѣніемъ неожиданности. Директоръ Корнъ однако не нашелся, что сказать на столь твердое заявленіе Таранова, и

въ комнатѣ была тяжелая тишина, похожая на ту, какая бываетъ передъ готовой разразиться страшной бурей.

Первый овладѣлъ собой Роскошный. Если Тарановъ возмущалъ его раньше всей своей дѣятельностью и отношеніемъ къ людямъ, то теперь, именно послѣ этихъ торжественно сказанныхъ словъ въ классической позѣ, которую онъ еще продолжалъ сохранять, учитель исторіи ощущалъ къ нему такое чувство, какъ къ личному врагу.

Онъ смотрѣлъ на него, и ему казалось, что въ этомъ порожденіи той самой школы, въ которой и онъ провелъ почти всю свою жизнь—сперва ученикомъ, а потомъ учителемъ, не осталось уже ничего человѣческаго. Тарановъ былъ благодаренъ Корну за то, что тотъ назвалъ его дочь въ качествѣ героини столь некрасивой исторіи. Тарановъ радовался этому, уже непреложному, доказательству его инспекторской правоты и торопился воспользоваться имъ для достиженія единственной цѣли, какую онъ считалъ достойной—исключеніе ученика. Это цинизмъ инспекторскій, дальше котораго идти нельзя.

И учителю исторіи захотѣлось пойти противъ Таранова уже не съ тѣмъ мелкимъ оружіемъ,—дешевой ироніей,—которымъ онъ за полчаса передъ этимъ снискалъ успѣхъ среди членовъ совѣта, а съ настоящимъ негодованіемъ, которое въ немъ кипѣло.

И такъ какъ Тарановъ стоялъ, побѣдоносно озирая сидѣвшихъ членовъ совѣта, то и Роскошный, чтобы сильнѣе подчеркнуть свои слова, тоже всталъ.

— Я придерживаюсь совершенно противоположнаго мнѣнія,— рѣзко и внушительно заявилъ онъ.

— И теперь?—саркастически спросилъ Тарановъ.

— Теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было. И, съ позволенія уважаемаго предсѣдателя, я его выскажу: нѣтъ, не ученикъ Броницынъ подлежитъ исключенію, а инспекторъ Тарановъ обязанъ удалиться изъ нашей среды. Да, да, я это докажу. Я не касаюсь личности, которая здѣсь сейчасъ была разоблачена авторитетнымъ заявленіемъ нашего директора; я ея не знаю и не имѣю права о ней судить. Но для меня достаточно, что въ то время, какъ инспекторъ, высоко блюдя интересы нравственности среди учениковъ, устраиваетъ настоящую охоту за проступками, и результатомъ этой охоты явилось уже девять исключеній въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что уже похоже на какой то разгромъ учебнаго заведенія,—да, такъ въ это самое время именно изъ дома инспектора выходитъ соблазнъ... Такимъ образомъ, дѣятельность инспектора распадается на двѣ части: сперва онъ при помощи членовъ своего семейства вызываетъ ученика на проступокъ, а затѣмъ налетаетъ на него и уловляетъ. Это, господа,

правильная засада, съ разставленіемъ сѣтей... Учебное заведеніе превращается въ спеціально истребительное учрежденіе. Мы имѣемъ честь служить въ этомъ заведеніи, и, не знаю, какъ вы, но я считаю для себя постыднымъ работать съ такими товарищами...

— Извините. Я долженъ сдѣлать заявленіе,—громкимъ голосомъ остановилъ его Тарановъ,—особа, о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно была моей дочерью, но послѣ этого случая она перестала быть таковой. Такимъ образомъ, все сказанное учителемъ исторіи ко мнѣ относиться не можетъ. Здѣсь ставятъ мнѣ въ вину самоотверженное исполненіе возложенныхъ на меня обязанностей. Здѣсь грозятъ мнѣ небывалой карой—«исключеніемъ». Я этого не боюсь. Еще разъ настойчиво заявляю, что ученикъ Броницынъ, какъ совершившій непристойный поступокъ, подлежитъ немедленному исключенію изъ гимназіи и требую этого. И затѣмъ больше ничего не имѣю прибавить.

И, сказавъ это, онъ отодвинулъ мѣшавшій ему стулъ и твердой поступью вышелъ изъ комнаты.

Съ минуту длилось молчаніе. Потомъ произошло движеніе и шумъ стульевъ, учителя начали вставать съ своихъ мѣстъ.

Первый сдѣлалъ это Фуксъ. Онъ подошелъ къ Роскошному и пожалъ ему руку.

— Давно слѣдовало это сдѣлать...—сказалъ онъ,—и вы поступили хорошо.

Другіе тоже подходили къ Роскошному и пожимали ему руку.

Только Корнъ сидѣлъ въ своемъ предсѣдательскомъ креслѣ и видъ у него былъ какой то растерянный. Послѣ оборота, какой приняло дѣло, онъ видѣлъ массу предстоящихъ затрудненій, и ему было ясно, что изъ этихъ затрудненій выпутаться будетъ чрезвычайно трудно.

Онъ хорошо зналъ «свой персоналъ» и ни на минуту не вѣрилъ, что это единодушіе на долго сохранится. Вотъ теперь даже учитель словесности, который все время дѣлалъ попытки тянуть сторону Таранова, пожалъ руку Роскошному. И всѣ они въ эту минуту искренни. Но посмотримъ, что будетъ завтра и даже черезъ часъ.

— Господа,—сказалъ онъ и позвонилъ.—Господа, совѣтъ еще продолжается, и я прошу васъ сѣсть.

Всѣ вернулись къ своимъ стульямъ и понемногу усѣлись.

— Мы, господа, совершенно уклонились отъ главнаго вопроса.

— Нисколько, Василій Андреевичъ, нисколько,—сказалъ Роскошный,—въ сущности мы здѣсь уже постановили,—хотя это и не было формулировано, что, если инспекторъ Тарановъ самъ не удалится изъ гимназіи, то мы всѣ предложимъ ему это.

———

— А если онъ и потомъ останется?—предательски спросилъ кто то изъ молодыхъ преподавателей.

— Тогда мы всѣ подадимъ въ отставку...

На это никто не откликнулся.

— Нѣтъ, господа, подобнаго постановленія въ совѣтѣ я допустить не могу,—рѣшительно сказалъ Корнъ.—Я не имѣю права вмѣшиваться въ ваши мнѣнія и въ ваши частныя дѣла, но въ совѣтѣ—нѣтъ, не могу. Я совершенно устраняю этотъ вопросъ отъ обсужденія. Я признаю, что возникъ онъ исключительно благодаря моей оплошности. Я перехожу къ дѣлу и ставлю вопросъ: какому наказанію при данныхъ обстоятельствахъ подлежитъ ученикъ шестого класса Владиміръ Броницынъ? Если разсматривать его проступокъ безотносительно къ обстоятельствамъ, то, безъ сомнѣнія онъ подлежитъ исключенію.

— Нельзя разсматривать безотносительно къ обстоятельствамъ, если обстоятельства дѣйствительно существуютъ,—сказалъ Фуксъ. Мы должны принять во вниманіе то, что Броницынъ всегда былъ хорошаго поведенія, изрядно учился и что это первый проступокъ съ его стороны. Вы можете лишить его двухъ-трехъ отпусковъ или какъ нибудь иначе равносильно наказать...

— Я долженъ еще сказать вамъ, что Броницынъ подалъ мнѣ прошеніе объ увольненіи;—промолвилъ Корнъ.

— Это вынуждено,—сказалъ Роскошный.—При томъ же подавать прошеніе могутъ только его родители, а едва ли они на это согласились бы.

— И такъ,—сказалъ Корнъ,—совѣтъ устраняетъ исключеніе.

— Безусловно.

— Единогласно?

— Безъ сомнѣнія. Выборъ наказанія уже будетъ зависѣть отъ васъ, Василій Андреевичъ.

— Но не отъ инспектора,—заявилъ кто-то.

— Я закрываю засѣданіе,—поспѣшно заявилъ Корнъ, очевидно боясь, чтобы въ совѣтѣ не вышелъ еще какой нибудь инцидентъ.

Учителя поднялись со своихъ мѣстъ, и произошло довольно странное явленіе. Казалось бы, послѣ того единодушія, какое проявили они нѣсколько минутъ тому назадъ, у нихъ должно-бы явиться желаніе сгруппироваться вокругъ виновника этого единодушія, Роскошнаго, и сговориться насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій. Но скорѣе можно было подумать, что они этого—то именно и старались избѣгнуть.

Всѣ съ необыкновенной поспѣшностью схватились за свои портфельчики и шляпы и одинъ за другимъ, наскоро пожавъ руку директора, удалились съ такимъ видомъ, какъ будто пускались въ бѣгство.

Черезъ какія-нибудь двѣ минуты комната была уже почти пуста. Остались только директоръ, Роскошный и Фуксъ.

Но Корнъ менѣе всего былъ расположенъ входить именно теперь въ близкое соприкосновеніе съ Роскошнымъ. Его гражданскій пылъ, основанный, впрочемъ, на задѣтомъ директорскомъ самолюбіи, уже прошелъ. Онъ отлично зналъ точку зрѣнія, на которую всегда становятся въ такихъ случаяхъ въ высшей сферѣ. Если инцидентъ не погасится и дойдетъ туда, тамъ во что бы то ни стало примутъ сторону Таранова. Инспекторскій престижъ тамъ считается предметомъ священнымъ и тамъ ни за что не рѣшатся поколебать его.

А кромѣ всего этого, Корнъ подумалъ и о своемъ собственномъ положеніи. Вѣдь въ концѣ концовъ все это случилось въ гимназіи, которая ему ввѣрена и была на его отвѣтственности. Охотниковъ подставить ему ногу найдется сколько угодно. Тотъ же самый Роскошный не отказался бы отъ этого удовольствія. Тамъ не слишкомъ-то любятъ доподлинно разбирать сущность вещей.

И ему уже видѣлась отставка и частная жизнь на пенсію, которая своими размѣрами не могла соблазнить его.

Онъ торопился уйти.—Господа, я извиняюсь, меня ждутъ дома къ обѣду,—сказалъ онъ и подалъ руку обоимъ учителямъ.

Онъ убѣжалъ наверхъ. Роскошный и Фуксъ тоже вышли въ переднюю, надѣли пальто и, выйдя изъ гимназическаго зданія, пошли рядомъ по улицѣ. Имъ приходилось вмѣстѣ дойти до перваго перекрестка.

— Вы думаете, изъ этого можетъ что нибудь выйти?—спросилъ Фуксъ.

Роскошный сомнительно покачалъ головой.—Съ этими то молодыми зайцами?—отвѣтилъ Роскошный.—Вы видѣли, какъ они разбѣжались при одномъ только запахѣ пороха. Видно, молодая шкурка чувствительнѣе старой. Вотъ они и почувствовали... Выйдетъ,—я вамъ скажу, что выйдетъ: Тарановъ выйдетъ чистымъ изъ воды. А намъ съ вами, чего добраго, не пришлось бы подать въ отставку.

— Вы думаете?—воскликнулъ Фуксъ и въ глазахъ его появилось явное выраженіе опасенія.

— По крайней мѣрѣ, къ этому надо быть готовымъ. До свиданія...

Они разстались. Фуксъ подумалъ: «Хорошо тебѣ... Ты нажилъ домикъ... А я ничего не нажилъ, кромѣ жены и четверыхъ дѣтей»...

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

I.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Мнѣ читать гроза мѣшала:
Все въ окно ко мнѣ врывалась,
Призывала, увлекала,
И ласкала, и смѣялась.
Капли радостно звенѣли
Объ иной, прекрасной дали,
О какой-то свѣтлой цѣли,
О ненужности печали.
Громъ врывался гулкимъ ревомъ,
Грохоталъ о мощи, страсти
И о чемъ-то жутко-новомъ
И о чьей-то новой власти.
На цвѣтахъ, давно поблеклыхъ,
Снова грезы зацвѣтали,
На сухихъ оконныхъ стеклахъ
Словно слезы выступали...

II.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Ночи нѣтъ—больной, несмѣлый,
Напряженный полусвѣтъ;
Все—вопросъ оцѣпенѣлый;
Ожидаемый отвѣтъ...
Блѣдно небо, блѣдны люди;
Безпричинно-тяжело
На взволнованныя груди
Что-то странное легло.
Ожиданій—много, много,
Полу-вѣра, полусвѣтъ,
Жажда жизни—и тревога
И тревога...
Ночи нѣтъ.

Л. М. Василевскій.

ЦѢНОЮ ЖИЗНИ.

Джованни Чѐна.

Переводъ съ итальянскаго **Е. Лазаревской.**

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Настоящая книга есть не болѣе, какъ автобіографія скромнаго типографскаго труженика. Рукопись ея была мнѣ передана одной дамой, нашедшей ее въ комнаткѣ на чердакѣ въ одномъ изъ предмѣстій Турина; она знала автора; молодой человѣкъ этотъ велъ крайне уединенный образъ жизни, и о странномъ, отчаянномъ планѣ его никто никогда не могъ бы предположить. По произведеннымъ ею разслѣдованіямъ является вѣроятнымъ, что онъ погибъ во время послѣдняго наводненія По, унесшаго не мало самоотверженныхъ героевъ.

Рукопись, которая вся мною переписана и лишь кое гдѣ пересказана, была написана на оборотной сторонѣ корректурныхъ листовъ. Повидимому, писавшій очень много занимался ея отдѣлкой, какъ по профессіональной привычкѣ, такъ и по присущему ему, безъ сомнѣнія, художественному вкусу. Была ли она переписана имъ въ двухъ экземплярахъ, о которыхъ онъ говоритъ на первой страницѣ? Возможно, что да, и возможно, что эта работа отвлекла его въ концѣ концовъ отъ его безумнаго намѣренія; а можетъ быть, его произведеніе и было при немъ въ то время, какъ онъ бродилъ по окрестностямъ своей родной деревни, когда передъ нимъ разыгралось событіе, побудившее его къ болѣе неотложному, болѣе настоятельному и болѣе свойственному для человѣка поступку.

Онъ былъ однимъ изъ характерныхъ типовъ нашего времени, однимъ изъ тѣхъ чистыхъ людей съ свѣтлымъ умомъ и чуткимъ сердцемъ, которые, благодаря случайности рожденія, оказываются безпощадно вытѣсненными изъ механизма нашей общественной жизни, находящагося еще въ столь зачаточномъ состояніи. Существованіе такихъ личностей является краснорѣчивымъ показателемъ эпохи.

Потому я и издаю въ свѣтъ эту рукопись, измѣнивъ въ ней только нѣкоторыя имена и давъ ей то заглавіе, которое, по моему мнѣнію, ясно вытекаетъ изъ содержанія.

Пришло время; пора мнѣ совершить задуманное дѣло. Черезъ нѣсколько дней все будетъ кончено. Записки эти я переписываю въ двухъ экземплярахъ: одинъ буду съ сегодняшняго дня носить при себѣ, другой долженъ быть отосланъ въ какой нибудь журналъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не были искажены мои намѣренія, и произошедшее не было объяснено дѣломъ случая. Назначеніе этихъ записокъ—изобразить процессъ, путемъ котораго я пришелъ къ намѣренію умереть столь исключительнымъ образомъ.

I.

Я родился въ Гассино, въ долинѣ По. Матери моей я не зналъ. Отецъ былъ работникомъ на кирпичномъ заводѣ; стоя голыми ногами въ ямѣ, онъ выламывалъ желтую глину, мѣсилъ ее, накладывалъ въ формы, и кирпичи въ безчисленномъ количествѣ длинными рядами вытягивались на сушильнѣ, похожіе на большіе хлѣба, посыпанные мелкимъ сахарнымъ пескомъ. Хлѣба же онъ зарабатывалъ немного; впрочемъ, восемьдесятъ чентезимовъ его поденной платы давали намъ возможность ѣсть дважды въ день: поленту въ полдень, вечеромъ похлебку. Зимой работы не бывало; когда отъ первыхъ холодовъ растрескивались наши руки, производство прекращалось, и мы жили тогда въ хлѣву у одного сосѣда, который держалъ скотъ; въ тѣ дни, когда не шелъ снѣгъ, мы ходили въ господскіе лѣса собирать хворостъ, причемъ подбирали только сушь и гнилыя вѣтки, которыя и продавали по сольдо за связку; проведя цѣлый день въ лѣсу и стащивъ на спинахъ въ деревню по двѣ, по три связки, мы зарабатывали семь или восемь сольдо.

Поэтому зимою мы ѣли меньше, хотя аппетитъ у меня бывалъ гораздо сильнѣе; правда, что тяжелый, желтый кукурузный хлѣбъ, похожій на наши кирпичи, создавалъ впечатлѣніе постоянной полноты въ желудкахъ.

Съ февраля мы опять принимались за работу. И я тоже стоялъ тогда по колѣна въ желтой грязи, а солнце пригрѣвало насъ и вызывало лихорадку; поэтому отецъ былъ весь желтый, да и я выгляжу такъ, какъ будто у меня желтуха. Это, впрочемъ, къ дѣлу не относится.

Отецъ мой умеръ. Синдикъ похлопоталъ обо мнѣ въ Туринѣ, и я былъ принятъ въ убѣжище благотворительнаго общества. Здѣсь меня кое чему научили; въ деревнѣ я ходилъ зимой въ школу и зналъ катехизисъ и священную исторію; въ пріютѣ опять проходили священную исторію и катехизисъ, немного учили римской исторіи,—о Муціи Сцеволѣ, о Брутѣ,—сверхъ того, о правахъ и обязанностяхъ итальянскаго гражданина.

Потомъ меня отдали ученикомъ въ типографію. Я бѣгалъ весь день

по городу, разнося корректуры и исполняя другія порученія, а вечеромъ возвращался въ убѣжище. По воскресеньямъ бо̀льшая часть дня проводилась въ церкви, гдѣ мнѣ нравились пѣніе и органъ. Когда меня поставили набирать, я очень скоро научился этому дѣлу, сразу же получилъ хорошій заработокъ и могъ выйти изъ убѣжища. Я сталъ посѣщать вечернія школы и занимался тамъ довольно много, выучилъ литературный итальянскій и французскій языки и уже самъ, одинъ у себя на чердакѣ (я жилъ тогда въ предмѣстьи Санъ-Секондо и кормился въ народной столовой), познакомился съ латинской грамматикой, безъ которой нельзя основательно изучить этихъ языковъ. А я поставилъ себѣ задачей сдѣлаться корректоромъ.

По правдѣ сказать, лѣтъ въ восемнадцать я задавался вопросомъ о томъ, нѣтъ ли у меня способностей заняться какимъ нибудь другимъ дѣломъ: пѣть, рисовать, писать или даже посвятить себя философіи... Помню смутно, какъ однажды весной я сказалъ самъ себѣ съ нѣкоторымъ волненіемъ, что очень, должно быть, хороша жизнь; небо, земля, вещи и люди, все это было для меня въ высшей степени привлекательно.

Это продолжалось не долго. Почувствовавъ, что становлюсь меланхоликомъ, я снова принялся за занятія. Никакой заботы, которая бы серьезно отвлекала меня отъ нихъ, у меня не было; я скоро получилъ мѣсто корректора въ «Товариществѣ научнаго книгоиздательства»; сначала мнѣ давали тамъ править незначительныя вещи; потомъ, увидѣвъ мою старательность, перевели на болѣе важныя, большею частью на переводы научныхъ сочиненій.

Моя профессія доставляла мнѣ много удовольствія. Я приходилъ въ соприкосновеніе съ учеными людьми и иногда старался показать тому или другому изъ нихъ, что понимаю гораздо больше того, чѣмъ можно думать по моему скромному положенію; не одинъ изъ нихъ съ изумленіемъ взглядывалъ мнѣ въ лицо, когда я указывалъ ему нѣкоторыя противорѣчія въ ходѣ изложенія или несмѣло совѣтовалъ сдѣлать тѣ или другія перестановки, которыя не только въ типографскомъ отношеніи содѣйствовали стройности и правильности печатавшагося сочиненія.

Такимъ образомъ прошло, должно быть, пять или шесть лѣтъ. Набрасывая на бумагу эти воспоминанія, я не имѣю времени подолгу задерживаться на нихъ: вспоминать сладостно, хотя бы и горести, но меня торопитъ жизнь—или, вѣрнѣе, смерть...

Четыре года тому назадъ я переселился въ предмѣстье Санъ-Донато. Съ этого времени начинается моя жизнь, такъ какъ прежде я, можно сказать, не жилъ; я ничего сознательно не чувствовалъ, мнѣ даже ни разу не пришла въ голову хотя бы такая мысль: «сколько людей живетъ на свѣтѣ; вотъ и я живу тоже, и я чего нибудь да стою, какъ и другіе»...

Поселился я въ улицѣ Санъ-Донато, въ мансардахъ дома № **.

Лѣстница туда была въ сто сорокъ двѣ ступеньки; я каждый вечеръ взбѣгалъ по нимъ черезъ одну, уменьшая такимъ образомъ вдвое ихъ количество. Тогда у меня не было сердцебіенія... Однажды вечеромъ я взбѣгалъ такъ, держась за желѣзныя перила и нагнувъ голову, и налетѣлъ лбомъ въ спускавшагося сверху человѣка, который упалъ отъ удара на ступеньки и не могъ сразу перевести дыханія. Недѣлю передъ тѣмъ, увы, я налетѣлъ такимъ же образомъ на одного элегантнаго молодого человѣка, который поднялъ палку, чтобы ударить меня, но попалъ только по рѣшеткѣ, потому что я уже былъ наверху...

Я съ большимъ стыдомъ извинился передъ бѣднягой, котораго сшибъ теперь съ ногъ. Взглянувъ на него, я увидѣлъ дѣтскую улыбку на блѣдномъ, изможженномъ лицѣ; я помогъ ему встать; онъ былъ маленькаго роста, съ хилыми членами, съ тонкимъ лицомъ, увѣнчаннымъ громаднымъ лбомъ. Онъ пошелъ дальше внизъ, взглянувъ передъ тѣмъ на меня проницательными и кроткими глазами, которые сразу неизгладимо врѣзались мнѣ въ память.

Я никогда раньше не обращалъ вниманія на моихъ сосѣдей, другихъ чердачныхъ жильцовъ. Уходилъ я рано утромъ, лѣтомъ въ пять, зимою въ шесть часовъ, и возвращался уже совершенно усталый поздно вечеромъ. Иногда пьяныя ругательства, крикъ побитой женщины, громкій плачъ ребенка или удары молотка сумасшедшаго сапожника, по прозвищу Чимизинъ, внезапно будили меня, но никогда не возбуждали во мнѣ безпокойства. Мало по малу я поневолѣ увидѣлъ, кто были пьяница и женщина, которую онъ билъ, жившіе въ мансардѣ, смежной съ моею; увидалъ также и нѣкоторыхъ другихъ печальныхъ обитателей длиннѣйшаго корридора, изогнутаго въ видѣ подковы, въ который выходило около сорока мансардъ съ дверями, выкрашенными въ коричневую краску, всегда замкнутыхъ днемъ, а ночью наполненныхъ волненіями и снами, болѣе тяжелыми, можетъ быть, чѣмъ сама смерть.

На слѣдующій день было воскресенье,—стоялъ октябрь мѣсяцъ,—я долго оставался дома, что случалось со мной довольно рѣдко, такъ какъ моя каморка была для меня лишь пріютомъ для сна и не имѣла никакой иной привлекательности, а родившись въ деревнѣ, я любилъ проводить праздники за городомъ и бродилъ тамъ цѣлыми днями въ полномъ одиночествѣ. (Я даже собралъ маленькую коллекцію растеній и насѣкомыхъ и ходилъ въ зоологическій музей, ища тамъ руководства для ихъ классификаціи). Причиной того, что на этотъ разъ я долго оставался дома, было то, что я ждалъ отъ сумасшедшаго сапожника мои башмаки изъ починки, а онъ все не кончалъ ихъ. Удивительный это былъ типъ! Онъ свисталъ, какъ флейта, и зналъ наизусть всего «Севильскаго цирюльника», котораго и воспроизводилъ, отбивая тактъ своимъ молоткомъ или взмахами руки съ иглой; безъ конца высвистывалъ онъ «фю-фю-фю», или съ поразительной быстротой выдѣлывалъ

*

горломъ «лалла-лиро-лиролла»! Висѣвшій въ клѣткѣ скворецъ заливался съ нимъ на перебой, тысячи разъ повторяя первый тактъ гарибальдійскаго гимна. Чимизинъ изобрѣлъ какую то летательную машину и говорилъ, что, еслибы не франмасоны, она давно была бы уже принята въ итальянской арміи.

Давъ ему нѣсколько часовъ посвистать Россини, я рѣшился пойти къ нему въ его берлогу. Дверь его всегда была открыта, даже и ночью, потому что онъ боялся, что иначе ее выломаютъ кузнецы, которые тоже были его преслѣдователями, какъ и франмасоны; только для приличія дверь была всегда закрыта занавѣской.

Я только что собрался спросить у него, можно ли войти, какъ вдругъ изъ темной глубины корридора появилась фигура молоденькой дѣвушки, страшно блѣдной, съ разстроеннымъ видомъ и безумными глазами. Я стоялъ на ея пути, занимая часть корридора; поровнявшись со мной, она закрыла лицо руками, проскользнула около самой стѣны и быстро стала спускаться по лѣстницѣ. Только что она исчезла, изъ той же стороны корридора поспѣшно выбѣжалъ мужчина. Это былъ тотъ молодой человѣкъ, котораго я наканунѣ сбилъ съ ногъ на лѣстницѣ. Лицо его было искажено, глаза растеряны.

— Не видали вы мою сестру?—спросилъ онъ меня съ рыданіемъ въ голосѣ.

— Она внизъ пошла,—отвѣтилъ я поспѣшно.

Онъ бросился внизъ по лѣстницѣ, и я за нимъ слѣдомъ, какъ былъ, въ туфляхъ, несмѣло окликая его:

— Синьоръ, синьоръ, виноватъ... что случилось?

Мы выбѣжали на улицу. Но придверница, увидавъ юношу, схватила его за руку и ввела въ свою комнату. Сестра его лежала тамъ на полу, вся корчась отъ судорожныхъ рыданій.

Онъ мучительно вздохнулъ, хотѣлъ было поднять ее за руку, но тѣло не поддалось; тогда онъ сильнымъ и гнѣвнымъ движеніемъ заставилъ ее подняться, но тотчасъ же смягчился и съ нѣжностью прошепталъ:

— Бѣдная Лена!

Голосъ у него былъ глубокій, грудной, трепетавшій сдержаннымъ волненіемъ и ласкою. Вдругъ онъ обѣими руками схватилъ ея лицо, впился на мгновеніе глазами въ ея глаза, потомъ словно въ изнуреніи уронилъ руки.

— Пойдемъ наверхъ, Лена!—сказалъ онъ.

Она поникла глазами и послушно пошла за нимъ.

Я не зналъ, какъ мнѣ быть; идти за ними мнѣ казалось неловкимъ. Когда они поднялись, я спросилъ у придверницы:

— Что такое случилось? знаете вы что нибудь?

— Ничего я не знаю... А только я всегда говорила: господа всѣ одинаковы.

Господа? это не относилось, конечно, къ моимъ чердачнымъ сожителямъ.

— При чемъ тутъ господа?—спросилъ я.

— Такъ. Неизвѣстно, при чемъ. Да, впрочемъ, чего тамъ, все равно всѣ знаютъ. Вы никогда не видали въ корридорѣ одного красиваго молодчика? Вотъ онъ это и былъ. А теперь,—что видѣли, то видѣли. Всѣмъ одна судьба... Прощайте, синьоръ Станга.

И она затворила передо мною двери. Я поднялся наверхъ. Опершись на подоконникъ моего окошка, которое выходило во дворъ, я сталъ прислушиваться. Не о томъ ли элегантномъ юношѣ она говорила, котораго я разъ толкнулъ на лѣстницѣ?.. На противоположной сторонѣ двора были открыты всѣ окна, кромѣ одного; это, должно быть, и было ихъ окно... Къ веселому посвистыванію сапожника присоединялся теперь отдаленный, какъ бы дѣтскій плачъ; я не могъ разобрать, она ли это плакала, или ея братъ.

Моя жизнь, работа, занятія въ народномъ университетѣ снова захватили все мое время. Но возвратившись поздно вечеромъ домой и сидя за своими учебными занятіями, я болѣе внимательно прислушивался теперь къ раздававшимся кругомъ меня на чердакѣ звукамъ, къ ночной жизни этого подобія воздушнаго монастыря, гдѣ никто никогда не видѣлъ другъ друга; все это были живыя существа, и ихъ страданія, минутныя радости, тяжелый отдыхъ, отдѣленные отъ другихъ лишь тонкими перегородками, наполняли корридоръ невнятными звуками, дѣтскимъ крикомъ, стенаніями, храпомъ, ругательствами. И я чувствовалъ тогда, какъ въ меня проникало что то, какая то частица всѣхъ этихъ существъ, заставляя меня испытывать словно безпокойство; казалось, что ихъ тяжелая жизнь ложится на мою гнетомъ; я больше не чувствовалъ въ себѣ *свободы быть однимъ*; я уже не былъ одинъ; они навязывали мнѣ, заставляли меня воспринять что то, противъ чего я напрасно пытался бороться. Можетъ быть, если бы я самъ никогда не страдалъ, я бы этого и не почувствовалъ; но теперь чужія страданія пробуждали во мнѣ и мое собственное, давно испытанное, дремавшее во мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ; и мысль о томъ, что другіе бѣдствуютъ, какъ бѣдствовалъ тогда я, производила на меня впечатлѣніе, какъ будто *другіе—«я»*, другія существа, подобныя тому знакомому мнѣ желтому мальчику, стоя голыми ногами въ лужѣ, съ желудкомъ, терзаемымъ отъ голода, вѣчно копаются въ безплодной землѣ, чтобы въ концѣ концовъ лечь въ нее.

Между тѣмъ, я, какъ уже упоминалъ, перешелъ отъ работы надъ незначительными книгами на корректуру сочиненій высокаго достоинства. Тогда то я, благодаря своимъ обязанностямъ, прочелъ томы, въ которыхъ мало что понималъ, но гдѣ послѣ сотни нѣмыхъ для меня страницъ, нѣкоторыя мѣста заливали мою мысль волнами ослѣпительнаго свѣта. Достаточно сказать, что я корректировалъ переводы про-

изведеній Дарвина, Геккеля, Шопенгауэра, Уильяма Джемса, Вундта, Фламмаріона. Каждый вечеръ перечитывалъ я при свѣтѣ моей лампы эти страницы,—отъ метрампажа, который былъ ко мнѣ расположенъ, я всегда получалъ подъ какимъ нибудь предлогомъ лишнюю корректуру для себя; и стѣны моей каморки раздвигались, исчезали; моя лампа превращалась въ солнце.

Иногда моя голова до такой степени разгорячалась, до такой степени сотрясалась отъ внутренняго трепета, что я открывалъ окно, и мнѣ казалось тогда, что я погружаюсь въ звѣзды. О, эти громады міровъ, только что родившіяся или уже умершія, полныя жизни или сгорѣвшія, лучезарныя или угасшія во мракѣ!

И часто бывало также освѣщено окошко, находившееся напротивъ; иногда оно отворялось, и появлялась видная до половины облокотившаяся на подоконникъ фигура, вырисовывался высокій лобъ брата Лены.

Однажды вечеромъ (дѣло было въ январѣ; почти уже два года прошло съ тѣхъ поръ!) я направлялся послѣ ужина въ Народный Университетъ; весь тотъ день шелъ снѣгъ. На площади Статута я увидѣлъ странную, полную энергіи картину. Черныя фигуры людей, лица которыхъ были ярко освѣщены дымившимися факелами, воткнутыми въ кучи снѣга, сгребали въ разныхъ мѣстахъ еще другія кучи его, нагружали потомъ этимъ снѣгомъ телѣжки, которыя подкатывали къ люкамъ и опрокидывали туда. Я пріостановился на минуту посмотрѣть и внезапно почувствовалъ себя несказанно изумленнымъ.

Худенькій человѣчекъ въ довольно легкомъ пальто, съ пламенными глазами, блестѣвшими изъ подъ большой оборваной шляпы, съ трудомъ поднималъ лопаты снѣга, бросая ихъ въ кучу: это былъ онъ, братъ Лены.

Онъ тоже увидалъ меня и улыбнулся.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ своимъ нѣжнымъ, глубокимъ голосомъ.

— И вы тутъ?—воскликнулъ я.

— Какъ видите! Надо работать!

Его руки съ хилыми, посинѣвшими отъ холода кистями съ большимъ напряженіемъ поднимали лопату.

— Но эта работа не для васъ, мнѣ кажется!

— Когда нѣтъ другой!.. Вчера я заработалъ двѣ лиры.—И его исхудалое лицо просіяло отъ радости.

Къ намъ подходилъ надсмотрщикъ работъ. Я пошелъ дальше.

Когда я возвращался, онъ все еще былъ тутъ.

— Вы еще не идете домой? Вѣдь уже почти полночь, — сказалъ я.

— Да, сейчасъ, скоро пойду.

— Такъ я подожду васъ.

Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, сдвинувъ на затылокъ свою шляпу; высокій лобъ его словно сіялъ при кровавомъ свѣтѣ факеловъ. Вокругъ него работа приближалась къ концу, шла медленнѣе, уныло и печально, казалась какой то безконечной мукой одного изъ круговъ дантовскаго ада.

Подошелъ надсмотрщикъ, и какъ разъ пробило полночь. Онъ держалъ въ рукахъ бумагу и вызывалъ каждаго по имени. Я внимательно прислушивался; при имени *Крàстино* мой новый знакомецъ всталъ и подошелъ.

Его звали Крàстино *); мои свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ заставили меня обратить вниманіе на это имя: носящій его навѣрное былъ незаконнорожденнымъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, измученный, но довольный:

— Три лиры сегодня!

— Но отчего вы не поищете себѣ другого занятія, болѣе подходящаго?—спросилъ я.—По вашей наружности судя, вы навѣрное образованный.

— Вотъ именно! Поэтому то я никуда и не гожусь. А эта работа не требуетъ подготовки. Вотъ если бы я зналъ какое нибудь хорошее ремесло, было бы другое дѣло.

— Развѣ вы не могли бы найти работы въ какой нибудь конторѣ, секретаремъ, напримѣръ, или въ типографіи, ну не знаю, еще гдѣ-нибудь?

— Пробовалъ; ничего не найти.

Я рѣшилъ въ умѣ самъ поискать ему работы и подумалъ о томъ, какъ мнѣ будетъ радостно предложить ему мѣсто...

— А что сестра ваша?—рѣшился я спросить. Онъ глубоко вздохнулъ и не отвѣтилъ. Черезъ минуту онъ опять заговорилъ:

— Три лиры... Снѣгъ вѣдь опять пойдетъ, неправда ли?—И онъ посмотрѣлъ на сверкавшее звѣздами небо.

— Не думаю,—отвѣтилъ я.—Завтра будетъ солнце; да завтра и воскресенье.

— Правда. Въ воскресенье должно быть солнце для того, кто работалъ цѣлую недѣлю. Когда то мнѣ опять придется работать! Пусть бы завтра въ ночь шелъ снѣгъ, правда?

— Если это доставитъ вамъ удовольствіе,—и я тоже засмѣялся.

— Есть вѣдь такіе, которые зарабатываютъ до пяти лиръ. Надсмотрщикъ всякаго приходящаго осматриваетъ съ ногъ до головы, взвѣшиваетъ глазами и оцѣниваетъ. Во мнѣ мало вѣса.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ нашему дому; вошли и стали подниматься; по мѣрѣ того, какъ мы шли, отъ нижней части лѣстницы, покрытой ковромъ и согрѣтой печкой, и до голой лѣсенки передъ нашимъ корридоромъ, ступеньки становились все болѣе высо-

*) Cràstino—латинское crastinus: завтрашній.

кими; и мы проходили по нимъ всѣ климатическіе пояса общества: жаркій, умѣренный и холодный; сами мы помѣщались на полюсѣ.

На верхушкѣ лѣстницы я повернулъ было въ одну сторону коридора, онъ въ другую:

— Не зайдете ли ко мнѣ на минутку?—сказалъ онъ.—Я одинъ.

Я колебался.

— Завтра вы вѣдь не работаете... Поболтаемъ. Зайдете?

И онъ взялъ меня подъ руку. Пройдя по корридору, полному словно какого-то смутнаго жужжанья, мы вошли къ нему. Каморка его была совершенно такая же, какъ моя: то же расположеніе кровати, съ изголовьемъ ко внутренней сторонѣ и ногами къ наружной, такъ какъ наклонъ крыши другого расположенія не допускалъ. Одинъ уголъ былъ отдѣленъ занавѣской.

— Вы одинъ теперь?—спросилъ я.

— Одинъ, да.

И онъ съ такимъ лицомъ взглянулъ на меня, какъ будто испытывалъ въ эту минуту величайшее ко мнѣ состраданіе; на глаза его набѣжали слезы.

— Вы навѣрное плохо спите?—прибавилъ онъ.

— О! какъ сурокъ!—возразилъ я.—Утромъ просто не встать.

— Отчего же вы такъ поздно ночью стоите у окна?

— Это я только на минутку открываю, чтобы освѣжить комнату отъ керосиноваго чада, послѣ того, какъ нѣсколько часовъ подрядъ пишу или читаю.

— Ахъ, вы занимаетесь? У васъ есть книги?

— Очень много. У меня занятная библіотека. Я корректоръ въ научномъ книгоиздательствѣ.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ.—Такъ, значитъ, вы можете читать Спенсера, Ницше...

— Еще бы! Они у меня есть почти полностью, и еще много другихъ авторовъ.

— Они здѣсь у васъ, въ этой комнатѣ?—и онъ подошелъ къ окну, какъ бы для того, чтобы проникнуть туда взоромъ.

Но восторгъ его сразу упалъ. Онъ опустился на кровать, которая заскрипѣла звукомъ придавленныхъ листьевъ, облокотился на подушку и, опершись головой на руку, продолжалъ своимъ нѣжнымъ и глубокимъ голосомъ:

— Впрочемъ, безполезно заниматься науками. Я ужъ все знаю. Каждый знаетъ то, что ему знать необходимо.

Лампа ярко освѣщала его слишкомъ большой лобъ, подъ которымъ въ глубокихъ впадинахъ сидѣли глаза; выдающіяся скулы и сильно развитыя челюсти являлись какимъ то противорѣчіемъ формѣ рта, отличавшагося чистотой линій; губы подъ рѣдкими черными уси-

ками были сложены какъ то по дѣтски, но въ углахъ ихъ залегли страдальческія складки.

Онъ самъ печально улыбнулся своему замѣчанію и добавилъ:

— А вы не согласны, что то необходимое, что нужно знать, весьма не велико?

— Ужъ не знаю, дорогой синьоръ,—отвѣтилъ я.—Я очень много занимался науками и думаю, что не перестану учиться, пока не почувствую, что знаю достаточно, то есть до тѣхъ поръ, пока то немногое, что знаю, не станетъ для меня объединеннымъ и цѣльнымъ. О, я хорошо знаю, что каждая отрасль знанія требуетъ цѣлой жизни для основательнаго изученія. Я одно время сходилъ съ ума на энтомологіи,—ну и что жъ, бросилъ ее, потому что чувствовалъ, что и на кладбище меня свезутъ, а я все еще не буду ее знать.

— Тамъ вы бы учились у червей!

— Нѣтъ, я вѣдь завѣщаю, чтобы меня сожгли.

Онъ засмѣялся:

— Напрасно, другъ мой. Есть микробы, благодаря которымъ мы живемъ, и микробы, отъ которыхъ мы умираемъ. И побѣждаютъ послѣдніе... И затѣмъ есть еще и другіе, которые уничтожаютъ наши останки, чтобы очистить мѣсто для новыхъ пришельцевъ.

— Это я читалъ тоже. Такъ это правда?

— Чистѣйшая правда.

— Да, да! мы представляемъ изъ себя колоніи. Каждая группа микроорганизмовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ поддерживать тотъ или другой органъ. Всѣми этими группами руководитъ одна воля. И вотъ весь человѣкъ!

Я былъ пораженъ своей смѣлостью; пораженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливъ, точно въ эту минуту я первый внезапно открылъ эту истину.

Онъ, сочувственно улыбаясь, взглянулъ на меня.

— Ну, что объ этомъ... Мы будемъ друзьями, не правда ли?—И онъ сразу омрачился, схватилъ меня за руку, потомъ тотчасъ же отпустилъ ее и вытянулся на кровати.

— Жизнь зло,—произнесъ онъ.

— Нѣтъ, жизнь благо,—горячо возразилъ я, набравшись смѣлости. Я такъ не привыкъ разговаривать съ образованными людьми, не чувствуя передъ ними робости, что найдя, наконецъ, человѣка, съ которымъ могъ говорить, какъ съ равнымъ, о вещахъ, составлявшихъ для меня весь смыслъ моей жизни, я почувствовалъ себя охваченнымъ энтузіазмомъ и смѣлостью, которыхъ не могъ удерживать.

— Жизнь, это единственное благо,—повторилъ я съ силой.—Все остальное существуетъ лишь въ нашемъ воображеніи, и мы бредимъ объ этомъ, потому что не знаемъ цѣны жизни.

— И то, что существуетъ въ нашемъ воображеніи, гораздо выше дѣйствительности,—возразилъ онъ.—Я вижу другую жизнь и вѣрю въ нее. Взгляните-ка въ окно. Отчего вы не подходите къ нему сегодня, какъ въ другіе вечера?... Я то слишкомъ усталъ!

Я открылъ окно. Въ комнатѣ было холодно и душно. Наружи ночь казалась почти теплой. Передъ глазами бѣлѣли крыши, безконечное пространство крышъ, на которыхъ ряды трубъ казались какими то неподвижными бѣлоснѣжными стадами. Въ небѣ, усѣянномъ чистыми трепещущими звѣздами, сіяла величественная тайна.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами.

— Небо!—сказалъ онъ.—Что за красота! Когда я гашу огонь, то кажется,—въ окно смотритъ безконечность!

Спустя немного, онъ опять заговорилъ:

— Вы знаете, я написалъ книжку стиховъ? Никогда не читали моего имени? Меня зовутъ Вѝджиле Крàстино,—точно псевдонимъ. Есть люди, которые родятся подъ псевдонимомъ... Кто знаетъ, кто былъ этотъ человѣкъ съ протестомъ въ душѣ, давшій мнѣ такъ некстати это имя! Потому что я не принадлежу ни къ завтрашнему, ни къ сегодняшнему дню. Я внѣ жизни... Знаете, что значитъ это имя?

— Да; я немного знаю по латыни. Но я слышалъ, что васъ называли Луиджи.

— Это—Виджи; меня такъ звали въ дѣтствѣ, и такъ зоветъ меня сестра.

Помолчавъ мгновеніе, онъ повторилъ:

— Но для меня нѣтъ ни сегодня, ни завтра. Есть вѣчность, то-есть неподвижная точка, и все всему одновременно; время и пространство—это нѣчто кажущееся, точно такъ же и измѣненія, числа, индивидуумы, лишь кажется, что существуютъ. Дѣйствительность одна: Бытіе.

— Такъ что ни вы, ни я, мы не живемъ...

— Мы не существуемъ. Тѣни... Поэтому мы не имѣемъ ни вины, ни заслуги въ томъ, что дѣлаемъ въ жизни, какъ не отвѣчаемъ за то, что бываетъ во снѣ. Жизнь,—это сонъ. Мы проснемся. Тогда мнѣ можно будетъ обнять мою сестру и поцѣловать ее...

— Развѣ она умерла?—изумленно прервалъ я его.

— Нѣтъ. Она спитъ, какъ и мы. Но ея сонъ—тяжелый сонъ. Она страдаетъ физически и нравственно, отъ боли и отъ стыда... Сестра моя...

Онъ не могъ продолжать; голосъ его затрепеталъ звенящими нотами и оборвался. Онъ сдѣлалъ тогда большое усиліе и измѣнившимся голосомъ сказалъ:

— Моя сестра несчастна.

Казалось, что онъ изъ какого то томнаго сна тяжело упалъ въ отвратительную дѣйствительность.

Я не зналъ, что сказать. Переждавъ немного и набравшись храбрости, я замѣтилъ:

— Такъ что вы считаете, что не существуетъ ни вины, ни заслуги. А прощеніе существуетъ? какъ вы думаете?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ни вины, ни прощенія. Что должно произойти, произойдетъ. Зачѣмъ мы родились? Ни сестра моя, ни я, мы не знаемъ, кто произвелъ насъ на свѣтъ. Какой то шутникъ назвалъ насъ Крастино, какъ будто возлагая на насъ что то, что мы должны исполнить, можетъ быть, месть... что именно?—мы не знаемъ; мы въ полномъ мракѣ. Что мы должны дѣлать? Пока сестра моя повторила то, что, вѣроятно, сдѣлала моя мать... Она въ родильномъ домѣ...

— Здѣсь?—спросилъ я, обернувшись къ нему и чувствуя, какъ меня охватываетъ громадное волненіе.—Вы къ ней ходите? Завтра праздникъ. Сходимте вмѣстѣ. Могу я пойти съ вами?

Я самъ изумился своей смѣлости. Мнѣ казалось, что я насильственно вторгаюсь, куда не имѣю права, но меня словно толкало что то.

— Я ужъ двѣ недѣли къ ней не показывался... Не знаю, отчего. Мнѣ ее безконечно жаль, но въ душѣ словно какая то укоризна. А чѣмъ она мнѣ обязана? Вотъ я ей—да, и весьма многимъ. Она вѣдь работала на насъ обоихъ. Я ни на что не гожусь; меня и человѣкомъ нельзя назвать. Не надо мнѣ было родиться; вотъ я и хочу умереть.

Онъ зарылся лицомъ въ подушку и зарыдалъ такъ, что казалось, грудь его разорвется отъ рыданій. Что тутъ было дѣлать? Пожалуй, лучше всего было дать ему выплакаться. Я самъ чувствовалъ какъ бы клубокъ въ горлѣ, и расширившіеся глаза мои, устремленные въ темноту ночи, наполнялись слезами.

Черезъ минуту онъ опять заговорилъ:

— У нея не было довѣрія ко мнѣ. Я всегда былъ внѣ жизни, всегда въ отвлеченномъ мірѣ. Она молодая, жизненная, здоровая... вѣроятно, неудержимо увлеклась. Я ничего не знаю. Студентъ, вѣроятно, какой нибудь, или служащій изъ банка, профессіональный соблазнитель; придверница говоритъ—господинъ... кажется, красивый и хорошо одѣтый. Я ничего не знаю. Я его никогда не видалъ, ничего и не подозрѣвалъ. Можетъ быть, она уже много разъ готова была признаться мнѣ; тяжело, должно быть, давалась ей тайна... особенно, когда онъ исчезъ, не оставивъ ни слова на прощанье... Наконецъ, у нея уже не хватило больше силъ. Однажды ей показалось, что я вглядываюсь въ ея фигуру, а у меня просто такъ взглядъ упалъ, ничего не было въ мысляхъ... Разрыдалась и все сказала... Все? Въ сущности говоря, ровно ничего. Молодой человѣкъ... Кто? Гдѣ живетъ? Ни звука. И никогда не узнаю этого... Вотъ теперь у нея будетъ сынъ... чей? Назоветъ его тоже Крастино, и такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, все отъ завтра чего то будутъ ждать, покоряясь сегодняшнему позору...

Я весь содрогнулся. Жестокая тираннія словъ! Она назойливо навязывалась ему, и онъ долженъ былъ выкрикнуть это, чтобы отъ нея избавиться. Мнѣ стало его еще болѣе жаль. Я подошелъ къ нему; его лицо было искажено горькой гримасой... Я взялъ его за руку и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Мы вѣдь друзья? Ты самъ сказалъ это. Давай говорить на «ты», какія тутъ у насъ церемоніи. Слушай, я не вѣрю, чтобы жизнь была сномъ. Внѣ жизни, да и послѣ нея, для насъ нѣтъ ничего, то есть для нашего сознанія, состоящаго изъ памяти и изъ способности заключать о будущемъ на основаніи прошлаго, такъ я говорю? Поэтому мы и должны жить свою жизнь. Твоя сестра попробовала жить... Хорошо или дурно? (Потому что и эти слова тоже существуютъ, только они имѣютъ отнюдь не тотъ смыслъ, который придаетъ имъ, напримѣръ, наша придверница). Я говорю: хорошо. Хорошо, если она думаетъ, что любила, что была хоть минуту любима, что въ ней рождается новая жизнь, которая довѣряется на отвѣтственность ея совѣсти. Вамъ надо только добросовѣстно принять этотъ даръ отъ жизни и добросовѣстно отнестись къ ней, и всегда быть честными по отношенію къ этому новому существу, всегда, и тогда, когда оно пріобрѣтетъ право узнать о своемъ происхожденіи,—вѣрно я говорю?

Онъ молчалъ; глаза его были закрыты, такъ что казалось, онъ спитъ, но дыханіе его было слишкомъ беззвучно: онъ слушалъ.

— Видишь ли,—продолжалъ я,—тутъ вотъ наверху есть около сотни страдающихъ существъ, и все чужіе другъ другу. Кажутся чужими, но на самомъ дѣлѣ не чужды. Я чувствую, какъ меня гнетутъ ихъ страданія; они, вѣроятно, также чувствуютъ мои, и никто не пытается снять съ себя этотъ гнетъ. Вотъ мы смотрѣли, напримѣръ, другъ друга на освѣщенныя окна, и уже насъ соединяла мысль, вотъ эта одна мысль: «онъ тамъ». И мы приблизились другъ къ другу; теперь взаимное страданіе не тяготитъ насъ такъ, потому что мы знаемъ и раздѣляемъ его.

Онъ открылъ глаза.

— А ты... тоже страдаешь?—спросилъ онъ.

— Я нѣтъ, теперь нѣтъ. Но много выстрадалъ въ такіе годы, когда страданія не должно было бы существовать. Теперь я страдаю только отъ горя другихъ людей, и я такъ хотѣлъ бы облегчить его, что это становится для меня мукой, и отъ этого не избавиться ничѣмъ, кромѣ активнаго участія. Такъ что я все думаю, думаю, что бы мнѣ сдѣлать, и не нахожу.

— Знаешь, ты долженъ былъ бы писать.

— Не съумѣю. У меня мысли смутныя. Я могъ бы вотъ написать, напримѣръ, то, что сейчасъ тебѣ сказалъ, но это подходитъ только къ твоему случаю. Такъ бы хотѣлось привести всѣ эти мысли въ си-

стему, создать изъ нихъ твердое цѣлое и дать это людямъ, чтобы они ясно все увидѣли...

Мы помолчали съ минуту.

— Нѣтъ, получилось бы нѣчто холодное. Люди идутъ не за свѣтомъ, который озаряетъ разумъ, а за чувствомъ... Это не значитъ, чтобы я хотѣлъ слѣдовать за тобой. Тебѣ положительно надо говорить публично, но я съ тобой не согласенъ.

— Говорить публично? Мнѣ страшно... И потомъ, это простой корректоръ-то?! Правда, теперь и рабочіе говорятъ публично рѣчи... Сократъ говорилъ: «Я знаю, что ничего не знаю». Я теперь этого не могу сказать, но и не могу также сказать: «я знаю, что знаю что либо». Мнѣ иногда приходилось слушать въ народномъ университетѣ профессоровъ, которые не говорили въ своихъ рѣчахъ ни одной вещи, которой я бы уже не зналъ, но они говорили ихъ такъ, какъ будто знаютъ еще гораздо больше сверхъ того, даже такъ, какъ будто для нихъ нѣтъ больше тайнъ. А я не увѣренъ даже и въ томъ, что знаю... Правильнѣе сказать, не увѣренъ, пока не разберусь въ этомъ до конца. Но ужъ разъ признаю, тогда я увѣренъ. Напримѣръ, я совершенно твердо вѣрю во все то, что сказалъ тебѣ нынче ночью.

Мы еще немного поболтали съ нимъ, и пришлось такъ, что я разсказалъ ему свою несложную исторію, а онъ мнѣ свою. Потомъ я пошелъ спать, предварительно хорошенько уложивъ и закрывъ его. Ложась въ кровать, я чувствовалъ себя довольнымъ, и мнѣ казалось также, словно я сталъ чѣмъ то, или, по крайней мѣрѣ, что я обнаружилъ въ себѣ силу, которой не зналъ раньше.

II.

Утромъ я проснулся очень поздно и подъ впечатлѣніемъ какъ то некстати приснившагося мнѣ, но очень, по моему, красиваго сна, который могъ бы дать отличную тему для драматическаго произведенія. Самъ я неспособенъ ничего облечь въ форму, хотя и чувствую себя рожденнымъ выше многихъ другихъ. Но я думаю, что еслибы я находился въ такихъ условіяхъ, что могъ бы гармонически развиваться сообразно моимъ внутреннимъ силамъ, если бы все окружающее не давило меня, какъ ростокъ среди камней и сухихъ вѣтокъ... Прочь эти мысли! Только бы пришло такое время, когда всѣ рожденные людьми будутъ равны передъ лицомъ жизни, чтобы всѣ могли стать тѣмъ, чѣмъ должны быть. Теперь же мы родимся въ плохихъ условіяхъ: наши матери, голодныя и изнуренныя, создаютъ насъ, бѣдняги, какими могутъ... Наши матери! Мать моя!.. Довольно. Вотъ сонъ:

Площадь Статута, и на ней вчерашнее зрѣлище. Покрытыя снѣгомъ деревья, пирамида, увѣнчанная ангеломъ. Крастино тутъ, среди копошащейся толпы небольшихъ, закутанныхъ людей, обагренныхъ

краснымъ свѣтомъ развѣвающихся по вѣтру факеловъ; и снѣгъ весь розовый. Съ которыхъ поръ скребутъ они мостовую и долго ли еще будутъ продолжать? Но тихо до странности. Снѣгъ заглушаетъ всякій звукъ, и всѣ эти тѣлодвиженія, вся эта беззвучная тишина производятъ, дѣйствительно, впечатлѣніе какого то сна внѣ времени.

Крастино стоитъ, опершись на рукоятку своей лопаты; онъ старается глубоко вздохнуть, чтобы расправить грудь, какъ вдругъ проѣзжаетъ карета... Въ ней сидитъ молодой человѣкъ. Это онъ. Кто? Онъ вспоминаетъ: онъ видѣлъ его на лѣстницѣ, но никогда не обращалъ на него вниманія. Это несомнѣнно онъ. Быстрое, молніеносное движеніе,—молодой человѣкъ падаетъ изъ кареты, валится, какъ снопъ, пораженный ударомъ лопаты въ голову....

Поднимается громадное волненіе. Маленькій мальчикъ лѣтъ шести или семи бросается къ колѣнамъ Крастино, какъ будто стремясь защитить его отъ ярости окружающихъ. И все это странно беззвучно... Крастино вскакиваетъ на кучу снѣга, сильно жестикулируетъ и раскрываетъ ротъ, какъ бы крича. И дѣйствительно, слышно, хотя и удивительно слабымъ звукомъ: «Братья, этотъ человѣкъ уморилъ мою сестру, сдѣлавъ ее матерью... Она умерла въ больницѣ... въ родахъ, такъ какъ слишкомъ много страдала... Мы были незаконныя дѣти съ сестрой, брошенныя дѣти; вотъ сынъ ея, онъ не зналъ своей матери. Смотрите, вотъ онъ!» Онъ беретъ мальчика на руки и поднимаетъ его надъ головой. Тогда разражается безмѣрное, мятежное волненіе. Площадь наполняется тьмою народа, тутъ дѣти, старики, женщины. Всѣ они кричатъ громкими, потрясающими голосами.

Двое полицейскихъ въ черномъ въ мгновеніе ока схватываютъ Крастино, онъ исчезаетъ.

Но волненіе не прекращается. Вся эта толпа тѣснится, поднимаетъ сжатые кулаки, всѣ руки воздѣты, голоса несутся къ небу; и какой-то высокій человѣкъ беретъ за талію мальчика и обѣими руками высоко поднимаетъ его надъ головой:

— Народъ! это твой сынъ!

Когда я проснулся, въ ушахъ у меня продолжалъ раздаваться шумъ. Но это ужъ былъ другой шумъ. Онъ шелъ съ площадки, съ лѣстницы, изъ корридора. Раздавались дѣтскіе и женскіе голоса. Свѣтило солнце. Я открылъ окно и взглянулъ напротивъ; окно Крастино было еще затворено.

Площадка лѣстницы, на которую блѣдное солнце бросало широкій снопъ лучей, кишмя кишѣла ребятишками. На нѣкоторыхъ красовались чистые передники, но большинство были оборванные и съ грязными лицами. Одна женщина разбиралась во взъерошенной копнѣ волосъ лежавшей у нея на колѣняхъ непокорной головки. Небольшой мальчуганъ, каменьщикъ, весь бѣлый отъ известки, грѣлъ на солнцѣ

ноги, растрескавшіяся отъ известки и холода. Угольщикъ, подставивъ голову подъ общій кранъ проведенной воды, поворачивалъ ее во всѣ стороны подъ струей, мыля ее отвратительно пахнувшимъ мыломъ. На полу, прислонившись къ стѣнѣ, сидѣлъ человѣкъ съ безсмысленнымъ лицомъ и глазами, похожими на лопнувшія виноградины, какіе бываютъ только у пьяныхъ и у покойниковъ; онъ пѣлъ жалобную пьемонтскую пѣсенку.

На лѣстницѣ, поднимаясь снизу, появились кофейнаго цвѣта шляпа и пара сутуловатыхъ плечъ, потомъ изъ подъ шляпы поднялось и освѣтилось солнцемъ лицо, похожее на бульдога, и посмотрѣло на всю эту голь. Появившаяся фигура прошла мимо среди лохмотьевъ и дѣтскихъ ножонокъ, не обращая особаго вниманія на то, куда становились ея ноги, и принялась стучать въ дверь № 1. Это былъ управляющій дома.

Онъ каждое воскресенье производилъ свой обходъ для сбора квартирныхъ денегъ; начиналъ онъ съ улыбкой, а кончалъ ворчаньемъ и ругательствами; въ воскресные вечера площадка лѣстницы нерѣдко бывала загромождена мебелью какого нибудь изгнаннаго жильца.

Въ скоромъ времени въ каморкѣ № 7, смежной съ моею, раздались причитанія и плачъ. Это была жена пьяницы; она возражала управляющему, что ей нечего ѣсть, нечѣмъ накормить троихъ ребятъ; одинъ изъ нихъ, самый маленькій, кричалъ у нея на рукахъ.

На площадкѣ, у открытаго края ея, выходившаго во дворъ, стоялъ на колѣняхъ на ступенькѣ маленькій чахлый мальчикъ, съ блѣднымъ умненькимъ личикомъ, безпокойными глазами, большимъ ртомъ и торчащими ушами; вытянувъ голову за наружныя перила площадки, онъ смотрѣлъ на это окно; это, должно быть, былъ сынъ этой женщины. Кудрявая дѣвчурка, съ болѣзненно вялыми щечками, съ невытертымъ носомъ, тянулась за нимъ ручонкой и, поймавъ его за ногу, захныкала: «Нóту, Нóту». Нóту оттолкнулъ ее ногой и убѣжалъ вглубь корридора.

Управляющій, видимо, пришелъ къ мирному соглашенію съ женой пьяницы. Это продолжалось уже мѣсяцы: управляющій всегда кончалъ тѣмъ, что успокаивался, чего никогда не бывало по отношенію къ другимъ жильцамъ, кромѣ еще Саламандры, дѣвушки двусмысленнаго поведенія, которая была постояннымъ посмѣшищемъ и въ то же время постоянной мучительницей ребятишекъ.

Пройдя мимо моей комнаты (я всегда платилъ до срока у него въ конторѣ за мѣсяцъ впередъ), онъ постучалъ въ № 9. Кто тамъ жилъ? Въ тѣ рѣдкія ночи, когда мнѣ не спалось, я слышалъ, какъ тамъ послѣ полуночи визжалъ ключъ въ замкѣ, слышалъ затѣмъ за стѣной два тяжелыхъ шага и иногда паденіе чего то, какъ будто мѣшка; сверхъ этого тамъ никогда не раздавалось никакихъ звуковъ.

На стукъ никто не отвѣтилъ, и управляющій прошелъ дальше.

Когда черезъ нѣсколько времени мнѣ показалось, что онъ виденъ въ мансардѣ Крастино, я нѣсколько заволновался и съ минуту былъ въ колебаніи. Но такъ какъ онъ оставался тамъ дольше, чѣмъ у другихъ, я рѣшился пойти посмотрѣть, въ чемъ тамъ дѣло. Надо было пройти черезъ площадку. «А, типографщикъ!» произнесъ сидѣвшій у стѣны пьяный. Женщины равнодушно посмотрѣли на меня. Я постучалъ въ дверь:

— Это я, Станга.

— Войди!—отвѣтилъ голосъ Крастино.

Управляющій встрѣтилъ меня, поощрительно улыбаясь. Я поздоровался съ другомъ.

— Спалъ ты?

— Да. Усталъ, знаешь. Ремесло бы мнѣ... Ручную работу... лучше вѣдь ничего не найти. Я вотъ какъ разъ спрашивалъ у господина управляющаго, не найдется ли у него для меня какого нибудь дѣла...

Управляющій улыбался; физіономія у него была хитрая и въ то же время пошлая. Что за загадочная вещь уродливость! У этого человѣка носъ какъ то зарылся въ лицо, точно оно все было перемѣщено ударомъ кулака; глаза выдавались впередъ, губы и большіе, широкіе зубы тоже были выпячены. Что то въ немъ напоминало жабу. Когда онъ смѣялся, то былъ ужасенъ. Въ лѣвомъ глазу у него былъ тикъ, который постоянно заставлялъ его некстати подмигивать.

— Знаете, синьоръ Станга,—заговорилъ онъ своимъ пришепетывающимъ голосомъ.—Мнѣ въ въ высшей степени пріятно видѣть, что вы двое дружны. Синьоръ Крастино... можетъ только выиграть отъ общества такого порядочнаго и практичнаго молодого человѣка, какъ вы. Я, видите ли, очень расположенъ къ синьору Крастино. Я знаю, въ какихъ онъ сейчасъ условіяхъ, какое несчастіе случилось у него съ сестрой... поэтому я охотно пропустилъ бы ему плату за комнату, чтобы онъ могъ снести ей подарочекъ...

«Неужели это отъ добраго сердца?» подумалъ я недовѣрчиво. Но мой другъ рѣзкимъ движеніемъ подалъ ему деньги.

Тотъ съ притворно равнодушнымъ видомъ положилъ ихъ въ карманъ.

— До свиданья, синьоръ Станга. Вы аккуратный молодой человѣкъ. Если хотите, у меня есть для васъ комната пониже, въ четвертомъ этажѣ. Да, большое благополучіе имѣть васъ другомъ. Еслибы Крастино раньше познакомился съ вами... его сестра...

— До свиданья,—прервалъ я его, догадываясь, куда онъ клонитъ.

— Да, да, вы такой молодой человѣкъ, что...—онъ заперъ за собой дверь и продолжалъ бормотать въ корридорѣ.

— Вотъ нашелъ, у кого просить работы!—воскликнулъ я, обращаясь къ Крастино.—Я бы отъ него стакана воды не принялъ! Ты воображаешь, что онъ способенъ оказать кому нибудь услугу?

— Ты правъ; да только къ кому же мнѣ обратиться?

Управляющій появился, между тѣмъ, въ другой комнатѣ; его было видно отъ насъ; онъ неподвижно сидѣлъ на постели, засунувъ руки въ карманы. Передъ нимъ стояла женщина, молодая, но съ опавшей, изношенной фигурой; она какъ то водила передъ собой руками, словно пытаясь оттолкнуть что-то невидимое, что ее опутывало. Голосовъ сквозь стекла не было слышно, и онъ казался мнѣ какимъ то отвратительнымъ паукомъ, алчно смотрящимъ на муху, которая бьется у него въ сѣти.

«Неужели такъ ужасно тяжело достать въ мѣсяцъ пять лиръ?» подумалъ я.

— Это Саламандра,—сказалъ Крастино;—она, кажется, платитъ больше другихъ за то, что ей позволяютъ жить здѣсь.

«Три класса общества?—размышлялъ я.—Но вѣдь въ дѣйствительности есть еще одинъ: классъ тѣхъ, которые не ѣдятъ, не могутъ заплатить за квартиру, которые находятся въ постоянномъ умираніи вплоть до окончательнаго краха, вырывающаго ихъ изъ жизни».

— Послушай,—продолжалъ я вслухъ,—я зарабатываю четыре лиры въ день; видимой связи съ этими людьми у меня нѣтъ, но я такъ близокъ отъ нихъ, что страдаю съ ними заодно, какъ будто бы я былъ одинъ изъ нихъ. Такъ вотъ, я могъ бы отдавать половину своего жалованья тѣмъ, у кого ничего нѣтъ. Какъ это сдѣлать?

— Не къ чему, мой милый,—отвѣтилъ онъ такъ естественно, какъ будто съ самаго начала слѣдилъ за моими размышленіями:—твои деньги, можетъ быть, помогли бы какому нибудь бѣднягѣ нѣсколько дольше продержаться въ своей коморкѣ и въ жизни, но положеніе вещей осталось бы то же. Это только дало бы тебѣ иллюзію того, что ты сдѣлалъ, что отъ тебя зависѣло, что ты чистъ передъ другими...

— Это правда. Но деньги могутъ сдѣлать двѣ вещи,—то, что ты сказалъ, и еще другое: онѣ могутъ способствовать распространенію истины и знанія; знанія, которое говоритъ: «Вотъ ты богатъ, но вѣдь ты несчастливъ; ты ищешь разсѣяній и называешь это радостью; попробуй заглянуть въ самого себя,—ты найдешь тамъ много неизслѣдованныхъ уголковъ, много жизненныхъ нитей, которыя причиняютъ тебѣ страданіе,—почему? Это нити, которыя связываютъ тебя съ другими, съ тѣми другими, которые страдаютъ, потому и онѣ страдаютъ. Чтобы заставить ихъ смолкнуть, чтобы вылечить ихъ, надо излечить чужія страданія». Познавъ это, люди поймутъ, что счастье состоитъ въ справедливости, то есть въ добровольномъ отреченіи человѣка отъ чего либо ради того, что необходимо его сосѣду. Счастье въ равновѣсіи, въ гармоніи...

— Говори публично, Станга! Все это хорошо, но это слишкомъ долго! Это можетъ принести пользу развѣ въ будущемъ столѣтіи. А

теперь вотъ... Ты родился? Неси за то отвѣтственность! Плати налогъ за существованіе. Ни въ землѣ, ни въ воздухѣ мѣста для тебя нѣтъ. Плати! Денегъ нѣтъ? Ухитрись добыть... А—а! Ты утопистъ, какъ и я, другъ милый.

— Ты правъ. Я наскучилъ тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, наоборотъ. Еслибъ ты зналъ, какъ я восхищаюсь тобой! Тебѣ надо было сдѣлаться священникомъ, проповѣдникомъ. Да ты и есть одинъ изъ новыхъ проповѣдниковъ...

Его рѣчь была прервана: кто то быстрымъ движеніемъ два раза постучалъ въ дверь.

— Войдите!—отвѣтилъ онъ и съ изумленіемъ пошелъ къ двери.

Когда она открылась, мы оба остановились въ недоумѣніи: вошла молодая дѣвушка, барышня, розовая, улыбающаяся, съ гладко причесанными на проборъ волосами, низко спускавшимися на лобъ до угловъ глазъ.

— О, вы здѣсь?—сказала она, увидавъ меня.—Вы вѣдь корректоръ въ научномъ книгоиздательствѣ...

— Да, синьорина. И я знаю васъ... Видишь ли,—поспѣшно прибавилъ я, обращаясь къ Крастино и чувствуя, что краснѣю до ушей,—синьорина докторъ...

— Это не важно,—прервала она меня съ легкимъ движеніемъ руки.—А вы синьоръ Крастино?—обратилась она къ моему другу.—Я знаю вашу сестру и очень полюбила ее. Вы вѣдь должны были придти сегодня навѣстить ее?

Лицо Крастино омрачилось.

— Она въ опасности? будетъ операція?—тревожно воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, сейчасъ еще нѣтъ никакой опасности. Но докторъ говоритъ, что о ней надо очень заботиться, устранять отъ нея всякую причину волненія, чтобы она хорошенько отдыхала, такъ какъ операція, повидимому, неизбѣжна. Ваша сестра очень истощена, и дѣло можетъ быть серьезно...

Крастино схватился обѣими руками за лобъ и опустился на кровать.

Съ минуту мы всѣ молчали, и минута эта показалась намъ долгою.

— Вы будете завтра въ типографіи?—спросила меня дѣвушка.—Мнѣ надо будетъ туда зайти завтра,—прибавила она, многозначительно взглянувъ на меня.

У меня дрогнуло сердце.

— Синьоръ Крастино,—заговорила докторша своимъ дѣтскимъ голосомъ. У нея и вся фигура была какая-то дѣтская. Казалось невозможнымъ, чтобы она сознавала всю важность того, что дала мнѣ понять.—Синьоръ Крастино!—и она положила ему на глаза свою

небольшую и тоже словно дѣтскую ручку.—Подбодритесь. Завтра вы навѣстите ее; я тоже тамъ буду. Я ваша большая почитательница, синьоръ Крастино. Я читала ваши стихотворенія и восхищаюсь ими. Вы много можете сдѣлать, вы молоды, вы обладаете даромъ, который данъ немногимъ, и вы должны беречь его... Завтра вы можете придти около двухъ пополудни. Придите вы тоже,—обратилась она ко мнѣ.

Она говорила быстро, безъ остановокъ, видимо, спѣша уходить.

Крастино нѣсколько успокоился и смотрѣлъ на нее усталыми глазами, какъ будто ожидая еще что то; ее, видимо, озабочивало это, и она внимательно разглядывала его, продолжая говорить, какъ будто для того, чтобы нарушить принесенное ею тяжелое настроеніе.

— Здѣшнія мансарды знакомы мнѣ. Прошлый годъ я собирала статистическія свѣдѣнія о жилищахъ рабочихъ; и потомъ, нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дѣтей ходятъ къ намъ въ даровую столовую.

— Это не можетъ быть названо жилищами рабочихъ, синьорина,— поспѣшно возразилъ я, снова краснѣя и страдая отъ своей застѣнчивости.—Это совиныя гнѣзда, населенныя людьми, которые не работаютъ и которымъ нечего ѣсть. Изъ сотни или немного меньше здѣшнихъ жителей работаютъ, можетъ быть, двадцать; остальные,— ихъ жены, дѣти, сосутъ кровь этихъ двадцати. А тѣ семейства, гдѣ мужчина не работаетъ, пьетъ, или почему нибудь отсутствуетъ, или умеръ,—имъ остается только снѣгъ ѣсть съ крышъ, другого у нихъ нѣтъ... Только у меня, да у Чимизина нѣтъ семейства... и у Крастино вотъ пока...

Услыша свое имя, послѣдній шевельнулся, взглянулъ на меня глубоко безнадежнымъ взоромъ и, обернувшись къ дѣвушкѣ, увидя ее, стоявшую, какъ олицетвореніе кроткой улыбки, словно нѣжный садовый цвѣтокъ на солнцѣ, онъ какъ бы съ какимъ то укоромъ пробормоталъ сквозь зубы:

— Жизнь ужасная вещь.

— Да,—сказала она просто.—Надо измѣнить ее.

— Надо...

И руки его судорожно поднялись угрожающимъ жестомъ... Но тотчасъ же упали. Глаза наполнились слезами.

— Надо положить этому конецъ!—И прислонившись рукой къ стѣнѣ, онъ, рыдая, опустилъ на нее голову.

— Бѣдное дитя!—сказала она взволнованнымъ и пѣвучимъ голосомъ, нагибаясь, чтобы разглядѣть лежавшія на большомъ ящикѣ потрепанныя книги.—Бѣдное дитя, рожденное, чтобы пѣть и творить музыку, какъ соловьи, чтобы наслаждаться солнцемъ и цвѣтущими весенними деревьями, рожденное, чтобы чувствовать себя властелиномъ воздуха и дня, и заключенное здѣсь со связанными крыльями. Бѣдное дитя!

Голосъ ея былъ безконечно нѣженъ и, казалось, пѣлъ для того,

чтобы не оборваться отъ волненія; руки ея и глаза переходили отъ книги къ книгѣ, словно не будучи въ состояніи видѣть и выносить другой взглядъ. Я тоже испытывалъ странное стѣсненіе. Казалось, точно что то трепетало въ воздухѣ среди насъ. И я не чувствовалъ себя чужимъ между ними, между убитымъ горемъ и утѣшительницей, и они не были для меня двумя случайными, независимыми личностями,— это были, съ одной стороны, мужчина, который считаетъ себя властелиномъ жизни и чувствуетъ, что является лишь жертвой ея насмѣшки, съ другой стороны,—женщина, которая видитъ жизнь такою, какова она есть, которая сдерживаетъ неосторожные порывы, поднимаетъ упавшихъ духомъ и является олицетвореніемъ самой жизни, жизни, которая прекрасна.

Она закончила рѣшительнымъ тономъ:

— Ну, подбодритесь же, наконецъ. Не будьте такимъ слабымъ. Завтра вы придете къ сестрѣ. До свиданья. Дайте мнѣ вашу руку, подбодритесь!

Она взяла его за руку и пожала ее, потомъ обернулась къ выходу.

— Проводить васъ до улицы?—поспѣшно спросилъ я.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь привычно. До свиданья,—прибавила она, посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

Я заперъ за ней дверь. Крастино сидѣлъ на кровати, спрятавъ лицо въ подушку. Я подошелъ къ окну. На площадкѣ раздавались крики: «Синьорина Лавріано, синьорина Лавріано!» Мальчикъ съ торчащими ушами, прихрамывая, бѣжалъ за нею.

— Ты знаешь, кто это?—спросилъ я Крастино.—Это дочь знаменитаго психолога, докторъ Ева Лавріано.

Онъ не шелохнулся, словно не слыхалъ. Я слушалъ, какъ голоса спускались слѣдомъ за дѣвушкой. Она показалась и прошла по двору, окруженная сопровождавшей ее кучей ребятишекъ. Цвѣтокъ, озаренный солнцемъ! И я подумалъ, что женщина исцѣлитъ больное человѣчество.

III.

На слѣдующій день я разсѣянно работалъ, сидя въ корректорской комнатѣ. Бѣда быть разсѣяннымъ при этой работѣ! Опечатки проскальзываютъ передъ глазами вдоль частыхъ строчекъ. Что за мука эти опечатки. Я вижу ихъ во снѣ по ночамъ. Какъ только я забываюсь, буквы, ярко выдѣляясь на бѣломъ фонѣ, бѣгутъ передо мной такъ же неудержимо, какъ аллеи деревьевъ или безконечныя борозды пашни передъ окномъ вагона, везущаго васъ съ роковой неизбѣжностью, независимо отъ вашей воли, которая не можетъ замедлить или остановить его бѣгъ. Когда читаешь корректуры, глаза и даже голова приходятъ въ правильное безсознательное движеніе справа

влѣво, слѣва вправо; въ то время, какъ отмѣчаешь на поляхъ опечатку, они продолжаютъ двигаться, какъ маятникъ, и если остановить ихъ, это производитъ почти физическую боль, какъ бы толчокъ въ мозгу.

Чтобы корректировать, нужно всему сосредоточиться въ глазахъ, мысль должна замереть: если вы начинаете думать о внутреннемъ смыслѣ данной фразы, свинцовые солдатики ускользаютъ отъ васъ, скрываютъ старую, или изорванную, или неисправную часть своего мундира. Иногда солдатъ чужого корпуса замѣшивается среди другихъ, кирасиръ среди стрѣлковъ. (Сравненія, заимствованныя у милитаризма. Каюсь).

Надо слѣдить за буквами, какъ за самостоятельными индивидуумами, а кромѣ того надо слѣдить еще и за нѣкоторыми невидимыми существами—промежутками; бѣлые среди чернаго, они являются самостоятельными величинами, которыя надо принимать во вниманіе, это шпоны, шпаціи. Но я, кажется, пишу цѣлый трактатъ...

Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что непосвященные съ трудомъ могутъ понять, результатомъ какой тяжелой физической работы является легкій листокъ, съ котораго глаза на лету схватываютъ самыя тонкія дымки чувствъ и самыя эѳирныя мысли. Страница образуется изъ безчисленнаго множества крошечныхъ свинцовыхъ призмъ; страница вѣситъ обыкновенно... отъ двухъ фунтовъ и выше; лошадь не могла бы свезти на своей спинѣ томика воздушныхъ стиховъ, набранныхъ эльзевиромъ.

Я сталъ пресквернымъ корректоромъ. Я *читалъ*: я безсознательно старался понимать, и если текстъ захватывалъ меня, я углублялся, клалъ перо и предоставлялъ ошибкамъ полную свободу, предоставлялъ имъ торжествовать самымъ наглымъ образомъ, такъ что мнѣ приходилось потомъ опять начинать сначала, крѣпко забирая въ руки вниманіе, то есть раздѣляя его на двѣ части,—нелегкая задача,—и принуждая одну часть слѣдить за черными знаками, а другую по мѣрѣ силъ заставляя молчать.

Это утро я былъ болѣе разсѣянъ, чѣмъ обыкновенно; я часто смотрѣлъ на дверь, и когда нагибалъ голову надъ оттискомъ, мнѣ все время чудился образъ улыбающейся дѣвушки, которая входила и смотрѣла на боковую дверь, надъ которой большими буквами написано: «*Корректоры*».

И дѣйствительно, немного спустя, она вошла и, сказавъ пару словъ мальчику, взглянула на нашъ уголъ и кивнула мнѣ, въ то время какъ мальчикъ шелъ ко мнѣ, чтобы передать ея слова.

— Синьорина Лавріано проситъ васъ на минутку.

Я всталъ и пошелъ съ сильно забившимся сердцемъ.

Наборщики подняли головы отъ своихъ ящиковъ, чтобы увидѣть эту улыбку, сіявшую въ дверяхъ подъ большимъ, дымнымъ и темнымъ

стеклянымъ сводомъ. Постороннимъ входить было запрещено, но она со своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ часто появлялась въ дверяхъ и иногда проходила по проходамъ, подходила къ машинамъ или къ брошюровочной, чтобы поговорить съ какой нибудь дѣвушкой. Самъ управляющій улыбался, хотя и не безъ укоризненнаго взора по адресу этого милаго явленія, нарушавшаго порядокъ, на мгновеніе привлекавшаго на себя всѣ взоры и наполнявшаго ихъ радостью.

Она позвала меня за собой въ кабинетъ управляющаго и съ внезапной грустью на лицѣ, отчего стала похожа на дѣвочку, которая сейчасъ заплачетъ, сказала мнѣ:

— Знаете, синьорина Крастино безнадежна. Вопросъ только въ дняхъ.

Это извѣстіе такъ поразило меня, что я почувствовалъ точно какую то слабость во всѣхъ членахъ.

— Поэтому необходимо,—заговорила она опять,—необходимо сегодня же приготовить брата къ возможности ея смерти, и прежде, чѣмъ онъ ее увидитъ; она знаетъ, что умираетъ, и можетъ сразу сказать это ему, а это можетъ быть для него опасно. Мой отецъ думаетъ, что у него слабая голова, что онъ даже, пожалуй, эпилептикъ... Вы не знаете стихотвореній француза Поля Верлэна? Въ ихъ характерахъ много сходства, за исключеніемъ нравовъ и нѣкоторой невразумительности Верлэна. Крастино слабый субъектъ, возможно, что онъ осужденъ на умираніе отъ прогрессивнаго истощенія. Сильное волненіе можетъ быть роковымъ для него.

Я былъ совершенно подавленъ ея словами. А она уже вновь пріобрѣла свое ясное спокойствіе. Болѣзни, нищета и смерть сдѣлались, вѣроятно, всегдашней ея обстановкой, ея атмосферой, если она вращалась среди нихъ съ такимъ спокойствіемъ? Она разговаривала, держа руки сложенными на колѣняхъ, какъ маленькая дѣвочка, которая хочетъ принять видъ взрослой, но руки часто срывались съ мѣста и трогали какой нибудь предметъ на столѣ, вертѣли разрѣзной ножъ или вставочку. Замѣтивъ, что я смотрю на нее съ явнымъ интересомъ и въ то же время съ восхищеніемъ, она на мгновеніе какъ бы чуть чуть удивилась, потомъ улыбнулась.

— А что будетъ съ нимъ послѣ смерти сестры?—заговорилъ я.— Надолго этого не скроешь отъ него... А ребенокъ? Вѣдь нельзя же поручить ребенка этому мальчику...

— Ребенокъ умеръ,—прервала она меня,—умеръ на свое счастье. Однимъ обездоленнымъ меньше. А о немъ подумаемъ. Я уже говорила о немъ моему отцу, можетъ быть удастся устроить его при школѣ или въ правленіи нашего благотворительнаго общества...

— Пожалуй, вѣдь онъ неспособенъ къ какому бы то ни было постоянному занятію. Вы знаете что нибудь объ его дѣтствѣ?

И я разсказалъ ей вкратцѣ то, что слышалъ отъ него нѣсколько

дней назадъ. Изъ воспитательнаго дома, куда они были сначала отданы, дѣти перешли въ сиротскій домъ, причемъ съ ними все время обращались съ большой заботливостью и вниманіемъ. Потомъ ихъ взяла оттуда одна женщина, которая и заботилась о нихъ до своей смерти; умерла она три года тому назадъ. Она жила въ полномъ довольствѣ, нанимала учителей дѣтямъ, которыхъ считали ея дѣтьми; но послѣ смерти своей она рѣшительно ничего не оставила. Сироты съ годъ прожили на то, что было выручено отъ продажи мебели. Тогда Лена, сестра, стала работать; она шила и вышивала и кое что зарабатывала этимъ. Такъ прожили они еще два года.

— А относительно своего рожденія они ничего не знаютъ?

— Абсолютно ничего; кажется, та женщина говорила, что отцомъ мальчика былъ одинъ господинъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, котораго при жизни часто можно было видѣть на улицѣ Санъ-Донато.

— А!—воскликнула она.—Очень возможно. Это предмѣстье было весьма въ модѣ въ прошлые годы...—И глаза ея на мгновеніе гнѣвно сверкнули.

Она помолчала съ минуту, какъ бы размышляя, потомъ положила разрѣзной ножъ, который при послѣднихъ словахъ нервно сжала въ рукѣ, и быстрымъ движеніемъ встала. Въ эту минуту пробило двѣнадцать часовъ. Она на мгновеніе замерла, какъ бы съ изумленіемъ вслушиваясь.

Я улыбнулся. Съ боемъ двѣнадцати часовъ всѣ машины какъ бы по волшебству останавливаются, и мгновенно наступающая вслѣдъ затѣмъ тишина слегка ошеломляетъ даже и самыхъ привычныхъ.

И тотчасъ же раздался оживленный смѣшанный шумъ голосовъ и шаговъ. Женщины и мужчины, по большей части молодые, потокомъ задвигались по коридору, и каждый съ любопытствомъ взглядывалъ въ отпертую дверь.

Она протянула мнѣ руку.

— Вы тоже придете сегодня? Зайдите за нимъ на домъ и не оставляйте его эти дни.

— Будьте покойны, синьорина.

Она смѣшалась съ толпой.

Я забралъ свои корректуры и побѣжалъ домой.

Поспѣшно глотая свой завтракъ, я никакъ не могъ сосредоточить свои мысли на страницахъ, которыя положилъ передъ собою по привычкѣ занимать себя какой-нибудь книгой или журналомъ во время скучнаго процесса наполненія желудка... Меня не оставляла мысль о моемъ бѣдномъ другѣ, а еще болѣе о его сестрѣ. Ея тонкія черты, оживленныя большими глазами, были какъ бы врѣзаны въ моей памяти. Я не помнилъ ни одной встрѣчи съ нею, кромѣ того одного раза, но безъ сомнѣнія часто встрѣчалъ ее, поднимаясь или спускаясь

по лѣстницѣ своими большими прыжками, причемъ она, вѣроятно сторонилась на площадкѣ, ожидая, когда промчатся эти гигантскіе шаги. Я долженъ былъ казаться ей какимъ то страннымъ животнымъ, вродѣ тѣхъ тощихъ пауковъ, которые водятся осенью среди кукурузы. Фактъ тотъ, что я неотступно видѣлъ ее теперь передъ собою, и не такъ, какъ можетъ вспоминаться чужой человѣкъ; мнѣ казалось, какъ будто даже и прежде, когда я встрѣчался съ нею, не замѣчая ея, что то проникало въ меня въ тѣ минуты, быть можетъ, только дыханіе окружавшей ее атмосферы. Не такъ ли это? Каждый изъ насъ имѣетъ вокругъ себя свою особую атмосферу такъ же, какъ и звѣзды.

Когда я постучалъ въ дверь № 30, Крастино открылъ мнѣ не сразу, что меня нѣсколько взволновало; у него было измученное и блѣдное лицо, красные глаза. Я спросилъ, ѣлъ ли онъ.

— Кажется,—былъ отвѣтъ.

Я не могъ не улыбнуться. У меня были взяты съ собой два сырыхъ яйца, и я попросилъ его выпить ихъ, что онъ исполнилъ покорно и равнодушно.

— Идемъ?—спросилъ я.

— Какъ хочешь. Пора развѣ?

И онъ взглянулъ на себя въ кусочекъ зеркала, прикрѣпленный къ стѣнѣ тремя гвоздями; поправилъ рукой волоса.

— Блѣденъ же я! Точно покойникъ...

— Потому что не можешь взять себя въ руки. Хорошъ ты придешь къ сестрѣ!

Взявъ щетку, я почистилъ ему покрытое пылью пальто; подалъ ему шляпу. Онъ все оглядывался по сторонамъ, какъ будто ему надо было взять съ собой много вещей, и онъ старался сообразить, что именно; взялъ одну изъ книгъ и пошелъ къ двери; потомъ опять вернулся и приподнялъ занавѣску; тамъ висѣли на стѣнѣ двѣ-три юбки, лежала аккуратно сложенная постель; онъ засунулъ руки въ маленькій чемоданчикъ, что то вполголоса бормоча при этомъ.

— Не надо ли ей чего-нибудь? Что бы мнѣ тутъ взять изъ ея вещей?

Я схватилъ его за руку и вывелъ за дверь.

Корридоръ былъ пустъ и безмолвенъ; но внезапно раздался громкій женскій плачъ; я оглянулся,—всѣ двери были заперты, и плачъ шелъ, видимо, изъ глубины корридора.

— Это блондинка изъ сорокового номера,—сказалъ Крастино.—У нея вчера вечеромъ умеръ ребенокъ; она теперь въ постели, за ней ухаживаетъ жена пьяницы; ребенокъ лежитъ въ колыбели; часъ тому назадъ оба спали... да... казалось, что спятъ оба. Зайди посмотрѣть ее.

Я вспомнилъ. Это была жилица крайней мансарды, бѣлокурая семнадцатилѣтняя канареечка, портниха; ея неутомимый голосъ, сопро-

вождаемый стукомъ швейной машины, надоѣдалъ, вѣроятно, тѣмъ, кому приходилось слушать его подолгу; но такъ какъ я лишь изрѣдка появлялся днемъ дома, то на меня онъ производилъ впечатлѣніе солнечнаго луча. Однажды эта дѣвушка произвела на свѣтъ ребенка; кто былъ его отецъ? Этого никто не зналъ. Она постоянно носила его полуголенькаго на рукахъ по всему дому; у обоихъ были кругленькія, бѣлыя съ розовымъ личики, она казалась старшей сестрой своего ребенка. Одна дама изъ нижняго этажа, у которой на нѣсколько дней позже родилась дѣвочка, имѣвшая слишкомъ большой аппетитъ, посылала ее наверхъ докармливаться, и я разъ встрѣтилъ дѣвушку съ двумя розовыми бутузами на рукахъ, видимо забавлявшуюся съ ними и безконечно радостную.

— Намъ некогда,—отвѣтилъ я Крастино.—Бѣдная дѣвушка! Но съ другой стороны, не лучше ли такъ? Для нея то, можетъ быть, и не лучше, но для ребенка...

Мы стали спускаться. Посвистыванье Чимизина раздавалось во всю въ тактъ съ ударами молотка. Ужъ много лѣтъ веселость этого безвреднаго помѣшаннаго безъ устали примѣшивалась къ плачу женщинъ и ругательствамъ пьяницъ.

У меня не много сохранилось въ памяти отъ того посѣщенія. Я помню смертельно бѣлое лицо, влажные, прилипшіе къ вискамъ волоса; черты этого лица казались сдѣланными изъ мрамора. Когда мы подошли, раскрылись большіе глаза, бѣлыя губы улыбнулись. Съ тѣхъ поръ я всегда видѣлъ ее такою, такою и сейчасъ возникаетъ она у меня передъ глазами: алебастровое лицо, словно просвѣчивающее какимъ то скрытымъ внутри свѣтомъ. Она произнесла лишь нѣсколько еле слышныхъ словъ, такъ была слаба. Но глаза ея были напряженно глубоки и, видимо, хотѣли выразить то, что не могли произнести губы: они все переходили съ ея Виджи на меня, словно хотѣли сплести таинственную сѣть, которая бы навсегда соединила насъ.

Кругомъ стояли другія бѣлыя постели, видны были другія блѣдныя головы, другіе смотрѣвшіе на насъ глаза. И солнце было какое то странно чистое и ласковое въ этомъ ровномъ и тепломъ воздухѣ.

Пришла докторша, чтобы увести насъ. Она присѣла на минутку, взяла больную за руку и стала говорить, словно убаюкивая ее, ласковыя слова, слова надежды для умирающей и для ея бѣднаго брата, которымъ уже никогда больше не суждено было увидѣться.

Потомъ она проводила насъ до дверей. Все это время Крастино былъ какъ то странно спокоенъ.

IV.

Возвращаясь въ трамваѣ изъ больницы, мы оба молчали. Крастино казался совсѣмъ разбитымъ. Доѣхавъ до площади Статута, мы вышли; я хотѣлъ увлечь его подальше отъ дома. Мы пошли по улицѣ Франціи.

— Пройдемся немного?—предложилъ я.—Я сегодня свободенъ.

— Какъ хочешь.

Мы довольно долго шли молча. Поля были покрыты какъ бы бѣлымъ бархатомъ; вдали снѣгъ имѣлъ легкій голубоватый оттѣнокъ; черныя деревья не казались тощими, но поднимали къ небу перистые вѣера покрытыхъ инеемъ вѣтокъ. Когда мы вышли изъ заселенной мѣстности, передъ нами во всей своей громадности встали Альпы, видныя сверху до низу, отъ рѣзко вырисовывавшихся на нѣжномъ фонѣ неба бѣлыхъ вершинъ, кое гдѣ испещренныхъ пятнами густо-голубого цвѣта, до подножій, опиравшихся на туманную линію долины. Крастино, который шелъ сначала согнувшись и опустивъ подбородокъ на грудь, мало по малу приподнялъ голову, и глаза его словно немного прояснились. Около одного мостика онъ обернулся, какъ бы для того, чтобы измѣрить глазами разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ домовъ, потомъ взглянулъ впередъ.

— Горы! Что за красота!

Внезапно его губы судорожно искривились, глаза наполнились слезами. Онъ сдѣлалъ большое усиліе и продолжалъ естественнымъ голосомъ.

— Я дамъ тебѣ прочесть мои стихи. У меня есть и новые. Но за послѣднее время я ничего не могу сочинять. Поэзія теперь рождается во мнѣ. Когда буду менѣе несчастливъ, то вспомню то, что происходитъ во мнѣ теперь, и напишу. А теперь, еслибы я былъ одинъ, я бы плакалъ. Ночь, солнце, снѣгъ всегда вызываютъ у меня слезы. Я всегда одинъ.

Онъ плотнѣе закутался въ плащъ и прибавилъ шагу.

— Я озябъ. Тебѣ не холодно? Для меня холодъ мученье; поэтому лѣто любимое мое время года; я въ самую жару цѣлыми часами брожу за городомъ. Я, вѣроятно, умру отъ холода.

— Полно! Что же, ты намѣренъ попрежнему все продолжать свой неправильный образъ жизни? Получишь какое нибудь мѣсто, будешь работать, а въ свободные часы будешь писать стихи.

— Да, правда. Буду работать; а стиховъ больше не буду писать... Я долженъ теперь заботиться о сестрѣ.

Передо мной возникъ образъ умирающей, и у меня сжалось сердце.

Между тѣмъ, на дорогѣ впереди насъ появилась человѣческая фигура, сгорбленная, закутанная, на половину скрытая подъ огромной изношенной шляпой съ висящими краями; фигура шла къ намъ навстрѣчу. Когда она была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, оказалось, что это старикъ, опирающійся на узловатую палку, въ трехъ рваныхъ курткахъ, надѣтыхъ одна на другую, съ обнаженной морщинистой, красной грудью; онъ остановился и посмотрѣлъ на насъ маленькими голубыми глазками; между колючей бородой и шляпой не видно было больше ничего изъ его лица. Я подалъ ему какую то монету.

— Благодарю. Спаси васъ Богъ.

Онъ побрелъ дальше, но опять пріостановился и обернулся:

— Слушайте-ка,—окликнулъ онъ насъ,—тамъ король; сейчасъ проѣдетъ на машинѣ.

Мы разошлись.

— Слышалъ?—спросилъ я.—Король тамъ. Вѣрно поѣхалъ въ Риволи на автомобилѣ.

— Король!.. Однажды былъ король,—отвѣтилъ онъ съ мечтательнымъ видомъ,—король!.. Ты любишь легенды? Я ихъ столько зналъ. Моя мать... тетка,—однимъ словомъ, та, про которую я тебѣ говорилъ, что мы у нея жили,—знала ихъ массу, и всевозможныя. Она постоянно говорила о короляхъ, герцогахъ, графахъ... У нея были аристократическія наклонности.

— Я тоже ихъ много зналъ. По зимамъ мы живали въ хлѣву... И вотъ, прочтя «Отче нашъ» и молитвы всѣмъ святымъ, чтобы они избавили насъ «отъ огня, отъ молніи и грома», моя бабушка принималась мнѣ разсказывать, и разсказывала безъ конца. Она была еще изъ временъ Наполеона. Согнутая вдвое отъ какой то болѣзни, она казалась бѣдненькимъ, жалобнымъ звѣркомъ. А потомъ мы собирались съ ребятишками на площадкѣ, гдѣ сушатъ кирпичи, и распѣвали на солнышкѣ:

„Andouma a Rouma
A coumpré una courouna,
Una courouna par un Re,
Giurapapé“ *).

Мнѣ хотѣлось сколько нибудь развеселить его.

Солнце спускалось за горы, и небо надъ нимъ стало розовымъ. Можетъ быть, тамъ, за горами, и была именно страна легендъ...

— А вѣдь легенды эти и дѣлаютъ насъ неспособными къ жизни,—заговорилъ Крастино.—Я, напримѣръ, постоянно думаю о Навзикаѣ, о волшебницахъ, о Нибелунгахъ, о Брутѣ... а еще больше о Мадоннѣ, о святой Терезѣ, о Франдискѣ Ассизскомъ... И за всѣмъ этимъ я забылъ, что моя сестра работаетъ на меня, что по улицѣ можетъ проходить молодой человѣкъ и обратиться къ ней съ предложеніями, что любовь приводитъ въ больницу...

Онъ поднялъ воротникъ и засунулъ руки въ карманы.

— Думаю я объ этой блондинкѣ изъ сорокового номера. Что съ ней будетъ? Мнѣ кажется даже, что я готовъ полюбить ее. Глупецъ! Пока она на меня ни разу и не взглянула... А нѣсколько лѣтъ назадъ женщины смотрѣли на меня такими особенными глазами! Ты никогда не любилъ?

— Нѣтъ. Я объ этомъ никогда не думалъ, или почти никогда.

*) „Мы пойдемъ въ Римъ купить корону, корону для короля!“ (Пьемонтская дѣтская пѣсенка).

— А я не знаю. Но думаю, что никогда не любилъ. Для меня въ этомъ было всегда что то отталкивающее. Правда, я никогда не встрѣчалъ ни одной женщины болѣе высокаго круга, чѣмъ тотъ, среди котораго я живу. Но мнѣ кажется, что я неспособенъ полюбить никакой живой женщины. Я представляю себѣ, что могъ бы любить триполійскую княжну или Елизавету Австрійскую...

Далеко впереди посреди дороги показался какой то черный предметъ и сталъ быстро расти и приближаться къ намъ. Автомобиль короля? Онъ поразительно скоро оказался около насъ и промчался мимо. За нимъ слѣдовало двое велосипедистовъ. Мнѣ показалось, что я разглядѣлъ молодое, мужественное лицо короля. Мы остановились и посмотрѣли вслѣдъ ему.

Посреди дороги виднѣлась вдали крошечная черная фигурка, нищій; раздался гудокъ автомобиля; нищій посторонился. Было мгновеніе, что мы замерли отъ страха.

— Вдругъ бы онъ его переѣхалъ?—сказалъ Крастино.

— Ужасно!

— Для обоихъ,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Дѣйствительно,—отвѣтилъ я и замолкъ.

И оба мы, содрогаясь, представили себѣ ужасную картину.

Мы вернулись, когда уже были зажжены фонари. Я повелъ его въ дешевую столовую рядомъ съ нашимъ домомъ; онъ впервые былъ въ такомъ мѣстѣ. Мы сѣли къ свободному столику.

Въ помѣщеніи было шумно, и оно было полно отвратительнаго чада. Я ѣлъ по привычкѣ поспѣшно и машинально. Крастино попробовалъ проглотить поданную ѣду, но у него было сжато горло, и глаза все наполнялись слезами. По правую руку отъ него сидѣлъ какой то толстый человѣкъ; опершись бычачьей головой на громадныхъ размѣровъ руки, онъ дѣятельно работалъ своими крупными челюстями. Напротивъ него сидѣла Саламандра; она развязно ѣла, часто наливая себѣ темнаго, густого вина, бросала ему отъ времени до времени пару словъ и съ кокетливымъ видомъ, улыбаясь, оборачивалась по сторонамъ.

— Ты никогда здѣсь не былъ?—спросилъ я Крастино.

— Нѣтъ. Мнѣ противно.

— За то здѣсь дешево. И ты могъ бы брать ѣду на домъ, присылать за ней какого нибудь мальчика.

Я хотѣлъ такимъ образомъ поучить его, какъ можно жить одному.

Я проводилъ его до самой двери и распростился.

Сидя за своимъ письменнымъ столомъ при свѣтѣ керосиновой лампы, свидѣтельницы всѣхъ моихъ ночныхъ занятій, школьныхъ работъ, сраженій съ опечатками, фантастическихъ мечтаній по поводу фразъ, которыя наиболѣе поражали мою мысль, я попробовалъ удер-

жать свои глаза на Вундтѣ, котораго принесъ съ собой изъ типографіи. Но передо мною тотчасъ же возникъ образъ Лены; она смотрѣла на меня умоляющими, почти повелительными глазами, и мнѣ казалось, что она съ нѣжной настойчивостью заставляетъ меня проникнуться той постоянной мыслью, которая наполняла ея жизнь, мыслью объ этомъ странномъ мальчикѣ, который за два послѣдніе дня сталъ для меня братомъ. Мои размышленія были прерваны тяжелыми шагами, раздавшимися въ корридорѣ и сопровождавшимися ругательствами и толчками объ стѣны; это пьяница возвращался, отпраздновавъ понедѣльникъ. Слышно было, какъ открылась дверь; потомъ шумное паденіе какого-то тѣла, и все смолкло; сегодня онъ не имѣлъ, очевидно, столько силъ, чтобы бить жену...

Я опять принялся за свои корректуры; но напрасно: я не могъ удержать на нихъ своего вниманія; я чувствовалъ, что отнынѣ всѣ эти вещи,—работа въ типографіи, школа, книги уже никогда не будутъ захватывать меня такъ, какъ прежде; что то постороннее внезапно проникло въ меня и дѣлало то, что я уже не чувствовалъ себя попрежнему однимъ и вполнѣ свободнымъ. Мгновеніями это вызывало во мнѣ ощущеніе какого то страданія, которое казалось мнѣ чисто воображаемымъ; въ глубинѣ души я не хотѣлъ бы, чтобы все оставалось попрежнему. И вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль: «А что я дѣлаю въ жизни?» До сихъ поръ я, очевидно, никогда не задумывался о самомъ себѣ, такъ какъ никого въ сущности не зналъ, кромѣ себя, такъ что у меня не было почвы для сравненія. Что я дѣлалъ? Работалъ, то есть продавалъ свой трудъ хозяину, который былъ мнѣ чужимъ, какъ и я ему. По счастью, не имѣя привязанности къ хозяину или хозяевамъ, которыхъ я и не зналъ, ни къ заработку, на который я смотрѣлъ только какъ на необходимость, я любилъ за то свою работу и составилъ себѣ свой опредѣленный жизненный идеалъ, къ которому и могла привести меня эта работа. А вокругъ меня? Корректоры, наборщики и машинисты являлись на работу, потомъ уходили, потомъ опять являлись и уходили, и продавали по часамъ, по установленной таксѣ свои руки и свои мозги. У нихъ не было ни малѣйшей любви къ своей работѣ, то есть къ тому, что составляло ихъ жизнь, и у нихъ не было идеаловъ. Работа каждаго постоянно навсегда уходила изъ его рукъ, не унося на себѣ его имени, и эта работа была только крупицей, ничтожной частью цѣлаго, и никто ни о чемъ не могъ сказать: «Вотъ это сдѣлалъ я!» Что же останется у нихъ къ концу дней для свидѣтельства о томъ, что они жили? Они и не жили, надо сказать эту правду.

Или, можетъ быть, есть все таки что нибудь внѣ этой однообразной работы, что нибудь далекое отъ скучнаго труда, убивающаго ихъ силы, что нибудь, что улыбается и сверкаетъ? Есть хоть у кого нибудь свой маленькій соловей, который поетъ у него въ сердцѣ въ то

время, какъ руки его покрываются грязью отъ колесъ? И здѣсь вотъ кругомъ, въ этихъ не то тюремныхъ, не то монастырскихъ кельяхъ, среди тѣхъ людей, которые каждый вечеръ возвращаются домой разбитые дневнымъ трудомъ, есть ли кто нибудь, кто бы засыпалъ сладкимъ сномъ, кому слышался бы въ аккомпаниментъ его дыханія какой-нибудь отрадный мотивъ?

Я оглядѣлъ свою комнату; она уже не была такой черной и холодной, какъ раньше. Лампа разливала въ ней покойный золотистый свѣтъ, отъ котораго воздухъ становился какъ будто мягче. Или это было ощущеніе чьего то невидимаго присутствія? Я оперся головой на обѣ руки и закрылъ глаза; свѣтъ, проникая сквозь вѣки, наполнилъ зрачки мраморнымъ сіяніемъ. Я долго сидѣлъ такъ, какъ бы прислушиваясь къ шуму моей крови, наполнявшейся какой то новой трепещущей теплотой... Окно позади абажура было все голубое. Снѣгъ тоже былъ голубой, усѣянное звѣздами небо—почти черное. Я открылъ окно. Противоположное окно тоже было открыто, и въ немъ видна была облокотившаяся на подоконникъ фигура. Я не удивился: не казалось ли мнѣ только что, словно меня зоветъ кто то?

Что то происходило теперь въ той далекой бѣлой, большой комнатѣ? Я содрогнулся.

Но тамъ, въ углу, было освѣщено еще окошко, послѣднее съ того края; сквозь него видны были двѣ свѣчи и доносился непрерывный, равномѣрный стонъ, странно спокойный, точно человѣкъ стоналъ сквозь сонъ. Тамъ двигалась также тѣнь какой то женщины, кто то проводилъ ночь у маленькаго умершаго, можетъ быть, жена пьяницы... Царила безпредѣльная тишина. Звѣзды трепетали, и небо не казалось темнымъ сводомъ, но безграничнымъ пространствомъ, среди котораго плыли въ своемъ невидимомъ движеніи эти сіяющія жизни. На землѣ все было бѣло; безконечныя крыши и линія Альпъ въ глубинѣ казались неподвижными и мертвыми. Жизнь была тутъ, вокругъ меня. Жизнь и смерть.

Послышались поднимавшіеся по лѣстницѣ шаги, на площадкѣ появился свѣтъ и пропалъ въ корридорѣ. Спустя немного, стало слышно, что шаги возвращаются; они ступали болѣе тяжело и осторожно; на стѣнѣ лѣстницы заколебалась тѣнь человѣка, державшаго на спинѣ какой то продолговатый предметъ; человѣкъ сталъ спускаться внизъ. Въ угловой комнатѣ задвигались свѣчи, женская тѣнь появилась на мгновеніе на стеклахъ; потомъ свѣчи погасли. Стонъ все продолжался, ровный, непрерывный, какъ бы сквозь сонъ.

— Крастино!—чуть слышно позвалъ я по направленію къ противоположному окну, какъ бы боясь потревожить этотъ стонъ. Онъ зашевелился, показалъ рукой на потемнѣвшее теперь окно и исчезъ.

Три дня спустя меня вызвали въ пріемную типографіи. Меня ждалъ тамъ высокій бѣлокурый господинъ, котораго мнѣ уже приходилось видѣть въ лабораторіи; это былъ докторъ Семми. Онъ просматривалъ корректуры. Я узналъ первый листъ сочиненія, проходившаго какъ разъ черезъ мои руки.

— Послушайте,—заговорилъ онъ, глядя на меня свѣтло голубыми глазами,—докторша Лавріано поручила мнѣ сообщить вамъ, что сестра вашего друга умерла вчера вечеромъ...

Хотя я и ждалъ этого извѣстія, оно все же глубоко взволновало меня; онъ замѣтилъ это, и его спокойные глаза слегка затуманились.

— Синьорина Лавріано пошла сегодня утромъ къ вашему другу и просила, чтобы я тѣмъ временемъ предупредилъ васъ, чтобы вы не оставляли его одного этой ночью, она можетъ быть ужасна для молодого человѣка, который не совсѣмъ здоровъ, какъ мнѣ сказали...

Я не находилъ ни слова въ отвѣтъ. Онъ продолжалъ:

— Она умерла отъ потери крови. Еслибы она пришла сразу въ больницу... Вмѣсто того она думала, что сможетъ пережить роковую минуту одна, безъ помощи. Когда синьорина Лавріано привезла ее, было уже поздно: были такія внутреннія поврежденія, что уже нельзя было помочь...

Онъ взглянулъ на свои корректуры, потомъ рѣшительно положилъ перо, весь повернулся ко мнѣ и спросилъ:

— А братъ что за типъ?

— О, прекрасный юноша,—поспѣшилъ я отвѣтить.—Онъ навѣрное рѣшительно ничего не зналъ. Онъ поэтъ. Это онъ написалъ «Сумерки».

— Вы не знаете, не упрекалъ ли онъ ее?

— Не думаю. Только она сама, должно быть, страшно смущалась передъ нимъ, насколько я могу судить; и, должно быть, ужасно боялась огорчить его. Она, кажется, относилась къ нему отчасти поматерински...

— А, стало быть, роли перемѣнились! Онъ, очевидно, не могъ быть ея поддержкой. Оттуда вся бѣда.

— Вы считаете, что онъ виноватъ?

— Я не могу судить объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ мужчины въ сложности виноваты, если не въ смертяхъ новорожденныхъ, то, во всякомъ случаѣ въ смертяхъ матерей; и отвѣтственны они не только косвенно... Вы теперь читаѐте мою книгу? Синьорина Лавріано говорила мнѣ, что вы много занимались изученіемъ соціальныхъ вопросовъ.

— Я?—возразилъ я смущенно, чувствуя, что краснѣю.—Я только и изучалъ, что корректуры, которыя правилъ впродолженіи десяти лѣтъ.

— Недурно! Я слышалъ, что вы иногда даете совѣты авторамъ. Онъ улыбнулся моему смущенію; въ глазахъ его свѣтилась доброжелательная иронія, не вызывавшая во мнѣ ни малѣйшаго чувства непріятности. Въ эту минуту солнце, свѣтившее въ окошко, дошло до него

и озарило его прекрасную бѣлокурую голову съ высокимъ открытымъ лбомъ, съ рѣдкими ниспадающими усами, сквозь которые при его милой улыбкѣ блестѣли зубы. У него было лицо мечтателя и апостола, и во мнѣ сразу шевельнулась симпатія къ нему.

Онъ отстранился отъ солнца и взялся за перо, но тотчасъ же положилъ его и протянулъ мнѣ руку. Я пожалъ ее и вернулся въ рабочую комнату.

Въ лежавшемъ передо мною продолженіи его корректуръ стояло:

«Первымъ и безусловнымъ долгомъ цивилизованнаго общества должна быть забота о рожденіяхъ и наблюденіе за ними. На ряду съ этимъ всѣ другіе моменты человѣческой жизни являются второстепенными, и при нихъ человѣкъ можетъ въ той или другой степени самъ заботиться о себѣ, здѣсь же двѣ жизни находятся въ опасности, а одна изъ нихъ, наиболѣе беззащитная, только лишь начинается, и горе, если она начинается худо.

«Между тѣмъ въ настоящее время рожденія предоставлены на волю случая. На продолженіе человѣческаго рода, являющееся въ сущности единственною видимою цѣлью жизни, мужчина смотритъ, какъ на непріятное послѣдствіе чисто эгоистическаго удовольствія, женщина или какъ на ничѣмъ не вознаграждаемое страданіе, или какъ на суженіе, на погибель своей личности, самое большее, какъ на чисто физіологическое отправленіе.

«У большинства тѣхъ людей, которые подвержены состоянію какого то безпокойства, физической неуравновѣшенности, которые чувствуютъ въ себѣ какіе либо недостатки или излишества, носятъ въ себѣ зародыши болѣзней, безумія или преступности, причина всего этого можетъ быть прослѣжена и обнаружена въ условіяхъ ихъ рожденія. Кто виноватъ въ этомъ? Рѣдко мать, часто отецъ, и всегда общество»...

Освободившись отъ работы, я поспѣшилъ домой. Крастино лежалъ въ постели, въ жару и въ бреду. За нимъ ухаживала Минка, жена пьяницы, длинная, худая женщина съ изнуренными лицомъ; она смачивала ему губы и старалась удержать его, чтобы онъ не двигался и не раскрывался. Онъ не узналъ меня. Я до утра просидѣлъ около его постели, въ полуоцѣпенѣніи, съ кружившейся и пустой головой.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Религіозно-нравственная проблема у Достоевскаго.

Глава первая.

Постановка основной проблемы у Достоевскаго.—Подчиненіе нравственности религіи.—Гуманизмъ Достоевскаго и его апологія личности.—Первичный фазисъ этой апологіи отъ „бѣдныхъ людей“ до „Записокъ изъ подполья“.—Крайности индивидуализма у Достоевскаго и Ницше.—Религіозное разрѣшеніе моральной проблемы.—Достоевскій и Вл. Соловьевъ.—Заграничный періодъ литературной работы Достоевскаго.

«Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ», жалуется Кирилловъ въ «Бѣсахъ». То же бы могъ сказать съ полнымъ правомъ Достоевскій о себѣ самомъ. И, дѣйствительно, въ одномъ изъ писемъ онъ пишетъ о себѣ: «Вопросъ, которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю мою жизнь—существованіе Божіе». Проблема богопознанія—высшая проблема для Достоевскаго, самая большая и мучительная. Въ ней, какъ въ главномъ центральномъ узлѣ, сплетаются всѣ основныя нити его неисчерпаемо-разнообразнаго художественно-философскаго творчества. Богомъ мучается Достоевскій на протяженіи всей своей жизни, во всѣхъ своихъ романахъ; о немъ постоянно говорятъ почти всѣ его дѣйствующія лица. Прямо можно сказать, что вопросъ о Богѣ вездѣ сопутствуетъ ему. Но проблема Богопознанія поставлена Достоевскимъ не обособлено, какъ самостоятельная религіозная проблема, а въ тѣсной, интимной связи съ нравственными вопросами; проблема эта непосредственно вытекаетъ у него изъ глубочайшихъ моральныхъ запросовъ совѣсти. «Жизнь безъ Бога—одна лишь мука», жалуется странникъ, «религіозный бродяга», Макаръ Ивановичъ въ «Подросткѣ», мука прежде всего *нравственная*. Неутолимая жажда Бога родится у Достоевскаго на почвѣ исканій нравственнаго смысла жизни и оправданія добра. Въ вопросѣ этомъ сказалось со всей силой и трепетностью великая религіозная страстность его натуры. «Богъ необходимъ, а потому долженъ быть», говоритъ тотъ же Кирилловъ въ «Бѣсахъ». Необходимъ, прежде всего, морально, какъ оправданіе жизни, а потому долженъ быть, долженъ существовать. Изъ тѣхъ же нравственныхъ побужденій вытекаетъ признаніе личнаго бесмертія души, этотъ основной религіозный догматъ

Достоевскаго. «Нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія», говоритъ Иванъ Карамазовъ; то же, только въ другой, не столь законченной формѣ приходится слышать въ другихъ произведеніяхъ Достоевскаго, отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ; объ этомъ же много говоритъ Достоевскій уже отъ своего собственнаго лица въ «Дневникѣ писателя».

«Нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія», это послѣдняя самая законченная и самая развитая формула работы религіознаго сознанія Достоевскаго, высшая ступень его нравственныхъ исканій. Ею кончилъ Достоевскій, но не съ нея началъ. Въ высшей степени любопытно вскрыть живой психологическій источникъ религіознаго ученія Достоевскаго, сыскать психологическое основаніе его вѣры въ Бога и признанія личнаго безсмертія души. Для этого необходимо разсмотрѣть рѣшеніе религіозно-нравственной проблемы у Достоевскаго, не только въ окончательномъ, завершенномъ фазисѣ ея развитія, но прослѣдить еще самый процессъ развитія, начиная съ исходной точки, съ эмбріона. Въ эмбріональномъ фазисѣ своего развитія основная проблема ставится Достоевскимъ, только какъ моральная проблема личности, безъ примѣси религіознаго вопроса о Богѣ и безсмертіи. Начальный пунктъ этого фазиса—«Бѣдные люди», конечный—«Записки изъ подполья», Вѣра въ человѣка, въ моральную неприкосновенность личности, развившаяся впослѣдствіи въ страстную религіозную жажду вѣры въ Бога и личное безсмертіе, рельефно выразилась здѣсь, и выразилась въ чистомъ видѣ, не осложненная позднѣйшими наслоеніями. Страстное увлеченіе человѣческой личностью, какъ высочайшей нравственной цѣнностью, здѣсь еще не углублено установленной впослѣдствіи тѣсной зависимостью нравственности отъ религіи, а также не затемнѣно еще грязнящими наслоеніями, нравственно-политическими элементами поклоненія дѣйствительности.

Поэтому-то здѣсь яснѣе всего можно различить психологическую основу религіозной вѣры Достоевскаго, тѣ первичные элементы его нравственнаго сознанія, изъ которыхъ въ конечномъ счетѣ развилось убѣжденіе въ необходимости допущенія догмата Бога и личнаго безсмертія. Въ своемъ собственномъ сознаніи, какъ видно изъ произведеній позднѣйшаго періода, Достоевскій логически подчиняетъ мораль религіи, этическую проблему религіозной, но эта логическая зависимость морали отъ религіи отвѣчаетъ совершенно обратной психологической зависимости. Какъ увидимъ далѣе, психологически религіозная проблема Достоевскаго родилась и окрѣпла на почвѣ нравственныхъ алканій, развилась изъ запросовъ совѣсти, но логически въ своемъ ученіи, въ его окончательной редакціи, Достоевскій подчинилъ моральную проблему религіознымъ догматамъ.

Въ послѣднихъ произведеніяхъ Достоевскаго, особенно въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и почти повсюду въ «Дневникѣ писателя», основная проблема его представляется намъ, какъ религіозная проблема прежде

всего. Постановка и рѣшеніе вопросовъ морали находятся здѣсь въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ религіозной вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души. Подчиненіе доходитъ вплоть до такихъ формулъ, какъ «нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія», или «любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ немыслима, непонятна и *совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой»* *). Но въ первомъ періодѣ литературной работы Достоевскаго, даже въ первыхъ произведеніяхъ послѣ каторги, въ «Запискахъ изъ мертваго дома» (1861—62 г.), въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» (1861 г.), въ «Запискахъ изъ подполья» (1864 г.) и другихъ менѣе значительныхъ произведеніяхъ, моральная проблема не была еще поставлена въ подчиненно-зависимое положеніе по отношенію къ религіознымъ вопросамъ. Здѣсь, какъ и въ произведеніяхъ перваго періода литературной дѣятельности Достоевскаго, мы находимъ все еще только мучительное болѣніе за живую человѣческую личность, неутолимую, но страстную жажду возстановить попранныя права этой личности, возстановить во всей истинной нравственной цѣнности униженное и оскорбленное жизнью индивидуальное «я» живого человѣка. Боль нравственныхъ алканій здѣсь до послѣдней степени обострена, моральная проблема осознана въ самыхъ глубинахъ своихъ, но все еще не получила религіознаго разрѣшенія. Эта горячая и убѣжденная апологія личности вызвала восторженное отношеніе къ первому произведенію Достевскаго у Бѣлинскаго, объ ней съ любовью и симпатіей отозвался Добролюбовъ въ своей статьѣ объ «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Но уже въ самомъ началѣ дѣятельности Достоевскаго его апологія личности заключила въ себѣ въ зачаточномъ состояніи всѣ тѣ элементы, которые разъединили Достоевскаго съ очень многими гуманными апологетами личности и гуманистическими ученіями.

Крайнее развитіе и обособленіе этихъ элементовъ привело въ концѣ концовъ Достоевскаго къ необходимости связать рѣшеніе моральнаго вопроса о попранной индивидуальности съ религіозной вѣрой въ Бога и безсмертіе души. Специфическія черты его срастной апологіи личности особенно явственно сказались въ «Запискахъ изъ подполья». Здѣсь поворотный пунктъ развитія основной проблемы Достоевскаго. Долгая и упорная тяжба за права человѣческой личности выразилась въ этомъ произведеніи во всей крайности и остротѣ, но исключительно пока въ формѣ чисто этическаго тезиса, полагающаго въ человѣческой индивидуальности высшую нравственную цѣнность. Далѣе уже въ слѣдующемъ крупномъ произведеніи Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе», этотъ этическій тезисъ получаетъ религіозное обоснованіе.

Муза Достоевскаго, въ самомъ дѣлѣ, «любитъ людей на чердакахъ

---

*) Курсивъ Достоевскаго „Дневникъ писателя“ 1879 г. Декабрь стр. 499. Страницы вездѣ указываются по шеститомному изданію 1885 года.

и подвалахъ и говорить о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: «вѣдь это тоже люди, ваши братья!», какъ говоритъ объ этомъ Бѣлинскій. «Достоевскій нашелъ возможность подсмотрѣть живую душу въ отупѣвшихъ, одереневѣвшихъ чертахъ своихъ героевъ», какъ отмѣтилъ это Добролюбовъ. «Любя людей на чердакахъ» и «подсматривая живую душу въ отупѣвшихъ, одеревенѣвшихъ чертахъ своихъ героевъ», Достоевскій создалъ свой культъ личности.

Много страданій и мученій человѣческихъ видѣлъ Достоевскій, глубоко проникалъ въ нихъ и больно мучился ими, много страдалъ и мучился самъ. Онъ былъ мученикомъ не только мучимыхъ, но также, особенно во второй періодъ своей литературной работы, и мученикомъ мучившихъ. Онъ проникалъ въ самую глубь какъ *мученичества*, такъ и *мучительства*, онъ спускался своимъ пытливымъ творческимъ геніемъ въ страшныя, бездонныя глубины, какъ страданій мучимыхъ и мучениковъ, такъ и жестокости мучителей. И въ этихъ бездонныхъ глубинахъ души человѣческой вскрывалъ такія точки, гдѣ страданіе граничитъ съ наслажденіемъ, гдѣ созерцаніе человѣческихъ мученій вызываетъ жестокость и даже озлобленіе на самого страдальца, гдѣ любовь встрѣчается съ ненавистью.

Но среди необъятной бездны ужасныхъ мученій болѣе всего притягивало къ себѣ вниманіе Достоевскаго униженіе личности, образъ человѣческій, искаженный страданіемъ до полной потери всего человѣческаго. Смотря на страдающее человѣчество, Достоевскій не о счастіи и благоденствіи его мечталъ; распаленный видомъ человѣческаго униженія, онъ мучился неутолимой жаждой возстановить попранныя права человѣка, найти нравственное удовлетвореніе для индивидуальныхъ обидъ. Онъ не видѣлъ ничего выше человѣческого достоинства личности, никакое эмпирическое содержаніе этой личности, никакіе атрибуты и условія ея существованія съ его точки зрѣнія не должны быть поставлены на мѣсто самой личности, непремѣнно живой и индивидуальной, а не абстрактной или суммарно взятой въ грядущемъ безликомъ человѣчествѣ. Достоевскій не хочетъ подчинить личность ея благу, не хочетъ поставить счастье или благоденствіе на мѣсто самой личности. Въ своемъ теперь уже почти религіозномъ культѣ индивидуальнаго «я» онъ не хочетъ отдать свободную личность, за благоденствіе, за разумъ, за науку. Онъ хочетъ возвеличить личность, какъ высшую цѣнность, божественную цѣнность, которую нельзя предать ни за какія блага міра, потому что выше ея нѣтъ благъ, потому что цѣнность ея не можетъ быть ослаблена ни страданіями, ни несчастіями, которыя можетъ доставить неподкупное служеніе ея культу.

Именно эта идея автономности личной воли, хотя бы капризной, неразумной и вздорной, отстаивается въ «Запискахъ изъ подполья». Подпольный человѣкъ доводитъ свои выводы до крайнихъ, самыхъ

острыхъ, раздраженныхъ выраженій; но то, что защищаетъ этотъ подпольный человѣкъ, и самому Достоевскому «выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приноситъ явный вредъ и противорѣчитъ самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ, потому что во всякомъ случаѣ сохраняетъ самое главное и самое дорогое, то-есть нашу личность и нашу индивидуальность» *). А гармонія этой «нашей личности и нашей индивидуальности» съ разсудкомъ, съ истиной, съ міромъ внѣшней дѣйствительности, съ выгодой, съ благоденствіемъ—уже вопросъ подчиненный. «Хотѣніе, конечно, можетъ, если хочетъ, сходиться съ разсудкомъ», это уже право ея свободы, но если и не сойдется, то подпольный человѣкъ, да, какъ увидимъ послѣ еще съ большей очевидностью, и самъ Достоевскій, предпочтетъ остаться съ хотѣніемъ своимъ, съ личностью, а не съ ея разсудкомъ, не съ истиной, не съ благоденствіемъ. «Сознаніе, по моему, есть величайшее для человѣка несчастье, но я знаю, что человѣкъ его любитъ, и не промѣняетъ ни на какія удовольствія». Это не просто отрицаніе разума и науки, порядка, счастья и благоденствія, это страстная апологія индивидуальности, несмотря ни на что, это не отрицаніе субботы, но только подчиненіе ея человѣку, полное подчиненіе съ правомъ нарушить субботу, разъ захочется это человѣку; потому что нѣтъ ничего выше самой человѣческой личности: человѣкъ выше субботы, не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. «Стою я,—говоритъ подпольный человѣкъ,—за свой капризъ и за то, чтобы онъ мнѣ былъ гарантированъ, когда понадобится». Но можетъ быть, онъ совсѣмъ никогда не понадобится, суббота можетъ оставаться никогда не нарушенною, но все-таки—она для человѣка, а не онъ для нея.

Въ упорствѣ, съ которымъ подпольный человѣкъ отстаиваетъ свой капризъ, «чтобы онъ ему былъ гарантированъ, когда понадобится», нельзя видѣть только одну одичалость подполья. Ту же мысль и даже въ столь же крайней ея формулировкѣ можно встрѣтить у очень многихъ апологетовъ индивидуальныхъ правъ личности. Мысль эту раздѣляетъ, между прочимъ, Вл. Соловьевъ и защищаетъ ее съ тѣмъ же оттѣнкомъ парадокса, какъ и подпольный человѣкъ. Онъ настаиваетъ на «требованіи, чтобы высшее окончательное добро осуществлялось безъ всякаго внѣшняго принужденія, слѣдовательно, при извѣстномъ просторѣ выбора между добромъ и зломъ, или, выражаясь парадоксально—*высшая нравственность требуетъ нѣкоторой свободы и для безнравственности*, что и исполняется правомъ, обязывающимъ индивидуальную волю лишь къ минимальному, необходимому для общежитія, добру и ограждающимъ ее отъ всякой принудительной правиль-

*) Томъ II, „Записки изъ подполья“, стр. 87.

ности и насильственной святости—въ интересахъ истиннаго нравственнаго совершенства» *).

«Не сотвори себѣ кумира, ни на землѣ, ни въ небесахъ» и даже самаго совершеннаго кумира, потому что онъ все-таки искусно сдѣланный идолъ. Человѣкъ не можетъ быть подчиненъ ничему, что стоитъ ниже его, ни даже абстрактному человѣчеству будущаго, ни «хрустальному зданію» всеобщаго блаженства, противъ котораго подпольный человѣкъ очень раздраженъ.

Достоевскій уже здѣсь, въ философствованіи подпольнаго человѣка, намѣчаетъ неразрѣшимое для него, въ эту пору его жизни противорѣчіе между признаніемъ «нашей личности и нашей индивидуальности чѣмъ-то «самымъ главнымъ и самымъ дорогимъ» съ одной стороны, и безжалостнымъ, нелѣпымъ съ нравственной точки зрѣнія униженіемъ этой личности въ дѣйствительной жизни съ другой стороны. Достоевскій мучается здѣсь безысходнымъ противорѣчіемъ личности, какъ высшаго нравственнаго идеала, и личности, какъ существующаго факта. Какъ идеалъ человѣческая личность для него высшая цѣнность, конечная цѣль, которая ни къ чему не можетъ служить средствомъ, не можетъ быть подчинена никакимъ отвлеченнымъ идоламъ, какъ въ ней самой, такъ и внѣ ея. Наша личность и наша индивидуальность дороги подпольному человѣку Достоевскаго сами по себѣ, онъ чтитъ самоопредѣляющееся хотѣніе и во имя его требуетъ гарантировать ему даже капризъ, когда понадобится. Въ этихъ пунктахъ своей апологіи личности подпольный человѣкъ является страстнымъ и даже раздраженнымъ выразителемъ безстрастно-спокойной философіи кантовскаго практическаго разума: «Въ порядкѣ цѣлей человѣкъ (а съ нимъ и каждое разумное существо) *есть цѣль въ себѣ самомъ*, т.-е. никогда и никто (даже Богъ) не можетъ пользоваться имъ, только какъ средствомъ, не дѣлая его при этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлью, что, слѣдовательно, человѣчество въ нашемъ лицѣ должно быть для насъ *святымъ*, такъ какъ оно *субъектъ моральнаго закона*, значитъ, того, что въ себѣ самомъ свято, ради чего и въ соотвѣтствіи съ чѣмъ нѣчто вообще только и можетъ быть названо святымъ. Этотъ моральный законъ основывается на автономіи воли, какъ свободной воли, которая по общему закону вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо должна соотвѣтствовать тому, чему она должна подчиняться» **).

Но моральный законъ, въ признаніи котораго подполье сходится съ критикой практическаго разума Канта, сталкиваясь съ дѣйствительностью, упирается въ глухую стѣну необходимости, въ «каменную стѣну» законовъ природы. Личность, которою «никто и никогда, даже

---

*) „Оправданіе добра“, 1897 г., 616 стр.

**) Кантъ. „Критика практическаго разума“ (переводъ Н. М. Соколова), стр. 157.

Богъ, не можетъ пользоваться, только какъ средствомъ», становится очень часто слѣпымъ и жалкимъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, доводится до послѣдней степени униженія и оскорбленія. Культъ личности, какъ самаго дорогого святого, почти божественнаго начала, упирается въ холодную «каменную стѣну» силы фактовъ, безнаказанно попирающую моральный законъ собственной логикой естественной закономѣрности. «Невозможность — значитъ, каменная стѣна! Какая каменная стѣна? Ну, разумѣется, законы природы. выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, напримѣръ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужъ и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшаются подъ конецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предразсудки, такъ ужъ такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды два—математика. Попробуйте возразить

«Помилуйте, закричатъ вамъ, возставать нельзя: это дважды два четыре! Природа васъ не спрашивается, ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній и до того, нравятся ли вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ, какъ она есть, а слѣдственно всѣ ея результаты. Стѣна, значитъ, и есть стѣна... и т. д., и т. д.». Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что у меня каменная стѣна и у меня силъ не хватило» *).

Въ подпольѣ уже имѣется явственно различимый зародышъ позднѣйшаго бунта Ивана Карамазова противъ нравственно недопустимаго міра, противъ «грядущаго момента высшей гармоніи» человѣчества съ необходимостью по «законамъ природы» вытекающаго изъ необъятной массы жертвенныхъ гетокомбъ прошлаго и настоящаго. Протестъ противъ этой самой необходимости, противъ безкрылаго позитивизма, принимающаго дѣйствительность такою, какъ она есть, противъ наивнаго раціонализма, обоготворяющаго разумъ, — страстно заявляется подпольнымъ человѣкомъ. Этотъ подпольный человѣкъ — непримиримый бунтовщикъ...

«Какъ будто каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что дважды два четыре. О, нелѣпость нелѣпостей! То ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменныя стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзитъ примиряться; дойти путемъ

---

*) Т. II. „Записки изъ подполья“, стр. 80.

самыхъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ будто чѣмъ-то самъ виноватъ, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виноватъ, и вслѣдствіе этого, молча и безсильно скрежеща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть, никогда и не найдется, что тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда, — неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но, несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки, у васъ все-таки болитъ, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болитъ!» *).

Подпольный человѣкъ не хочетъ быть средствомъ, не хочетъ растворить свое индивидуальное *я* въ потокѣ естественной необходимости; въ своемъ нравственномъ культѣ свободы личнаго хотѣнія, онъ возмущенно и обиженно протестуетъ противъ роли «органнаго штифтика» и «фортопіанной клавиши». Онъ не допускаетъ, что можно «найти какую-нибудь формулу всѣхъ жизненныхъ хотѣній и капризовъ». Нравственное начало внутри его, его воля (моральный законъ внутри насъ—по Канту) требуетъ допущенія свободы (88 стр.), потому что нѣтъ для человѣка и въ человѣкѣ ничего выше и обаятельнѣе свободы человѣческаго хотѣнія.

Итакъ, уже въ «Запискахъ изъ подполья» явственно слышатся основные мотивы страстнаго протеста Достоевскаго противъ соціализма, атеизма, католицизма и вообще всѣхъ тѣхъ міропониманій, которыя, какъ представлялось ему, посягаютъ на автономность «нашей личности и нашей индивидуальности», слышатся тѣ же мотивы, которые пройдя сквозь всѣ его послѣдующія произведенія, выразились въ наиболѣе развитомъ и законченномъ видѣ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»... Конечно, въ результатѣ столь долгой и мучительной работы мысли, вынесенныя изъ «подполья», значительно развились и оформились и, главное, осложнились новыми, несуществующими ранѣе узорами и наслоеніями. Но все же это только развитіе того же самаго эмбріона, высшій фазисъ его роста.

Вѣдь, съ другой стороны, намѣченные нами здѣсь основные элементы подпольной апологетики человѣческой индивидуальности развились изъ первичнаго зародыша менѣе оформленнаго гуманизма «Бѣдныхъ людей», который, въ свою очередь, вылупился изъ яйца непосредственнаго чувства любви и участія къ людямъ.

Въ «Бѣдныхъ людяхъ» и другихъ произведеніяхъ перваго періода литературной работы Достоевскаго, и далѣе въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» и въ «Запискахъ изъ мертваго дома», мы видимъ у автора гораздо болѣе живой, непосредственной любви къ людямъ, непосред-

---

*) Тамъ же.

ственнаго гуманизма, чѣмъ въ «Запискахъ изъ подполья» *) и въ послѣдующихъ произведеніяхъ. Разложеніе непосредственности гуманнаго чувства любви къ людямъ зашло у Достоевскаго ко времени «Записокъ изъ подполья» и ближайшихъ за нимъ произведеній такъ далеко, что авторъ «жестокаго таланта» на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ произведеній вскрылъ въ творчествѣ Достоевскаго такіе элементы, которые часто совершенно отсутствовали въ раннихъ произведеніяхъ и потому остались вовсе незамѣченными Добролюбовымъ, знавшимъ Достоевскаго только до «Униженныхъ и оскорбленныхъ» включительно. На самомъ дѣлѣ, въ «Запискахъ изъ подполья» Достоевскій не столько любитъ человѣка непосредственной любовью, сколько увлеченно (подпольный человѣкъ даже до озлобленія) чтитъ въ нихъ святыню человѣческаго достоинства, отстаиваетъ неприкосновенное во всякомъ человѣкѣ, а не въ отвлеченныхъ только людяхъ грядущаго, начала личности и личной воли. Достоевскій не столько жалѣетъ мучимыхъ и униженныхъ страданіемъ людей, хотя, несомнѣнно, и жалѣетъ, сколько, главнымъ образомъ, уважаетъ въ нихъ человѣка; *сильнѣе болѣетъ ихъ униженіемъ, чѣмъ ихъ страданіемъ*, не жалостью любитъ, но любовью чтитъ, какой-то особенною любовью... не непосредственной, а выношенной въ подпольѣ отвлеченной мысли. Любовь эта ставитъ индивидуальность, свободу личности, ея человѣческое достоинство выше жалости къ ней, выше ея благоденствія, выше наслажденія. Въ любви такой есть элементъ нѣкоторой жестокости, нравственной строгости и ригористической требовательности. Она простирается на мучителей и мучимыхъ, потому что въ обоихъ оскорблено человѣческое достоинство, въ обоихъ униженъ человѣкъ и въ истязателѣ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ въ жертвѣ. Возможно, что именно злоупотребленіе свободой личнаго хотѣнія, святотатственное обращеніе съ самымъ дорогимъ и высшимъ, что только есть у человѣка, вызвало въ Достоевскомъ, какъ художникѣ, такой трепетно-жгучій интересъ къ мучительству; возможно, что художественное созерцаніе мучительства ожесточило его могучій талантъ;

---

*) Разсматривая „Записки изъ подполья“, мы не отожествляемъ, конечно, Достоевскаго съ подпольнымъ человѣкомъ. Біографическаго значенія въ узкомъ смыслѣ „Записки“ эти, конечно, не имѣютъ, какъ совершенно основательно настаивалъ на этомъ Ор. Ѳ. Миллеръ. Но для характеристики идейнаго роста Достоевскаго произведеніе это въ высшей степени цѣнно. Здѣсь труднѣе, чѣмъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ точно установить какія изъ мыслей, высказываемыхъ дѣйствующими лицами, раздѣляются самимъ авторомъ. Тутъ нѣтъ еще того точнаго корректива, какимъ можетъ служить для позднѣйшихъ произведеній „Дневникъ писателя“. Но несмотря на это, солидарность Достоевскаго съ нѣкоторыми мнѣніями своего героя не подлежитъ сомнѣнію. *Тяжба за человѣческую личность*, которую ведетъ подпольный человѣкъ со всѣми дѣйствительными и мнимыми посягательствами на нее, сочувственно поддерживается и самимъ Достоевскимъ.

возможно, что, истерзавшись безсильнымъ созерцаніемъ поруганной святыни своей, как въ униженномъ ликѣ жертвы, такъ и въ искаженномъ мучительствомъ обликѣ истязателя, художникъ начиналъ съ наслажденіемъ отчаянія еще и еще мучить несчастную жертву; возможно, наконецъ, какъ выражается въ озлобленности своего одиночества подпольный человѣкъ—*«дойти путемъ самыхъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной то стѣнѣ, какъ будто чѣмъ то виноватъ, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виноватъ и вслѣдствіе этого, молча и безсильно скрежеща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого»*.

Идея автономіи личности, культъ свободнаго, своего собственнаго хотѣнія, высиженный въ подпольѣ и доведенный подпольнымъ человѣкомъ до уродливостей и эксцессовъ, не есть еще та *любовь къ дальнему*, о которой много говорится въ послѣдующихъ романахъ Достоевскаго и которой намъ еще придется коснуться въ слѣдующей главѣ. Подпольный человѣкъ не объ абстрактномъ человѣчествѣ хлопочетъ, заботится не о людяхъ грядущаго, какъ сказалъ бы онъ—«хрустальнаго зданія», а за теперешняго человѣка, за себя «за свой капризъ, чтобы онъ былъ гарантированъ, когда понадобится», за ближняго стоитъ, а не за дальняго, за собственное, хотя глупѣйшее», за *свое* хотѣніе, за право быть самимъ собой, не насиловать своей индивидуальности. Въ любви подпольнаго человѣка, въ его заботѣ о сохраненіи индивидуальности есть еще другая особенность.

Если отвлеченный гуманизмъ, въ лицѣ иныхъ представителей его, можно упрекать за то, что онъ абстрактную личноть, благоденствіе грядущаго человѣчества или, какъ выражается Ницше, «послѣднихъ людей» ставитъ выше *живущей* личности, конкретнаго человѣчества, настоящихъ *живыхъ* людей, то подпольный философъ поставилъ выше человѣка *личное въ личности*, одно только ея индивидуальное, сверхчеловѣческое. Здѣсь именно тотъ пунктъ, гдѣ горячая апологія личности создаетъ своимъ до послѣдней степени обостреннымъ развитіемъ, какъ свое отрицаніе, культъ индивидуальныхъ особенностей въ личности, гипертрофію личнаго начала. Культъ этотъ уже заноситъ руку на самую личность, часто самъ того не замѣчая, онъ сближается съ такими элементами, противъ которыхъ первоначально направлялся,—приходитъ къ тому, противъ чего шелъ. Надъ личностью ставится здѣсь нѣчто взятое отъ самой личности и поднятое надъ ней, какъ высшее начало. Мечтая возвеличить личность, крайній индивидуализмъ очень часто унижаетъ ее, ставя выше самой личности ея собственное индивидуальное содержаніе. Мечтая подняться выше личности, спускается ниже ея, полагая нѣкоторую совокупность жизни выше самой жизни, возвышая нѣчто человѣческое, какъ сверхчеловѣческое, надъ

личностью живого человѣка. Такъ было съ Ницше, когда онъ, взобравшись на самыя обрывистыя вершины, на самыя опасныя крутизни сверхчеловѣческаго индивидуализма, сбрасывалъ съ нихъ человѣческую личность.

Всякій, внимательно прочитавшій «Записки изъ подполья», пойметъ, что Достоевскому стоило только сдѣлать нѣсколько шаговъ и онъ пошелъ бы по тому же пути, и человѣкъ былъ бы и у него сброшенъ съ Тарпейской скалы грядущаго человѣкобога-Uebermensch'а, принесенъ въ жертву сверхчеловѣческому. Но Достоевскій, заставивъ пройти по этой дорогѣ многихъ изъ героевъ слѣдующихъ за «Записками изъ подполья» романовъ, начиная съ героя «Преступленія и наказанія» Раскольникова, самъ для себя нашелъ иной исходъ. Человѣкъ и самимъ Достоевскимъ въ концѣ концовъ былъ также превзойденъ, какъ и у Ницше, но, превзойдя человѣка, онъ училъ не сверхчеловѣку, а Богу. Выдѣливъ личное въ личности и поставивъ его надъ самой личностью, объективируя индивидуальное начало въ человѣкѣ, какъ нѣчто сверхчеловѣческое, невольно обожествляя его, Ницше пришелъ къ своему аристократическому культу человѣкобога.

Достоевскій въ своихъ блужданіяхъ стоялъ бокъ-о-бокъ съ этимъ міропониманіемъ, соприкасался съ нимъ во многихъ точкахъ, но именно только соприкасался, а не сливался. Линіи его философскихъ узоровъ пересѣкаются съ линіями, идущими къ отвѣснымъ высотамъ ницшеанскаго индивидуалистическаго культа человѣкобога, но, въ концѣ концовъ, всегда расходятся и расходятся въ діаметрально-противоположныя стороны. Именно внѣшнее соприкосновеніе и пересѣченіе ихъ идей постоянно соблазняетъ изслѣдователей Достоевскаго и Ницше проводить параллели между ними и сближать элементы ихъ ученій, что не всегда удается. Общность конечныхъ выводовъ ихъ творческой работы очень обманчива, чаще всего совпадаютъ только, такъ сказать, абсолютныя величины этихъ выводовъ, но тамъ, гдѣ у Ницше стоитъ положительный знакъ, у Достоевскаго почти всегда отрицательный, и обратно.

Оба они вышли изъ до послѣдней степени обостреннаго культа личности, изъ страстнаго протеста противъ современныхъ ея апологетовъ, но пошли въ противоположныя стороны, и въ конечномъ счетѣ очутились на двухъ крайнихъ полюсахъ современной религіозной мысли. Эта полярная противоположность ихъ конечныхъ идей можетъ быть всего лучше выражена словами Достоевскаго, которыя, между прочимъ, г. Мережковскій поставилъ въ эпиграфѣ своего труда. «Произошло столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: человѣкобогъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій Христа». Не останавливаясь въ своемъ культѣ личности на человѣкѣ, Ницше нашелъ успокоеніе въ человѣкобогѣ, которымъ будетъ грядущій Uebermensch. Достоевскій

не столько нашелъ его, сколько искалъ и хотѣлъ найти въ Богочеловѣкѣ.

Но Достоевскій пришелъ къ идеѣ Богочеловѣчества, какъ къ конечному разрѣшенію моральной проблемы, не сразу. Въ «Запискахъ изъ подполья» и ранѣе, какъ мы уже говорили, моральная проблема поставлены имъ самостоятельно и независимо, внѣ подчиненія ея религіозному вопросу. Здѣсь вопросъ о моральномъ значеніи личности еще возможенъ для Достоевскаго самъ по себѣ. Правда, Достоевскій не даетъ его окончательнаго рѣшенія, а просто только ставитъ. Ясно только одно, что личность человѣческая и здѣсь для Достоевскаго высочайшая святыня, и здѣсь въ ней хранится «самое главное и самое дорогое» для него. Но эта идея идеальной цѣнности личности въ сознаніи подпольнаго человѣка встаетъ въ неразрѣшимый конфликтъ съ «каменной стѣной» всяческихъ «невозможностей» приложенія этой идеи къ дѣйствительности; очевидная нравственная самозаконченность этой морали противорѣчитъ незаконности ея съ точки зрѣнія «законовъ природы». И трагизмъ положенія въ томъ, что противорѣчіе по существу своему неустранимо не только для озлобленнаго, исковерканнаго подпольнымъ уединеніемъ сознанія подпольнаго человѣка, неустранимо не только въ виду особенныхъ его капризовъ и «глупѣйшихъ» «своихъ собственныхъ хотѣній», противорѣчіе существуетъ и для самого автора «Записокъ изъ подполья», и для большей части героевъ его послѣдующихъ произведеній, и вообще для всѣхъ людей, «чуть-чуть поднявшихся въ своемъ развитіи надъ скотами». *) Здѣсь одно изъ вѣковыхъ противорѣчій, мучающихъ человѣческое сознаніе, противорѣчіе идеала и дѣйствительности въ личности. Глубоко заложенное въ нравственномъ сознаніи человѣка, оно обнаруживается всякій разъ при столкновеніи идеальнаго принципа съ реальною жизнью. Высшая нравственная цѣнность человѣческой личности не можетъ быть обнаружена съ его наукой, законами природы, ариѳметикой и логариѳмами. «Законы природы постоянно и болѣе всего жизнь меня обижали», жалуется подпольный мыслитель. Разумъ, изучающій дѣйствительность, обнаруживаетъ только истину, а истина трезво и холодно указываетъ на «каменную стѣну», но это еще не вся правда, нравственная правда протестуетъ, не фактъ отрицаетъ, а не хочетъ дать ему оправдательную моральную санкцію, не принимаетъ его, ей «мерзитъ мириться» съ нимъ **).

Передъ изумленнымъ сознаніемъ намѣченное противорѣчіе ставитъ мучительную загадку. Идеалъ, созданный по естественнымъ законамъ

*) „Дневникъ писателя", стр. 499.

**) Въ „Запискахъ изъ подполья" мы находимъ краснорѣчиво выраженный протестъ противъ безграничныхъ претензій раціонализма. Протестъ этотъ повторяется въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Достоевскаго, до поученія Зосимы включительно.

дѣйствительности, отрицаетъ эту самую, сотворившую его дѣйствительность, сотворившую, очевидно, не по образу и подобію своему, не принимаетъ ее нравственно, не мирится съ ней, затѣваетъ бунтъ. Личность, плоть отъ плоти природы, естественно-необходимое звено въ цѣпи другихъ міровыхъ явленій, въ своемъ нравственномъ сознаніи противополагаетъ себя міру природы, какъ высшее начало; выше законовъ природы эта личность ставитъ свои собственныя моральныя требованія, непреклонныя даже и въ виду каменной стѣны невозможности.

Въ отношеніи ихъ, какъ полагаетъ подпольный человѣкъ, на этотъ разъ уже въ несомнѣнной солидарности съ Достоевскимъ, «хотѣть можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это уже моя идея)» *). Въ виду неприкосновенности идеи личности подпольный мыслитель непримиримо заключаетъ: «*Зачѣмъ же я устроенъ съ такими иллюзіями?* *) Неужели же я для того только и устроенъ, чтобы дойти до заключенія, что все мое устройство—одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю» ***).

Этотъ вопросъ много мучаетъ Достоевскаго; въ сущности не перестаетъ мучить до конца жизни. Но отвѣтъ на него онъ уже опредѣленно ищетъ въ религіозномъ разрѣшеніи нравственнаго вопроса. Именно здѣсь Достоевскій ищетъ незыблемо-прочный опорный пунктъ для своего культа свободнаго достоинства человѣка и самозаконности его человѣческой воли. Въ Богѣ и личномъ безсмертіи пытается Достоевскій найти, какъ увидимъ дальше, прочное основаніе для своей апологіи личности, поднявъ нравственное значеніе ея до степени божественнаго начала.

Въ этомъ пунктѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, Достоевскій сходится съ родственнымъ ему идейно, но совершенно чуждымъ психологически, русскимъ философомъ Вл. С. Соловьевымъ. Они сошлись на идеѣ Богочеловѣчества, но только Вл. Соловьевъ изъ непоколебимой вѣры въ Бога вывелъ свой божественный культъ личности, Достоевскій, напротивъ, отъ страстной апологіи «нашей личности и нашей индивидуальности» пришелъ къ необходимости увѣровать въ Бога и личное безсмертіе. Соловьевъ шелъ отъ Бога къ человѣку. Достоевскій пытался перейти отъ человѣка къ вѣрѣ въ Бога.

«Человѣческое *я* безусловно въ возможности и ничтожно въ дѣйствительности» ****), это противорѣчіе, очень близкое по существу къ основной идеѣ «Записокъ изъ подполья», съ точки зрѣнія Вл. Соловьева разрѣшимо только въ идеѣ Богочеловѣчества. Къ исповѣданію его должно, по мысли Соловьева, придти всякое послѣдовательно про-

---

*) Курсивъ мой. Стр. 86, томъ I.

**) Курсивъ мой.

***) Стр. 31, т. II.

****) Вл. Соловьевъ. „Собр соч.“, т. III, стр. 19.

веденное ученіе о безусловномъ моральномъ значеніи личности. Здѣсь «христіанство сходится съ современной мірской цивилизаціей».

«Зачѣмъ я устроенъ съ такими желаніями? недоумѣваетъ по своему и подпольный человѣкъ Достоевскаго.—Неужели-жъ я для того только и устроенъ, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю».

И не вѣритъ, потому что глубоко убѣжденъ, что дѣйствительное живое лицо, каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ безусловное божественное значеніе. Полнаго раскрытія этого мучительнаго противорѣчія «безусловности человѣческаго я въ возможности и ничтожества его въ дѣйствительности» Достоевскій, подобно Соловьеву, искалъ въ концѣ концовъ въ допущеніи Бога. Вѣра въ человѣка ищетъ полнаго раскрытія нравственнаго смысла личности и разрѣшенія возможности въ «дѣйствительность», но встрѣчаясь съ каменной стѣной силы фактовъ, обращается, какъ къ послѣдней надеждѣ, къ вѣрѣ въ Бога.

Далѣе, разсматривая основную проблему Достоевскаго въ ея завершенномъ видѣ, когда она всецѣло уже перенесена съ моральной почвы на религіозную, увидимъ, какимъ образомъ у Достоевскаго изъ вѣры въ человѣка вытекаетъ его религіозная жажда вѣрить въ Бога, жажда всю жизнь его потомъ мучившая.

Зачатая въ мукахъ творчества «Бѣдныхъ людей», вó-время орошенная обильнымъ, но недостаточно осознаннымъ вліяніемъ великаго гуманиста Бѣлинскаго, индивидуализированная и осложненная въ углу подпольнаго одиночества и самолюбивой мнительности, углубленная, наконецъ, долгой каторгой и терніями мученическаго вѣнца, вѣра Достоевскаго въ человѣка перешла въ страстную жажду вѣры въ Бога, въ горячую проповѣдь Богочеловѣчества. «Человѣческое я безусловное въ возможности и ничтожное въ дѣйствительности» привело Достоевскаго къ допущенію догмата личнаго безсмертія, какъ единственно надежной опоры неприкосновенности личности. Личность эта для Достоевскаго, какъ и для Вл. Соловьева «сама, въ извѣстномъ смыслѣ, божественна, или точнѣе причастна божеству» *).

Здѣсь тотъ пунктъ, въ которомъ моральная проблема личности становится религіозной проблемой Бога. Идя дальше и дальше по этому пути, Достоевскій окончательно подчинилъ нравственный законъ религіозной вѣрѣ **). Въ своемъ безусловномъ подчиненіи нравствен-

---

*) Тамъ же, томъ III, стр. 17.

**) Интересно, что и Ницше, подходя къ вопросамъ съ другой, отрицательной стороны, также ставилъ въ связь мораль съ религіей; въ своемъ пониманіи христіанства онъ выставлялъ христіанскую мораль, какъ прямой логическій выводъ изъ основаній христіанской религіи, внѣ ихъ недопустимой безъ противорѣчій и насилій. Въ этомъ смыслѣ и Ницше по своему, съ другого конца также раздѣляетъ формулу Достоевскаго „нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія“, его отрицаніе нравственности внѣ Бога и т. п. мысли.

ности религіи Достоевскій дошелъ до крайнихъ выводовъ, существенно разнящихся отъ воззрѣній на этотъ предметъ Вл. С. Соловьева. Хотя русскій философъ стоитъ на той же религіозной точкѣ зрѣнія Богочеловѣка, къ которой въ конечномъ счетѣ пришелъ и Достоевскій, но авторъ «Оправданія добра» не только не рѣшается отрицать существованіе добродѣтели внѣ вѣры въ Бога и безсмертія, но прямо настаиваетъ на самостоятельномъ существованіи добра.

Мы видѣли уже, въ какомъ подчиненіи религіозной вѣрѣ находится у Достоевскаго моральный законъ любви къ человѣку. «Совѣсть безъ Бога есть ужасъ, она можетъ заблудиться до самаго безнравственнаго», выражаетъ онъ ту же тысль въ своей записной книжкѣ, размышляя о воззрѣніяхъ Кавелина *). «Если мы не имѣемъ авторитета въ вѣрѣ и во Христѣ, то во всемъ заблудимся» **), читаемъ мы тамъ же. «Нравственныя идеи есть. Онѣ вырастаютъ изъ религіознаго чувства, но одной логикой оправдаться не могутъ» **).

На почвѣ логики, науки, нравственныя идеи обоснованы быть не могутъ. Противорѣчіе, какъ его формулируетъ Соловьевъ, «человѣческаго я безусловнаго въ возможности и ничтожнаго въ дѣйствительности не можетъ быть разрѣшено однимъ только разумомъ». «На той почвѣ, на которой вы стоите, вы всегда будете разбиты. Вы тогда не будете разбиты, когда примите, что нравственныя идеи *есть* (отъ чувства, отъ Христа), доказать же, что онѣ нравственны, нельзя (соприкасаніе мірамъ инымъ)» **). «Убѣжденіе же человѣчества въ соприкосновеніи мірамъ инымъ, упорное и постоянное, тоже вѣдь весьма значительно» **). О томъ же говоритъ, какъ увидимъ далѣе, и старецъ Зосима въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Зародышъ «этой идеи есть уже и въ «Запискахъ изъ подполья» въ раздраженномъ протестѣ подпольнаго человѣка противъ некритическаго и безграничнаго расширенія компетенціи разума. «Разсудокъ, господа,—говоритъ онъ,—есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣніе есть проявленіе всей жизни, то-есть всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хотя жизнь наша, въ этомъ проявленіи выходитъ зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, то-есть какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить» ***).

Къ такимъ выводамъ привелъ Достоевскаго его культъ человѣче-

---

*) „Біографія, письма и записки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго", изд. 1883 года, стр. 371.

**) Тамъ же, стр. 374.

***) Томъ II, „Записки изъ подполья", стр. 87.

ской личности, зачатый въ «Бѣдныхъ людяхъ», индивидуализированный въ «Запискахъ изъ подполья» и осложненный жаждой религіозной вѣры и критикой атеизма въ послѣднемъ періодѣ его жизни. Этотъ послѣдній періодъ религіозныхъ исканій, какъ мы уже говорили, исходитъ изъ «Записокъ изъ подполья»; уже въ нихъ, какъ мы узнаемъ изъ письма Өеодора Михайловича къ брату изъ Москвы отъ 26-го марта 1864 года, были мѣста, запрещенныя цензурой, въ которыхъ онъ «вывелъ потребность вѣры въ Христа». «С... и цензора, тамъ, гдѣ я глумился надъ всѣмъ и иногда богохульствовалъ *для виду* то пропущено, а гдѣ изъ всего этого я вывелъ потребность вѣры въ Христа—то запрещено» *). Достоевскій, вообще говоря, несомнѣнно всю жизнь чувствовалъ потребность этой вѣры, «всю жизнь его Богъ мучилъ», но особенно напряженно стала сказываться эта потребность вѣры, стали обостряться эти муки Богомъ въ заграничный періодъ его жизни (съ 67 по 71 г.). Это періодъ самой усиленной и напряженной работы религіознаго сознанія Достоевскаго, хотя онъ всю жизнь проявлялъ замѣтный интересъ къ религіознымъ вопросамъ. «Потребность вѣры во Христа» мы видимъ у него въ бесѣдахъ съ Бѣлинскимъ **), изъ петрашевцевъ онъ выдѣлялся своей религіозностью, въ каторгѣ съ нимъ была библія, и, явившись затѣмъ въ литературѣ послѣ каторги, изображая униженную личность человѣка, онъ, конечно, не забывалъ думать и о Богѣ. Но все-таки въ первое время центръ тяжести его болѣній лежалъ гораздо болѣе въ сферѣ моральныхъ, чѣмъ религіозныхъ вопросовъ. Моральная проблема не представлялась ему еще въ столь зависимомъ положеніи по отношенію къ религіозной вѣрѣ, какъ впослѣдствіи. Впервые явственно сказалась религіозная точка зрѣнія въ рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ въ «Преступленіи и наказаніи». Далѣе идетъ глубокая работа въ этомъ направленіи за границей. Здѣсь многое изъ того, что только чуть брезжило, едва показывалось на порогѣ сознанія, окончательно сформулировалось, перешло въ сознаніе, пріобрѣло ясность и убѣдительность. Много способствовали тому и внѣшнія условія жизни Достоевскаго. За границей «онъ очень усиленно работалъ и нуждался,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ Страхова;—но онъ имѣлъ покой и радость счастливой семейной жизни, и почти все время жилъ въ совершенномъ уединеніи, то-есть вдали отъ всякихъ значительныхъ поводовъ оставлять прямой путь развитія своихъ мыслей и глубокой душевной работы... Нѣтъ сомнѣнія, что именно за

*) „Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго“ Н. Н. Страхова, стр. 270.

**) „Дневникъ писателя“, стр. 150. Не въ нихъ однихъ надо искать объясненія слѣпой озлобленности, нѣкоторыхъ грубыхъ и непростительныхъ выходокъ Достоевскаго противъ памяти Бѣлинскаго. Всего болѣе въ этихъ нападкахъ сказывается самолюбивое раздраженіе Достоевскаго, доводящее его въ минуты озлобленности до явнаго насилія надъ свѣтлымъ и для него въ другія болѣе спокойныя минуты образомъ великаго русскаго человѣка.

границей, *при этой обстановкѣ и этихъ долгихъ и спокойныхъ размышленіяхъ, въ немъ совершилось особенное раскрытіе того христіанскаго духа* *), который всегда жилъ въ немъ. Въ его письмахъ подъ конецъ вдругъ раздались звуки этой струны; она стала звучать въ немъ такъ сильно, что онъ не могъ оставлять эти звуки для себя одного, какъ это дѣлалъ прежде. Объ этой существенной перемѣнѣ однако же, письма не даютъ полнаго понятія. Но она очень ясно обнаружилась для всѣхъ знакомыхъ, когда Ѳеодоръ Михайловичъ вернулся изъ за-границы. *Онъ сталъ безпрестанно сводить разговоръ на религіозныя темы* *). Мало того; онъ перемѣнился въ обращеніи, получившемъ большую мягкость и впадавшемъ иногда въ полную кротость. Даже черты его лица носили слѣдъ этого настроенія и на губахъ появлялась нѣжная улыбка» **).

Помимо этого субъективнаго впечатлѣнія Страхова о подъемѣ религіозной мысли Достоевскаго въ періодъ его заграничной жизни, говорятъ и тѣ произведенія, которыя написаны за это время и письмо его изъ-за границы. Въ 1868—69 году онъ написалъ «Идіота», вслѣдъ за нимъ появляется въ 1870 году въ I-й и II-й книгахъ «Зари» «Вѣчный мужъ», послѣдній, впрочемъ, болѣе интересный съ психологической, чѣмъ съ религіозной точки зрѣнія. Весь 1870 годъ Достоевскій занятъ «Бѣсами», которые печатаются въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1871 г. Въ письмахъ Достоевскаго этого періода его жизни изъ-подъ обычнаго обилія пространныхъ денежныхъ расчетовъ то и дѣло проскользаетъ то или иное замѣчаніе, обнаруживающее неослабное вниманіе Достоевскаго къ вопросамъ религіи и нравственности, атеизма и соціализма, которымъ и здѣсь Достоевскій интересуется болѣе всего съ точки зрѣнія его моральныхъ предпосылокъ. Здѣсь же, какъ видно изъ его писемъ къ А. Н. Майкову и Страхову, онъ задумалъ своихъ «Братьевъ Карамазовыхъ» подъ названіемъ «Житіе великаго грѣшника» ***). Въ письмѣ отъ 11-го декабря 1868 года изъ Флоренціи къ Ап. Майкову онъ пишетъ, что задумалъ огромный романъ «Атеизмъ». Называя то, что служило матеріаломъ чтенія Достоевскаго за границей, Страховъ пишетъ: «Ѳедоръ Михайловичъ во все время пребыванія за границею получалъ «Русскій Вѣстникъ», съ 1869 года и «Зарю». Но кромѣ того онъ читалъ и другія русскія книги. Нѣкоторыя были взяты имъ съ собой, напр., «Странствованіе инока Парѳенія», «Сочиненія Бѣлинскаго», «Исторія Россіи Соловьева»; другія онъ выписывалъ, напр. «Войну и Миръ» Л. Н. Толстого. Но *постояннымъ чтеніемъ его было Евангеліе* ****); онъ читалъ его по той самой книгѣ.

*) Курсивъ мой.

**) „Матеріалы", стр. 294—295.

***) См. письма къ А. Н. Майкову отъ 25-го марта 1870 г. (Дрезденъ) и письмо къ Н. Н. Страхову отъ 24-го марта того же года (стр. 233 и 288).

****) Курсивъ мой.

которую имѣлъ въ каторгѣ и съ которой никогда не разставался» *).

Вернувшись изъ-за границы Достоевскій пишетъ въ 1873 году свой «Дневникъ писателя», въ 1875 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатаетъ «Подростка», 1876 и 1877 годы сплошь заняты опять «Дневникомъ», въ 1879 и 1880 г. печатаются «Братья Карамазовы», наконецъ, еще нѣсколько нумеровъ «Дневника писателя» за 1880 и 1881 г. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ нравственная проблема личности, теперь окончательно ставшая религіозной проблемой Бога и личнаго безсмертія. Вмѣстѣ съ тѣмъ моральныя и политическія требованія Достоевскаго, еще не самостоятельныя и мало оригинальныя въ періодъ до каторги, неопредѣленно широкія и неоформленныя въ періодъ изданія журналовъ «Время» и «Эпоха», начавшія конкретизироваться и пріобрѣтать индивидуальную окраску въ «Идіотѣ» и «Преступленіи и наказаніи», теперь окончательно отливаются въ ученіе «почвенности» съ ея специфическимъ общественнымъ и политическимъ душкомъ.

Интересно было бы, конечно, разсмотрѣть развитіе основной проблемы Досстоевскаго, слѣдя шагъ за шагомъ за всѣми новыми отложеніями и наслоеніями, осложняющими ее въ каждомъ изъ его произведеній. Но для сокращенія размѣровъ статьи и въ виду избѣжанія повтореній намъ можно будетъ перейти теперь же къ самой послѣдней и окончательной фазѣ развитія основной проблемы Достоевскаго, къ карамазовскому вопросу, возвращаясь къ тому или другому изъ предшествующихъ произведеній промежуточнаго періода между «Записками изъ подполья» и «Братьями Карамазовыми» только попутно для пополненія и разъясненія. Здѣсь страшно напряженная работа религіозно-нравственнаго сознанія достигаетъ своего завершенія. Задуманная въ 70-хъ годахъ за границей работа эта, и то только въ одной первой своей части (предполагалось нѣсколько романовъ), увидѣла свѣтъ только чрезъ десять лѣтъ.

Внимательное разсмотрѣніе карамазовскаго вопроса поможетъ намъ, во-первыхъ, выяснить окончательную постановку религіозно-нравственной проблемы Достоевскаго въ послѣднемъ, наиболѣе зрѣломъ выраженіи, во-вторыхъ, еще рельефнѣе обнаружить психологическій источникъ жажды Бога и безсмертія души—горячую апологію моральной неприкосновенности личности.

Волжскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) „Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго“ Н. Н. Страхова, стр. 298.

БОРЬБА ДУШЪ.

Романъ Густава Гейерстама.

Пер. со шведскаго **З. Зеньковичъ.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Окончаніе* *)

VII.

Вернувшись въ гостиную, Берта застала мужа прилежно читающимъ вечернюю газету. Выраженіе его лица изобличало полнѣйшее спокойствіе, и отнюдь не напоминало утренняго волненія.

Онъ разсѣянно поднялъ глаза, кивнулъ и продолжалъ прерванное чтеніе. Вдругъ онъ вздрогнулъ, какъ будто наткнулся на что-то непріятное, и все-таки дочиталъ до конца. Мысли его были далеко, и Берта чувствовала, что онъ, въ сущности, не сознаетъ окружающаго.

Берта слѣдила за движеніями мужа, за игрой его лица; отъ ея вниманія не ускользнулъ горячій блескъ его глазъ, блѣдность и судорожное подергиванье подбородка. При этомъ она не думала о словахъ доктора, не думала объ угрожающей опасности. Напряженіе этого долгаго дня въ связи съ тѣми новыми впечатлѣніями, которыя ей пришлось пережить, наполнило ея душу жуткимъ ожиданіемъ. Отчего бы мужу не услышать голоса, такъ громко говорившаго въ душѣ жены? Ей міръ теперь представлялся совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ; что же невозможнаго, что и Кристіанъ измѣнился? Вокругъ громоздился безграничный, непостижимый ужасъ. Перемѣна неминуемо должна явиться. Но что именно измѣнится?

— Почему ты на меня смотришь?—вдругъ спросилъ Мордтманъ.

Берта, не отвѣчая, спросила въ свою очередь:

— Что ты читалъ?

— Свой отвѣтъ.

— Отвѣтъ?

— Разумѣется, —нетерпѣливо продолжалъ Мордтманъ. — Или ты

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май 1905 г.

полагаешь, что подобныя клеветническія измышленія можно оставлять безъ отвѣта? Или ты находишь, что я могу не безпокоиться?

Повинуясь внезапному порыву, Берта сѣла подлѣ мужа, положила руку ему на плечо и проговорила умоляющимъ тономъ:

— Кристіанъ, скажи мнѣ, какъ все обстоитъ?

— Это не легко сдѣлать,—отвѣтилъ Мордтманъ.—Посмотри сперва въ газету. Я ходилъ сегодня въ редакцію, сидѣлъ цѣлый часъ, объяснялъ. Какой же результатъ? Этотъ мошенникъ далъ мнѣ честное слово, что напечатаетъ мое возраженіе слово въ слово. Разумѣется, онъ не сдержалъ своего обѣщанія. Когда же люди сдерживаютъ свои слова? Вслѣдъ за моимъ уходомъ онъ вычеркнулъ самое важное, и въ моемъ освѣщеніи дѣло оказалось еще болѣе безнадежнымъ. Я наказанъ за собственную глупость. Мнѣ слѣдовало купить его.

Мордтманъ всталъ и взволнованно прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Проходя мимо электрическаго звонка, онъ нажалъ кнопку и держалъ, пока не пришла горничная.

— Подайте, пожалуйста, виски,—приказалъ онъ другимъ тономъ.

Едва дѣвушка вышла, онъ продолжалъ:

— За деньги все можно имѣть. Честь, совѣсть, доброе имя, почетъ, довѣріе согражданъ. Все.

Берта пала духомъ. Она не знала, въ чемъ дѣло, не знала, кого онъ имѣлъ въ виду. Притаившись она ждала, когда разгладятся морщины на лицѣ мужа, когда шаги его станутъ ровнѣе, и, наконецъ, спросила:

— Ты не хочешь сказать мнѣ, какъ обстоятъ дѣла? Откуда грозитъ опасность?

Кристіанъ не спѣша выпилъ стаканъ.

— Со стороны моихъ заграничныхъ отношеній. Я потерялъ кредитъ. Мнѣ нужно время, только время. Я знаю, кому я обязанъ всѣмъ этимъ. Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей твоихъ обѣдовъ былъ недавно за границей. Какъ разъ во время моей болѣзни и моего отъѣзда. Мнѣ къ возвращенію подготовили сюрпризъ. Теперь всѣ накинутся на меня. Мнѣ нечѣмъ защищаться. Но завтра тоже будетъ день. У тебя есть тріоналъ?

Берта кивнула въ отвѣтъ. Казалось, молчаніе жены еще болѣе раздражало Мордтмана, и онъ продолжалъ, словно чувствуя необходимость защищаться:

— Или ты думаешь, что теперь время беречь свои силы? Теперь у меня въ распоряженіи не годы, не недѣли, не дни даже, а только часы.

Онъ подошелъ къ столу и схватилъ графинъ. Не глядя налилъ съ полстакана, долилъ водой и выпилъ.

— Не будешь ли ты добра отыскать мнѣ порошокъ?—попросилъ онъ болѣе ровнымъ тономъ.

Когда фру Берта отыскала и принесла лекарство, Мордтманъ сп–

дѣлъ, опершись локтями на столъ, опустивъ голову на руки. Казалось, онъ спитъ.

Услышавъ шаги жены, онъ нѣсколько измѣнилъ положеніе и тяжелымъ взглядомъ обвелъ комнату.

Вся его поза невольно напомнила Бертѣ большую комнату въ отелѣ, она увидѣла мужа въ креслѣ передъ каминомъ, услышала завыванія вѣтра... Она невольно остановилась и посмотрѣла на него. Казалось, онъ опять не сознавалъ ея присутствія, хотя только что жестомъ далъ понять, что замѣтилъ ее. Снова его взоры были устремлены въ міръ, населенный созданіями его фантазіи. Время отъ времени губы его шевелились, двигались личные мускулы, будто безсознательно отражая тайный разговоръ. Минутами онъ затихалъ, поглаживая бороду, съ застывшимъ выраженіемъ лица, будто прислушивался къ какимъ-то другимъ, невнятнымъ голосамъ. Потомъ губы опять начинали шевелиться, на лицѣ быстро смѣнялись выраженія, ротъ кривился усмѣшкой.

Берта не въ силахъ была отвести глазъ отъ лица мужа.

Одинъ видъ этихъ страданій, которыхъ ей не дано было дѣлить, повергалъ ее въ бездну адскихъ мученій.

Она чувствовала себя безсильной, безпомощной, въ отчаяніи.

Какъ утопающій хватается за спасительную доску, старалась она удержаться на поверхности, но чувствовала, что доска ускользаетъ, чувствовала, что она слишкомъ поздно узнала то, что ей стало извѣстно только теперь.

Все кончено. Никогда между ними не будутъ произнесены спасительныя слова. Какъ бы громко она ни звала, онъ полонъ своими мученіями и никогда не услышитъ ея голоса.

Вдругъ она замѣтила, что выраженіе страданія стало исчезать съ лица мужа. Мускулы разгладились, въ глазахъ потухъ лихорадочный блескъ, губы сомкнулись. Долго ждала Берта, пока ей, наконецъ, удалось поймать взглядъ мужа, усталый, измученный (словно онъ помнилъ все, что произошло), но человѣческій, грустный и ясный.

— Ты не знаешь, что со мною дѣлается,—вырвалось у него.

Берта вздрогнула. Какъ давно уже она не слышала этого голоса. Она узнала его, вспомнила, какъ нѣкогда этотъ самый голосъ шепталъ ласковыя рѣчи кому-то, кого она не сознавала самой собою... Такъ это было давно, что настоящее, повидимому, не имѣло съ нимъ ничего общаго. У нея не хватило духу отвѣтить, она молча подошла къ мужу и стала гладить его горячую голову.

— И это уже давно Берта,—замѣтилъ Мордтманъ.

Тихонько онъ взялъ руку жены и прижалъ ее къ волосамъ.

— Да, да,—продолжалъ онъ,—мы отдалились другъ отъ друга, и вина не твоя. Можетъ быть, ты приписываешь ее мнѣ. Ужъ таковы всѣ мы, люди, всегда стараемся свалить съ себя вину.

Мордтманъ говорилъ спокойно, хладнокровно. Но быстрыя перемѣны въ его настроеніи кажутся женѣ чѣмъ-то неестественнымъ. Въ то же время она знаетъ, такова его натура. Отъ тепла къ холоду, отъ нѣжности къ суровости, отъ ярости къ любви. Въ этихъ противоположностяхъ и скрывалась та сила, которая впервые приковывала ее къ этому человѣку. Согласившись раздѣлить его чувство, она пошла навстрѣчу опасности. Однако, и теперь, послѣ того, какъ онъ огненнымъ вихремъ пронесся чрезъ ея жизнь, сжегъ ея надежды и мечты, она чувствуетъ, что даже и теперь онъ сохраняетъ надъ нею ту власть, которая будитъ воспоминаніе о порвомъ поцѣлуѣ, о первыхъ, ничѣмъ не омрачаемыхъ, дняхъ любви. Она забыла все, что было, забыла собственныя слова, забыла свои ошибки, проступки и живетъ исключительно чувствомъ, которое въ ней пробудили эти слова.

Кристіанъ отпустилъ ея руку.

— Сядь здѣсь,—сказалъ онъ, притягивая ее поближе къ себѣ.— Не скоро случится намъ съ тобою поговорить, какъ теперь. Запомни: если что-нибудь случится, если случится самое худшее,—на твое имя имѣется вкладъ. Документы лежатъ въ письменномъ столѣ, въ нижнемъ лѣвомъ ящикѣ. Этого никто не можетъ отъ тебя отнять. Вкладъ невеликъ,—мнѣ не удалось сдѣлать всего, что я желалъ. Въ сущности, я не достигъ ничего, къ чему стремился. Все времени не хватало. А между тѣмъ я никогда не отдыхалъ.

Онъ тяжело перевелъ духъ, и Берта спросила:

— Что, думаешь ты, можетъ случиться? Что считаешь ты самымъ худшимъ?

Лицо Кристіана исказилось отъ невыразимой боли:

— Молчи, молчи,—заговорилъ онъ.—Не спрашивай. Дай мнѣ успокоиться, забыться. Иначе мнѣ не заснуть сегодня. Завтра я долженъ быть сильнымъ, долженъ надѣяться на свои нервы. Я только скажу тебѣ, что я думаю. Я давно уже собирался сдѣлать. *Это* началось, когда я былъ молодъ, здоровъ. Я говорилъ себѣ: я проработаю десять, пятнадцать лѣтъ, столько-то я, конечно, выдержу. А потомъ я брошу все, заберу тебя и Юнгве, стану жить только для васъ и для того, о чемъ я не смѣлъ и вспомнить, на что не смѣлъ и смотрѣть за всѣ эти годы, пока я игралъ свою роль. Такъ я думалъ. Но видишь — я не выдержалъ. Давно, давно уже во мнѣ что-то надломилось. Не помню, когда именно это случилось. Но съ той поры я пересталъ быть человѣкомъ, я сталъ машиной, которая работала, пока хватало топлива. Теперь запасъ топлива истощился. Я сдѣлаю послѣднее усиліе, чтобы выпутаться, покончить со всѣмъ, найти уголокъ, гдѣ я могъ бы сидѣть въ покоѣ и забвеніи. Я ни на что не надѣюсь и никогда больше не буду надѣяться. Ты можешь быть довольна. Я знаю, въ теченіе долгаго времени, пожалуй, еще и сегодня утромъ, ты... мы надѣялись...

Слезы застилаютъ глаза Берты. Она протянула руки и матерни-

скимъ жестомъ прислонила голову мужа къ своей груди. Несчастье соединило тѣхъ, кого разъединяло то, что люди называютъ счастьемъ, къ чему стремятся.

— Бѣдный Кристіанъ!—только и могла она сказать и нѣсколько разъ повторила:—бѣдный Кристіанъ!

Мордтманъ поднялъ голову и встрѣтилъ взглядъ жены.

— Берта!—воскликнулъ онъ.—Неужели ты еще что-нибудь чувствуешь ко мнѣ?

— Да, да,—отвѣтила жена.

И въ эту же минуту она нашла въ себѣ мужество спросить:

— Скажи мнѣ только одно, Кристіанъ, ты здоровъ? Ты можешь перенести это?

Черты лица Мордтмана прояснились и изъ груди вырвался вздохъ облегченія. Больше ему не нужно лгать, не нужно притворяться. Жена знаетъ его положеніе и не боится его. Все въ его глазахъ измѣнилось, онъ самъ, весь міръ вокругъ сталъ инымъ. Такъ необычайно было испытанное имъ чувство освобожденія.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Ты можешь быть спокойна. Я могу временами уставать, но то, что было, уже не повторится.

Они избѣгаютъ встрѣчаться глазами другъ съ другомъ, но оба знаютъ, что теперь все сказано, и это чувство поднимаетъ ихъ надъ всѣмъ остальнымъ.

— Мы когда-нибудь опять поговоримъ объ этомъ,—говоритъ Кристіанъ.—А теперь уже поздно. Мнѣ нужно спать.

Съ этими словами онъ взялъ со стола порошокъ тріонала и вышелъ.

Послѣ его ухода фру Берта потушила электричество и пошла къ себѣ. Ей казалось, что она никогда прежде не представляла себѣ, какъ близко люди могутъ подойти другъ къ другу.

VIII.

Въ этотъ самый вечеръ Шарлота Аабель сидѣла въ своей одинокой комнаткѣ, пріютившейся въ одномъ изъ старыхъ сѣрыхъ домовъ въ кварталѣ Королевскаго Холма.

Она сидѣла и смотрѣла на погруженную въ сумерки улицу. Прохожіе скользили, какъ тѣни, воздухъ прорѣзывали рѣзкіе свистки паровозовъ, грохотъ поѣздныхъ колесъ, а съ другой стороны доносилась грустная музыка шарманки, повторявшая заигранный старый мотивъ.

Старушка привыкла къ этому разнообразію звуковъ; они не безпокоили ее. Въ своемъ одиночествѣ она сохранила деревенскую привычку какъ можно дольше не зажигать лампу. А въ этотъ вечеръ она, кромѣ того, была такъ полна всѣмъ, что ей пришлось увидѣть

и пережить за день, что ей было о чемъ подумать помимо грустной темы, занимавшей ее изо дня въ день. Она любила сумерки, потому что впечатлѣнія укладывались и давали ей возможность успокоиться, осмотрѣться.

Когда фру Аабель оглянулась, ея глазамъ, привычнымъ къ свѣту, комната показалась еще темнѣе, нежели была въ дѣйствительности. Въ ту же минуту часы пробили шесть и она встала, чтобы зажечь лампу. Такъ дѣлала она въ теченіе всѣхъ этихъ дней, такъ поступила и сегодня. Она берегла письмо до этой минуты. Она не хотѣла читать его, пока не отдохнетъ, не освободится отъ постороннихъ мыслей, которыя могутъ ей помѣшать. Она была рада, что письмо тутъ, подлѣ нея, что она можетъ взять его въ любой моментъ. Оно дастъ ей отвѣтъ на всѣ вопросы, нароставшіе и мучившіе ее за всѣ эти долгіе годы.

На столикѣ у окна стояла ярко-освѣщенная фотографія, передъ нею лежала библія и псалтирь. Портретъ изображалъ юношу съ коротко остриженными торчащими волосами, съ неправильными чертами угловатаго лица, освѣщеннаго парой большихъ глазъ. Стоило попристальнѣе всмотрѣться въ фотографію, и доброта этого лица выступала явственнѣй; вы видѣли умный лобъ и кроткіе глаза. Но всего характернѣе была мягкость, которая могла перейти въ горечь или слабость, раздумье, которое могло зажечь душу, лихорадочный жаръ, который могъ спалить.

Долго смотрѣла она на письмо, прежде чѣмъ начала читать, а когда наклонилась, чтобы лучше видѣть, ея старыя руки такъ дрожали, что она должна была положить листки на столъ, на книгу.

IX.

Вотъ что она прочла:

«Теперь осень и дни короче. Я люблю это время, потому что жизнь меня не манитъ. Во мнѣ все затихаетъ и я безъ тревоги могу думать о томъ, что было и что есть. Тогда мнѣ хочется писать тебѣ, Берта, и я пишу, рискуя даже тѣмъ, что чужой, холодный взоръ встрѣтитъ эти листки, что письмо мое даже не попадетъ тебѣ въ руки.

«Изъ прежнихъ друзей никто, кромѣ тебя, не вспомнилъ обо мнѣ. Правда, есть еще одна старушка, ты ее встрѣтила здѣсь и она передала мнѣ твой поклонъ. Она не можетъ не приходить, потому что она моя мать. Каждый ея приходъ бередилъ мою рану, и я дѣлалъ надъ собою усилія, чтобы не выдавать своего волненія.

«Немного осталось отъ того человѣка котораго звали Торстенъ Аабель, и ничто не мучитъ меня въ такой степени, какъ надпись въ моей камерѣ. Однако я не хочу, чтобы ты думала, будто мнѣ здѣсь тяжело.

«Жить въ тюрьмѣ, выполнять принудительныя работы гораздо лучше, чѣмъ обыкновенно думаютъ тѣ, кто не испытывалъ этого. Тюрьма не такова, какою воображаютъ ее себѣ тѣ, кто съ ужасомъ и отвращеніемъ думаетъ о содержимыхъ въ ней.

При всѣхъ дурныхъ сторонахъ дѣйствительность имѣетъ нѣчто примиряющее, успокаивающее. Я видѣлъ здѣсь много добра и по выходѣ отсюда я часто буду думать о тѣхъ, кого здѣсь узналъ, о томъ, что я здѣсь видѣлъ. Я думаю, что въ этихъ воспоминаніяхъ не будетъ горечи, я не буду чувствовать себя жертвой. Много могъ бы я здѣсь пріобрѣсти, гораздо больше нежели можно выразить словами.

«Мои страданія не были слѣдствіемъ моего заключенія. Моя пытка началась съ того момента, когда я сознавъ, что мое преступленіе гораздо больше того, за которое я понесъ кару. Много прошло времени пока я понялъ это.

* * *

«Есть натуры, Берта, которымъ необходима тяжелая жизненная школа чтобъ изъ нихъ что-нибудь вышло, а есть и такія, которыя могутъ прожить всю жизнь, даже не подозрѣвая, что въ нихъ кроется. Я долго жилъ здѣсь и постигъ одно—благодѣтельное значеніе работы и однообразія. Я постигъ, что душа для роста нуждается въ покоѣ, что душа человѣка можетъ жить среди позора и униженія. Какъ ни одиноко я жилъ здѣсь, я видѣлъ много народу, съ многими говорилъ. Я былъ утомленъ до глубины души и вначалѣ могъ мало размышлять. Меня преслѣдовалъ стыдъ, чувство для меня совершенно новое, которое я испытывалъ предъ тѣми, съ кѣмъ мнѣ приходилось встрѣчаться, съ кѣмъ приходилось работать въ общихъ мастерскихъ. Большинство были рабочіе, крестьяне, ремесленники, солдаты, матросы. Я видѣлъ это по лицамъ, по рукамъ, слышалъ по говору, гораздо раньше чѣмъ кто-либо изъ нихъ мнѣ сообщалъ объ этомъ. Я былъ готовъ къ встрѣчѣ съ ними и думалъ, въ своемъ высокомѣріи, что ихъ присутствіе будетъ мучить меня потому что они принадлежатъ къ низшему, чѣмъ я, общественному слою. Но я отнюдь не былъ подготовленъ къ тому, что произошло. Я почувствовалъ, что всѣ эти люди, которыхъ я сторонился, соединились противъ меня въ общемъ чувствѣ презрѣнія и ненависти. Отношеніе это всюду меня преслѣдовало. Оно угнетало меня во время работы. Я страдалъ и считалъ его несправедливымъ. «Развѣ несчастье не объединяетъ?» думалъ я. Я не понималъ, что каждый изъ этихъ людей внутренно говорилъ обо мнѣ: «Имѣй я то, что онъ получилъ отъ жизни, я не сидѣлъ-бы здѣсь». За это они и презирали меня и были правы.

«Я выучился думать о людяхъ, которыхъ видѣлъ кругомъ, думать нѣсколько иначе, чѣмъ думалъ прежде, когда мы разсуждали о нихъ въ гостиныхъ.

«На прогулкѣ они шли мимо меня держась по отдаль другъ отъ друга во избѣжаніе излишнихъ разговоровъ. Примѣрно такъ-же мы устраиваемся и въ жизни, думалъ я. Я встрѣчалъ однихъ и тѣхъ-же людей въ одни и тѣ-же часы годъ, два. Были такіе, которыхъ я встрѣчалъ ежедневно и которые останутся здѣсь дольше, чѣмъ я. Бывало, что тотъ или иной переставалъ появляться; я зналъ, что онъ вернулся въ жизнь.

«Ощущеніе то же, какое прежде у меня бывало при вѣсти о смерти.

«Я говорилъ тебѣ когда-то, что я раньше своихъ товарищей пережилъ тотъ кризисъ (который часто изображаютъ въ литературѣ), когда юноша пристально всматривается во все, чему его учатъ, анализируетъ, критикуетъ, выбираетъ. Я выросъ изъ стараго и не приспособился къ новому, едва сознавалъ его и только широко раскрытыми, глазами глядѣлъ на развертывавшійся передо мною огромный серьезный міръ.

«Я никогда не узнаю, что такое радость.

«Но, чтобы по возможности меньше страдать, нужно взять бремя на свои плеча, нужно терпѣливо подготовлять почву для грядущихъ поколѣній. Тяжелъ нашъ жребій и неоткуда ждать благодарности. Мы умремъ, даже не увидѣвъ обѣтованной земли. Но въ смертный часъ радость блеснетъ въ глазахъ нашихъ отъ сознанія, что дѣти наши закончатъ начатое нами.

«Сколько утѣшенія принесла мнѣ эта мысль, прозвучавшая во имя правды и справедливости! Какъ ни далеко стоялъ я отъ тѣхъ, чья мысль воспламеняла меня, чей примѣръ воодушевлялъ меня, я былъ счастливъ.

«Воздухъ былъ напоенъ новыми идеями, новыми мыслями, новыми стремленіями, чувствовалась близость новаго будущаго, и я готовъ былъ отдать весь свой трудъ, какъ и не малъ онъ былъ, на служеніе ученію, которое освѣщало путь слабымъ, дарило силу изнемогающимъ, питало алчущихъ.

«Отчего это время такъ быстро миновало? Отчего произошла перемѣна? Отчего я выбылъ изъ строя? Отчего не удовлетворился своей работой?

«Я погрузился въ изученіе современной философіи, а предо мною открывались перспективы работы, которая должна была, хотя и не скоро, принести богатый плодъ.

«Моя работа обезпечивала мое существованіе, а по смерти отца я, если не сталъ богатъ, .то получилъ возможность безбѣднаго существованія.

«Меня сразила мысль, что моя работа принесетъ весьма не скоро свой результатъ. Жажда наслажденій была во мнѣ столь же велика, какъ и жажда знанія. Не знаю какъ, въ одинъ прекрасный день я сказалъ себѣ: «Зачѣмъ тебѣ жить мечтою просвѣщенія другихъ? Кто

поблагодарить тебя? Слишкомъ часто я возвращался мысленно къ вопросу: «Кто поблагодарить тебя?»

«Я не понималъ, что тотъ, кто ищетъ благодарности, не заслуживаетъ ея, что тотъ, кто берется за плугъ и оглядывается, не годится для царства Господня. Жажда наслажденій ослѣпляла меня такъ, что я ничего не видѣлъ. Я мечталъ о деньгахъ, о средствѣ покончить съ наукой и со скучными теоріями. Я фантазировалъ о томъ, что какой-нибудь Мефистофель захочетъ купить мою душу. Я съ радостью продалъ бы ее. Я сравнивалъ свою судьбу съ участью другихъ и для меня теряли цѣну одинокіе часы при свѣты лампы, когда я познавалъ величайшее блаженство, когда мракъ разсѣивался, когда я думалъ, спрашивалъ, страдалъ и смѣялся съ тѣми, кто забывалъ о наслажденіи ради истины; я презиралъ себя за то, что у меня не хватало мужества выбиться, завоевать себѣ положеніе, сжечь книги и зажить тою жизнью, на какую способенъ жаждущій наслажденій. Я былъ черезчуръ слабъ. Вмѣсто того я жилъ такъ, какъ будто было достигнуто все, чѣмъ манило меня разгоряченное воображеніе. Я искалъ спасенія въ удовольствіяхъ, и они гасили во мнѣ жажду знанія. Я уже не жаждалъ истины. Холодомъ пахнуло на меня, и я безъ горечи замѣтилъ, что время, котораго я ждалъ, которое считалъ наступившимъ, отнюдь не наступило. Сначала я не желалъ этому вѣрить. Боролся съ собой, не желая вѣрить. Но куда я ни оглядывался, всюду видѣлъ признаки своего пораженія, пораженія всѣхъ тѣхъ идей, которыя должны были опредѣлить поправленіе моей жизни, должны были помочь мнѣ жить. Идеалы низвергнуты, и на алтарь взгромоздились идолы. Свѣтъ, освѣщавшій мой путь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ такъ ослѣпителенъ, что теперь, когда онъ померкъ, я очутился въ полномъ мракѣ. Гдѣ-же истина, которую я искалъ? Куда дѣлась правда, на которую я уповалъ? Теперь эти слова вызывали во мнѣ совсѣмъ иное настроеніе. Сначала слабый, неясный, потомъ все рѣзче, все сильнѣе, наконецъ широко, властно и надменно прозвучалъ вопросъ: «Кто станетъ искать истину? Кто наивенъ настолько, чтобы жизнью пожертвовать на то, что, опытъ говоритъ, недостижимо?» Кто попытается говорить о правдѣ? Развѣ и такъ въ теченіе вѣковъ люди не говорили о ней безъ конца? Чего они добились? Когда неправда царила, была сильнѣе, чѣмъ теперь? Вѣдь на ней покоится вся власть, ей поклоняются сильные міра, и образованное общество только критикуетъ то, чего не можетъ измѣнить? Неправда держится силой, которая сильнѣе духа.

«Сильнѣе духа!»

«Такъ я, дѣйствительно, думалъ и воображалъ, что мысли эти плодъ моего умственнаго развитія. Во мнѣ говорила усталость, усталость и недовольство. Все, во что я вѣрилъ, чѣмъ я жилъ, отошло, было подавлено. Я не видѣлъ выхода. «Вѣдь я не въ силахъ измѣнить тече-

ніе времени,—говорилъ я себѣ.—Я самъ лишь щепка въ волнахъ этого потока и ищу земли, когда онъ грозитъ заплеснуть меня». И я выплылъ на берегъ, бросилъ думать, перестаалъ отчаиваться, искать новизны. Я сидѣлъ на берегу и смотрѣлъ на бѣгущій мимо потокъ. Онъ поглотилъ все, чѣмъ была красна моя жизнь,—все, во что я вѣрилъ, и теперь, холодный, могучій, бѣжитъ у моихъ ногъ. Я не видѣлъ уже никого изъ тѣхъ, кто еще недавно строилъ плотину, хотѣлъ направить теченіе въ новое русло. Всѣ исчезли, и я въ душѣ проклиналъ ихъ слабость и отсутствіе мужества. Но въ сущности я радовался, что во-время ускользнулъ и стою на сухомъ берегу.

«Въ моей жизни наступила полоса веселья, я отдался радости, блеску, забавамъ, потому что утратилъ способность быть серьезнымъ, былъ слишкомъ слабъ, чтобы противостоять уносившему меня потоку. Я сбросилъ съ пьедестала истину и сталъ жрецомъ красоты.

* * *

«Нѣтъ большаго грѣха, нежели тотъ, когда человѣкъ считавшій себя призваннымъ на служеніе истинѣ, вдругъ переходитъ на сторону мамоны. А я измѣнилъ своему долгу гораздо раньше, чѣмъ мое паденіе было замѣчено и мое общество закрыло передо мною двери.

«Мнѣ предстоитъ вторично почувствовать себя отщепенцемъ. Это ждетъ меня послѣ «освобожденія». Я ежедневно думаю объ этомъ и мысль эта меня пугаетъ, хотя я знаю что дни моего заключенія сочтены и дѣйствительность не замедлитъ встрѣтить меня. Изъ того, что я пережилъ, не наказаніе тяжелѣе всего. Гораздо тягостнѣе было сознавать, кто я въ то время, когда я еще жилъ среди людей и никто ничего не зналъ. Я страдалъ отъ близости друзей, я избѣгалъ даже тебя, избѣгалъ потому, что боялся разрыдаться и свалить на тебя всю тяжесть своего несчастья.

«Разъ это чуть было не случилось. Ты ничего не замѣчала, не могла ничего замѣтить. Я научился владѣть собою; несмотря на всю свою кажущуюся и дѣйствительную страстность и распущенность, я умѣлъ управлять собою. Этого требовала необходимость, это былъ единственный способъ выжить два года въ ужасномъ напряженіи, когда я развлекался, чтобы забыть о своемъ преступленіи и совершалъ новыя преступленія, чтобы добывать деньги на развлеченія.

«Такова была моя жизнь, и я задолго до того, какъ меня накрыли, свыкся съ сознаніемъ своей преступности. Пока никто ничего не знаетъ, ты можешь повторять себѣ: «Ты воръ, клятвопреступникъ, убійца». Но ни одно изъ этихъ словъ не производитъ того впечатлѣнія, какъ когда знаешь, что судъ надъ тобою произнесенъ.

«Пойди я во-время къ кому-нибудь изъ близкихъ мнѣ, признайся во всемъ (у меня были такіе друзья) я не остался бы безъ помощи.

«Но я жилъ въ странномъ ослѣпленіи, что мои поступки можно еще долго скрывать и пока это возможно, я буду продолжать эту жизнь, которая возбуждала во мнѣ отвращеніе и въ то же время влекла меня. Вся извѣстная мнѣ психологія была ничто по сравненію съ тѣмъ, что я видѣлъ въ себѣ самомъ. «Когда все будетъ кончено», думалъ я, — у меня все-таки останется послѣднее средство спасенія. Я покину міръ прежде, чѣмъ онъ отвернется отъ меня. Минутное страданіе, а остальное принадлежитъ неизвѣстности»... Такъ я думалъ и я могъ сдѣлать это, потому, что я презиралъ людей, какъ презиралъ самого себя. Въ каждомъ богатомъ человѣкѣ я видѣлъ вора. Въ каждомъ заслуженномъ человѣкѣ я видѣлъ мошенника. Въ каждомъ честномъ человѣкѣ я видѣлъ обманщика. Каждый набожный человѣкъ казался мнѣ ханжой. Я, какъ легкомысленная женщина, утѣшался мыслью, что добродѣтель не существуетъ.

«День, когда все было раскрыто, насталъ однако скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Куда дѣвалось мое хладнокровіе? Какъ сумашедшій бродилъ я по городу, безъ всякой цѣли, разыскивалъ людей, которыхъ мнѣ совсѣмъ не слѣдовало видѣть, разсказывалъ то, о чемъ слѣдовало бы молчать, раскаивался на тысячу ладовъ. Когда я, наконецъ, направился домой, я уже не былъ самимъ собою. Я пробирался задворками и мнѣ казалось, что народъ оборачивается на меня, показываетъ пальцами.

«Наконецъ я сидѣлъ съ матерью; какъ ни былъ я взволнованъ, я чувствовалъ, что и ей не могу всего сказать. Однако я долженъ былъ говорить, я не могъ скрыть своего состоянія.

«И я откровенно разсказалъ матери о своемъ образѣ жизни. Разсказалъ обо всемъ, что было дурного. Къ своему удивленію я замѣтилъ, что для нея все это не было ново. Она почти ничего не говорила, но понимала все. А я въ тотъ вечеръ впервые понялъ, какъ она отъ того страдала. Во время этого разговора я опять почувствовалъ себя ребенкомъ, почувствовалъ свою близость къ матери, какую никогда не считалъ возможной для взрослаго человѣка. Она была гораздо менѣе образована, чѣмъ я, но вмѣстѣ съ тѣмъ была гораздо сильнѣе. Сила же ея коренилась въ ея вѣрѣ, и вѣра эта опредѣляла всю ея жизнь. поддерживала ее во всѣхъ случаяхъ. Тогда я этого не понималъ, но чувствовалъ благодѣятельную близость ея. — Она говорила, возмущеніе во мнѣ смолкало и я пытался думать о томъ, что, какъ только она выйдетъ, я достану стклянку съ ціанкаліемъ, на который я теперь возлагалъ всѣ свои надежды. Такимъ образомъ все будетъ кончено и я покончу расчеты съ жизнью.

«Но пока я сидѣлъ со старушкой и слушалъ ее, я успѣлъ забыть о своемъ намѣреніи. Во мнѣ все стихло и я безсознательно почувствовалъ, что этотъ выходъ для меня закрытъ. Я, не смѣю, думалъ я. Почему? Я не зналъ.

«Но давно я не спалъ уже такъ спокойно, какъ въ эту ночь. Хуже всего было уйти отъ матери. Вѣдь я не могъ сказать ей, куда я иду. А шелъ я, какъ ты знаешь, въ ссыскную полицію донести на себя. Но ты не знаешь, что когда я явился туда, было отдано уже распоряженіе объ арестѣ. Коммиссаръ только улыбнулся: онъ думалъ, что я надѣялся избѣжать наказанія.

* * *

«Скоро будетъ новый годъ, новый годъ, который введетъ насъ въ новое столѣтіе, которое мы когда-то мечтали встрѣтить вмѣстѣ. Я не буду спать, пока въ корридорѣ часы не пробьютъ полночь и сторожа поздравятъ другъ друга съ новымъ годомъ. На утро при обходѣ тюремный надзиратель пожелаетъ и мнѣ счастья, я поблагодарю и въ свою очередь пожелаю ему всякаго благополучія. Мы подружились съ нимъ потому, что я былъ сговорчивъ и не причинялъ ему безпокойства. — Быть можетъ въ ту ночь будутъ звонить по церквамъ и я услышу звонъ.

«Тогда я буду думать о тебѣ и мысленно пожелаю счастья тебѣ и твоимъ. Узнай, что здѣсь я впервые, за много лѣтъ, былъ наединѣ съ собою. Все, что я могъ бы разсказать тебѣ о своемъ заключеніи, ничто въ сравненіи съ этимъ. У меня было время побыть наединѣ съ собою, а я въ послѣдніе годы жизни забылъ, что это въ сущности необходимо. Здѣсь я впервые узналъ, что мысли созданы не для забавы, а для того, чтобы руководствоваться ими въ жизни, а чтобы годиться для этого, онѣ должны носить въ себѣ нѣкоторый элементъ того, что прежде называли вѣрой, а теперь совсѣмъ никакъ не называютъ. Я понялъ, что я не покончилъ съ собою именно потому что смутно уже сознавалъ то, что теперь помогаетъ мнѣ жить. Мать моя, сама того не подозрѣвая, помогла невѣрующему своею вѣрою именно въ то время, когда онъ наиболѣе въ томъ нуждался. Никто не могъ сдѣлать это лучше чѣмъ она.

«Я началъ понимать это въ то время, когда приговоръ состоялся и меня увели отъ любопытныхъ мучившихъ меня взоровъ, предъ которыми я показывалъ то, что мнѣ подсказывали, потому что я былъ боленъ, разбитъ и желалъ единственно уйти.

«Когда меня посадили въ карету и задернули занавѣску—я былъ почти счастливъ.

«Потомъ, постепенно все становилось лучше, и теперь я со страхомъ и съ волненіемъ жду встрѣчи съ людьми.

«Торстенъ Аабель».

X.

Старушка сидитъ склонившись надъ листками, сложивъ руки, какъ на молитвѣ. Она долго сидитъ и на лицѣ ея читаются слѣды горя и

прожитыхъ лѣтъ. Но взоръ ея видитъ нѣчто, что можетъ дать ей радость и надежду. Глаза ея свѣтятся, хотя морщины на лицѣ становятся отъ горя глубже, ротъ страдальчески сокращается.

Наконецъ она собираетъ листы и бережно прячетъ ихъ въ старую шифоньерку. Но вотъ ей кажется, что она должна еще разъ взглянуть на нихъ. Она вынимаетъ ихъ, смотритъ на нихъ и прячетъ снова.

Она читала медленно, внимательно и помнитъ все.

Съ этими мыслями она стала готовить себѣ постель. Она не плачетъ, не отчаивается. Но голова ея не занята больше тѣми вопросами, которые заботили ее изъ года въ годъ. «Гдѣ устроится она потомъ? Какъ-то будетъ житься моему сыну». Письмо умирило ея безпокойство.

Безпокойство, горе, заботы о будущемъ все отошло на заднiй планъ, когда она узнала, что сынъ ея сталъ другимъ человѣкомъ. Все мелочь рядомъ съ этимъ сознанiемъ, и она впервые почувствовала страстное желанiе поскорѣе увидѣть его свободнымъ, дома.

Ея душа полна однимъ чувствомъ: онъ у нея нашелъ то, чего тщетно искалъ у другихъ. Чувство это такъ велико, что всѣ ея страданiя кажутся ей пустякомъ. Какъ будто она вновь произвела его на свѣтъ, сдѣлала его своимъ. Черезъ минуту лампа погасла и окно потемнѣло. Въ комнатѣ лежитъ старушка, сонъ далекъ отъ нея, потому что она еще никогда въ жизни не чувствовала такъ ясно, такъ осязательно смысла своей жизни.

XI.

Сближенiю Берты съ мужемъ не суждено было развиться.

На слѣдующее утро Мордтманъ очень долго занимался своимъ туалетомъ. «Мнѣ нужно «это», обыкновенно говаривалъ онъ,—когда мнѣ важно чувствовать себя спокойнымъ, уравновѣшеннымъ».

Ему было странно и ново не чувствовать себя одинокимъ, и душа его наполнялась нѣжностью. «Не теперь,—думалъ онъ, овладѣвая собой.—Сегодня мнѣ предстоятъ дѣла совсѣмъ иного свойства». Тщательно и изысканно одѣтый онъ вышелъ изъ своей комнаты. Проходя черезъ кабинетъ онъ увидѣлъ у себя на столѣ огромную кучу газетъ, какъ всегда заботливо сложенную въ видѣ пирамиды, начиная съ самыхъ большихъ по формату. Машинально онъ протянулъ руку, вытащилъ одну изъ большихъ газетъ и сталъ развертывать. Вдругъ, не успѣвъ прочесть ни строчки, онъ отбросилъ газету.

— Я не смѣю. Можетъ быть, тамъ что-нибудь есть.

Обернувшись онъ увидѣлъ жену, онъ не замѣтилъ ея присутствiя и, какъ бы извиняясь за свои слова, объяснилъ:

— Понимаешь я не хочу читать сегодня. У меня есть о чемъ подумать помимо того.

Вдругъ измѣнивъ тонъ, онъ спросилъ:

— А ты хорошо спала? Ты такъ рано встала.

— Я не могла спать сегодня,—замѣтила Берта.—И не хотѣлось заставлять тебя ждать.

«А она старѣетъ», подумалъ Мордтманъ. Но въ ту же минуту забылъ объ этой мысли. Все существо жены носило какой-то новый отпечатокъ, котораго онъ не смѣлъ замѣтить. Она, казалось, требовала продолженія вчерашняго разговора. Онъ старался сказать что-нибудь дружеское, теплое, но ему не удалось.

— Ты нездорова,—замѣтилъ онъ.—У тебя нервы не въ порядкѣ. Тебѣ бы нужно освѣжиться. Ты дурно дѣйствуешь на меня.

Желая загладить непріятное впечатлѣніе своихъ словъ онъ взялъ руку жены и погладилъ ее.

— Готовъ завтракъ?—быстро спросилъ онъ.

Берта читала безпокойство во взглядѣ мужа, чувствовала его напряженное состояніе. Инстинктивно она угадала, что онъ въ данную минуту желаетъ быть въ покоѣ, и была вполнѣ довольно тѣмъ, что ей удалось добыть.

Выйдя въ столовую, она позвонила и приказала подавать завтракъ.

Оставшись одинъ, Кристіанъ опять подошелъ къ столу, гдѣ лежали газеты, пересмотрѣлъ всѣ по очереди, какъ будто забылъ ихъ названія, и со вздохомъ положилъ обратно.

«А какъ хорошо я чувствовалъ себя. Былъ такъ спокоенъ, уравновѣшенъ».

Казалось, одно соприкосновеніе съ людьми уже выводило его изъ этого состоянія.

— Здравствуй, папа,—раздался дѣтскій голосъ.

Мордтманъ машинально протянулъ руку. Обернувшись, онъ увидѣлъ сына и, чувствуя, что случилось нѣчто необыкновенное, раздраженно спросилъ:

— Почему ты не въ школѣ?

Мальчикъ пришелъ въ отчаяніе, не видя поблизости матери, и испугался сердитаго взгляда отца.

— Мама позволила,—тихо и робко отвѣтилъ онъ.

Но Мордтманъ не удовлетворялся. Онъ понималъ, что возникъ какой-то безпорядокъ, и желалъ его уничтожить. Онъ далекъ былъ отъ пониманія настоящей причины, его безпокоило присутстіе ребенка и онъ инстиктивно опасался, что произойдетъ что-нибудь, что можетъ нарушить его равновѣсіе.

— Ты боленъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не боленъ,—отвѣтилъ Юнгве.

— Развѣ ты не можешь сказать мнѣ, отчего ты дома? Ты не можешь сказать мнѣ правду?

Именно этого-то Юнгве и не могъ сдѣлать. Эта правда пугала его.

Въ отчаяніи онъ смотрѣлъ на отца, и тотъ казался ему такимъ

большимъ и такимъ чужимъ. Кромѣ того, онъ былъ такъ сердитъ и происходило это оттого, что онъ не зналъ, какъ его любятъ, быть можетъ, и не безпокоился объ этомъ, не думалъ объ этомъ даже. Въ ребенкѣ заговорило упрямство, и онъ, не сморгнувъ, встрѣтилъ взглядъ отца.

Судорога пробѣжала по лицу Мордтмана, губы сложились въ непріятную гримасу, что еще больше испугало ребенка. Кристіанъ замѣтилъ шрамъ подъ глазомъ сына и началъ догадываться.

— Тебѣ что-нибудь сказали?—спросилъ онъ холодно и сдерживая голосъ.

Юнгве молча отвернулся. Тутъ Кристіанъ точно понялъ, что оскорбленъ онъ самъ, а не ребенокъ. Не сочувствіе заговорило въ немъ, а слѣпая, безотчетная ярость, необузданная жажда мести, желаніе воздать зломъ за зло. Въ немъ вспыхнула ненависть ко всему человѣчеству, безличная ненависть ко всѣмъ, кто ему желалъ зла. Но онъ вспомнилъ о своемъ положеніи и подумалъ. Не слѣдуетъ. Я не долженъ волноваться. Я не долженъ ни о чемъ знать, ни о чемъ думать, кромѣ одного. Казалось, однимъ усиліемъ воли онъ остановилъ потокъ крови, готовый прихлынуть къ лицу. Онъ кажется совершенно нормальнымъ, дышетъ спокойно.

Быстро прошелъ онъ въ столовую и сѣлъ къ столу въ ту самую минуту, когда горничная подала чайникъ. Слѣдомъ за отцомъ вошелъ и Юнгве, блѣдный, смущенный, не смѣя взглянуть на мать. Берта замѣтила это и обернулась къ мужу, ожидая объясненія. Но Мордтманъ ничего не сказалъ и въ глазахъ его ничего нельзя было прочесть.

Молча семья принялась за завтракъ, каждый былъ занятъ своими мыслями, каждый по своему удрученъ общей опасностью. Но каждый замкнулся въ себѣ и не было чувства, которое заставило бы ихъ всѣхъ говорить. Кристіанъ опять ушелъ въ себя. Опять онъ одинокъ и одинокимъ хочетъ онъ остаться. Онъ не въ силахъ сохранить настроеніе вчерашняго вечера. Слишкомъ мало времени и бѣда уже на порогѣ.

Окончивъ завтракъ онъ быстро поднялся и, коротко простившись, вышелъ въ переднюю.

Мать съ сыномъ молчатъ и, по уходѣ отца, какъ будто прислушиваются. Вотъ съ улицы донесся стукъ отъѣзжающаго экипажа. Юнгве подбѣжалъ къ окну.

— Это папа,—сказалъ онъ.

Мать кивнула, не найдя что сказать, и мальчикъ вернулся на мѣсто. Съ минуту онъ сидѣлъ молча, какъ будто стараясь подавить слова, которыя рвались наружу.

Потомъ, поднявъ глаза на мать, тихо сказалъ:

— Папа говорилъ со мною. Онъ догадался, я видѣлъ. Но онъ ничего мнѣ не сказалъ, а только разсердился.

— Нѣтъ, онъ не разсердился, — возразила Берта. — Это тебѣ показалось.

— Нѣтъ,—настаивалъ мальчикъ,—онъ разсердился. Я видѣлъ.

Берта видитъ, что у ребенка опять заговорило сомнѣніе, и не знаетъ, что сказать ему въ утѣшеніе.

XII.

Кристіанъ Мордтманъ сидитъ въ кабинетѣ страхового общества «Мордтманъ и К°», а на столѣ предъ нимъ лежитъ ворохъ бумагъ и писемъ, еще не разобранныхъ. Всякій, кто увидѣлъ бы его, получилъ бы представленіе о человѣкѣ, который собирается съ силами для предстоящей работы. Не слѣдуетъ удивляться, что онъ время отъ времени съ нетерпѣніемъ поглядываетъ на часы, сравниваетъ ихъ съ карманными. Кристіанъ ждетъ посѣтителя, который медлитъ.

Вдругъ раздался телефонный звонокъ. Нервно схватилъ онъ трубку и съ огорченнымъ видомъ поднесъ къ уху; вслѣдъ затѣмъ лицо его прояснилось и онъ отвѣчалъ привѣтливо, улыбаясь:

— Пожалуйста. Пустяки. Всего двѣ-три минуты. Милости прошу.

Онъ положилъ трубку на мѣсто и лицо его приняло особенное выраженіе спокойной рѣшимости. Онъ улыбается, будто почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, и на его лицѣ ясно читается вѣра въ свое умѣнье побѣждать людей. Въ эту минуту онъ увѣренъ, что дѣла измѣнятся, что онъ снова будетъ спокойно спать.

— C'est le premier pas qui coûte *),—бормочетъ онъ.—Одному мнѣ не подъ силу нести все это.

— Разъ онъ придетъ сюда, я его не выпущу. Этотъ человѣкъ можетъ все, что захочетъ. Никто еще изъ приходившихъ сюда не миновалъ моей власти.

Кристіанъ Мордтманъ словно помолодѣлъ; походка его стала легче, увѣреннѣе. Улыбка блуждаетъ на его губахъ, глаза блестятъ. Онъ снова подходитъ къ телефону и звонитъ къ себѣ домой.

— Ты, Берта?—спрашиваетъ онъ веселымъ тономъ.—Да, это я. Закажи обѣдъ получше. Я пріѣду одинъ. Какъ дѣла? Не знаю еще. Надѣюсь на прекрасный исходъ.

Онъ опустилъ рупоръ и по его лицу кажется, будто онъ раскаивается. Усиліемъ воли онъ сгоняетъ съ лица усталое, равнодушное выраженіе и черезъ минуту забываетъ обо всемъ, забываетъ о томъ, что говорилъ съ женою, о томъ, что онъ сказалъ, забываетъ даже собственное безпокойство. Онъ помнитъ только о томъ, что предстоящее свиданіе должно спасти его.

---

*) Труденъ только первый шагъ.

— Онъ можетъ, если захочетъ,—повторяетъ онъ.—Одно его имя много значитъ. Отъ меня зависитъ, чтобы онъ не сказалъ—нѣтъ.

Кристіанъ не желаетъ больше думать о томъ, что на днѣ души его лежитъ отчаяніе, и что только жажда жизни приподняла его настроеніе.

Онъ не хочетъ думать объ этомъ, потому и не садится; медленно, задумчиво ходитъ по ковру, какъ будто желая заставить себя вѣрить въ будущее и въ свою силу.

Онъ ходитъ и говоритъ самъ съ собою, умѣряя голосъ, чтобы его отрывочныя рѣзкія фразы не проникли сквозь запертую дверь и не возбудили вниманія конторщиковъ.

— Они думаютъ, что все знаютъ,—говоритъ онъ. — Я замѣтилъ это по ихъ лицамъ. Но скоро они узнаютъ, кому извѣстно больше. Что могли сказать мальчугану? И кто могъ сказать? Но довольно объ этомъ. Потомъ будетъ время. Всему свое мѣсто. Хорошее старое правило. Всему свое мѣсто и свое время.

Раздался стукъ, въ дверь и служитель подалъ карточку.

— «Консулъ Томасъ Мюллеръ»,—прочиталъ на ней Мордтманъ, отложилъ ее и равнодушно приказалъ:

— Попросите консула.

Самъ сѣлъ къ столу и занялся разборкой бумагъ.

Вошедшій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ просѣдью, съ рѣзкимъ проницательнымъ взглядомъ, съ преждевременными морщинами на лбу. Все его существо дышетъ привѣтливостью, глаза сіяютъ добротой, губы улыбаются отъ готовности служить ближнему. Онъ весь проникнутъ доброжелательностью, пожатіе его руки необычайно сердечно, его отношеніе къ ближнимъ безкорыстно и просто.

Но Кристіанъ Мордтманъ помнитъ, что этотъ человѣкъ со своей привѣтливой манерой всегда умѣетъ втереться туда, гдѣ раньше двери для него были закрыты, втереться именно въ минуту опасности, и уйти всегда сухимъ изъ воды, съ обычно-привѣтливой улыбкой,— только всегда богаче, чѣмъ прежде. Это воспоминаніе на моментъ поколебало увѣренность Мордтмана. Холодъ, окружающій Мюллера, замораживаетъ до мозга костей и другихъ людей. Мордтманъ понимаетъ, что въ сущности его гость автоматъ, въ которомъ человѣкъ скрытъ очень глубоко и не доступенъ наблюденію, и уже почти сожалѣетъ, что открылъ ему двери, хотя только что съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода. Но въ ту же минуту онъ помнитъ, что все поставлено на карту, что онъ долженъ выиграть, или все потеряно. Мордтманъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, протягиваетъ консулу руку и приглашаетъ его сѣсть.

— Консулъ знаетъ въ чемъ дѣло?—съ улыбкой спрашиваетъ онъ.

Инстинктъ подсказываетъ ему, что обиняки здѣсь безполезны, что они только увеличатъ недовѣріе, мелькающее въ испытующемъ взорѣ и въ манерахъ другого.

— Разумѣется,—сказалъ консулъ со своей привѣтливой улыбкой. Вы сами сказали мнѣ.

— Да,—продолжалъ Мордтманъ.—Общество нуждается въ деньгахъ. Я не отрицаю и прямо перехожу къ дѣлу.

Гость прервалъ его спокойно, но не рѣзко.

— Я уже говорилъ, что неохотно начинаю новыя дѣла. Но я обѣщалъ вамъ подумать о вашемъ. Какъ велика сумма?

— Не пожелаете ли вы взглянуть предварительно на итогъ?

Консулъ Мюллеръ замахалъ руками и голосъ его пріобрѣлъ самый нѣжный оттѣнокъ.

— Я никогда не задавался этимъ вопросомъ. Я вполнѣ полагаюсь на васъ.

Мордтманъ подавилъ просившійся вопросъ.

— Двѣсти тысячъ кронъ спасутъ все дѣло,—замѣтилъ онъ дѣловымъ тономъ.

Гость ничѣмъ не обнаружилъ своего изумленія, онъ словно думалъ и расчитывалъ.

Мордтману казалось, что онъ паціентъ и сидитъ у доктора, который желаетъ подробно изучить всѣ симптомы, чтобы поставить діагнозъ и опредѣлить наилучшій курсъ леченія. Онъ сталъ разсказывать и выяснять, причемъ его все время мучило любезное вниманіе, съ какимъ другой его слушалъ. Наконецъ, Мордтманъ поднялся, досталъ главную книгу и положилъ ее предъ консуломъ.

— Пожалуйста!—сказалъ онъ, указывая на стулъ у письменнаго стола.

Консулъ подошелъ къ столу и сѣлъ, любезно улыбаясь, словно извиняясь за свою дерзость, будучи не въ силахъ отказать просьбамъ кліента. Но едва онъ опустился въ кресло, привѣтливая улыбка исчезла съ его лица, и глаза жадно и внимательно принялись изучать тайны, которыя раскрывали предъ нимъ цифры большой книги. Опытнымъ глазомъ просматриваетъ онъ столбцы цифръ, свѣряя лѣвую половину съ правой.

Кристіанъ Мордтманъ сидитъ и наблюдаетъ за Мюллеромъ. Молчаніе послѣдняго понижаетъ его настроеніе. Спокойно, почти не двигаясь, не обращая вниманіе на присутствіе другого, консулъ перелистываетъ большую книгу. Вотъ онъ взялъ чистый листъ бумаги, вынулъ изъ кармана карандашъ и пишетъ новыя, свои цифры, отнюдь не похожія на тѣ, которыя предлагаетъ ему книга.

Богатство Мюллера унаслѣдованное. Съ юности онъ привыкъ чувствовать силу, которая дается сознаніемъ своей необходимости для другихъ, причемъ самъ ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждался. Жизнь научила его тому, что зависть неразлучна съ богатствомъ. Именно чтобы обезоруживать зложелательныхъ людей, онъ и усвоилъ себѣ ласковый, дружескій тонъ. Подъ этимъ покровомъ онъ проникалъ

всюду. Онъ не изъ тѣхъ, кто зарываетъ свои сокровища; наоборотъ онъ желаетъ собирать ихъ, умножать. Если деньги и имѣютъ для него привлекательную силу, онъ никогда не обнаруживаетъ этого. Ему нѣтъ и надобности. Онъ имѣетъ вполнѣ достаточно, и если не желаетъ предаваться праздности, то только потому, что принялъ за обыкновеніе называть работу благословеніемъ.

Кристіанъ смотритъ на это лицо, съ горечью чувствуетъ непроницаемость этого человѣка и въ душѣ называетъ его мошенникомъ. Однако онъ чувствуетъ и то, что этотъ мошенникъ обладаетъ силою, которая импонируетъ и ему, Мордтману.

«Онъ нуженъ мнѣ», въ ярости думаетъ онъ, и не можетъ отвести глазъ отъ карандаша Мюллера, который быстро заполняетъ большой листъ бумаги.

Мордтманъ съ радостью нагнулся бы и посмотрѣлъ. Онъ такъ непосредственно чувствуетъ опасность, наполняющую эту мучительную тишину, что не стыдъ, не честь, не гордость удерживаютъ его, а только единственно сознаніе, какъ-бы неосторожнымъ движеніемъ не спугнуть послѣднюю надежду, хотя и сознаетъ въ душѣ, что ея уже нѣтъ.

Онъ сидитъ неподвижно, будто все это не его касается, а пепелъ на сигарѣ становится все длиннѣе, толще...

Онъ ясно сознаетъ, что маленькія карандашомъ написанныя цифры и есть настоящія, что онѣ незамѣтно вытѣснятъ его большія красивыя, но фантастическія.

Консулъ носитъ высокій, бѣлый воротникъ, черный галстухъ тщательно завязанъ, щеки и подбородокъ чисто выбриты, бакенбарды какъ будто составляютъ продолженіе волосъ, а на маковкѣ начинается плѣшь.

Мордтманъ и самъ не знаетъ, почему онъ думаетъ объ этомъ, но всѣ эти впечатлѣнія врѣзываются въ его памяти. Когда гость поднялся, директоръ вздрогнулъ и глаза ихъ встрѣтились.

Мордтману спрашивать не нужно.

Отвѣтъ написанъ на лицѣ гостя, онъ заключаетъ въ себѣ осужденіе, судъ надъ неудавшейся жизнью.

Кристіанъ чувствуетъ это, знаетъ, и мысль эта угнетаетъ его своею тяжестью. Онъ желалъ бы отъ нея отдѣлаться. Но не можетъ. Онъ съ улыбкой ждетъ смертнаго приговора и такъ спокоенъ по внѣшности, что консулъ про себя изумляется и въ свою очередь пораженъ его хладнокровіемъ.

— Я удивляюсь только, зачѣмъ вы трудились показывать мнѣ это,—замѣтилъ онъ.

Съ лица его уже исчезла привѣтливая улыбка. Холодно и жестко взглянулъ онъ на Кристіана и закончилъ:

— Это положеніе не можетъ быть измѣнено.

Въ памяти Кристіана мелькнуло воспоминаніе, относящееся еще къ возникновенію общества. «Отчего ты не пригласишь въ компанію Томаса Мюллера?—спросилъ кто-то».

«Оттого, что не желаю»,—отвѣтилъ Кристіанъ. «Однако, его лучше имѣть въ числѣ друзей, нежели въ числѣ враговъ», замѣтилъ другой. Такъ и случилось. Втеченіе всѣхъ этихъ лѣтъ Мордтманъ не вспоминалъ объ этомъ, и теперь воспоминаніе проснулось, потому что взглядъ, тонъ, манера, все существо другого ясно говорило: онъ не забылъ. Онъ все время помнилъ объ этой мелочи. Кто-то говорилъ, что есть одна вещь которой Мюллеръ никогда не прощаетъ. Именно сознанія, что его намѣренно обошли.

Въ то время, какъ онъ думалъ это, консулъ поднялся со стула и дружески покачавъ головой, замѣтилъ: Къ сожалѣнію, я ничего не могу сдѣлать. И не хочу.

Кристіанъ Мордтманъ буквально былъ великолѣпенъ въ этотъ моментъ. Ничѣмъ не выдалъ онъ того, что въ немъ происходило, не далъ замѣтить всего ужаса своего положенія. Онъ согласенъ, что все говоритъ противъ него. Согласенъ съ тѣмъ, что положеніе его отчаянное. Онъ дѣлаетъ больше, чѣмъ намѣревался. Вынимаетъ бумажникъ, показываетъ капиталисту просроченные векселя, подсчитываетъ и признается, что внѣшній кредитъ для него закрытъ, и что только новое имя надежнаго человѣка, поставленное рядомъ съ его собственнымъ, можетъ спасти общество.

Консулъ слушаетъ, не мѣняя выраженія лица.

— Да, здѣсь очень много, говоритъ онъ, лѣсовъ, воды, желѣзнодорожныхъ акцій, рудниковъ, пустышей и земли. Все пріобрѣтено на бумагѣ, но не оплачено.

Кристіанъ Мордтманъ не останавливается и говоритъ спокойно, сдержанно. Ни однимъ жестомъ не сопровождается его рѣчь, ни одинъ мускулъ лица не выдаетъ его волненія, онъ даже ни разу не повысилъ голоса. Но при каждомъ словѣ онъ слышитъ шопотъ дьявола: «Это ни къ чему не ведетъ. Этотъ человѣкъ видитъ тебя насквозь. Онъ желаетъ твоей гибели, радуется ей и смѣется надъ твоими усиліями. Онъ даже не слушаетъ тебя, и только ждетъ, когда ты кончишь, чтобы получить возможность уйти». И все таки Мордтманъ продолжаетъ говорить. Онъ подался впередъ и не сводитъ глазъ съ доброжелательнаго любезнаго лица съ умными ясными глазами, которые, кажется, насквозь видятъ его. Онъ вспоминаетъ о томъ, сколько людей поддавались очарованію его словъ, и понимаетъ, какъ это удавалось ему. Онъ искушалъ ихъ, разжигалъ ихъ фантазію, будилъ въ нихъ жажду наживы.

Свою плавную рѣчь онъ окрылялъ собственной страстью, и рисовалъ картины цифръ и барышей.

Жажда наслажденій дремала въ крови людей, къ которымъ онъ

обращалъ свою рѣчь и ему легко было задѣть ихъ слабую струну. И они неминуемо становились его жертвами: слабый голосъ благоразумія заглушался крикомъ страстей.

Съ безсильной яростью Мордтманъ сознаетъ, что не у этого человѣка, который всю жизнь проводитъ въ конторѣ за работой, искать ему сочувствія. Онъ сидитъ, учтивый и недоступный, слушаетъ, не слыша, улыбается ничего не значущей улыбкой. Кристіанъ видитъ, что подъ этою простодушною внѣшностью скрывается болѣе сильный человѣкъ, чѣмъ онъ, и коротко обрываетъ свою рѣчь.

— Какъ видите—ставка крупная.

— Повѣрьте, мнѣ искренно жаль. Если бы вы поговорили со мною раньше, пожалуй, я могъ бы что-нибудь сдѣлать. Теперь слишкомъ поздно,—отвѣчаетъ Мюллеръ съ самой пріятной улыбкой, сердечно пожимаетъ Кристіану руку и уходитъ.

Теперь все кончено. Кристіанъ понимаетъ это, и въ ту же минуту въ душѣ его просыпается подозрѣніе: «Онъ пришелъ только, чтобы узнать все. Онъ ждетъ моего паденія. Ждетъ, только ждетъ».

Въ эту минуту пробили часы. Кристіанъ взглядываетъ и видитъ, что разговоръ продолжался очень-очень долго. Уже скоро обычное время завтрака. Безцѣльно онъ старался, говорилъ, раскрылъ передъ чужимъ человѣкомъ вещи, которыя прежде едва довѣрялъ самому себѣ.

Его охватило чувство стыда за себя, за всю свою разбитую, загубленную жизнь. У него не осталось ничего, на что онъ могъ бы указать: «Вотъ, что я сдѣлалъ въ своей жизни. Это переживетъ меня». Вокругъ него сгущается безпросвѣтная, безграничная тьма.

Мордтманъ машинально опустился въ кресло, не подозрѣвая, что позади него открылась дверь и пара умныхъ, спокойныхъ глазъ пристально глянула на начальника. Это продолжалось всего минуту. Дверь закрылась и кассиръ Лундбергъ тихонько занялъ свое мѣсто, ничѣмъ не выдавъ того, что видѣлъ. Видна была по прежнему согнутая спина и наклоненная голова. Однако, никто изъ младшихъ служащихъ не смѣлъ обратиться къ нему съ разспросами: онъ взялъ большую щепотку табаку и глядѣлъ черезчуръ сурово.

Черезъ полчаса директоръ въ шубѣ прошелъ, ни на кого не глядя, черезъ контору.

XIII.

Кристіанъ Мордтманъ забылъ обо всѣхъ своихъ горестяхъ. Онъ выше міра съ его мелкими заботами.

— Странно,—говоритъ онъ самъ съ собою.—Мнѣ кажется,—что-то случилось. Что бы это могло быть. Кому-то пришелъ конецъ. Какой-то бѣдняга не можетъ выкарабкаться. Кто бы это былъ?

Онъ пришелъ въ ресторанъ, гдѣ обыкновенно завтракалъ, бросилъ кому-то на руки свою шубу и занялъ столикъ. Онъ долго сидитъ, ѣстъ и пьетъ хорошее вино, и приглашаетъ вновь приходящихъ знакомыхъ къ своему столу. Передъ нимъ ряды бутылокъ. Всѣ веселы, оживлены. Самъ онъ едва отдаетъ себѣ отчетъ, откуда взялись всѣ эти люди. «Кто созвалъ ихъ сюда?» думаетъ онъ. Съ минуту онъ изумленно озирается. «Однако, не все ли мнѣ равно! Все это веселый народъ, и имъ весело. Много ли нужно человѣку для веселья!»

Тяжелое состраданіе проснулось въ его душѣ, онъ чувствуетъ потребность кого-то жалѣть, жалѣть всѣхъ, жалѣть тѣхъ, кто радостно шумѣли теперь вокругъ него. Незамѣтно для другихъ онъ вглядывается въ ихъ лица, какъ будто желая убѣдиться въ томъ, что веселье, которое онъ видитъ и слышитъ вокругъ,—настоящее. Но вотъ раздался взрывъ смѣха; кто-то разсказалъ исторію, которую всѣ слышали кромѣ Мордтмана.

Всѣ веселятся, веселье на разгоряченныхъ лицахъ, веселье въ движеніяхъ. Душа веселья, конечно, самъ хозяинъ. Среди гостей нѣсколько дѣльцовъ, одинъ журналистъ, два адвоката, одинъ скульпторъ, все незнакомые между собою люди, соединенные случайностью и застольной бесѣдой. Одинъ Мордтманъ знаетъ ихъ всѣхъ, но никто изъ присутствующихъ не видывалъ Кристіана въ такомъ настроеніи. Онъ блестяще предсѣдательствуетъ и—всегда недоступный и величественный—сегодня другъ всѣмъ. Слова такъ и льются изъ его устъ.

На улицѣ долго шелъ снѣгъ. Бронзовый конь на площади покрытъ инеемъ, а замокъ едва виднѣется въ густѣющемъ сумракѣ. Замелькали сани, вытѣснивъ дрожки. На окнахъ опустили шторы, сквозь мятель замерцали фонари. Часы идутъ...

Компанія весела и какъ будто подчинена душѣ одного человѣка, который всѣхъ захватываетъ, принуждаетъ чувствовать одинаково съ собою.

Кристіанъ Мордтманъ забылъ уже, что на дворѣ зима, забылъ о снѣгѣ.

Онъ путешествуетъ по далекому югу. Лучшіе европейскіе отели смѣняютъ другъ друга, экспрессъ бѣжитъ черезъ ущелья Тироля, по городамъ, по долинамъ, мимо сверкающаго моря, среди фруктовыхъ садовъ Флоренціи. Мягкія линіи синеватыхъ горъ окаймляютъ сказочную страну приключеній... А тамъ древній Римъ, Неаполь у дивнаго залива, Везувій съ горящимъ до неба столбомъ.

На душѣ у Мордтмана такъ легко, такъ свѣтло. Онъ чувствуетъ себя поэтомъ и описываетъ вещи, которыхъ никогда не видѣлъ, говоритъ о приключеніяхъ, которыя ему и не грезились.

Слова въ его устахъ воплощаются въ образы, окружающіе слушаютъ и наслаждаются: такою силою звучитъ его рѣчь, такъ ярки его краски.

И слушатели съ полною готовностью вѣрятъ всему, что имъ лжетъ про себя богатый, которому они всегда завидовали.

Вдругъ Мордтманъ всталъ, заплатилъ и ушелъ.

Всѣ смутились. За столомъ стало тихо.

— Не знаю, какъ дѣла общества—кто-то замѣтилъ вскользь.—Говорятъ...

Другіе улыбнулись, пожимая плечами.

Крахъ Мордтмана уже съ недѣлю всѣмъ извѣстенъ.

Выйдя на улицу, Кристіанъ остановился, не зная, что въ сущности ему сдѣлать,—какъ только что не зналъ, отчего былъ веселъ и возбужденъ.

Онъ подозвалъ сани и сѣлъ.

— Куда ѣхать?—спросилъ кучеръ

— Черезъ Сѣверный мостъ. Въ городъ. Да куда хочешь.

Метель стихла и смѣнилась снѣгомъ, мелькавшимъ, какъ падающія звѣзды при свѣтѣ зажженныхъ фонарей.

Полозья безшумно скользили по свѣжему снѣгу.

Сани повернули черезъ Монетную площадь между темными рядами домовъ.

Въ памяти Мордтмана шевелится давно дремавшее воспоминаніе и встаетъ темное, безформенное изъ хаоса со дна души.

«Что это за улица?—думаетъ онъ.—Что это за маленькая площадь? На деревьяхъ—снѣгъ. Когда я видѣлъ въ послѣдній разъ этотъ мостъ? Куда онъ ведетъ? Кто здѣсь постоянно ходилъ?»

Мордтманъ закрылъ глаза, а когда снова открылъ ихъ, то увидѣлъ передъ собою молодого человѣка съ портфелемъ подъ мышкой.

Онъ идетъ легкой походкой, высоко поднявъ голову. Онъ идетъ навстрѣчу санямъ, такъ что они съ Мордтманомъ встрѣтятся лицомъ къ лицу. Вотъ молодой человѣкъ уже на Рыцарскомъ мосту; онъ на минутку останавливается, втягиваетъ въ себя свѣжій зимній воздухъ.

Мордтманъ ясно видитъ его. Сани давно уже на Корабельномъ мосту. Темное море пестритъ тысячами свѣтлыхъ полосокъ и огней съ береговъ, съ лодокъ, которыя тяжело пыхтятъ среди грязи и ледяного сала. Но Мордтманъ не замѣчаетъ окружающаго; его глаза все еще видятъ молодого человѣка, который стоитъ у перилъ на Рыцарскомъ мосту и полною грудью вдыхаетъ свѣжій воздухъ.

«Вѣдь это я,—думаетъ Мордтманъ вслухъ.—Я иду изъ архива. Домой. Давно ужъ это было. И вотъ теперь повторяется».

Кучеръ нерѣшительно оборачивается. Онъ привыкъ къ разнымъ сѣдокамъ. Но на этотъ разъ онъ не знаетъ, что и подумать.

— Выѣзжай изъ города,—крикнулъ Мордтманъ.—Поѣзжай, куда хочешь.

Сани катятся дальше по набережной, залитой свѣтомъ. Снѣжинки попрежнему сыплются, какъ звѣзды. Вотъ миновали дворецъ съ освѣ-

щеннымъ бель-этажемъ. Мордтманъ взглянулъ, и сознаніе на минуту вернулось къ нему. Но опять угасло, и онъ опять видитъ передъ собою молодого человѣка, который встрѣтился ему по дорогѣ изъ архива домой.

— Какъ можно видѣть подобныя вещи?—изумился онъ.—Какъ возможно въ одно и тоже время видѣть и вспоминать?

Сани миновали звѣринецъ и поѣхали медленно и ровно. Только бубенчики нарушаютъ общую тишину. Кругомъ высокія деревья, бѣлый снѣжный покровъ мягко усталъ дорожныя колеи, окуталъ придорожные камни. Громче и громче раздается голосъ въ душѣ несчастнаго, забывшаго, ктò онъ. Сильнѣе и сильнѣе подымается въ немъ накипь. Шумъ оглушаетъ его, и онъ снова видитъ себя опять среди снѣжной долины въ горахъ, гдѣ лисьи слѣды пестрятъ гладкій снѣгъ. На него, какъ облако, движется туманомъ. Онъ всталъ и обѣими руками схватилъ кучера за плечи и заставилъ остановиться. Вышелъ изъ саней и протянулъ ему бумажку.

— Я не могу размѣнять,—сказалъ извозчикъ.

— Убирайся къ чорту,—крикнулъ въ отвѣтъ Мордтманъ.

— Директоръ вѣрно нездоровъ,—попытался замѣтить узнавшій сѣдока извозчикъ.

Мордтманъ расхохотался.

— Никогда еще не былъ здоровѣе. Ступай! И оставь меня въ покоѣ.

Извозчикъ покачалъ головою, тронулъ возжами и исчезъ за поворотомъ дороги.

Кристіанъ Мордтманъ стоитъ, смотритъ вслѣдъ удаляющимся санямъ. Звонъ колокольчика все слабѣе, тише и, наконецъ, замеръ совсѣмъ... Все кругомъ смолкло. Одинокій человѣкъ стоитъ на дорогѣ. Далеко лежитъ городъ. Сквозь деревья на небѣ видно зарево его безчисленныхъ огней. Оттуда не доносится ни звука... Сквозь густую сѣть покрытыхъ снѣгомъ дубовыхъ вѣтвей падаютъ свѣжія снѣжинки.

Кристіанъ Мордтманъ не колеблется, онъ все заранѣе обдумалъ и никогда не возвращается съ разъ принятаго пути. Машинально ощупалъ онъ карманъ, гдѣ притаился маленькій револьверъ, сопровождавшій его съ той минуты, когда онъ замкнулъ за собою двери своего кабинета, чтобы не возвращаться туда никогда.

Онъ пошелъ впередъ, но почувствовалъ скоро усталость. Къ чему идти? Онъ опустился на камень, занесенный снѣгомъ. Не все ли равно теперь, гдѣ онъ сидитъ? Откинувъ воротникъ, сдвинувъ шапку на затылокъ, онъ легъ на снѣгъ. Мягко, хорошо... Поросшій мохомъ камень прекрасная подушка. Послѣ столькихъ тщетныхъ трудовъ пріятно сознавать, что больше нечего искать. Для загнаннаго человѣка пріятно убѣдиться, что гонка кончена, что его ждетъ тишина. Снѣгъ освѣжаетъ, мысли проясняются.

Долго лежитъ онъ и смотритъ вверхъ. Высоко надъ нимъ шумятъ деревья, но онъ не ощущаетъ никакого безпокойства. «Какъ просто умереть», думаетъ онъ и въ ту же минуту съ изумленіемъ чувствуетъ, что ему ничего не жаль. Слѣдовательно онъ страдалъ, боролся, работалъ, унижался, утратилъ честь совершенно даромъ. Неужели жизнь можетъ быть такъ пуста?

Есть одна женщина, она со своимъ сыномъ ждетъ его. Онъ помнитъ это. Но и они словно никогда ему не принадлежали. Все ускользаетъ, все исчезаетъ, онъ видитъ вокругъ лишь пустоту и темноту, видитъ деревья, снѣгъ.

Для Кристіана Мордтмана нѣтъ больше ничего, чего бы онъ желалъ, на чемъ могла бы остановиться его мысль, что могло бы удержать его руку.

«Чѣмъ объяснить,—думаетъ онъ,—что встрѣчаются люди, которые добровольно принимаютъ на себя безчестье и продолжаютъ жить?»

Мордтманъ приподнялся на локтѣ и смотритъ, какъ между деревьями сыплются снѣжинки. Какъ въ видѣніи, представляется ему все, чѣмъ манило его воображеніе, все къ чему онъ стремился и чего не достигъ.

Мечты о величіи исчерпаны. Теперь онъ смотритъ на все ясно, здорово, и то что онъ видитъ, мелко, ничтожно. Все это отвратительный самообманъ. ничтожный рядъ ничтожностей. «Къ чему я здѣсь? думаетъ онъ. На что мнѣ моя собственная жизнь?» На одно мгновеніе въ мозгу его мелькнула мысль, что его позоръ въ сущности пустой звукъ, что онъ долженъ бы снести его, чтобы защитить тѣхъ, кто всего ближе ему и кто долженъ, безъ вины, дѣлить его позоръ. Кристіанъ думаетъ о женѣ, о ребенкѣ и въ какомъ-то безуміи шепчетъ: «Въ судьбѣ, подобной моей, всегда есть жена и ребенокъ». Широкораскрытымъ взоромъ глядитъ онъ вдоль дороги, на снѣжный покровъ.

Подлѣ него кустъ шиповника, и кажется, онъ скользитъ по снѣгу въ темнотѣ. Тутъ внезапно у Мордтмана мелькнула вполнѣ ясная мысль: «Если я не сдѣлаю этого теперь, этому не бывать».

Ясно, холодно, съ отчаяніемъ онъ сознаетъ, что этимъ моментомъ онъ можетъ располагать, но за слѣдующій не ручается.

Медленно разстегнулъ онъ шубу и твердою рукою приставилъ дуло револьвера къ сердцу. Раздался выстрѣлъ и пронесся эхомъ въ горахъ звѣринца. Мертвецъ едва пошевелился. Кругомъ все попрежнему бѣло. Падаетъ снѣгъ.

XIV.

Когда Берта слышала утромъ, по телефону, веселый голосъ мужа она очень удивилась. А когда онъ коротко попросилъ заказать хорошій обѣдъ и обѣщалъ во-время вернуться, она невольно подумала: «А, значитъ опасность миновала. Мы можемъ вздохнуть и съ этой минуты жизнь наша пойдетъ совсѣмъ иначе».

Но послѣ полудня ее охватило безпокойство, побороть которое она была не въ силахъ.

Напрасно старалась она овладѣть собою, напрасно увѣряла себя, что ея безпокойство—плодъ воображенія. На минуту она успокаивалась, а затѣмъ тревога поднималась съ новою силою. Наконецъ она уже не могла больше оставаться у себя. «Пойду къ Кристіану,—подумала она.—Я должна узнать, что случилось, должна увидѣть его».

Фру Мордтманъ пришла въ контору страхового общества два часа спустя по уходѣ оттуда Кристіана. При ея появленіи вся работа пріостановилась, и Берта почувствовала, какъ на нее устремились всѣ эти чужіе взоры, будто удивляясь, зачѣмъ она пришла и что̀ ей нужно.

— Мой мужъ здѣсь?—спросила фру Берта.

Кассиръ Лундбергъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Директоръ ушелъ уже два часа тому назадъ.

— А вы не знаете, когда онъ вернется?

— Директоръ ничего не сказалъ. Но обыкновенно онъ возвращается около этого времени.

— Такъ я войду и подожду.

Кассиръ вошелъ первый и зажегъ электричество. Было три часа и началъ падать снѣгъ. Смеркалось.

Берта вошла въ кабинетъ. Она не часто здѣсь бывала. Кристіанъ Мордтманъ вообще не любилъ видѣть женщинъ въ конторѣ. Кассиръ заперъ дверь, вошелъ и, повидимому, расположился оставаться какъ можно дольше. «Что ему нужно?—подумала фру Берта.—Отчего онъ не уходитъ?»

— Вамъ не кажется, что мой мужъ поправился послѣ поѣздки?—спросила Берта, чтобы что-нибудь сказать.

— Да,—съ разстановкой отвѣтилъ старикъ.

Онъ не умѣлъ разговаривать съ дамами и если не уходилъ, такъ только потому, что ему нужно было кое-что сказать.

— Вы знаете, фру Мордтманъ, что консулъ Мюллеръ былъ здѣсь сегодня?—выпалилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, — удивленно отвѣтила фру Берта. — Я не знаю его. Кто онъ?

Кассиръ Лундбергъ вздохнулъ.

— Плохо для дѣла, когда онъ приходитъ,—ворчалъ онъ.—Когда онъ является... когда за нимъ посылаютъ, и онъ уходитъ, привѣтливый, довольный...

Берта не поняла и кассиръ замѣтилъ это.

— Я только хотѣлъ просить васъ, — сказалъ онъ, — скажите объ этомъ словечко господину директору. Консулъ Мюллеръ не такой человѣкъ, которому можно довѣриться.

Берта разстегнула накидку и сѣла.

— Я скажу ему объ этомъ,—отвѣтила она.

Кассиръ сталъ еще серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, и глазки его засвѣтились.

— Пожалуйста, только не говорите, что это идетъ отъ меня, — сказалъ онъ. — Я говорю изъ лучшихъ побужденій и мнѣ не легко было собраться.

— Я понимаю и обѣщаю помнить ваше желаніе,—успокоила его Берта.

Кассиръ отправился къ своей конторкѣ, а Берта осталась одна.

«Значитъ зашло очень далеко,—думала она,—если Кристіанъ обращается къ людямъ, относительно которыхъ подчиненные считаютъ своимъ долгомъ предупредить его черезъ меня».

Мысль эта, однако, мучила ее меньше, чѣмъ она раньше воображала. Жутко, одиноко чувствовала себя Берта въ этой комнатѣ... Она встала и обошла ее кругомъ, взглянула на полки, окинула взглядомъ занавѣси, мебель краснаго дерева, письменный столъ, несгораемый шкафъ и коверъ, заглушавшій шаги.

Страхъ, наполнявшій ее, все возрасталъ. Казалось, здѣсь свершилось все, что опредѣлила ея жизнь. Здѣсь произошло все, что обусловило пустоту и напряженность ихъ существованія.

Охваченная невыразимымъ безпокойствомъ, она ждала и ждала— вотъ-вотъ отворится дверь и мужъ войдетъ.

Почему онъ не идетъ? Зачѣмъ онъ заставляетъ ее сидѣть одну, когда ей нужно только взглянуть на него, чтобы спокойно уйти. Чего она боится? Почему кассиръ говорилъ такъ многозначительно и таинственно. Почему всѣ оглядывали ее съ явнымъ изумленіемъ? Что думаютъ они о томъ, что она такъ долго сидитъ и не уходитъ, хотя раньше не бывала совсѣмъ? О чемъ они шепчутся тамъ за дверью?

Въ пальто и въ шляпѣ сидитъ Берта у стола, сидитъ забывъ, что время идетъ. Кругомъ все тихо, чуждо; тиканье часовъ до такой степени болѣзненно отзывается на ея нервахъ, что она должна сдѣлать усиліе, чтобы не остановить маятникъ. Она сидитъ и чего-то ждетъ, не зная въ сущности чего. А Кристіанъ все не приходитъ. Она чувствуетъ, что ожидаемое все ближе и ближе. Что это подвигается?

Пробили часы, открылась дверь и кассиръ сказалъ:

— Теперь уже директоръ не придетъ. Въ пять мы закрываемъ.

«Нѣтъ, нѣтъ,—думаетъ Берта.— Онъ не придетъ. Что мнѣ тутъ дѣлать?» Она поднялась, застегнула накидку и медленно, подыскивая слова, спросила:

— Вы говорили съ директоромъ передъ его уходомъ?

Тутъ случилось нѣчто необычайное: кассиръ Лундбергъ опять притворилъ за собою дверь и, подойдя къ фру Мордтманъ, забылъ, что онъ старый холостякъ, что онъ не умѣетъ обращаться съ дамами. Его волненіе такъ велико, что онъ, не сознавая, что дѣлаетъ, положилъ руку на плечо фру Мордтманъ и тихо отвѣтилъ:

— Я не говорилъ съ нимъ, но видѣлъ его. Я подошелъ къ дверямъ, но онъ меня не слышалъ. Онъ сидѣлъ на этомъ стулѣ, склонивъ голову на руки, онъ не писалъ, не смотрѣлъ, не двигался. А когда онъ уходилъ, можно было думать, что ничего не случилось.

Фру Берта слушаетъ его и все себѣ представляетъ, но не находитъ отвѣта.

Кассиръ видимо взволнованъ, даже больше, чѣмъ сама фру Берта, и ерошитъ свою бороду, чѣмъ еще болѣе увеличиваетъ жуткое чувство въ душѣ бѣдной женщины.

— Чего вы боитесь?—спросила она наконецъ.

— Чего не придетъ въ голову фру Мордтманъ, при видѣ человѣка, который сидитъ въ отчаяніи и потомъ уходитъ такъ, какъ сдѣлалъ директоръ сегодня? Нѣтъ ничего хуже спекуляцій. Нельзя отрицать, что все это въ предѣлахъ дозволеннаго. Но не всегда легко сказать, что думаетъ объ этомъ законъ. Мы, коммерсанты, инстинктомъ чувствуемъ границу. Не то съ людьми науки, которые попадаютъ въ нашу среду. Для нихъ все это безнравственно. Оттого они такъ легко и теряютъ критерій.

Кассиръ Лундбергъ говорилъ какъ только могъ благожелательно. И никакъ не могъ понять, отчего это барыня вдругъ поблѣднѣла и повернулась, не простясь. Быстро прошла фру Берта черезъ контору, гдѣ уже все опустѣло и горитъ одинокая электрическая лампочка.

Фру Мордтманъ спѣшитъ домой и думаетъ: «Можетъ быть, онъ дома», но въ то же время она сознаетъ, что лжетъ самой себѣ. Она уже на набережной и видитъ издали длинный фасадъ большого дома, какъ вдругъ проѣхавшіе мимо сани заставили ее вздрогнуть. Въ саняхъ сидѣлъ Кристіанъ Мордтманъ. Онъ не обернулся, не подозрѣвая. конечно, какъ близко онъ отъ своей жены. Но Берта ни о чемъ больше не думаетъ: онъ ѣдетъ домой, онъ живъ!

Слово сказано. Вотъ чего она боялась. Теперь опасность миновала, и она ясно понимаетъ, въ чемъ она заключалась. Она торопится вслѣдъ за санями. Вотъ онѣ у воротъ, сейчасъ остановятся. При свѣтѣ газоваго фонаря она ясно видитъ, какъ Кристіанъ поднимаетъ голову и смотритъ на освѣщенныя окна.

Вдругъ ноги фру Берты подкосились и не повинуются ей. Нужно еще разъ посмотрѣть, не ошиблась ли она. Предъ подъѣздомъ нѣтъ саней. Улица пуста. Сани, которыя она только-то видѣла, ѣдутъ дальше къ звѣринцу и пропадаютъ въ снѣжной пыли, освѣщенной рѣзкимъ электрическимъ свѣтомъ. Пропалъ, скрылся въ темнотѣ.

Берта пошла прямо домой. Ее встрѣтилъ Юнгве и, прежде всего, спросилъ объ отцѣ.

— Я не видѣла его,—сказала Берта.

Въ эту минуту она забыла все, чему она училась, о чемъ думала, забыла, что она мать, что Юнгве для нея былъ всѣмъ, забыла, что сама же учила его правдѣ, что хотѣла вести своего сына по новому

пути; она съ ужасомъ думаетъ только объ одномъ; въ тотъ моментъ когда она думала, что вернула къ себѣ мужа, котораго любила и ненавидѣла, отъ котораго отказывалась и которому поклонялась, съ которымъ вѣчно боролась, въ тотъ моментъ, когда она считала, что онъ вернулся къ ней, онъ оставилъ ее опять одну. Она знаетъ, что это уже навсегда.

— Я больна,—говоритъ она, идетъ къ себѣ и запирается у себя въ комнатѣ со своимъ страхомъ. Душа ея полна предчувствій. Ей кажется она сидитъ у смертнаго одра и ей даже въ голову не приходитъ мысль объ ошибкѣ.

Не принимая пищи, не раздѣваясь сидитъ она и съ лихорадочной дрожью считаетъ часы. Ея предчувствіе такъ живо ей кажется,—оно уже осуществилось, но она не можетъ отказаться отъ надежды, что ея страхъ можетъ быть игрой воображенія.

Настало утро, свѣтъ поблѣднѣлъ вокругъ Берты. Черезъ минуту въ передней раздался звонокъ. Она сама открыла дверь и, увидя людей съ безжизненнымъ тѣломъ на рукахъ, не отвернулась, а пошла не оглядываясь впередъ со словами:

— Сюда, за мною.

Сама разспросила людей обо всемъ и, по уходѣ ихъ, проскользнула въ комнату, гдѣ лежалъ Кристіанъ Мордтманъ. Въ страхѣ она взглянула на постель, не рѣшаясь посмотрѣть на голову. И въ слѣдующую минуту съ нѣкоторымъ облегченіемъ (однимъ ужасомъ меньше!) опустилась на колѣни и зарыдала.

XV.

Кристіанъ Мордтманъ умеръ и выбылъ изъ строя. Быстро и безпощадно произнесла молва надъ нимъ свой приговоръ. Еще одна жертва спекуляціи, еще одинъ комаръ слишкомъ близко подлетѣлъ къ огню, опалилъ себѣ крылья и погибъ. Прежде чѣмъ смерть успѣла избавить его, судъ надъ нимъ былъ произнесенъ. Подобный судъ является выраженіемъ общаго мнѣнія, и кто первый произноситъ свое слово—неизвѣстно. Какъ-нибудь въ кафэ, въ мужской компаніи, кто-нибудь проронилъ словечко. «Ничего достовѣрнаго, но говорятъ», и онъ передаетъ только то, что слышалъ. Отцы семействъ, которые поздно возвращаются домой, принесутъ новость въ спальню, а на утро сотни языковъ распространяютъ вѣсть, а телефонъ успѣшно содѣйствуетъ имъ. Въ одинъ прекрасный день исчезнетъ человѣкъ, тайна котораго давно уже всѣмъ извѣстна, или гдѣ-нибудь раздастся выстрѣлъ и прекратитъ человѣческое существованіе.

Иногда среди алчныхъ дѣльцовъ сомнительной репутаціи вдругъ замѣчается странный переполохъ: какъ будто пошевелили муравейникъ. Всѣ кидаются съ разныхъ сторонъ, работаютъ, словно дѣло идетъ о жизни. Все чернѣетъ муравьями, и кажется, будто миръ и благополучіе погибли навсегда. Черезъ минуту все въ порядкѣ, будто ничего

не случилось, муравейникъ продолжаетъ работать, новые работники сглаживаютъ всѣ неровности. Мертвые муравьи вынесены и самый внимательный глазъ не подмѣтитъ, что здѣсь недавно произошло нѣчто, нарушившее правильную жизнь и работу муравейника.

Смерть Кристіана Мордтмана на нѣсколько дней вызвала безпокойство и смятеніе въ финансовомъ мірѣ. Говорились серьезныя рѣчи, люди встрѣчали другъ друга съ озабоченными лицами и сожалѣли о печальномъ событіи. «Мы давно это знали», говорили мудрые. «Мы чувствовали, что не все было такъ, какъ должно было быть», говорили женщины. Вкладчики, довѣрившіе обществу свои деньги, въ отчаяніи и дѣлаютъ все, чтобы очернить его память, даже болѣе, чѣмъ онъ заслуживаетъ. Они встрѣчаются, спорятъ, обсуждаютъ печальный инцидентъ и всѣ сходятся на томъ, что дѣло можно поправить, лишь бы найти настоящаго опытнаго человѣка. Нужно энергично приняться за поиски такого человѣка, а потомъ замести слѣды происшествія. Нельзя, чтобы случайности нарушали довѣріе въ коммерческомъ мірѣ. Тѣ, кто не рисковали деньгами въ мордтманскомъ предпріятіи, радуются и поздравляютъ себя съ умомъ и проницательностью. Тѣ, кто живетъ на счетъ чужихъ несчастій, держатся наготовѣ, не представится ли случай купить хорошенькій кусочекъ по дешевой цѣнѣ, пожать плоды неудачной работы, невѣрныхъ расчетовъ и даже преступленія. Какъ коршуны насторожились они и ждутъ момента. Приличіе требуетъ, чтобы покойникъ былъ погребенъ; раньше все-таки неловко собираться стаей и дѣлить добычу.

Среди всей этой знакомой намъ обстановки, привычной до того, что мы ея не замѣчаемъ, лежитъ Кристіанъ Мордтманъ, холодный, неподвижный. Вокругъ него возятся люди. Его властный голосъ не создаетъ уже больше себѣ аудиторію, его мозгъ не измышляетъ новыхъ способовъ, какъ избѣгнуть краха, онъ совершенно спокоенъ.

Его ротъ, наполовину скрытый бородой, искривленъ презрительной улыбкой и какъ будто говоритъ: «Дѣлайте со мною, что хотите. Вы не можете мнѣ повредить».

Фру Берта прочла эту улыбку на его безжизненномъ лицѣ. Она стояла рядомъ съ сыномъ и странное безразличное чувство поднималось въ ея душѣ. Можно подумать, что она теперь впервые начала прозрѣвать и понимать. Теперь, когда смерть перерѣзала ея жизненный путь, она впервые уяснила себѣ, что такое жизнь. Юнгве смотритъ на нее и безмолвно горько плачетъ. Видя это, фру Берта думаетъ: «Мальчика я спасу». Крѣпко сжимаетъ она его руку и ради него сдерживаетъ себя всѣ эти дни.

Наконецъ, прошелъ и день похоронъ, ужасный день, когда фру Берта, вмѣсто сочувствующихъ друзей, видѣла вокругъ холодныхъ, равнодушныхъ людей, читала осужденіе на ихъ лицахъ. Всего тяжелѣе ложится на мертвеца невысказанное осужденіе. Всего тяжелѣе отзывается оно на его близкихъ. Фру Берта ѣхала въ первой каретѣ.

Пасторъ говорилъ ей слова утѣшенія. Потомъ она была въ церкви, потомъ прошла къ могилѣ, слышала, какъ земля падала на гробъ, видѣла, какъ онъ исчезъ въ черной пасти. Она держала Юнгве за руку, слышала, какъ онъ плачетъ, но не смѣла взглянуть на него. Она не смѣла смотрѣть, потому что чувствовала обращенныя къ ней мысли окружающихъ. Сама она все время мысленно была съ покойнымъ. Она все время вспоминала ту ужасную ночь, когда она страдала съ нимъ, дѣлила его судьбу. Только, когда дверца кареты захлопнулась за нею, она зарыдала, прижавшись губами къ рукѣ Юнгве.

Она почувствовала, что у нея осталось нѣчто, тайна, которой никто не знаетъ, никто не видитъ, никто не можетъ осквернить.

Она жалѣла Кристіана Мордтмана, жалѣла, какъ будто вся жизнь ихъ была полна самой высокой красоты, жалѣла о немъ и чтила его память больше, чѣмъ если бы онъ ушелъ отъ нея незапятнаннымъ. Въ немъ она любила его судьбу, то, что не видно людямъ, о чемъ она сама въ теченіе многихъ лѣтъ забывала.

Фру Берта вернулась съ сыномъ домой съ кладбища и удивилась, что силы ей не измѣнили, хотя она и чувствовала себя одинокой, покинутой.

Часы идутъ и не кажутся ей длинными, они полны величія жизни, которое сознается только въ присутствіи смерти. Юнгве ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ выросъ подъ вліяніемъ всего пережитаго... Вдругъ фру Мордтманъ доложили, что ее спрашиваютъ. Ни мало не удивясь, вышла она въ переднюю и увидѣла старушку Аабель. Она помогла ей раздѣться и онѣ долгое время не могли вымолвить ни слова.

— Мнѣ казалось, что я должна придти,—сказала, наконецъ, старушка.—Я все слышала и все видѣла. Я была на кладбищѣ и видѣла васъ съ мальчикомъ. Вы мнѣ показались такой одинокой въ толпѣ. Потому-то я и пришла. Я не могла иначе.

Все происшедшее было не по силамъ старушкѣ. Она волновалась, и руки ея, державшія конвертъ, дрожали.

— Я должна была вернуть вамъ это,—сказала она и невѣрною рукою протянула фру Бертѣ конвертъ. Я нѣсколько разъ перечитала его. Больше оно мнѣ не нужно, а принадлежитъ вамъ, я и думала, что должна возвратить его вамъ. Но, быть можетъ, оно вамъ не нужно.

Старушка взглянула на Берту, смущенная своимъ собственнымъ безпокойствомъ, своимъ приходомъ и тѣмъ, что будетъ думать другая.

Фру Берта сидитъ съ письмомъ въ рукахъ, смотритъ на старушку и находитъ, что больше скрывать она не можетъ.

— Я не могу вамъ лгать. Во всякомъ случаѣ—теперь. Въ прошлый разъ я солгала, потому что такъ казалось мнѣ лучше. Я желала бы сохранить письмо. Когда вы были здѣсь въ послѣдній разъ, я его еще не прочла.

Лицо старушки Аабель застыло и фру Берта, замѣтивъ это, протянула ей руку. Та схватила ее.

— Послѣ всего, что случилось, вы легко поймете меня. Теперь я прочту его.

Съ минуту старушка сидѣла молча и потомъ говоритъ:

— Все оттого, что я думала только о себѣ.

Онѣ заговорили и этой старушкѣ, которую она узнала только недавно, Берта разсказала все о себѣ и Кристіанѣ.

— Кланяйтесь Торстену, когда онъ выйдетъ. Я здѣсь не останусь. Я уѣду съ Юнгве. Куда—еще не знаю. Но меня не будетъ здѣсь къ тому времени, когда онъ освободится. Скажите ему еще одну вещь.

Берта покраснѣла и, кажется, не можетъ подыскать словъ. Глаза старушки испытующе на нее смотрятъ.

— Скажите ему, — продолжала Берта, — что я любила покойнаго больше жизни, и что если другіе думали иначе, то потому только, что я обманывалась сама.

Старушка вздрогнула.

— Я передамъ ему. Что-то будетъ съ Торстеномъ, когда онъ вернется?—думаетъ она вслухъ. — Теперь онъ созрѣлъ... Кто, кромѣ меня, захочетъ его принять?

Съ этимъ вопросомъ старушка поднялась и стала прощаться, а черезъ нѣсколько минутъ Берта закрыла за нею двери и осталась одна.

Одновременно съ замѣткой о погребеніи газеты сообщаютъ подробности краха, со всѣми печальными послѣдствіями его. Консулъ Томасъ Мюллеръ принялъ это наслѣдство. Его имя вполнѣ обезпечиваетъ дальнѣйшій ходъ дѣла и общество спокойно можетъ ждать развязки. Наслѣдство Кристіана Мордтмана передано въ руки конкурснаго управленія. Конечно, это мало поможетъ дѣлу. Непремѣнно будутъ люди, которые останутся неудовлетворенными. Но о такихъ мелочахъ никто не думаетъ. Общественное мнѣніе молчитъ. Оно достаточно говорило раньше, но къ его голосу плохо прислушивались.

Въ обществѣ на отношенія супруговъ Мордтманъ смотрѣли, какъ на холодный, приличный бракъ. «Да,—говорили умные люди,—никто не знаетъ такихъ вещей», а тѣ, кто умѣютъ оцѣнивать людей, добавляли: «Она была слишкомъ добра, слишкомъ хороша для него».

Фру Берта не замѣчаетъ этого, и въ этомъ ея счастье. Ничто не могло бы унизить ее сильнѣе. Она живетъ теперь ради одной цѣли, идетъ своимъ путемъ и не обращаетъ вниманія на то, что не имѣетъ для нея цѣны. Она была слѣпа, но теперь прозрѣла; она чувствуетъ себя, какъ человѣкъ, долго сидѣвшій въ темнотѣ: она должна пріучить свои глаза къ свѣту.

Она съ облегченіемъ оставляетъ все, что нѣкогда ей принадлежало.

Конецъ.

Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи.

Въ ближайшемъ будущемъ государственная жизнь Россіи получаетъ коренное преобразованіе въ видѣ организаціи народнаго представительства, возвѣщенной рескриптомъ 18-го февраля. Большая часть печати и общественныхъ организацій высказалась за необходимость системы представительства на началахъ всеобщаго и прямого избирательнаго права. И, дѣйствительно, мы должны признать, что только всеобщее избирательное право можетъ обезпечить въ системѣ государственнаго управленія голосъ всѣмъ группамъ населенія, одинаково заинтересованнымъ въ правильномъ направленіи законодательной работы государства.

Когда избранные населеніемъ представители соберутся въ будущее представительное учрежденіе, они неизбѣжно раздробятся на нѣсколько группъ, или такъ называемыхъ политическихъ партій. Въ настоящей статьѣ мы и хотимъ сдѣлать попытку нарисовать возможную группировку этихъ будущихъ партій.

Въ числѣ богатаго наслѣдства Карлъ Марксъ оставилъ намъ геніальную идею «общественныхъ классовъ». Еще въ составленномъ имъ «Коммунистическомъ манифестѣ» онъ заявляетъ, что «исторія всего общества есть исторія борьбы классовъ», а въ рядѣ послѣдующихъ работъ даетъ какъ опредѣленіе класса, такъ и анализъ классовыхъ группировокъ въ различныя историческія эпохи. Идея класса и классовой борьбы оказалась въ высшей степени плодотворной въ дѣлѣ выясненія процесса историческаго развитія и раскрытія тѣхъ соціальныхъ силъ, изъ которыхъ складывается теченіе общественно-политической жизни. Подтвержденіе этого мы находимъ какъ въ исторіи, такъ и въ современномъ положеніи государствъ земного шара.

Подъ общественнымъ классомъ мы разумѣемъ совокупность лицъ, связанныхъ единствомъ положенія въ экономическомъ строѣ общества и единствомъ экономическихъ интересовъ. Основные классы каждаго общества, каждаго государства опредѣляются, такимъ образомъ, строемъ хозяйственной жизни, позиціей каждой группы въ системѣ про-

изводства. Въ древности, въ эпоху натуральнаго хозяйства съ преобладаніемъ рабскаго труда, мы встрѣчаемъ аристократію, демократію и рабовъ, въ средніе вѣка—феодаловъ, городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ и крѣпостныхъ крестьянъ. Новое время, характеризующееся господствомъ капиталистическаго хозяйства, создаетъ и новые классы, соотвѣтствующіе этому строю: торгово-промышленная буржуазія является обладательницей движимаго капитала и главой капиталистическаго хозяйства, наемные рабочіе суть представители живой рабочей силы, подчиненные экономической власти буржуазіи; въ то же время владѣльцы крупной поземельной собственности, сохранившейся отъ временъ феодальнаго общества, образуютъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, мелкіе землевладѣльцы, прилагающіе личный трудъ къ землѣ, являются классомъ крестьянъ и, наконецъ, ремесленники и мелкіе торговцы, сохранившіе свое экономическое положеніе въ капиталистическомъ строѣ, должны быть отнесены къ особой группѣ мелкой буржуазіи. Каждый изъ указанныхъ общественныхъ классовъ имѣетъ свои обособленные интересы и свою особую экономическую и политическую психологію. Крупная буржуазія, сосредоточивая въ своихъ рукахъ капиталъ и руководство капиталистическими предпріятіями, заинтересована въ возможно большемъ накопленіи капитала и въ извлеченіи наибольшаго дохода (капиталистической прибыли) изъ эксплоатаціи капитала при помощи живой рабочей силы. Отсюда преклоненіе этого класса передъ принципомъ неограниченной частной собственности, обезпечивающей ему право на капиталъ и прибыль; отсюда защита начала экономическаго соперничества, обезпечивающаго побѣду наиболѣе сильному и наиболѣе богатому; отсюда антагонизмъ крупной буржуазіи къ рабочему классу, въ которомъ она видитъ объектъ своихъ экономическихъ манипуляцій, объектъ, никогда не желающій безропотно подчиняться экономической эксплоатаціи капиталистовъ.

Рабочій классъ объединенъ тѣмъ, что онъ одинаково чувствуетъ свою экономическую зависимость отъ класса капиталистовъ, что онъ вынужденъ продавать единственный товаръ, находящійся въ его распоряженіи—рабочую силу, продавая вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную долю личной свободы, здоровья и жизни. Рабочіе чувствуютъ свою полную солидарность, добиваясь болѣе высокой заработной платы, сокращенія рабочаго дня, улучшенія санитарныхъ условій труда и обезпеченія себя въ случаѣ болѣзни, старости и профессіональныхъ несчастій, организуя для этой цѣли союзы и стачки, создавая для улучшенія своего положенія взаимное страхованіе, потребительныя общества, строительныя товарищества и иныя ассоціаціи.

Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ основываетъ свое экономическое благосостояніе на утилизаціи земельной собственности и на полученіи отъ нея поземельной ренты. Онъ видитъ обезпеченіе своего благополучія въ укрѣпленіи частной собственности на землю и въ

выгодной ея эксплоатаціи, путемъ ли собственнаго хозяйства на капиталистическихъ началахъ, или путемъ сдачи въ аренду. Связанный съ землей, этотъ классъ, въ общемъ, относится довольно враждебно къ капиталистамъ, какъ тому общественному классу, который въ настоящее время оспариваетъ у него экономическое первенство и политическое господство. Съ другой стороны, землевладѣльческій классъ цѣпко держится за свои привилегіи и преимущества въ земельныхъ отношеніяхъ и въ мѣстномъ управленіи, сохранившіяся отъ прежняго времени.

Мелкое крестьянство не можетъ слиться съ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ уже потому, что главная основа его экономическаго существованія—не поземельная рента съ небольшихъ земельныхъ владѣній, а личный трудъ человѣка на землѣ. Крестьянинъ получаетъ въ своемъ мелкомъ хозяйствѣ трудовой доходъ, а не доходъ, основанный на эксплоатаціи чужихъ рабочихъ силъ. Только наиболѣе крупныя группы крестьянства, уже отстающія отъ чистаго типа трудовыхъ хозяйствъ, приближаются въ своихъ интересахъ къ землевладѣльческому классу, имѣя большія площади собственной земли и утилизируя ихъ при помощи наемной рабочей силы. Такъ какъ основой экономическаго существованія крестьянъ является земля, то главный интересъ ихъ сосредоточивается на томъ, чтобы имѣть ее въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія семьи и для занятія рабочихъ силъ семьи. Въ этомъ причина главныхъ недоразумѣній крестьянъ съ классомъ землевладѣльцевъ по поводу высокихъ арендныхъ цѣнъ, ростовщическихъ условій сдачи земли (подъ отработки и пр.).

Наконецъ, мелкіе ремесленники и торговцы, борющіеся за свое экономическое существованіе и хозяйственную самостоятельность, представляютъ собой особую общественную группу, съ одной стороны защищающую начала экономической свободы (свободу промышленности, свободу передвиженія и торговли), но съ другой стороны враждебно настроенную къ побѣдоносному шествію крупнаго капитализма. Выступая съ идеей политическаго либерализма, эта партія мелкой буржуазіи поддерживаетъ мѣры, ограничивающія развитіе капиталистическаго хозяйства, напримѣръ, репрессіи въ отношеніи синдикатовъ, универсальныхъ магазиновъ и т. п.

Если мы обратимся къ Западной Европѣ, то увидимъ въ сложившихся политическихъ партіяхъ подтвержденіе мысли о глубокой связи ихъ съ основными экономическими интересами тѣхъ группъ населенія, которыя поддерживаютъ ту или другую партію.

Въ Англіи, въ XIX вѣкѣ, когда сложилось капиталистическое хозяйство, мы встрѣчаемся съ двумя политическими партіями—консерваторовъ и либераловъ. Первые—представители земельной аристократіи, вторые—представители денежной и промышленной буржуазіи.

Первые опираются на англійскія графства, въ которыхъ имѣетъ преобладаніе земельное дворянство и англиканское духовенство, вторые господствуютъ, главнымъ образомъ, въ промышленныхъ округахъ сѣверной и восточной Англіи и въ демократической Шотландіи. Въ теченіе XIX вѣка противоположность интересовъ этихъ партій сказывалась особенно рельефно. Консерваторы, защищая интересы землевладѣнія, являлись сторонниками всякихъ привилегій и преимуществъ землевладѣльческаго класса и господствующей роли его въ мѣстномъ управленіи, ратовали за хлѣбныя пошлины, удорожавшія цѣну хлѣба и поддерживавшія высокую поземельную ренту, враждебно относились къ сохраненію и развитію мелкаго землевладѣнія; они же выступили въ парламентѣ главными защитниками фабричнаго законодательства, такъ какъ это послѣднее совершенно не затрагивало ихъ экономическихъ интересовъ, но давало легкую возможность сыграть роль благородныхъ защитниковъ угнетеннаго рабочаго класса и тѣмъ снискать въ средѣ послѣдняго широкую популярность и лишніе голоса на выборахъ. Однако, выступая за рабочее законодательство въ промышленности, консерваторы рѣшительно противились мѣропріятіямъ въ сферѣ сельскохозяйственнаго рабочаго вопроса, напримѣръ, по упорядоченію рабочихъ жилищъ, по регулированію питейнаго вопроса, по регламентаціи странствующихъ бандъ сельскихъ рабочихъ и пр. Либералы, какъ представители буржуазіи, въ теченіе всего XIX вѣка боролись, прежде всего, за уничтоженіе остатковъ феодальнаго строя, сковывавшаго свободу экономической предпріимчивости; они защищали свободу промышленности и торговли, ратовали за уничтоженіе многочисленныхъ акцизовъ, стѣснявшихъ развитіе промышленныхъ предпріятій, за отмѣну таможенныхъ пошлинъ, ставшихъ ненужными при блестящемъ техническомъ прогрессѣ индустріи, и въ особенности за уничтоженіе хлѣбныхъ пошлинъ, которыя поднимали заработную плату рабочихъ благодаря дороговизнѣ хлѣба. Наконецъ, они вели энергичную борьбу противъ фабричнаго законодательства, которое считали посягательствомъ на свободу промышленности и свободу рабочаго договора и пагубой для промышленнаго прогресса.

Въ исторіи этихъ партій наблюдается за послѣднее время интересное явленіе. Обѣ онѣ перестаютъ быть столь рѣзко обособленными въ своихъ интересахъ, какъ прежде. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что земельная аристократія начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, начинаетъ принимать буржуазно-капиталистическій характеръ, а буржуазія въ свою очередь усиленно стремится къ пріобрѣтенію земельной собственности. Борьба двухъ партій начинаетъ утрачивать принципіальный характеръ и дѣлается въ значительной степени просто борьбой за власть. Этимъ объясняется и значительное потускнѣніе экономическихъ программъ обѣихъ партій, господствовавшихъ доселѣ въ Англіи.

———

Консерваторы, напр., выступили въ послѣднее время защитниками идеи имперіализма и таможеннаго протекціонизма, явились врагами гомруля въ Ирландіи и были главной поддержкой правительства во время войны съ бурами. Либералы же, защищая, съ одной стороны, земельныя реформы въ смыслѣ надѣленія крестьянъ землей, съ другой стороны, выступаютъ противъ имперіализма и протекціонизма, несмотря на выгоду ихъ для промышленниковъ многихъ отраслей. Они же являются и защитниками дальнѣйшихъ реформъ въ фабричномъ законодательствѣ. Въ области политическихъ партій Англія стоитъ, несомнѣнно, на рубежѣ большихъ событій. Именно, въ политической жизни ея должна выступить новая группа—рабочій классъ, какъ самостоятельная величина съ собственной программой и планомъ дѣятельности. До сихъ поръ рабочій классъ являлся tertius gaudiens во время борьбы консерваторовъ и либераловъ. Тѣ и другіе давали ему реформы въ силу стремленія утишить народныя страсти или изъ желанія привлечь на свою сторону рабочіе голоса. Встрѣчающіеся въ англійскомъ парламентѣ рабочіе представители не объединены въ единую партію, а либо примыкаютъ къ либераламъ, общая программа которыхъ все же немного демократичнѣе, либо ведутъ себя, какъ «дикіе», преслѣдуя совершенно частичные интересы отдѣльныхъ группъ рабочаго класса; такъ, напр., депутатъ дургэмскихъ углекоповъ противодѣйствуетъ введенію 8-ми часового дня, а представитель общей федераціи углекоповъ поддерживаетъ идею 8-ми часового дня и т. п. Небольшая группа рабочихъ подъ названіемъ independent labour party съ Кейръ-Гарди во главѣ давно уже проповѣдуетъ необходимость образованія самостоятельной рабочей партіи съ программой классового характера, но рабочіе въ массѣ только въ самое послѣднее время начинаютъ приходить къ сознанію справедливости этого взгляда. Въ результатѣ послѣдніе конгрессы англійскихъ трэдъ-юніоновъ поставили этотъ вопросъ на очередь и принимаютъ мѣры къ его практическому осуществленію.

Если мы обратимся къ Германіи, то увидимъ, что и здѣсь главныя партіи сложились подъ вліяніемъ могучихъ экономическихъ интересовъ. Консервативная партія въ Германіи имѣетъ яркую помѣстно-аграрную окраску. Питаясь феодальными традиціями, она ведетъ борьбу за сохраненіе и развитіе крупнаго землевладѣнія. Отсюда ея защита всѣхъ правъ и преимуществъ земельной собственности, защита сахарныхъ премій, привилегій по сельскохозяйственному винокуренію, ея противодѣйствіе всякимъ попыткамъ сельскихъ рабочихъ улучшить свое соціальное и экономическое положеніе, а въ особенности необузданная агитація за высокія пошлины на ввозимый хлѣбъ и скотъ, гарантирующія высокія внутреннія цѣны на сельскіе продукты и, слѣдовательно, хорошій поземельный доходъ съ имѣній. На почвѣ защиты интересовъ земледѣльческаго класса нѣмецкіе аграріи сумѣли организовать грандіозный союзъ

подъ названіемъ «Bund der Landwirte». Прикрываясь широкими земледѣльческими принципами, аграріи привлекли къ этому союзу массу крестьянъ, такъ что число его членовъ превысило 250.000 чел. «Союзъ сельскихъ хозяевъ» является могущественнымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ аграріевъ во время избирательной кампаніи. Такъ, на послѣднихъ выборахъ онъ проявилъ активную дѣятельность въ 174 избирательныхъ округахъ, причемъ провелъ 55 собственныхъ кандидатовъ и 34 лица съ близкой ему программой; въ общемъ, число голосовъ, собранныхъ союзомъ въ пользу всѣхъ этихъ депутатовъ, составляетъ колласальную цифру въ 1.705.531. Въ то же время консервативная партія провозглашаетъ своимъ лозунгомъ, «за могущество Германіи вовнѣ и внутри», «за власть и отечество», «за усиленіе арміи и флота», чтó объясняется существующими до сихъ поръ служебными преимуществами германскаго помѣстнаго дворянства, поставляющаго своихъ сыновей въ ряды высшихъ офицеровъ арміи и флота, играющаго затѣмъ весьма видную роль въ мѣстномъ управленіи и получающаго широкій доступъ къ значительнымъ должностямъ при дворѣ и въ высшемъ центральномъ управленіи.

Либерально-буржуазная партія, представляющая интересы класса капиталистовъ, не имѣетъ единства въ Германіи, а дробится на цѣлый рядъ фракцій, обусловленныхъ случайными и мѣстными историческими причинами. Сюда должны быть отнесены свободомыслящая партія, свободомыслящій союзъ, націоналъ-либералы и отчасти центръ. Всѣ эти парламентскія партіи въ той или другой степени защищаютъ интересы промышленнаго и торговаго капитализма. Первыя двѣ группы являются представительницами средняго бюргерства и защищаютъ идею политической и экономической свободы; до послѣдняго времени онѣ боролись противъ вмѣшательства государства въ экономическія отношенія, напр., противъ фабричнаго законодательства, противъ регламентаціи синдикатовъ, не признавали существованія рабочаго вопроса и т. п. Націоналъ-либералы—партія, клонящаяся къ упадку. Наибольшаго развитія она достигла при Бисмаркѣ, когда соединяла защиту интересовъ крупнаго капитализма съ идеей національнаго могущества *). Она являлась защитницей таможеннаго протекціонизма; она провела въ 70-хъ годахъ таможеный тарифъ, промышленный уставъ, торговое уложеніе, вексельный уставъ, учрежденіе имперскаго банка—все въ интересахъ буржуазіи. Во то же время, во имя могущества Германіи и расширенія ея владычества въ отношеніи колоній и рынковъ націоналъ-либеральная партія поддерживала и поддерживаетъ почти всѣ предложенія правительства по усиленію арміи и флота, его активную колоніальную политику. Сообразно классовой окраскѣ, эта партія вы-

*) Въ 1874 г. въ рейхстагѣ было 155 націоналъ-либераловъ а въ 1903 г. всего 50.

ступала противъ рабочихъ организацій, противъ права стачекъ, противъ всеобщаго избирательнаго права и т. д.

Центръ въ сущности является такой же буржуазной партіей, какъ и только что перечисленныя, но его происхожденіе и существованіе вызвано спеціальными событіями германской жизни, именно политикой Бисмарка въ отношеніи католическаго духовенства и іезуитовъ, связанной отчасти съ общекультурной задачей освобожденія населенія отъ опеки духовенства. Борьба «желѣзнаго канцлера» съ католицизмомъ, именуемая культуркампфомъ, выразилась въ проведеніи цѣлаго ряда государственныхъ мѣропріятій, какъ-то: введенія гражданскаго брака, закрытія католическихъ учебныхъ заведеній, изгнанія католическихъ орденовъ, закрытія католическихъ обществъ, превращенія епископовъ и священниковъ въ чиновниковъ государства и пр. Эти ограниченія католической религіи и духовенства были встрѣчены крайне враждебно католиками, которые, подъ вліяніемъ идеи служенія церкви, объединились и создали партію центра, поставившую своей задачей защищать въ рейхстагѣ католическую вѣру и духовенство. Въ этой партіи объединились подъ знаменемъ вѣры весьма различныя группы населенія: фабриканты, торговцы, крестьяне, землевладѣльцы и даже рабочіе. Въ силу этого центръ лишенъ яркой классовой окраски, но тѣмъ не менѣе въ виду господствующаго въ немъ вліянія торгово-промышленныхъ интересовъ онъ является партіей буржуазіи, защищая существующій государственный и экономическій порядокъ. Религіей онъ освящаетъ собственность и власть и всегда выступаетъ на ихъ защиту въ противовѣсъ рабочей партіи. Въ экономической политикѣ центръ старается проводить поддержку всѣмъ составнымъ элементамъ своей партіи: торговцамъ, промышленникамъ, сельскимъ хозяевамъ и рабочимъ.

Наконецъ, рабочая партія въ Германіи объединяетъ интересы трудящагося класса. Во имя счастія послѣдняго она конструируетъ особую соціально-экономическую теорію, согласно которой въ экономической жизни происходитъ все бо̀льшая и бо̀льшая концентрація предпріятій, развитіе пролетаріата, увеличеніе пропасти между имущими и неимущими; эти процессы вызываютъ протестъ угнетенныхъ и эксплоатируемыхъ, послѣдніе сплочиваются въ одну партію, завоевываютъ политическую власть и организуютъ общество на новыхъ соціальныхъ началахъ.

Въ политической жизни эта партія выставляетъ начало демократизма, народнаго суверенитета, а въ экономической области ея идеалъ—соціалистическое общество. Въ прежнее время многіе изъ сторонниковъ партіи считали возможнымъ установить новый порядокъ насильственнымъ переворотомъ, но теперь въ партіи все болѣе упрочивается убѣжденіе въ постепенности преобразованій соціально-экономическаго строя. Такъ, въ одномъ изъ оффиціальныхъ изданій партіи говорится:

«Рабочая партія стоитъ на почвѣ эволюціи; она исходитъ изъ взгляда, что никакой политическій и соціальный порядокъ не можетъ быть созданъ прочно, если не имѣется налицо всѣхъ условій для его существованія и если въ то же время новое положеніе не отвѣчаетъ общимъ потребностямъ широкихъ круговъ общества».

Сообразно своимъ идеаламъ, рабочая партія въ Германіи поддерживаетъ въ политической области широкіе демократическіе принципы: демократизацію арміи и созданіе милиціи, уничтоженіе милитаризма, дальнѣйшее развитіе народнаго представительства въ смыслѣ предоставленія права голоса мужчинамъ съ 20-ти-лѣтниго возраста и женщинамъ, отдѣленіе церкви отъ государства, отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ. Въ экономической области партія поддерживаетъ всѣ мѣропріятія въ интересахъ рабочаго класса и широкихъ народныхъ массъ: рабочее законодательство, уничтоженіе аграрныхъ пошлинъ, жилищныя реформы, безвозмездность медицинской помощи, развитіе прогрессивныхъ прямыхъ налоговъ, уничтоженіе косвенныхъ налоговъ на предметы необходимости и т. д.

Подобно разсмотрѣннымъ странамъ, и политическія партіи остальныхъ государствъ такъ или иначе покоятся на извѣстныхъ экономическихъ интересахъ и составляютъ отображеніе соціально-экономическихъ группировокъ населенія. Во Франціи, напр., мы видимъ консервативно-католическую партію, какъ обломокъ прежнихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, защищающую имперію и католицизмъ и все еще питающуюся феодально-помѣстными воззрѣніями. Оппортюнисты являются представителями крупной промышленной и землевладѣльческой буржуазіи; они проповѣдуютъ аграрный и промышленный протекціонизмъ, поддержаніе землевладѣльцевъ организаціей кредита и синдикатовъ, колоніальную политику и пр. Радикальная партія—партія мелкой буржуазіи—защищаетъ пересмотръ конституціи въ болѣе демократическомъ духѣ, подоходный налогъ, борьбу съ крупными акціонерными обществами, соціальныя реформы, отрицательно относится къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ. Наконецъ, нѣсколько соціалистическихъ группъ выступаютъ представителями рабочаго класса, защищая его интересы. Въ Соединенныхъ Штатахъ двѣ главныхъ существующихъ партіи имѣютъ несомнѣнный экономическій фундаментъ. Демократы-депутаты южныхъ штатовъ—являлись представителями интересовъ землевладѣнія; они защищали рабовладѣніе, были за свободу торговли за децентрализацію и т. д. Республиканцы, опиравшіеся на сѣверные штаты, были представителями промышленнаго класса; они выступали на защиту протекціонизма, за увеличеніе арміи и флота и колоніальныя пріобрѣтенія. Но въ настоящее время опредѣленная классовая окраска этихъ двухъ партій значительно потускнѣла, различія ихъ міровоззрѣній стушевались и борьба между ними идетъ не столько изъ-за принциповъ, сколько изъ-за обладанія политической властью. Политическая

жизнь страны требуетъ извѣстнаго обновленія, которое можетъ быть достигнуто образованіемъ новыхъ партій съ опредѣленнымъ содержаніемъ принципіальнаго характера. Такъ, дѣлаются попытки образовать особую рабочую партію, попытки, которыя могутъ разсчитывать на успѣхъ.

Итакъ, мы можемъ сказать, что вездѣ наблюдается фактъ образованія политическихъ партій подъ вліяніемъ опредѣленныхъ соціально-экономическихъ требованій различныхъ группъ населенія. Это образованіе партій получаетъ различный характеръ и различный видъ въ зависимости отъ конкретныхъ условій жизни даннаго государства, но въ концѣ концовъ все же экономическое положеніе извѣстной группы населенія является рѣшающимъ моментомъ при кристаллизаціи ея въ партію.

Обращаясь къ Россіи, переживающей въ настоящее время многознаменательный поворотный моментъ своего политическаго существованія, мы должны прежде всего констатировать полную неопредѣленность тѣхъ группировокъ общественныхъ классовъ, которыя должны составлять основу нормальной политической жизни. Мы присутствуемъ при возникновеніи множества союзовъ и организацій. Однако почти всѣ эти союзы носятъ профессіональный характеръ: союзъ инженеровъ, союзъ адвокатовъ, профессоровъ, врачей, учителей начальныхъ школъ, земскій и т. д. Правда, всѣ эти союзы выступаютъ съ опредѣленными политическими и даже экономическими программами, но, если мы начнемъ анализировать послѣднія, то должны будемъ признать отсутствіе связи между данной программой и экономической позиціей группы. Было бы странно, конечно, дѣлать за это упреки возникшимъ организаціямъ, имѣющимъ большое воспитательное значеніе для общества, впервые начинающаго мыслить и дѣйствовать политически. Однако нельзя не признать, что подобныя организаціи не болѣе, какъ подготовительная ступень къ правильнымъ политическимъ группировкамъ.

Въ политической жизни страны могутъ имѣть реальное значеніе только политическія партіи, опирающіяся на массовую группу населенія, сплоченную единствомъ своихъ жизненныхъ интересовъ и готовую защищать ихъ всѣми законными средствами. Поэтому, чѣмъ скорѣе русскій народъ обратится къ образованію тѣхъ партій, на которыя онъ по своему соціально-экономическому строенію долженъ распасться, тѣмъ это будетъ лучше для планомѣрной и плодотворной дѣятельности будущихъ народныхъ представителей, созываемыхъ согласно рескрипта 18 февраля, да и для самаго выбора этихъ представителей.

Попытаемся набросать схему тѣхъ группировокъ, въ которыя, по нашему мнѣнію, должны вылиться различныя части населенія нашего

обширнаго отечества. Основаніемъ этихъ группировокъ, какъ мы уже неоднократно говорили выше, долженъ служить строй экономическихъ отношеній, господствующій въ Россіи.

Прежде всего мы сталкиваемся съ группой крупныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ рентой съ своей земли. Главный вопросъ ихъ существованія—сохраненіе того status quo, при которомъ они могутъ быть обезпечены земельнымъ доходомъ. Отсюда ихъ политическіе принципы—защита существующаго строя и частной собственности и обезпеченіе интересовъ землевладѣнія. Эта группа должна составить крайній правый флангъ представительнаго учрежденія—аграрную консервативную партію. Она будетъ защищать прежде всего всѣ мѣры, поддерживающія крупное землевладѣніе и его доходность: такъ, они выступятъ за мѣры, содѣйствующія повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, напр., будутъ бороться противъ дифференціальныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, будутъ защищать переломъ тарифа въ Челябинскѣ (въ цѣляхъ сокращенія наплыва хлѣба изъ Сибири); они будутъ поддерживать льготный и дешевый земельный кредитъ, напр., въ дворянскомъ банкѣ; будутъ отстаивать льготы землевладѣнія въ финансовой области—пониженный поземельный налогъ, пониженныя наслѣдственныя пошлины; они будутъ стремиться къ тому, чтобы арендная система не регулировалась государственной властью въ интересахъ съемщиковъ-крестьянъ, а была предоставлена свободному соглашенію между сторонами. Наконецъ, они будутъ противниками разрѣшенія сельскохозяйственнаго рабочаго вопроса, во имя интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ-предпринимателей. Такъ какъ послѣдніе заинтересованы въ возможно болѣе дешевыхъ рабочихъ рукахъ, то аграрная партія должна быть противъ мѣропріятій, обезпечивающихъ крестьянской массѣ экономическую самостоятельность—противъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, противъ широко поставленнаго переселенческаго дѣла. Съ другой стороны партія должна возставать противъ рабочаго законодательства въ сельскомъ хозяйствѣ, регулирующаго рабочій день, жилищныя и санитарныя условія труда, обезпечивающаго вознагражденіе при несчастныхъ случаяхъ и т. д.

Въ настоящее время названная группа еще не организовалась, но наличность ея въ будущемъ несомнѣнна уже по тѣмъ даннымъ, которыя мы можемъ почерпнуть изъ трудовъ бывшихъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства. Эти комитеты, состоявшіе въ значительной мѣрѣ изъ представителей землевладѣльческаго класса, обнаружили въ сферѣ аграрныхъ вопросовъ вполнѣ опредѣленную классовую точку зрѣнія. Въ духѣ аграріевъ разработанъ, напр., вопросъ о земельныхъ захватахъ, порубкахъ, потравахъ и воровствѣ фруктовъ. Члены комитетовъ изъ среды землевладѣльцевъ рисуютъ мрачную картину беззащитности земельной собственности отъ преступныхъ посягательствъ и требуютъ самыхъ энергичныхъ мѣръ для ея охраны. Одни изъ нихъ требуютъ

усиленія уголовной репрессіи, другіе—административнаго порядка разрѣшенія дѣлъ о земельныхъ правонарушеніяхъ, третьи—удлинненія сроковъ для подачи исковъ о нарушенномъ владѣніи, четвертые—введенія особой наемной сельской полиціи и полевой стражи; наконецъ, встрѣчается даже предложеніе организаціи рабочихъ командъ, въ которыхъ виновники порубки или потравы отрабатываютъ натурой причиненные убытки. По арендному вопросу мы встрѣчаемся съ массой жалобъ землевладѣльцевъ на неисправность крестьянъ въ арендныхъ платежахъ, на хищническое веденіе ими хозяйства, на трудности взысканій съ крестьянъ; землевладѣльцы отрицаютъ встрѣчающійся ростовщическій характеръ многихъ арендныхъ сдѣлокъ. Одни изъ нихъ признаютъ нежелательнымъ законодательное регулированіе арендныхъ отношеній, въ частности нормированіе арендныхъ цѣнъ, другіе же выдвигаютъ мѣры, обезпечивающія исключительно интересы земельныхъ собственниковъ, какъ предварительное исполненіе рѣшеній, передачу всѣхъ дѣлъ объ арендахъ земскимъ начальникамъ, право выселенія неисправныхъ арендаторовъ безъ суда, право захвата урожая арендатора на полѣ въ обезпеченіе арендной платы.

По рабочему вопросу мнѣнія комитетовъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ не менѣе характерны. Многіе комитеты въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицаютъ качества сельскихъ рабочихъ; землевладѣльцы жалуются на самовольный уходъ рабочихъ, на ихъ лѣность, на необезпеченность помѣщиковъ въ отношеніи исполненія рабочими принятыхъ обязательствъ. Большинство комитетовъ тѣхъ губерній, гдѣ имѣетъ мѣсто отходъ землевладѣльческихъ рабочихъ, признало этотъ отходъ подрывающимъ помѣщичье хозяйство, вреднымъ для земледѣлія и деморализующимъ населеніе. Отсюда предложенія мѣропріятій, ограничивающихъ отходъ, напр., уничтоженіе льготнаго тарифа по желѣзнымъ дорогамъ, стѣсненіе выдачи паспортовъ; нѣкоторые комитеты предлагали даже привлеченіе къ сельскохозяйственнымъ работамъ солдатъ и китайцевъ. Могилевскій уѣздный комитетъ предложилъ отдавать самовольно ушедшихъ рабочихъ на общественныя работы, казанскій губернскій комитетъ не призналъ желательнымъ запрещать зимнюю наемку, составляющую, какъ извѣстно, одну изъ главныхъ формъ ростовщической эксплоатаціи крестьянъ помѣщиками. Г. Андреевъ въ симбирскомъ комитетѣ откровенно заявилъ: «пока крестьянинъ имѣетъ свой надѣлъ и пока не будетъ пролетаріата—до тѣхъ поръ рабочій вопросъ неразрѣшимъ въ смыслѣ обезпеченія хорошихъ рабочихъ». А острожскій комитетъ Волынской губ. призналъ расширеніе крестьянскаго землевладѣнія вреднымъ, такъ какъ оно лишаетъ крестьянъ заработковъ (?!).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства существованія совершенно опредѣленныхъ землевладѣльческихъ тенденцій въ русскомъ обществѣ. Эти тенденціи и получатъ свое выраженіе въ

организаціи правой партіи аграрно-консервативнаго характера. Эта партія будетъ по преимуществу дворянской, аналогично германскимъ аграріямъ. По отношенію къ ней справедливо замѣчаніе Чичерина: «Когда сословіе чувствуетъ, что сила отъ него ускользаетъ, оно цѣпляется за отжившія свой вѣкъ привилегіи, особенно за денежныя выгоды, которыя испрашиваются у правительства подъ видомъ поддержки охранительныхъ элементовъ». Въ политической области эта группа будетъ отрицательно относиться ко всякимъ демократическимъ тенденціямъ, видя въ нихъ главнаго врага своего привилегированнаго положенія. Она будетъ обычно поддерживать правительство, какъ органъ существующаго порядка, лучше всего гарантирующаго ей обезпеченное положеніе.

Въ этой консервативной партіи должны будутъ сложиться, конечно, свои оттѣнки. Наиболѣе реакціонное элементы, враждебно относящіеся ко всякому политическому прогрессу и къ политическимъ преобразованіямъ государства, будутъ составлять крайнюю правую. Болѣе умѣренные консерваторы составятъ лѣвую половину партіи. Къ ней примкнетъ группа, которая, по всей вѣроятности, создастся изъ сторонниковъ правительства, какъ таковыхъ, т.-е. изъ разныхъ чиновниковъ, которые могутъ оказаться выбранными въ представительное учрежденіе, напр., изъ земскихъ начальниковъ (если они до того времени просуществуютъ), изъ чиновъ губернской администраціи и т. п. Это будетъ группа русскихъ оппортюнистовъ.

Совершенно особое положеніе занимаетъ въ Россіи крестьянскій классъ, который долженъ образовать крестьянско-демократическую партію. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не тѣхъ крестьянъ, которые, именуясь крестьянами, по размѣру и характеру хозяйства перешли въ ряды сельскохозяйственныхъ предпринимателей. Мы разумѣемъ подъ крестьянами особую экономическую категорію—земледѣльцевъ, обрабатывающихъ землю личнымъ трудомъ и трудомъ семьи. Такіе земледѣльцы не представляютъ собой предпринимателей потому, что основной источникъ ихъ существованія—ихъ собственная трудовая сила, прилагаемая къ землѣ. Этотъ крестьянскій классъ имѣетъ экономическіе интересы, совершенно отличные отъ интересовъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Главное вниманіе крестьянина сосредоточивается на землѣ, къ которой онъ чувствуетъ особое тяготѣніе. Это основной интересъ — получить побольше земли. Этимъ объясняются постоянные, ничѣмъ не искоренимые слухи и надежды, бродящіе въ русскомъ крестьянствѣ, о «черномъ передѣлѣ», о дополнительной нарѣзкѣ земли. Вопросъ о земельномъ обезпеченіи крестьянскаго класса составляетъ, несомнѣнно, серьезнѣйшую и сложную проблему нашихъ дней. Эта проблема, распадающаяся на мѣры по увеличенію площади крестьянскаго землевладѣнія въ мѣстностяхъ съ скудными надѣлами въ 1—2 дес. и на организацію переселеній, должна составить цен-

тральный пунктъ програмы крестьянской партіи. Между тѣмъ, землевладѣльцы предпринимательскаго типа не только не могутъ сочувствовать этимъ мѣрамъ, а должны относиться къ нимъ отрицательно, какъ къ фактору, затрудняющему имъ обезпеченіе себя рабочими силами. Наряду съ этимъ, необходимымъ условіемъ упроченія крестьянскаго хозяйства является интенсификація послѣдняго, для чего требуется широкое развитіе мелкаго землевладѣльческаго кредита, мѣры по распространенію улучшенныхъ сѣмянъ, орудій и скота, агрономическая помощь и т. д.—все мѣры, имѣющія значеніе только для мелкаго трудового хозяйства, а не для предпринимательскаго. Поэтому и добиваться примѣненія этихъ мѣръ будутъ, главнымъ образомъ, представители крестьянскаго класса. Другой вопросъ—объ арендѣ—точно также имѣетъ въ глазахъ крестьянъ совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ въ глазахъ землевладѣльцевъ. Первые въ жадныхъ поискахъ земли берутъ частновладѣльческія земли въ аренду, но ихъ интересъ какъ разъ противоположенъ интересу собственниковъ, отдающихъ землю въ аренду; они хотятъ платить дешевле, тогда какъ вторые желаютъ брать дороже. Вслѣдствіе усиленнаго спроса арендныя цѣны растутъ несоотвѣтственно доходности земли, и крестьяне заинтересованы въ томъ, чтобы эти цѣны были подвергнуты извѣстному регулированію со стороны государственной власти. Кромѣ того, для крестьянъ важно возвращеніе неиспользованныхъ затратъ и обезпеченіе сроковъ аренды. Различны точки зрѣнія крестьянъ и землевладѣльцевъ и на рабочій вопросъ въ деревнѣ. Многіе изъ крестьянъ, ведущихъ собственное хозяйство, отдаютъ часть своего труда и труда своихъ семейныхъ внаймы землевладѣльцамъ-предпринимателямъ. Такимъ образомъ, они заинтересованы въ широкомъ улучшеніи условій наемнаго труда, тогда какъ землевладѣльцы относятся къ этому если не враждебно, то, во всякомъ случаѣ, равнодушно. Для крестьянина, продающаго свою рабочую силу, важно получить возможно болѣе высокую заработную плату, добиться менѣе продолжительнаго рабочаго дня, важно устранить растовщичество на почвѣ выдачи зимой денежныхъ задатковъ или хлѣба подъ лѣтнія отработки, необходимо улучшить отвратительныя жилищныя условія и питаніе, обезпечить себя на случай несчастій или смерти, устранить вопіющую несправедливость въ положеніи о наймѣ на сельскія работы, заключающуюся въ примѣненіи въ одной только странѣ—къ рабочимъ—уголовной отвѣтственности за неисполненіе договора. Всѣ эти желанія и требованія представляются крупнымъ сельскимъ хозяевамъ отягощеніемъ и затрудненіемъ ихъ производства, а потому они обыкновенно выступаютъ противъ нихъ.

Наконецъ, при сбытѣ хлѣба крестьянинъ вовсе не такъ заинтересованъ въ высокихъ цѣнахъ, какъ заинтересованъ крупный землевладѣлецъ. Первый ведетъ въ извѣстной степени натуральное хозяй-

ство; значительная часть производимаго имъ хлѣба потребляется въ его собственной семьѣ. На рынокъ сбывается только излишекъ потребленія и другіе продукты сельскохозяйственной дѣятельности. При небольшихъ размѣрахъ хлѣбнаго сбыта для крестьянина не составляетъ особой важности разница въ цѣнѣ на нѣсколько копеекъ, тѣмъ болѣе, что основа его хозяйства—личный трудъ, не оплачиваемый въ издержкахъ производства. Наоборотъ, достаточныя цѣны на хлѣбъ составляютъ необходимое условіе для предпринимательскаго хозяйства, всецѣло построеннаго на денежныхъ издержкахъ, которыя должны быть возмѣщены, и на реализаціи денежной прибыли отъ всего предпріятія. Отсюда дѣятельная агитація за высокія хлѣбныя цѣны со стороны крупныхъ сельскихъ хозяевъ и сравнительное равнодушіе къ этому вопросу крестьянъ-земледѣльцевъ.

Въ качествѣ иллюстраціи сказанному мы можемъ привести главные пункты, намѣченные въ петиціи крестьянъ одного селенія Юрьевскаго уѣзда Владимірской губерніи и напечатанные въ «Рус. Вѣд.»: увеличеніе надѣльной земли новой прирѣзкой изъ казенныхъ и частныхъ земель, свобода крестьянской поземельной собственности, расширеніе операцій крестьянскаго банка, размежеваніе земель отдѣльныхъ селеній, свободное при широкомъ содѣйствіи правительства переселеніе, доступный и дешевый кредитъ для крестьянъ, уничтоженіе выкупныхъ платежей, болѣе равномѣрная раскладка прямыхъ налоговъ и пониженіе косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости, введеніе обязательнаго и безплатнаго народнаго образованія, всеобщее, равное и тайное избирательное право, уничтоженіе права земскихъ начальниковъ налагать административныя взысканія.

Итакъ, мы приходимъ къ убѣжденію объ отсутствіи какой-либо солидарности между крупными землевладѣльцами и крестьянами. Въ то же время крестьяне, хотя и являются представителями трудового начала, не могутъ слиться въ своихъ интересахъ съ рабочей партіей, партіей промышленнаго пролетаріата; въ отличіе отъ послѣдняго въ крестьянахъ слишкомъ глубоко коренится привязанность къ землѣ и «чувство собственности». Эта естественнаго характера связь крестьянина съ землей и природой налагаетъ своеобразную печать на всю психологію земледѣльца; какъ бы капитализмъ ни вовлекалъ его въ круговоротъ мірового хозяйства, на немъ всегда останется извѣстная патріархальность міровоззрѣнія, піететъ передъ силами природами, капризными въ своихъ проявленіяхъ и страсть къ увеличенію земельнаго владѣнія.

Конечно, если мы принципіально намѣчаемъ существованіе крестьянской демократической партіи, то это не значитъ еще, что всѣ ея представители будутъ имѣть совершенно одинаковый колоритъ. Здѣсь мы встрѣтимся, конечно, и съ болѣе умѣренными и съ болѣе радикальными группами. Правое крыло крестьянской партіи, вдохновляясь

консервативными элементами деревни, будетъ приближаться къ дворянско-консервативной партіи, защищая status quo и довольствуясь второстепенными реформами крестьянскаго быта. Наоборотъ, лѣвое крыло будетъ окрашено, несомнѣнно, соціалистическимъ духомъ: оно будетъ рѣзко демократично, будетъ защищать національзацію земли, соціализацію промышленности и путей сообщенія, но не будетъ поддерживать марксистской идеи поглощенія мелкаго крестьянскаго хозяйства крупнымъ предпринимательскимъ.

Если мы примемъ въ предстоящихъ выборахъ народныхъ представителей начало всеобщаго избирательнаго права, то крестьянскій классъ явится, конечно, самымъ главнымъ избирателемъ. Приблизительно можно считать, что крестьяне-земледѣльцы составляютъ въ Россійской имперіи около 75—80 милліоновъ человѣкъ, слѣдовательно, они дадутъ около 11—12 милліоновъ голосовъ. Но эта колоссальная армія избирателей, конечно, не двинется вся къ избирательной урнѣ. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ можно расчитывать на половину голосовъ. Но и эти 6 милліоновъ не будутъ поданы за кандидатовъ, представившихъ платформу крестьянской партіи. Масса голосовъ пойдетъ въ пользу мѣстныхъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, мѣстныхъ властей, мелкихъ деревенскихъ буржуа и т. п. Поэтому, если теоретически крестьянская партія должна была бы явиться по числу своихъ представителей самой крупной, то на практикѣ, особенно на первыхъ порахъ, этого можетъ совсѣмъ не быть.

Третью крупную политическую группу долженъ образовать торгово-промышленный классъ. Этотъ классъ, какъ экономическая вліятельная сила, складывается во второй половинѣ XIX вѣка, вмѣстѣ съ упроченіемъ капиталистическаго хозяйства въ Россіи. У него появляются нѣкоторыя организаціи, напр., съѣзды промышленниковъ (напр., въ 1870, 1872, 1875 гг.), постоянные союзы, въ родѣ союза мукомоловъ, горнопромышленниковъ, нефтепромышленниковъ, сахарозаводчиковъ и т. д. Правительство начинаетъ относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ новой общественной группѣ, обладающей наибольшими матеріальными средствами и обнаруживающей наибольшій экономическій успѣхъ. Желая опереться на новую силу, правительство начинаетъ усиленно ей покровительствовать, давать субсидіи, преміи, казенные заказы, ссуды, высокія протекціонныя пошлины и пр. И, дѣйствительно, крупная буржуазія являлась въ послѣднюю четверть истекшаго вѣка главной «опорой государства», находя, что при дружескихъ отношеніяхъ къ власти она извлекаетъ наибольшее количество выгодъ отъ своего привилегированнаго положенія. Однако, этому положенію вещей наступилъ конецъ. Буржуазія, обласканная и засыпанная дарами, поняла, наконецъ, что эти блага покупаются не всегда выгодной цѣной, что встрѣчаются моменты, когда за всѣ привилегіи и льготы требуютъ пожертвованій, иногда весьма значительныхъ, поняла также, что при

извѣстномъ уровнѣ общественнаго развитія и самосознанія ей, буржуазіи, оказывается выгоднѣе выступить въ качествѣ активной политической партіи, а не въ качествѣ объекта ласковаго попеченія начальства. Такой моментъ наступилъ какъ разъ въ настоящее время и на нашихъ глазахъ произошла поразительная метаморфоза въ мнѣніяхъ и настроеніяхъ крупной буржуазіи: она заговорила въ своихъ резолюціяхъ тѣмъ же самымъ языкомъ, какимъ говорили земскіе круги, интеллигенція, рабочіе. Такимъ образомъ, окончательное сплоченіе этого слоя въ опредѣленную партію представляется весьма простымъ и несомнѣннымъ.

Программа этой партіи, въ общемъ, намѣчается уже изъ прошлой исторіи нашей родины. Торгово-промышленный классъ будетъ отстаивать свои выгоды и свое преимущественное положеніе въ промышленности такъ же, какъ онъ это дѣлалъ до сего времени. Прежде всего онъ будетъ рѣшительнымъ протекціонистомъ, такъ какъ на охранительной таможенной системѣ покоились за послѣдніе 30 лѣтъ главные барыши нашихъ промышленниковъ. Умѣя добиться невѣроятно высокихъ таможенныхъ пошлинъ, превышающихъ пошлины почти всѣхъ странъ земного шара, наша буржуазія будетъ всѣми силами отстаивать ихъ и въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ высокія пошлины обезпечиваютъ безъ всякихъ усилій и труда высокую прибыль предпріятій и гарантируютъ отъ соперничества лучшихъ и болѣе дешевыхъ иностранныхъ издѣлій. Всѣ прочія общественныя группы будутъ, однако, единодушно бороться противъ этого чрезмѣрнаго протекціонизма, подрывающаго благосостояніе какъ бѣдныхъ, такъ и состоятельныхъ слоевъ населенія, и потому возможно, что въ будущемъ промышленная буржуазія будетъ вынуждена сдѣлать въ этомъ вопросѣ болѣе или менѣе серьезныя уступки и обратиться для сохраненія своей позиціи на внутреннемъ рынкѣ къ пріемамъ болѣе труднымъ, но болѣе цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, именно къ техническимъ усовершенствованіямъ и къ возвышенію производительности труда.

Далѣе, торгово-промышленный классъ будетъ всячески стремиться къ удержанію разнообразныхъ льготъ и преимуществъ, которыя были созданы въ періодъ усиленнаго насажденія въ Россіи промышленности, какъ, напр., субсидій государственной казны, казенныхъ заказовъ, ссудъ изъ государственнаго банка, правительственныхъ гарантій въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и пр. Правда, щедрыя подачки промышленникамъ не встрѣтятъ сочувствія массы населенія, но вопросъ о томъ, сохранятся ли эти подачки, или нѣтъ, будетъ зависѣть отъ фактическаго состава представительнаго учрежденія и отъ численности депутатовъ, могущихъ поддержать буржуазію по непосредственной связи съ нею или по инымъ соображеніямъ.

Промышленная буржуазія выступитъ также и противъ широкаго

развитія рабочаго законодательства. У насъ на глазахъ достаточно примѣровъ того, какъ относятся наши фабриканты ко всякимъ серьезнымъ попыткамъ усовершенствовать и углубить наше убогое фабричное законодательство. Вопросъ о сокращеніи рабочаго дня до 8—9 часовъ въ сутки встрѣчаетъ рѣшительную оппозицію, указывающую на грозящее будто бы банкротство русской промышленности отъ такой мѣры. Введенный въ 1903 году законъ объ отвѣтственности предпринимателей вызвалъ цѣлую бурю въ заинтересованныхъ кругахъ и серьезныя попытки уклониться отъ несенія возложенной обязанности. Въ только что созванной министерствомъ финансовъ коммиссіи по рабочему вопросы фабриканты весьма недвусмысленно выступили противъ проекта о допущеніи стачекъ рабочихъ. На съѣздахъ семидесятыхъ годовъ наши промышленники ставили вопросъ откровенно и цинично: у насъ въ Россіи, говорили они, рабочаго вопроса не существуетъ, отношенія между рабочими и хозяевами отличаются патріархальностью и не требуютъ радикальнаго вмѣшательства государственной власти (напр., съѣздъ промышленниковъ въ 1870 г.). Теперь, конечно, такія заявленія сдѣлались невозможными, но по существу отношеніе ихъ не измѣнялось. Наконецъ, либерально-буржуазная партія будетъ поддерживать и выгодную для себя финансовую политику. Не желая нести на себѣ значительную долю налоговой тяжести, она будетъ стараться тормозить широкія реформы, направленныя на созданіе большей равномѣрности обложенія, напр., будетъ противъ введенія подоходнаго налога и противъ усиленія обложенія торгово-промышленныхъ группъ населенія, напр., увеличенія промысловаго налога. Въ то же время она будетъ поддерживать финансовую систему, при которой главными плательщиками будетъ масса населенія, напр., систему преобладанія косвенныхъ налоговъ.

Либерально-буржуазная партія можетъ опереться на все то населеніе, которое такъ или иначе зависитъ въ экономическомъ отношеніи отъ капиталистовъ. За ея представителей будутъ голосовать, кромѣ самихъ капиталистовъ, многіе служащіе (въ магазинахъ, конторахъ, по фабричной администраціи), нѣкоторая часть нравственно вынуждаемыхъ рабочихъ, многіе мелкіе торговцы и ремесленники, либо стоящіе въ зависимости отъ фабриканта, либо «не токмо за страхъ но и за совѣсть» видящіе въ немъ желаннаго «народнаго представителя». Величина этой группы въ представительномъ учрежденіи будетъ зависѣть оттого, въ какой степени торгово-промышленной буржуазіи удастся политически подчинить себѣ зависимыя массы. Если для такого подчиненія не окажется благопріятныхъ условій, партія не должна быть велика по численности; это будетъ армія съ одними генералами.

Послѣдней крупной группой является рабочій классъ. Теперь для каждаго очевидно, что рабочій классъ у насъ не только существуетъ,

но что онъ въ своей массѣ уже организуется и дисциплинируется. И если какая-нибудь партія получитъ въ ближайшемъ будущемъ законченный видъ, такъ это именно рабочая партія. Зачатки организаціи относятся къ прошлому, напримѣръ, еще въ 1870 г. былъ основанъ сѣверный рабочій союзъ съ программой требованія свободы союзовъ, сокращенія рабочаго дня, уничтоженія косвенныхъ налоговъ, запрещенія дѣтскаго труда и пр. Марксисткія организаціи основываются негласно съ конца 80-хъ годовъ и съ этого же времени идетъ сильная работа самосознанія рабочаго класса.

Еще въ 1891 году одинъ рабочій говорилъ слѣдующую рѣчь на собраніи въ Петербургѣ: «Мы страдаемъ отъ ростовщической эксплоатаціи, которая ничѣмъ не ограничивается. Мы, сознавъ положеніе, должны выяснить нашимъ товарищамъ причины, которыя создаютъ нашу печальную участь, и указать выходъ. Требованія западно-европейскихъ рабочихъ признаны: стачки, кассы, союзы, библіотеки и другія учрежденія для рабочихъ. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Тамъ, на Западѣ рабочіе—полноправные граждане. Сознаніе говоритъ намъ, что мы тоже люди. Завоюемъ же тѣ права, которыми мы должны пользоваться, чтобы мы могли думать, говорить, соединяться въ союзы, обсуждать экономическія нужды, безъ какихъ-либо препятствій» (Rabinowitsch).

Объединяемый желѣзными условіями капиталистическаго хозяйства, рабочій классъ все болѣе чувствуетъ себя солидарнымъ и стремится общими усиліями улучшить свое положеніе. Условія его существованія въ Россіи какъ нельзя болѣе питаютъ это чувство неудовлетворенности. Намъ нѣтъ надобности подробно рисовать условія промышленнаго труда въ Россіи. Достаточно сказать, что заработная плата у насъ чрезвычайно низка, рабочій день отличается сравнительной продолжительностью. Хотя законъ 1897 г. и ввелъ максимальный рабочій день въ 11½ час., но широко примѣняемая система сверхъурочныхъ работъ свела значеніе этого законодательнаго акта почти къ нулю. Кромѣ того, законъ совершенно не касается многихъ другихъ сферъ наемнаго труда, напримѣръ, торговыхъ служащихъ, прямо изнемогающихъ подъ бременемъ 16—18-часового труда, ремесленныхъ рабочихъ (напримѣръ, въ булочныхъ, парикмахерскихъ) и т. д. Санитарная обстановка труда въ русскихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ весьма неудовлетворительна. Главная причина этого—неразвитость фабричнаго законодательства. Въ Англіи, напримѣръ, выработанъ цѣлый кодексъ, регулирующій въ подробностяхъ обстановку труда и санитарныя требованія закона. Ничего подобнаго нѣтъ въ Россіи. Далѣе, жилищныя условія рабочихъ на фабрикахъ также неудовлетворительны. Большинство рабочихъ вынуждено жить въ фабричныхъ казармахъ, которыя, за немногими исключеніями, устроены крайне негигіенично, отличаются недостаткомъ кубическаго содержанія воздуха, тѣснотой размѣщенія и пр. Право союзовъ и организацій отсутствуютъ у

рабочихъ и благодаря этому рабочіе лишены легальной возможности бороться общими силами на рабочемъ рынкѣ за улучшеніе условій труда. Личность рабочаго не обезпечена отъ административнаго произвола.

Все сказанное естественно должно было привести рабочихъ къ сознанію ненормальности ихъ положенія и создать серьезное рабочее движеніе. Значительность послѣдняго проявляется уже въ волненіяхъ 80-хъ годовъ на югѣ Россіи, затѣмъ въ крупныхъ стачкахъ 1896 — 1897 г. и слѣдующихъ годовъ и, наконецъ, обнаруживается въ небываломъ по своей грандіозности подъемѣ классоваго самосознанія рабочихъ за послѣдніе мѣсяцы. На нашихъ же глазахъ произошло политическое созрѣваніе огромнаго большинства торгово-промышленнаго пролетаріата и въ настоящій моментъ достаточно нѣсколькихъ внѣшнихъ условій для того, чтобы онъ сложился въ совершенно зрѣлую въ политическомъ отношеніи партію.

Направленіе рабочей партіи будетъ, конечно, марксистскимъ. Возможны здѣсь, конечно, различные оттѣнки большей или меньшей ортодоксіи, но главное ядро будетъ имѣть ярко выраженную марксистскую физіономію. Марксизмъ, какъ соціально-политическая доктрина, даетъ ясное и опредѣленное міросозерцаніе съ точными выводами въ сферѣ практической политики. По своей цѣльности и послѣдовательности онъ является наиболѣе понятнымъ для рабочихъ массъ, которыя уже и теперь въ значительной степени раздѣляютъ это ученіе. Возможно, что въ извѣстной группѣ народныхъ представителей интересы промышленныхъ рабочихъ и крестьянъ - земледѣльцевъ сольются въ одну общую программу, но это не помѣшаетъ организаціи особой рабочей партіи, которая рѣзко отчеркнетъ себя отъ всѣхъ прочихъ группъ населенія. Это тѣмъ болѣе будетъ такъ, что классъ промышленныхъ рабочихъ у насъ почти вполнѣ уже обособился отъ крестьянства и, если онъ еще имѣетъ слабыя связи съ послѣднимъ на почвѣ податныхъ обязанностей и земельныхъ надѣловъ, то въ экономическомъ отношеніи онъ вполнѣ откололся отъ земледѣльческой среды и пріобрѣлъ свою чисто пролетарскую психологію. Рабочая партія выставитъ такимъ образомъ своимъ общественно - экономическимъ идеаломъ радикальное переустройство общества на соціальныхъ и демократическихъ началахъ, а въ практической политикѣ будетъ бороться за интересы наемнаго труда — за широкое развитіе рабочаго законодательства, за демократизацію образованія, за развитіе самоуправленія и самодѣятельности общества, за преобразованіе финансовой системы въ смыслѣ перемѣщенія главной тяжести налоговъ съ плечъ малоимущихъ классовъ на плечи болѣе состоятельныхъ и платежеспособныхъ группъ и т. д.

Обращаясь къ вопросу о численности этой партіи, мы должны указать, что многіе, вѣроятно, и не подозрѣваютъ, насколько значительной должна оказаться у насъ, въ земледѣльческой Россіи, эта группа. Если относительно численность рабочаго класса весьма уступаетъ чи-

сленности крестьянства, то абсолютно онъ превосходитъ величину рабочаго класса большинства западно-европейскихъ государствъ и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія массы имѣетъ серьезное значеніе. Достаточно сказать что у насъ насчитывается около 2 милліоновъ промышленныхъ рабочихъ, около 650.000 горнорабочихъ, около 550.000 желѣзнодорожныхъ приблизительно 200.000 судоходныхъ рабочихъ и служащихъ, около 800.000 торговыхъ служащихъ, всего около 4.200.000 человѣкъ. Если теперь принять въ расчетъ семьи этихъ представителей труда, то русскій пролетаріатъ долженъ насчитывать въ своемъ составѣ до 20—22 милліоновъ человѣкъ обоего пола. Кромѣ того, у насъ можно считать свыше 1.200.000 земледѣльческихъ рабочихъ и до 2 милліоновъ кустарей, имѣющихъ главный заработокъ въ промыслѣ и зависящихъ отъ капиталистовъ-скупщиковъ, т.-е. около 10 — 12 милліоновъ человѣкъ обоего пола, принадлежащихъ къ сельскохозяйственному пролетаріату. Принимая во вниманіе взрослое населеніе, мы можемъ сказать, что число избирателей въ этой группѣ должно быть не менѣе 4 милліоновъ человѣкъ. Правда, нѣкоторая часть ихъ можетъ голосовать, особенно въ первое время, и за представителей другихъ направленій, но по мѣрѣ того, какъ политическая жизнь приметъ нормальное теченіе и получитъ возможность свободно развиваться, въ число сторонниковъ рабочей партіи войдетъ огромное большинство людей, живущихъ продажей своей рабочей силы.

Таковы основныя группировки партій, на которыя долженъ, какъ намъ кажется, расчлениться русскій народъ, въ силу существующихъ экономическихъ отношеній. Однако возможно, что въ политическую жизнь Россіи привзойдетъ еще національный моментъ, вторичный моментъ, обусловленный историческими судьбами нѣкоторыхъ народностей въ русскомъ государствѣ. Возможно, что у насъ создастся партія польская, финляндская, армянская. Съ точки зрѣнія политической группировки, отвѣчающей интересамъ различныхъ частей населенія, эти партіи едва ли составятъ положительное пріобрѣтеніе, ибо въ нихъ будутъ соединяться такіе интересы, которые никогда не могутъ придти къ взаимному соглашенію и солидарности. Однако стѣсненія народностей, проводившіяся въ теченіе многихъ десятилѣтій, создали въ нихъ такое отрицательное отношеніе къ русскимъ, что во имя защиты національныхъ интересовъ представители и землевладѣнія, и капитала, и труда могутъ организоваться въ нѣчто цѣльное.

Послѣдній вопросъ, который заслуживаетъ вниманія, касается того, можетъ ли интеллигенція, какъ особая группа населенія, образовать самостоятельную партію въ представительномъ учрежденіи. Казалось бы, что разнообразные союзы интеллигентныхъ профессій, сложившіеся за послѣдніе мѣсяцы и выступившіе съ рядомъ политическихъ требованій, даютъ основаніе рѣшать этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Однако, мы не можемъ согласиться съ этимъ. Интеллигенціи, какъ особаго соціально-экономическаго класса, все же не существуетъ.

По своимъ экономическимъ связямъ и по соціальнымъ идеаламъ, она примыкаетъ къ различнымъ слоямъ населенія. Правда, значительная часть лицъ интеллигентныхъ профессій является представителемъ умственнаго труда и въ этомъ смыслѣ занимаетъ въ жизни почти то же самое положеніе, какое занимаютъ физическіе работники. Въ экономическомъ смыслѣ они являются пролетаріатомъ и должны примыкать къ группѣ, представительствующей этотъ послѣдній. Однако, при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что верхніе слои интеллигенціи используютъ монопольное положеніе своихъ духовныхъ талантовъ и получаютъ, благодаря этому, не только обычную заработную плату, но и ренту таланта, достигающую нерѣдко суммъ въ десятки тысячъ рублей. Многія изъ такихъ лицъ по своей психологіи и соціально-экономическимъ симпатіямъ не имѣютъ ничего общаго съ пролетаріатомъ и примыкаютъ къ той или иной буржуазной группѣ: землевладѣльцевъ или промышленной буржуазіи. Къ счастію, для Россіи, однако, эта группа составляетъ незначительное меньшинство. Русская интеллигенція отличается широкимъ демократическимъ духомъ, невѣдомой для Западной Европы высотой нравственнаго чувства и самоотверженности и отсутствіемъ буржуазныхъ склонностей. Поэтому мы думаемъ, что она, хотя и не составитъ особой партіи, но въ огромномъ большинствѣ примкнетъ именно къ демократическимъ группамъ—крестьянской и рабочей, болѣе того, даже встанетъ въ первые ряды этихъ партій и явится духовнымъ руководителемъ ихъ.

Мы дали пробный эскизъ предстоящаго въ ближайшемъ будущемъ разслоенія русскаго народа на партіи, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, систему экономическихъ отношеній въ нашей родинѣ. Не можемъ не высказать убѣжденія, что объединеніе населенія въ немногія партіи, имѣющія въ основѣ опредѣленные экономическіе интересы, является важнымъ элементомъ для наиболѣе плодотворной дѣятельности будущаго представительнаго учрежденія. Раздробленность народнаго представительства на массу мелкихъ фракцій можетъ лишить это учрежденіе стройнаго характера и твердаго базиса для своей дѣятельности. При массѣ фракцій государственная политика неизбѣжно получаетъ характеръ компромиссовъ и случайныхъ коалицій различныхъ партій. Можетъ быть, дѣйствительность во многомъ разойдется съ этой теоретической схемой, но мы думаемъ, что, чѣмъ скорѣе отдѣльныя группы придутъ къ сознанію своей солидарности и необходимости защищать свои интересы посредствомъ политическаго объединенія, тѣмъ легче наладится ходъ новой государственной машины и тѣмъ скорѣе совокупнымъ дѣйствіемъ разныхъ общественныхъ силъ создается та равнодѣйствующая, по которой Россія двинется изъ невозможнаго въ настоящее время нестроенія впередъ по пути завоеванія лучшаго будущаго.

М. Соболевъ.

ЧАЙКА.

Безконечная ширь, безконечный просторъ
Голубого, спокойнаго моря.
По водѣ пробѣгаетъ волнистый узоръ,
И въ туманную даль точно просится взоръ
За предѣлы и счастья, и горя.
Тишина... Ни души надъ спокойной водой.
Только чайка одна молодая,
Отражаясь въ глубокой лазури морской,
Тихо рѣетъ и вьется надъ сонной волной,
Бѣлой грудью на солнцѣ сверкая.
Слышитъ чайка знакомый ли голосъ родной
Полный ласки, любви и участья?
Иль мерещится ей, тамъ, въ дали голубой,
Окрыленный волшебной, завѣтной мечтой,
Призракъ свѣтлаго, тихаго счастья?
Иль, быть можетъ, мятежной душою она
Ищетъ бури, невзгодъ и страданья?
Только крикъ ея громкій порою волна
Отражаетъ, и въ голосѣ чайки слышна
Безпокойная грусть ожиданья.
Пусть нахмурится неба сіяющій сводъ,
Пусть ударитъ гроза боевая,
И волна, на волну поднимаясь, встаетъ,
И бушующій вѣтеръ и мечетъ, и рветъ,
Брызги, пѣну кругомъ разметая,—
Съ крикомъ радостнымъ кинется чайка на бой,
Чтобы съ бурею крѣпче схватиться,
Чтобы выдержать смѣло ударъ грозовой,
И бороться съ холодною страшной волной,
И побѣды желанной добиться!

В. К—ая.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ.

I.

Всякій налогъ для своего функціонированія нуждается въ извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной степени развитія экономической жизни, лишь при наличности данныхъ условій данная система обложенія *необходимо* превращается въ другую. Изобразить этотъ процессъ, показать, какъ въ одряхлѣлую ткань прежняго обложенія вплетаются новыя нити, значитъ прослѣдить группировку общественныхъ классовъ, такъ сказать, непосредственныхъ факторовъ экономической жизни.

Подоходный налогъ, вырисовывающійся на нашемъ оффиціальномъ горизонтѣ, вопреки всѣмъ попыткамъ нашей крупной буржуазіи помѣшать введенію его, несомнѣнно, является уже *необходимымъ* звеномъ въ развитіи системы нашихъ налоговъ, подобно тому, какъ такъ называемый объективный прямой налогъ является естественнымъ преддверіемъ къ этому налогу. Г. К. Головинъ, говоря, что едва ли безъ намѣренія «осуществить» подоходный налогъ финансовое вѣдомство приводитъ въ движеніе тяжеловѣсный аппаратъ губернскихъ оцѣночныхъ коммиссій, пытается убѣдить читателей «Новаго Времени» въ томъ, что налогъ этотъ пользуется у насъ «большой популярностью» лишь по... «странной случайности» *). Но—увы!—если Милль, какъ извѣстно, называвшій прогрессивный налогъ «послѣдовательнымъ грабежомъ», ни на іоту не помѣшалъ Англіи первой ввести всеобщій прогрессивно-подоходный налогъ и тѣмъ самымъ показать примѣръ правительствамъ континентальныхъ странъ, то что ужъ говорить объ авторитетѣ гг. Головиныхъ... передъ лицомъ экономической необходимости. А необходимость, въ самомъ дѣлѣ, велика...

Присматриваясь къ налоговымъ системамъ различныхъ странъ, мы замѣчаемъ на первый взглядъ странное явленіе: нерѣдко наиболѣе «демократическія» изъ нихъ оказываются наиболѣе отсталыми въ области податныхъ отношеній. Франція до сихъ поръ не имѣетъ всеобщаго подоходнаго налога; сѣверная Америка признала введенный

---

*) „Новое Время“ отъ 9-го мая. К. Головинъ. „Подоходный налогъ“.

было въ 1894 году прогрессивный подоходный налогъ неконституціоннымъ рѣшеніемъ федеральнаго суда. Наоборотъ, страны вродѣ Германіи, гдѣ наряду съ элементами, преобразовавшими хозяйственный строй, еще живы факторы стараго порядка, оказываются нерѣдко болѣе воспріимчивы къ введенію подоходнаго налога. Мы это видимъ и у насъ. Дѣло въ томъ, что требованіе подоходнаго налога исходитъ не только отъ того общественнаго класса, которому онъ несетъ existenz-minimum, тѣмъ самымъ вовсе освобождая его отъ платежа налога,—класса, пролетаріата, но и отъ класса земельныхъ собственниковъ, политическое вліяніе которыхъ въ Россіи, конечно, значительно больше, чѣмъ въ такихъ странахъ, какъ Франція или Соединенные Штаты. Тамъ требованіе подоходной формы обложенія приходится поддерживать почти одному пролетаріату противъ огромной силы торгово-промышленнаго класса, являющагося на дѣлѣ обладателемъ верховной политической власти...

Вліяніе нашего пролетаріата, конечно, еще недостаточно для того, чтобы поколебать несоотвѣтствіе между существующей системой обложенія и новыми условіями хозяйственной жизни, переросшими старыя рамки, и поземельная задолженность нашихъ аграріевъ является очень серьезнымъ факторомъ. Въ доброе старое время, чтобы опредѣлить, какъ великъ доходъ лица, владѣющаго даннымъ участкомъ земли, довольно было опредѣлить доходъ отъ этого участка. Имъ, этимъ доходомъ, опредѣлялся и общій доходъ владѣльца, такъ какъ дѣленіе имуществъ на движимыя и недвижимыя отвѣчало и раздѣленію тогдашняго населенія на классы. Не то мы видимъ теперь. Дифференціація русскаго общества дошла до такой степени, что при современной поземельной задолженности различныя части дохода отъ участка уже совершенно неоднородны, падая то на владѣльца, то на кредитора. При такихъ условіяхъ, система объективныхъ налоговъ крайне невыгодна для задолженнаго землевладѣнія,—она облагаетъ собственника земли, какъ будто онъ владѣлецъ всего дохода; введеніе же налога на капиталъ, какъ онъ ни ничтоженъ, ведетъ къ двойному обложенію: владѣлецъ платитъ за землю, кредиторъ за выданную сумму. Результатомъ, естественно, является крайняя неравномѣрность обложенія. Эта-то неравномѣрность, связанная съ отжившими податными порядками, и вызвала агитацію въ пользу вычета долговъ при оцѣнкѣ облагаемаго имущества въ странахъ высокой поземельной задолженности: при такомъ положеніи, какіе бы кадастры ни составлялись, никакая равномѣрность обложенія невозможна, если не будутъ приняты во вниманіе долги. Но принята во вниманіе задолженность плательщика, т.-е. сдѣланъ вычетъ процентовъ по долгамъ, лежащимъ на имуществѣ, можетъ быть лишь при подоходномъ налогѣ; сколько-нибудь удовлетворительный вычетъ долговъ требуетъ самой радикальной реорганизаціи системы прямого реальнаго обложенія. Въ нашей

земской средѣ дѣлались попытки къ введенію подоходнаго налога еще въ шестидесятыхъ годахъ, когда ликвидиція дворянскихъ устоевъ еще только началась. Съ тѣхъ поръ поземельная задолженность возросла колоссально. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о подоходномъ налогѣ не перестаетъ сходить съ устъ нашихъ земскихъ «либераловъ». Въ этомъ отношеніи особенно характерны уѣздные комитеты особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, которые прямо заявили, что бездоходности сельскаго хозяйства можетъ пособить лишь подоходное обложеніе *). Такъ обстоитъ дѣло съ господами положенія; тѣмъ, понятно, больше выгода для мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые тоже воспользуются отчасти existenz-minimum'омъ, если подоходный налогъ будетъ у насъ введенъ.

Такимъ образомъ, если до сихъ поръ въ бюрократическія сферы иногда прокрадывалась мысль о подоходномъ обложеніи—вопросъ о введеніи у насъ подоходнаго обложенія поднимался въ нашихъ правительственныхъ сферахъ тотчасъ послѣ голоднаго 1891 года въ министерство Вышнеградскаго,—наши аграріи были въ этомъ не мало повинны. Вѣдь, какъ бы ни были высоки покровительственныя пошлины на иностранные фабрикаты, тяжкимъ бременемъ ложащіяся на земледѣліе, нормировки и преміи, удорожающія такіе самонужнѣйшіе продукты, какъ керосинъ и сахаръ, какъ бы ни было грандіозно наше желѣзнодорожное строительство въ цѣляхъ поддержанія казенными заказами машиностроительныхъ и металлургическихъ предпріятій—все это говоритъ о томъ значеніи, какое у насъ пріобрѣла промышленно-торговая буржуазія за послѣдніе двадцать пять лѣтъ,—все же наши аграріи являются слишкомъ могущественной группой для того, чтобы наше финансовое вѣдомство могло игнорировать ее хоть отчасти, на подобіе того, какъ игнорируются интересы ея случайнаго союзника въ данномъ отношеніи пролетаріата. Къ тому же подоходный налогъ, какъ всякую хорошую вещь, можно «вводить» различно... Наконецъ, само государство заинтересовано въ томъ, чтобы получить возможно болѣе эластичный источникъ, изъ котораго можно было бы черпать необходимыя средства для питанія бюджета, не внося путаницы въ установившіяся отношенія. Необходимость приспособленія старой финансовой системы къ измѣнившимся чертамъ экономическаго строя, постепенное ея разложеніе de facto сознаны давно даже нашей бюрократіей... Конечно, все это до сихъ поръ такъ же быстро чахло, какъ и выплывало на горизонтъ. Во-первыхъ, подоходное обложеніе есть обложеніе и самой бюрократіи, того жалованья, которое она получаетъ, не говоря уже о томъ, что чиновникъ весьма нерѣдко является собственникомъ; во-вторыхъ, подоходный налогъ связанъ съ такимъ вопро-

*) См. С. Н. Прокоповичъ „Мѣстные люди о нуждахъ Россіи". Изданіе Е. Д. Кусковой. Спб., 1904 г.

сомъ, на который лучше и не намекать—съ вопросомъ о бюджетномъ правѣ; въ-третьихъ, что особенно существенно этотъ налогъ долженъ встрѣтить серьезный отпоръ со стороны представителей капитала. Для того, чтобы идея подоходнаго налога сколько-нибудь серьезно привлекла къ себѣ вниманіе правительства, чтобы оно рѣшилось сколько-нибудь серьезно выступить противъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, на которыхъ этотъ налогъ чувствительнѣе всего ляжетъ, мало было тѣхъ финансовыхъ затрудненій, изъ которыхъ Россія не выходитъ уже нѣсколько десятилѣтій.

Но того, чего не сдѣлали десятилѣтія, сдѣлала война. Эти слова вѣрны относительно всей русской дѣйствительности, тѣмъ болѣе они вѣрны относительно нашихъ финансовыхъ затрудненій. Никогда еще та форма обложенія, за которую высказывались у насъ такъ рьяно наши аграріи, не привлекала къ себѣ такого вниманія бюрократической мысли...

Если бы насъ спросили, чего требуетъ война прежде всего, мы назвали бы три вещи: деньги, деньги и деньги. Это независимо отъ ея успѣха или неуспѣха. Побѣжденнымъ война стоитъ нерѣдко дороже, чѣмъ побѣдителямъ. Но если она причиняетъ нерѣдко непоправимое разстройство даже финансовому механизму побѣдившей страны, то что остается послѣ войны неудачному сопернику? Кажется, на что ужъ, правда, мужественные и рѣшительные, но все же немногочисленные и плохо защищенные буры, съ которыми въ теченіе двухъ лѣтъ боролась богатая, блестяще вооруженная Англія. Между тѣмъ даже финансы Англіи серьезно поколебались, даже въ ея бюджетѣ мы видѣли серьезныя перемѣны. Прямымъ результатомъ войны явились удвоеніе подоходнаго налога, значительный ростъ государственной задолженности, появленіе новыхъ налоговъ, крайне непопулярныхъ, давно уже вычеркнутыхъ изъ государственнаго бюджета, повышеніе существующихъ и пр. Если такъ обстояло съ побѣдившей Англіей, то чего же слѣдуетъ ожидать отъ финансовыхъ рессурсовъ нашего отечества послѣ несчастной затяжной войны на сушѣ и на морѣ съ Японіей, страной, явившей примѣръ небывалаго общественно-экономическаго развитія въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ,—послѣ Лаояна, Портъ-Артура и Мукдена? Страна, достигшая высокой степени капиталистическаго развитія, съ неколебимо стоящимъ, въ общемъ, кредитомъ, Англія, пользуясь своей гибкой, эластичной налоговой системой, почти третью часть военныхъ расходовъ покрыла изъ обыкновенныхъ доходовъ. Россія же страна болѣе чѣмъ бѣдная по сравненію съ Англіей. Дальность разстоянія, гипертрофированное развитіе военной техники, участіе флота—вся дѣятельность министерства финансовъ до сихъ поръ была направлена на изысканіе почти исключительно рессурсовъ для покрытія военныхъ тратъ. Можетъ быть, вліяніе войны еще недостаточно сказалось. Урожай 1904 года оказался

превышающимъ по размѣрамъ урожаи послѣднихъ лѣтъ. Золотая валюта еще не совсѣмъ пошатнулась, еще лихорадочно пульсируетъ биржа. Но... загляните въ государственную роспись на 1905 годъ: мы еще, быть можетъ, не дошли до расплаты, но мы несомнѣнно наканунѣ близкой экономической грозы... На что опереться, гдѣ найти новые источники доходовъ—вотъ вопросы, на которые мы напрасно стали бы здѣсь искать болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ.

Наше правительство еще вначалѣ войны приступило къ «безотлагательному» сокращенію росписи по всѣмъ гражданскимъ вѣдомствамъ. Детальное обсужденіе возможныхъ сокращеній было поручено особому совѣщанію подъ руководствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи, въ составѣ государственнаго контролера, управляющаго министерствомъ финансовъ и государственнаго секретаря. Послѣ обычной переписки между особымъ совѣщаніемъ и соотвѣтственными вѣдомствами, перечень сокращеній въ размѣрѣ 140 милл., какъ оффиціозно сообщалось въ газетахъ, былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ. Тутъ и низшее образованіе, и переселенческое дѣло, и сельскохозяйственная техника и пр. Въ текущемъ году тоже сдѣланы сокращенія, довольно значительныя. При этомъ оказалось, что обыкновенные расходы почти невозможно сократить; главная часть урѣзокъ приходится на чрезвычайные расходы. Это очень характерно. Воздержаніе отъ расходовъ, не являющихся неотложными, конечно, цѣлесообразно и съ точки зрѣнія финансовой науки, и съ точки зрѣнія практики культурныхъ государствъ, но лишь въ крайне незначительныхъ случаяхъ, когда государственная жизнь не представляетъ ничего экстраординарнаго. Если государственный бюджетъ Россіи, превосходящій по своимъ размѣрамъ государственные бюджеты даже такихъ богатыхъ странъ, какъ Англія, Франція, Германія, въ полтора и болѣе раза, возросталъ съ быстротой, прямо безпримѣрной въ исторіи, то никакой бюрократическій авторитетъ не въ состояніи остановить этого процесса. Финансовая исторія всѣхъ странъ констатируетъ ростъ государственныхъ расходовъ. Это явленіе стихійное, совершенно независимое отъ воли правительства. Можно сдѣлать въ этомъ ростѣ несущественное передвиженіе, но задержать его значитъ задержать развитіе историческаго процесса. Русское правительство, кромѣ турецкой войны, прибѣгало къ этому средству неоднократно и по собственному опыту знаетъ, насколько оно ненадежно. Оно тѣмъ утопичнѣе, чѣмъ больше на него разсчитываешь...

Съ такимъ же основаніемъ можно мечтать о государственныхъ займахъ. Ни для кого уже не тайна, что Россія все больше и больше остается въ одиночествѣ. Даже Франція серьезно опасается за свои капиталы, довѣренные «союзницѣ». Какое значеніе для насъ имѣютъ теперь внѣшніе займы, показываютъ неудачные опыты на загранич-

ныхъ рынкахъ. Говорятъ, заемъ въ Берлинѣ свелся къ тому, что наши пятипроцентныя обязательства нѣмцы съ двухпроцентной коммиссіей учли въ Парижѣ; Россія черпаетъ средства изъ той части французскаго займа, которая должна къ намъ въ свое время поступить, т.-е. французская буржуазія получитъ двойные проценты съ русскихъ плательщиковъ (въ концѣ концовъ вѣдь за все расплачивается плательщикъ), а нѣмецкая—за коммиссію... Г. Мигулинъ еще въ началѣ войны «настоятельно рекомендовалъ» министерству финансовъ обратиться, если рессурсовъ на нужды войны не хватитъ, къ внутреннимъ займамъ. Дѣйствительно, мы только что были свидѣтелями сперва пятипроцентнаго внутренняго займа въ 200 милл. руб., затѣмъ новаго краткосрочнаго займа въ 200 милл. руб. Не добившись ничего утѣшительнаго за границей и рѣшивъ постучаться на внутреннемъ рынкѣ, министерство финансовъ обставило дѣло такими привилегіями, какими до сихъ поръ пользовались у насъ развѣ иностранцы. И что же? Оказывается весьма мало людей, прельстившихся этими привилегіями. На подписку «набрасываются» банки, стоящіе въ дѣловой зависимости отъ финансоваго вѣдомства и государственнаго банка, банки, которые волей-неволей должны принять въ ней участіе; но такая реализація, сводящаяся къ переучету государственнымъ банкомъ векселей частныхъ банковъ, т.-е. къ займу изъ одного кармана въ другой, едва ли представляетъ собой что-либо болѣе простой фикціи, такой же самой, какъ размѣщеніе государственныхъ фондовъ въ сберегательныхъ кассахъ.

Теорія и историческая практика, мы это видѣли на примѣрѣ Англіи, знаетъ еще одно средство—увеличеніе существующихъ налоговъ или установленіе новыхъ. Прошелъ съ небольшимъ годъ, и долги наши увеличились больше, чѣмъ на милліардъ: уже изъ этого слѣдуетъ неизбѣжность увеличенія налоговъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Дѣйствительно, въ роспись 1905 года уже вошла сумма въ 12 милліоновъ рублей отъ дополнительнаго промысловаго налога, отъ повышенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, отъ повышенія налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ; сюда будетъ отнесено и 52 милліона рублей отъ повышенія продажныхъ цѣнъ казеннаго вина въ Европейской Россіи, отъ повышенія гербоваго сбора и другихъ налоговъ. Читатель видитъ: все сводится къ механическому повышенію; полное отсутствіе творчества... Удивительно ли, что цифра новыхъ поступленій такъ ничтожна! Въ Англіи, гдѣ доходы состоятельныхъ группъ затронуты весьма сильно, а платежи наименѣе состоятельныхъ группъ весьма незначительны, даже несимпатичные, давно исчезнувшіе изъ бюджета налоги *можно* было вводить безъ опасенія нанести непоправимый ущербъ народу. А у насъ—какіе налоги могутъ быть повышены? Не перейденъ ли уже предѣлъ упругости нашей системы обложенія? Можетъ ли она—безъ радикальной реорганизаціи своихъ основъ — дать серьезные рессурсы? Нашему финансовому вѣдом-

ству извѣстенъ отвѣтъ на этотъ вопросъ болѣе, чѣмъ кому-либо... изъ опыта.

Остается... выпускъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Еще передъ самымъ уходомъ С. Ю. Витте въ оффиціальной «Торгово-промышленной газетѣ» появилась удивившая всѣхъ замѣтка, въ которой финансовое вѣдомство заговорило объ увеличеніи бумажно-денежнаго обращенія на 25 милліоновъ рублей. Но надо ли объ этомъ «средствѣ» упоминать? Кто не знаетъ, что значитъ расшатать золотую валюту въ условіяхъ современнаго народнаго хозяйства? Или финансовое вѣдомство думаетъ уподобиться той «дамѣ», которую покойный Бунге убѣждалъ не транжирить свое состояніе? «Послушайте, сударыня, на что же вы будете жить, когда растратите капиталы?»—«Какъ на что—отвѣтила великосвѣтская финансистка,—капиталы я проживу, хорошо... ну, а проценты то вѣдь останутся?» *).

Итакъ, перестройка налоговой системы на началахъ подоходности не только въ интересахъ пролетаріата и нашихъ аграріевъ; ея необходимость вытекаетъ и изъ надвигающагося крупнаго финансоваго потрясенія. За исключеніемъ введенія прямого подоходнаго налога не остается больше солиднаго податного источника. Старая система обложенія быстрымъ шагомъ идетъ къ разложенію; реформа приближается съ *неизбѣжностью* историческаго процесса. Когда дѣло доходитъ до ломки, останавливаться передъ тѣмъ отпоромъ, который реформа встрѣтитъ со стороны заинтересованнаго класса, уже нельзя. Простая потребность самосохраненія вызываетъ въ государственномъ организмѣ реакцію противъ примитивныхъ формъ обложенія, требуетъ раціонализаціи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Безъ прочнаго финансоваго положенія невозможны ни безпрепятственный ростъ производительныхъ силъ, ни нормальное развитіе, вообще...

II.

Реформа необходима... Этимъ, конечно, еще не сказано, что идея необходимости во весь ростъ стала передъ русскимъ правительствомъ. Одно дѣло необходимость вещей, другое дѣло тѣ формы, въ которыхъ эта необходимость преломляется въ сознаніи государственныхъ людей. Въ составѣ коммиссіи товарища министра финансовъ Н. Н. Кутлера противниковъ введенія у насъ подоходнаго налога не оказалось ни одного. По увѣренію предсѣдателя, даже самъ министръ финансовъ, если коммиссія докажетъ ему желательность и возможность у насъ этого налога, то онъ перемѣнитъ свой взглядъ **)... Но представителями финансовой науки были установлены два пути, по которымъ

*) См. „Слово“ отъ 11-го мая.

**) „Наша Жизнь“ отъ 14-го мая.

могутъ пойти преобразованія. Ни для кого не тайна, который изъ нихъ привлекаетъ къ себѣ нѣкоторое вниманіе нашихъ оффиціальныхъ сферъ.

Введеніе подоходнаго налога «проектируется» не на мѣсто существующей у насъ системы обложенія, а рядомъ съ ней, въ качествѣ ея дополнительнаго придатка. Дальше этого, говорятъ, министерство финансовъ ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ, вопреки авторитету всѣхъ явившихся профессоровъ *).

Конечно, при непрерывно растущей качественной и количественной дифференціаціи доходовъ, исключительно единымъ налогомъ задача обложенія до сихъ поръ еще нигдѣ не разрѣшена. Въ Англіи податная система представляетъ собой соединеніе различныхъ родовъ обложенія, въ Германіи то же, въ Австріи то же. Ученые люди даже говорятъ, что одна группа налоговъ вообще не могла бы съ достаточной «полнотой» исчерпать источники народныхъ доходовъ, что она не соотвѣтствовала бы основнымъ принципамъ равномѣрности и общности, что только путемъ комбинированія различныхъ видовъ обложенія, пользующихся различными пріемами для опредѣленія податной силы плательщика, можно разрѣшить задачу правильнаго обложенія... Допустимъ. Но смѣемъ думать, тѣ же ученые люди не станутъ отрицать, что даже въ разнообразіи и множественности должно быть внутреннее единство. Налогъ самъ по себѣ можетъ быть удачно поставленъ и тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія общихъ порядковъ обложенія можетъ оказаться недѣйствительнымъ. И наоборотъ. Изысканіе «правильной» системы *соединенія* до сихъ поръ остается задачей, изъ за которой ломаютъ копья финансовые авторитеты... Что же собственно такое то, что проектируется у насъ въ качествѣ дополнительнаго придатка и что собственно остается основаніемъ налоговой системы? Возможно ли въ предполагаемомъ соединеніи какое-нибудь соотвѣтствіе, какое-нибудь единство?

Ставя подоходный налогъ «идеаломъ» для дальнѣйшаго развитія нашихъ налоговыхъ отношеній, мы нисколько не игнорируемъ недостатковъ, присущихъ этому налогу. Какъ бы идеально онъ ни былъ поставленъ, онъ не можетъ устранить тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ премія все же дается праздности и мертвому капиталу, а не дѣятельному труду. Когда одинъ изъ первыхъ писателей, разработавшихъ этотъ вопросъ, Мирабо-отецъ, устанавливалъ свои три принципа, а именно, что налоги должны падать на источники дохода, что они должны быть пропорціональны доходу, и что издержки по взиманію ихъ должны быть минимальны, эти требованія могли казаться вполнѣ опредѣленными. Въ настоящее же время та же постановка вопроса, даже

*) Въ газеты уже проникло извѣстіе, что проф. Желѣзновъ по принципіальнымъ соображеніямъ принять участіе въ работахъ коммиссіи отказался.

значительно болѣе радикальная, страдаетъ неясностью... Но не надо забывать—недостатки эти не суть только недостатки системы обложенія. Это недостатки цѣлаго соціальнаго порядка. Если же податныя системы—результатъ историческихъ условій, и тогда одна изъ нихъ не можетъ перескочить черезъ данный соціально-экономическій порядокъ, то, безъ сомнѣнія, нѣтъ другого налога, который бы столь соотвѣтствовалъ современнымъ отношеніямъ, какъ подоходное обложеніе. Чѣмъ глубже капиталистическое развитіе страны, тѣмъ значительнѣе роль конъюктуры — постоянныхъ колебаній цѣны имущества и его доходности по причинамъ, отъ воли хозяйствующаго субъекта не зависящимъ, которыхъ онъ не въ состояніи даже предусмотрѣть. Это неизбѣжное явленіе капиталистическаго способа производства, вѣчно колеблющееся, не поддающееся никакимъ рамкамъ, въ состояніи учесть лишь одинъ подоходный налогъ, дозволяющій постепенное и регулярное измѣненіе высоты тарифовъ безъ малѣйшей ломки системы, внезапное ихъ повышеніе или пониженіе въ случаѣ какихъ-либо экстраординарныхъ обстоятельствъ и пр. Если налогъ нашего времени долженъ болѣе всего удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя выставилъ еще А. Смитъ—быть гибкимъ, подвижнымъ, взиматься при условіяхъ, наиболѣе удобныхъ для плательщиковъ, вызывая возможно менѣе издержекъ при взиманіи, то какой же другой налогъ вытекаетъ естественнѣе изъ самыхъ нѣдръ капиталистическаго общества? Система подоходнаго обложенія, съ нашей точки зрѣнія, является финансово-историческимъ звеномъ въ развитіи системы налоговъ вообще.

Разумѣется, не эта сторона еще привлекаетъ къ подоходному налогу симпатіи всѣхъ, кому дороги судьбы международной арміи труда. Дѣло въ томъ, что всякій налогъ выполняетъ соціальную функцію, и подоходный налогъ не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Система налоговъ тоже есть регуляторъ, съ помощью котораго одинъ классъ сбрасываетъ съ себя то или иное бремя на плечи другого. Достигнуть существеннаго улучшенія въ положеніи трудящихся массъ при капиталистическихъ условіяхъ невозможно; но кое-что обрѣзать, кое-что округлить, кое-что подкопать въ безобразно разростающейся рощѣ капиталистической общественности—отъ такого рода попытокъ могутъ отказываться лишь очень далекіе отъ земли мечтатели. Подоходный же налогъ, въ его дѣйствительно демократической постановкѣ, безъ сомнѣнія, кое-что обрѣзаетъ и подкапываетъ.

Прежде всего existenz minimum. Въ сущности говоря, освобожденіе извѣстныхъ минимумовъ дохода отъ обложенія въ нѣкоторомъ смыслѣ даже выгодно фиску. Во-первыхъ, мелкіе доходы увеличиваются не только весьма медленно, но, сплошь и рядомъ, вовсе не увеличиваются; далѣе, взысканіе налога съ мелкаго дохода нерѣдко оказывается ненадежнымъ, какъ и самый доходъ, съ котораго взыскивается налогъ; этого рода плательщики чаще всего разстраиваютъ

всѣ расчеты на правильное поступленіе. Наконецъ, самое взиманіе налоговъ со столь многочисленной категоріи плательщиковъ, съ которыми приходится имѣть дѣло фиску, обходится очень дорого, тѣмъ дороже, чѣмъ мельче доходъ, съ котораго производится взысканіе. Освобожденіе извѣстныхъ минимумовъ дохода отъ обложенія столь значительно сокращаетъ расходы по взиманію, что, напр., Англія и Германія только на этомъ основаніи повышаютъ постепенно эти минимумы. Конечно, было бы ошибочно думать, что эта мѣра обязана только финансовымъ соображеніямъ. Тогда передовыя страны при установленіи минимума не стали бы сообразовываться съ относительной стоимостью предметовъ первой необходимости, съ обычнымъ уровнемъ потребностей трудящихся классовъ общества... Такъ или иначе, положеніе ясно: люди, получающіе лишь необходимый минимумъ дохода, обложенію не подлежатъ, такъ какъ подобный минимумъ едва только обезпечиваетъ существованіе получателей. Это шагъ, очень важный для народныхъ массъ. Рабочій, получающій среднюю заработную плату, плохо питающійся «собственникъ» карликоваго хозяйства при данныхъ условіяхъ ничего большаго *для себя* желать не могутъ въ области податныхъ отношеній. Конечно, теорія всегда глаже практики. Напр., въ Саксоніи, гдѣ существуетъ подоходный налогъ, три пятыхъ всего національнаго дохода находится въ рукахъ лицъ, имѣющихъ менѣе 8.300 марокъ въ годъ, т.-е. бо́льшая часть національнаго дохода поглощается мелкими доходами. Изъять доходы ниже этой суммы значитъ, слѣдовательно, освободить отъ налога три пятыхъ всего національнаго дохода. «Могутъ ли остающіяся двѣ пятыхъ обезпечить прежнія поступленія?» огорчается проф. Франческо Нитти *). Конечно, если опредѣлять минимумъ средствъ существованія въ 8.300 марокъ, то три пятыхъ національнаго дохода такихъ странъ, какъ Саксонія, окажутся необложенными: предѣлъ изъятія можетъ быть тѣмъ шире, чѣмъ выше степень концентраціи капитала въ странѣ.

Но здѣсь мы подходимъ къ другому требованію подоходнаго обложенія—прогрессивности. Правда, въ настоящее время еще господствующей формой является пропорціональная, состоящая въ томъ, что каждый плательщикъ платитъ налогъ прямо пропорціонально суммѣ получаемаго имъ дохода, такъ что сумма налога поднимается соотвѣтственно увеличенію дохода; тѣмъ не менѣе принципъ прогрессивности все болѣе и болѣе проникаетъ въ современныя законодательства. Въ Англіи, Пруссіи, Голландіи, Австріи, Соединенныхъ Штатахъ методъ прогрессивности примѣняется ко многимъ налогамъ. Въ противоположность пропорціональному обложенію, которое скорѣе

---

*) Франческо Нитти. „Основныя начала финансовой науки“, переводъ съ итальянской рукописи И. Шрейдера подъ редакціей и съ дополненіями А. Свирщевскаго. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1904 г.

удовлетворяетъ требованію математической, чѣмъ экономической равномѣрности: одинаковый процентъ дохода не одинаково легко достается фабриканту и рабочему, помѣщику и крестьянину, —методъ прогрессивности, какъ извѣстно, не знающій одинаковыхъ долей, постоянно повышающій процентное отношеніе суммы налога къ суммѣ получаемаго дохода, въ этомъ смыслѣ является прямымъ развитіемъ той мѣры, о которой мы только что говорили—освобожденія минимума дохода отъ обложенія. Предѣлъ изъятія долженъ быть тѣмъ шире въ странѣ, чѣмъ выше процессъ концентраціи, потому что чѣмъ выше процессъ концентраціи, тѣмъ естественнѣе пропорціональное обложеніе должно переходить въ прогрессивное.

Уже исходя изъ метода прогрессивности, можно съ достаточнымъ основаніемъ проводить ту грань между фундированными и нефундированными источниками доходовъ, т.-е. доходами, получающимися благодаря обладанію какимъ-либо имуществомъ, и доходами, зависящими единственно отъ труда, какая уже принята во многихъ странахъ капиталистическаго міра. Фундированные доходы, болѣе или менѣе вѣрные, которые получаются, большей частью, безъ усилій со стороны владѣльца, и облагаются, конечно, по высшей процентной нормѣ.

Высокаго относительно развитія подоходное обложеніе достигло въ Англіи. Оно распадается тамъ на пять категорій. Первая представляетъ собой доходы отъ недвижимости; облагается недвижимость не только дающая доходъ, но и могущая давать. Вторая категорія обнимаетъ аренды недвижимой собственности. Третья—диведенды, ренты проценты, другіе аналогичные доходы. Затѣмъ слѣдуютъ доходы промышленные, торговые, отъ свободныхъ профессій и пр. Послѣдняя категорія заключаетъ доходы лицъ, находящихся на государственной службѣ. Изъяты изъ обложенія земли, негодныя для обработки, общественныя зданія, доходы и фонды благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, обществъ взаимнаго вспоможенія, сберегательныхъ кассъ, арендная плата меньше 200 фн. стерл. въ Англіи и 300 фн. стерл. въ Шотландіи, денежные доходы меньше 160 фн. стерл., жалованья и субсидіи меньше 100 фн. стерл. Помимо того, изъ доходовъ менѣе 400 фн. стерл. вычитается 160 фн. стерл., изъ доходовъ до 500 фн. стерл.—100. Опредѣляется налогъ въ пенсахъ на одинъ фн. стерл. дохода, въ количествѣ отъ пяти до семи пенсовъ, т.-е. отъ 2,4 до 2,9%. Это—крупный налогъ, дѣйствующій почти какъ прогрессивный, благодаря высокому предѣлу изъятія мелкаго дохода. Благодаря лишь ему Англія, основывая свои финансы и на косвенныхъ налогахъ, можетъ ограничиться обложеніемъ предметовъ не первой необходимости. Насколько, однако, даже англійскій подоходный налогъ далекъ отъ совершенства, видно изъ того, что онъ не дѣлаетъ еще различія между доходами фундированными и нефундированными; вслѣдствіе этого до-

ходы капиталистовъ пользуются преимуществомъ передъ доходами пролетаріата, хотя послѣдніе и имѣютъ высокій предѣлъ изъятія и значительные вычеты изъ податныхъ доходовъ.

Передъ нами налогъ, благодаря которому должны быть достигнуты и достигаются не только общность пропорціональность, но и прогрессивность, налогъ, стремящійся, съ одной стороны, улучшить условія существованія трудящихся массъ, съ другой—усилить здоровую конкуренцію между лицами торгово-промышленнаго класса, способствовать, посредствомъ повышенія ставокъ, экономическому отбору и пр., налогъ не тяжелый, взиманіе котораго совершается легко. Каковы бы ни были его принципіальные недостатки, уже очень многіе видятъ въ немъ будущій единый налогъ, которому предстоитъ *замѣнить собой всѣ остальные.* Безъ сомнѣнія, онъ уже замѣняетъ существующіе прямые и косвенные налоги, онъ, этотъ налогъ, который Милль въ свое время называлъ послѣдовательнымъ грабежомъ, Прудонъ—демократической игрушкой, Тьеръ—гнуснымъ произволомъ и пр., завоевываетъ область за областью, и чѣмъ шире эта область, которую онъ отвоевываетъ, тѣмъ легче становится пролетаріату въ борьбѣ за его права,—налоговое бремя, взваленное ему на плечи капиталомъ, мало-по-малу, сваливается обратно на плечи его врага,—тѣмъ свободнѣе развиваются и производительныя силы. Плохо оплачиваемый, дурно питающійся рабочій не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго производства, предъявляющаго все болѣе и болѣе спросъ на рабочаго здороваго, внимательнаго. Вслѣдствіе этого даже улучшить питаніе рабочаго путемъ уменьшенія налоговаго бремени значитъ содѣйствовать подъему производительныыъ силъ. О подоходномъ налогѣ совершенно справедливо замѣчаетъ Вагнеръ: кто, при современныхъ соціальныхъ условіяхъ, идеологъ частной собственности, тотъ долженъ быть приверженцемъ пропорціональнаго налога; кто же, напротивъ, убѣжденъ, что право собственности есть институтъ временный, который уступитъ свое мѣсто инымъ общественнымъ отношеніямъ, можетъ смѣло требовать прогрессивнаго налога *). Но отъ пропорціональнаго, обложенія къ прогрессивному одинъ только шагъ...

III.

Таково то новое, о которомъ наши оффиціальныя сферы мечтаютъ какъ о дополнительномъ придаткѣ. Посмотримъ же, что онъ долженъ дополнять, чтобы оказаться въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ «сферъ». Подоходный налогъ переноситъ налоговое бремя съ труда на капиталъ. На комъ у насъ зиждется государственный бюджетъ?

Сопоставляя росписи, отдѣленныя одна отъ другой десятилѣтнимъ промежуткомъ, русскій читатель наталкивается на прямо поражающую

*) Vagner „Algemeine Steuerlehre", Stuttgart, 1880.

цифру: оказывается, за десять лѣтъ государственное хозяйство расширилось на 1.350 $^0/_0$. Косвенные налоги, оказывается уменьшились... Однако, стоитъ присмотрѣться къ росписямъ, чтобы дѣло объяснилось очень просто. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1902 года, питейный сборъ считается уже, главнымъ образомъ, не косвеннымъ налогомъ, а доходомъ отъ государственной регаліи. На самомъ дѣлѣ наше государственное хозяйство едва ли обстоитъ блестяще. Любопытной иллюстраціей является исторія нашего желѣзнодорожнаго дѣла, которую само министерство дѣлитъ на три періода. Сначала, конечно, желѣзнодорожное хозяйство требовало весьма значительныхъ тратъ со стороны казны какъ для уплаты процентовъ по строительнымъ капиталамъ, такъ и для усиленія дорогъ. Приплаты изъ казны достигли своего максимума въ 1886 г. Благодаря цѣлому ряду мѣропріятій этотъ дефицитъ былъ, однако, устраненъ, и съ 1895 г. начался второй періодъ, когда казна стала получать, въ качествѣ собственницы и участницы въ прибыляхъ чистыхъ предпріятій, нѣкоторую прибыль Своего наивысшаго размѣра эта прибыль достигла въ 1896 г. Вскорѣ, однако, она стала понижаться. Такъ, съ 1900 г. начался третій періодъ, когда отъ казны опять стали требоваться приплаты, притомъ въ быстро растущихъ размѣрахъ. Приплаты, въ 1900 г. составлявшія 2,6 милл. р., въ 1901 г. поднялись до 35 милл., а въ 1902 году достигли уже 45 милл. Въ слѣдующемъ году убытки должны были составить не менѣе 51 милл. и т. д. Это образчикъ, весьма типичный для бюрократической системы веденія хозяйства. Почему-то во всѣхъ казенныхъ предпріятіяхъ являются рутинность, медленность, громоздкость, совершенно неизвѣстныя инициативѣ частной. Быть можетъ, поэтому даже нѣкоторыя европейскія правительства оставляютъ все болѣе и болѣе систему казенныхъ промышленныхъ предпріятій. Во всякомъ случаѣ, если въ извѣстной части нашъ государственный бюджетъ и опирается на государственныя предпріятія, то нельзя, конечно, отрицать, что этого рода доходы возросли за послѣднее десятилѣтіе довольно значительно, но относительное ихъ значеніе въ бюджетѣ очень невелико. Вѣдь доходъ съ винной монополіи тѣ же косвенные налоги... Между тѣмъ, продуктивность казеннаго хозяйства, поскольку она обнаружилась за послѣднее время, зависитъ почти всецѣло отъ винной монополіи.

Можетъ быть, налогъ на капиталъ, на крупную недвижимость, государственный промысловый налогъ составляютъ главныя статьи нашихъ бюджетныхъ доходовъ? Но намъ уже извѣстно изъ «Вѣстника Финансовъ», что «число лицъ, обладающихъ сравнительно хорошимъ достаткомъ въ Россіи ограничено». Поэтому, надо полагать, не стоитъ и трудиться... О томъ, какъ прогрессировали, рядомъ съ лихорадочнымъ развитіемъ русской промышленности и торговли, рядомъ съ крупнымъ ростомъ городскихъ центровъ этого рода, налоги, даетъ представленіе эволюція промысловаго налога. За 36 лѣтъ—съ 1863 по 1898 г.—цѣна торговыхъ документовъ, т.-е. основной гильдейскій на-

логъ, была повышена менѣе, чѣмъ вдвое. Не лучше обстоитъ дѣло теперь, послѣ реформы 1898 года. Въ первый годъ дѣйствія новаго положенія получено 61 милл., въ 1900 г. доходъ поднялся до 69,8 милл., затѣмъ въ 1901 году еще понизился на одинъ милліонъ. Еще архаичнѣе обстоитъ дѣло съ налогомъ на капиталъ, доходъ съ котораго равнялся въ 1886 г.—10,1, въ 1895 г.—13,9, въ 1901 г.—17,4 милл. р. *). Еще ниже обложена земельная крупная собственность; о ней мы будемъ говорить ниже. Неточность, неясность, неуловимость внѣшнихъ признаковъ даже подобное мизерное обложеніе сводятъ на смарку, дѣлая его расплывчатымъ и пристрастнымъ, когда дѣло касается невысокихъ доходовъ, и прямо льготнымъ для крупныхъ, вызывая всякаго рода осложненія, подчиняя, наконецъ, все дѣло столь специфической опекѣ, благодаря которой налогъ, самъ по себѣ ничтожный, нерѣдко все-таки оказывается весьма тягостнымъ. Извѣстно, какой раздражительностью отличаются наши капиталисты и ихъ служащіе, когда дѣло доходитъ до такого щепетильнаго предмета, какъ оборотъ или прибыль предпріятія: развѣ они обязаны раскрывать свои книги для просмотра? Извольте при такихъ условіяхъ выяснять «дѣйствительные размѣры оборотовъ и прибылей, въ виду введенія особаго процентнаго сбора съ прибылей, превышающихъ извѣстныя нормы»... Вѣдь у насъ самимъ закономъ установлено дѣленіе предпріятій на обязанныя публичной отчетностью, оклады съ которыхъ выражаются въ налогѣ на основной капиталъ, и не обязанныя... Такимъ образомъ въ налогахъ съ обезпеченной части русскаго населенія мы напрасно стали бы искать достаточно солидныхъ источниковъ доходовъ казны. Хотя государственнымъ совѣтомъ давно уже замѣчено, что трудно указать классъ, который бы такъ легко могъ у насъ нести бремя налоговъ, какъ торгово-промышленная буржуазія, но на практикѣ вниманіе нашихъ государственныхъ людей привлекаютъ совершенно иныя податныя силы.

Если есть у насъ источникъ прямыхъ налоговъ, источникъ, искони служащій крупной «опорой» нашихъ бюджетныхъ поступленій, то это только крестьянство. По даннымъ департамента окладныхъ сборовъ, податное бремя землевладѣльческаго населенія 50 губерній Европейской Россіи въ 1899 г. распредѣлялось такъ: на частное землевладѣніе, обнимающее 101 милл. 721 тыс. десятинъ, падало 20.003.000 руб., изъ которыхъ 2.494.000 руб. было государственнаго поземельнаго налога и 17.609.000 руб. земскихъ сборовъ. На 128¼ же милл. дес. крестьянскихъ обществъ приходилось 173.400.000 руб., изъ нихъ—92,3 милл. выкупныхъ платежей, 6,8 милл. государственнаго поземельнаго налога, земскихъ сборовъ—28,2 милл., мірскихъ—46,1 милл. Отсюда видно, какъ ничтожно у насъ обложены помѣщичьи земли по

*) Даже введеніе такихъ налоговъ было встрѣчено многочисленными протестами со стороны нашей торгово-промышленной аристократіи.

сравненію съ крестьянской. Сравнивая суммы платежей тѣхъ и другихъ, мы находимъ крестьянскія земли, обложенныя въ десять разъ выше, чѣмъ помѣщичья. Дѣло, конечно очень просто: крестьянская земля несетъ не только тѣ налоги, которыя лежатъ на помѣщичьей землѣ, но и выкупные платежи, составляющія огромную долю общихъ платежей. Удивительно ли, если недоимки выкупныхъ платежей, отсроченныя и пересроченныя, числятся, въ сущности, за сельскими обществами до тѣхъ поръ, пока онѣ подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ не будутъ сложены со счетовъ *). Конечно, недоимочность крестьянства—явленіе соціально-экономическаго характера. Недоимочность—явленіе почти случайное на Западѣ, гдѣ еще во времена крѣпостного права существовало денежное хозяйство, въ южныхъ губерніяхъ, съ ихъ крупными городскими центрами; наоборотъ, это явленіе, типичное для центра, гдѣ образованіе крѣпкихъ хозяевъ въ связи съ повышеніемъ земледѣльческой техники затруднено, гдѣ противорѣчіе между денежными требованіями фиска и натуральнымъ хозяйствомъ населенія проявляется болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо. Но тѣмъ тяжелѣе то бремя, которое, въ общей сложности, давитъ мужика. Налогъ изъ «страховой преміи за услуги», опредѣленный съ возможно меньшей точностью, превращается чуть не въ... военную контрибуцію, а чинъ податной инспекціи изъ стража общественныхъ интересовъ въ завоевателя опустошаемыхъ дворовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать такую картинку? «Я видалъ,—разсказываетъ одинъ наблюдатель,—какъ еще недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, осенью, въ каждомъ станѣ собиралась дружина, человѣкъ въ сто, состоявшая во главѣ со становымъ приставомъ или исправникомъ изъ урядниковъ, волостныхъ старшинъ, писарей, волостныхъ судей, сотскихъ, десятскихъ, понятыхъ, кулаковъ-скупщиковъ. Путешествуя изъ деревни въ деревню—это было въ Вятской губ., при губернаторѣ Анисьинѣ—толпа продавала все, что можно было продать у недоимщика. Даже дѣтскія пеленки вытаскивались изъ бабьихъ сундуковъ. Становые покрикивали, судьи тутъ же судили, кулаки скупали. Если недоимщикъ упрямился—судъ тутъ же присуждалъ его къ поркѣ» **). Въ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, мужикъ уже изъятъ отъ тѣлесныхъ наказаній, какъ избавленъ отъ прелестей круговой поруки, но многое ли вслѣдствіе этого измѣнилось въ податной практикѣ русской деревни...

Но прямые налоги давно уже не пользуются со стороны нашего финансового вѣдомства вниманіемъ, какого, казалось бы, можно было бы ожидать къ столь доходной статьѣ, какъ мужицкая подать. За послѣднее десятилѣтіе были предприняты даже нѣкоторыя облегченія въ области прямыхъ налоговъ, облегченія, пришедшіяся, впрочемъ,

*) Составляя въ началѣ девяностыхъ годовъ 40%, недоимки въ серединѣ ихъ поднялись до 100%, къ концу—до 120.

**) Н. М. Катаевъ „Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство". „Вѣстникъ Европы" 1902 г., май.

главнымъ образомъ, на долю состоятельныхъ слоевъ. Такъ или иначе, въ 1893 г. прямые налоги и пошлины составляли 24% обыкновенныхъ доходовъ, а въ 1902 году дали всего около 17%. Все вниманіе финансовыхъ сферъ, оказывается, уже посвящено косвеннымъ налогамъ, которые доведены у насъ до своего послѣдняго предѣла. При взиманіи прямого налога государство становится лицомъ къ лицу съ плательщикомъ, который ясно представляетъ себѣ свою податную обязанность, пріобрѣтаетъ интересъ къ вопросамъ финансового порядка, привыкаетъ нерѣдко сознательно относиться къ участію гражданъ въ расходахъ государства,—такой порядокъ при томъ налоговомъ бремени, какое несетъ русское трудящееся населеніе, очевидно, обреченъ на неуспѣхъ. Если недоимки по прямымъ налогамъ не мѣшали нашему государственному бюджету получать милліардные излишки, то это лишь потому, что онъ опирался на косвенное обложеніе. Косвенный налогъ важенъ съ точки зрѣнія фиска, не только потому, что онъ захватываетъ въ свои сѣти плательщиковъ, которые при прямой системѣ обложенія неминуемо оказались бы въ числѣ недоимщиковъ, но и потому, что онъ выплачивается незамѣтно для плательщика. Онъ не вынимаетъ рубля прямо изъ кошелька плательщика. Можете ли вы устраниться отъ платежа, когда пошлинами и акцизами, составляющими главный источникъ государственныхъ доходовъ, обложены у насъ или предметы общенароднаго потребленія—керосинъ, водка, сахаръ, чай, ситецъ, спички и пр., или предметы, безусловно необходимые въ сельскомъ хозяйствѣ,—желѣзо, чугунъ, земледѣльчевкія орудія? Налогъ опутываетъ всю вашу повседневную жизнь, ложится на каждое ваше дѣйствіе добавочной тратой, составляющей нерѣдко жертву, превышающую самый расходъ, въ милліонныхъ комбинаціяхъ проникаетъ всюду, а вы даже не замѣчаете, сколько образовалось прибавокъ и надбавокъ; вы даже не знаете, сколько вы платите, какая, напримѣръ, часть стоимости рюмки казеннаго вина приходится на дѣйствительную цѣнность, какая на налогъ; ни на спичечной бандероли, ни на пассажирскомъ билетѣ вы не найдете аналогичныхъ указаній... Налогъ платится не тѣмъ, на кого онъ налагается, а другимъ... И надо отдать справедливость нашему финансовому вѣдомству: косвенные налоги оправдали ожиданія безъ тѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя мы описывали выше. За двадцать лѣтъ они удвоились. Доходъ отъ нихъ превышалъ прямые налоги въ 1886 г. въ три раза, въ 1887 г.—почти въ пять разъ, въ 1898 г. уже слишкомъ въ 6 разъ и т. д.

Пока возможность переложенія существуетъ, лица перелагающія могутъ жить, не чувствуя особой тягости отъ налога; но зато тѣмъ тяжелѣе жить людямъ, для которыхъ переложеніе невозможно. Такими и являются тѣ массы, которыя суть, по преимуществу, плательщики косвенныхъ налоговъ—пролетаріатъ и крестьянское населеніе Россіи.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ о томъ, какая доля косвеннаго обложенія падаетъ на пролетаріатъ. Но если г. Шванебахъ правъ, вычисляя долю, выплачиваемую крестьянствомъ въ цѣнѣ обложенныхъ товаровъ въ 376 милл. руб. *), то отсюда можно заключить, какимъ бременемъ должны обрушиваться косвенные налоги на городской пролетаріатъ.

Какъ, въ концѣ концовъ, государственный бюджетъ отражается на народныхъ массахъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ семи восточныхъ уѣздахъ Орловской губерніи доходъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель составляетъ 10 милл. рублей, изъ которыхъ 35% поглощается прямыми налогами, въ томъ числѣ выкупные платежи,— 30% акцизомъ на вино, около 5% другими косвенными налогами, т.-е. $^7/_{10}$ дохода, получаемаго съ участка земли, уходитъ на покрытіе налоговъ. Въ нерехтскомъ сельскохозяйственномъ комитетѣ указывалось, что за границу вывозятся не избытки, а главная часть хлѣба, необходимаго для самого населенія, а потому вывозъ этотъ идетъ въ ущербъ питанію народа, вынужденнаго «замѣнять для себя хлѣбъ разными дешевыми суррогатами его». Въ борисоглѣбскомъ комитетѣ указывалось, что обложеніе поглощаетъ не только почти весь доходъ, за исключеніемъ скудныхъ остатковъ, которыхъ едва хватаетъ для удовлетворенія самыхъ примитивныхъ потребностей, но и необходимѣйшія средства производства, дѣлаа такимъ образомъ совершенно невозможнымъ продолженіе хозяйства **). Какое дѣйствіе оказываетъ система нашихъ налоговъ на фабрично-заводскія окраины, можно судить по тому, что брюшной тифъ, являющійся продуктомъ недоѣданія, является въ своемъ родѣ профессіональной болѣзнью русскаго рабочаго. Въ майскомъ номерѣ «Міра Божія» мы уже приводили коекакія цифры, характеризующія ростъ этой болѣзни. Конечно, недоѣданіе пролетаріата зависитъ прежде всего отъ причинъ, лежащихъ внѣ той или иной системы финансоваго управленія; но что однимъ изъ вліятельныхъ факторовъ этого недоѣданія является дороговизна жизни въ торгово-промышленныхъ центрахъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. А дороговизна жизни стоитъ въ непосредственной связи съ системой налоговъ...

Населеніе нищаетъ. Нищее, измятое нуждой и заботой, оно кидается на всякую работу, обѣщающую рубликъ, и за этотъ рубликъ готово платить трудомъ въ десять разъ большимъ, чѣмъ слѣдуетъ. Оно становится втупикъ передъ невозможностью свести концы съ концами...

И эту систему обложенія финансовыя сферы не прочь дополнить подоходнымъ налогомъ!..

Читатель останавливается въ недоумѣніи передъ этой противоесте-

---

*) П. Шванебахъ. „Наше податное дѣло“, Спб., 1903 г.

**) С. Н. Прокоповичъ. „Мѣстные люди о нуждахъ Россіи“, Спб., 1904 г.

ственной комбинацiей. Для чего понадобился подоходный налогъ? Налогъ этотъ требуетъ строгаго проведенія принципа existenz-minimum'a, такъ какъ налогъ, имѣющій цѣлью обложить часть дохода, не можетъ быть взимаемъ съ того, кто, въ сущности, таковой не обладаетъ, а обладаетъ лишь эквивалентомъ своихъ элементарныхъ потребностей, достаточнымъ лишь для того, чтобы жить, эквивалентомъ, который и называется existenz-minimum'омъ. Но мало-мальски дѣйствительное проведеніе этого принципа равносильно коренному измѣненію той финансовой системы, которую собственно, подоходный налогъ долженъ «дополнять». Далѣе, принципомъ подоходнаго обложенія является опредѣленіе налоговой способности плательщика въ зависимости отъ истиннаго его дохода. Подоходно-прогрессивный налогъ невозможенъ тамъ, гдѣ не принято въ основу этого принципа. Но и съ этой стороны налогъ является простой фикціей: какія бы комбинаціи ни сочинять, положеніе вещей въ дѣйствительности будетъ категорически противорѣчить принципу. Подоходный налогъ постольку и имѣетъ значеніе, поскольку онъ замѣняетъ прямые и косвенные налоги, перенося, такимъ образомъ, тяжесть обложенія съ низшихъ этажей на верхніе, а тутъ мечтаютъ его построить какъ разъ на этихъ налогахъ, да еще, по преимуществу, на косвенныхъ, да на какихъ косвенныхъ! Въ этомъ смыслѣ глава финансоваго вѣдомства, относящійся, какъ извѣстно, неблагосклонно къ реформѣ обложенія на началахъ подоходности, представляется мнѣ гораздо послѣдовательнѣе либеральной бюрократіи, засѣдающей въ коммиссіи Н. Н. Кутлера и ломающей головы надъ тѣмъ, какъ соединить несоединимое. Одно изъ двухъ: или подоходный налогъ, или... подушная подать, идеей которой проникнуто все наше финансовое обложеніе... Конечно, перестроить существующій порядокъ обложенія на діаметрально противоположной основѣ, заложить фундаментъ этой системы—задача, за которую бюрократіи было бы совершенно напрасно браться. Вопросъ о государственныхъ налогахъ въ его современной постановкѣ есть вопросъ народный; только самъ народъ, со всѣми его классовыми подраздѣленіями именно въ борьбѣ, являющейся результатомъ этихъ опредѣленій, выработаетъ новыя формы. Для этого нужны выборные представители отъ народа. Но это лишь еще разъ подчеркиваетъ, насколько серьезно стоитъ нашъ вопросъ. Борьба податныхъ формъ, раскрывающаяся передъ нами, не есть только борьба формъ обложенія. Это вмѣстѣ съ тѣмъ борьба двухъ міровъ—міра отживающаго, отходящаго въ область прошлаго, и міра нарождающагося, сулящаго намъ новыя общественныя завоеванія.

Л. Клейнбортъ.

Постепенное уменьшеніе способности измѣняться въ связи съ вопросомъ о причинѣ вымиранія видовъ.

(Взгляды **Даніэля Роза**).

I.

Измѣненія организмовъ обусловливаются особой способностью, которую мы называемъ измѣнчивостью. Это есть свойство всего организма или отдѣльныхъ его частей—уклоняться отъ обычной нормы подъ вліяніемъ или внѣшнихъ факторовъ, или причинъ намъ неизвѣстныхъ. Способность эта подвержена колебанію, т.-е. у однихъ организмовъ она выражена болѣе, у другихъ—менѣе. Такъ, мы видимъ, съ одной стороны, необыкновенно сильную измѣнчивость голубя, позволившую вывести множество породъ, сильно отличающихся отъ своего прародителя горнаго голубя, а съ другой—мало измѣнчивую, неподвижную организацію гуся, давшаго въ одомашненномъ состояніи лишь двѣ породы, которыя очень мало отличаются отъ своего предка—дикаго сѣраго гуся. Времени для измѣненія было достаточно, такъ какъ гусь прирученъ давно, что доказывается нѣкоторыми гомеровскими стихами, въ которыхъ упоминается о домашнихъ гусяхъ.

Даже органы различаются между собой по большей или меньшей способности варіировать. Такъ напримѣръ, у ящерицы (lacerta muralis) размѣры туловища, шеи и конечностей, взятые относительно головы, подвержены сильной измѣнчивости, тогда какъ расположеніе щитковъ на головѣ одно и тоже у всѣхъ особей. Еще Дарвинъ замѣтилъ эту неодинаковую способность измѣняться: въ его сочиненіяхъ часто встрѣчаются указанія на большую степень пластичности организаціи нѣкоторыхъ животныхъ; здѣсь слово «пластичность» замѣняетъ слово «измѣнчивость». Дарвинъ упоминаетъ также о томъ, что виды многочисленные, т.-е. съ большимъ количествомъ особей, измѣняются сильнѣе, чѣмъ виды немногочисленные. Кромѣ Дарвина и другіе авторы указывали на варіацію измѣнчивости и даже въ иныхъ случаяхъ усматривали полное отсутствіе послѣдней. Къ такимъ авторамъ относятся Годри, Сапорта, Маршъ, Гааке, Копе и другіе. Всѣ эти изслѣдователи констатировали тотъ фактъ, что измѣнчивость сама

измѣнчива, т. е. одни организмы одарены ею больше, другіе меньше. Закономѣрность же въ этомъ фактѣ установлена Д. Роза и выражена имъ въ слѣдующемъ законѣ: измѣнчивость постепенно уменьшается пропорціонально степени совершенства организма, т.-е. чѣмъ, больше усовершенствованъ организмъ, тѣмъ въ меньшей степени онъ измѣнчивъ. Къ этому закону Роза былъ приведенъ изслѣдованіемъ причинъ вымиранія.

II.

Какъ показываетъ палеонтологія, наша планета въ отдаленныя времена своего существованія была населена животными и растеніями, которыхъ мы теперь не встрѣчаемъ. Отложенія каждой изъ геологическихъ эпохъ имѣютъ свою собственную ископаемую флору и фауну, представители которыхъ сильно разнятся отъ представителей предыдущей или послѣдующей эпохъ. Вымираніе имѣетъ мѣсто и въ ближайшія къ намъ времена. Такъ напримѣръ, въ XVII вѣкѣ совершенно исчезли населявшія островъ св. Маврикія гигантскія птицы, извѣстныя подъ названіемъ дронтовъ или додо; въ настоящее время въ Новой Зеландіи не встрѣчается ни одного экземпляра громадныхъ птицъ моа (Palapteria ingens), которыя еще тамъ встрѣчались не болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Да и въ настоящее время существуютъ животныя, приближающіяся къ вымиранію: таковы однопроходныя, представителями которыхъ являются утконосы и ехидны; изъ птицъ примѣрами могутъ служить эму, киви, число которыхъ съ каждымъ годомъ все больше и больше уменьшается.

Чѣмъ же обусловливается вымираніе? При объясненіи этого явленія обыкновенно ссылаются, какъ это дѣлалъ и Дарвинъ, на случайности при борьбѣ за существованіе. Вымершій видъ имѣлъ-де сильныхъ конкурентовъ, которые его побѣдили и заставили вымереть. Но тутъ возникаетъ вопросъ: почему же побѣжденный видъ не выработалъ себѣ свойствъ, которыя позволили бы ему продлить свое существованіе? Объясненіе Дарвина и другихъ можетъ имѣть силу лишь при внезапномъ и рѣзкомъ измѣненіи условій существованія, когда было слишкомъ мало времени для выработки необходимыхъ свойствъ. Такимъ измѣненіемъ могло быть или какая нибудь геологическая катастрофа, или вторженіе человѣка. Но теорія катастрофъ уже сдана геологами въ архивъ. Что касается до вторженія человѣка, то оно, правда, оказываетъ большое вліяніе на исчезновеніе видовъ: упомянутая мною птица моа съ редуцированными крыльями истреблена всецѣло человѣкомъ, такъ какъ не могла же она за сто, двѣсти лѣтъ вырабатывать себѣ какіе-нибудь органы защиты, болѣе надежные,

чѣмъ ея ноги. Но, вѣдь, вымираніе имѣло мѣсто еще задолго до появленія человѣка, относимаго къ ледниковому періоду. Вымираніе видовъ ведетъ свое начало съ первыхъ страницъ исторіи происхожденія организмовъ.

Итакъ, катастрофъ не было и человѣка не было. Что же заставило вымирать виды? Дарвинъ и его послѣдователи совершенно основательно указываютъ на невыгодное положеніе въ борьбѣ за существованіе, какъ на ближайшую причину этого явленія. Но борьба за существованіе есть процессъ, длящійся чрезвычайно долго. Если же допустить, какъ это дѣлалъ Дарвинъ, Геккель и др., почти неограниченную измѣнчивость организмовъ, то во время этого процесса борьбы организмы, поставленные въ менѣе выгодныя условія могли бы выработать свойства, которыя избавили бы ихъ отъ этой борьбы. Напримѣръ, извѣстно, что борьба за существованіе ведется наиболѣе интенсивно между видами родственными, такъ какъ они стоятъ близко другъ къ другу по своимъ потребностямъ. Предположимъ, что одинъ видъ имѣетъ какія-нибудь преимущества передъ другимъ; тогда для послѣдняго будетъ выгодно выработать такія свойства, которыя поставили бы его дальше отъ соперника, т. е. этотъ видъ сталъ бы стремиться къ расхожденію признаковъ, и естественный отборъ покровительствовалъ бы этому. Но такое выгодное уклоненіе отъ борьбы бываетъ не всегда, и менѣе приспособленный къ ней видъ вымираетъ, потому что не можетъ измѣняться, его измѣнчивость притуплена.

Итакъ, объясняя вымираніе вида невыгоднымъ его положеніемъ въ борьбѣ за существованіе, мы должны допустить еще болѣе отдаленную причину, заключающуюся въ неспособности его варіировать, или, употребляя выраженія Д. Роза, въ «редукціи его измѣнчивости».

III.

Что касается до причинъ редукціи измѣнчивости, то Роза прежде всего указываетъ на узкую специализацію, т. е. на тѣ приспособленія, которыя будучи безусловно полезны для вида, тѣмъ не менѣе не поднимаютъ его на болѣе высокую ступень организаціи. Упрочивая за видомъ всякія полезныя измѣненія, естественый отборъ дѣлаетъ его болѣе совершеннымъ, точнѣе—болѣе приспособленнымъ къ даннымъ условіямъ, но не болѣе высоко организованнымъ. Высота организаціи есть тоже, конечно, продуктъ приспособленія къ условіямъ. Природа добивается однихъ и тѣхъ же результатовъ различными путями. Одни индивиды могутъ приспособляться къ условіямъ существованія, пріобрѣтая лишь узкую специализацію своихъ органовъ, другіе же, приспособляясь, въ то же самое время становятся болѣе высоко организо-

ванными. Дѣло здѣсь, слѣдовательно, сводится къ тому, какой путь приспособленія будетъ избранъ видомъ.

«Редукція измѣнчивости» яснѣе всего выступаетъ у видовъ, односторонне приспособленныхъ, и чѣмъ дальше идетъ это узкое приспособленіе, тѣмъ интенсивнѣе становится явленіе. Такъ, въ палеозойскую эру моря были, между прочимъ, населены животными съ необыкновенно сильно развитымъ кожнымъ скелетомъ; примѣрами такихъ животныхъ могутъ служить Pteraspis, Pterichtis, Cephalaspis, причисляемыя нѣкоторыми къ ганоиднымъ рыбамъ. Панцырь ихъ былъ имъ, конечно, полезенъ, какъ средство защиты отъ враговъ; но это не воспрепятствовало ихъ полному вымиранію. Отчего оно произошло? Да, по вѣроятности, измѣнились какія-нибудь условія существованія (какія именно—сказать трудно), примѣниться къ новымъ условіямъ животныя не могли, такъ какъ ихъ измѣнчивость свелась до minimum'a или, можетъ быть, даже до нуля, и вотъ они исчезли такъ же, какъ исчезли съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія средневѣковые доспѣхи, неспособные противостоять разрушающему дѣйствію пороха. Современные же упомянутымъ животнымъ ганоиды, спеціализація которыхъ не зашла такъ далеко, продолжали измѣняться, и представители ихъ сохранились до нашихъ дней.

Но уменьшеніе измѣнчивости не составляетъ свойства, исключительно присущаго сильно спеціализованнымъ видамъ, оно проявляется у послѣднихъ лишь особенно интенсивно; свойственно оно также и видамъ, приспособляющимся путемъ повышенія степени своей организаціи. Процесъ эволюціи идетъ не такъ свободно, какъ это себѣ обыкновенно представляютъ. Измѣняющійся видъ ограниченъ въ своей эволюціи тѣми условіями, къ которымъ онъ приспособляется. Способы приспособленія могутъ быть, конечно, разнообразны. Я уже говорилъ, что природа можетъ достигать одинаковыхъ результатовъ различными путями. Тѣмъ не менѣе процессъ приспособленія ограниченъ извѣстными рамками, выйти за предѣлы которыхъ виду не позволяетъ естественный отборъ. Дѣйствительно, всякое уклоненіе въ сторону вредно, такъ какъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, къ которымъ видъ приспособляется; а потому всѣ индивидуумы, проявляющіе тенденцію уклоняться отъ типа, отвѣчающаго даннымъ условіямъ, уничтожаются, не производя потомства и, слѣдовательно, не передавая этой тенденціи по наслѣдству. Такимъ образомъ, видъ лишается путемъ естественнаго отбора особей съ разносторонней способностью измѣняться. Слѣдовательно, чѣмъ больше видъ приспособленъ къ условіямъ, тѣмъ менѣе онъ варіируетъ, тѣмъ больше имѣетъ шансовъ вымереть при измѣненіи этихъ условій. Такимъ образомъ въ двухъ указанныхъ случаяхъ, т.-е. при узкой спеціализаціи вида и при обыкновенномъ его приспособленіи къ условіямъ существованія, на

вопросъ «что является виной редукціи измѣнчивости», слѣдуетъ отвѣтъ: «приспособленіе». Болѣе же отдаленной причиной является естественный отборъ, который убиваетъ въ немъ способность варіировать.

Итакъ, совершенствованіе организма неразрывно связано съ уменьшеніемъ его измѣнчивости; это уменьшеніе идетъ такъ же постепенно, какъ постепенно развивается видъ. Наконецъ, на извѣстномъ уровнѣ развитія измѣнчивость сводится къ нулю. Это-то и является для вида гибельнымъ, такъ какъ онъ уже неспособенъ реагировать на измѣненія въ условіяхъ существованія.

IV.

Какъ всѣ физіологическія отправленія организма слагаются изъ отдѣльныхъ функцій его органовъ, такъ и общая утрата организмомъ способности измѣняться можетъ быть разложена на такія же явленія въ его органахъ. Въ филогенезѣ существуютъ явленія, которыя, по мнѣнію Роза, прямо указываютъ на редукцію измѣнчивости въ отдѣльныхъ органахъ. Сюда онъ, прежде всего, относитъ тотъ филогенетическій законъ, по которому, органъ разъ редукцировавшійся, не можетъ вновь развиться въ филогенезѣ даннаго вида. Изъ этого общаго правила по мнѣнію Роза нѣтъ ни одного исключенія. Въ филогенетическомъ развитіи организмовъ никогда не было случая, чтобы отъ животнаго вида съ рудиментарными глазами произошелъ видъ съ хорошо развитыми органами зрѣнія, или чтобы летающія насѣкомыя произошли отъ такихъ, у которыхъ крылья были редуцированы. Слѣдовательно, измѣнчивость такого животнаго въ нѣкоторыхъ направленіяхъ притуплена, т.-е., несмотря, напримѣръ, на то, что, согласно съ измѣненіемъ условій, для него полезно развитіе рудиментарнаго органа, это развитіе невозможно.

Второй примѣръ редукціи измѣнчивости органовъ Роза видитъ въ тѣхъ изъ нихъ, которые представляютъ между собой общую гомологію. Общегомологичными называются тѣ органы, которые имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое строеніе, происходятъ изъ однихъ и тѣхъ же зачатковъ и расположены симметрично относительно той или другой оси. Общегомологичными являются, напр., пальцы по отношенію другъ къ другу. Такъ же относятся между собой руки и ноги, позвонки, парные органы, какъ, напримѣръ, глаза, почки и т. д. Число этихъ общегомологическихъ органовъ въ предѣлахъ той или другой систематической групы не превышаетъ извѣстнаго maximu'ma, хотя бы этотъ послѣдній и не былъ бы optimum'омъ. Такъ, млекопитающимъ свойственно имѣть не свыше пяти пальцевъ, насѣкомыя имѣютъ 6 ногъ и т. д. Это числовое постоянство общегомологичныхъ орга-

новъ относится лишь къ тѣмъ животнымъ, у которыхъ оно установилось. До установленія же оно сильно колеблется, какъ, напримѣръ, еще въ настоящее время число позвонковъ у змѣй. Установившись же оно не превышаетъ извѣстнаго максимума. Въ этомъ явленіи Роза усматриваетъ редукцію измѣнчивости тѣхъ тканей, которыя производятъ данные органы. Онѣ были въ состояніи образовать лишь извѣстное число гомологическихъ органовъ.

На опредѣленной стадіи какъ онтогенетическаго (индивидуальнаго), такъ и филогенетическаго (видового) развитія въ клѣточномъ аггрегатѣ вступаетъ въ права принципъ раздѣленія труда и отдѣльныя клѣтки дифференцируются для отправленія опредѣленныхъ функцій, образуя ткани и органы. Такимъ образомъ, образованіе тканей и органовъ есть переходъ клѣтокъ изъ индифферентнаго состоянія въ дифференцированное. Въ этомъ процессѣ Роза тоже замѣчаетъ постепенное уменьшеніе измѣнчивости, которое проявляется, прежде всего, въ томъ, что ткань изъ болѣе дифференцированнаго состоянія не переходитъ въ менѣе дифференцированное. Она можетъ вслѣдствіе неупотребленія сдѣлаться рудиментарной, но не индифферентной. Органы тоже могутъ залагаться лишь въ слабо дифференцированныхъ тканяхъ, что ясно видно при развитіи зародыша. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ животныхъ извѣстныя ткани еще настолько слабо спеціализованы, что производятъ тѣ или другіе органы. Такъ, у безсифоннаго моллюска Pectunculus въ любомъ мѣстѣ края мантіи можетъ развиться глазъ изъ слабо дифференцированной здѣсь кожицы. Но развитіе того же органа изъ кожицы позвоночнаго невозможно, такъ какъ она у него для этого слишкомъ дифференцирована. Съ другой стороны, вполнѣ дифференцированная ткань одной формы не можетъ перейти въ ткань другой формы. Нервная ткань, напримѣръ, не можетъ перейти въ мускульную и наоборотъ. Всѣ эти факты, по мнѣнію Роза, иллюстрируютъ то положеніе, что дифференцировка, т.-е. усовершенствованіе тканей и органовъ неразрывно связано съ уменьшеніемъ тѣхъ путей, по которымъ могутъ идти измѣненія. Самый же интересный фактъ, говорящій, согласно мнѣнію Роза, «за редукцію измѣнчивости» органовъ, есть явленіе замѣщенія одного органа другимъ, равнымъ ему по функціи, но болѣе способнымъ для отправленія послѣдней. Первоначальный же органъ, повидимому, потерялъ силу измѣняться, вслѣдствіе этого не могъ усовершенствоваться и былъ замѣненъ другимъ органомъ, образовавшимся изъ частей, сохранившихъ измѣнчивость. Примѣромъ такого явленія можетъ служить замѣна спинной хорды позвоночнымъ столбомъ. Такой же процессъ замѣщенія происходитъ въ эмбріональной жизни высшихъ позвоночныхъ при замѣнѣ первичной почки вторичной и этой послѣдней metanephros'омъ, или настоящей почкой. Согласно же біогенетическому закону Геккеля,

по которому онтогонезъ есть повтореніе филогенеза, мы имѣемъ основаніе предполагать, что такое же замѣщеніе происходило и въ филогенетическомъ развитіи высшихъ позвоночныхъ. Явленіе замѣщенія не только указываетъ на редукцію измѣнчивости нѣкоторыхъ частей организма; оно доказываетъ также то, что не всѣ органы и ткани организма одновременно претерпѣваютъ эту редукцію: въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ не перестаютъ измѣняться, другіе сохраняютъ свою пластичность настолько, что способны замѣнить первыхъ.

V.

Изложивъ теорію погрессивной редукціи измѣнчивости, перейдемъ теперь къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ она привела своего автора. Прежде всего она заставила его признать ортогенезисъ по причинамъ, о которыхъ я сейчасъ упомяну. Главная мысль ортогенезиса, какъ его понимаетъ Роза, заключается въ томъ, что видъ идетъ въ своей эволюціи строго опредѣленнымъ путемъ, отклониться отъ котораго онъ не можетъ. Такой ходъ развитія вида имѣетъ за собой множество причинъ: по какому то невѣдомому стремленію, которое ортогенетисты называютъ аутогененнымъ ортогенезомъ, развиваются органы, они влекутъ за собой различныя пертурбаціи въ организмѣ, уменьшеніе роста другихъ, менѣе важныхъ органовъ и т. д. Къ этому ряду причинъ Роза прибавляетъ еще и редукцію измѣнчивости, вызванную спеціализаціей и совершенствованіемъ органовъ. Вотъ и все, что связываетъ ортогенезисъ съ теоріей Роза. Развивающійся видъ онъ уподобляетъ муравью, ползущему по одной изъ вѣтвей дерева. Попасть на другую вѣтвь онъ не можетъ, потому что избралъ себѣ именно данную вѣтвь, а для перелета у него нѣтъ крыльевъ. Здѣсь аллегорически представленъ указанный принципъ ортогенеза. Единственный способъ перебраться на другую вѣтвь—это опуститься до того мѣста, гдѣ эта вѣтвь отходитъ отъ вѣтви предыдущаго порядка. Въ данной аллегоріи такой способъ соотвѣтствуетъ возвращенію къ прежнему индефферентному состоянію, что по теоріи редукціи измѣнчивости невозможно. Иллюстрирую понятіе объ ортогенезисѣ примѣромъ. Извѣстно, что колибри—прекрасные летуны. Эта способность обусловливается сильнымъ развитіемъ соотвѣтствующей мускулатуры, которое влечетъ за собой множество измѣненій въ организмѣ птицы. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гертвигъ. («Клѣтка и ткани», 2 т., стр. 167).

«У мелкихъ колибри гребень грудной кисти достигаетъ поразительной высоты, значительно превосходя грудинно-позвоночный поперечникъ грудной клѣтки. Къ очевидному соотношенію между мышечною и костной системами присоединяются еще многія другія. Такъ какъ каждое мышечное волокно снабжено нервнымъ, то и нервы грудной

мышцы у летуновъ соотвѣтственно увеличиваются. Съ этимъ, вѣроятно, связаны, въ свою очередь, измѣненія въ мѣстахъ выхода нервовъ изъ спинного мозга, такъ какъ двигательныя нервныя волокна берутъ начало изъ двигательныхъ нервныхъ клѣтокъ въ видѣ осевыхъ цилиндровъ; быть можетъ, коррелятивныя измѣненія простираются даже до мозговой коры, гдѣ находится центральное начало пирамидальныхъ путей. Подобно нервной системѣ измѣняется и система кровеносныхъ сосудовъ, причемъ соотвѣтственно увеличивается калибръ питающихъ грудныя мышцы артерій. Съ увеличеніемъ діаметра стѣнка сосудовъ должна утолститься, подвергшись соотвѣтствующему гистологическому измѣненію... А если прослѣдить соотношеніе роста еще подробнѣе, то придется прибавить, что появленіе и увеличеніе грудного гребня, усиленія нерва и пр. отражаются и на распредѣленіи кровеносныхъ сосудовъ. Коррелятивнымъ измѣненіямъ подвергается далѣе и волокнистая соединительная ткань, стоящая въ связи со всѣми указанными органами. Усиленіе грудной мышцы (musculi pectoralis) вызываетъ соотвѣтственное усиленіе сухожилія, прикрѣпляющаго его къ плечевой кости, а послѣдняя, въ свою очередь, получаетъ въ мѣстѣ прикрѣпленія болѣе значительную шероховатость. Увеличивается промежуточная соединительная ткань между мышечными волокнами. Болѣе толстый нервный стволъ получаетъ и соотвѣтственную оболочку. Такимъ образомъ, усиленіе грудныхъ мышцъ, вызванное приспособленіемъ къ летанію, неизбѣжно влечетъ за собою цѣлый рядъ измѣненій, основанныхъ на соотношеніяхъ роста, какъ въ органахъ, такъ и въ тканяхъ, причемъ мы оставляемъ въ сторонѣ множество другихъ процессовъ въ тѣлѣ (въ легкихъ, въ сердцѣ и т. п.)».

Въ данномъ примѣрѣ взятъ лишь одинъ факторъ, ведущій видъ по опредѣленному пути развитія; если же принять во вниманіе и другіе факторы, напримѣръ, экономію роста и идущіе рука объ руку съ развитіемъ «редукціи измѣнчивисти», то краски картины еще болѣе сгустятся и мы увидимъ, что путь развитія вида ограниченъ рядомъ обстоятельствъ, за предѣлы которыхъ видъ перейти не можетъ. Правда, часто отдѣльные индивиды уклоняются отъ этого пути, но эти уклоненія, по мнѣнію Роза, не имѣютъ никакого филогенетическаго значенія. Ортогенезисъ есть теорія, если можно такъ выразиться, безобидная, т.-е. она не идетъ въ разрѣзъ съ другими біологическими теоріями. Да она и не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ ничего не выясняетъ. Тамъ, гдѣ дѣло касается той индивидуальной измѣнчивости, которая независима отъ упражненія, неупражненія и видимыхъ внѣшнихъ факторовъ, тамъ стоитъ предѣлъ для нашего пониманія. Мы не можемъ сказать почему, напримѣръ, появился данный зачатокъ органа и, такъ сказать, ставимъ здѣсь x. Ортогенетисты же замѣняютъ x словомъ аутогенезъ. Такая замѣна, конечно, дѣла не уясняетъ.

Главнѣйшій выводъ, сдѣланный Роза изъ его теоріи касается весьма интереснаго вопроса о концѣ жизни на землѣ. Объ этомъ выводѣ я сейчасъ буду говорить, что дастъ мнѣ возможность вкратцѣ повторить всю теорію.

Предположимъ, что мы имѣемъ видъ, процвѣтающій въ данной области. Что это значитъ? Это значитъ, что видъ приспособился ко всѣмъ условіямъ данной мѣстности: его пищеварительная система приспособилась къ перевариванію извѣстной пищи, его покровы приспособлены къ защитѣ тѣла отъ неблагопріятныхъ колебаній температуры, органы защиты приспособлены къ врагамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, органы, играющіе роль при добываніи пищи, развиты въ высокой степени и т. д., и т. д.. Всѣ эти усовершенствованія даютъ виду преимущества въ борьбѣ за существованіе, обусловливаютъ его процвѣтаніе. Но становясь все болѣе и болѣе совершеннымъ, онъ все меньше и меньше способенъ измѣняться. Естественный отборъ, благодаря которому видъ достигъ высокой степени совершенства, убилъ въ немъ способность измѣняться, такъ какъ всякое уклоненіе отъ типа, соотвѣтствующаго даннымъ условіямъ существованія стиралось съ лица земли. Всѣ органы настолько спеціализировались, приспособившись къ отправленію именно данной функціи, что о перемѣнѣ этой послѣдней на другую трудно говорить. Появленіе новыхъ органовъ невозможно въ силу того, что ткани въ высокой степени дифференцированы. Число общегомологичныхъ органовъ, установившись, достигло maximum'а, выше котораго оно подняться не можетъ. Впродолженіи развитія вида, нѣкоторыя части атрофировались или въ большей или въ меньшей мѣрѣ редуцировались, и вслѣдствіе этого возобновиться не могутъ. Такимъ образомъ организація нашего вида сдѣлалась неподвижной, статической. Онъ пріобрѣлъ свое совершенство цѣной измѣнчивости, которую въ большей или меньшей степени утратилъ. Но вѣдь условія существованія постепенно мѣняются, и для того, чтобы видъ могъ стоять къ нимъ въ одномъ и томъ же отношеніи, онъ долженъ также постепенно измѣняться. Если же способность измѣняться утрачена, то видъ уже не въ состояніи примѣниться къ новымъ условіямъ. Онъ остается приспособленнымъ къ условіямъ, которыя имѣли мѣсто въ данной странѣ, напримѣръ, 1000 лѣтъ тому назадъ, и является, такъ сказать, живымъ анахронизмомъ. Если же между организаціей вида и условіями существованія нѣтъ соотвѣтствія, то видъ вымираетъ. Это разсужденіе Роза, примѣненное мною для ясности къ одному виду, можетъ быть отнесено, по его мнѣнію, ко всѣмъ животнымъ и растеніямъ нашей планеты, такъ какъ всѣ они стремятся по возможности примѣняться къ условіямъ существованія. А наряду съ этимъ примѣненіемъ, или, иначе говоря, усовершенствованіемъ, идетъ постепенное уменьшеніе измѣн-

чивости, ведущее къ неминуемой гибели. Такимъ образомъ, Роза приходитъ къ заключенію, что прогрессъ въ органическомъ мірѣ въ концѣ концовъ ведетъ къ остановкѣ эволюціи, что то совершенство, къ которому такъ стремятся организмы, должно въ очень отдаленномъ будущемъ привести ихъ къ гибели. Такъ исчезнетъ по мнѣнію Роза современемъ вся органическая жизнь на землѣ, исчезнетъ фатально, павъ жертвой собственнаго совершенства.

Такимъ образомъ взгляды Дарвина и Роза на эволюцію расходятся: по мнѣнію Дарвина, особенно сильно развитому Геккелемъ, измѣнчивость организмовъ безпредѣльна. Условія медленно измѣняются; приспособляясь къ нимъ, медленно измѣняются и виды. По этому взгляду процессъ эволюціи можетъ продолжаться до безконечности. Вымираніе, неразрывно связанное съ эволюціей не противорѣчитъ этому взгляду, такъ какъ Дарвинъ видѣлъ его причину въ естественномъ отборѣ, который, слѣдовательно, истребляетъ не только негодныхъ къ борьбѣ индивидуумовъ, но и виды, успѣвшіе менѣе приспособиться. Роза же изслѣдовалъ это явленіе глубже и сообразно этому нашелъ и болѣе отдаленныя причины, заключающіяся въ «редукціи измѣнчивости». Непосредственнымъ выводомъ изъ закона редукціи измѣнчивости является, по мнѣнію Роза, отрицаніе безпредѣльной измѣнчивости.

Такимъ образомъ взглядъ Дарвина и Геккеля на эволюцію—оптимистическій, такъ какъ они усматриваютъ въ ней вѣчный безпредѣльный прогрессъ. Взглядъ же Роза, по которому прогрессъ въ развитіи идетъ рука объ руку съ регрессомъ въ измѣнчивости, дышетъ мрачнымъ пессимизмомъ;

С. А. Тимоѳеевъ.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Вопросы жизни въ „Вопросахъ Жизни".

Собрались люди прекраснѣйшей души, тонкаго ума и богатой, разносторонней эрудиціи и основали журналъ. И чтобы всякому было вѣдомо, что это солидное литературное предпріятіе затѣяно ими не шутки ради, не для баловства и препровожденія досуговъ, они въ цѣломъ рядѣ статей дали обстоятельное изложеніе своего credo, настолько обстоятельное, что впредь не только читателю, но даже и критику отговариваться незнаніемъ его будетъ зазорно. И такъ какъ журналъ обѣщаетъ быть интереснымъ и не одинъ еще разъ дастъ намъ поводъ поговорить о немъ въ нашихъ обозрѣніяхъ, то мы и рѣшили открыть наши періодическія бесѣды съ читателемъ прежде всего обзоромъ программы этого журнала.

«Вопросы Жизни»,—такъ именно называется этотъ журналъ, составляющій прямое продолженіе «Новаго Пути» обновленной редакціи—объявляетъ свое направленіе «идеализмомъ», «идеалистическимъ индивидуализмомъ» или, въ другомъ мѣстѣ, «идеалъ-реализмомъ», причемъ въ послѣднемъ наименованіи имѣются въ виду не теоретическія основанія программы, утвержденной на предпосылкахъ «идеализма», а методъ практической разработки программы. Но дѣло, конечно, не въ томъ или иномъ наименованіи направленія, а въ его содержаніи, на которомъ мы и намѣрены остановиться.

«Естественно,—говоритъ г. С. Булгаковъ въ одной изъ программныхъ статей журнала,— что общее вниманіе теперь привлекаютъ задачи экономическаго и политическаго возрожденія Россіи послѣ того безпримѣрнаго упадка и разстройства, въ которое пришла она въ новѣйшее смутное время войны внѣшней—съ японцами и внутренней—съ бюрократіей. Малый ребенокъ понимаетъ въ настоящее время, въ какомъ ужасномъ состояніи находится страна. Нужны героическія средства для ея оздоровленія и, если они не будутъ даны, то будутъ взяты—выбора нѣтъ. Въ вопросахъ, касающихся политической и экономической жизни, во всей идейной журналистикѣ и ежедневной прессѣ, въ различныхъ слояхъ общества, словомъ, у всей честной и мыслящей Россіи господствуетъ полное единогласіе и иначе быть не можетъ. Можно различаться въ подробностяхъ программъ, идти ближе или дальше, быть умѣреннѣе или радикальнѣе, возможна и въ дѣйствительности существуетъ цѣлая гамма партійныхъ оттѣнковъ. Но всѣ эти фракціи или партіи сходятся въ настоящее

время въ одномъ: такъ жить нельзя. Всѣмъ равно ненавистна бюрократія, одинаково опостылѣлъ будочникъ» *).

Здѣсь можно было бы возразить журналу развѣ по поводу его стремленія слить всѣ оппозиціонныя партіи или фракціи въ одномъ общемъ мало опредѣленномъ лозунгѣ. И намъ придется дальше считаться съ этимъ стремленіемъ журнала. Но въ цитируемой статьѣ авторъ самъ дѣлаетъ соотвѣтствующую оговорку.

«Конечно,—замѣчаетъ г. Булгаковъ,—это временное единогласіе не должно закрывать различія дальнѣйшихъ программъ, хотя это послѣднее,—по его мнѣнію,—никоимъ образомъ не должно препятствовать согласному дѣйствію для достиженія общей цѣли. Однако, *временный союзъ не значитъ отказъ отъ своей программы. Въ области политической мы отстаиваемъ программу радикально-демократическую, въ области же соціальной политики—соціалистическую* (NB. курсивъ подлинника), хотя и не въ доктринальномъ, а болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, допускающемъ и самостоятельную постановку крестьянскаго вопроса» **).

Выяснивъ дальше основныя положенія широко захватывающей программы журнала по вопросамъ философіи, морали, искусства и религіи, положенія, ставить и развивать которыя имѣетъ въ виду редакція «Вопросовъ Жизни», г. Булгаковъ снова возвращается къ темѣ, которая является самымъ больнымъ мѣстомъ переживаемаго момента.

«Каждый историческій моментъ,—пишетъ онъ,—имѣетъ свою спеціальную задачу, которая, выдвигаясь впередъ, до извѣстной степени заслоняетъ всѣ остальныя. Имѣетъ таковую и текущій 1905 годъ Всѣ вопросы русской жизни въ настоящую минуту связываются въ одинъ, который давно уже сталъ вопросомъ духовной жизни или смерти націи. Вся русская жизнь стянута однимъ роковымъ узломъ, который душитъ ее и парализуетъ всѣ ея отправленія. Русская жизнь въ параличѣ, и духовная, и политическая, и экономическая. Для исцѣленія разслабленнаго необходимо такъ или иначе разрубить узелъ, завязанный вѣками, выйти изъ вѣкового тупика, чтобы вольной грудью, впервые, можетъ быть, за всѣ времена своего историческаго существованія вздохнула наша родина. Борьба съ бюрократизмомъ захватила теперь—и не могла не захватить, должна была захватить—всѣ живыя силы націи, безъ различія мнѣній и направленій, сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Побѣда надъ нимъ является поистинѣ національной задачей, вопросомъ нравственнаго достоинства, даже самого національнаго существованія. Переживаемой нами моментъ являетъ рѣдкую историческую картину общенаціональнаго объединенія можетъ быть, и кратковременнаго, но въ высшей степени захватывающаго и многознаменательнаго. Вся нація охвачена однимъ стремленіемъ, стремленіемъ къ свободѣ... Дни наши мучительны и ужасны: кровь и насиліе, война внѣшняя и война внутренняя. Но для всѣхъ ясно, что это послѣднія судороги

*) „Вопросы Жизни“ 1905 г., № 2 „Безъ плана“, стр. 350—351.

**) Ibidem, стр. 351.

стараго порядка, что нравственное и историческое содержанiе борьбы уже окончательно исчерпано, и старому порядку не остается никакихъ средствъ самозащиты, кромѣ самоубiйственныхъ. Доигрываются послѣднiя сцены кровавой трагедiи, исторической борьбы, которая тянулась черезъ весь XIX вѣкъ, и блаженны мы, которымъ суждено видѣть хотя только багровое зарево восходящаго солнца» *).

Этотъ одинъ основной вопросъ русской жизни разроссяя до колоссальныхъ размѣровъ, подавляя собою всѣ остальныя задачи, которыя давно уже поставлены и давно уже требуютъ радикальнаго разрѣшенiя. «Вопросъ о возрожденiи крестьянскаго хозяйства и отечественнаго земледѣлiя, думаете, это вопросъ экономическiй?—спрашиваетъ авторъ и тутъ же даетъ отвѣтъ:—Нѣтъ, экономическiй онъ гдѣ-нибудь на Западѣ, а у насъ онъ *пока* только политическiй и, пока онъ не разрѣшится, какъ вопросъ политическiй, онъ не можетъ быть и поставленъ, какъ вопросъ чисто экономическiй, такая его постановка будетъ имѣть только теоретическое, а не практическое значенiе». То же самое относится и ко всѣмъ другимъ насущнѣйшимъ вопросамъ нашей жизни: къ вопросу рабочему, къ вопросамъ о судьбѣ русской промышленности, русской школы, русской культуры.

«Такимъ образомъ,—заканчиваетъ г. Булгаковъ,—повсюду, во всѣхъ сферахъ русской жизни, мы наталкиваемся на одно и то же и, какъ Катонъ, всѣ свои рѣчи и всѣ свои помыслы мы должны заключать однимъ: praeterea censeo delendam esse Carthaginem. Мы должны стать (да въ сущности и стали уже) манiаками политическаго освобожденiя. Одну мысль, одну мечту, одну тоску, одну клятву должны мы носить съ собой всегда и всюду, ночью и днемъ, на работѣ и на отдыхѣ. Одно должны мы твердить, кстати и некстати, съ поводомъ и безъ повода, тактично и безтактно твердить, твердить,—твердить, пока жизнь не уступитъ намъ. Delenda est Carthago!» **).

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенiя сдѣлали мы всѣ эти вышеприведенныя выписки изъ журнала, въ которомъ мы отъ души привѣтствуемъ собрата, сходнаго намъ по переживаемому настроенiю. На довольно-таки скудной, въ общемъ, нивѣ русской журналистики этотъ новый ярко окрашенный органъ займетъ, несомнѣнно, видное среди немногихъ другихъ положенiе, и намъ тѣмъ болѣе прiятно подчеркнуть, что до извѣстныхъ предѣловъ, въ самомъ злободневномъ, до жгучей остроты наболѣвшемъ вопросѣ мы прiобрѣтаемъ въ немъ несомнѣннаго союзника. До извѣстныхъ предѣловъ. И какъ только мы подойдемъ къ теоретическому обоснованiю соединяющихъ насъ взглядовъ и настроенiй, предѣлы эти очерчиваются ясной, опредѣленной чертой.

«Единственная теоретическая основа, которую мы полагаемъ для соцiальной политики, считая ее совершенно достаточной,—писалъ г. Булгаковъ въ другомъ мѣстѣ,—есть идея *естественнаго права* человѣческой личности на отвѣчающiя этому понятiю условiя общественной жизни, идея человѣческаго

---

*) Ibid., стр. 360.
**) Ibid., стр. 361.

достоинства, этическій индивидуализмъ. Эта великая идея можетъ воодушевить и растущее соціальное движеніе лучше и глубже, нежели идея интереса, хотя бы и не личнаго, а группового. Стремясь убѣдить массы въ необходимости того или иного рѣшенія, слѣдуетъ говорить имъ, что безъ этого попирается ихъ человѣческое достоинство, оскорбляется справедливость, происходитъ поруганіе высшей правды, и что во имя этого своего идеальнаго достоинства онѣ должны идти даже на жертву» *).

Теоріи классовой борьбы противополагается идея естественнаго права, какъ «единственная» теоретическая основа, на которой журналъ собирается строить зданіе соціальной политики.

Идите и научите всѣ народы. И они шли и учили, потому что они были солью земли, потому что благодатный свѣтъ истины озарилъ ихъ умы и зажегъ ихъ сердца. И было много ихъ, пророковъ, апостоловъ и великихъ учителей, и на всѣхъ языкахъ возглашали они народамъ великую истину. И ихъ слушали, и истину ихъ принимали, и эти истины, занесенныя въ книги, стали занимать не только полки, но цѣлыя стѣны огромныхъ библіотечныхъ зданій. Но жизнь складывалась и развивалась независимо отъ этихъ великихъ истинъ и часто даже наперекоръ имъ. И, во всякомъ случаѣ, ассимиляція этихъ истинъ производилась жизнью съ поразительной медленностью.

И вотъ теперь группа интеллигентовъ, сплотившихся вокругъ новаго журнала и одушевленныхъ самыми благородными и высокими чувствами, снова собирается въ этотъ извѣданный далекій путь и возглашаетъ: идите и научите. «Великая идея естественнаго права можетъ воодушевить растущее соціальное движеніе лучше и глубже, нежели идея интереса, хотя бы и не личнаго, а группового».

Чтобы вполнѣ уяснить значеніе этого призыва, надобно устранить изъ него одну маленькую формальную неясность, причина которой лежитъ въ нѣкоторомъ преувеличенномъ педантизмѣ автора. Однажды склонный къ такому же педантизму попечитель одного учебнаго округа внесъ огромную смуту въ умы цѣлаго класса маленькихъ зоологовъ. На экзаменѣ по природовѣдѣнію этотъ попечитель, ткнувъ пальцемъ въ повѣшенную въ классѣ таблицу, спросилъ малыша: «Что это такое?»—«Кошка—отвѣтилъ ученикъ».—«Не кошка, а изображеніе кошки», исправилъ строгій попечитель. Неудивительно, что настороженный классъ принялъ поправку къ свѣдѣнію и на дальнѣйшіе вопросы попечителя давалъ уже болѣе точные отвѣты. «А это,—отвѣчалъ слѣдующій ученикъ,—изображеніе кошки ѣстъ изображеніе мыши».

Если въ призывѣ г. Булгакова мы устранимъ такую же излишнюю, ведущую къ недоразумѣніямъ точность, то мысль автора только выиграетъ въ ясности. *Идею* естественнаго права онъ противопоставляетъ въ сущности не *идею* интереса, а самый интересъ. Или, въ чистомъ видѣ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ противопоставленіемъ двухъ силъ, способныхъ овладѣть соціальнымъ движеніемъ,—идеи и интереса.

---

*) „Новый Путь“, ноябрь 1904 г. статья г. Булгакова „Безъ плана“, стр. 354.

Идея—«это звучитъ гордо» для интеллигента, который, не желая считаться съ соотношеніями реальныхъ участвующихъ въ общественномъ движеніи силъ, мечтаетъ стать надъ ними, чтобы въ красивой позѣ капельмейстера изъ рѣжущей ухо какофоніи настраивающихся инструментовъ однимъ мановеніемъ палочки создать стройную музыку сыгравшагося оркестра. Да, «это звучитъ гордо», но увы! въ практической жизни, гдѣ дѣйствующую армію составляютъ страсти, склонности, аффекты, состоящіе въ тѣсномъ союзѣ съ личными или групповыми интересами, идеямъ принадлежитъ въ конечномъ итогѣ весьма и весьма скромная роль, которая сводится къ идеологіи этихъ борющихся интересовъ.

Идите и научите. Но развѣ научить, т.-е. ввести ту или иную идею въ сознаніе человѣка, значитъ сдѣлать его поборникомъ этой идеи? И не господствующіе ли классы общества въ теченіе ряда вѣковъ ближе всего стояли къ той сокровищницѣ, въ которой хранятся лучшія и величайшія идейныя пріобрѣтенія.

Идите и научите. Идеалисты «Вопросовъ Жизни» раздѣляютъ одну и ту же роковую ошибку съ русской бюрократіей, противъ которой они такъ пламенно борются. И тѣ и другіе слишкомъ возвеличиваютъ роль идей, хотя жизнь на каждомъ шагу рѣшительно опровергаетъ ихъ. Идеалисты выдвигаютъ, въ качествѣ новой дѣйствующей силы, идеи, несмотря на то, что многія изъ этихъ идей покрыты плѣсенью столѣтій, въ теченіи которыхъ онѣ хранились на книжныхъ полкахъ, ни мало не вліяя на складъ общественныхъ отношеній. Бюрократія воздвигаетъ на пути работающей мысли десятки заставъ и рогатокъ изъ постояннаго опасенія, какъ бы какая-нибудь случайно прорвавшаяся «вредная» идея не возмутила бы оберегаемый ею покой общественной усыпальницы. И что же? заставы работаютъ, а покой всежъ-таки нарушается. И что всего поучительнѣй и вразумительнѣй, мы не можемъ вспомнить ни одного случая, чтобы кто-нибудь изъ людей, на заставахъ власть имѣющихъ, подчинился бы неотразимому, съ точки зрѣнія идеализма и бюрократіи, обаянію великихъ или «вредныхъ» идей и произвелъ бы на заставахъ несоотвѣтствующій регламенту безпорядокъ. А ужъ гдѣ же больше, какъ не на заставахъ, увязло этихъ великихъ и «вредныхъ» идей?

Рѣшительно отвергая классовую теорію, г. Булгаковъ не безъ гордости подчеркиваетъ случаи своего совпаденія съ ней, совпаденія, къ которому онъ подошелъ съ своей идеалистической точки зрѣнія.

«Высшей цѣнностью,—пишетъ онъ,—критеріемъ добра и зла въ соціальной политикѣ является, съ точки зрѣнія «идеализма», свобода личности. Въ области экономической эта свобода нарушается антагонистическими формами хозяйства, господствомъ вещей, фетишизмомъ капиталистическаго производства, при которомъ собственность на средства производства является орудіемъ капиталистической эксплоатаціи, порабощенія, гнета. Въ этомъ смыслѣ «идеализмъ» никоимъ образомъ не можетъ примириться съ капитализмомъ, онъ въ непримиримой враждѣ съ нимъ, ибо въ капиталистическомъ хозяйствѣ, мірѣ вещныхъ отношеній, нарушается основной и священный его принципъ: человѣкъ чело-

вѣку—самоцѣль, ибо здѣсь человѣкъ человѣку оказывается средствомъ, средствомъ производства прибавочной цѣнности. Капиталистической формѣ производства, основанной на отдѣленіи средствъ производства отъ непосредственнаго производства и превращеніи ихъ въ орудіе эксплоатаціи, этическій судъ «идеализма» выноситъ безусловно обвинительный вердиктъ» *).

Очень пріятно, конечно, что и здѣсь въ окончательномъ выводѣ почтенный журналъ становится нашимъ союзникомъ, но намъ не совсѣмъ понятно, къ кому же собственно апеллируетъ «обвинительный вердиктъ» г. Булгакова? Логически абстрагированный изъ идеи, имѣющей, съ точки зрѣнія журнала, абсолютное значеніе, этотъ «обвинительный вердиктъ» претендуетъ на обязательное признаніе во всѣхъ инстанціяхъ. Но возьметъ ли нашъ почтенный собратъ на себя миссію провести этотъ «вердиктъ» въ тѣхъ соціальныхъ группахъ, которыя именно и подлежатъ обвиненію? Для насъ, по крайней мѣрѣ, идеалистическая постановка вопросовъ соціальной политики лишь постольку могла бы имѣть какой-нибудь смыслъ, поскольку она расширяла бы сферу дѣйственныхъ общественныхъ силъ. И такъ какъ такая именно задача «Вопросами Жизни» не ставится, да и не можетъ быть поставлена, то всѣ эти и имъ подобныя идеалистически-соціальныя построенія представляются намъ скорѣе благодушными и часто весьма занятными, съ точки зрѣнія гимнастики ума, *размышленіями* по поводу возможной и необходимой реальной политики, чѣмъ подготовкой къ ней.

Рефлексія, и притомъ рефлексія безъ мѣры и границъ, является основной чертой редакціи новаго журнала. Разумѣется, ничего дурнаго мы въ этомъ не усматриваемъ. Мы даже чувствуемъ живую симпатію къ людямъ, страдающимъ гиппертрофіей этой способности. Мы думаемъ, что несчастный принцъ датскій могъ бы съ полнымъ благополучіемъ вступить на престолъ и продолжить для осчастливленнаго народа славные дни царствованія своихъ августѣйшихъ предковъ, если бы коварная судьба не потребовала отъ него той активности, на которую онъ какъ разъ именно и не былъ способенъ. Несчастье его заключалась совсѣмъ не въ томъ, что онъ родился Гамлетомъ, а въ томъ, что неотомщенная тѣнь отца именно къ нему обратилась за возмездіемъ. Борьбы требовала отъ него жизнь; размышленіемъ, только размышленіемъ могъ онъ отвѣчать на ея настойчивые призывы.

Такова трагедія и русскаго интеллигента, который получилъ слишкомъ тепличное воспитаніе въ оторванныхъ отъ жизни, уединенныхъ кабинетахъ и камерахъ, чтобы найти въ себѣ силы теперь же вмѣшаться въ дѣйственную среду такъ неожиданно, такъ сразу раскрывшагося общественнаго движенія.

И въ этомъ отношеніи «Вопросы Жизни» являются типичнымъ интеллигентскимъ органомъ переходнаго момента.

Интеллигентъ «Вопросовъ Жизни» чувствуетъ себя смѣлымъ и окрыленнымъ, когда случайно онъ сознаетъ себя въ дѣйственной, однородно съ нимъ

---

*) „Новый Путь", декабрь 1904 г. Статья г. Булгакова „Безъ плана", стр. 307.

настроенной средѣ. Имѣя передъ собой сочувствующую аудиторію, онъ возвышаетъ свое краснорѣчіе до паѳоса; чувствуя, что локти его находятся въ постоянномъ соприкосновеніи съ локтями подвижной окружающей его массы, что онъ не одинъ и что не за личный только страхъ произноситъ онъ рѣшительное сужденіе, онъ высказывается рѣзко и категорично, и кажется, что каждое слово его тутъ же чудеснымъ образомъ трансформируется въ дѣйственную силу. Такимъ онъ является передъ нами во всѣхъ статьяхъ по вопросамъ политической жизни. Здѣсь онъ, какъ читатель могъ самъ убѣдиться изъ приведенныхъ выше цитатъ, выступаетъ настоящимъ трибуномъ. И если въ чемъ-либо можно упрекнуть его, такъ развѣ лишь въ томъ, что, не зная точной цифры своихъ союзниковъ, онъ неизмѣнно и систематически преувеличиваетъ ихъ численность. За каждой горячей тирадой, прямо-таки съ удивительнымъ постоянствомъ, слѣдуетъ самовнушеніе, что такъ именно мыслятъ и чувствуютъ не только отдѣльныя, поддающіяся учету группы населенія, но «представители разныхъ мнѣній, разныхъ классовъ, разныхъ интересовъ, разныхъ вѣрованій» («Вопросы Жизни», кн. 2, стр. 360), что борьба съ бюрократизмомъ захватила всѣ живыя силы націи, «безъ различія мнѣній и направленій, сословныхъ и классовыхъ интересовъ» (стр. 359) и т. д.

Можетъ быть, здѣсь это и не совсѣмъ кстати, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи лишній разъ высказаться за геніальность Шекспира. Удивительный былъ писатель! Даже такого неспособнаго къ активности человѣка, какимъ былъ Гамлетъ, онъ изображаетъ въ его отношеніяхъ къ бюрократіи какъ бы совсѣмъ не похожимъ на самого себя. Вспомните, какъ рѣшительно *поступилъ*, и даже очень не по хорошему поступилъ, благородный принцъ съ Розенкранцомъ и Гильденштерномъ, которые выступали въ трагедіи въ качествѣ типичныхъ и образцовыхъ представителей бюрократіи.

«Должны бы мы донесть, что Розенкранцъ и Гильденштернъ скончались»,— возвѣщаетъ «первый посланникъ» послѣ того, какъ скончался и самъ виновникъ этого несчастнаго происшествія, принцъ Гамлетъ.

Но если бы принцъ былъ живъ, мы не сомнѣваемся, что сообщеніе посланника онъ выслушалъ бы съ полнымъ равнодушіемъ, а то даже закончилъ бы его какимъ-нибудь ироническимъ замѣчаніемъ, потому что вопросъ объ отношеніи къ бюрократіи—вопросъ старый, и былъ давно уже разрѣшенъ принцемъ категорически, не возбуждая никакихъ рефлексій, какъ разрѣшенъ былъ онъ несомнѣнно и въ той средѣ, духовными интересами которой, вмѣстѣ со своимъ другомъ Гораціо, главнымъ образомъ, и жилъ Гамлетъ. И вотъ здѣсь-то и лежитъ источникъ той мужественной рѣшательности, которой принцъ совсѣмъ не находилъ въ себѣ, когда передъ нимъ выступала практическая дилемма, которую предстояло разрѣшить на свой собственный личный страхъ. «А правъ ли я въ своемъ рѣшеніи?—вотъ въ чемъ вопросъ», рефлектировалъ онъ каждый разъ, какъ только въ сознаніи его назрѣвалъ тотъ или иной практическій выходъ изъ тяжелаго положенія.

Въ высокой степени рѣшительные въ своей тяжбѣ съ бюрократіей, «Вопросы Жизни» теряютъ окончательно всякую самоувѣренность въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда имъ, съ точки зрѣнія абсолюта, приходится рѣшать такіе програмные вопросы, которые, уже ни при какой степени самовнушенія, не могутъ объединить вокругъ своего рѣшенія представителей «разныхъ мнѣній, разныхъ классовъ, разныхъ интересовъ, разныхъ вѣрованій».

Казалось бы, что въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ возможенъ лишь одинъ выходъ. Нажми посильнѣе свой абсолютъ, и тотъ результатъ, который отъ такого нажима произойдетъ, признай также за абсолютную истину и цѣпко держись ея и исповѣдуй ее. Но такой выходъ нашимъ идеалистамъ не нравится. И понятно,—не такая на дворѣ погода, чтобы можно было, удовлетворяясь интеллигентскимъ отщепенствомъ, сидѣть у себя въ кабинетѣ и не соблазниться выйти на просторъ общественнаго движенія. И съ абсолютомъ жаль разстаться и на воздухъ тянетъ, и берутъ они этотъ несчастный абсолютъ, мѣняютъ его на мелкую монету и по пятачкамъ раздаютъ «разнымъ мнѣніямъ, разнымъ классамъ, разнымъ интересамъ».

Вотъ, напримѣръ, какъ разрѣшается въ журналѣ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ нашей современности—вопросъ аграрный.

Журналъ беретъ подъ свою защиту трудовое крестьянское хозяйство.— «Противъ него,—пишетъ г. Булгаковъ,—можно сдѣлать много весьма основательныхъ возраженій съ точки зрѣнія политической экономіи, указывая на его техническую нераціональность, отсталость и проч., причемъ въ свою очередь, на это возраженіе могутъ быть сдѣланы не менѣе основательныя контръвозраженія». Но къ чему всѣ эти политическія экономіи, если «со стороны этической оно (трудовое крестьянское хозяйство) совершенно неуязвимо?» Оно находится—утверждаетъ г. Булгаковъ—въ полной гармоніи «съ основнымъ идеаломъ идеалистическаго индивидуализма, идеаломъ свободы личности и уничтоженія эксплоатаціи и экономическаго порабощенія.—Въ трудовомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, основанномъ на трудѣ крестьянской семьи, *по крайней мѣрѣ въ идеалѣ* (NB. Курсивъ нашъ Вл. Кр.), никто никого не эксплоатируетъ и никто никого не угнетаетъ. Оно находится въ полномъ соотвѣтствіи соціальному идеалу. Въ немъ осуществляется основное естественное право человѣка, изъ котораго проистекаютъ всѣ производныя экономическія права, *право на трудъ*, которому соотвѣтствуетъ и обязанность общественно полезнаго труда относительно трудоспособныхъ лицъ» *).

Такимъ образомъ, изъ абсолюта выжатъ совершенно опредѣленный идеалъ мелкаго индивидуалистическаго хозяйства. Такъ бы, казалось, и записать въ программу: чтобы каждый, дескать, мужичокъ жилъ на своей собственной десятинкѣ, и чтобы у каждаго мужичка было бы непремѣнно по двѣ курицы и чтобы одна изъ нихъ плавала въ супѣ, а другая кудахтала на дворѣ, возвѣщая случайному путнику о крестьянскомъ скотоводствѣ и благополучіи. Чего бы лучше?

Но вотъ бѣда,—крайняя индивидуалистическая программа окажется, пожалуй, непріемлемой «разными мнѣніями, разными классами», а потому

*) „Новый Путь", декабрь 1904 г. „Безъ плана", стр. 308.

наряду съ ней идеалисты выдвигають и крайнюю соціалистическую программу, изъ чего уже само собою явствуютъ, что всѣ промежуточныя формы рѣшенія аграрнаго вопроса, между крайнимъ индивидуализмомъ и крайнимъ соціализмомъ, также не будутъ отвергнуты ими.

«Мы, разумѣется (?),—пишетъ все тотъ же г. Булгаковъ—не находимъ рѣшительно никакихъ принципіальныхъ возраженій противъ самыхъ крайнихъ формъ аграрнаго соціализма, національзаціи земли и т. д., разъ ихъ цѣлесообразность, такъ сказать, экономически показуется, но разъ экономически цѣлесообразной для настоящаго времени представляется индивидуалистическая форма трудового крестьянскаго хозяйства (конечно (?), выполняемаго непрерывно развивающимися коопераціями разнаго типа), мы принципіально принимаемъ и таковую» *).

Несомнѣнно, что такая программа представляетъ извѣстныя удобства: при ея необычайной эластичности и портативности съ нею легко можно проникать всюду и всюду чувствовать себя на своемъ мѣстѣ. Единственное же, но и неустранимое неудобство ея заключается въ томъ, что это вовсе и не программа, а пустой листъ бумаги съ лаконической, но выразительчой надписью: «чего изволите». Крайній индивидуализмъ, ничего, «разумѣется», не имѣющій противъ «самыхъ крайнихъ формъ аграрнаго соціализма», а въ случаѣ надобности, охотно готовый расположиться и «по середкѣ» двухъ крайностей,—это,—согласитесь,—такая аморфная штука, которая даже нашимъ безформеннымъ, жадно ищущимъ программнаго объединенія союзамъ и во снѣ привидѣться не могла.

Мы очень хорошо понимаемъ настроеніе интеллигента, который, хотя бы только въ силу присущаго ему интеллигентскаго индивидуализма, не можетъ мириться съ партійными программами, требующими окончательнаго, безъ критики, подчиненія всей его духовной природы заранѣе начертаннымъ шаблонамъ и готовымъ формуламъ. Мы очень хорошо понимаемъ настроеніе интеллигента, для котораго вопросы политическаго освобожденія страны заслоняютъ всѣ остальныя задачи современности, потому что безъ нея немыслима самая дорогая для интеллигента дѣятельность,—безъ нея невозможно создавать духовную культуру страны. И «если историческій часъ свободы не пробьетъ скоро, то намъ грозитъ самое мрачное культурное реакціонерство, страшный духовный упадокъ» **).

Но почему же не заявить тогда открыто и мужественно, что, помимо либеральной программы, у насъ нѣтъ никакой иной, что мы пойдемъ за любой сильной партіей, на знамени которой будетъ начертано политическое освобожденіе Россіи? Зачѣмъ тревожить для этого громоздкій аппаратъ «абсолюта» и выжимать изъ него жалкіе пятачки для раздачи всѣмъ и каждому, «безъ различія партій и классовъ».

---

*) Ibid.

**) „Вопросъ Жизни“ 1905 г., № 2. Н. Бердяевъ. „Дневникъ публициста“, стр. 379.

чивости, ведущее къ неминуемой гибели. Такимъ образомъ, Роза приходитъ къ заключенію, что прогрессъ въ органическомъ мірѣ въ концѣ концовъ ведетъ къ остановкѣ эволюціи, что то совершенство, къ которому такъ стремятся организмы, должно въ очень отдаленномъ будущемъ привести ихъ къ гибели. Такъ исчезнетъ по мнѣнію Роза современемъ вся органическая жизнь на землѣ, исчезнетъ фатально, павъ жертвой собственнаго совершенства.

Такимъ образомъ взгляды Дарвина и Роза на эволюцію расходятся: по мнѣнію Дарвина, особенно сильно развитому Геккелемъ, измѣнчивость организмовъ безпредѣльна. Условія медленно измѣняются; приспособляясь къ нимъ, медленно измѣняются и виды. По этому взгляду процессъ эволюціи можетъ продолжаться до безконечности. Вымираніе, неразрывно связанное съ эволюціей не противорѣчитъ этому взгляду, такъ какъ Дарвинъ видѣлъ его причину въ естественномъ отборѣ, который, слѣдовательно, истребляетъ не только негодныхъ къ борьбѣ индивидуумовъ, но и виды, успѣвшіе менѣе приспособиться. Роза же изслѣдовалъ это явленіе глубже и сообразно этому нашелъ и болѣе отдаленныя причины, заключающіяся въ «редукціи измѣнчивости». Непосредственнымъ выводомъ изъ закона редукціи измѣнчивости является, по мнѣнію Роза, отрицаніе безпредѣльной измѣнчивости.

Такимъ образомъ взглядъ Дарвина и Геккеля на эволюцію—оптимистическій, такъ какъ они усматриваютъ въ ней вѣчный безпредѣльный прогрессъ. Взглядъ же Роза, по которому прогрессъ въ развитіи идетъ рука объ руку съ регрессомъ въ измѣнчивости, дышетъ мрачнымъ пессимизмомъ;

С. А. Тимоѳеевъ.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Вопросы жизни въ „Вопросахъ Жизни“.

Собрались люди прекраснѣйшей души, тонкаго ума и богатой, разносторонней эрудиціи и основали журналъ. И чтобы всякому было вѣдомо, что это солидное литературное предпріятіе затѣяно ими не шутки ради, не для баловства и препровожденія досуговъ, они въ цѣломъ рядѣ статей дали обстоятельное изложеніе своего credo, настолько обстоятельное, что впредь не только читателю, но даже и критику отговариваться незнаніемъ его будетъ зазорно. И такъ какъ журналъ обѣщаетъ быть интереснымъ и не одинъ еще разъ дастъ намъ поводъ поговорить о немъ въ нашихъ обозрѣніяхъ, то мы и рѣшили открыть наши періодическія бесѣды съ читателемъ прежде всего обзоромъ программы этого журнала.

«Вопросы Жизни»,—такъ именно называется этотъ журналъ, составляющій прямое продолженіе «Новаго Пути» обновленной редакціи—объявляетъ свое направленіе «идеализмомъ», «идеалистическимъ индивидуализмомъ» или, въ другомъ мѣстѣ, «идеалъ-реализмомъ», причемъ въ послѣднемъ наименованіи имѣются въ виду не теоретическія основанія программы, утвержденной на предпосылкахъ «идеализма», а методъ практической разработки программы. Но дѣло, конечно, не въ томъ или иномъ наименованіи направленія, а въ его содержаніи, на которомъ мы и намѣрены остановиться.

«Естественно,—говоритъ г. С. Булгаковъ въ одной изъ программныхъ статей журнала,— что общее вниманіе теперь привлекаютъ задачи экономическаго и политическаго возрожденія Россіи послѣ того безпримѣрнаго упадка и разстройства, въ которое пришла она въ новѣйшее смутное время войны внѣшней—съ японцами и внутренней—съ бюрократіей. Малый ребенокъ понимаетъ въ настоящее время, въ какомъ ужасномъ состояніи находится страна. Нужны героическія средства для ея оздоровленія и, если они не будутъ даны, то будутъ взяты—выбора нѣтъ. Въ вопросахъ, касающихся политической и экономической жизни, во всей идейной журналистикѣ и ежедневной прессѣ, въ различныхъ слояхъ общества, словомъ, у всей честной и мыслящей Россіи господствуетъ полное единогласіе и иначе быть не можетъ. Можно различаться въ подробностяхъ программъ, идти ближе или дальше, быть умѣреннѣе или радикальнѣе, возможна и въ дѣйствительности существуетъ цѣлая гамма партійныхъ оттѣнковъ. Но всѣ эти фракціи или партіи сходятся въ настоящее

Съ большимъ сочувствіемъ, и безъ тревоги смотримъ мы на картину безпорядочнаго, хаотическаго метанія современнаго русскаго интеллигента по разнымъ профессіональнымъ союзамъ. Много упрековъ, и упрековъ заслуженныхъ, раздавалось уже по адресу союзовъ и ихъ участниковъ. Много упрековъ услышатъ союзы и въ будущемъ. Но, какова бы ни была дальнѣйшая ихъ судьба, для насъ уже теперь несомнѣнно ихъ историческое значеніе, какъ подготовительной школы политическаго воспитанія. Мы убѣждены, что мятущійся по союзамъ, съ замѣтными признаками растерянности, интеллигентъ скоро оріентируется въ непривычномъ для него шумѣ общественнаго движенія и сумѣетъ отсюда выступить на путь хоровой дѣятельности, объединенной продуманными программами и отчетливыми лозунгами.

Съ неменьшимъ сочувствіемъ, но уже не безъ тревожнаго чувства, присматриваемся мы къ итогамъ напряженной работы мятущагося интеллигента изъ «Вопросовъ Жизни». Очень ужъ широко, между небомъ и землей, раскинулась область ихъ исканій, и если, касаясь земли, они движутся по ней, какъ мы видѣли, не слишкомъ-то твердой и увѣренной поступью, то въ надземныхъ сферахъ едва ли имъ предстоитъ что нибудь значительнѣе того, что на вульгарномъ языкѣ называется «попаданіемъ пальцемъ въ небо».

Надземныя исканія «Вопросовъ Жизни» захватываютъ области: философскую, религіозную и даже церковную.

Философской стороны журнала мы здѣсь касаться не станемъ, тѣмъ болѣе, что журналъ,—какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ г. Булгаковъ,—«не будетъ посвященъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время пропагандѣ какой-нибудь одной опредѣленной философской или эстетической доктрины,—въ немъ найдутъ выраженіе различныя современныя исканія въ этой области».

Религіознымъ вопросамъ въ журналѣ отведено весьма замѣтное мѣсто.

Было время, когда самъ, блаженной памяти, М. Н. Катковъ отказывался писать на религіозныя темы. «Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ,—говорилъ онъ,—теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры».

Но времена измѣнчивы. И то, что при данномъ положеніи цензуры казалось неудобнымъ для совѣстливаго русскаго писателя Каткова, то представляется вполнѣ умѣстнымъ «Вопросамъ Жизни». Мы, однако, остаемся въ данномъ случаѣ на точкѣ зрѣнія Каткова, тѣмъ болѣе, что—и мы глубоко убѣждены въ этомъ,—вздумай мы полемизировать на религіозныя темы съ «Вопросами Жизни», то вся наша полемическая работа, отъ первой и до послѣдней строчки, такъ и осталась бы въ корректурныхъ гранкахъ на предметъ воспроизведенія ея въ архивныхъ памятникахъ «Русской Старины».

Итакъ, спорить и прекословить «Вопросамъ Жизни» мы не станемъ, а для характеристики религіознаго мышленія журнала отмѣтимъ лишь для примѣра два-три образца.

Журналъ провозглашаетъ «духовную реформацію» на принципахъ «полной духовной свободы и независимости» (Вопр. Жиз.» 1905 г., № 2). И вспомнивъ, какъ Маргарита у Гёте, выслушавъ поэтическую, но не совсѣмъ понятную для нея исповѣдь Фауста, потребовала отъ него въ концѣ концовъ надлежащаго консисторскаго удостовѣренія,—мы рекомендовали доктору обратиться за таковымъ въ «Вопросы Жизни», какъ въ самое либеральное въ этомъ духѣ учрежденіе. И вотъ какой діалогъ произошелъ въ редакціи между г. Булгаковымъ и Фаустомъ.

Г. Булгаковъ. So glaubst du nicht?
Фаустъ. Wer darf ihn nennen?
Und wer bekennen:
Ich glaub'ihn.
Wer empfinden
Und sich unterwinden
Zu sagen: ich glaub'ihn nicht?
и т. д.

Г. Булгаковъ, внимательно выслушавъ доктора и предложивъ ему нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ, рѣшительно отказываетъ ему въ выдачѣ надлежащаго удостовѣренія. По его мнѣнію, Фаустъ—человѣкъ не религіозный и не вѣрующій.

Фаустъ. Позвольте, сударь, не вы ли сами установили принципъ «полной духовной свободы и независимости»?

Г. Булгаковъ. Вы не ошиблись, докторъ. «Но сказать, что опредѣляющимъ мотивомъ данной философской системы служитъ интересъ религіозный, значитъ то же, что сказать прямо—интересъ къ христіанской религіи. Ибо нельзя себѣ представить, чтобы серьезный и искренній религіозный интересъ могъ миновать христіанство, могъ не сосредоточиться на его ученіяхъ, исключительно или на ряду съ другими религіями» (Вопросы Жизни», № 3, стр. 390). Къ тому же я долженъ добавить, что «говорить о христіанствѣ нельзя, не дѣлая центральнымъ предметомъ обсужденія вопросъ о личности его основателя, или, выражаясь техническимъ терминомъ, христологическую проблему. Въ этой одной проблемѣ все христіанство» (ibid., стр. 391). И такъ какъ вы, почтеннѣйшій докторъ, не только не признаете христологической проблемы, но даже высказываете преступную склонность къ пантеистическимъ лжеученіямъ, то не будетъ вамъ удостовѣренія, а будетъ вамъ а-н-а-ѳ-е-м-а!

Глубоко возмущенный Фаустъ, выбѣжавъ изъ редакціи, очень упрекалъ насъ за рекомендацію такого нетерпимаго въ вопросахъ вѣры учрежденія. Онъ готовъ былъ думать, что мы просто насмѣялись надъ нимъ. Мы должны были, разумѣется, извиниться передъ докторомъ, но въ свое оправданіе мы рекомендовали ему просмотрѣть страницы 410—414 журнала (№ 3), гдѣ тотъ же г. Булгаковъ въ высшей степени сочувственно цитируетъ книгу цюрихскаго пастора Германа Куттера «Sie müssen».

Куттеръ же утверждаетъ, что Богъ въ настоящее время живетъ и дѣйствуетъ не въ оффиціальной церкви, подчинившейся мамону, властямъ предержащимъ и вообще сильнымъ міра сего, а среди соціалъ-демократовъ.

«Развѣ,—писалъ Куттеръ,—не является самымъ значительнымъ въ нихъ

(въ соціалъ-демократахъ) удивительное и непреодолимое воодушевленіе, проникнутое миссіей создать нѣчто новое? Они несутъ удивительную надежду въ сердцѣ, они говорятъ и поютъ о братствѣ всѣхъ людей, о золотомъ вѣкѣ свободы и равенства. Надъ ними смѣются—они переносятъ. Ихъ поносятъ—они остаются неколебимы. Ихъ осмѣиваютъ—они ничего иного и не ждутъ. Они знаютъ, что въ современномъ мірѣ нѣтъ для нихъ мѣста, потому они подготовляютъ мѣсто для будущаго. Они узнали, что богъ этого міра, маммонъ, долженъ пасть. Они не заключаютъ съ нимъ союза, они не тратятъ много напрасныхъ словъ, они не мудрятъ и не резонируютъ, нѣтъ, они рѣшительно и говорятъ открыто, хотя бы надъ ними смѣялся цѣлый міръ: маммонъ есть наслѣдственный врагъ человѣка. Но онъ не можетъ пасть отъ однихъ добрыхъ намѣреній, онъ падаетъ только черезъ дѣла».

Приведя эти и другія выдержки изъ книги цюрихскаго пастора, г. Булгаковъ утверждаетъ, что и въ Россіи Куттеръ «умѣлъ бы разглядѣть религіозное зерно освободительнаго движенія, и ему не помѣшало бы при этомъ то обстоятельство, что въ движеніи этомъ участвуютъ люди всякой религіи чуждые».

Какъ видитъ читатель, солидарность между Куттеромъ и «Вопросами Жизни» совершенно неожиданно оказалась полною. Разница между ними лишь въ томъ, что Куттеръ приглашаетъ протестантское духовенство въ ряды соціалъ-демократіи, «Вопросы Жизни» зовутъ православное духовенство на лоно собственной своей редакціи.

«Наступаетъ время каждому изъ людей церковныхъ дать себѣ сознательный отчетъ: съ чѣмъ онъ свяжетъ свою религію, куда принесетъ своего Христа и благодать идеализма? Изъ нѣдръ безличія и безразличія пусть выйдутъ всѣ, кто тамъ живетъ, кто пламенѣетъ, кто насъ пойметъ... Мы ждемъ ихъ,—нашептываетъ журналъ «сладостныя рѣчи»,—мы бережемъ для нихъ восторги встрѣчи» *).

Насколько намъ извѣстно, эта столь бурно ожидаемая встрѣча покуда еще не состоялась, восторги не израсходованы, и мы опять возвращаемся къ вопросу,—какъ же въ концѣ концовъ понимаетъ журналъ «духовную свободу и независимость» и какими путями расчитываетъ онъ помочь русской реформаціи?

Есть такой богословскій писатель В. В. Розановъ. Онъ былъ, между прочимъ, очень дѣятельнымъ сотрудникомъ «Новаго Пути» старой редакціи, а въ «Новомъ Пути» новой редакціи (декабрь 1904 г.) и въ «Вопросахъ Жизни» (январь—мартъ 1905 г.) его религіознымъ воззрѣніямъ посвящена большая работа г. Волжскаго «Мистическій пантеизмъ В. В. Розанова».

Г. Волжскій очень высоко оцѣниваетъ г. Розанова, философа и богослова, считая его «писателемъ углубленнаго исканія, геніально смѣлаго размаха мысли». Розановъ, пишетъ онъ, «несомнѣнно, громадный оргинальный умъ, умъ пытающій, будоражащій, безпокойный, умъ, ищущій глубинъ и началъ,

*) „Вопросы Жизни" 1905 г., № 3. Уральскій. „Религіозно-общественная хроника", стр. 460.

изумительно чуткій, *чувствующій умъ*. Сочетаніе этого ума съ сильнымъ чувствомъ, художественнымъ, сочнымъ, облеченнымъ въ плоть и кровь яркихъ красокъ жизни, роскошь и окраска психологическаго опереніи дѣлаютъ его писанія такими дѣйственными, полнокровными, его вопрошанія такими пронзительно-острыми, его критику такой опрокидывающей, обличенія такими ядовитыми, саднящими, шопотъ—такимъ страшнымъ» *) и т. д.

Мы не станемъ продолжать дальше выписывать эту апологетическую характеристику, не станемъ цитировать также изъ другихъ мѣстъ статьи г. Волжскаго до чрезвычайности лестные о г. Розановѣ отзывы. Думаемъ, даже изъ сдѣланной небольшой выписки читателю ясно, что для «Вопросовъ Жизни» «восторги встрѣчи» съ г. Розановымъ наступили.

Мы далеко не раздѣляемъ этихъ восторговъ. Конечно, и мы не можемъ не признать въ г. Розановѣ оригинальнаго ума, и извѣстнаго литературнаго дарованія. Но таланты этого писателя слишкомъ много теряютъ въ нашихъ глазахъ вслѣдствіе отсутствія въ его мышленіи какихъ бы то ни было признаковъ дисциплины. Блестки мысли чередуются въ его статьяхъ съ такимъ непостижимымъ вздоромъ, который дѣлаетъ близкое знакомство съ его произведеніями сплошь и рядомъ затруднительнымъ, а нерѣдко даже и неинтереснымъ. Философскія и богословскія обоснованія гибкій умъ г. Розанова съ успѣхомъ подводитъ подъ самыя капризныя и дикія его настроенія. Это былъ онъ, воспѣвшій «Ходынку», какъ милость Божію, ниспосланную русскому народу въ искупленіе лежавшаго на немъ грѣха цареубійства. Это былъ онъ, подводившій философскія обоснованія «подъ розгу», какъ необходимый элементъ воспитанія, и доказывавшій, что русскому народу чуждо стремленіе къ прогрессу, такъ какъ идея послѣдняго находится въ полномъ противорѣчіи съ «русскимъ духомъ». Наконецъ, у насъ нѣтъ вкуса къ самой системѣ писательства г. Розанова, системѣ, сущность которой заключается въ томъ, что онъ выхватываетъ какой-нибудь текстъ св. писанія, всячески обмусоливаетъ его и на этомъ основаніи строитъ свои болѣе или менѣе парадоксальныя соображенія. Эта именно система писательства, система, практикуемая имъ и по сей день, заставила Владиміра Соловьева заслуженно наградить г. Розанова кличкою «іудушки», который также любилъ обмусоливать тексты, хотя и не дѣлалъ изъ нихъ столь оригинальныхъ выводовъ, какіе дѣлаетъ г. Розановъ.

Мы высказали свое мнѣніе о г. Розановѣ только такъ, между прочимъ. Заговорили же о немъ потому, что онъ, какъ видно изъ статьи г. Волжскаго, во многомъ, по направленію своей богословской мысли, подходитъ къ «Вопросамъ Жизни».

И вотъ какъ думалъ г. Розановъ въ 1894 г. о «духовной свободѣ и независимости». Онъ стоялъ тогда за нетерпимость церковнаго исповѣданія, даже прямо за насиліе церкви. «Что же грѣшнымъ рукамъ, оберегающимъ церковь, дѣлать, слыша хулу на оберегаемое изъ тысячи устъ?.. вѣдь и грудной ребенокъ, видя, какъ подняли руку надъ его мамкой, кричитъ и протягиваетъ

---

*) Нов. Путь", декабрь 1904 г., стр. 34.

рученки, чтобы ее защитить; какъ же требовать, чтобы народы не дѣлали подобнаго движенія, когда поднимается рука на церковь ихъ, когда хула открывается на самого Бога»...

Съ тѣхъ поръ г. Розановъ многое пережилъ, многое передумалъ, сталъ даже *желать* духовной свободы, но отношеніе его къ ней, несмотря на желаніе, осталось попрежнему отрицательное.

«Какъ пишущій по религіознымъ вопросамъ, я *нуждаюсь* въ свободѣ,— говоритъ онъ въ «Новомъ Пути» 1903 г. (кн. 4-я).—Было бы странно спрашивать, *желаю ли я ее?* Мы нуждаемся въ хлѣбѣ и желаемъ его. Богословъ-рецензентъ моей книги «Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго» предпосылаетъ разбору ея *удивленіе*, какъ она прошла черезъ цензуру. Стало быть, въ свободѣ я нуждаюсь и свободу я люблю. Но одно дѣло—любить, а другое—понимать. На вѣковѣчную жажду свободы церковь вѣковѣчно отвѣчала отказомъ», и отказъ этотъ г. Розановъ оправдываетъ и принимаетъ.

Г. Волжскій нерѣдко примѣняетъ къ г. Розанову эпитетъ «лукавый». Мы думаемъ, что по отношенію къ затронутому вопросу г. Розановъ поступаетъ съ полною откровенностью, а «Вопросы Жизни», наоборотъ, лукаво. Потому что признаніе «духовной свободы и независимости» у журнала только внѣшнее, начертанное только въ программѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ журналъ этой свободы не признаетъ и не допускаетъ.

Послушайте, напримѣръ, какимъ языкомъ заговорилъ тотъ же г. Волжскій, когда въ вопросѣ о «теитизаціи пола» разошелся съ г. Розановымъ:

«Въ теитизаціи пола Розановъ, въ сущности, сенсуализируетъ Бога, топитъ Бога въ мистически-сатанинскихъ глубинахъ пола»... Къ счастью для г. Розанова, онъ, по мнѣнію г. Волжскаго, кое-чего не договариваетъ, прикрываясь фиговыми листками. «Онъ какъ бы нарочно *укорачиваетъ* линіи узоровъ своего міросозерцанія... Зато—откажись онъ отъ этихъ фиговыхъ листковъ, останься въ наготѣ своего мистически-демоническаго человѣкобожества, «знающаго добро и зло»—онъ станетъ неприступенъ. Тогда съ нимъ уже невозможенъ станетъ споръ,—можно, ужаснувшись, отойти ко Христу противостать, но не спорить» *)...

Что же въ концѣ концовъ останется намъ отъ дарованной «Вопросами Жизни» «духовной свободы и независимости», если даже съ людьми, почти единомышленными имъ, они отказываются спорить и съ ужасомъ противостаютъ имъ?

Совершенной загадкой остается для насъ вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ и какую именно помощь хочетъ оказать журналъ «русской реформаціи»? Вѣроятнѣе всего будетъ предположеніе, что редакція имѣетъ въ виду, подобно г. Розанову, творческую работу поисковъ «новой концепціи христіанства».

Какъ бы мы ни относились къ такой задачѣ вообще, коллективная работа надъ ея разрѣшеніемъ во всякомъ случаѣ представляется намъ явно нецѣлесообразной и безплодной. Коллективная сознательная разработка системы, ко-

---

*) „Вопросы Жизни“ 1905 г., № 1, стр. 216.

торая должна отвѣчать наиболѣе глубоко лежащимъ, интимнѣйшимъ ирраціональнымъ запросамъ человѣческой психики, соборне, цѣлой коллегіей, попытки взобраться на крайнія вершины индивидуальнаго настроенія—это предпріятіе для насъ, профановъ, является столь неожиданнымъ по своей новизнѣ, что мы отказываемся даже понимать его.

Въ нашемъ бѣглолъ обзорѣ мы могли, разумѣется, только намѣтить, а не охватить многообразное содержаніе новаго журнала. Многое поэтому нами упущено, многаго коснулись мы лишь мимоходомъ, вскользь. Но думаемъ, что и за всѣмъ тѣмъ типичная физіономія журнала, какъ чисто интеллигентскаго органа, обрисовалась здѣсь съ достаточной опредѣленностью.

Въ то время, какъ быстро развившееся общественное движеніе въ Россіи вызвало усиленное строительство платформъ и программъ, которыми отдѣльныя соціальныя группы стремятся отмежеваться извнѣ и укрѣпиться внутри, часть русской интеллигенціи оказалась застигнутой врасплохъ. Не желая оставаться въ хвостѣ движенія, она быстро взялась за возведеніе постройки своего собственнаго укрѣпленія. Не имѣя подъ рукой сколько-нибудь надежнаго матеріала, фундаментъ наскоро сложили изъ «абсолюта». Но «абсолютъ» не выдержалъ тяжести постройки, онъ далъ осадку, и весь первый этажъ расплылся, въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ мелочныхъ лавокъ «разнаго» стиля, «разной» прочности. Второй этажъ предполагалось возвести въ формѣ готической, гордо вздымающейся къ небу колокольни. Но тутъ, уже въ самомъ началѣ работъ, выяснилось, что колокольня даетъ значительный уклонъ и вмѣсто неба сильно тяготѣетъ къ землѣ, угрожая разрушить всю постройку.

Такова архитектура «Вопросовъ Жизни». Работа далеко еще не закончена и какъ знать?—быть можетъ, искусные строители сумѣютъ во-время и радикально усовершенствовать ее...

Вл. Кранихфельдъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Метерлинкъ и Чеховъ въ исполненіи артистовъ московскаго художественнаго театра.

Московскому художественному театру рѣшительно принадлежитъ благородный починъ въ дѣлѣ обновленія у насъ сценическаго искусства. Заслуги его за короткій сравнительно промежутокъ времени весьма значительны и его вліяніе, какъ извѣстно, уже отразилось на постановку пьесъ въ казенныхъ театрахъ, а также на нѣкоторыхъ частныхъ сценахъ. Въ театрѣ В. Ѳ. Коммиссаржевской, напримѣръ, при режиссерствѣ Н. А. Попова, мы видимъ соблюденіе тѣхъ же принциповъ, того же направленія, мы сказали бы даже тѣхъ же «завѣтовъ», что въ театрѣ гг. Немировича-Данченко и Станиславскаго. Иниціативой, правда, щеголяетъ и театръ г-жи Яворской, но новшества «Новаго театра» далеко не всегда могутъ претендовать на дѣйствительную художественность: служеніе искусству тамъ подчинено девизу «модернизма» и за-

частую порывистому стремленію просто къ сенсаціоннымъ новинкамъ, въ выполненіи которыхъ всегда чувствуется какая-то лихорадочная торопливость, весьма нехудожественная. Обратно театру г-жи Яворской, московскій художественный театръ отличается именно качествами большой тщательности и добросовѣстности въ постановкѣ каждой пьесы. Его «новшества» опредѣляются не столько датами пьесъ, какъ тѣмъ, какъ и что они намъ подносятъ въ своей постановкѣ подъ окраской индивидуальнаго толкованія, сообразно своему взгляду на сценическое искусство и своего пониманія той или другой пьесы. Выборъ и толкованіе нерѣдко подлежатъ оспариванію, но москвичи даютъ намъ то, что хотѣли дать и какъ хотѣли: у нихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ «самодовлѣющее» искусство, подчиненное своимъ правиламъ, своимъ требованіямъ, считающееся лишь со своими задачами. Общественная роль такого театра съ трудомъ поддавалась бы учету. Она создается, быть можетъ, помимо воли его руководителей, какъ, напримѣръ, на рубежѣ XVIII и XIX вв. неожиданное значеніе пріобрѣла французская классическая трагедія, вызвавшая замѣчаніе Гейне: «какъ знать, сколько подвиговъ расцвѣло изъ нѣжныхъ стиховъ Расина!» Мы не думаемъ, однако, чтобы теперешній репертуаръ московскаго театра во многомъ содѣйствовалъ у насъ подъему героическаго духа и обусловилъ чьи либо подвиги: какъ разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, въ тревожную, тягостную годину далекой, изнурительной войны, конца которой все еще не предвидится, въ моментъ общаго броженія внутри страны, при напряженномъ, страстномъ ожиданіи коренныхъ реформъ, которыми обезпечивалось бы будущее закономѣрное развитіе общества, москвичи, наши всегда желанные весенніе гости, привезли намъ изъ числа переводныхъ пьесъ не Шекспира, какъ въ прошломъ сезонѣ, не Ибсена, не Гауптманна, ни даже — съ нѣкоторымъ правомъ ожидаемаго Шиллера къ столѣтней годовщинѣ его дня рожденія, а поэта, хотя и весьма современнаго, но очень отвлеченнаго, чистаго созерцателя, Метерлинка, и выборъ палъ на пьесу, которая отбросила наше настроеніе къ 80-мъ годамъ прошлаго вѣка, періоду застоя общественныхъ теченій и преобладанія спекулятивной мысли подъ запросами современности. Изъ русскихъ пьесъ наибольшій интересъ представлялъ «Ивановъ» Чехова, въ новой постановкѣ; съ него и начались гастроли московской труппы.

Нельзя не припомнить, что обѣ эти пьесы написаны лѣтъ 20 тому назадъ. Возникнувъ почти одновременно, онѣ роднятся по нѣкоторому общему настроенію—не скажемъ абсолютнаго пессимизма, но все же временнаго какъ бы пессимистическаго кризиса, пережитаго нашимъ и европейскимъ обществомъ именно въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Въ «Ивановѣ»—крушеніе надеждъ, умираніе усталаго и надорвавшагося борца, критическое отношеніе къ міросозерцанію недавняго прошлаго; въ «Слѣпыхъ»—общая картина ограниченности духовнаго кругозора человѣка, его блужданія въ потемкахъ, за гибелью прежнихъ вожаковъ, критическое отношеніе къ его познавательнымъ средствамъ вообще. Едва ли эти темы могутъ дѣйствовать вдохновляющимъ образомъ для рѣшенія какихъ-либо активныхъ задачъ современнаго намъ момента; едва ли подъ ихъ вліяніемъ могли бы «расцвѣсти какіе-либо подвиги»... Но театръ,

конечно, не трибуна. Отъ репертуара нельзя требовать, чтобы онъ всегда былъ подобранъ въ унисонъ съ пульсомъ жизни, и иногда даже пріятно оторваться отъ злобъ дня, чтобы уйти въ область чистаго созерцанія, встать на точку зрѣнія, которая нравится своею противоположностью съ наболѣвшими запросами дѣйствительности. Это освѣжаетъ, напоминаетъ о вѣчности и можетъ иногда привести даже къ нѣкоторымъ утѣшительнымъ выводамъ. Необходимымъ условіемъ для такихъ «экскурсовъ» въ отвлеченныя сферы является лишь художественная цѣнность самого произведенія искусства, которое намъ подносится, и качества исполненія.

Драма Метерлинка есть, конечно, вполнѣ художественное произведеніе, оригинальное и новое по формѣ, глубокое по своему смыслу и содержанію. Она представляетъ огромныя трудности для постановки, не укладываясь въ рамки обычныхъ формъ драматической литературы, и, кажется, шла лишь нѣсколько разъ въ Парижѣ, въ «свободномъ театрѣ» Антуана, вскорѣ послѣ написанія, а затѣмъ не была возобновлена. Метерлинкъ въ композиціи «Слѣпыхъ» произвелъ переворотъ въ драматической литературѣ, аналогичный тому, который сдѣланъ Вагнеромъ въ оперѣ. Философское содержаніе, переданное въ символическихъ образахъ, неподвижность дѣйствія при сосредоточенія вниманія на характеристикѣ психическаго состоянія, нѣсколько «лейтъ-мотивовъ», опредѣляющихъ индивидуальность выставленныхъ личностей-идей, и не столько рѣшеніе намѣченной психологической и философской проблемы, какъ указаніе тѣхъ путей, того направленія, въ которыхъ можно предугадывать рѣшеніе вѣковѣчной загадки: вотъ матерьялъ, который артистамъ надлежало воплотить въ наглядныхъ образахъ, пользуясь разными средствами сценическаго выполненія—декораціями, группировкой дѣйствующихъ лицъ, монтировочными аксессуарами, наконецъ,—интонаціями и подборомъ голосовъ, такъ какъ для игры въ собственномъ смыслѣ почти нѣтъ мѣста въ пьесѣ: сцена ведется въ полумракѣ, «слѣпые» сидятъ неподвижно почти все время и только разговариваютъ. Задача для выполненія, конечно, страшно трудная, и московская труппа достигла значительнаго результата, такъ какъ пьеса имѣла успѣхъ, слушалась все время съ большимъ вниманіемъ и, повидимому, производила впечатлѣніе на зрителей. Не совсѣмъ то, которое ожидалось знавшими раньше пьесу, по степени интенсивности впечатлѣнія, и отнюдь не то, котораго мы ожидали и съ точки зрѣнія болѣе нагляднаго проясненія замысла автора и вѣрности интерпретаціи.

Одинъ изъ благожелательныхъ газетныхъ рецензентовъ (недоброжелателей было много, но аргументація ихъ свидѣтельствовала либо о предвзятости точки зрѣнія, либо о полномъ непониманіи художественнаго замысла пьесы), упомянувъ о трудностяхъ сценической постановки «Слѣпыхъ», выразился такъ, что «московскій художественный театръ съ честью выдержалъ испытанье, но Метерлинкъ срѣзался» («Сынъ От.», 26 апр.). Этотъ выводъ мы считаемъ безусловно невѣрнымъ. Изложенный авторомъ рецензіи взглядъ на пьесу, утвержденіе, что это аллегорія, не подлежащая сценическому воплощенію, являются какъ намъ кажется, результатомъ недоразумѣнія, въ которомъ, быть можетъ, повинно отчасти исполненіе пьесы. Другой рецензентъ (въ «Руси»), отмѣчая

успѣхъ драмы Метерлинка у петербургской публики, пускается въ разсужденія относительно полной «безтѣлесности» дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, которыя представляются ему лишенными «всякихъ признаковъ, знаменующихъ человѣческую особь. Можно было бы просто поставить цифры и квадраты и рѣшать какъ бы шахматную задачу». «Можно было бы назвать (вмѣсто указанныхъ въ пьесѣ) одиннадцатаго или двѣнадцатаго слѣпого», безо всякаго ущерба для смысла произведенія и т. д. Мы думаемъ, что этого нельзя было бы сдѣлать безъ нарушенія смысла пьесы; что и при отвлеченности содержанія драмы и нѣкоторой схематичности образовъ—символовъ, каждому лицу дана опредѣленная нота, нѣсколько типическихъ чертъ, и чтобы это понять, совсѣмъ не нужно прибѣгать къ помощи «медіума», а только вдуматься въ ясно распредѣленныя роли говорящихъ перваго, пятаго, шестого и т. д. слѣпыхъ, мужчинъ и женщинъ.

Признаемся,—въ первую минуту послѣ спектакля, вполнѣ оцѣнивъ красивыя и, казалось, удачно приспособленныя къ сюжету декораціи, свѣтовые эффекты, умѣстность музыкальнаго вступленія и заключенія, отчетливую дикцію, живописную группировку дѣйствующихъ лицъ и т. п., мы не сразу могли отдать себѣ отчетъ—чего именно не хватало въ исполненіи драмы, почему ощущалась какая-то неудовлетворенность и даже болѣе того, какая-то неясность, спутанность образовъ, почему впечатлѣніе прежняго чтенія оставалось все же болѣе сильнымъ, чѣмъ наглядное воспроизведеніе художественной картины? Причина же намъ раскрылась, когда мы обратились вновь къ тексту Метерлинка: интерпретація не отвѣчала замыслу художника. Произвольною, или, во всякомъ случаѣ, подчиненною постороннимъ цѣлямъ, оказалась группировка дѣйствующихъ лицъ; не выяснена въ исполненіи индивидуальная особь каждаго изъ нихъ; пропущено нѣсколько моментовъ, имѣющихъ опредѣленное иносказательное, отчасти и художественное значеніе. Окончаніе пьесы, удачно истолкованное въ постановкѣ пьесы, могло бы быть выражено въ болѣе наглядной формѣ. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ мы совершенно расходимся съ рецензентомъ «Руси», который, на нашъ взглядъ, ошибочно приписываетъ автору обязательный «трагическій финалъ»: онъ отнюдь не указанъ текстомъ. Авторъ не даетъ никакого опредѣленнаго рѣшенія поставленной проблемы познанія, но есть намеки и на возможный «примирительный ладъ». Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся. Всѣ эти недочеты выполненія заслоняютъ намъ ясное уразумѣніе смысла пьесы, въ которой всѣ частности постановки, даже декораціи и размѣщеніе дѣйствующихъ лицъ, имѣютъ опредѣленное значеніе и въ каждой мелочи чувствуется, какъ во всякомъ дѣйствительно художественномъ произведеніи, органическая связь частей съ цѣлымъ. Мы должны нѣсколько остановиться на анализѣ самой пьесы, чтобы выяснить нашу точку зрѣнія. Начнемъ со сценарія, который приводимъ въ дословномъ переводѣ; онъ служитъ введеніемъ къ пониманію драмы:

„Очень старый, сѣверный лѣсъ, на которомъ лежитъ отпечатокъ вѣчности, подъ небомъ, густо усѣяннымъ звѣздами. Въ серединѣ, въ глубинѣ ночного мрака, сидитъ очень старый аббатъ, закутанный въ широкій черный плащъ.

Откинувъ слегка голову и туловище назадъ въ неподвижности смерти, онъ опирается о стволъ огромнаго и дуплистаго дуба. Лицо смертельно блѣдно, съ неподвижной прозрачностью воска, а посинѣвшія уста полуоткрыты. Погасшій, пристальный взоръ уже не обращенъ къ видимой сторонѣ вѣчности; глаза словно окровавлены отъ множества неисчислимыхъ горестей и пролитыхъ слезъ. Волосы, глубоко-сѣдые, падаютъ прямыми и рѣдкими прядями на лицо, болѣе свѣтлое, но и болѣе утомленное, чѣмъ все, что его окружаетъ въ чуткомъ молчаніи унылаго бора. Очень исхудалыя руки плотно прижаты къ бедрамъ. На правой сторонѣ—шесть слѣпыхъ старцевъ сидятъ на каменьяхъ, вѣткахъ и сухихъ листьяхъ. Налѣво, отдѣленныя отъ нихъ деревомъ, вырваннымъ съ корнемъ, и обломками скалъ, шесть женщинъ, тоже слѣпыхъ, сидятъ противъ старцевъ. Три изъ нихъ молятся и причитаютъ глухимъ, непрерывающимся голосомъ. Одна изъ женщинъ очень стара. Пятая, въ позѣ нѣмого безумія, держитъ на колѣняхъ заснувшаго ребенка. Шестая слѣпая удивительно молода; волосы всю ее окутали. Также какъ и старцы, женщины одѣты въ широкихъ, темныхъ и одноформенныхъ одѣяніяхъ. Большая часть ихъ сидитъ въ выжидательной позѣ, облокотившись на колѣни и оперши лицо на руки; онѣ словно утратили привычку къ ненужнымъ движеньямъ и уже не поворачиваютъ головы при глухихъ и безпокойныхъ звукахъ, раздающихся на островѣ. Большія, мрачныя деревья, тисы, плакучія ивы, кипарисы, покрываютъ ихъ неизмѣнной тѣнью. Небольшая кучка длинныхъ, тощихъ цвѣтовъ распустилась ночью неподалеку отъ аббата. Очень темно, не смотря на лунный свѣтъ, по временамъ прорывающійся, словно стараясь освѣтить на мгновенье мракъ подъ листвой“.

Изъ этого описанія ясно, что при поднятіи занавѣса, въ центрѣ картины, прежде всего должна выступать фигура мертваго аббата, бывшаго вожака слѣпыхъ, котораго они считаютъ только временно ушедшимъ отъ нихъ, не подозрѣвая, что онъ тутъ же умеръ. Это указаніе не случайно, ибо сразу также становится яснымъ, что авторъ имѣлъ въ виду трагедію вѣры и, размѣстивъ мущинъ и женщинъ по обѣ стороны аббата, онъ умышленно оставилъ ближе къ нему женщинъ: нѣкоторыя изъ нихъ продолжаютъ молиться. Мужчины уже не молятся. Изъ пьесы далѣе узнается, что послѣдней говорила съ аббатомъ молодая слѣпая, которая была когда-то зрячей, которая помнитъ далекую страну за морями, откуда она пришла, помнитъ солнце, и воду, и горы, но потомъ стала различать лишь несчастныхъ; закрылись ея вѣжды предъ созерцаніемъ чистой красоты матеріальнаго міра, т. е. погасло языческое искусство эллиновъ, и она обратилась къ вѣрѣ. Наступилъ для нея полумракъ средневѣковья. У нея остались кое-какія смутныя воспоминанія, которыя вспыхиваютъ, когда она объ нихъ не думаетъ. Она уже не видитъ теперь и несчастныхъ, но узнаетъ ихъ иногда по голосамъ. Авторомъ тонко отмѣченъ переходъ отъ античной языческой культуры къ новой религіи христіанской эры подъ импульсомъ альтруистическаго чувства: «Однажды я смотрѣла на на снѣгъ съ высокой горы, говоритъ молодая слѣпая,—я стала различать тѣхъ, которые несчастны». И долго этого чувства было достаточно, чтобы разбираться въ жизненномъ пути. Но потомъ все же наступили потемки; голоса еще слышатся, но помочь слѣпая уже не можетъ. Что то другое, кромѣ религіи, должно придти ей на помощь, чтобы и она могла помогать другимъ. Эта молодая слѣпая, необыкновенной красоты, является воплощеніемъ поэзіи, искусства,

*

вдохновенія; она отчасти культъ красоты и сама прекрасна. Авторъ, конечно, вполнѣ сознательно указалъ ей мѣсто рядомъ съ аббатомъ. Она послѣдняя простилась съ нимъ, и, уходя, онъ что-то ей нашептывалъ, взялъ за руки, поцѣловалъ. Молодая слѣпая была растрогана и заплакала; она перестала его разспрашивать, почувствовавъ его печаль, и слышала какъ онъ закрылъ глаза и умолкъ. Она думаетъ, что онъ ушелъ; она поняла, что онъ уже далекъ отъ нея, но не знаетъ, что онъ умеръ и что она сидитъ возлѣ трупа. Это соотношеніе важно сохранить. Рядомъ съ молодой слѣпой, тоже вблизи аббата, на скалѣ группа трехъ молящихся старухъ. Это указано старшей слѣпой. Онѣ не принимаютъ участія въ разговорахъ; онѣ какъ бы застыли въ молитвенномъ настроеніи и продолжаютъ, съ рѣдкими перерывами, все время дѣйствія пѣніе духовныхъ кантовъ. Подъ ними нѣсколько въ сторонѣ старшая слѣпая и затѣмъ безумная, съ ребенкомъ на рукахъ.

Группа мужчинъ обязательно должна быть въ отдаленіи, на противоположной сторонѣ сцены. Первый слѣпорожденный заявилъ, что аббатъ послѣднее время разговаривалъ только съ женщинами. Онъ слышалъ отъ него лишь троекратное «прощай», обращенное въ послѣдній разъ къ нему лично. Мужскія роли находятся въ отношеніяхъ отчасти противоположности, отчасти соотвѣтствія съ женскими, но мужчины, во всякомъ случаѣ, должны дальше отстоять отъ аббата, ибо раньше окончательно простились съ нимъ и отдѣлены отъ него и отъ женщинъ «деревомъ, вырваннымъ съ корнемъ». Въ нихъ вѣра раньше умерла, чѣмъ въ женщинахъ. Три слѣпорожденныхъ—это по преимуществу раціоналисты; они представители крайней лѣвой и должны составлять отдѣльную группу, въ противоположность тремъ молящимся старухамъ. Старѣйшій слѣпой соотвѣтствуетъ самой древней изъ слѣпыхъ женщинъ: оба они какъ бы патріархи человѣческаго рода. Его мѣсто напротивъ старухи. Пятый слѣпой, одновременно и глухой, отвѣчаетъ до нѣкоторой степени безумной: это калибанъ человѣческаго рода. Ничего не видя и не слыша, онъ погрузился въ сонъ, отъ котораго пробуждается лишь для того, чтобы протянуть руку и просить милостыню. Это пролетарій, еще лишенный самосознанія, поэтому онъ глухъ и слѣпъ, лишенъ разумной силы и покоренъ какъ животное, которое умѣетъ только спать. Женская представительница этого класса ушла въ блудъ. Она родила ребенка отъ неизвѣстнаго отца. Сознаніе ея затемнено; она безмолствуетъ, но ребенку ея намѣчается особая роль: въ концѣ пьесы оказывается, что онъ одинъ является зрячимъ среди слѣпыхъ. Шестой слѣпой стоитъ ближе къ центру: онъ тоже, какъ и красивая слѣпая, былъ когда-то зрячимъ, тоже надѣленъ особой чуткостью, и услышавъ запахъ цвѣтовъ, срываетъ ихъ, чтобы поднести молодой слѣпой. Если послѣдняя олицетворятъ собою поэзію и искусство, то шестой слѣпой—это самъ поэтъ, искатель и служитель красоты, стремящійся также къ правдѣ. Впрочемъ, къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ мы еще вернемся, а пока остановимся на ихъ группировкѣ въ театрѣ московской художественной труппы.

Она представляется совершенно иной, чѣмъ указанная авторомъ: фигура аббата подъ деревомъ отодвинута на крайнюю правую сторону сцены. Рядомъ съ нимъ расположены мужчины, тѣсной группой примыкающіе къ центру.

женщины на противоположной сторонѣ сцены; безумная на какомъ-то возвышеніи, на верху скалистаго утеса; молодая слѣпая у самой рампы; старуха около грота на крайней лѣвой сторонѣ сцены.

Эта группировка насъ совершенно выбиваетъ изъ колеи, озадачиваетъ своей произвольностью и заслоняетъ умыселъ автора, даже искажая его. Вмѣсто того, чтобы служить уясненіемъ пьесы—мы отходимъ отъ ея пониманія. Декораціи красивы, но это не то, что требуется. Высокіе стволы безъ листьевъ не даютъ того покрова изъ листвы, который, по идеѣ автора, закрываетъ отъ женщинъ звѣздное небо и окутываетъ ихъ мракомъ. Впрочемъ, общій типъ лѣса могъ бы быть сохраненъ и въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ въ декораціяхъ московскаго художественнаго театра, но необходимо прибавить нѣсколько кипарисовъ, плакучихъ ивъ, дубовъ (смѣшеніе породъ деревьевъ сдѣлано не безъ умысла: мы на фантастическомъ островѣ, который служитъ эмблемой земного шара, этой безконечно малой крупицы въ безбрежномъ «хорѣ» небесныхъ свѣтилъ), чтобы образовать густой покровъ изъ листьевъ надъ фигурой умершаго аббата, надъ молящимися женщинами, и болѣе рѣдкую тѣнь, съ прогалинами, черезъ которыя прорывается лунный свѣтъ, надъ остальными лицами. А главное, конечно, надо было удержать ту группировку, которая указана самимъ авторомъ, которая требуется содержаніемъ пьесы, и стоитъ въ связи съ общимъ замысломъ художника, служа ему образнымъ выраженіемъ. Никакія внѣшнія соображенія удобства постановки, отвлеченія вниманія зрителей для того или другого сценическаго эффекта, не должны быть приняты въ расчетъ, если они идутъ въ разрѣзъ съ основной идеей пьесы.

Въ чемъ заключается эта идея? Мы отчасти уже отвѣтили на этотъ вопросъ. Окончательное ея уясненіе дается распредѣленіемъ ролей и ссылкой на другихъ обитателей острова. Если вѣра, въ лицѣ аббата, умерла, то спрашивается, не заступила ли ее мѣсто наука въ дѣлѣ руководительства человѣческимъ обществомъ? Однако, авторъ выдѣлилъ и обособилъ науку, даже отодвинувъ ее еще дальше, чѣмъ религію, которая болѣе непосредственно служила вожакомъ человѣчеству. Наука, въ толкованіи Метерлинка,—это отдаленный маякъ, о которомъ слѣпые слышали, что онъ гдѣ-то есть въ сѣверной части острова, но люди, живущіе на маякѣ, эти зрячіе люди, не спускаются съ занятой ими позиціи, не идутъ навстрѣчу нуждающемуся человѣчеству. Когда смерть аббата установлена, второй слѣпорожденный высказываетъ надежду: «быть можетъ люди съ маяка увидятъ насъ»... Старуха отвѣчаетъ: «они никогда не спускаются со своей башни». Третій слѣпорожденный: «быть можетъ, все-таки они насъ замѣтятъ». Старуха: «они всегда смотрятъ лишь по направленію къ морю»... Такова роль отвлеченнаго знанія. Оно довлѣетъ себѣ. Зрячіе изслѣдуютъ истину, но взоръ ихъ обращенъ къ безконечному морю и имъ некогда думать о живыхъ и блуждающихъ въ потемкахъ, о предоставленныхъ произволу случайностей представителяхъ человѣческаго общества, въ различныхъ его слояхъ и группировкахъ. Откуда же ждать спасенія? Авторъ, какъ указано, далъ лишь нѣсколько намековъ на то направленіе, въ которомъ можно ожидать рѣшенія проблемы, но не пред-

ставилъ категоричной формулы, которая въ драматической поэмѣ была бы и неумѣстной. Сперва приводится рядъ отрицательныхъ отвѣтовъ, болѣе опредѣленныхъ: познаніе истины не дано чистымъ позитивистамъ и раціоналистамъ, руководящимся только указаніями разсудка. Эту группу образуютъ трое слѣпорожденныхъ, которые не видятъ, хотя глаза ихъ открыты. Они безнадежно слѣпы и способны ощущать только «запахъ земли». Особенно типична роль перваго слѣпорожденнаго: онъ разсуждаетъ все время очень логично и отчетливо, но чрезвычайно близоруко. По временамъ чувствуется брюжжащій, недовольный тонъ и тутъ же слѣдомъ призывъ къ разсудительности, благоразумію, къ спокойному обсужденію своего положенія. Онъ первый предлагаетъ всѣмъ подсчитаться, затѣмъ потолковать промежъ тебя, пока ихъ поводырь не вернется. Аббатомъ онъ уже давно недоволенъ: старъ онъ, пересталъ ихъ слушаться, надо бы на него пожаловаться, а впрочемъ пора его смѣнить; къ чему эти дальнія прогулки, на которыя онъ ихъ водитъ? Въ пріютѣ, за оградой, живется хорошо; лучше тамъ и оставаться. Чувствуется въ его рѣчахъ что-то буржуазное, мелкое, ограниченное и неизмѣнно разсудочное. Когда глухой и слѣпой начинаетъ просить милостыню, онъ возмущается: «кто это такъ говоритъ безъ всякаго разума?» (87). Когда шестой слѣпой предлагаетъ пуститься на поиски, онъ возстаетъ противъ неблагоразумія такого предпріятія. Онъ не стремится видѣть вокругъ себя: нечего смотрѣть наружу (93). Время дня онъ опредѣляетъ по тому, какъ ощущаетъ голодъ. Его постоянно влечетъ назадъ въ пріютъ. Присутствія молодой слѣпой онъ раньше и не замѣчалъ: теперь впервые узналъ о ней и хотѣлъ бы только видѣть ея красивую внѣшность. Онъ, правда, первый открылъ, что аббатъ умеръ, но ставитъ странный вопросъ: какъ этотъ такъ умеръ безо всякой причины (sans raison)? Дальше такихъ «открытій» онъ, очевидно, никогда не пойдетъ и его идеалъ жизни удовлетворительно рисуется ему въ сытости, спокойной обстановкѣ за оградой пріюта, лишь бы никто ему не становился поперекъ дороги. Это идеалъ буржуазнаго квіетизма, матеріалистическопозитивной философіи, примиренія съ дѣйствительностью. Слѣпорожденные «съ открытыми глазами» всѣ трое изъ одного прихода,—«безъ колокольни»—добавляетъ первый слѣпорожденный, и смыслъ этого иносказанія понятенъ самъ собою.

Старика и старуху мы назвали патріархами человѣческаго рода. Ихъ роль въ значительной степени пассивная; они—смирившіеся; подъ бременемъ годовъ, пережитыхъ испытаній, долгихъ, долгихъ лѣтъ, когда временами на нихъ находило просвѣтленіе, ибо и они когда-то были зрячими, лишь потомъ ослѣпли, они стойко переносятъ напасти, даютъ нѣкоторыя указанія, сдерживаютъ болѣе молодыхъ и стремительныхъ, не выказываютъ ни слишкомъ большихъ надеждъ, ни слишкомъ большого отчаянія: прожили вѣка, быть можетъ, проживутъ еще столько же, рядомъ другъ съ другомъ, и все же одинокіе, не зная другъ друга, ибо «нужно видѣть, чтобы любить» (старѣйшій слѣпой). Но молодая слѣпая приводитъ загадочную фразу аббата передъ его уходомъ, что царство стариковъ, повидимому, скоро кончится, т.-е. исчезнутъ послѣдніе остатки патріархальнаго быта и жизнь будетъ перекроена по новому.

Аббатъ, передъ уходомъ изъ этого міра, что-то шепнулъ на ухо молодой слѣпой. Она не хочетъ повторить того, что онъ ей сказалъ (129), но раньше упомянула, что онъ ей говорилъ о своемъ намѣреніи пойти по направленію къ маяку (85). Не есть ли это указаніе того, на какихъ началахъ можетъ создаться новое міропониманіе? Если принять, что молодая слѣпая олицетворяетъ поэзію и, вообще, искусство, не сыграетъ ли она первенствующей роли въ будущемъ синтезѣ науки (маякъ) и красоты, передавъ будущимъ поколѣніямъ и тотъ завѣтъ отъ прежнихъ вѣрованій, который пока она не рѣшается еще громко произнести? Наше познаніе слагается изъ трехъ элементовъ, — словно хочетъ сказать авторъ: изъ научнаго испытанія истины, изъ эстетическаго созерцанія и изъ особаго интуитическаго чувства, которое выражалось въ любви и вѣрѣ и служило базой религіозной догмы. На объединеніи этихъ трехъ началъ, по мысли автора, создастся новое міропониманіе грядущаго человѣчества.

Кто же, однако, теперь явится спасителемъ слѣпыхъ, чтобы вывести ихъ изъ дебрей дремучаго лѣса, въ которомъ они пока пребываютъ, подвергаясь разнымъ случайностямъ непогоды, порывамъ вѣтра, снѣжной вьюгѣ?.. Этого избавителя нужно ожидать, повидимому, изъ нѣдръ самого общества. Его провозвѣстникомъ является шестой слѣпой. Когда-то и онъ былъ зрячимъ, какъ и молодая слѣпая; съ закрытыми, но не окончательно потухшими глазами, онъ способенъ еще различить свѣтъ отъ темноты, различаетъ тѣни людей, когда они становятся противъ солнца; онъ чувствуетъ солнце своими незрячими глазами, и сохранилъ въ душѣ надежды и стремленья (101). Красота его вдохновляетъ, запахъ цвѣтовъ ему слышенъ, онъ готовъ пуститься на поиски, чтобы найти исходъ изъ теперешняго положенія, ибо онъ усталъ ждать (111). Но когда онъ пытается подняться, терніи окровавливаютъ его руки, и все же онъ находитъ и срываетъ цвѣты, чтобы поднести ихъ молодой красавицѣ. Не онъ, однако, выведетъ слѣпыхъ изъ темнаго лѣса: онъ только искатель, поэтъ, способный ощущать различныя знаменія, откликаться на явленія жизни, но не руководить жизнью. Его рѣчь ограничивается тѣмъ, что онъ возвѣщаетъ наступленіе разсвѣта (123), предсказываетъ слѣдомъ новое испытаніе — выпаденіе снѣга (136), а затѣмъ чуетъ приходъ неизвѣстнаго, котораго шаги слышитъ и старуха, но самъ онъ застываетъ на вопросѣ — «не есть ли это женщина?» (140). Молодая слѣпая, взявшая на руки расплакавшагося ребенка безумной, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за поворотомъ его головы: ребенокъ положительно что-то видитъ; она тоже слышитъ эти шаги, которые вдругъ останавливаются среди нихъ, и она замираетъ на вопросѣ: кто вы? Старуха прибавляетъ: «сжальтесь надъ нами!», но молчаніе имъ служитъ отвѣтомъ.

Мы уже высказали наше мнѣніе, что это молчаніе не подлежитъ непремѣнному истолкованію въ смыслѣ «трагическаго финала». Хотя, конечно, никто не пришелъ тутъ же къ слѣпымъ и некому было отвѣчать на вопросъ молодой слѣпой, однако, — ребенокъ за чѣмъ-то все же слѣдилъ. Мы склонны истолковать этотъ образъ, имѣющій, конечно, символическое значеніе, въ смыслѣ

луча свѣта, который прорвался сквозь листву и палъ среди слѣпыхъ, не видящихъ его: ребенокъ его увидалъ. Дѣйствительно, вѣдь, ночь давно прошла. Даже одинъ изъ слѣпорожденныхъ говорилъ, что произошли какія-то измѣненія въ атмосферѣ, ему дышется легче, воздухъ сталъ чище. Такія ощущенія бываютъ передъ разсвѣтомъ. Шестой слѣпой говоритъ: «Мнѣ кажется, что скоро будетъ свѣтло; я думаю, что солнце встаетъ». Оно уже встало къ концу пьесы, и если образный языкъ допускаетъ выраженіе — «я слышу звѣзды», то это слуховое ощущеніе можетъ быть примѣнено и къ «шагамъ» приближающагося солнечнаго луча, за которымъ слѣдитъ ребенокъ. Предлагаемое нами толкованіе не есть прямой отвѣтъ на вопросъ: кто же выведетъ слѣпыхъ изъ лѣсу, но такого отвѣта, какъ указано, авторъ и не даетъ въ пьесѣ. Послѣдняя не заключаетъ опредѣленной программы будущаго, а намѣчаетъ лишь возможную директиву въ рѣшеніи вопроса въ будущемъ: зрячій ребенокъ чему-нибудь да послужитъ. И, такимъ образомъ, по имѣющимся указаніямъ въ самой пьесѣ, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что заключеніе отнюдь не должно быть понято въ духѣ безпросвѣтнаго пессимизма. Если московская труппа напрасно выпустила сцену съ выпаденіемъ снѣга — символа старѣющаго человѣчества, проходящаго черезъ сумеречный періодъ вымиранія многихъ прежнихъ иллюзій,—то она съ полнымъ правомъ показываетъ наступленіе разсвѣта, вносящаго примиряющій аккордъ въ мрачную декорацію смерти и разрушенія. Не достаетъ у нихъ лишь луча восходящаго солнца, который, проникнувъ между скалъ и листвы, упалъ бы прямо по серединѣ группы столпившихся людей вокругъ женщины съ ребенкомъ.

Удачной мыслью было показать въ отдаленіи, на берегу моря, зажженый маякъ. Хорошо передавался прибой волнъ, завыванье вѣтра, но появленіе одной совы вмѣсто стаи птицъ, шумно спускающихся на островъ, какъ одна изъ многихъ напастей, обрушивающихся на человѣчество, не производило достаточнаго впечатлѣнія.

По вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ играть роли въ пьесѣ, мы становимся передъ дилеммой, трудно разрѣшимой: съ одной стороны, слишкомъ реалистичное чтеніе на голоса соотвѣтственно намѣченной характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, которыя выставлены, независимо отъ ихъ символическаго, обобщеннаго значенія, какъ простые обыкновенные люди, было бы неумѣстнымъ, отвлекая вниманіе отъ иносказательнаго смысла пьесы. Съ другой стороны, такъ какъ мы только слышимъ голоса и почти не видимъ играющихъ, должны же мы распознавать эти голоса, ощущать разницу между ними, чтобы слѣдить за ролями. При представленіи «Слѣпыхъ» въ театрѣ Антуана, въ Парижѣ, какъ намъ передавали, согласно желанію автора, усвоена была условная дикція въ приподнятомъ тонѣ, по принципу одноголосаго пѣнія въ униссонъ. Рѣчи слѣпыхъ какъ бы сливались въ одномъ общемъ хорѣ. Мы не можемъ, конечно, судить съ чужихъ словъ о впечатлѣніи, которое производило такое исполненіе пьесы, но намъ лично представляется необходимой комбинація—повышеннаго тона съ индивидуальными оттѣнками въ рѣчи, характерными для опредѣленныхъ типовъ, выставленныхъ въ пьесѣ. Подборъ тембровъ голоса, конечно, весьма

затруднителенъ, но онъ легче достижимъ, когда артисты говорятъ не вполнѣ натуральнымъ голосомъ, а въ нѣсколько повышенномъ тонѣ, что, кстати, отвѣчаетъ и обычной у слѣпыхъ манерѣ говорить, всегда повышая голосъ, восполняя этимъ то, что въ обыкновенныхъ разговорахъ, сознательно или непроизвольно досказывается взглядомъ, улыбкой, мимикой лица. У слѣпыхъ замѣчается общая неподвижность лицевыхъ мускуловъ и они именно голосомъ стараются дополнить недостатокъ зрительныхъ впечатлѣній. Такимъ образомъ, для установленія повышеннаго тона рѣчей мы можемъ опереться на вполнѣ реальномъ наблюденіи.

У артистовъ московскаго художественнаго театра вѣрный тонъ взялъ съ самаго начала талантливый Москвинъ, читавшій роль перваго слѣпорожденнаго. Однако, намъ думается, что и при сохраненіи усвоенной имъ дикціи можно было затѣмъ больше выдержать характеръ, не настаивая на сдавленныхъ, какъ бы съ усиліемъ произносимыхъ нотахъ, а придать тембру большую сухость, порой—оттѣнокъ брюжжанія, недовольство, порой — спокойную и даже нѣсколько самоувѣренную разсудительность, чтобы рельефнѣе очертить изображаемый типъ. Голосъ старшаго слѣпого, «патріарха» (г. Леонидовъ) непріятно выдѣлялся своей рѣзкостью и грубостью, отнюдь не отвѣчающихъ данному лицу. Для этой роли нуженъ иной тембръ, болѣе глубокій и болѣе мягкій. Намъ вспоминаются нѣкоторыя интонаціи у г. Станиславскаго, который, конечно, сумѣлъ бы выдвинуть роль «патріарха человѣчества». Нѣсколько фразъ, произносимыхъ пятымъ слѣпымъ (г. Адашевъ), были хорошо сказаны, но, къ сожалѣнію, шестой слѣпой, у котораго наиболѣе замѣтная роль «перваго любовника» въ пьесѣ, насъ совсѣмъ не удовлетворилъ: у г. Качалова, исполнявшаго ее, не чувствалось никакого подъема, никакой нервности, способности къ энтузіазму. Онъ спокойно докладывалъ своимъ низкимъ, ровнымъ голосомъ то, что ему предписано было говорить по пьесѣ, но это не было интерпретаціей роли. Лучше прочитаны были женскія роли, особенно старшей слѣпой (г-жа Савицкая); молодая слѣпая (г-жа Германова) дѣлала слишкомъ много ненужныхъ жестовъ. Совсѣмъ не слышно было пѣнія трехъ молящихся старухъ и многихъ изъ указанныхъ въ пьесѣ «шумовъ» (кромѣ прибоя волнъ и вѣтра).

Метерлинкъ, какъ указано выше, сблизилъ драму съ принципами вагнеровской оперы и намъ невольно приходитъ на мысль вопросъ—нельзя ли было бы достичь большаго впечатлѣнія даже отъ игры «Слѣпыхъ» (когда-нибудь, думается намъ, эта пьеса будетъ цѣликомъ переложена на музыку), если продлить музыкальный аккомпаниментъ на все время дѣйствія, не ограничиваясь музыкальными вступленіемъ и заключеніемъ, столь удачно придуманными московскимъ художественнымъ театромъ? Характеръ этого аккомпанимента вполнѣ опредѣляется указаніемъ на пѣніе молитвъ тремя старухами: стало быть, тихая, церковная мелодія на трехголосый ладъ. По временамъ необходимы паузы и интервалы. Затѣмъ при помощи тѣхъ же музыкальныхъ средствъ могли бы быть переданы разные шумы, къ которымъ слѣпые чутко прислушиваются, но отъ зрителей они ускользаютъ. Прибой волнъ можетъ,

конечно, быть оставленъ, такъ какъ онъ прекрасно передается въ непосредственной формѣ (хотя и онъ поддается музыкальному выраженію); но затѣмъ—прилетъ стаи птицъ, съ своеобразнымъ шумомъ опускающихся на вѣтви деревьевъ, которыя шелестятъ и при внезапномъ ихъ отлетѣ, и звукъ шаговъ по шуршащей, опавшей листвѣ, и «дрожжаніе звѣздъ» и приближеніе снѣжнаго урагана, и пурга, и затишье при наступленіе яснаго утра... все это могло бы, какъ намъ кажется, быть передано въ музыкальномъ аккомпаниментѣ, служащемъ иллюстраціей къ тексту, въ дополненіе къ декоративнымъ эффектамъ.

Мы нѣсколько отвлеклись отъ оцѣнки драмы Метерлинка въ исполненіи артистовъ московскаго художественнаго театра. Быть можетъ, наши пожеланія не всѣ выполнимы, но соблюденіе точнаго смысла пьесы, конечно, вполнѣ въ средствахъ исполнителей. На этомъ требованіи мы считаемъ себя въ правѣ настаивать, замѣтивъ, что если при первомъ своемъ появленіи «Слѣпые» не сразу были поняты и надлежащимъ образомъ оцѣнены, то теперь, черезъ двадцать лѣтъ, они намъ рисуются уже въ извѣстной исторической перспективѣ и значеніе пьесы становится яснѣе. Послѣдующая литературная дѣятельность поэта позволяетъ намъ именно лучше понять и опредѣлить смыслъ тѣхъ образовъ, которые въ то время, быть можетъ, оставались загадочными для многихъ и не вполнѣ сознанными даже самимъ авторомъ, пережившимъ кризисъ пессимизма. По мѣрѣ переживанія его и воплощенія въ образы,—фабула, порожденная духомъ сомнѣнія и унылости, превращалась въ матеріалъ провидѣнія будущей созидательной работы. Однако, первое соотношеніе «символовъ» должно быть строго соблюдено для пониманія пьесы. Критическій разборъ ея содержанія долженъ предшествовать и ея постановкѣ. Если театръ, преслѣдующій чисто художественныя цѣли, не будетъ имѣть въ виду на первомъ планѣ строгое соблюденіе идеи пьесы, если его интерпретація вмѣсто того, чтобы рельефнѣе ее выразить, заслоняетъ отъ насъ настоящій смыслъ произведенія искусства въ угоду какимъ-либо постороннимъ соображеніямъ, то онъ не выполняетъ своей основной задачи быть именно «художественнымъ» театромъ и не можетъ считаться «выдержавшимъ испытаніе». Отнюдь, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы починъ, какъ таковой, не заслуживалъ сочувствія. Заслуга москвичей опредѣляется уже тѣмъ, что они первые у насъ показали, что возможно ставить на сценѣ даже чисто философскую драму, выраженную въ поэтическихъ образахъ-символахъ. Первый шагъ сдѣланъ, а въ слѣдующихъ, надѣемся, проявится и большая вѣрность въ толкованіи символовъ и идеи пьесы, которая, конечно, требуетъ сосредоточеннаго, внимательнаго отношенія, чтобы раскрыть всю глубину содержанія этой красивой, удивительно сжатой, при бѣглости контуровъ, поэтичной сказки, намѣчающей въ нѣсколькихъ чертахъ судьбы всего человѣчества.

Вслѣдъ за этой отвлеченной, философской драматической поэмой поставлена была небольшая пьеса Метерлинка «Тамъ, внутри» («L'interieur»), въ которой главнымъ образомъ, зрителямъ дано было любоваться превосходнымъ ландшафтомъ съ нѣмой сценой «внутри» бельгійскаго домика. Въ этой пьесы Метерлинка нѣтъ слишкомъ загадочныхъ символовъ, ни аллегорій, ни отвлеченно-

---

философскаго содержанія. Она проста по замыслу и по композиціи, несмотря на оригинальность формы; вполнѣ жизненна и ставитъ насъ лишь лицомъ къ лицу съ тѣмъ грустнымъ и общеизвѣственнымъ фактомъ, что нерѣдко бываетъ, что насъ постигло какое-нибудь горе, о которомъ мы еще не знаемъ, и мы не догадываемся о немъ; мы встрѣчаемъ вѣстника печальной новости съ радостными объятіями, а ему пришлось долго обдумывать, какъ подготовить насъ къ тяжелому извѣстію—и все это ни къ чему. Эта сценка нѣмого, безыменнаго горя у безыменныхъ людей захватываетъ своей простотой и общностью. Она неоднократно уже ставилась у насъ въ различныхъ театрахъ; въ исполненіи москвичей сказалась лишь ихъ обычная старательность въ обстановкѣ, декораціяхъ и режиссерскомъ искусствѣ.

Переходимъ къ исполненію «Иванова», возобновленнаго на сценѣ послѣ значительнаго промежутка времени. Но такъ какъ наша замѣтка слишкомъ разрослась, то о представленіи Чехова скажемъ уже въ слѣдующій разъ.

Ѳ. Батюшковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

Записки декабриста И. Дм. Якушкина.—„Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола".—Памяти Костомарова.

Среди появившихся въ послѣднее время на книжномъ рынкѣ историко-литературныхъ новинокъ выдающееся значеніе принадлежитъ запискамъ декабриста Ивана Дмитріевича Якушкина. Записки эти являются, правда, не полною новостью, такъ какъ онѣ уже дважды появлялись за границею (въ 1862 году въ Лондонѣ и въ 1874 г. въ Лейпцигѣ), но для огромнаго большинства читателей это несомнѣнная новость, ибо возможность пользоваться «запретными плодами» составляетъ у насъ, конечно, удѣлъ немногихъ. Среди лицъ, занимающихся исторіей освободительнаго движенія въ эпоху Александра I-го, записки Якушкина давно уже пріобрѣли себѣ репутацію въ качествѣ одного изъ лучшихъ первоисточниковъ для изученія этого движенія и тѣмъ съ большей признательностью отнесется, безъ сомнѣнія, къ издателю записокъ, внуку Ивана Дмитріевича, В. Е. Якушкину, интересующаяся исторіей освободительнаго движенія въ Россіи публика за данную ей возможность имѣть подъ руками одинъ изъ главнѣйшихъ первоисточниковъ этого движенія.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ былъ однимъ изъ основателей того перваго небольшого кружка гвардейскихъ офицеровъ, изъ котораго развился затѣмъ знаменитый „союзъ благоденствія. Это было въ 1816 году. «Въ это время,— разсказываетъ Якушкинъ,—Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы (Апостолы) и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьми Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего

отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25-ти лѣтъ почти была каторга, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ большею частью состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго нибудь изъ вопросовъ насъ занимавшихъ показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего. Одинъ разъ Трубецкой и я—мы были у Муравьевыхъ, Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевъ съ предложеніемъ составить Тайное Общество, цѣль котораго, по словамъ Александра, должна была состоять въ противодѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчизны и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ, но что если бы составилось Тайное Общество, членамъ котораго поставлялось бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ бы въ такое общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы на предложеніе Александра отвѣчали почти то же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣлью котораго было въ обширномъ смыслѣ благо Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе Тайному Обществу, которое существовало, можетъ быль, не совсѣмъ безплодно для Россіи». Вскорѣ послѣ этого Якушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга на службу въ 37-й егерскій полкъ и по дорогѣ заѣхалъ въ свое небольшое имѣніе въ Смоленской губерніи, которымъ управлялъ его дядя. Тутъ Якушкинъ объявилъ ему о своемъ намѣреніи освободить крестьянъ. «Въ это время,—пишетъ онъ,—я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависѣвшихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ: онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума». На мѣстѣ своей новой службы Якушкинъ сдѣлалъ цѣнное пріобрѣтеніе для тайнаго общества, принявъ въ него генерала М. А. Фонвизина. Въ 1817 году ему случилось быть въ Москвѣ. Въ это время вся царская фамилія переѣхала также въ Москву и прожила тамъ мѣсяцевъ десять. Съ нею прибылъ особый отрядъ гвардіи, начальникомъ штаба котораго былъ назначенъ Александръ Муравьевъ. Съ отрядомъ пріѣхали также и нѣсколько членовъ Тайнаго Общества. «Въ мое отсутствіе,—пишетъ Якушкинъ,—общество очень распространилось; было принято много новыхъ членовъ, въ числѣ которыхъ былъ Бурцевъ, (послѣ уже генералъ-маіоромъ убитый на Кавказѣ) и Пестель—адъютанты гр. Витгенштейна. Пестель составилъ первый уставъ для нашего Тайнаго Общества. Замѣчательно было въ этомъ уставѣ, во-первыхъ, то, что на вступающихъ въ Тайное Общество возлагалась обязанность ни подъ какимъ видомъ не покидать службы съ тою цѣлью, чтобы современемъ всѣ служебныя значительныя мѣста

въ военной и гражданской части были бы въ распоряженіи Тайнаго Общества; во-вторыхъ, было сказано, чте если царствующій императоръ не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его». Уставъ Пестеля, какъ извѣстно, не былъ принятъ и составленъ новый, въ основаніе котораго былъ положенъ образчикъ привезеннаго княземъ Ильею Долгорукимъ изъ-за границы устава Tugendbund'а. Впредь до выработки устава основано было общество временное подъ названіемъ военнаго. Между тѣмъ реакціонная политика Александра до того сильно раздражала членовъ тайнаго общества, что, однажды, послѣ полученія отъ князя Трубецкого изъ Петербурга нѣкоторыхъ, касающихся Александра, извѣстій, среди членовъ тайнаго общества въ Москвѣ возникла мысль объ его убійствѣ. Хотѣли даже бросать для этого жребіи, но присутствовавшій тамъ Якушкинъ рѣшительно отвергъ мысль о жребіи и сказалъ, что нанести ударъ онъ беретъ на себя. На другой день товарищи отговорили Якушкина отъ исполненія его намѣренія,—онъ уступилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вышелъ и изъ общества. Выходъ этотъ былъ, однако, болѣе формальный, чѣмъ реальный, онъ былъ подсказанъ раздраженіемъ противъ товарищей, которое современемъ улеглось, всѣ дѣла тайнаго общества были ему извѣстны и черезъ годъ Якушкинъ снова присоединился къ обществу. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своей деревнѣ. Злоупотребленія и произволъ властей возмущали его до глубины души. Тутъ, «чтобы сразу прекратить всѣ безпорядки въ Россіи, — пишетъ онъ,—я придумалъ средство, которое въ ту минуту казалось мнѣ вдохновеніемъ,—а въ самой сущности оно было чистый сумбуръ. Ночью, пока Фонвизинъ (гостившій въ то время у Якушкина) спалъ, я написалъ адресъ къ императору, который должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія. Въ этомъ адресѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы предлагали императору созвать Земскую Думу, по примѣру своихъ предковъ. Поутру я прочиталъ свое сочиненіе Фонвизину и онъ, бывъ подъ однимъ настроеніемъ со мной, согласился подписать адресъ. Въ тотъ же день мы съ нимъ отправились въ Дорогобужъ къ Граббе (полковникъ Лубенскаго полка, членъ Союза Благоденствія). Къ счастью, Граббе былъ благоразумнѣе насъ обоихъ; не отказываясь вмѣстѣ съ другими подписать адресъ, онъ намъ ясно доказалъ, что этимъ поступкомъ за одинъ разъ уничтожалось Тайное Общество и что это все вело насъ прямо въ пропасть. Бумага, мною написанная, была уничтожена. Послѣ чего мы долго разсуждали о горестномъ положеніи Россіи и средствахъ, которыя могли бы спасти ее. Союзъ Благоденствія, казалось намъ, дремалъ. По собственному своему образованію онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ 1 января 1821 года призвать въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣла тайнаго общества и пріискали средства для бóльшей его дѣятельности. Фонъ-Визинъ съ братомъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, мнѣ же пришлось ѣхать въ Тульчинъ.

Фонъ-Визинъ, незадолго передъ тѣмъ бывши въ Тульчинѣ, познакомился со всѣми тамошними членами и далъ мнѣ письма къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

Онъ мнѣ далъ также письмо къ Михаилѣ Орлову. Тамъ, на собраніи изъ трехъ лицъ (Якушкинъ, Фонъ-Визинъ и Граббе) рѣшенъ былъ созывъ въ 1821 году того знаменитаго московскаго съѣзда членовъ Союза Благоденствія, который имѣлъ столь важное вліяніе на послѣдующую судьбу Тайныхъ Обществъ. Послѣдуемъ, однако, за дальнѣйшимъ разсказомъ по этому поводу самого Якушкина. «Въ Дорогобужѣ я добылъ себѣ кое-какъ подорожную и пустился въ путь. Въ тотъ же день я побывалъ у Пестеля и Юшневскаго... Чтобы пребываніемъ моимъ въ Тульчинѣ не подать подозрѣнія властямъ, я ни у кого не бывалъ, кромѣ Пестеля, съ которымъ былъ знакомъ прежде, и у Юшневскаго, къ которому привезъ письма отъ фонъ-Визина; но я скоро познакомился съ тульчинской молодежью. Въ Тульчинѣ члены Тайнаго Общества, не опасаясь никакого особеннаго надъ собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собою и тѣмъ самымъ не давали ослабѣвать другъ другу. Впрочемъ, было достаточно уже одного Пестеля, чтобы безпрестанно одушевлять всѣхъ тульчинскихъ членовъ, между которыми въ это время было что-то похоже на двѣ партіи: умѣренные, подъ вліяніемъ Бурцева, и, какъ говорили, крайніе, подъ руководствомъ Пестеля. Но эти партіи были только мнимыя. Бурцевъ, бывши увѣренъ въ превосходствѣ личныхъ своихъ достоинствъ, не могъ не чувствовать на каждомъ шагу превосходства Пестеля надъ собой и потому всѣми силами старался составить противъ него оппозицію. Однако это не мѣшало ему по наружности оставаться въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Пестелемъ... Въ это время Пестель замышлялъ республику въ Россіи, писалъ свою Русскую Правду. Онъ мнѣ читалъ изъ нея отрывокъ, только помнится, объ устройствѣ волостей и селеній. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть въ Русской Правдѣ будущую конституцію Россіи. Своимъ сочиненіемъ онъ только приготовлялся, какъ онъ самъ говорилъ, правильно дѣйствовать въ Земской Думѣ и знать, когда придется, что о чемъ говорить. Нѣкоторые отрывки изъ Русской Правды онъ читалъ Киселеву, который ему однажды замѣтилъ, что царю своему онъ продоставляетъ слишкомъ много власти. Подъ словомъ царь Пестель разумѣлъ исполнительную власть. Наконецъ, было назначено совѣщаніе у Пестеля, на которомъ я долженъ былъ объявить всѣмъ присутствующимъ о причинѣ моего прибытія въ Тульчинъ. Бурцевъ увѣрялъ меня, что если Пестель поѣдетъ въ Москву, то онъ своими рѣзкими мнѣніями и своимъ упорствомъ испортитъ тамъ все дѣло и просилъ меня никакъ не приглашать Пестеля въ Москву. На совѣщаніи я предложилъ тульчинскимъ членамъ послать отъ себя довѣренныхъ въ Москву, которые тамъ занялись бы вмѣстѣ съ другими опредѣленіемъ всѣхъ нужныхъ измѣненій въ уставѣ Благоденствія, а можетъ быть и въ устройствѣ самаго Общества. Бурцевъ и Комаровъ просились въ отпускъ и по собственнымъ дѣламъ своимъ должны были пробыть нѣкоторое время въ Москвѣ. Пестелю очень хотѣлось пріѣхать на съѣздъ въ Москву, но многіе увѣряли его, что такъ какъ два депутата ихъ уже будетъ на этомъ съѣздѣ, то его присутствіе тамъ не необходимо и что, просившись въ отпускъ въ Москву, гдѣ всѣ знаютъ, что у него нѣтъ ни родныхъ и никакого особеннаго дѣла, онъ можетъ навлечь подозрѣніе тульчинскаго началь-

ства, а можетъ быть и подозрѣніе московской полиціи. Пестель согласился не ѣхать въ Москву».

Изъ Тульчина Якушкинъ отправился въ Кишеневъ къ генералу Орлову, чтобы пригласить его на московскій съѣздъ, и встрѣтилъ его, не доѣхавъ до Кишинева. Съ нимъ былъ его адъютантъ Охотниковъ, также членъ Тайнаго Общества, давнишній знакомый Якушкина. Не давши рѣшительнаго отвѣта относительно Москвы, Орловъ въ свою очередь просилъ Якушкина заѣхать съ нимъ въ имѣніе члена Тайнаго Общества Давыдова, извѣстную Каменку. Якушкинъ на это согласился. Въ Каменкѣ произошла та встрѣча Якушкина съ А. С. Пушкинымъ, разсказъ о которой Якушкина не разъ воспроизводили біографы великаго поэта, поэтому излишне здѣсь его повторять.

Не мало интересныхъ подробностей сообщаетъ далѣе авторъ записокъ о московскомъ съѣздѣ членовъ Союза Благоденствія и послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ. Общество разросталось и слухи о его существованіи доходили и до императора Александра. Якушкинъ приводитъ этому нѣсколько любопытныхъ доказательствъ. Послѣ извѣстной исторіи въ Семеновскомъ полку четверо изъ офицеровъ этого полка—Вадковскій, Кошкаровъ, Ермолаевъ и князь Щербатовъ были отданы подъ судъ. «При этомъ надѣялись,—пишетъ Якушкинъ,—узнать отъ нихъ что-нибудь положительное о существованіи Тайнаго Общества. На Щербатова падало болѣе подозрѣній, нежели на другихъ, по связи его со мною и короткому знакомству съ лицами, подозрѣваемыми правительствомъ. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ разжалованію въ солдаты, но ему обѣщали совершенное прощеніе, если онъ сообщитъ какія-нибудь свѣдѣнія о существованіи Тайнаго Общества. Самъ онъ не принадлежалъ къ нему; видаясь же безпрестанно со мной, онъ зналъ многое, но наша тайна была для него священна, и онъ рѣшился лучше быть невинной жертвой, нежели поступить предательски. На всѣ задаваемые ему вопросы о Тайномъ Обществѣ онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. При вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго императора (Николая Перваго) приговоръ суда надъ Щербатовымъ былъ исполненъ и онъ былъ посланъ на Кавказъ солдатомъ». Благодаря Якушкину, исторія сохранила имя благороднаго человѣка. «Въ 22 году,—разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ Якушкинъ,—генералъ Ермоловъ, вызванный съ Кавказа начальствовать надъ отрядомъ, назначеннымъ противъ возставшихъ неаполитанцевъ, прожилъ нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ и всякій день видался съ императоромъ. Неаполитанцы были уничтожены австрійцами прежде, нежели нашъ вспомогательный отрядъ двинулся съ мѣста, и Ермоловъ возвратился на Кавказъ. Въ Москвѣ увидя пріѣхавшаго къ нему фонъ-Визина, который былъ у него адъютантомъ, онъ воскликнулъ: «поди сюда, величайшій карбонари». Фонъ-Визинъ не зналъ, какъ понимать такого рода привѣтствіе. Ермоловъ прибавилъ: «я ничего не хочу знать, что у васъ дѣлается, но скажу тебѣ, что *онъ* (курсивъ подлинника) васъ такъ боится, какъ бы я желалъ, чтобы онъ меня боялся». Болѣзненное воображеніе императора, конечно, преувеличивало средства и могущество Тайнаго Общества и потому, понятно, что, не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ даже на-

счетъ существованія этого Общества, ему трудно было приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ врага невидимаго. Члены Тайнаго Общества ничѣмъ рѣзко не отличались отъ другихъ. Въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ».

Событія 23—25 года у Якушкина очерчены слабо, ибо, живя въ это время далеко отъ центровъ движенія,—Петербурга и Тульчина,—онъ мало въ чемъ принималъ непосредственное участіе. Но вотъ, наступили событія 14 декабря въ Петербургѣ и возстаніе отряда войскъ Сергѣя Муравьева-Апостола на югѣ, а затѣмъ и безконечные аресты членовъ тайнаго общества и лицъ, находившихся съ ними въ сношеніяхъ. 10-го января 1826 года арестованъ былъ въ Москвѣ и Якушкинъ. Частный приставъ доставилъ его прямо въ главный штабъ, гдѣ арестованный и провелъ ночь. На другой день, къ крайнему его удивленію, его привели въ Эрмитажъ и предъ нимъ предстала такая картина: «въ огромной залѣ, почти въ углу, на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ портретъ Климента IX, стоялъ раскрытый ломберный столъ и за нимъ сидѣлъ въ мундирѣ генералъ Левашевъ. Онъ пригласилъ меня сѣсть противъ него и началъ вопросомъ: принадлежали ли вы къ Тайному Обществу? Я отвѣчалъ утвердительно. Далѣе онъ спросилъ: какія вамъ извѣстны дѣйствія Тайнаго Общества, къ которому вы принадлежали? Я отвѣчалъ, что собственно дѣйствій Тайнаго Общества я никакихъ не знаю.

«— Милостивый государь,—сказалъ мнѣ тогда Левашевъ,—не думайте, чтобы намъ ничего не было извѣстно. Происшествія 14 числа были только преждевременною вспышкою и вы должны были еще въ 1818 году нанести ударъ императору Александру.

«Это заставило меня призадуматься; я не полагалъ, чтобы совѣщаніе, бывшее въ 18-мъ году въ Москвѣ, могло быть извѣстно.

«— Я даже вамъ разскажу,—продолжалъ Левашевъ,—подробности намѣреваемаго вами цареубійства: изъ числа бывшихъ тогда на совѣщаніи вашихъ товарищей—на васъ палъ жребій.

«— Ваше превосходительство, это не совсѣмъ справедливо: я вызвался самъ нанести ударъ императору и не хотѣлъ уступить этой чести никому изъ моихъ товарищей.

«Левашевъ сталъ записывать мои слова.

«— Теперь, милостивый государь,—продолжалъ онъ,—не угодно ли вамъ будетъ назвать тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые были на этомъ совѣщаніи.

«— Этого я никакъ не могу сдѣлать, потому что, вступая въ Тайное Общество, я далъ обѣщаніе никого не называть.

«— Такъ васъ заставятъ назвать ихъ. Я приступаю къ обязанности судьи и скажу вамъ, что въ Россіи есть пытка.

«— Очень благодаренъ вашему превосходительству за эту довѣренность; но долженъ вамъ сказать, что теперь еще болѣе, нежели прежде, я чувствую моею обязанностью никого не называть.

«— Pour cette fois, je ne vous parle pas comme votre juge, mais comme un gentilhome votre égal, et je ne conçois pas, pourquoi vous voulez être martyr pour des gens, qui vous ont trahi et vous ont nommé.

«— Je ne suis pas ici pour juger la conduite de mes camarades et je ne dois penser qu'à remplir mes engagements que j'ai pris en entrant dans la Société *).

«— Всѣ ваши товарищи показываютъ, что цѣль Общества была замѣнить самодержавіе представительнымъ правленіемъ.

«— Это можетъ быть,—отвѣчалъ я.

«— Что вы знаете про конституцію, которую предполагалось ввести въ Россіи?

«— Про это я рѣшительно ничего не знаю.

«Дѣйствительно, про конституцію Никиты Муравьева я не зналъ ничего въ то время и хотя въ бытность мою въ Тульчинѣ Пестель и читалъ мнѣ отрывки изъ Русской Правды, но, сколько могу припомнить, объ образованіи волостныхъ и сельскихъ обществъ.

«— Но какія же были ваши дѣйствія по Обществу?—продолжалъ Левашевъ.

«— Я всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи.

«— Что же вы можете сказать объ этомъ?

«— То, что это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ или въ противномъ случаѣ, насильственно развязанный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія.

«— Но что же можетъ сдѣлать тутъ правительство?

«— Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ.

«— Это невозможно! Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами.

«Затѣмъ послѣдовало опять приглашеніе назвать членовъ Тайнаго Общества, и послѣ отказа Левашевъ далъ мнѣ подписать измаранный имъ почтовый листокъ; я подписалъ его, не читая. Левашевъ пригласилъ меня выйти».

Якушкинъ вышелъ и, оставшись одинъ, невольно сосредоточилъ свои мысли на словахъ Левашева о томъ, что «въ Россіи есть пытка». Раздумье продолжалось не долго. «Минутъ черезъ десять дверь отворилась, и Левашевъ сдѣлалъ мнѣ знакъ войти въ залу, въ которой былъ допросъ. Возлѣ ломбернаго стола стоялъ новый императоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе и началъ такимъ образомъ.

«— Вы нарушили присягу?

---

*) Въ подлинникѣ только по-французски. Приведемъ переводъ: „На этотъ разъ я говорю вамъ не въ качествѣ вашего судьи, а въ качествѣ равнаго вамъ дворянина; я не понимаю, почему хотите вы быть мученикомъ за людей, которые вамъ измѣнили, васъ выдали.

„— Я здѣсь не для того, чтобы судить поведеніе моихъ товарищей и мнѣ надлежитъ думать только объ исполненіи своихъ обязательствъ, которыя я на себя принялъ, вступая въ Общество".

«— Виноватъ, государь.

«— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить и пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

«— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

«— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно: если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались какъ съ свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

«— Я далъ слово не называть никого; все же, что я зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству,—отвѣтилъ я, указывая на Левашева, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

«— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ!

«— Назвать, государь, я никого не могу.

«Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ».

Это было исполнено: ручные и ножные кандалы, надѣтые на Якушкина, вѣсили 23 фунта, и въ такомъ положеніи онъ провелъ въ крѣпости много—много дней.

Затѣмъ наступилъ верховный судъ, который приговорилъ Якушкина къ отсѣченію головы. Приговоръ этотъ былъ замѣненъ двадцатилѣтней каторгой. Описанію своей жизни на каторгѣ и посвящаетъ Якушкинъ послѣднюю часть своихъ высокоинтересныхъ записокъ. Будучи возвращенъ въ Россію въ силу амнистіи, послѣдовавшей 26-го августа 1856 года, Якушкинъ получилъ возможность вернуться въ Европейскую Россію, но и тутъ его не оставили совсѣмъ въ покоѣ. Онъ поселился было въ Москвѣ, но былъ оттуда высланъ. Наконецъ, ему разрѣшили-таки временное проживаніе въ Москвѣ для леченія болѣзни, но было уже поздно: въ 1857 году Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ скончался. Его записки находились послѣ этого подъ запретомъ еще почти 50 лѣтъ и только теперь увидѣли свѣтъ, и то, впрочемъ, не полностью: правда, очень небольшіе, но все же пропуски пришлось сдѣлать изъ записокъ Якушкина ихъ издателю и въ настоящее время.

* * *

Отмѣтимъ кстати интересные документы, относящіяэя къ движенію 1825 г., напечатанные въ майской книжкѣ «Русской Старины»; это составленная на основаніи оффиціальныхъ записокъ «Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола». Среди другихъ документовъ названной «Переписки» особый интересъ представляетъ «Указъ Е. И. В. Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената». Какъ извѣстно, верховнымъ уголовнымъ судомъ въ Петербургѣ осуждены одновременно съ дѣятелями самаго 14-го декабря 1825 г. и другими участниками событій, подготовившими это движеніе, лишь два лица, поднявшія на открытое возстаніе часть черниговскаго пѣхотнаго полка,

самъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ и его ближайшій сподвижникъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ. Между тѣмъ, въ самомъ актѣ возстанія черниговскаго полка и подготовленіи къ нему принимали участіе еще нѣсколько офицеровъ, которые осуждены почему-то совершенно отдѣльно. Объ этомъ процессѣ въ нашей исторической литературѣ имѣется вообще мало данныхъ и потому воспроизведеніе касающагося его «Указа» имѣетъ несомнѣнный интересъ. Въ основу этого «Указа» положенъ докладъ такъ называемаго «аудиторіальнаго департамента», причемъ обвиненіе направлено противъ штабсъ-капитана барона Соловьева и поручика Сухинова. Оба эти лица, какъ значится въ «Указѣ», «въ то время, какъ Муравьевъ и братъ его, по Высочайшему повелѣнію, арестованы Гебелемъ въ селеніи Трелѣсахъ, забывъ должное къ званію его уваженіе, для освобожденія Муравьевыхъ, вмѣстѣ съ ними и поручиками Кузьминымъ и Щипиллою сдѣлали на Гебеля нападеніе и, отобравъ у часовыхъ ружья, причинили ему оными жестокія раны, потомъ съ возмущенными Муравьевымъ двумя ротами, когда онъ вошелъ въ городъ Васильковъ, изъ нихъ Сухиновъ, слѣдуя впередъ съ толпою возмущенныхъ солдатъ, и повстрѣчавъ подп. Трухина, съ частью нижнихъ чиновъ шедшаго навстрѣчу Муравьеву-Апостолу, окружилъ ихъ сею толпою, причемъ сорваны были съ Трухина эполеты и онъ посаженъ на гаубтвахту, откуда тогда же выпущены всѣ арестанты, въ томъ числѣ и Соловьевъ, который, до вступленія еще Муравьева, пріѣхавъ въ Васильковъ, былъ Трухинымъ арестованъ; послѣ сего Сухиновъ съ тою толпою, отправясь въ квартиру полкового командира, взялъ тамъ знамена и казенный ящикъ, а переночевавъ съ Муравьевымъ въ Васильковѣ и способствуя они, Соловьевъ и Сухиновъ, ему уговорить еще бывшія тамъ три роты присоединиться къ нимъ, находились оба при чтеніи полковымъ священникомъ на площади передъ всѣми ротами составленнаго Муравьевымъ-Апостоломъ и подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ возмутительнаго катехизиса, наполненнаго оскорбительными выраженіями противу верховной власти съ превратнымъ истолкованіемъ текстовъ священнаго писанія и потомъ, провозгласивъ мнимую свободу, отправились изъ Василькова съ тѣми ротами подъ командою Муравьева-Апостола, имѣвшаго намѣреніе возмутить вблизи квартировавшія войска; но на пути были преслѣдованы воинскимъ отрядомъ, изъ нихъ Соловьевъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, а Сухиновъ бѣжалъ и, укрываясь въ разныхъ мѣстахъ, составилъ себѣ фальшивый паспортъ. Прапорщикъ же Мозалевскій, по вступленіи Муравьева-Апостола съ двумя ротами въ Васильковъ, тотчасъ присоединился къ нему и по приказанію его занялъ постъ караульнаго офицера на заставѣ, останавливалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Васильковъ; причемъ, взявъ подъ арестъ прибывшихъ туда двухъ жандармскихъ офицеровъ и произнося къ нимъ угрозы, отобралъ имѣющіяся у нихъ деньги, далъ изъ оныхъ 25 рублей бывшимъ въ караулѣ солдатамъ на водку, а прочія доставилъ Муравьеву; потомъ, по повелѣнію его, переодѣвшись въ партикулярное платье и получивъ три возмутительныхъ катехизиса, отправился въ г. Кіевъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя рядовыми, у коихъ велѣлъ спороть погоны, дабы не узнали, какой они дивизіи; а по прибытіи въ Кіевъ приказалъ бросить сіи катехизисы на ули-

цахъ; однако, при возвращеніи оттуда по дорогѣ былъ схваченъ и взятъ подъ арестъ».

Далѣе, все тѣмъ же, весьма нелитературнымъ слогомъ приведены обвиненія противъ офицеровъ Маевскаго, Петина, Сезиневскаго, Войналовича, Рыбаковскаго, Кондырева, князя Мещерскаго, Апостола-Келича и Бѣлелюбскаго, состоявшійся надъ ними приговоръ и конфирмація императора Николая I: «Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ при собраніи командъ изъ полковъ 9 пѣх. дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ ихъ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и прочихъ быть по мнѣнію аудиторіатскаго департамента».

Иванъ Ивановичъ Сухиновъ, сосланный на каторгу, попытался поднять въ зарентуйскомъ рудникѣ въ Сибири арестантовъ, за что былъ приговоренъ къ разстрѣлянію, но до приведенія приговора въ исполненіе покончилъ жизнь самоубійствомъ. О судьбѣ Сухинова намъ приходилось говорить на страницахъ «Міра Божія» въ рецензіи на записки кн. М. Н. Волконской. Въ запискахъ этихъ эпизодъ съ Сухиновымъ, какъ это нами тогда же отмѣчено, изложенъ совершенно невѣрно.

* * *

Какъ-то незамѣтно прошло недавно истекшееся двадцатилѣтіе со смерти Н. И. Костомарова. А, между тѣмъ, это, несомнѣнно, былъ не только крупный ученый, но и крупный общественный дѣятель, борецъ за лучшее будущее Россіи. Какъ всѣ крупные люди, Костомаровъ, разумѣется, сдѣлался жертвою всероссійскаго безправія. Съ этой стороны мы хотимъ напомнить читателю нѣкоторыя черты изъ его біографіи.

Въ концѣ декабря 1845 года живя въ Кіевѣ, Костомаровъ вмѣстѣ съ Шевченко, Гулакомъ, Бѣлозерскимъ и другими, задумали составить общество, цѣль котораго состояла, по опредѣленіи самого Костомарова, «въ распространеніи идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей». Дальше разговоровъ дѣло, разумѣется, не пошло, но развѣ въ Россіи можно было даже позволять себѣ мечтать на подобныя темы? Случилось, разумѣется, то, что и должно было случиться. Костомаровъ набросалъ на бумагу замѣтки о своемъ идеалѣ федеративнаго устройства славянскихъ народовъ и велъ по этому поводу бесѣды съ друзьями. Одну изъ такихъ бесѣдъ какъ-то подслушалъ нѣкій студентъ Петровъ, донесъ куда слѣдуетъ и загорѣлось «дѣло». Начались аресты, обыски. Написанная Костомаровымъ рукопись была у него найдена и преступникъ отправленъ въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ представленъ предъ ясныя очи самого Орлова, который, по разсказу самого Костомарова, встрѣтилъ его такими словами: «Очень радъ познакомиться съ вами, г. профессоръ. Мы имѣемъ о васъ отличные отзывы, но, къ сожалѣнію, у васъ нашли вещь очень преступную; намъ сообщено содержаніе: вы толкуете о соединеніи славянскихъ

народовъ противъ деспотизма! Вѣдь, за это эшафотъ! Это не вы!.. Вы должны выдать намъ мерзавцевъ для примѣрнаго наказанія».

Затѣмъ Костомаровъ былъ переданъ для производства слѣдствія не менѣе знаменитому Дубельту, который ему сказазалъ:

— Не можете ли вы изложить письменно, что знаете о скрытыхъ цѣляхъ общества и вообще, что знаете о славянствѣ?

«Меня,—разсказываетъ далѣе Костомаровъ,—отвели назадъ и я написалъ цѣлую диссертацію о славянахъ, цитировалъ Шафарика и другихъ славянскихъ ученыхъ. Диссертацію эту отнесли къ Дубельту, и онъ вскорѣ позвалъ меня къ себѣ.

«— Зачѣмъ вы написали это?—спросилъ Дубельтъ.—Это годится для ученыхъ, а не для насъ. Это, мой добрый другъ, все поэзія, а васъ надобно отправить въ крѣпость на всю жизнь».

Одинъ чиновникъ III отдѣленія сказалъ Костомарову, чтобы онъ не признавался ни въ чемъ, а написалъ бы, что обвиняемые хотѣли составить тайное общество для соединенія всѣхъ славянъ подъ властью русскаго царя. Костомаровъ послушался, далъ въ этомъ смыслѣ показаніе и его на нѣкоторое время оставили въ покоѣ. Но, вотъ,—пишетъ онъ,—«мы, заключенные увидали изъ оконъ, какъ вывели на дворъ Шевченко въ солдатской шинели. Онъ улыбался, прощаясь съ друзьями. Я заплакалъ, глядя на него, а онъ не переставалъ улыбаться, снялъ шляпу, садясь на телѣгу, а лицо было такое же спокойное, твердое.

«О немъ выразился Дубельтъ: «какое могло быть хорошее общество, въ которомъ былъ Шевченко!»

«Вслѣдъ затѣмъ меня повезли къ Дубельту: «я долженъ объявить вамъ, мой добрый другъ,—сказалъ онъ,—что Государь читалъ приговоръ (какой, когда и кѣмъ постановленный,—объ этомъ обвиняемому объявлять, конечно, не считалось нужнымъ. *В. Б.*) и приказалъ заключить васъ въ крѣпость на одинъ годъ, а затѣмъ сослать въ отдаленныя губерніи съ устраненіемъ отъ каѳедры и воспрещеніемъ служить по ученой части». Въ тотъ же день, 30-го мая, меня повезли въ крѣпость и засадили въ Алексѣевскій равелинъ».

Тамъ и сидѣлъ Костомаровъ цѣлый годъ одиночнаго заключенія, а затѣмъ былъ сосланъ подъ надзоръ полиціи въ Саратовъ, гдѣ и пробылъ до самой смерти императора Николая Перваго. Только въ слѣдующее царствованіе получилъ онъ право въѣзда въ Петербургъ, а затѣмъ и занятія каѳедры въ петербургскомъ университетѣ, но и тутъ жизнь его потекла далеко не сладко...

На Костомаровѣ, какъ историкѣ, останавливаться мы здѣсь, разумѣется, не имѣемъ никакой возможности. Мы только хотѣли помянуть двадцатилѣтіе со времени смерти Николая Ивановича да вспомнить по пути эпизодъ изъ его жизни.

Не длиненъ и не новъ разсказъ...

В. Богучарскій.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Общительные люди.—Полицейская экономія вмѣсто политической экономіи.—Теорія и практика „своего дѣла“.—Новѣйшая иллюстрація къ баснѣ „Незабудки и запятки“.

...«Сыну Отечества» (№ 68) сообщаютъ изъ одного уѣзднаго города Рязанской губерніи слѣдующую исторію.

«Молодая дѣвушка, недавно выдержавшая экзаменъ на городскую учительницу, обратилась къ инспектору народныхъ училищъ, г. С., съ просьбою дать ей мѣсто учительницы. Несмотря на то, что были свободныя вакансіи, инспекторъ долгое время отказывалъ просительницѣ. Наконецъ, инспекторъ приглашаетъ дѣвушку къ себѣ и предлагаетъ ей мѣсто на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы просительница сообщала ему все то, что творится въ учительской средѣ, а въ знакъ согласія поцѣловала его. Оскорбленная дѣвушка такъ растерялась, что только и нашлась сказать инспектору: «значитъ, я никогда не получу у васъ мѣста».

Вотъ и разберитесь, провокаторъ ли это или Донъ-Жуанъ. Можетъ быть, г. С. и то и другое, но въ такомъ случаѣ, что за всеобъемлющая профессія, которой ничто человѣческое не чуждо! Намъ ужъ не разъ приходилось отмѣчать подвиги сихъ дѣлъ мастеровъ, но, признаться, никогда не доводилось читать о такой кавалерской доблести. Вмѣстѣ съ тѣмъ это требованіе Іудина поцѣлуя говоритъ за то, что въ г. С. живы еще религіозныя преданія и, значитъ, онъ человѣкъ съ устоями своего рода... А говорятъ еще, что нельзя обнять необъятное.

Гораздо проще и безъ такого виртуознаго блеска процвѣтаетъ это искусство общительности въ Суздалѣ. Но зато этотъ заброшенный городъ беретъ количествомъ работы и рвеніемъ. «По упорнымъ слухамъ,—пишетъ корреспондентъ «Вечерней Почты»,—воинскій начальникъ подполковникъ Ханшинъ сдѣлалъ внушеніе подчиненнымъ ему военнымъ писарямъ и деньщикамъ слушать, о чемъ говорятъ по улицамъ и площадямъ, и въ случаѣ «дерзкихъ» сужденій о войнѣ и правительствѣ немедленно докладывать ему. Сидѣлица чайной здѣшняго комитета трезвости, Любимова, подслушиваетъ бесѣду пьющихъ чай мужичковъ». Правда, однажды Любимова ошиблась. Уловивъ нелестное слово по адресу одной высокопоставленной особы, она бросила прилавокъ и побѣжала за полиціей. «Политикъ» былъ посаженъ въ кутузку, а затѣмъ по этапу препровождается на мѣсто родины, въ Муромъ, гдѣ и былъ переданъ въ руки жандармовъ. Но жандармы нашли дѣйствія суздальскаго исправника слишкомъ рѣшительными и освободили преступника.

Дѣятельнымъ сотрудникомъ Любимовой является наблюдатель при безплатной библіотекѣ комитета трезвости священникъ Иванъ Взоровъ. Не удовлетворяясь своими прямыми обязанностями, слѣдить за тѣмъ, чтобы въ библіотеку не попали книги, не вошедшія въ министерскій каталогъ, Взоровъ «выступаетъ

въ роли мѣстнаго цензора и сыщика». Съ особеннымъ упорствомъ борется онъ противъ Пругавина, книги котораго «Религіозные отщепенцы», «Монастырскія тюрьмы» и «Старообрядчество второй половины XIX-го вѣка» пріобрѣтены библіотекой, какъ разрѣшенныя духовной цензурой. Когда комитетъ трезвости не подчинился требованію Взорова «изъять книги Пругавина», то, благодаря содѣйствію губернатора, о. Іоаннъ вмѣстѣ съ исправникомъ явились въ библіотеку съ цѣлью выполнить предписаніе начальника губерніи «немедленно изъять изъ суздальской безплатной библіотеки такія-то книги Пругавина».

«Не довольствуясь своей прямой цѣлью, «посѣтители» произвели настоящую ревизію библіотеки, провѣряя порядокъ записей, каталоговъ, пересматривали всѣ книги, роясь по шкафамъ. Ничего «преступнаго» въ библіотекѣ найдено, однако, не было, и отмѣченъ былъ только нѣкоторый внѣшній безпорядокъ въ веденіи библіотечнаго дѣла. Кто уполномочивалъ о. Взорова и исправника находить тотъ безпорядокъ и докладывать о немъ комитету—до сихъ поръ остается тайной. Комитетъ съ своей стороны просилъ губернатора освободить библіотеку отъ наблюдающаго, въ которомъ по новымъ правиламъ о безплатныхъ библіотекахъ она не нуждается, на что имъ полученъ отвѣтъ, что наблюденіе за всѣми народными библіотеками принадлежитъ начальнику губерніи и что по отношенію къ суздальской библіотекѣ онъ, начальникъ губерніи, передаетъ свое полномочіе о. Взорову.

Послѣ такихъ искусниковъ какъ-то неловко останавливаться на волостномъ писарѣ перхушковскаго волостного правленія, Ѳедорѣ Андреевѣ Рыженковѣ, который право ошибаться смѣшалъ съ правомъ клеветать. Конечно, соблюсти границу между этими двумя моментами дѣло тонкое и Рыженковъ самъ погибъ, увлекшись разговорами на «общественныя» темы. Земскій врачъ Д. Я. Дорфъ привлекъ его къ судебной отвѣтственности по обвиненію въ клеветѣ, которая состояла въ слѣдующемъ. Сей Рыженковъ «въ трактирѣ Ежова (цитируемъ жалобу г. Дорфа, приведенную въ «Рус. Словѣ»), въ селѣ Перхушковѣ, въ присутствіи крестьянъ разсказывалъ о пожарѣ, происшедшемъ въ «большой прачечной» въ селѣ Перхушковѣ. Между прочимъ, Рыженковъ передавалъ своимъ слушателямъ, что когда онъ прибѣжалъ на пожаръ, то увидѣлъ, какъ изъ прачечной два студента выносили столъ и ящикъ—принадлежности тайной противоправительственной типографіи. Продолжая разсказъ, Рыженковъ сообщилъ крестьянамъ о томъ, что мнѣ, доктору Дорфу, хорошо извѣстно было о существованіи въ прачечной тайной типографіи, «оттого-то мнѣ и не хотѣлось, чтобы рядомъ съ прачечной строилось волостное правленіе, такъ какъ я боялся, что близость этого правленія помѣшаетъ мнѣ работать прокламаціи». Одновременно съ нимъ Рыженковъ разсказывалъ крестьянамъ, что пожаръ въ прачечной произошелъ отъ поджога и что совершилъ его я, Дорфъ: «уѣхавъ временно изъ села Перхушкова, Дорфъ приказалъ сжечь прачечную съ цѣлью скрыть слѣды своей преступной работы—печатанія прокламацій».

Такъ какъ все указанное Дорфомъ подтвердилось на судѣ, то Рыженковъ былъ приговоренъ къ аресту на 1 мѣсяцъ и 7 дней. Кромѣ того, «слѣдуетъ

считать, прежде всего, доказаннымъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, что Рыженковъ хорошо сознавалъ всю вздорность и лживость своихъ словъ», какъ выразился защитникъ г. Дорфа присяжный повѣренный гр. Татищевъ. Если Рыженковъ не можетъ понять тонкости различенія, между тѣмъ, чтобы «сознательно ошибаться» или «безсознательно лгать», то пусть обратится хотя бы въ «Московскія Вѣдомости», которыя онъ съ такимъ усердіемъ читаетъ. Послѣ того, какъ приговоръ по дѣлу Дорфа былъ объявленъ и, слѣдовательно, извѣстенъ, на другой день въ «Моск. Вѣд.» было напечатано: «Г. Дорфъ *обвиняется* еще въ поджогѣ больничной прачечной села Перхушкова, въ сокрытіи тайной типографіи и подобномъ». «Г. Дорфъ *обвиняется*»,— вотъ высшая школа искусства сознательно ошибаться. Куда же волостному писарю до «Московскихъ Вѣдомостей»!

* *
*

Совсѣмъ особое мѣсто въ рядахъ искусниковъ намутить занимаетъ самарскій полицеймейстеръ, такъ какъ онъ выступилъ противникомъ артельнаго начала. Впрочемъ, это не помѣшало ему произвести должный эффектъ. Для освѣщенія оригинальныхъ пріемовъ самарскаго полицеймейстера мы заимствуемъ подробности изъ сообщенія самарскаго биржевого комитета министру финансовъ, напечатаннаго въ «Руси» (№ 119 и 120).

Къ началу погрузки баржъ въ Самарѣ собирается очень много пришлыхъ рабочихъ, которые вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу изъ-за работы. Счастливцы, нашедшіе работу на грузкѣ, присуждены выдерживать форменную атаку безработныхъ, вооруженныхъ кольями. «Въ прошломъ году при возникновеніи безпорядковъ среди рабочихъ во время погрузки полиція, помимо прямыхъ ея обязанностей,—устраненія безпорядковъ—вмѣшалась и въ организацію способа найма, установила поденную плату за погрузку въ размѣрѣ 2 рублей въ день, выдавала ярлыки каждому рабочему, не соображаясь, способенъ ли онъ исполнить эту работу. Отъ этого происходили такіе случаи: получившій отъ полиціи ярлыкъ перепродавалъ его другимъ, или являлся за разсчетомъ, не работая. Все это вносило въ дѣло неурядицу и задержки, лишнія переплаты. Терпѣли отъ этого хозяева, терпѣли и лучшіе рабочіе, особенно годовыя артели».

Предвидя и въ этомъ году осложненія, самарскіе купцы предложили рабочимъ сорганизоваться въ артели, которыя работали бы поочередно, и, такимъ образомъ, работа была бы предоставлена возможно большему числу чернорабочихъ. Кромѣ того. было постановлено: «Просить г. губернатора принять мѣры къ поддержанію порядка при погрузкѣ, назначить усиленный нарядъ полиціи, поручить полиціи не вмѣшиваться въ способъ организаціи найма рабочихъ грузовладѣльцами, а имѣть только наблюденіе за порядкомъ и не допускать драки и насилій однихъ рабочихъ надъ другими».

Губернаторъ съ доводами купцовъ согласился и предупредилъ полицеймейстера не вмѣшиваться въ способы найма. «Полицеймейстеръ, въ присутствіи купцовъ, настойчиво доказывалъ губернатору, что если не будутъ допущены поденныя работы, то обязательно произойдутъ безпорядки, и говорилъ, что въ этомъ

случаѣ понадобятся войска. Однако, купцы настойчиво требовали, чтобы къ войскамъ ни въ какомъ случаѣ не прибѣгали, заявляя, что они согласны совершенно отказаться отъ работъ, отъ зерна, отъ амбаровъ и баржъ, лишь бы не прибѣгать къ войскамъ».

Въ Вербное воскресенье началась погрузка баржъ. А во вторникъ утромъ на такъ называемой Полицейской площади собралась огромная толпа народа. «Толпа эта состояла изъ сравнительно небольшого процента настоящихъ грузчиковъ. Большинство же ея состояло изъ посторонняго пришлаго люда, привлеченнаго слухами о поденной работѣ и высокой платѣ. Тутъ были портные, сапожники, половые изъ трактировъ, псаломщики. Наканунѣ разсчитались и пришли на площадь конюхи съ завода фонъ-Вакано, чернорабочіе съ крупчатныхъ мельницъ, ломовые извозчики. Въ толпѣ узнавали городовыхъ въ «вольномъ платьѣ», которые, по объясненію полицеймейстера, разсчитались наканунѣ». Весь этотъ народъ, который утверждалъ, что полицеймейстеръ обѣщалъ имъ настоять на поденной платѣ, заставилъ артели прекратить работу. «Никакихъ мѣръ къ охранѣ работы артелей со стороны полиціи принято не было». Негодующіе купцы собрались на биржѣ, и полицеймейстеръ объявилъ имъ, «что рабочіе настаиваютъ на поденной работѣ, что онъ самъ находитъ этотъ способъ найма болѣе удобнымъ».

Купцы отправились жаловаться къ губернатору и доказывали «что способъ, на которомъ настаиваетъ полицеймейстеръ, нисколько не гарантируетъ спокойствія, а напротивъ вызоветъ осложненія еще болѣе значительныя. Купцы просили дать охрану тѣмъ изъ рабочихъ, которые приступятъ къ дѣлу, отстранить полицеймейстера отъ разговоровъ съ рабочими. Затѣмъ купцы заявили, что если будетъ артелей болѣе, чѣмъ нужно по числу грузящихся баржъ, то артели эти могутъ войти въ соглашеніе между собою и чередоваться черезъ баржу, или черезъ день, или даже два раза въ день. Губернаторъ, согласившись съ купцами, однако поручилъ тому же полицеймейстеру переговорить съ рабочими, попросивъ старшинъ комитета оказать полицеймейстеру содѣйствіе. Купцы отправились на биржу, около которой уже собралась многотысячная толпа. Выйдя на подъѣздъ биржи, полицеймейстеръ въ присутствіи купцовъ и рабочихъ объявилъ слѣдующее: «Братцы, биржевой комитетъ ѣздилъ къ губернатору, просилъ его запретить поденную работу». Понятно, какой взрывъ негодованія встрѣтили эти слова какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны купцовъ. Длинная рѣчь полицеймейстера самымъ возбуждающимъ образомъ дѣйствовала на толпу».

Въ концѣ концовъ рабочіе согласились работать артелями, но, какъ выяснилось, они боятся полиціи и «галаховъ», самарскихъ хулигановъ. Губернаторъ обѣщалъ принять зависящія отъ него мѣры для охраны порядка и въ то же время «въ присутствіи купцовъ подтвердилъ полицеймейстеру, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не вмѣшивался въ наемъ, а исключительно принималъ бы мѣры къ охранѣ тѣхъ рабочихъ, которые работу начнутъ». Но удержаться отъ соціальной политики въ наше время никакъ невозможно, и полицеймейстеръ, подобно всякому современному русскому человѣку, чувствуетъ

себя, по опредѣленію Аристотеля, «политическимъ животнымъ». 13-го апрѣля оставшіеся свободными рабочіе, около 50.000 чел., собрались на Полицейской площади, а 1.300 артельныхъ рабочихъ приступили къ нагрузкѣ 18 баржъ. Въ $4^{1}/_{2}$ ч. утра къ толпѣ безработныхъ подъѣхалъ полицеймейстеръ и «неожиданно, повидимому безъ всякой надобности, спросилъ ее, какъ она желаетъ работать, артельно или поденно. Толпа, разумѣется, отвѣтила, что она желаетъ работать поденно». Послѣ этого «вдругъ на берегу появился полицеймейстеръ, прошелъ вдоль баржъ и вездѣ громко приказалъ остановить работы и всѣмъ рабочимъ идти наверхъ». Снова биржевой комитетъ жалуется губернатору и снова вызванный полицеймейстеръ докладываетъ губернатору, «что рабочіе собрались на площади около биржи, настаиваютъ на поденной работѣ, на артельную ни подъ какимъ видомъ не соглашаются, и если не будетъ введена поденная работа, то онъ, полицеймейстеръ, не ручается за цѣлость домовъ и имущества жителей всего города и находитъ возможнымъ продолженіе работъ не иначе, какъ только подъ охраной войскъ. Старшина комитета Батюшковъ повторилъ просьбу купцовъ ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ войскамъ».

Собравшись вечеромъ, биржевой комитетъ рѣшилъ устранить себя отъ посредничества между судохозяевами и рабочими въ виду «независящихъ обстоятельствъ», парализующихъ его работу.

На другой день, однако, посредничество комитета увѣнчалось успѣхомъ, и рабочіе приступили спокойно къ грузкѣ, разбившись на артели. Г. Полицеймейстеръ, какъ сообщаетъ «Сам. Газ.», уѣхалъ въ отпускъ...

* * *

Интенсивное соединеніе въ общественныя группы, даже чисто механическія, вызываетъ, какъ мы видѣли, моментальное появленіе двухъ эпидемій, эпидеміи травматическихъ поврежденій, съ одной стороны и эпидемію провокаціи съ другой. И въ томъ и въ другомъ случаѣ происходитъ смута, замѣшательство. И, дѣйствительно, теперь рѣдко можно встрѣтить человѣка, у котораго не былъ бы «смятенный» голосъ. Все въ этой жизни перепуталось. Но зато особенно рѣзко раздаются слова «порядка», утверждающія, что всѣ неурядицы происходятъ оттого, что никто своимъ дѣломъ не занимается. Рабочіе, молъ, недовольствуются дозволенными разсужденіями о рабочемъ вопросѣ, а изслѣдуютъ и «постороннія» вещи; крестьяне говорятъ якобы не только о своихъ нуждахъ, но и о чужихъ; городское же населеніе, вообще, занимается только тѣмъ, что говоритъ о рабочемъ и крестьянскомъ вопросѣ, т. е. о чемъ-то совсѣмъ ужъ «постороннемъ» и до него не касающемся. Что же касается національныхъ отношеній, то тутъ полная неразбериха, и «жиды, армяне и поляки» большіе мастера исключительно на русскую смуту. Словомъ, каждый не у своихъ дѣлъ. А «порядокъ», очевидно, и состоитъ въ томъ, чтобы каждый занимался только своимъ дѣломъ.

Всѣ такія разсужденія, можетъ быть, и имѣли бы цѣну, если бы они хоть отчасти оправдывались на практикѣ. «Эпидемическій» характеръ упорядочивающихъ мѣръ врядъ ли служитъ соотвѣтствующимъ практическимъ примѣромъ упомянутой теоріи. Если порядокъ вводится мѣрами, усиливаю-

щими безпорядокъ, то врядъ ли это способствуетъ увеличенію авторитетности голосовъ «порядка». Между тѣмъ безпрестанное вмѣшательство въ чужіе интересы,—въ скрытой ли формѣ провокаціи или въ грубо-откровенной,—есть прежде всего безпорядокъ и воспринимается только, какъ безпорядокъ. И ждать послѣ этого всеобщаго успокоенія весьма наивно.

Могутъ отвѣтить, что и въ безпорядкѣ есть порядокъ. Но жизнь преподноситъ каждый день такіе факты, которые окончательно устраняютъ возможность утѣшаться этимъ своеобразнымъ порядкомъ. Напр., что казалось до сихъ поръ болѣе прочнымъ, болѣе замкнутымъ въ сознаніи *своихъ* дѣлъ и обязанностей, чѣмъ духовное сословіе? Однако, и тутъ новыя времена пробили брешь для вмѣшательства со стороны. И вмѣшательство то произведено не крупной силой, а совсѣмъ незначительнымъ рыбинскимъ исправникомъ. Въ увѣренности, что исполняетъ «нравственный долгъ гражданина и пастыря церкви», священникъ Александръ Ливановъ сказалъ въ церкви села Александровской Пустыни Рыбинскаго уѣзда «рѣчь о настоящей бѣдственной войнѣ». Очевидно, о. Ливановъ увѣровалъ въ то, что занимаясь своимъ дѣломъ, онъ способствуетъ порядку. Но «свое дѣло», столь благонадежное въ теоріи, на практикѣ теряетъ всѣ признаки «своего» и, благодаря смутѣ, превращается въ «постороннее». «Исправникъ, г. Воржскій,—жалуется свящ. Ливановъ на столбцахъ «Сына Отеч.», до котораго путемъ доноса дошла вѣсть объ этой рѣчи,—со становымъ приставомъ и урядникомъ пріѣхалъ въ село Александрову Пустынь и обратился съ разспросами объ этой, встревожившей его бдительное и недреманное полицейское сердце, рѣчи православнаго священника».

Допрашивая нѣсколькихъ лицъ въ волостномъ правленіи, г. Воржскій задавалъ каждому порознь вопросы: «Была ли моя рѣчь въ цензурѣ, какое я указывалъ въ своей рѣчи назначеніе милліонамъ, погубленнымъ чрезъ войну и служилъ ли въ этотъ день молебенъ?». Какое вынесъ г. исправникъ Воржскій убѣжденіе изъ своего дознанія, мнѣ неизвѣстно, но только вскорѣ послѣ его отъѣзда я сталъ замѣчать въ числѣ богомольцевъ въ своемъ храмѣ новое, до того времени невиданное здѣсь лицо: полицейскаго урядника. Походилъ на нѣсколько службъ—и бросилъ». Вѣроятно, это было единственный разъ въ жизни стараго священника, когда онъ остался недоволенъ тѣмъ, что «своимъ дѣломъ» вызвалъ молитвенное настроеніе урядника. На свой запросъ исправнику свящ. Ливановъ получилъ отвѣтъ, что «копіи протоколовъ негласнаго дознанія, производимаго чинами полиціи, не могутъ быть выданы заинтересованнымъ лицамъ, а потому и моя просьба остается безъ удовлетворенія». Смущенный всѣмъ этимъ происшествіемъ, Ливановъ заканчиваетъ свое письмо уже довольно робкой исповѣдью теоріи «своего дѣла»: «Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ думается, что пастырская дѣятельность проповѣдниковъ-священниковъ не подлежитъ вѣдѣнію полиціи. У насъ есть свое начальство, оно—въ лицѣ благочиннаго—даже отмѣчаетъ намъ, клирикамъ, и поведеніе въ клировыхъ вѣдомостяхъ, придерживаясь пяти-балльной системы. У полиціи масса своихъ прямыхъ обязанностей, напр., сколько развелось въ послѣднее время у насъ церковныхъ кражъ—и ни одна изъ нихъ не была разы-

скана; дороги у насъ ужасныя—и дѣятельность г. исправника Воржскаго въ этомъ направленіи не обнаруживается ничѣмъ».

Итакъ, даже своя собственная пятибалльная система не спасаетъ отъ вторженія чуждыхъ элементовъ. А, вѣдь, кажется, чего лучше: у человѣка не только свое дѣло, но и свое поведеніе. У исправника въ свою очередь свои кражи, свои дороги; но оказывается вдругъ, что ему подлежатъ проповѣди, молебны и сама пятибалльная система...

Это сверхестественная путаница, которая нынѣ вездѣ господствуетъ, такъ смущаетъ даже привычныхъ людей, что подъ ея вліяніемъ они впадаютъ въ нѣкоторый экстазъ и не то приказы пишутъ, не то пророчествуютъ. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, производитъ приказъ земскаго начальника генералъ-маіора С. Цурикова *).

Видя лицъ разнаго званія не у своихъ дѣлъ, а, совсѣмъ напротивъ, съ превеликимъ удовольствіемъ занимающихся посторонними дѣлами и даже совсѣмъ ничѣмъ не занятыхъ, сей генералъ-маіоръ сказалъ въ сердцѣ своемъ:

— Это все дьяволъ.

И сказавъ такъ, выступилъ, ни мало не медля, съ дьяволомъ въ бой, отнюдь не удаляясь за предѣлы своего 1-го участка, дабы не впасть въ дьявольскія сѣти другого района. Поразмысливъ, что врагъ коваренъ и прельщаетъ многими образами неопытныхъ, генералъ-маіоръ Цуриковъ предварительно составилъ диспозицію, въ которой раскрылъ дьявольскія прелести:

«Напоминаю моимъ младшимъ братьямъ и подчиненнымъ, что сила дьявола велика: онъ дерзалъ даже искусить въ пустынѣ Самаго Господа Нашего Іисуса Христа; чтеніе житія Святыхъ Отцовъ также подтверждаетъ, что и ихъ дьяволъ постоянно покушался соблазнить, принимая на себя разные образы, и ввести въ грѣхъ; но тотъ будетъ спасенъ о Христѣ, кто претерпитъ до конца и не поддастся искушенію дьявола. Также точно и теперь, злой человѣкъ, по внушенію дьявола, принимая обличіе мнимыхъ богомольцевъ, странниковъ, разнощиковъ, торговцевъ разными товарами, книгами, картинами и т. п. или даже въ видѣ офицера или генерала, являются, чтобы смутить вѣрныхъ сыновъ церкви, Царя и отечества, смутить тѣмъ, что кому больше нравится; такъ учениковъ—не учиться, учителей—не учить, рабочихъ—не работать, крестьянъ—виномъ, босяковъ и дурныхъ людей—грабежомъ; въ обликѣ женщины, матери и отцовъ, появились даже такіе люди, которые своихъ собственныхъ дѣтей учатъ противъ Бога и Царя. Такихъ людей, отнюдь не выслушивая ихъ, дьяволомъ навожденныхъ рѣчей, слѣдуетъ немедленно арестовывать и передавать въ распоряженіе полиціи».

Приведя, такимъ образомъ, ввѣренный ему участокъ въ боевую готовность, сей бьющійся съ дьяволомъ генералъ-маіоръ, несмотря на экстазъ, сообразилъ, что, пожалуй, этакъ весь участокъ до послѣдняго мальчишки въ недолгое время будетъ заарестованъ. А, можетъ быть, и онъ, генералъ-маіоръ, прельстивъ чьи-нибудь взоры, будетъ схваченъ, какъ дьяволъ и смутьянъ, даже не бу-

*) „Орл. В.“, № 100, корресп. изъ Карачева.

детъ выслушанъ. На сей конецъ генералъ-маіоръ Цуриковъ преподаетъ «добрый совѣтъ»: «Если у кого изъ васъ западетъ въ душу сомнѣніе, какъ надо поступить при какомъ-либо задуманномъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ обратись къ своему приходскому священнику, или къ отцу Модесту, или, наконецъ, къ отцу архимандриту Одрина монастыря и спроси, какъ повелѣваетъ поступить законъ Божій и заповѣди Его. За разъясненіемъ закона Царскаго обращаться ко мнѣ. Я вашъ отвѣтчикъ, никто больше, я все разъясню и объясню».

Но не считая себя еще достаточно обезпеченнымъ отъ опасности, ибо въ 1-мъ участкѣ найдется не мало «вѣрныхъ сыновъ», которыхъ ревность такъ велика, что никакое сомнѣніе не западетъ въ ихъ душу, и въ похвальномъ заблужденіи съ генералъ-маіоромъ будетъ поступлено, какъ съ дьяволомъ, а дьяволъ почтенъ, какъ генералъ-маіоръ,—принявъ все это въ расчетъ, сей заварившій дьявольскую кашу генералъ-маіоръ Цуриковъ рѣшилъ обезопасить себя повѣрнѣе. Ничуть не поступившись дерзостной, но благой цѣлью схватить дьявола въ своемъ участкѣ, онъ придумалъ и начертилъ въ своемъ приказѣ слѣдующій законъ для «вѣрныхъ сыновъ».

«Кромѣ закона Божія и закона Царскаго есть еще законъ, который каждый изъ насъ получаетъ въ даръ при Священномъ крещеніи: «Печать дара Духа Святаго» говоритъ священникъ, помазуя миромъ младенца. Этотъ законъ повелѣваетъ нашему сердцу жить по совѣсти, т.-е. жить такъ, чтобы о всѣхъ своихъ поступкахъ можно было бы говорить прямо не стыдясь, такъ, напр., ты пришелъ съ работы или изъ церкви и это свое дѣйствіе говоришь прямо при всѣхъ, другое дѣло: если ты пришелъ съ воровского дѣла или еще съ какого-нибудь дурнаго дѣла, ты громко говорить не станешь, будешь бояться, а сердце тебѣ будетъ подсказывать, что ты сдѣлалъ дѣло нечистое, нехорошее. Это судъ совѣсти. Слѣдовательно, надо такъ жить, чтобы всѣ свои дѣла можно было не только на духу сказать, но все можно было бы говорить не стѣсняясь громогласно, при всемъ честномъ народѣ».

Отнынѣ въ участкѣ бьющагося съ дьяволомъ генералъ-маіора будетъ ежеминутно слышаться громогласный вопль «вѣрныхъ сыновъ» о своихъ дѣлахъ. И громче всѣхъ, надо полагать, будетъ раздаваться генеральскій голосъ, безпрерывно исповѣдующійся предъ «младшими братьями». А дьяволъ будетъ посрамленъ. Ибо что же ему дѣлать, если каждый, глядя прямо передъ собой, хладнокровно, ничего не опасаясь, оретъ на весь 1-й участокъ, что онъ идетъ съ работы? Конечно, у кого совѣсти нѣтъ, тотъ тоже будетъ орать и, можетъ быть, еще хладнокровнѣе. Но... впрочемъ, этого генералъ-маіоръ не предусмотрѣлъ, а только пригрозивши всѣмъ висѣлицей и вѣчными муками, закончилъ свой замѣчательный приказъ такими словами: «Кто съ нами, за того и Богъ—отецъ нашъ небесный, и Царь—отецъ земной, кто противъ насъ, тотъ и противъ Бога—отца небеснаго и противъ Царя—отца земнаго. Приказъ этотъ должны прочитать крестьянамъ во всѣхъ селахъ, деревняхъ, поселкахъ волостные писаря въ присутствіи волостного старшины, а отъ землевладѣльцевъ и приходскаго священника, отобрать подписку о врученіи имъ сего приказа, дабы впослѣдствіи не было отговорокъ о незнаніи и непредупрежденіи,

что отступившихъ отъ Бога и измѣнниковъ Царя и родины надо ловить и представлять начальству. Земскій начальникъ 1-го участка генералъ-маіоръ С. Цуриковъ».

Вдумываясь въ эту почти библейскую борьбу, затрудняешься рѣшить, кѣмъ пріятнѣе и спокойнѣе быть въ участкѣ генералъ-маіора С. Цурикова: дьяволомъ, «вѣрнымъ сыномъ» или же самимъ генералъ-маіоромъ?..

* * *

Этотъ обзоръ всероссійской путаницы съ порождаемою ею необходимостью для «бѣдныхъ сыновъ» обезопасить себя какимъ-нибудь благонадежнымъ въ глазахъ начальства признакомъ мы закончимъ маленькимъ курьезомъ. Въ безпомощной борьбѣ съ безпорядкомъ генералъ-маіоръ Цуриковъ нашелъ, казалось ему, вѣрный критерій для того, чтобы узнать настроеніе всякаго своего подчиненнаго: если «вѣрный сынъ» вопитъ о своихъ дѣлахъ, значитъ, доволенъ существующимъ порядкомъ. Но подоплекой этого вопля генералъ-маіоръ все же считалъ чистую совѣсть, въ нѣкоторомъ родѣ, вещь. Въ Ростовѣ же на-Дону «вѣрные сыны» еще проще устроились.

Нѣкій прис. пов. и бывшій гласный В. К. Севастьяновъ разослалъ приглашенія нѣкоторымъ ростовцамъ пожаловать въ городской кредитный банкъ «для обсужденія вопроса о государственной реформѣ». Сошлись 40 чел. и, прежде всего, избрали г. Севастьянова предсѣдателемъ. «Г. Севастьяновъ, разсказываетъ корреспондентъ «Сына Отечества» (№ 68), предложилъ собравшимся примкнуть къ такъ называемой «самаринской» партіи; онъ отказался изложить подробную программу партіи, но указалъ, что главные три пункта ея— слѣдующіе: 1) непремѣнно сохраненіе самодержавія; 2) законо-совѣщательное собраніе представителей губернскихъ земствъ и крупныхъ городовъ; 3) охрана русскихъ отъ инородцевъ: «жидовъ, армянъ, поляковъ» и т. п. По мнѣнію г. Севастьянова необходима также борьба съ внутреннимъ врагомъ и крамолой. Собраніе закончилось при крикахъ «ура», причемъ въ знакъ единства членовъ новой партіи они обмѣнялись букетиками ландышей, которые, по увѣренію г. Севастьянова, являются въ данный моментъ наиболѣе любимымъ цвѣткомъ въ высшихъ сферахъ и символомъ благонадежности».

Такимъ образомъ, ландышъ нынче очень помогаетъ, по мнѣнію г. Севастьянова, одинъ ландышъ и даже безъ программы, которую прис. пов. отказался изложить. И, дѣйствительно, собраніе этихъ вооруженныхъ ландышами партійныхъ товарищей охранялось нарядомъ полиціи снаружи, и внутри городскимъ головой Горбачевымъ, который, «какъ хозяинъ зданія», не допустилъ «политическихъ» рѣчей. Какъ видимъ, ростовская «еще» партія такого же рода, какъ и много другихъ, появившихся въ весеннее время расцвѣта ландышей. Но только она одна пренебрегла всякими программами, а организовалась въ силу самой сути этого движенія, т.-е. ради громогласно объявляемой для свѣдѣнія начальства политической невинности и вытекающей отсюда привилегіи. Само собою, что ландышъ обязываетъ, и въ засѣданіи финансовой коммиссіи г. Севастьяновъ «набросился на гласнаго Леонтьева, желавшаго менѣе

бюрократическаго устройства проектируемой фельдшерской школы,—съ криками: «Соціалистъ! вонъ отсюда!»

Эта исторія о томъ, какъ въ Ростовѣ-на-Дону спасаются отъ дьявольскихъ козней ландышами, по своей наивно-сквозящей морали весьма напоминаетъ одну старую басню. Г. Севастьяновъ, вѣроятно, много и усердно штудировалъ Кузьму Пруткова и воспользовался его басней «Незабудки и запятки», какъ кладеземъ политической мудрости. А мудрость сія заключается въ слѣдующемъ. Нѣкій Пахомычъ, трясясь на запяткахъ, везъ съ собою пукъ незабудокъ. Натеревъ отъ всего этого мозоли на пяткахъ, онъ лечилъ ихъ камфорой. Мораль: читатель! отбрось незабудки, «здѣсь помѣщенныя для шутки», и лечи свои мозоли камфорой.

Что г. Севастьяновъ все время трясется на запяткахъ нашей скачущей общественной жизни, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Тотъ же корреспондентъ «Сына От.» передаетъ, что «этотъ самый Севастьяновъ на банкетѣ 5-го декабря говорилъ со слезами на глазахъ и съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ рѣчь о прелестяхъ болгарской конституціи и о желательности конституціи для Россіи».

Ну, а теперь онъ организуетъ партіи... Очевидно, эта тряска неблагопріятно подѣйствовало на г. Севастьянова. Но, украшенный пукомъ ландышей, онъ въ этомъ не сознается, и только дома пользуется тайной и благотворной моралью, которой пока никому не открываетъ. Пока онъ кричитъ всѣмъ о ландышахъ, но самъ, конечно, понимаетъ, что это только шутки, а вся суть въ благодѣтельной «камфорѣ». Что это за «камфора», которая охраняетъ г. Севастьянова, подобно спеціальному наряду полиціи, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній...

Да устоитъ и впредь г. Севастьяновъ на своихъ запяткахъ!

I. Ларскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ Англіи.—Недоѣдающія дѣти.—Японская администрація въ Кореѣ.—Критское возстаніе.—Делькассе и націоналисты.—Положеніе католической церкви во Франціи.—Побѣда сумасшедшаго муллы.—Венгерскія дѣла.—Рѣчи императора Вильгельма.—Японское войско.—Германскій законопроектъ о палатахъ труда.—Избирательныя права женщины.

Англійскія партійныя отношенія такъ запутаны въ данный моментъ, что врядъ ли возможна какая-нибудь опредѣленная политика. Эта запутанность и позволяетъ Бальфуру держаться, и даже нѣкоторые предсказываютъ, что его кабинетъ продержится еще годъ, такъ какъ либераламъ никакъ не удается сосредоточиться и они прибѣгаютъ къ политикѣ выжиданія. Въ открытой парламентской борьбѣ противникамъ Бальфура ни разу не удавалось нанести ему рѣшительное пораженіе. Да это и трудно было, благодаря особенной тактикѣ Бальфура. Стоило только оппозиціи внести какую нибудь резолюцію въ пользу свободы торговли, какъ тотчасъ же, вся правительственная партія, на-

перекоръ вѣковымъ парламентскимъ обычаямъ, выходила изъ залы, предоставляя радикаламъ вносить и принимать какія угодно предложенія. Въ вопросахъ же непосредственной важности для кабинета, министерское большинство всегда находится на мѣстѣ, такъ что во всемъ, что касалось военнаго и морского бюджета, внѣшней политики и т. д., критика оппозиціи не причиняла Бальфуру особеннаго вреда.

Розберри счелъ нужнымъ снова выступить въ качествѣ вождя либераловъ и многіе уже видятъ въ немъ будущаго премьера. Въ вопросахъ экономической политики Розберри ограничивался до сихъ поръ одними ироническими замѣчаніями по адресу чэмберленовскихъ идей, не вступая съ ними въ полемику по существу. Но, во всякомъ случаѣ, полемика Розбери, имѣетъ въ виду только протекціонистскую часть бирмингэмской программы, не трогая имперіалистской, такъ какъ Розберри, который всегда былъ имперіалистомъ, и теперь продолжаетъ выдвигать на первый планъ отношенія къ колоніямъ. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще одинъ рѣшительный шагъ, отрекшись окончательно отъ гомрулерской программы и заявляя себя солидарнымъ со стараніемъ бальфуровскаго правительства удовлетворить Ирландію при помощи широкихъ органическихъ мѣропріятій, сохраняя въ то же время единство имперіи. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи у Розберри есть много единомышленниковъ въ либеральной партіи, хотя не всѣ рѣшаются открыто заявлять это. Такъ, нѣсколько времени тому назадъ уніонисты обратились къ радикаламъ съ прямымъ вопросомъ, учредятъ ли они отдѣльный парламентъ въ Ирландіи, если станутъ господствующей партіей? Хотя вопросъ и былъ поставленъ прямо, но отвѣты были даны самые уклончивые, а на другой же день въ радикальной газетѣ «Daily Chronicle» была напечатана слѣдующая замѣтка: «Даже если бы либеральная партія захотѣла этого, ей все-таки не удалось бы провести въ будущемъ парламентѣ законопроэктъ объ учрежденіи гомрулерскаго парламента въ Дублинѣ. Но во всякомъ случаѣ, либеральная партія употребитъ всѣ старанія, чтобы управлять Ирландіей согласно ирландскимъ идеямъ». Однако можно быть увѣреннымъ, что если либералы станутъ на такую точку зрѣнія, то имъ придется, въ будущемъ парламентѣ обходиться безъ ирландскихъ представителей и тогда имъ волей-неволей нужно будетъ приблизиться къ уніонистской программѣ, для того, чтобы не ослабить окончательно своей партіи въ парламентѣ. Все это заставляетъ предполагать, что никакой рѣшительной перемѣны въ направленіи англійской политики не будетъ.

Усиленная агитація въ англійской печати и въ парламентѣ, организованная соціалистами, добивающимися кормленія на общественный счетъ такъ называемыхъ «недоѣдающихъ» (underfed) дѣтей въ школахъ, увѣнчалась успѣхомъ. Джеральдъ Бальфуръ, президентъ «Local Government Board» обратился съ циркуляромъ къ мѣстнымъ попечительствамъ съ предложеніемъ позаботиться о пропитаніи такихъ дѣтей, которыя, по указанію школьнаго начальства, питаются недостаточно. Мѣстное попечительство о бѣдныхъ должно всякій разъ удостовѣриться, не лежитъ ли вина на родителяхъ въ томъ, что дѣти ихъ голодаютъ, т.-е. не есть ли причины недоѣданія—скупость родителей? Въ слу-

чаѣ бѣдности дѣти, безъ всякихъ оговорокъ, прокармливаются на общественный счетъ, но власти точно также берутъ ихъ на свое попеченіе, если родители, по небрежности или скупости не кормятъ своихъ дѣтей, но только въ послѣднемъ случаѣ родителямъ представляется счетъ и если они не уплатятъ этого долга, то ихъ преслѣдуютъ судомъ. Точно также, если въ теченіе шести мѣсяцевъ, ребенокъ во второй разъ попадаетъ въ разрядъ недоѣдающихъ дѣтей, то противъ его отца опять-таки возбуждается судебное преслѣдованіе. По статистическимъ даннымъ такихъ «недоѣдающихъ» дѣтей въ Англіи около милліона и давно уже въ печати поднимаются голоса о необходимости принять мѣры противъ этого зла, грозящаго вырожденіемъ націи. Само собою разумѣется, что и обученіе въ школахъ сильно страдаетъ отъ такого хроническаго недоѣданія, такъ какъ голодныя дѣти не въ состояніи воспользоваться тѣмъ, что даетъ имъ школа. Съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія этого вопроса въ настоящее время избранъ комитетъ, который и займется болѣе подробною разработкою мѣръ борьбы съ голоданіемъ школьныхъ дѣтей.

Англійскія газеты занимаются обсужденіемъ положенія дѣла въ Японіи и Кореѣ. Корреспонденты, ѣздившіе въ Корею, описываютъ успѣхи, достигнутые тамъ японцами. Несмотря на войну, дѣятельность японцевъ въ Кореѣ не прекращалась. «Times» говоритъ, что Японія дѣлаетъ въ Кореѣ тоже самое, что дѣлаетъ Англія въ Египтѣ, съ тою разницей, что у Англіи руки связаны, тогда какъ Японію ничто не стѣсняетъ и поэтому она въ короткое время могла достигнуть большихъ успѣховъ. Желѣзная дорога проходитъ теперь по всей длинѣ Кореѣ, отъ Фузана къ Ялу; постройка ея окончена, за исключеніемъ моста черезъ Анжу. Солидно выстроенная на протяженіи 276 миль желѣзная дорога Сеулъ—Фузанъ уже теперь покрываетъ свои расходы; рельсовый же путь Сеулъ—Ялу, въ 300 миль длиной, былъ выстроенъ исключительно японскими военными въ теченіе 12 мѣсяцевъ. Теперь строится боковая вѣтвь къ Мозанпо и другая, пересѣкающая всю страну, къ Гензану. Въ Фузанѣ и Чемульпо устроены гавани, поставлены маяки, вездѣ учреждается почта, телеграфы, словомъ, работа кипитъ, и пока льются потоки крови на поляхъ Манчжуріи, Корея превращается въ цивилизованную страну. Корейская полиція замѣнена уже вездѣ японскою, что много способствуетъ водворенію общественной безопасности. Народъ, повидимому, доволенъ, такъ какъ онъ избавленъ отъ насилій и всякаго рода притѣсненій и поборовъ, подати собираются уже не мѣстными сборщиками, а государственнымъ банкомъ. Вообще японцы не останавливаются передъ реформами въ Кореѣ и собираются даже преобразовать монетную систему и реорганизовать національные финансы. Уже около шестидесяти тысячъ японцевъ поселились въ Кореѣ и число это, какъ говорятъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Японцы твердыми шагами подвигаются къ подчиненію Кореи своему вліянію, но такъ какъ управленіе страной значительно улучшилось теперь, то недовольныхъ новыми порядками, утвердившимися въ Кореѣ, надо искать только среди приближенныхъ императора да всякаго рода придворныхъ паразитовъ, для которыхъ кончается золотое время безконтрольнаго хозяйничанья въ странѣ.

Въ послѣднее время, какъ въ англійскихъ, такъ и другихъ газетахъ, высказывались нѣкоторыми авторами предноложенія, что по окончаніи войны Японія можетъ заключить дружескій союзъ съ Россіей, сознавая тѣ практическія выгоды, которыя можетъ доставить ей подобное соглашеніе. Въ виду того, что конецъ войны многими считается уже близкимъ, эта идея возможнаго сближенія Россіи и Японіи въ будущемъ вызываетъ оживленные толки. Но, по мнѣнію такихъ органовъ, какъ «Times», совершенно невѣрно высказываемое предположеніе, будто Россія и Японія, какъ двѣ восточныя державы, обладаютъ одинаковыми симпатіями и антипатіями, а главное—стремленіемъ къ исключенію западнаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ и закрытію въ него доступа западному міру. Японія равно ничѣмъ не высказываетъ своего желанія усвоить себѣ принципы, руководящіе русскою политикой, и вообще между нею и Россіей существуетъ теперь такая же пропасть, какая существовала раньше между Японіей и цивилизованными государствами запада. Въ Россіи таятся огромныя силы, но онѣ скованы крѣпкими цѣпями и пока существуютъ эти цѣпи, ни западнымъ, ни восточнымъ державамъ нечего бояться ея мощи, которая можетъ развернуться во всю ширь только при коренномъ измѣненіи условій ея теперешняго существованія. Въ настоящее же время—это великанъ, члены котораго парализованы и ему нужно употребить страшное, неимовѣрное усиліе, чтобы стряхнуть свое вѣковое оцѣпенѣніе.

Положеніе дѣлъ на островѣ Критѣ все больше и больше запутывается. Критское собраніе представителей, выслушавъ рѣчь принца Георга, полную увѣщаній и призыва къ порядку и умѣренности, наперекоръ всему вотировала резолюцію, провозгласившую присоединеніе Крита къ Греціи, послѣ чего депутаты присягнули греческой конституціи. Европейскія державы-покровительницы были поражены такою дерзостью критянъ. Вѣдь впродолженіи уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ газеты, инспирируемыя европейскими дипломатическими вѣдомствами, усердно старались доказать, что вся эта кампанія на островѣ Критѣ носитъ чисто искусственный характеръ, что раньше она имѣла только цѣлью избавить островъ отъ турецкаго господства, но теперь, когда введена автономія, она лишилась своего главнаго аргумента. Голосованіе критскаго собранія служитъ, впрочемъ, краснорѣчивымъ отвѣтомъ на всѣ эти оффиціозныя завѣренія, не нуждающимся ни въ какихъ комментаріяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ бросить взглядъ на исторію Крита, чтобы убѣдиться въ этомъ: всѣ возстанія на островѣ Критѣ всегда поддерживались отъ Аѳинъ и всѣ они прикрывались греческимъ флагомъ.

Въ 1822 г. критяне послали своихъ представителей въ греческую палату, добровольно выразивъ желаніе присоединиться къ нарождающемуся государству. Но въ 1830 г. европейская дипломатія, проникнутая идеями священнаго союза, не допускавшаго самоопредѣленія народовъ, отдаетъ Критъ Египту. Критяне тотчасъ же заявили единодушный протестъ и провозгласили «нерасторжимый и вѣчный союзъ съ Греціей», съ которой они вмѣстѣ сражались и составляютъ единую націю, которая должна оставаться нераздѣльной. Этотъ

горячій протестъ и напоминаніе объ общей борьбѣ, которая велась съ Греціей, повторяется во всѣ послѣдующіе годы, въ 1856, 1866, 1878 и 1889 гг. Но приговоръ европейскихъ державъ остается тотъ же, и державы заставляютъ критянъ признавать надъ собою главенство то египетскаго паши, то непосредственно турецкаго султана. А между тѣмъ всякое возстаніе на Критѣ неминуемо ведетъ за собою народное движеніе въ Греціи. Теперь замѣчается то же самое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что греческое правительство, также какъ и извѣстная часть греческаго общественнаго мнѣнія, опасается какихъ-либо бурныхъ событій на Критѣ, которыя могутъ скомпрометировать будущее. Но еще больше боятся того, что успѣхи эллинизма на Критѣ могутъ подѣйствовать поощряющимъ образомъ на усиленіе славянскихъ притязаній въ Македоніи, поэтому-то греческое правительство рекомендуетъ терпѣніе; но Критъ не хочетъ слушать совѣтовъ благоразумія, и волей-неволей европейскимъ державамъ придется заняться вопросомъ, рѣшеніе котораго они надѣялись оттянуть разными полумѣрами и давленіемъ своего военнаго авторитета. Въ настоящее время державы-покровительницы стараются при помощи своихъ отрядовъ возстановить порядокъ на островѣ и достигнуть соглашенія между критскимъ народомъ и принцемъ Георгомъ, но врядъ ли эти усилія увѣнчаются успѣхомъ. Большинство критскаго народа, уладивъ свои партійныя разногласія, объединилось теперь подъ знаменемъ одной общей идеи, между тѣмъ какъ принцъ Георгъ, ставъ на сторону противниковъ этой идеи, окончательно потерялъ свое вліяніе даже на тѣхъ политиковъ, которые до сихъ поръ не были настроены враждебно противъ него. Попытки соглашенія затрудняются еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что вождь критскихъ повстанцевъ, Венизелосъ, на время отодвинувшій на задній планъ свою личную непріязнь къ принцу, теперь снова возобновилъ свои нападки на него. Въ разговорѣ съ корреспондентомъ одной аѳинской газеты онъ сказалъ: «Главное препятствіе къ осуществленію уніи съ Греціей—это принцъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы онъ не желалъ уніи. Нѣтъ, онъ желаетъ ее, но только онъ хочетъ, чтобы она носила личный и династическій характеръ. Поэтому, онъ старается о томъ, чтобы державы превратили Критъ въ феодальное владѣніе, чтобы на Критѣ былъ учрежденъ вице-королевскій тронъ и онъ былъ бы сдѣланъ вице-королемъ. Ему надоѣлъ его титулъ верховнаго коммиссара и онъ желаетъ получить титулъ вице-короля. Четыре года тому назадъ онъ самъ мнѣ открылъ этотъ планъ и я тогда же возсталъ противъ него, отъ этого и произошелъ между нами полный разрывъ. Тогда еще принцъ мнѣ сказалъ, что онъ вовсе не желаетъ быть на Критѣ только представителемъ греческаго правительства. Онъ хочетъ быть королемъ, а вовсе не подвластнымъ Дельяниса или Теоклокиса, греческихъ министровъ-президентовъ!» По словамъ Венизелоса, критскіе повстанцы не хотятъ проливать братской крови, они не будутъ стрѣлять въ солдатъ, но будутъ до послѣдней возможности продолжать свое пассивное сопротивленіе, однако, дѣла могутъ принять такой оборотъ, что Греціи волей-неволей придется занять опредѣленное положеніе, а державамъ-покровительницамъ Крита придется рѣшить вопросъ, поставленный ребромъ.

*

Въ такомъ же положеніи онѣ могутъ оказаться и относительно Македоніи, гдѣ, несмотря на всѣ оффиціозныя увѣренія, можно все-таки ожидать возобновленія возстанія, тѣмъ болѣе, что Турція, несомнѣнно, переживаетъ кризисъ. На Критѣ, въ Македоніи, въ Іеменѣ, въ Азіи и въ Европѣ, вездѣ колеблется зданіе турецкой администраціи, фундаментомъ которой служилъ произволъ, и если не будетъ произведено быстрыхъ и рѣшительныхъ реформъ, то зданіе это рушится и увлечетъ въ своемъ паденіи всю страну.

Мароккскій вопросъ вступилъ въ новый фазисъ—дипломатическихъ переговоровъ, происходящихъ въ самомъ Фецѣ. Вслѣдъ за французскимъ посольствомъ туда послѣдовало германское, затѣмъ англійское и испанское, словомъ, образуется нѣчто, напоминающее дипломатическую конференцію въ Пекинѣ, во времена боксерскаго возстанія. Шумъ, вызванный марокскимъ конфликтомъ, также какъ и сенсація, произведенная въ европейской печати желаніемъ Делькассе покинуть свой постъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, мало-по-малу уступили мѣсто болѣе спокойному обсужденію марокскаго вопроса, тѣмъ болѣе, что Делькассе взялъ назадъ свою отставку *). Любопытно, что противъ Делькассе выступила на этотъ разъ вся націоналистская, клерикальная и монархическая пресса. Всѣ въ одинъ голосъ обрушились на Делькассе, неожиданно взявъ на себя защиту германскихъ интересовъ. По поводу этой защиты «Frankfurt. Zeit.» говоритъ: «Въ самомъ дѣлѣ, надо быть фанатическимъ нѣмецкимъ націоналистомъ, чтобы серьезно отнестись къ голосамъ, раздающимся изъ этого лагеря. Во Франціи они никого не обманываютъ». Дѣйствительно, во Франціи понимаютъ, что вылазками противъ Делькассе, политика котораго и личныя симпатіи къ русскому правительству всегда встрѣчали сочувствіе въ лагерѣ націоналистовъ, руководила въ данномъ случаѣ ненависть къ Англіи и надежда свалить антиклерикальное министерство. Умѣренные республиканцы также были недовольны Делькассе за его отношеніе къ Ватикану и подчиненіе политикѣ Комба, словомъ, защитникомъ Делькассе явился на этотъ разъ только Жоресъ, который очень старался о томъ, чтобы не состоялась отставка Делькассе и, главное, чтобы не поколебалось положеніе французскаго правительства по отношенію къ Германіи. Однако, марокскій инцидентъ доказываетъ все-таки, что время для искренняго соглашенія между Германіей и Франціей еще не наступило.

Обсужденіе законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государтва медленно, но вѣрно подвигается впередъ, и всѣ попытки затянуть это обсужденіе неизмѣнно отклоняются значительнымъ большинствомъ. Чѣмъ ближе къ рѣшенію, тѣмъ явственнѣе становится смятеніе въ клерекальномъ лагерѣ, тѣмъ болѣе, что либеральная часть французскаго духовенства желаетъ этой реформы и, какъ выразился одинъ французскій священникъ въ журналѣ «Chrétien franҫais»—«во многихъ приходахъ молятся, чтобы эта реформа скорѣе соверши-

---

*) Теперь его отставка уже совершившійся фактъ.

лась. Такія молитвы въ тиши пастарскихъ домовъ краснорѣчивѣе всякихъ пастырскихъ посланій и папскихъ аллокуцій».

Такія надежды высказываются многими духовными авторами. Обсуждается также и вопросъ о степени религіозности во Франціи, причемъ получается единодушный отвѣтъ, что религіозность эта очень не велика. Церковное вліяніе распространяется лишь на сравнительно ограниченный кругъ, и широкія народныя сферы совершенно равнодушны къ церкви. Неудивительно поэтому, что не только католическое духовенство, но и свѣтскіе противники отдѣленія церкви отъ государства, напр., Лази, Олливье, Жюль Делафоссъ и др., высказываютъ тревожныя опасенія относительно будущаго католической церкви во Франціи. Какъ свѣтскіе политики, они могутъ открыто высказывать то, о чемъ должны умалчивать духовныя лица, т.-е. сомнѣніе относительно внутренней жизнеспособности церкви. Правда, они выражаютъ при этомъ и надежды, но эти надежды очень шаткія. Жюль Делафоссъ, напр., разсказываетъ, что онъ знаетъ общину, въ которой церковь посѣщается не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, во время большихъ праздниковъ, такъ что, очевидно, католическій культъ въ этой общинѣ осужденъ исчезнуть въ самомъ непродолжительномъ времени. Но священникъ этой общины сказалъ] Делафоссу: «Пока я тутъ, живу среди нихъ, они меня и знать не хотятъ, но какъ только я уѣду, то они потребуютъ себѣ священника». Такъ, по мнѣнію Делафосса, будетъ и въ другихъ общинахъ. «Французскіе крестьяне,—говоритъ онъ,—отдалились отъ религіи, но когда у нихъ не будетъ священниковъ, то они потребуютъ ихъ, а если не исполнять ихъ желанія, то они сдѣлаются врагами республики». Послѣднее, разумѣется, было бы очень пріятно сердцу Делафосса, и онъ готовъ былъ бы поддерживать политику правительства, еслибъ... еслибъ онъ былъ твердо увѣренъ, что она приведетъ къ такимъ результатомъ, а то, вѣдь, можетъ случиться, что крестьяне, отвыкнувъ отъ священника, перестанутъ замѣчать его отсутствіе!

Національный конгрессъ мира, собиравшійся въ Лиллѣ, прошелъ на этотъ разъ совершенно незамѣченнымъ. Правда, положеніе не таково, чтобы профессіональные «пасифисты» (les pacifistes—какъ ихъ называютъ во Франціи) могли своими отвлеченными разсужденіями о мирѣ привлечь вниманіе публики. Но и безъ вмѣшательства обществъ мира, которымъ до сихъ поръ еще не удавалось ни предотвратить ни прекратить кровопролитій, мѣстами эти кровопролитія прекращаются посредствомъ добровольныхъ соглашеній. Такъ, напр., итальянское правительство вступило, наконецъ, въ переговоры съ «сумасшедшимъ муллой», задавшимъ не мало хлопотъ англичанамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и признало его, наконецъ, самостоятельнымъ властителемъ извѣстной части Сомалиланда. Не мало было также пролито крови въ Сомалійскихъ пескахъ, но въ концѣ концовъ англичане, не смотря на свое упорство, сознали безплодность своихъ усилій и безполезность приносимыхъ жертвъ людьми и деньгами. Теперь мулла можетъ праздновать побѣду и миръ въ этой области теперь обезпеченъ, благодаря большимъ уступкамъ, сдѣланнымъ ему англичанами.

Личность этого муллы долгое время была окружена какимъ то легендарнымъ ореоломъ. Онъ нѣсколько разъ ускользалъ изъ рукъ англичанъ и нѣсколько разъ распространялся слухъ, что онъ убитъ и войско его разсѣялось,

такъ что англичане уже готовы были праздновать побѣду, какъ вдругъ онъ снова появлялся и снова лилась кровь. Относительно его происхожденія ходили самые нелѣпые слухи. Теперь оказывается, что этотъ «сумасшедшій мулла» или «священный мулла», какъ его называютъ арабы, нѣкогда былъ простымъ носильщикомъ. Онъ служилъ при складѣ француза Бремона въ Берберѣ и никто бы не угадалъ въ немъ будущаго властителя Сомалиланда. Ему приходилось не разъ бывать въ Аденѣ со своимъ хозяиномъ и тамъ онъ познакомился съ бедуинскими шейхами, которые и взяли его съ собой въ «счастливую Аравію», въ Сему, откуда онъ отправился въ Мекку и нѣсколько лѣтъ посвятилъ изученію Корана. Умный и ловкій онъ умѣлъ подчинять себѣ людей и по возвращеніи изъ Мекки ему удалось собрать около себя цѣлую общину изъ своихъ приверженцевъ, которымъ онъ внушилъ, что сила ислама падаетъ въ Сомалиляндѣ и что надо употребить мѣры, чтобы увеличить энергію вѣрующихъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ пустыню и началъ проповѣдывать въ Огаденѣ. Такъ продолжалось до 1902 г. Уже за пять лѣтъ передъ этимъ прошли слухи о томъ, что его сотоварищемъ въ этомъ дѣлѣ былъ какой то бывшій австрійскій офицеръ, по имени Солиманъ Ингеръ, которому удалось, черезъ посредство какихъ то своихъ знакомыхъ въ Константинополѣ, заинтересовать венгерское финансовое министерство въ экономическихъ предпріятіяхъ въ Сомалиляндѣ и такимъ путемъ достать деньги, рекомендаціи и завербовать къ себѣ нѣсколько отставныхъ австрійскихъ офицеровъ. Всѣмъ памятно, чѣмъ кончилась тогда эта затѣя. Солиманъ Ингеръ запасся оружіемъ и аммуниціей, зафрахтовалъ пароходъ и отправился въ Донгариту, на самалійскій берегъ, куда долженъ былъ подойти караванъ, посланный сумасшедшимъ муллой на встрѣчу флибустьерамъ. Но караванъ не пришелъ, а вмѣсто него явилась изъ Обока канонерская лодка и арестовала конквистадоровъ, которыхъ и отправила домой. Такъ кончилась сомалійская экспедиція венгерскихъ офицеровъ.

Однако эта неудача не повліяла на муллу. Хотя онъ и не получилъ ожидаемаго оружія, но тѣмъ не менѣе онъ все подвигался къ берегу, оттѣсняя различныя племена, которыя наконецъ рѣшили обратиться къ англичанамъ за помощью противъ новаго пророка. Въ сущности англичане не были особенно заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и имъ не зачѣмъ было вступаться за притѣсняемыя племена Сомалиланда, но новый пророкъ выставилъ на своемъ знамени: «Смерть христіанамъ!» и этого одного уже было достаточно, чтобы придать его походу серьезный характеръ. Какъ это всегда бывало съ англичанами, они слишкомъ пренебрежительно отнеслись къ врагу вначалѣ, и отправленныя противъ него двѣ экспедиціи потерпѣли пораженіе вслѣдствіе недостаточной подготовки. Но затѣмъ, когда они отправили третью экспедицію, гораздо лучше обставленную, чѣмъ двѣ первыя, мулла отступилъ подальше въ пустыню, куда, однако, англичане не рѣшились за нимъ послѣдовать. Но тѣмъ не менѣе онъ являлся для нихъ постоянною угрозой и всегда можно было ожидать съ его стороны новаго похода противъ европейцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ объединялъ около себя фанатическія мусульманскія племена сомалійскаго

берега. Это обстоятельство и заставило англичанъ, совмѣстно съ итальянцами, владѣнія которыхъ прилегаютъ къ области, на которую мулла заявляетъ свои притязанія, вступить съ нимъ въ дипломатическіе переговоры, оказавшіеся болѣе успѣшными, нежели экспедиціи, которыя до сихъ поръ снаряжались противъ него. Конечно, европейцамъ приходится отказаться въ данный моментъ отъ хозяйничанья въ богатой странѣ и на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, воздерживаться отъ поступательнаго движенія внутрь страны, но во всякомъ случаѣ миръ теперь обезпеченъ въ этой части Африки, благодаря вынужденной умѣренности англичанъ и итальянцевъ, замѣнившихъ военныя экспедиціи переговорами.

Въ Венгріи дѣла запутываются. Всѣ совѣщанія, переговоры, поѣздки политическихъ дѣятелей изъ Вѣны въ Будапештъ и обратно до сихъ поръ ни къ чему не привели. Императоръ Францъ-Іосифъ не только упорствуетъ въ своемъ рѣшеніи не дѣлать уступокъ оппозиціи, но и затягиваетъ дѣло, надѣясь на то, что между членами оппозиціи возникнутъ разногласія и она ослабѣетъ. Съ цѣлью внести расколъ и скомпрометировать наиболѣе вліятельную группу венгерской оппозиціи, а именно партію венгерской независимости, была придумана и миссія австро-венгерскаго министра финансовъ Буріана, потерпѣвшая, однако, неудачу. Эта партія не согласилась отказаться отъ наиболѣе существенныхъ и популярныхъ требованій, выставленныхъ въ программѣ, ради той исполнительной власти, которая ей была предложена короной, и такимъ образомъ, этотъ своеобразный подкупъ политической партіи не только не привелъ къ желаннымъ результатамъ, но вызвалъ сильное раздраженіе венгерской оппозиціи. Отношенія между венгерскимъ народомъ и короной теперь настолько обострились, что компромиссъ, повидимому, невозможенъ, и разрѣшеніе кризиса мыслимо только при условіи рѣшительныхъ уступокъ съ той или съ другой стороны. Такъ какъ трудно ожидать, чтобы уступила оппозиція, то на уступки должна пойти верховная власть. Венгрія натолкнулась теперь на ту подводную скалу, которая всегда угрожаетъ «непарламентскимъ государствомъ», т.-е. на антагонизмъ между монархомъ и націей. Народъ выбираетъ большинство, которое требуетъ введенія венгерскаго языка въ арміи. Но австрійскій императоръ, именующійся верховнымъ вождемъ арміи, не хочетъ этого допустить, весьма вѣроятно находя извнѣ, какъ членъ тройственнаго союза, сильную поддержку. Такимъ образомъ, конфликтъ кажется совершенно неразрѣшимымъ. «Это вопросъ силы», говаривалъ Бисмаркъ въ такихъ случаяхъ, и такъ какъ сила была на его сторонѣ, то онъ безъ церемоніи распускалъ парламентъ и правилъ страною безъ бюджета. Но такая пріостановка нормальной парламентской жизни не можетъ продолжаться долго, и хотя Францъ-Іосифъ въ данный моментъ поступаетъ такъ же, какъ поступалъ Бисмаркъ, т. е. нарушаетъ правильный ходъ государственнаго управленія, но онъ прикрываетъ это дипломатическими уловками, дѣйствуя не такъ рѣшительно и рѣзко, какъ дѣйствовалъ Бисмаркъ.

Либеральная партія въ Венгріи подвергается теперь нападкамъ со всѣхъ

сторонъ. Недавно графъ Аппоньи сказалъ блестящую рѣчь въ парламентѣ, въ которой горячо нападалъ на графа Тиссу и на либеральную партію, которая, по его словамъ, настолько скомпрометирована парламентскихъ «coup d'Etat», въ ноябрѣ 1904 г., что теперь «не можетъ играть даже роли оппозиціонной партіи» въ Венгріи. Онъ въ особенности упрекалъ эту партію за ея уступчивость Австріи, которая, разумѣется, очень недовольна успѣхами партіи мадьярской независимости. Затѣмъ, Аппоньи провозгласилъ себя сторонникомъ личной уніи и прибавилъ, что намѣренъ подготовить, на основахъ компромисса 1867 года, таможенную и военную автономію Венгріи. Далѣе онъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что усилія Венгріи обезпечить свою національную независимость не встрѣчаютъ за границей особенно большого сочувствія. Это онъ объясняетъ закоренѣлыми консервативными инстинктами Стараго Свѣта. «Европа не любитъ перемѣнъ», сказалъ какъ-то покойный французскій министръ-президентъ Вальдекъ Руссо и подтвержденіе этихъ словъ Аппоньи видитъ въ ея отношеніи къ мадьярскому вопросу. Но дѣло въ томъ, что мадьяры, такъ настаивающіе на своей независимости, на правахъ своего языка, не допускаютъ ни этихъ правъ, ни независимости для другихъ народностей, живущихъ подъ игомъ мадьяръ, и еще недавно, когда кроатскій депутатъ Іосиповичъ заговорилъ въ сеймѣ на своемъ родномъ языкѣ, то члены партіи независимости подняли такой шумъ, что заставили его замолчать и уйти съ трибуны. Быть можетъ, въ этой исключительности мадьяръ и ихъ нетерпимости къ правамъ другихъ народностей въ Венгріи и заключается разгадка того равнодушнаго отношенія, которое замѣчается въ Европѣ къ ихъ дѣлу. Какъ бы то ни было, но венгерскій парламентскій кризисъ, продолжающійся уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, не подвинулся ни на шагъ къ своему разрѣшенію. Это одно указываетъ на крайнюю запутанность положенія, изъ котораго можетъ быть только одинъ выходъ: введеніе парламентскаго управленія въ Венгріи и уступка короны національнымъ требованіямъ мадьяръ. Но на послѣднее мало надежды, а вмѣшательство Австріи можетъ только еще больше запутать положеніе.

Ораторскія импровизаціи германскаго императора не разъ уже давали поводъ къ критическимъ замѣчаніямъ и къ ожесточенной газетной полемикѣ. То же самое случилось и теперь. Недавно, въ Страсбургѣ и Вильгельмсгофенѣ, Вельгельмъ произнесъ двѣ военныя рѣчи, одна была обращена къ рекрутамъ, другая къ офицерамъ, и обѣ рѣчи носили рѣзко выраженный политическій и международный характеръ. Обѣ заключаютъ рѣзкую критику русскаго войска, и извѣстны изъ русскихъ газетъ, напечатавшихъ выдержки изъ этихъ рѣчей, но вслѣдъ затѣмъ появились и обычныя оффиціозныя опроверженія и поправки, имѣвшія цѣлью сгладить впечатлѣніе. Но въ германской печати не эта рѣзкая критика русскихъ войскъ вызвала полемику, а слова императора, относящіяся къ религіознымъ чувствамъ и внутреннимъ убѣжденіямъ солдата, Это были варіаціи на прежнюю излюбленную тему императора, что «только хорошій христіанинъ можетъ быть хорошимъ солдатомъ». «Какъ примирить истинно христіанскія чувства и догматы христіанской вѣры съ пролитіемъ крови—

это предоставляемъ рѣшать самому императору, замѣчаетъ одна изъ газетъ, но во всякомъ случаѣ мы считаемъ неумѣстнымъ всякое стремленіе военнаго начальства вліять на религіозныя чувства солдатъ. Вообще, внутреннія убѣжденія солдатъ ихъ не касаются и они должны слѣдить только за соблюденіемъ дисциплины и порядка. Также мы считаемъ неумѣстными въ обращеніи къ рекрутамъ и намеки на русско-японскую войну, и сравненія Будды съ Христомъ. Историческій опытъ совершенно опровергаетъ мнѣніе императора, будто извѣстная вѣра можетъ вліять на военныя качества солдатъ. Какъ же должны себя чувствовать послѣ такихъ заявленій императора солдаты, не принадлежащіе къ христіанской вѣрѣ или не могущіе назвать себя «добрыми христіанами»? Вѣдь, извѣстно, что никакая, даже самая строгая дисциплина не можетъ подавить мысль и убѣжденія! Наоборотъ, преслѣдованія, репрессіи и даже страданія за свои убѣжденія только содѣйствуютъ ихъ укрѣпленію и распространенію. Этому учитъ исторія, и германскому императору иногда не мѣшаетъ заглядывать въ учебники исторіи, чтобы освѣжить эти факты въ своей памяти».

Вторая рѣчь, обращенная къ офицерамъ въ Страсбургѣ, была произнесена какъ разъ въ тотъ день, когда все остальное населеніе чествовало память великаго германскаго поэта Шиллера. Звонъ и бряцаніе оружія и шумъ военнаго парада такъ плохо гармонировали съ этимъ мирнымъ культурнымъ празднествомъ, что это дало поводъ къ весьма ѣдкимъ сравненіямъ и каррикатурамъ въ сатирическихъ журналахъ, изображавшихъ Шиллера раздавленнымъ ногами марширующихъ на парадѣ солдатъ. Но главное, что вызвало большія возраженія, это заявленіе императора, что надо солдатъ какъ можно больше занимать службой, чтобы у нихъ не оставалось времени на развратъ и пьянство. Но противъ такого расширенія рамокъ службы востаетъ большинство германской печати. «Такъ изнурять солдатъ службой, чтобы они уже больше ни на что не годились и не могли думать ни о какихъ удовольствіяхъ—это заходитъ за предѣлы той цѣли, которую должны преслѣдовать военныя упражненія!—восклицаетъ «Frankfurt. Zeit.»—Но, вѣдь, солдаты занимаются не однѣми только дурными вещами въ свободное время и военному начальству, наоборотъ, слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы они имѣли возможность развиваться умственно, а не преслѣдовать только цѣль—механическую дрессировку. Это развитіе не повредило бы и офицерамъ, и какъ разъ дни шиллеровскаго юбилея наводятъ на такую мысль, напоминая, что умственное развитіе военныхъ не должно бы быть отодвинуто на второй планъ».

Если многое въ рѣчахъ императора вызвало рѣзкую критику со стороны печати, то все же его слова о необходимости воздержанія и вредѣ пьянства и кутежей, иллюстрированныя примѣрами изъ русско-японской войны, встрѣтили всеобщее сочувствіе и не въ одной только германской печати. Англійскій военный министръ, въ своей недавней рѣчи, также сдѣлалъ намекъ на русско-японскую войну и на ея уроки, заявивъ, что успѣхъ японцевъ въ значительной степени зависитъ отъ ихъ характера и ихъ удивительной скромности и воздержности. Трудно себѣ представить болѣе простыхъ и болѣе нетребовательныхъ людей, чѣмъ японскіе военные, сказалъ онъ.—Японскій офицеръ

сохранилъ еще прежнюю гордость самураевъ, считавшихъ унизительнымъ для себя даже прикосновеніе къ деньгамъ и гордившихся своею бѣдностью, на внѣшность японскіе офицеры обращаютъ мало вниманія. Имъ рѣшительно все равно, съ которой стороны у нихъ виситъ оружіе и они совсѣмъ не думаютъ о томъ, одѣты ли они по правиламъ и соотвѣтствуютъ ли ихъ мундиры требованіямъ современной военной обмундировки. Эта небрежная внѣшность японскихъ военныхъ особенно поражала европейцевъ, и вначалѣ часто заставляла ихъ дѣлать, на этомъ основаніи, ложные выводы о военныхъ качествахъ японскаго войска.—«Но сохранится ли эта простота и въ будущемъ?»—говоритъ «Frankfurt. Zeit.»,—цитируя письмо генерала Ноги, извѣщающее военнаго министра о сдачѣ Портъ-Артура. Въ этомъ письмѣ японскій генералъ, между прочимъ, настаиваетъ на необходимости сохранить эту простоту привычекъ японскихъ военныхъ. «Даже когда они перестанутъ слышать громъ пушекъ,—они все же не должны измѣнять свой простой и умѣренный образъ жизни, не должны пріобрѣтать привычекъ роскоши и заботиться о красотѣ своей обмундировки»,—говоритъ генералъ Ноги.

Германское правительство, какъ извѣстно, занимается уже въ теченіи нѣкотораго времени выработкою законопроекта объ учрежденіи палатъ труда, съ цѣлью дать возможность, какъ рабочимъ, такъ и работодателямъ, выяснить свои взаимные экономическіе и соціальные интересы. Эти новыя палаты, надобно торговымъ, сельскохозяйственнымъ, и ремесленнымъ палатамъ, представляющимъ экономическіе интерасы крупныхъ фирмъ, будутъ наоборотъ, служить представительницами экономическихъ интересовъ рабочихъ и предпринимателей. Теперь нѣкоторыми германскими газетами поднимается вопросъ объ организаціи этихъ палатъ и о томъ, какъ онѣ должны быть устроены, чтобы дѣйствительно могли выполнить возложенныя на нихъ задачи и служить интересамъ восьмимилліоннаго ремесленнаго населенія Германіи. Но въ числѣ этихъ восьми милліоновъ, женщинъ работницъ насчитывается миліонъ, и интересы ихъ конечно должны быть также представлены въ палатахъ, какъ и интересы ихъ товарищей мужчинъ. Въ нѣкоторыхъ, спеціально женскихъ индустріяхъ, какъ указываютъ это цифры, приводимыя нѣмецкими газетами, число работницъ даже преобладаетъ. Таковы: производство готоваго платья, табачное и ткацкое. На этомъ основаніи та часть германской печати, которая выступаетъ въ защиту правъ женщинъ, требуетъ для нихъ, какъ пассивнаго, такъ и активнаго избирательнаго права на выборахъ въ палаты труда. Противники этого опираются на слова графа Посадовскаго, который во время преній по поводу допущенія женщинъ къ участію въ выборахъ въ купеческіе суды, сказалъ, что «главныя основныя положенія цѣлой конституціи и управленія страны устанавливаютъ активное и пассивное избирательное право, только для лицъ мужского пола и отмѣнять эти положенія чисто случайнымъ образомъ нельзя».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, замѣчаютъ газеты, что при обсужденіи новаго законопроекта относительно палатъ труда, въ вопросѣ о правахъ женщинъ

сыграють большую роль опасенія создать прецедентъ. Уже теперь въ консервативной печати появляются намеки на то, что «тутъ стоитъ только женщинамъ протянуть мизинецъ, для того, чтобы они захватили всю руку». Но защитники женскихъ правъ стараются успокоить эту боязнь, доказывая, что право выбора въ палаты труда не заключаетъ въ себѣ никакихъ политическихъ правъ, которыя не распространяются на женщинъ; онѣ получаютъ только право участвовать въ рѣшеніи разныхъ частныхъ экономическихъ вопросовъ и споровъ и въ послѣднемъ случаѣ выбирать компетентнаго судью, пользующагося ихъ довѣріемъ. «Berliner Tageblatt» указываетъ на то, что заграницей, тамъ гдѣ уже введены палаты труда, женщины получили право участія въ выборахъ въ эти палаты. Но, разумѣется, и тамъ это произошло не безъ борьбы. Въ Голландіи, напримѣръ, при обсужденіи этого закона, консервативная партія на всѣ лады повторяли старую пѣсню объ опасности «перваго шага въ принципіально важномъ вопросѣ, о подрываніи основъ и т. д.» Консервативныя газеты говорили: «Избирательныя права женщинъ не совмѣстимы съ принципомъ главенства мужчины въ семьѣ. Дарованіе этихъ правъ опасно, такъ какъ подрываетъ авторитетъ мужчины, какъ главы, и нарушаетъ единство семьи, вводя въ нее принципъ равноправія женщины». Словомъ, повторялось все то, что повторялось всегда въ такихъ случаяхъ, но къ счастью голандское правительство оказалось стоящимъ на совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія и въ своемъ меморандумѣ оно заявило: «Интересы, представительницами которыхъ служатъ палаты, затрогиваютъ женщинъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ и мужчинъ. Во многихъ отрасляхъ ремесленнаго труда, женщины участвуютъ не только какъ работницы, но и какъ предпринимательницы и поэтому должны быть приведены очень серьезныя основанія, для того чтобы въ вопросахъ, касающихся исключительно интересовъ этого труда, женщины были бы лишены одинаковыхъ правъ съ мужчинами. До сихъ поръ, однако, подобныхъ серьезныхъ основаній не было выставлено противниками равноправія». Несомнѣнно, что и въ Германіи женское равноправіе въ этомъ спеціальномъ случаѣ находитъ сторонниковъ даже среди лицъ администраціи. Такъ напримѣръ, въ собраніи общества соціальной реформы, гдѣ обсуждался вопросъ объ учрежденіи палатъ труда, предсѣдатель ремесленнаго суда въ Берлинѣ фонъ-Шульцъ сказалъ: «Если лица женскаго пола будутъ также засѣдать въ палатахъ труда, то довѣріе работницъ къ этимъ палатамъ, безъ сомнѣнія, возрастетъ еще больше. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы по крайней мѣрѣ допустить участіе женщинъ въ выборахъ при организаціи палатъ труда, для того, чтобы онѣ могли избирать своими представителями тѣхъ товарищей мужского пола, которые пользуются ихъ полнымъ довѣріемъ. Заграничныя государства, уже опередившія насъ въ данномъ случаѣ, могутъ служить намъ хорошимъ примѣромъ несостоятельности всѣхъ существующихъ на этотъ счетъ опасеній».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Толки иностранной печати о роли Японіи въ Азіи и вызываемыя ею опасенія.—Женское движеніе въ Японіи.—Расовое превосходство.

Иностранные журналы продолжаютъ обсуждать положеніе вещей на Дальнемъ Востокѣ и шансы на заключеніе мира. Шансы эти, по мнѣнію большинства органовъ иностранной печати, все еще очень невелики. Англійскій журналъ «Contemporary Review» выражаетъ убѣжденіе, что Россія твердо рѣшила не вступать ни въ какіе переговоры, если Японія будетъ настаивать на на контрибуціи. Уплатить же Японіи такую сумма, которую она потребуетъ, это значитъ дать ей полную возможность увеличить свой флотъ и лишить Россію всякой надежды на реваншъ по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Но съ другой стороны Японіи нужна эта контрибуція, не только какъ вознагражденіе за ея потери въ прошломъ, но и какъ гарантія будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы даже и былъ заключенъ миръ, то въ глазахъ русской бюрократіи онъ былъ бы только перемиріемъ, во время котораго Россія должна была бы готовиться къ реваншу.

Такая увѣренность въ томъ, что Россія, если даже и заключитъ миръ, то лишь съ цѣлью подготовиться къ будущей, войнѣ преобладаетъ въ англійской печати. Французская же печать въ большинствѣ случаевъ какъ это замѣчаетъ «Correspondant», высказываетъ, наоборотъ, опасеніе, что если Японія восторжествуетъ въ Манчжуріи, то она постарается, вслѣдъ затѣмъ, завладѣть и югомъ азіатскаго континента. Если это ей не удастся, то она будетъ искать компенсаціи въ другомъ мѣстѣ. Для такого промышленнаго народа, какъ японцы, имѣющіе въ виду протекторатъ надъ Китаемъ, особенною привлекательностью обладаетъ Индокитай и поэтому Франція должна позаботиться, въ своихъ собственныхъ интересахъ, чтобы европейское соглашеніе относительно Китая было укрѣплено какъ можно скорѣе. Японцы уже въ силу необходимости должны постоянно стремиться къ расширенію сферы своей дѣятельности и быть можетъ логическимъ послѣдствіемъ войны явится желаніе сближенія съ Россіей. Во всякомъ случаѣ, если японцы захотятъ обезпечить себѣ китайскіе рынки, то они должны будутъ столкнуться съ англичанами, нѣмцами и американцами. Въ этомъ то и заключается «желтая опасность» для европейцевъ. Однако Т. Рейдъ въ «Contemporary Review» утверждаетъ, что если надо кого-нибудь бояться на Дальнемъ Востокѣ, то ужъ никакъ не японцевъ, а нѣмцевъ, имѣющихъ виды на Китай. Что же касается Японіи, то у нея есть другая, великая миссія. То чѣмъ была Великобританія для Европы въ первой половинѣ XIX вѣка, тѣмъ обѣщаетъ быть Японія для Азіи въ XX вѣкѣ. Какъ и всѣ великія націи, въ свое время выступившія на политической сценѣ и вписавшія свои имена въ анналы политической исторіи, такъ и Японія теперь выдвигается впередъ, являясь тою нравственностью и практическою силой, которая должна будетъ пробудить Китай отъ его многовѣкового летаргическаго сна. Японія заставитъ восточныя расы подняться и приблизиться къ западнымъ расамъ, эти же по-

слѣднія должны поддерживать усилія Японіи въ этомъ отношеніи и помогать ей выполнить свою историческую миссію.

Противъ идеи желтой опасности возстаетъ и баронъ Суематцу въ своей статьѣ въ «Deutsche Revue». Прежде всего, говоритъ онъ, желтая опасность ни въ какомъ случаѣ не можетъ выразится въ военной экспедиціи. Это невозможно уже потому, что для организаціи такой экспедиціи нужно было бы объединеніе всѣхъ желтыхъ націй верховнымъ управленіемъ одной. Между тѣмъ характеръ китайской націи въ особенности непригоденъ для такой схемы. Прошли времена, когда возможны были великія монгольскія нашествія. Теперь условія измѣнились, Китай обратился въ мирную націю, да и Японія нуждается въ экономическомъ отношеніи, чтобы ея сношенія съ Западомъ носили мирный и дружественный характеръ. Если даже Китай и предприметъ военныя реформы, что весьма вѣроятно, то все же цѣль ихъ будетъ совершенно мирная; вѣдь войско нужно Китаю, чтобы поддерживать порядокъ внутри государства. Что же касается экономической опасности, т.-е. того, что Японія можетъ завалить рынки продуктами своей промышленности, гораздо болѣе дешевыми, то и эти опасенія неосновательны. Пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ это случится и Японія въ состояніи будетъ конкурировать съ Европой. Достаточно вспомнить бѣдность Японіи, чтобы понять несостоятельность подобныхъ опасеній. Конечно надо надѣяться, что послѣ теперешней войны, коммерческія отношенія между Востокомъ и Западомъ сдѣлаютъ большіе успѣхи, и европейскія и азіатскія націи лучше поймутъ другъ друга. Но если даже Востокъ и увеличитъ свою промышленность, то въ этомъ все таки не будетъ заключаться никакой опасности для производительности Европы, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ возрастетъ и его способность потребленія и покупки, а это будетъ только къ выгодѣ европейскихъ націй.

Двѣ японскія феминистки, г-жи Урако Имай и Гаруко Кавамура выступили съ требованіемъ пассивнаго и активнаго избирательнаго права для женщинъ и допущенія ихъ въ политическія собранія. Англійскій журналъ «East and West», издающійся въ Индіи, пользуется этимъ случаемъ для историческаго обзора развитія женскаго движенія въ Японіи. Раньше японскія женщины ограничивались лишь очень тѣснымъ кругомъ семейной жизни, какъ матери и супруги, и играли въ жизни страны лишь очень скромную роль. Все ихъ воспитаніе ограничивалось только эстетическою стороной; они учились пѣть, играть, плести вѣнки и изучали литературу и поэзію. Главное вниманіе было обращено на грацію, изящныя манеры и привлекательную внѣшность. Но теперь это измѣнилось, и японскія женщины являются конкурентками мужчины во многихъ отрасляхъ общественной жизни. Улицы японскихъ городовъ полны теперь ученицами, которыя, съ книжками подъ мышкой, торопятся въ школы, и женское воспитаніе въ послѣднее время сдѣлало большіе успѣхи. Въ старой Японіи, конечно, не существовало никакого женскаго вопроса, такъ какъ единственнымъ призваніемъ женщины было замужество. Женщины считались низшими созданіями, и Кайбара, великій японскій моралистъ XVII вѣка, говоритъ по этому поводу: «Говорятъ, что у нашихъ предковъ былъ обычай класть

новорожденную дѣвочку на полъ и оставлять ее лежать такимъ образомъ три дня. Этотъ обычай указываетъ, что мужчина сравнивается съ небомъ, а женщина съ землей. Женщина должна была учиться, прежде всего, повиноваться своему супругу и довольствоваться своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Она должна была избѣгать всего, что могло бы дать поводъ къ публичной критикѣ, должна соблюдать скромность во всемъ и ничѣмъ не выдаваться, а также терпѣливо и безропотно переносить все. Она должна смотрѣть на своего мужа, какъ на своего господина, и почтительно и смиренно служить ему. Никогда, даже во снѣ, несмѣетъ она думать о немъ непочтительно или ревновать его и т. д., и т. д.». Кайбара писалъ свои поученія въ XVII вѣкѣ, но его принципы долго жили въ сердцахъ народа, и когда Фукузава, реорганизаторъ японской умственной жизни, издалъ въ 1899 г. подражаніе Кайбарѣ, въ которомъ обращался къ «современнымъ японкамъ», преслѣдуя, конечно, противоположныя цѣли, чѣмъ тѣ, которыя преслѣдовалъ этотъ японскій философъ, то лишь немногіе въ Японіи поддержали его стремленія выдвинуть женщину изъ ея униженнаго положенія. Когда Кайбара писалъ свои правила «хорошаго тона» объ японскихъ женщинъ, то Японія была феодальнымъ государствомъ. Времена измѣнились съ тѣхъ поръ, и въ Японію проникли западные обычаи, выдвинувшіе женщину впередъ. Замѣчательно одно, что японецъ мѣняетъ свое обращеніе съ женщинами своего дома, смотря по обществу, въ которомъ онъ находится, и смотря по тому, надѣтъ ли на немъ японскій кимоно или европейскій костюмъ. Когда онъ въ кимоно, то онъ господинъ, глава творенія; когда на немъ европейская одежда, то онъ уступаетъ женщинѣ первое мѣсто. Тѣмъ не менѣе японскія женщины вездѣ, когда онѣ появляются въ обществѣ, поражаютъ европейцевъ своимъ необычайно скромнымъ видомъ и своею сдержанностью. Сразу видно, что онѣ не привыкли выступать публично и стѣсняются обращать на себя вниманіе. Даже въ богатомъ и высшемъ кругу у японскихъ дамъ не замѣчается такой спокойной самоувѣренности, какою отличаются европейскія женщины. Однако, теперь японки все чаще и чаще появляются въ обществѣ и существуютъ уже три женскихъ союза: «патріотическій женскій союзъ», занимающійся благотворительностью въ патріотическомъ смыслѣ, «морской союзъ женщинъ» и «союзъ Краснаго Креста» гдѣ женщины принимаютъ участіе въ общественной дѣятельности, хотя и преслѣдующей пока только исключительно патріотическія цѣли. Всѣ три союза находятся подъ покровительствомъ дамъ высшаго круга и число членовъ ихъ постоянно возрастаетъ. Нерѣдко даже сама японская императрица принимаетъ участіе въ засѣданіи котораго-нибудь изъ союзовъ. Кромѣ того, она обнаруживаетъ большой интересъ къ вопросамъ женскаго воспитанія, тѣмъ болѣе, что въ Японіи уже существуетъ обязательное обученіе и для дѣвочекъ, а съ 1879 года учреждены и среднія женскія школы, а также высшія школы для женщинъ, ошибочно называемыя женскимъ университетомъ, такъ какъ въ сущности они являются только комбинаціей средней школы съ профессіональными курсами и со школами домоводства. Во всякомъ случаѣ, высшихъ наукъ тамъ не преподается, точно также какъ и

въ музыкальной академіи, которую лучше называть музыкальнею школой. Въ этой школѣ учителя и учительницы музыки и пѣнія пополняютъ свое образованіе. Въ «патріотическомъ женскомъ союзѣ» и въ «морскомъ союзѣ» участвуютъ болѣе пожилыя женщины, но въ союзѣ «Краснаго Креста» есть много молодыхъ дѣвушекъ и вообще считается очень почетнымъ принадлежать къ этому союзу.

Изъ женскихъ профессій самыми уважаемыми и распространенными являются: профессія больничныхъ сидѣлокъ и учительницъ. Японская больничная сидѣлка соотвѣтствуетъ по своему соціальному положенію нашей сестрѣ милосердія. Она всегда почти одѣта въ бѣлое платьѣ и на головѣ у нея бѣлая шапочка, вродѣ чепца, украшенная краснымъ крестомъ. Желѣзнодорожное и почтовое управленіе съ нѣкоторыхъ поръ стали принимать на службу женщинъ. Этимъ однако, пока исчерпываются интеллигентныя профессіи, но женщины работаютъ почти во всѣхъ отрасляхъ фабричнаго и ремесленнаго труда и участь этихъ работницъ большею частью очень печальна.

Само собою разумѣется, что занятіе нѣкоторыми профессіями, особенно высшими, придаетъ женщинѣ нѣкоторую самостоятельность, хотя и не слишкомъ большую. Японецъ, какъ бы онъ ни былъ прогрессивенъ, все-таки никакъ не можетъ поставить женщину наряду съ собой, да и сами японскія женщины, несмотря на прогрессъ страны, все еще находятся на старомъ пути. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что цѣль жизни каждой японки—это замужество и она твердо разсчитываетъ, рано или поздно, сдѣлаться женою и матерью. Ни старыхъ дѣвъ, ни старыхъ холостяковъ въ этой счастливой странѣ не существуетъ и не разъ случалось наблюдать, что ярыя феминистки среди японокъ, выходя замужъ, тотчасъ же вступали на старый путь и покорно склоняли голову подъ игомъ супружескаго рабства.

«Review of Reviews» обсуждаетъ вопросъ о расовомъ превосходствѣ. «Восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ японцы были для всѣхъ насъ «желтыми макаками» и только. А теперь мы провозглашаемъ Японію седьмой великой державой міра и преобладающей державой на Великомъ океанѣ. Вотъ что дѣлаетъ сила меча! Въ сущности японцы давно уже были великою націей,—великой относительно общественнаго духа воспитанія, политическаго самоопредѣленія,—гораздо раньше, чѣмъ былъ выпущенъ хоть одинъ выстрѣлъ. Но нужна была война, чтобы сорвать завѣсу предубѣжденія противъ желтой расы. Торжество японцевъ было подготовлено въ школахъ и мастерскихъ, въ университетѣ и общественной дѣятельности. И пока это подготовлялось, бѣлыя расы, ничего не подозрѣвая, продолжали презрительно относиться къ желтой расѣ. Но громъ битвы подъ Мукденомъ, паденіе Портъ-Артура, заставили ихъ съ изумленіемъ убѣдиться, что превосходство ихъ расы было только кажущимся. Даже если японцамъ удастся уничтожить балтійскій флотъ, все-таки христіанамъ трудно будетъ освоиться съ мыслью, что язычники заняли мѣсто рядомъ съ ними и что, несмотря на свой желтый цвѣтъ кожи, они сотворены изъ такой же плоти и крови, какъ и высшія расы. Въ особенности не мо-

гутъ этого допустить три класса людей, основывающіе всю систему вселенной на естественномъ, неоспоримомъ и вѣчномъ превосходствѣ всѣхъ людей, имѣющихъ бѣлую кожу, надъ цвѣтными расами,—говоритъ авторъ.—Эти три класса слѣдующіе: англоиндійскіе чиновники въ Индіи, бѣлая австралійская партія въ Австраліи и бѣлые землевладѣльцы въ южныхъ штатахъ Америки. Безъ сомнѣнія, эти люди постараются, при помощи хитрости, затушевать страшное открытіе насчетъ равенства желтой расы, такъ какъ окончательное торжество японцевъ должно будетъ нанести смертельный ударъ господствующему предразсудку. Но тогда наиболѣе хитрые изъ бѣлыхъ народовъ, постараются сблизиться съ японцами и дать имъ понять, что они готовы раздѣлить съ ними свое преобладающее положеніе, если только японцы помогутъ имъ держать въ порабощеніи всѣ остальныя цвѣтныя расы. Побѣда японцевъ выдвигаетъ лозунгъ: «Азія для азіатовъ». Европѣ впрочемъ нечего бояться, что Японія воспользуется рессурсами Китая, чтобы произвести на нее нападеніе. Этого не будетъ, хотя Китай и будетъ находиться подъ контролемъ Японіи. Но тогда прекратится дѣлежъ наиболѣе доходныхъ областей востока, производимый европейцами между собой, и Японія, вѣроятно, прибѣгнетъ къ такимъ же исключительнымъ законамъ, какіе теперь примѣняются относительно ея другими націями. Президентъ японской палаты пэровъ сказалъ недавно: «На насъ, какъ на руководящемъ государствѣ азіатскаго прогресса, лежитъ священная обязанность протянуть руку помощи Китаю, Индіи, Кореѣ и всѣмъ азіатамъ, питающимъ къ намъ довѣріе и способнымъ къ цивилизаціи. Какъ самый могущественный другъ этихъ народовъ, мы желаемъ видѣть ихъ свободными отъ ига Европы, и надѣемся, что они въ состояніи будутъ доказать міру, что востокъ можетъ помѣряться силами съ западомъ на всякомъ полѣ битвы».

БОРЬБА ЖЕНЩИНЪ ЗА ПРАВА.

(Письмо изъ Англіи).

I.

Noblesse oblige. Образованная часть человѣчества обязана иногда ставить себѣ задачи такъ сказать безъ всякихъ заднихъ мыслей. Цѣль иногда должна быть достигнута сама по себѣ, все равно, окажется ли достиженіе полезнымъ для человѣчества или нѣтъ, просто потому, что недостиженіе этой цѣли показывало бы недостатокъ моральнаго мужества, положительныхъ знаній или средствъ. Такова, напримѣръ, задача отысканія сѣвернаго полюса. Никто не можетъ сказать съ достовѣрностью, каковы будутъ научные результаты успѣшнаго путешествія какого-нибудь будущаго Нансена. Весьма возможно, что прохожденіе судна, или саней, или воздушнаго шара по меридіану черезъ полюсъ не обогатитъ науки ни однимъ лишнимъ фактомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ. А все же долгъ человѣчества оказывать всяческое содѣйствіе тѣмъ смѣлымъ ученымъ, которые берутъ на себя тяжелую задачу отысканія пути къ полюсу. Въ своемъ стремленіи къ усовершенствованію человѣчество не

можетъ руководствоваться одними практическими соображеніями. Единственное, что можетъ служить его путеводной нитью, это—истина, а остальное само приложится. Если люди будутъ вооружены истинными знаніями, истинно нравственными законами и учрежденіями, то несомнѣнно и практическая жизнь ихъ будетъ обставлена лучше. Вопросъ же о томъ, что есть истина, есть вопросъ чисто фарисейскій и къ дѣлу не идущій. Безусловной истины никто не добивается, а если истина одного человѣка кажется ложной другому, то послѣднему ничуть не возбраняется предъявлять свою собственную. Для бяага человѣчества, для цѣлей его усовершенствованія и роста необходимо лишь, чтобы люди *добивались истины*, боролись за нее, готовы были бы на самопожертвованіе ради нея, какова бы она ни была на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему мы не можемъ не сочувствовать тѣмъ женщинамъ, которыя, несмотря на всѣ трудности, продолжаютъ добиваться политическаго равноправія съ мужчинами, хотя, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ достиженіе этого равноправія не прибавитъ ни капли счастья человѣчеству и ни на іоту не измѣнитъ современнаго положенія вещей. Женское равноправіе не есть вопросъ матеріальной пользы, это—вопросъ чести человѣчества, и въ этомъ его сила и его слабость. Прогрессивное, цивилизованное человѣчество не можетъ не давать женщинамъ тѣхъ же правъ, которыми пользуется мужская половина его, и раньше или позже женщины станутъ равноправными. Съ другой стороны, не давая себя чувствовать никакими излишними страданіями, никакими видимыми для всѣхъ лишеніями и стѣсненіями, отсутствіе политическаго равноправія у женщинъ не можетъ сдѣлаться предметомъ широкаго общественнаго движенія, и ему нельзя вызвать того пламеннаго энтузіазма, той живой, горячей борьбы, которыя обыкновенно вызываются отсутствіемъ правъ у мужчинъ.

Поучительной иллюстраціей въ только-что сказанному является несомнѣнно исторія борьбы за политическое равноправіе женщинъ въ Англіи и ея колоніяхъ. Успѣхъ женскаго движенія въ колоніяхъ и неуспѣхъ его въ метрополіи яркимъ образомъ подчеркиваетъ сильныя и слабыя стороны его. Въ Англіи, несмотря на многолѣтнія усилія женщинъ добиться парламентскихъ избирательныхъ правъ наравнѣ съ мужчинами, вопросъ все еще находится въ томъ же положеніи, въ какомъ застала его реформа 1832 года, между тѣмъ какъ въ Австраліи женщины почти безъ всякаго труда достигли политическаго равенства. Въ колоніи Южной Австраліи первый билль о дарованіи женщинамъ избирательнаго права былъ внесенъ въ 1889 году. Билль этотъ былъ внесенъ по собственной иниціативѣ мужчинъ, безъ всякихъ предварительныхъ митинговъ, петицій и вообще безъ всякой агитаціи. Въ первый разъ билль, вслѣдствіе недостаточнаго большинства, не могъ пройти, и окончательно онъ былъ принятъ въ 1894 году.

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ въ первый разъ, и то безъ какой-либо особой предварительной агитаціи, билль о женскомъ равноправіи былъ предложенъ въ 1890 г. и сталъ закономъ въ 1901 г.

Въ западной Австраліи избирательныя права были предоставлены женщинамъ въ 1898 году.

Въ Куинслэндѣ агитація за женское равноправіе, можно сказать, началась лишь въ 1894 г., когда тамъ была основана ассоціація съ цѣлью борьбы за женскія права, и цѣль достигнута была около года тому назадъ.

Лишь одна колонія въ Австраліи еще до сихъ поръ не предоставила избирательныхъ правъ женщинамъ, и это—Викторія, но и здѣсь женщины пользуются избирательными правами на выборахъ въ федеральный парламентъ, и въ 1904 г. въ этой колоніи однимъ изъ 18 кандидатовъ въ сенатъ выступила даже женщина, Вида Голдштейнъ, получившая 51.497 голосовъ. Если бы она получила 85.387 голосовъ, то она была бы теперь сенаторомъ федеративной Австраліи.

Болѣе продолжительную и энергичную борьбу за парламентскія права пришлось выдержать женщинамъ въ Новой Зеландіи, гдѣ билль въ их пользу былъ внесенъ еще въ 1878 г., но неудачно. Все же законъ о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ былъ, наконецъ, принятъ въ 1893 г., и съ тѣхъ поръ на парламентскихъ выборахъ въ Новой Зеландіи женщины участвуютъ наравнѣ съ мужчинами, причемъ никакой разницы не дѣлается между бѣлокожими и мѣстнымъ племенемъ маори.

Успѣхъ женскаго движенія въ Австраліи и Новой Зеландіи сами дѣятельницы этого движенія объясняютъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что тамъ существуетъ сильная рабочая партія, вписавшая въ свою программу политическое равноправіе женщинъ. Не считай эта партія женскій вопросъ однимъ изъ своихъ спеціальныхъ работъ, женщины въ Австраліи, вѣроятно, находились бы еще въ таковомъ же положеніи, какъ и ихъ сестры въ Канадѣ и Англіи. И дѣйствительно, стоитъ только ознакомиться съ исторіей женскаго эмансипаціоннаго движенія въ Англіи, чтобы сейчасъ же увидѣть его слабость именно въ отсутствіи вокругъ него партійной борьбы. Если бы одна парламентская партія была за женскія избирательныя права, а другая противъ нихъ, то женщины въ Англіи уже навѣрно давно обладали бы этими правами. Но, къ ихъ несчастью, обѣ партіи относятся къ вопросу совершенно одинаково, т.-е. съ полнымъ безразличіемъ или со скрытымъ антоганизмомъ, и поэтому онъ какъ бы застрялъ посрединѣ пути. Нѣтъ вокругъ него живой партійной борьбы, нѣтъ ни энергичнаго наступленія, ни яростнаго отпора, хотя женскій вопросъ имѣетъ своихъ преданнѣйшихъ сторонниковъ и противниковъ. Однако, обратимся къ нѣкоторымъ фактамъ изъ исторіи борьбы за женскія права въ Англіи.

II.

Къ чести англійскихъ женщинъ слѣдуетъ сказать, что первые шаги въ борьбѣ за свою равноправность онѣ сдѣлали сами, не ожидая помощи мужчинъ. Въ настоящее время изъ группы піонеровъ женскаго движенія въ Англіи остались въ живыхъ уже очень немногія, но въ свое время это были высокодаровитыя, образованныя и энергичныя женщины. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Бодишонъ, Дэвисъ, Гарретъ-Андерсонъ и другія, составили себѣ послѣ имя, какъ піонеры женскаго образованія, врачебной профессіи среди женщинъ,

женскихъ филантропическихъ обществъ и другихъ сторонъ дѣятельности, прежде для женщинъ недоступной. Другія же, какъ миссъ Беккеръ, всецѣло отдали жизнь борьбѣ за избирательныя права. По своему общественному положенію первыя дѣятельницы женскаго движенія въ Англіи, за однимъ или двумя исключеніями, принадлежали къ такъ называемому среднему классу. Это были жены и дочери профессоровъ, купцовъ, докторовъ, фермеровъ. Лишь какъ исключеніе, въ движеніе замѣшались графиня Эмберли (дочь извѣстнаго премьера, лорда Джона Ресселя) и леди Лэнгтонъ, дочь герцога Букингемскаго (нынѣ вымершій титулъ). Изъ рабочаго же класса въ первые годы движенія никто не участвовалъ.

Этотъ почти исключительно средне - классный, презрительно именуемый буржуазный, характеръ происхожденія піонерокъ ничуть не смущалъ ихъ. Напротивъ, нѣкоторыя видѣли именно въ этомъ своемъ происхожденіи главное побужденіе къ дѣятельности въ пользу эмансипаціи. «Что мнѣ хочется больше всего,—писала госпожа Беккеръ,—это, чтобы мужчины и женщины среднихъ классовъ стояли между собою на такой же равной ногѣ, какъ это принято въ рабочихъ кругахъ и въ самой высшей аристократіи. Какая нибудь великосвѣтская дама или фабричная работница независимыя лица, въ то время какъ женщины средняго класса сами по себѣ—ничто».

Интересъ женщинъ къ общественнымъ вопросамъ г-жа Беккеръ считала не только необходимымъ для самихъ женщинъ, но и для мужчинъ, такъ какъ своей косностью и апатіей первыя принижаютъ политическій уровень послѣднихъ, и наоборотъ, своимъ участіемъ ко всему, что выходитъ изъ узкихъ предѣловъ семейнаго и личнаго благополучія, женщины возвышаютъ мужчинъ.

Органомъ піонерокъ женской эмансипаціи въ Англіи явился «Englishwoman's Sowmal», основанный небольшой группой женщинъ въ 1858 г., и въ первомъ нумерѣ этого журнала былъ данъ небольшой обзоръ тѣхъ первыхъ шаговъ, которые сдѣланы уже англичанами въ борьбѣ за свою эмансипацію. Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что уже лѣтомъ и зимою 1855 года по Англіи обращались петиціи, изображавшія несправедливости, которыя женщины терпятъ отъ законовъ, касающихся имущественныхъ правъ замужнихъ. Эти петиціи были организованы двумя «филантропическими леди», собравшими къ марту 1856 года около 30.000 подписей. Одна изъ петицій носила 3.000 подписей однѣхъ только женщинъ, а другія были смѣшаннаго характера. Но, повидимому, въ первой фазѣ борьбы за женскую эмансипацію вопросъ о парламентскихъ правахъ почти и не поднимался. Все дѣло шло о правахъ такъ называемыхъ гражданскихъ, а не политическихъ. Женщины требовали доступа въ университеты, отмѣны законовъ, ставящихъ ихъ въ имущественномъ отношеніи подъ опеку мужей, доступа въ разныя профессіи и тому подобныхъ, такъ сказать, элементарныхъ правъ взрослыхъ людей. Правда, историкъ борьбы за парламентскія права женщинъ въ Англіи, Елена Блэкбэрнъ, въ своей книжкѣ, изданной въ 1902 г., воспроизводитъ листокъ—возваніе о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ, распространявшійся еще въ 1847 году. Но повидимому это воззваніе было единоличнымъ дѣломъ одной квакерши, горячей проповѣд-

ницы женскаго равноправія, нѣкоей Анны Найтъ, и ничуть не составляло выраженія какой-нибудь организаціи или вообще широкой пропаганды.

Настоящимъ образомъ англичанки принялись агитировать въ пользу избирательныхъ правъ лишь со второй половины 60-хъ годовъ. Время тогда казалось въ высшей степени благопріятнымъ. Англія, которая въ своемъ законодательствѣ руководствуется всегда не отвлеченными принципами, а практическими нуждами, въ шестидесятые годы какъ бы подпала подъ вліяніе теоретическаго радикализма, главою котораго выступалъ Джонъ Ст. Милль. Вліяніе Милля оказалось для женскаго движенія огромнымъ. Онъ не только выступилъ какъ авторъ извѣстнаго и замѣчательнаго трактата «О подчиненіи женщины», но и какъ практическій дѣятель, какъ защитникъ женскихъ правъ въ парламентѣ, куда онъ былъ избранъ въ 1865 году.

Къ тому же времени стала подготовляться реформа общаго избирательнаго права, и женщины, воспользовавшись этимъ, требовали, чтобы и ихъ не забыли при проведеніи этой реформы. Расцвѣтомъ пропаганды въ пользу женскихъ правъ можно считать 1867—1872 годы. Въ 1867 г. были основаны въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Эдинбургѣ, Бристолѣ и Бирмингамѣ первые комитеты съ цѣлью добиться избирательныхъ правъ для женщинъ, соединившіеся въ слѣдующемъ году въ національный союзъ женскихъ избирательныхъ правъ, и въ томъ же году въ первый разъ вопросъ о дарованіи женщинамъ политическаго равноправія былъ поднятъ въ англійскомъ парламентѣ. Вопросъ былъ внесенъ Дж. Ст. Миллемъ, предложившимъ замѣнить слово «men» (обозначающее на англійскомъ языкѣ люди и мужчины) словомъ «person» (лицо) въ биллѣ объ избирательной реформѣ. Слово «person» можетъ и даже, согласно авторитетному толкованію, должно обнимать лица обоего пола, въ то время какъ «men» можетъ быть подразумеваемо лишь въ ограничительномъ значеніи «мужчины». Свое предложеніе Милль обосновалъ небольшой, но въ высшей степени сильной рѣчью, въ которой онъ, можно сказать, исчерпалъ всѣ аргументы права и справедливости. «Позвольте спросить,—сказалъ онъ между прочимъ,—въ чемъ заключается смыслъ политической свободы? Развѣ не въ томъ, что тѣ граждане, которые не занимаются спеціальными государственными дѣлами, въ состояніи контролировать тѣхъ, которые занимаются ими? Развѣ сущность свободной конституціи не состоитъ въ томъ, что люди на время оставляютъ свои станки и молоты, чтобы рѣшить и рѣшить, хорошо, управляются ли они какъ слѣдуетъ и кѣмъ слѣдуетъ?»

Прекрасная рѣчь великаго мыслителя, однако, не въ состояніи была убѣдить парламентъ, и палата общинъ 196 голосами противъ 73, т.-е. большинствомъ 123 голосовъ, отвергла предложеніе Милля.

Однако, первые дебаты въ палатѣ общинъ о женскихъ избирательныхъ правахъ сослужили свою службу, хотя бы уже тѣмъ, что, во-первыхъ, обнаружили огромное сочувствіе женскому равноправію среди самыхъ высокихъ руководящихъ сферъ англійской общественной жизни и, во-вторыхъ, показали, что въ вопросѣ о своей эмансипаціи англійскія женщины должны полагаться не на ту или другую партію, а на развитіе общественной совѣсти и политическій

ростъ народа. Являясь дѣломъ не *насущной практической* потребности, составляющей источникъ англійскаго законодательства, а дѣломъ принципа, дѣломъ развитой и чуткой общественной совѣсти, равноправіе женщинъ можетъ быть осуществлено въ Англіи лишь при подъемѣ чувства справедливости до той высоты, при которой всякая неправда, какъ бы теоретична и отвлеченна она ни казалась, начинаетъ считаться аномаліей и болѣзненнымъ наростомъ. Этому-то пробужденію совѣсти и посвятили себя дѣятели женской эмансипаціи, и чѣмъ дальше, тѣмъ успѣшные оказывалась ихъ пропаганда. Начиная съ 1868 года женщины открыли рядъ публичныхъ митинговъ въ провинціи и въ Лондонѣ, спеціально посвященныхъ политическому равноправію женщинъ. Первый публичный митингъ англійскихъ женщинъ, требовавшихъ правъ, состоялся 14 апрѣля 1868 г. въ Манчестерѣ. Послѣ этого послѣдовалъ и рядъ другихъ митинговъ съ распространеніемъ брошюръ и листковъ въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Въ то же время началось усиленное собираніе подписей для петицій, почти ежегодно представлявшихся парламенту. Въ среднемъ между 1869 и 1879 гг. собиралось ежегодно до 200.000 подписей. Энергичнаго сторонника женскихъ правъ дѣятели женскаго движенія нашли въ тогдашнемъ вождѣ консервативной партіи, Дизраели, который неизмѣнно подавалъ свой голосъ въ пользу дарованія женщинамъ равноправія.

Рядомъ съ петиціями парламенту женщины продолжали дѣйствовать черезъ своихъ друзей и въ самомъ парламентѣ, гдѣ то и дѣло предпринимались попытки проведенія билля въ пользу женщинъ. Неудача Дж. Ст. Милля не только не обезкуражила ихъ, а напротивъ, подстрекала къ дальнѣйшимъ попыткамъ, которыя продолжаются понынѣ, хотя и безуспѣшно. Билли о дарованіи женщинамъ избирательныхъ правъ неизмѣнно проваливаются если не на голосованіяхъ, то вслѣдствіе снятія ихъ съ очереди по недостатку у палаты общинъ времени для обсужденія ихъ.

Послѣ неудачной попытки Милля билль былъ внесенъ второй разъ въ 1870 г. Джекобомъ Браитомъ. При второмъ чтеніи биллю посчастливилось, и онъ получилъ большинство 33 голосовъ; но когда онъ былъ внесенъ въ «комитетъ», т.-е. для обсужденія по статьямъ, то онъ былъ отклоненъ 220 противъ 94 голосовъ. И главнымъ оппонентомъ его выступилъ тогда Гладстонъ, объ отношеніи котораго къ равноправію женщинъ мы скажемъ еще дальше.

Затѣмъ билли вносились въ 1871, 1872 и 1873 годахъ, но отвергались каждый разъ на второмъ чтеніи. Въ 1874 г. никакихъ дебатовъ по женскому вопросу въ парламентѣ не состоялось. Въ 1875 и 1876, какъ и въ 1878 и 1879 гг., билли о женскомъ равноправіи опять вносились, но отклонялись на второмъ чтеніи, при этомъ большинство противниковъ все росло. 1880, 1881 и 1882 гг. прошли безъ дебатовъ. Въ 1883 г. была сдѣлана попытка не провести билли, а добиться лишь резолюціи, но и она оказалась неблагопріятной. Вообще 1880—1884 года были наименѣе благопріятными для женскаго движенія. Во главѣ правительства стоялъ тогда Гладстонъ, противникъ движенія; общественное же мнѣніе было поглощено ирландскими, египетскими и иными дѣлами, оставлявшими мало мѣста для «отвлеченнаго» женскаго во-

проса. Впрочемъ, и дальнѣйшіе годы оказались мало благопріятными для парламентскихъ дебатовъ о женскомъ биллѣ. Правительство стало все больше и больше присваивать себѣ все время въ парламентѣ, и для частной законодательной инициативы, особенно по вопросамъ, столь слабо волнующимъ общество, какъ женское равноправіе, почти не оставалось мѣста. Вотъ почему съ 1886 г. по 1904 билль о женскомъ равноправіи удостоился дебатовъ и голосованія лишь три раза. Послѣдній разъ, въ 1897 г., онъ прошелъ во второмъ чтеніи даже съ большинствомъ голосовъ, но зато противникамъ его удалось помѣшать обсужденію его въ комитетѣ, гдѣ вмѣстѣ съ другими биллями онъ долженъ былъ разсматриваться 7-го іюля того же года. Пользуясь тѣмъ, что женскому биллю предшествовали другіе, нѣкоторые члены парламента съ радикаломъ Лабушеромъ во главѣ нарочно очень долго обсуждали ихъ, такъ что не осталось времени для билля о женскомъ равноправіи. Даже «Times» назвалъ этотъ маневръ «недостойной уловкой», которая, однако, оказалась неисправимой.

Въ нынѣшнемъ парламентѣ, избранномъ въ 1900 г., вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ дебатировался лишь разъ, 16 марта 1904 г., и то не по поводу билля, а по поводу резолюціи, внесенной Макъ-Лареномъ и состоявшей въ томъ, что «по мнѣнію парламента, неправоспособность женщинъ на парламентскихъ выборахъ должна быть устранена законодательнымъ путемъ». За резолюцію было подано 182 голоса, противъ 68. Такимъ образомъ, парламентъ подтвердилъ мнѣніе, высказанное имъ по поводу билля въ 1897 г., хотя резолюція 1904 года, какъ и билль 1897 г., оказалась лишь пустоцвѣтомъ.

Такимъ образомъ, политическое равноправіе женщинъ въ Англіи все еще ждетъ своего осуществленія, несмотря на то, что піонерки движенія въ концѣ 60-хъ годовъ были убѣждены, что выборы парламента въ 1868 г. будутъ послѣдними, въ которыхъ женщины не участвуютъ.

Однако, если женская эмансипація еще и не достигла вѣнца въ видѣ парламентскихъ правъ, то все же положеніе женщины въ политической и общественной жизни Англіи за послѣдніе 30 или 40 лѣтъ, т.-е. за періодъ такъ называемаго женскаго движенія, сдѣлало огромнѣйшіе успѣхи. И въ чемъ именно выражается этотъ успѣхъ, скажемъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Кромѣ чисто парламентской дѣятельности, современное свободное государство представляетъ огромное поле для участія въ политической и общественной жизни страны и другими способами. Вся область такъ называемыхъ мѣстныхъ интересовъ, если только она не ограничена искусственными рамками, настолько тѣсно переплетается съ національными и государственными интересами, что дѣятельность въ ней мало чѣмъ отличается отъ парламентской, имѣющей лишь привилегію законодательства. И именно въ области мѣстныхъ интересовъ англійская женщина достигла огромнѣйшихъ успѣховъ. Борьба за полное равноправіе если и не увѣнчалась вступленіемъ женщины въ парламентъ, то раскрыла для женщины двери въ другія учрежденія. Въ 1869 г. женщины

получили избирательныя права на думскихъ выборахъ. Въ 1870 г., при учрежденіи въ Англіи училищныхъ совѣтовъ, женщины получили съ мужчинами одинаковыя права не только избирать, но и быть избираемыми въ члены ихъ. Въ 1888 г. женщины получили избирательныя права при выборахъ членовъ совѣтовъ графствъ (земскихъ учрежденій). Закономъ 1894 г. женщины получили право голоса и право быть избранными въ члены приходскихъ и участковыхъ совѣтовъ, какъ и въ члены попечительствъ, вѣдающихъ «законъ о бѣдныхъ».

Лишь въ 1899 г. движеніе въ пользу расширенія женскихъ правъ въ Англіи сдѣлало какъ бы шагъ назадъ. Въ этомъ году былъ принятъ билль о преобразованіи лондонскаго самоуправленія, когда до 42 отдѣльныхъ управленій были соединены въ 28 такъ называемыхъ «boroughs» (отдѣльныхъ муниципалитетовъ), и женщины, имѣвшія право быть членами въ прежнихъ управленіяхъ, потеряли это право въ новыхъ. И лишь на-дняхъ сдѣлана въ парламентѣ попытка возстановить права женщинъ и для лондонскихъ «boroughs», какъ и вообще предоставить имъ право быть членами совѣтовъ графствъ. Билль этотъ прошелъ во второмъ чтеніи огромнымъ большинствомъ голосовъ, хотя закономъ въ ближайшемъ будущемъ онъ наврядъ ли станетъ, вслѣдствіе отсутствія у парламента достаточного времени для окончательнаго принятія его.

Нельзя, однако, сказать, чтобы женщины особенно сильно воспользовались своими правами быть избираемыми въ мѣстныя учрежденія. Изъ 24.310 членовъ попечительствъ Англіи (не считая Шотландіи и Ирландіи) женщинъ только 1.033, и изъ 3.300 сельскихъ совѣтниковъ только 109—женщины. Но все же въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщины занимаютъ самыя почетныя мѣста въ области самоуправленія. Достаточно сказать, что предсѣдателемъ школьнаго совѣта Эдинбурга въ 1900 г. была женщина, миссъ Флора Стивенсонъ.

Чтобы содѣйствовать расширенію женскихъ правъ въ области мѣстнаго управленія, было основано въ 1892 г. спеціальное общество, «The Women's Local Government Society». Цѣль этого общества въ одномъ отношеніи шире, чѣмъ цѣль обществъ парламентскихъ правъ. Въ то время какъ послѣднія общества стремятся лишь къ тому, чтобы женщины имѣли право подавать голоса на парламентскихъ выборахъ, первое стремится и къ тому, чтобы онѣ имѣли и право быть избираемыми, да не только имѣли бы это право, но и пользовались бы имъ. Упомянутая выше Елена Блэкбэрнъ, умершая въ годъ изданія своей исторіи и бывшая долгое время секретаремъ національнаго общества парламентскихъ правъ, слѣдующимъ образомъ объясняетъ точку зрѣнія борцовъ за политическое равноправіе женщинъ: «Право быть избраннымъ не составляетъ предмета нашихъ исканій. Право подачи голоса есть символъ свободы, которой ни одинъ человѣкъ не долженъ быть лишенъ въ свободной странѣ. Право же быть избранной на извѣстную должность есть лишь вопросъ пригодности даннаго лица для извѣстныхъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе противники женскаго равноправія всегда любятъ смѣшивать оба эти вопроса. Въ настоящее время женщины избираются въ члены мѣстныхъ учрежденій не по-

тому, что онѣ имѣютъ избирательное право, а потому, что законъ предоставилъ избирателямъ свободу выбирать въ свои представители, кого они хотятъ для службы въ членахъ сельскихъ совѣтовъ, попечительствъ и школьныхъ совѣтовъ».

Женское общество мѣстнаго самоуправленія, впрочемъ, стремится не только къ тому, чтобы женщины избирались въ члены разныхъ учрежденій, но и къ тому, чтобы ихъ назначали на разныя должности, особенно подходящія для женщинъ. И благодаря именно пропагандѣ этого общества, въ послѣдніе годы множество женщинъ назначено санитарными думскими инспекторами, фабричными инспекторами, завѣдующими регистраціей акушерокъ и на разныя другія административныя должности, однѣ изъ которыхъ зависятъ отъ правительства а другія отъ муниципальныхъ и иныхъ мѣстныхъ учрежденій. На дняхъ министерство просвѣщенія назначило и женщину на должность главнаго инспектора женскаго элементарнаго образованія.

Но, помимо этого, женщины участвуютъ не мало и въ парламентскихъ выборахъ. Не имѣя сами голоса, онѣ все-таки оказываютъ вліяніе на исходъ выборовъ своей пропагандой, своей помощью, которую онѣ оказываютъ парламентскимъ кандидатамъ, и своимъ личнымъ участіемъ въ бесѣдахъ съ отдѣльными избирателями. Въ прошлой моей статьѣ, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Міръ Божій», я уже имѣлъ случай упомянуть о женскихъ политическихъ организаціяхъ, какъ «Лига Примрота», ассоціація женщинъ либеральной партіи и др. Но этими организаціями политическая дѣятельность женщинъ далеко не ограничивается. На выборахъ 1900 года жены нѣкоторыхъ кандидатовъ пошли такъ далеко, что даже выпустили избирательные адресы за собственной подписью вмѣсто подписи самого кандидата. Такъ, леди Диксонъ-Пойндеръ напечатала письмо къ избирателямъ, въ которомъ она просила ихъ подавать голосъ за ея мужа, возращавшагося тогда съ войны въ южной Африкѣ. Она перечисляла всѣ доблести своего мужа, напомнила его заслуги въ прежней парламентской борьбѣ и выражала увѣренность, что избиратели не откажутъ ему въ полномочіи. Еще болѣе характернымъ былъ избирательный адресъ жены, нынѣшняго члена парламента полковника Багота, тоже бывшаго въ отсутствіи во время выборовъ. Г-жа Баготъ, заявивъ лишь, что мужъ вполнѣ согласенъ съ нею, начертала даже въ подписанномъ ею избирательномъ манифестѣ рядъ реформъ и принциповъ, на которые *она* согласна и которые она просила избирателей одобрить.

О вліяніи женщинъ на исходъ выборовъ 1900 года свидѣтельствовали и сами парламентскіе кандидаты, отозвавшіеся на приглашеніе редакціи «Gentlewoman» подѣлиться своими впечатлѣніями по поводу выборовъ. Какъ противники, такъ и друзья женскаго равноправія въ одинъ голосъ признали тогда огромныя услуги, оказанныя женщинами на выборахъ одинаково всѣмъ партіямъ.

Уже это одно широкое содѣйствіе мужчинамъ со стороны женщинъ на парламентскихъ выборахъ должно значительно приблизить время дарованія и женщинамъ права голоса. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать ихъ пригодными учить другихъ, какъ подавать голоса, и въ тоже время считать ихъ непригодными пользоваться правомъ голоса самимъ. Абсурдность такого положенія вещей

слишкомъ очевидна, чтобы оно могло долго продолжаться. Выходитъ, вопреки пословицѣ, что яйца курицу учатъ и что лицо, сужденіямъ котораго не довѣряютъ, приглашаютъ внушать эти сужденія другимъ, считающимся правоспособными. Вопросъ поэтому о дарованіи женщинамъ парламентскихъ правъ зависитъ въ Англіи уже не отъ аргументовъ за или противъ этого дарованія, не отъ разбора вопроса по существу, а отъ внѣшнихъ причинъ, какъ комбинація политическихъ партій и пересмотръ общаго избирательнаго права.

Этимъ надеждамъ англійскихъ женщинъ на болѣе или менѣе скорое осуществленіе ихъ стремленій мы и посвятимъ нашу заключительную главу.

IV.

Какъ мы уже замѣтили въ началѣ этой статьи, слабость женскаго движенія въ Англіи заключается въ отсутствіи вокругъ него борьбы партій, составляющей во всѣхъ конституціонныхъ странахъ истинный двигатель прогресса. Англлійскіе консерваторы, какъ партія, вовсе не стоятъ противъ равноправія женщинъ. Напротивъ, наиболѣе выдающіеся вожди ихъ за послѣдніе 35 или 40 лѣтъ, Дизраели, Салисбери и Бальфуръ, были большей или меньшей степени сторонниками женскихъ парламентскихъ правъ. Быть можетъ, эти вожди разсчитывали на консервативный инстинктъ, которымъ будто обладаютъ женщины; быть можетъ, ихъ симпатіи не были искренни и они заявляли себя женскими эмансипаторами лишь потому, что отъ этого ничего не проигрывали, такъ какъ знали, что все одно изъ ихъ симпатій ничего не выйдетъ. Но фактъ тотъ, что консервативные вожди не только произносили рѣчи въ пользу дарованія англійскимъ женщинамъ избирательнаго права, но всегда подавали и свой голосъ при вотированіи вопроса въ пользу женщинъ. Правда, Солисбери настоялъ на отклоненіи билля въ пользу женщинъ, внесеннаго лордомъ Денманомъ въ 1887 г. Но, по его собственнымъ словамъ, билль былъ имъ отклоненъ не по существу, а по причинамъ формальнымъ, хотя женщинамъ отъ этого, конечно, не легче.

Но несмотря на свои симпатіи къ женскому равноправію, вожди консервативной партіи все же не брали на себя почина законодательства въ пользу его, потому что другая партія этого ни требовала, ни оспаривала. Реформа же избирательнаго права слишкомъ серьезная мѣра, чтобы затѣять ее безъ настойчиваго и ясно выраженнаго требованія той или другой партіи, да и тогда она мыслима лишь при явной постановкѣ вопроса на общихъ парламентскихъ выборахъ.

Съ другой же стороны, и либеральная партія, хотя всегда высказывала больше сочувствія равноправію женщинъ, чѣмъ консерваторы, далеко не была такъ единодушна въ этомъ вопросѣ, какъ, напримѣръ, по вопросу объ избирательныхъ правахъ нѣкоторыхъ категорій мужской половины населенія. А наиболѣе выдающійся вождь либеральной партіи за послѣдніе 30 лѣтъ прошлаго столѣтія, Гладстонъ, именемъ котораго либеральная партія даже называлась, былъ открытымъ противникомъ женскихъ парламентскихъ правъ. Точка зрѣнія Гладстона была особенная. Онъ не отрицалъ за женщинами способности судить

о политическихъ дѣлахъ не хуже мужчинъ. Онъ только боялся, что женщины на правѣ голоса не остановятся, а пожелаютъ быть и членами парламента, а это право, въ свою очередь, должно неминуемо повлечь за собою право быть судьей, посланникомъ, министромъ.

Конечно, для обыкновеннаго ума тутъ ничего страшнаго нѣтъ. Отчего женщинѣ не быть судьей, если она своей жизнью показала, что она правдива, нелицепріятна и съ юридическимъ образованіемъ? Но Гладстонъ съ его огромнымъ умомъ раскрывалъ какія-то «тонкія и глубокія» разницы въ характерахъ обоихъ половъ, дѣлающихъ одинъ способнымъ для государственной службы, а другой для семейной и домашней.

Свою точку зрѣнія, впрочемъ, не совсѣмъ новую, Гладстонъ изложилъ въ 1892 г. въ письмѣ на имя члена парламента Самуэля Смита и тѣмъ провалилъ билль, внесенный тогда въ пользу женскихъ правъ консерваторомъ Роллитомъ.

«Право подавать голосъ на парламентскихъ выборахъ,—писалъ тогда Гладстонъ,—обнимаетъ собою, по духу англійской конституціи, и право быть членомъ парламента. Право же засѣдать въ парламентѣ юридически и фактически влечетъ за собою право занимать всякую государственную должность. Неужели мы станемъ устанавливать двѣ категоріи членовъ парламента, одну, имѣющую право занимать любую должность, и другую съ ограниченными правами? Такая отмѣтка была бы клеймомъ. Ничего нѣтъ ненавистнѣе и абсурднѣе, какъ ограниченіе права, не основанное на какомъ-либо широкомъ и ясномъ принципѣ. Но развѣ можетъ быть такимъ принципъ, допускающій женщину въ парламентъ и отказывающій ей въ судейской должности! Такое различіе было бы противно чувству справедливости и логикѣ».

И вотъ, считая, что предоставленіе парламентскаго избирательнаго права значило бы предоставить женщинамъ все поле судебной и административной дѣятельности, великій государственный человѣкъ предпочелъ вовсе не давать имъ парламентскихъ правъ.

Примѣру Гладстона послѣдовали и менѣе значительные вожди, какъ Аскитъ, Брайсъ и Лабушеръ. Отъ борьбы нынѣшнихъ двухъ партій женщинамъ поэтому ждать нечего. Но если ни одна партія не возьметъ на себя отвѣтственности внести билль о женскомъ равноправіи, то послѣднее все же можетъ быть достигнуто, такъ сказать, контрабанднымъ путемъ, составивъ часть общей избирательной реформы. Говоря въ пользу билля 1892 г., Бальфуръ, произнесшій тогда блестящую рѣчь, въ опроверженіе доводовъ, изложенныхъ въ письмѣ Гладстона, закончилъ слѣдующими словами: «Насколько мнѣ извѣстно, билль теперь не пройдетъ, но вы можете быть увѣрены, что если будутъ введены какія-нибудь новыя перемѣны въ наше избирательное право, то вопросъ о женскомъ правѣ голоса къ тому времени настолько созрѣетъ, что его нельзя будетъ уже третировать, какъ академическій лишь планъ, поддерживаемый группой мечтателей».

То же самое высказалъ и Солисбери въ 1891 г.: «По моему мнѣнію, вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій, касающихся избирательныхъ правъ женщинъ, придется рѣшить при первой-же избирательной реформѣ».

А такъ какъ избирательная реформа составляетъ пунктъ очередной программы либеральной партіи, то надежды друзей женскаго равноправія въ Англіи гораздо ближе къ осуществленію, чѣмъ можетъ казаться. Особенно сильны должны быть эти надежды въ виду того, что за послѣдніе три или четыре года въ борьбѣ за избирательныя права стали принимать живое участіе и женщины рабочаго класса, среди которыхъ фабричныя работницы бумагопрядиленъ и ткацкихъ фабрикъ Ланкашира и Іоркшира играютъ первую роль. Первая петиція фабричныхъ работницъ, требующихъ избирательныхъ правъ, была доложена палатѣ общинъ въ 1901 г. и носила 29.359 женскихъ подписей. Другія двѣ петиціи, одна изъ которыхъ имѣла 33.000, а другая 4.000 подписей, были представлены въ 1902 г. Эти петиціи были привезены въ Лондонъ представительницами работницъ и лично переданы въ руки членовъ палаты общинъ, представляющихъ въ парламентѣ соотвѣтственные участки Ланкашира и Іоркшира.

Приводимъ текстъ этихъ петицій, въ свое время возбудившихъ большой интересъ и составляющихъ по настоящее время образецъ для петицій, подписи къ которымъ собираются въ другихъ отрасляхъ женскаго труда.

«По мнѣнію вашихъ петиціонеровъ (просителей), упорное отказываніе женщинамъ въ избирательномъ правѣ несправедливо и нецѣлесообразно.

«У домашняго очага положеніе ихъ принижено вслѣдствіе исключенія ихъ изъ обязанностей, налагаемыхъ національной жизнью.

«На фабрикѣ ихъ положеніе, вслѣдствіе отсутствіе женскаго представительства въ парламентѣ, зависитъ отъ порядковъ, устанавливаемыхъ мужчинами, которые часто являются ихъ конкурентами въ трудѣ.

«Въ парламентѣ интересы женщинъ пренебрегаются.

«А посему ваши петиціонеры покорнѣйше просятъ вашу почетную плату провести мѣру, которая распространила бы избирательное право на всѣхъ женщинъ, отвѣчающихъ установленнымъ условіямъ».

Въ 1903 году Джонъ Бернсъ представилъ петицію, подписанную 8.600 портнихами западнаго Райдинга (въ Іоркширѣ). Въ 1904 г. были предоставлены петиціи отъ работницъ въ гончарномъ, гвоздильномъ, чулочномъ и прядильномъ отрасляхъ труда.

Это обращеніе въ парламентъ съ петиціями со стороны рабочихъ женщинъ несомнѣнно представляетъ совершенно новое явленіе и самое многообѣщающее въ женскомъ движеніи въ Англіи. До сихъ поръ петиціи требовавшія женскаго равноправія, исходили исключительно изъ круговъ обезпеченнаго класса, и это происхожденіе петицій давало поводъ многимъ даже вполнѣ благомыслящимъ людямъ насмѣшливо говорить о женскомъ движеніи, какъ о «дамскомъ» забывая, что и «дамы», и «буржуйки» тоже имѣютъ права на свободную и равноправную съ мужчинами жизнь. Выступленіе на арену женской борьбы фабричныхъ работницъ сразу дѣлаетъ изъ «дамскаго» движенія нѣчто реальное, глубокое и серьезное, которому никто не смѣетъ отказать въ сочувствіи.

С. И. Рапопортъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Іюнь. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Публицистика.—Исторія всеобщая и русская. — Соціологія и политическая экономія. — Философія. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

О. Шапиръ. „Не повѣрили".—*Н. Брешко-Брешковскій*. „Опереточныя тайны".— *В. Гарманъ*. „Книга вступленій".—*С. Лагерлефъ*. „Въ Іерусалимъ".

Не повѣрили. Повѣсть Ольги Шапиръ. Спб. 1905. Ц. 1 р. Не повѣрили... тому, что молодая дѣвушка изъ хорошей семьи, но круглая сирота, воспитанная у зажиточныхъ родственниковъ и соблазненная женатымъ человѣкомъ, который обѣщалъ на ней жениться, однако, не сдержалъ слово, и стала она переходить изъ рукъ въ руки,—захотѣла вернуться на стезю добродѣтельной жизни и зарабатывать себѣ пропитанье честнымъ трудомъ, т.-е. въ данномъ случаѣ стать оперной пѣвицей; но ей «не повѣрили», предложили ей мѣсто въ опереткѣ, окружили мишурной роскошью дамы полусвѣта и дали ей почувствовать, что, разъ сдѣлавшись кокоткой, она уже на вѣкъ обречена, и если она не хочетъ подчиниться роковой необходимомости, то ей житья нѣтъ на землѣ. Доведенная до такого сознанія, Марта (такъ зовутъ героиню повѣсти) дѣйствительно, кончаетъ съ собой, завѣщавъ своему послѣднему обожателю лишь просьбу поставить на ея могилѣ статую ангела изъ бѣлаго мрамора; посмертное желанье Марты свято выполнено.

Такова несложная тема повѣсти г-жи Ольги Шапиръ. Произведеніе это, вышедшее нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ, первоначально печаталось въ «Сѣверн. Вѣстн.». Оно слегка отзывается «старинкой», прежними пріемами реабилитаціи «падшей женщины», которую «жестокій свѣтъ» не хочетъ принять обратно въ свою среду и безжалостно толкаетъ все дальше по наклонной плоскости порока.

Мартѣ не повѣрили, прежде всего, потому, что не хотѣли вѣрить, что это представлялось неудобнымъ, стѣснительнымъ для тѣхъ, которые, принадлежатъ къ свѣтскому обществу, устраиваютъ себѣ параллельно жизнь a parte въ обществѣ веселыхъ дамъ и ревниво оберегаютъ «классовую рознь». Въ повѣсти г-жи О. Шапиръ фабула развивается на сопоставленіи Марты, выступившей въ роли падшей женщины, и ея двоюродной сестры Лидіи Васильевны, съ которой онѣ вмѣстѣ росли и воспитывались, пока не случилось рокового событія въ жизни Марты. Только послѣ выхода замужъ Лиды, ставшей г-жой Бервиль, женой весьма корректнаго и состоятельнаго петербургскаго чиновника, Марта рѣшается къ ней пріѣхать и сообщить о своемъ намѣреніи перемѣнить образъ жизни. Лида относится къ ней съ полнымъ довѣреніемъ и сочувствіемъ, но родные—и прежде всего мужъ и мать—всячески препятствуютъ ей видѣться съ Мартой, ставятъ на видъ все неприличіе знакомства съ «содержанкой» и

въ концѣ концовъ Лиду увозятъ въ Москву подъ предлогомъ отдать визиты родственникамъ, пріѣхавшимъ на свадьбу Бервилей. Лида слабо протестуетъ противъ домашней тираніи. Она ссорится съ мужемъ, но все же подчиняется ему и продолжаетъ быть въ него влюбленной. Только послѣ смерти Марты она поняла весь трагизмъ ея положенія. Почтенной писательницѣ удалось довольно жизненно обрисовать всю жестокую пошлость мѣщанскихъ воззрѣній на жизнь, самымъ ревностнымъ поборникомъ которыхъ въ повѣсти выступаетъ самъ г. Бервиль, но образъ получился слишкомъ схематичный, фигуры съ ярлыкомъ. Наиболѣе удачны сцены свиданій Марты и Лиды, закулисныя исторіи, предшествованія дебюту Марты въ роли оперной пѣвицы, ея безпомощность, лихорадочное метаніе изъ стороны въ сторону, чтобы выбраться изъ омута, который все же въ концѣ концовъ ее засосалъ, ироническіе отзывы о ней знакомыхъ и бывшихъ родственниковъ, нелѣпое воспитаніе, лишившее не только Марту, но и Лиду способности стоять твердо на своемъ, мыслить и дѣйствовать самостоятельно. Образъ Марты, самъ по себѣ, очерченъ не особенно ярко; ея претензіи—безъ особыхъ голосовыхъ средствъ и безъ серьезнаго музыкальнаго образованія, которое ей замѣняютъ нѣсколько уроковъ пѣнія, взятыхъ сразу «у двухъ профессоровъ», довольно наивны; ея предположенье, что можно, и даже неизбѣжно, сперва залучиться протекціей вліятельныхъ лицъ путемъ соблазна и доступности, а потомъ стать добродѣтельной—характерно по своей несостоятельности. Она не знала любви и поднимаетъ ее не какое-либо новое, охватившее ее чувство, а остатокъ прежней «порядочности», заставляющій ее стремиться къ честной жизни. Послѣдняя часть повѣсти очень растянута и разсудочна. Но если въ художественномъ отношеніи повѣсть не выдается безупречной цѣльностью и яркостью кисти, общее направленіе ея проникнуто несомнѣнно гуманнымъ стремленіемъ и правильно умозаключаетъ авторъ, что—«каждая отдѣльная жизнь пробивается слабенькой струйкой въ океанѣ жестокости, въ какой сливается жизнь всего міра»... *Ѳ. Б.*

Н. Н. Брешко-Брешковскій. Опереточныя тайны. Спб. 1905 г. Ц. 50 коп. Вообще г. Брешко-Брешковскій питаетъ слабость къ такимъ заглавіямъ, отъ которыхъ, по выраженію одного провинціальнаго антрепренера, собаки воютъ и дамы въ обморокъ падаютъ. Шопотъ жизни, Въ царствѣ красокъ, Изъ акцизныхъ мелодій, Тайна винокуреннаго завода, Опереточныя тайны и т. д., и т. д. Вѣроятно, такія заглавія дѣйствуютъ раздражающимъ образомъ на любопытство читающей публики изъ Апраксина рынка. Не даромъ же столь колоссальнымъ успѣхомъ пользуется и до сихъ поръ добрый старый романъ подъ соблазнительнымъ заглавіемъ: «*Исторія о славномъ и храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венеціалѣ и о прекрасной королевѣ Ренцывенѣ, съ присовокупленіемъ исторіи о могучемъ турецкомъ генералѣ Марцымирисѣ и о маркграфинѣ Бранденбургской Шарлотѣ*». А Гуакъ, или непреоборимая вѣрность? А Англійскій милордъ Георгъ? А Суматоха въ корридорѣ, или храбрый генералъ Анисимовъ? Книжечки эти разошлись по Россіи не въ одномъ милліонѣ экземпляровъ. Но пусть же г. Брешко-Брешковскій не забываетъ, что успѣхъ ихъ—это лавры подкаретной литературы.

«Опереточныя тайны» представляютъ собою окрошку изъ староньких-престареньких кусочковъ, бывшихъ въ употребленіи, по крайней мѣрѣ, уже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Здѣсь и опереточный премьеръ съ «яркими чувственными губами» и съ «сочнымъ бархатнымъ баритономъ», насвистывающій «бравурные» мотивы, и покровитель искусства корнетъ Бѣлокопытовъ, и богачъ Крайндель (въ прежнихъ пьесахъ—толстый банкиръ), и пропившійся, но глубоко честный въ душѣ, старый актеръ Штейнъ словомъ персонажи сильно подержаные. Какъ новость, затесался въ этотъ романъ художникъ Тарасевичъ, который на сценѣ во время антрактовъ—что ужъ вовсе не вѣро-

ятно—пишетъ опереточные этюды. Затѣмъ. конечно, ужины, шампанское, и, какъ всегда у г. Брешко-Брешковскаго, женщины съ адски-звѣрски-пламенными темпераментами и съ тѣлами, похожими на «теплый, упругій, мраморный бархатъ». У Гоголя есть учитель исторіи, который пока толкуетъ объ ассиріанахъ и вавилонянахъ, еще туда, сюда, но какъ дойдетъ до Александра Македонскаго, то самъ себя не помнитъ. Такъ и г. Брешко-Брешковскій; когда рѣчь заходитъ у него о женщинахъ, начинается какое-то разнузданное, истеричное, припадочное вранье, въ которомъ даже нѣтъ настоящей здоровой чувственности, а просто такъ себѣ—упражненія чисто головного характера, тотъ нелѣпый хвастливый и дикій разговоръ о женщинахъ, которымъ на гауптвахтѣ сокращаютъ свой досугъ арестованные за буйство подпоручики. Помилуйте! «Чувственныя губы, точно кровью вымазаны, жаждутъ крови». «Вся эта женщина была одно грѣшное, ослѣпительное, трепещущее отъ желаній тѣло, которое каждымъ нервомъ своимъ, казалось, *вопіяло* (хорошъ глаголъ, нечего сказать!):

«— Возьми меня, ласкай, упивайся мною».

«Она замерла въ ожиданіи». «Дико, чудовищно не броситься и не покрыть ее поцѣлуями». «Красавица *созерцала* свой пышный бюстъ»...

Ну, и такъ далѣе. Литература... хе-хе-хе... для старичковъ-съ... Общій же выводъ изъ романа, какъ впрочемъ и изъ всѣхъ произведеній г. Брешко-Брешковскаго—это то, что авторъ любитъ женщинъ и притомъ полныхъ. Ему и книги въ руки.

Боюсь, что невольно дѣлаю рекламу г. Брешко-Брешковскому. Есть этакія изданьица, вродѣ, напр. «Тайны супружескаго алькова», «Интимная красота женщины», «Вѣрное средство въ любви и тому подобныя». Писать о нихъ, хотя бы и неодобрительно, это значитъ способствовать ихъ распространенію. Вотъ поэтому то я и оговариваюсь: въ произведеніяхъ г. Брешко-Брешковскаго звучитъ не страсть а—passez le mot—голая порнографія и притомъ холоднориторичная, искуственно-взвинченая, вымученная. Любители, купивъ его книжку, разочаруются.

Притомъ я бы и вовсе не упоминалъ о романахъ г. Брешко-Брешковскаго, если бы, къ крайнему моему сожалѣнію, не видѣлъ, что этотъ авторъ все-таки можетъ писать и писать недурно. Онъ знаетъ хорошо бытъ юго-западныхъ окраинъ, не лишенъ наблюдительности, чувствуетъ природу. Даже и въ «Опереточныхъ тайнахъ» есть два три интересныхъ, свѣжихъ мѣста, напр. описаніе провинціальнаго городка въ самомъ началѣ романа, полторы странички въ послѣдней главѣ ссора опереточнаго премьера съ женой, разсказъ о томъ, какъ Штейнъ бьетъ стекла въ ресторанѣ. Но эти крошки дарованія тонутъ въ огромномъ морѣ пошлости, трафаретныхъ пріемовъ и преувеличенной, скучной лжи.

Все это, впрочемъ, и раньше говорилось г. Брешко-Брешковскому. Говорилось ему также и о томъ, что неприлично упоминать въ современныхъ повѣстяхъ фамиліи нынѣ здравствующихъ людей, а у него на каждомъ шагу—то извѣстный художникъ Новоскольцевъ, то знаменитый пѣвецъ Сѣверскій, то обаятельный Немировичъ-Данченко. Неужели авторъ не понимаетъ, какъ это должно коробить читателя?

Но, очевидно, г. Брешко-Брешковскаго не передѣлаешь. Повидимому, этотъ молодой писатель отлился въ окончательную форму и застылъ въ ней. И есть грубая, но мѣткая русская поговорка—«чернаго... не отмоешь до бѣла».

А. К.

Викторъ Гофманъ. Книга вступленій. Лирика. Изд. журнала «Искусство». М. 1904. Стр. 121. Ц. 1 р. «О, мой братъ! О, мой братъ! О, мой царственный братъ! Бѣлокрылый, какъ я, альбатросъ!»—такъ приподнято привѣтствуетъ авторъ Бальмонта въ стихотвореніи «Крикъ альбатроса». Г. Гофманъ и по

темамъ, и по манерѣ дѣйствительно примыкаетъ къ числу учениковъ Бальмонта, но размѣры ихъ дарованій не подлежатъ даже сравненію: Бальмонтъ крупный художникъ, а г. Гофманъ только даровитъ. «Всѣмъ ухваткамъ (*Л. В.*) меня, о мой братъ, научи!»—говоритъ въ цитированной выше пьесѣ авторъ, обращаясь къ Бальмонту. Но именно этимъ-то «ухваткамъ»—самобытности, изобразительности, пѣвучести, которыхъ не хватаетъ г. Гофману, имъ научить невозможно: или онѣ есть, или ихъ безнадежно нѣтъ.

Г. Гофманъ, мы сказали, не лишенъ таланта, но извѣстную поговорку о «своемъ стаканѣ» было бы вѣрнѣе, въ примѣненіи къ нему, выразить *пока* такъ: его стаканъ чужой, но онъ пьетъ изъ большого стакана. Началъ онъ писать, повидимому, недавно и данныя для самостоятельнаго развитія у него есть; поэтому главное, что мы пожелали бы для него, это болѣе серьезнаго, болѣе строгаго отношенія къ стихамъ и меньшей торопливости въ писаніи ихъ и изданіи сборниковъ. Въ «Книгѣ Вступленій» авторъ зачастую не самъ владѣетъ темой, размѣромъ и риѳмой, а идетъ въ кабалу къ нимъ. Нерѣдки также, несмотря на несомнѣнное въ авторѣ чувство красоты, грубыя, вульгарныя выраженія, образы и даже мысли.

Одно стихотвореніе «Встрѣчныя тѣни» прямо коробитъ читателя своей quasi-эстетической брезгливостью: люди, встрѣчающіеся автору,—исчадье удушливаго газа, не достойны идти «на радость прибытій, навстрѣчу лучу» (солнца *Л. В.*).

„Не надо усталыхъ! Идите домой!
Идите, сидите въ зловонныхъ подвалахъ!
Испуганно-блѣдныя, грязныя дѣти
И чахлые юноши съ блескомъ угрей,
И дѣвы съ грудями, какъ старыя плети.
Не эти, не эти! Уйдите скорѣй!
Не надо усталыхъ въ поту и крови!
Здѣсь солнце въ лучахъ многозванныхъ и алыхъ!
Здѣсь праздникъ влюбленныхъ, здѣсь праздникъ любви!"

И далѣе: „Вѣдь этихъ пришибъ чей-то каменный молотъ,
Вѣдь это все выходцы чумныхъ могилъ".

Авторъ забываетъ, что «каменный молотъ», который пришибъ «этихъ», держатъ въ нѣжныхъ бѣлыхъ рукахъ именно «тѣ, кто и счастливъ и молодъ»... Будемъ надѣяться, что авторъ не отдалъ себѣ отчета въ томъ, что написалъ, иначе пришлось бы принять эти бездушныя и некрасивыя строки за доказательство духовнаго убожества ихъ автора...

Въ другомъ стихотвореніи «Ушедшій» отъ женской ласки и возлюбившій безстрастное одиночество авторъ обращается къ женщинамъ съ такими, скажемъ, странными словами:

„Проходите женщины, проходите мимо.
Не маните ласками говорящихъ глазъ.
Чуждо мнѣ, ушедшему, что было такъ любимо.
Проходите мимо. Я не знаю васъ.
Въ дебряхъ безпролетныхъ, въ шелестахъ болотныхъ
Ты навѣкъ погибнешь, если любишь ихъ.
Уходи отъ этихъ ласковыхъ животныхъ,
Ты, что долженъ выковать озаренный стихъ".

Да, тотъ, кто любитъ «ласковыхъ животныхъ», которымъ, какъ «этимъ дамамъ», говорятъ «проходите мимо», тотъ, конечно, погубитъ не только свой будущій «озаренный стихъ», но и все вообще... Хочется думать, что и это стихотвореніе—lapsus молодого пера...

Авторъ отдаетъ немалую дань тому именно, что составляетъ слабую сторону поэзіи Бальмонта: онъ часто слишкомъ гонится за новизной и холодно-вычуренъ въ образахъ и новообразуемыхъ словахъ: «блескъ, ходящій многоструйно, зыбящійся и пирный»; «гулы... зловѣще поднявшихся спинъ» (? *Л. В.*);

въ душѣ у него сберёглось что-то «точно *стоны магнолій между дѣвичьихъ косъ»*; «мимоходно-поспѣшный»; «раздвигая напоромъ дѣвической груди шелестящую тѣсную рожь»; «гитарно-родные напѣвы; потаенность внѣмѣрныхъ обходовъ извѣдавъ» и пр. Нерѣдки и небрежныя риѳмы вродѣ: союзъ—проснусь, глаза—газы, троттуара—пары и др.

При всѣхъ указанныхъ недочетахъ стихи г. Гофмана обнаруживаютъ все же поэтическое дарованіе: есть красивыя молодыя переживанія, подкупающая искренность тона, музыкальная форма стиха. Особенно изящны «Да, это Югъ», «У свѣтлаго моря», «У меня для тебя», «Подымите платокъ»; послѣднее стихотвореніе отчасти испорчено тѣмъ, какъ грубо влюбленный пажъ проситъ любимую женщину «не быть упорной»: «не такъ страшно все это какъ кажется», говоритъ онъ съ неожиданной откровенностью и опытностью. Истинно-поэтично стихотвореніе «Мимоза» съ его красивымъ мистическимъ налетомъ.

Л. В.

Сельма Лагерлёфъ. Въ Іерусалимъ. Картины современнаго духовнаго движенія среди шведскаго крестьянства. Романъ. Переводъ со шведскаго. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Романъ шведской писательницы касается того любопытнаго и мало изслѣдованнаго момента общественной жизни, когда значительныя группы людей охватываетъ острое религіозное чувство и руководитъ ихъ поступками наперекоръ вѣковымъ традиціямъ и прочно сложившимся взглядамъ. Чуть ли не цѣлая деревня мужиковъ изъ Далекарліи эмигрируетъ въ Іерусалимъ, гдѣ они думаютъ спасти душу, куда ихъ зоветъ Богъ. Подъ вліяніемъ религіознаго агитатора, какіе время отъ времени появляются среди народа,—страстной и сильной личности, которая не можетъ не проповѣдывать объ открытой имъ самимъ истины,—женщины и мужчины этого селенія коренныхъ хлѣбопашцевъ разрываютъ со всѣмъ исторически сложившимся прошлымъ. Земля и ея власть надъ всѣмъ міросозерцаніемъ крестьянина послѣ мучительной борьбы съ новымъ чувствомъ не можетъ болѣе удержать рвущейся къ религіозной истины, «въ Іерусалимъ», души. Эта борьба мастерски изображена г-жей Лагерлёфъ. Только одинъ изъ этихъ «крѣпкихъ землѣ» не выдержалъ въ самый послѣдній рѣшительный моментъ и остался дома въ то время, какъ единственный сынъ уходилъ «въ Іерусалимъ». Всѣ прочіе, распродавъ свое имущество, двинулись въ путь. Почти всѣ—люди зажиточные, составившіе себѣ состояніе земледѣліемъ, люди, пользующіеся значеніемъ среди односельчанъ. «Мы сказали,—пишетъ имъ въ призывномъ письмѣ ихъ религіозный вождь:—они не захотятъ раздѣлить свое имущество между чужими и стать бѣдными, какъ пищіе. Они не захотятъ лишиться той власти, которую имѣютъ у себя на родинѣ, потому что они тамъ первые». Іерусалимскіе братья отвѣтили: «Мы не можемъ предложить имъ ни власти, ни богатства, но мы предлагаемъ имъ раздѣлить страданія Іисуса, ихъ Спасителя».

И каждый изъ учениковъ услышалъ «голосъ, который, какъ громъ, раздался въ ушахъ: «Ты поѣдешь въ Мой святой городъ Іерусалимъ!»

Они прибыли въ Іерусалимъ, но, конечно, не нашли «стѣнъ изъ чистаго золота, и вратъ изъ хрусталя», какъ имъ рисовала возбужденная религіей фантазія. Они нашли невѣдомыя имъ доселѣ страданія, они встрѣтили злобу и зависть торгашей. И когда они стали ужъ приходить въ отчаяніе, когда смерть скосила многихъ ихъ товарищей, они нашли успокоеніе въ томъ же упорномъ крестьянскомъ трудѣ на іерусалимской почвѣ.

Романъ Сельмы Лагерлёфъ читается съ большимъ, иногда захватывающимъ интересомъ. Психологія крестьянина, власть земли, власть собственности изображены тонкими штрихами и даютъ художественно-сильное впечатлѣніе. Всѣ перипетіи этой массовой драмы, оставаясь вѣрными истинному реализму,

искусно переплетены съ фантастическимъ элементомъ: видѣніями, голосами и пр., что наивнымъ крестьянскимъ міросозерцаніемъ чувствуется, какъ реальная сила. Такимъ образомъ, борьба и побужденія души съ религіозно-повышеннымъ настроеніемъ обрисованы такъ, какъ они совершаются для крестьянина. Этимъ пріемомъ писательница достигла того, что читателю становятся доступны и понятны всѣ оттѣнки драматическаго положенія. Все же необходимо прибавить, что г-жа Лагерлёфъ, къ сожалѣнію, ограничила свою задачу только такимъ чистымъ описаніемъ и мастерской психологической картиной. Основныхъ причинъ стремленія «въ Іерусалимъ» она совершенно не затронула. Въ сущности романъ начинается взрывомъ религіознаго чувства. Но что вызвало этотъ взрывъ, отчего такой случайный поводъ, какъ появленіе деревенскаго пророка или душеспасительныя собранія, подѣйствовалъ потрясающимъ образомъ на деревенскій укладъ? Почему зажиточнаго крестьянина, который не только всѣ пріемы труда, всѣ убѣжденія, но и внѣшнія примѣты получаетъ по наслѣдству,—почему его покорила эта новая духовная жажда, такъ что онъ не могъ остаться на старомъ мѣстѣ? Чѣмъ новые идеалы стали для него сильнѣе и важнѣе старыхъ?

На всѣ эти вопросы романъ не даетъ отвѣта. *Л. Б.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Сулержицкій. „Въ Америку съ духоборами".

Сулержицкій. Въ Америку съ духоборами (изъ записной книжки). Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1905 г. Цѣна 1 р. 30 к. «Каждое лицо имѣетъ естественное и неотчуждаемое право поклоняться Богу, слѣдуя велѣніямъ своей совѣсти и своего разума; и никто не долженъ претерпѣвать вреда, безпокойства или ограниченій, ни лично ни въ своей свободѣ или въ своемъ имуществѣ изъ-за того, что онъ поклоняется Богу такимъ способомъ и въ такое время, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ его религіозному чувству и убѣжденію».

Такъ гласитъ докларація правъ одного изъ сѣверо-американскихъ штатовъ; и въ этихъ простыхъ словахъ ярко выраженъ принципъ, который является однимъ изъ основныхъ началъ современнаго правового государства...

Но то, что въ государствѣ правовомъ стало «естественнымъ и неотчуждаемымъ правомъ», то въ государствѣ полицейскомъ доселѣ считается утопіей, дерзостнымъ измышленіемъ злонамѣренныхъ людей, преступнымъ посягательствомъ на установленный порядокъ вещей. Въ государствѣ полицейскомъ свобода поклоняться Богу, слѣдуя велѣніямъ своей совѣсти и своего разума, признается постольку, поскольку это не противорѣчитъ видамъ правительства, не подрываетъ престижа правительственной власти и государственной церкви. И никакіе запреты, никакія ограниченія, никакія жертвы не кажутся чрезмѣрными, разъ онѣ требуются во имя престижа власти, этого Молоха полицейскаго государства... Въ жертвахъ не было недостатка, и будущему историку онѣ дадутъ богатый матеріалъ для многихъ скорбныхъ страницъ.

Одну изъ такихъ печальныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и героическихъ страницъ нашего совсѣмъ еще недавняго прошлаго открываетъ намъ интересная книжка г. Сулержицкаго. Авторъ описываетъ переселеніе духоборовъ въ Америку,—переселеніе нѣсколькихъ тысячъ честныхъ, трудолюбивыхъ, религіозныхъ русскихъ крестьянъ, изъ-за гоненій за вѣру принужденныхъ покинуть родину и искать новаго отечества въ далекой Америкѣ. Г. Сулержицкій лично принималъ дѣятельное участіе въ организаціи переселенія, совер-

шилъ два рейса съ духоборами отъ Кавказа до Америки въ качествѣ командира спеціально нанятыхъ и приспособленныхъ имъ для переселенія пароходовъ, и первое время прожилъ съ ними въ Канадѣ.

Впечатлѣнія свои онъ излагаетъ просто, живо, непосредственно. Весь тонъ изложенія проникнутъ искренней любовью къ друзьямъ-духоборамъ, уваженіемъ къ ихъ стремленіямъ, сочувствіямъ къ ихъ страданіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе автора дышитъ правдивостью и совершенно свободно отъ излишней аффектаціи и сентиментальности.

Все это дѣлаетъ книгу г. Сулержицкаго интереснымъ и значительнымъ явленіемъ въ текущей литературѣ. Она съ большимъ удовольствіемъ и пользою прочтется каждымъ, кто интересуется идейными движеніями русскаго народа, условіями, при которыхъ имъ приходится развиваться, и формами, въ которыя они выливаются. Въ заключеніе маленькая цитата для характеристики писательской манеры г. Сулержицкаго. Вотъ какъ онъ описываетъ отъѣздъ духоборовъ изъ Батума, ихъ прощаніе съ Россіей...

«Подъ гулъ послѣдняго гудка мы распрощались съ остающимися въ Россіи. Какъ только они сошли на берегъ, сняли сходни—и послѣдніе концы, связывавшіе насъ съ землей, были убраны.

«Берегъ медленно отдѣлился отъ насъ вмѣстѣ съ стоявшими на немъ людьми.

«За кормой осторожно забурлилъ винтъ; пароходъ вздрогнулъ и, плавно повернувшись, медленно двинулся впередъ, окруженный стаей яликовъ съ провожающими насъ друзьями.

«Духоборы запѣли псаломъ. Грустные протяжные звуки, полные безысходной тоски, понеслись къ быстро удалявшемуся берегу.

«Тысячи голосовъ слились теперь въ одинъ вопль отчаянія, горечи, обиды. Не только люди, но, казалось, и вся природа притихла, потрясенная этими раздирающими душу рыданіями тысячной толпы, оплакивающей свою разлуку съ землей-матерью.

«Съ обнаженными головами, печальные и торжественные, съ глазами, полными слезъ и горя, стояли духоборы лицомъ къ землѣ, на которой они выросли, гдѣ жили и умирали ихъ дѣды и прадѣды, гдѣ погребены ихъ вожди, гдѣ пришлось имъ столько перестрадать, понести столько дорогихъ утратъ...

«Все шире и шире разливался неудержимымъ потокомъ псаломъ, прося у земли прощенія за покидавшихъ ее сыновъ.

«А берега уходили все дальше и дальше, какъ уходитъ сама жизнь, и вернуть ихъ уже нельзя...

Чувствовалось, что совершается нѣчто неслыханное по своей жестокости, нѣчто непоправимое.

«Порой сквозь густыя волны псалма прорывался дикій, рѣзкій визгъ сирены парохода, точно ужасавшійся всему, что происходило здѣсь.

«Высоко въ воздухѣ лопнула выброшенная пароходомъ ракета и далеко въ синемъ небѣ таяло маленькое бѣлое облачко, оставшееся послѣ нея.

«Ялики вдругъ разомъ отстали: пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ.

«Псаломъ стихъ.

«Окаменѣвшая толпа, съ мокрыми отъ слезъ лицами, молча, притаивъ дыханіе, смотрѣла на затуманившійся гористый берегъ. Въ мертвой тишинѣ слышно было, какъ гдѣ-то у мачты билась въ слезахъ женщина (45 стр.)».

Издана книга г. Сулержицкаго очень тщательно и иллюстрирована интересными фотографическими снимками съ натуры, воспроизводящими характерные эпизоды путешествія и первоначальнаго поселенія духоборовъ въ Канадѣ. Цѣна нѣсколько высока, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ книга г. Сулержицкаго заслуживаетъ широкаго распространенія. *В. Е.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Загоскинъ. „Исторія Казанскаго университета".—*Н. Карѣевъ.* „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.".—*Л. Пантелѣевъ.* „Изъ воспоминаній прежняго".

Исторія Императорскаго Казанскаго Университета за сто лѣтъ его существованія. 1804—1904. Н. П. Загоскина, заслуженнаго ординарнаго профессора. Томы I, II и III. Стр. XLV+567, 697+XVIII, 593+XV. Ц. 15 р. Три монументальные тома, лежащіе предъ нами, составляютъ лишь начало предпринятаго г. Загоскинымъ изслѣдованія и доводятъ исторію казанскаго университета лишь до первыхъ лѣтъ Николая I, до 1827 года. Нельзя отказать составителю въ умѣломъ расположеніи огромнаго матеріала, въ признаніи ясной для всякаго упорной работы, которую ему пришлось совершить въ университетскихъ архивахъ. Конечно, такія монументальныя изданія не предназначаются для широкой публики и едва ли найдутъ себѣ туда доступъ,—но историкъ русскаго просвѣщенія никогда не оставитъ безъ вниманія и этой книги, и аналогичныхъ ей трудовъ по исторіи другихъ нашихъ университетовъ.

Въ интересномъ введеніи, предпосланномъ «Исторіи», находимъ нѣсколько иллюстрацій той мысли, что правительство, заводя университеты, преслѣдовало свои исключительно-утилитарныя въ самомъ узкомъ смыслѣ—цѣли: подготовку будущихъ кадровъ образованной бюрократіи. « . . . Университетскій уставъ 1804 года, формулируя основную задачу университета, заявлялъ, что «въ немъ пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы». Профессора точно также «представлялись въ глазахъ правительства не свободными представителями свободной науки, но чиновниками»,—а проф. Загоскинъ приводитъ «обычныя выраженія добраго стараго времени»: «*чиновникъ по философіи*», «*чиновникъ по словесности*», «*чиновникъ по естественному праву*». Прочли мы это и съ невольною грустью подумали о томъ, насколько пали теперь такія качества сердца, какъ простодушіе, искренность, откровенность и какъ въ былые годы просто и ясно выговаривались бюрократіей задушевныя ея желанія и воззрѣнія! Впрочемъ и то сказать,—взять бы хоть «чиновниковъ по естественному праву»: совсѣмъ они теперь другіе пошли.

Проф. Загоскинъ правильно отмѣчаетъ, что исторія нашего высшаго просвѣщенія есть исторія борьбы съ внѣшними условіями. «На долю отечественныхъ университетовъ выпадала трудная задача шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ почетное и подобающее имъ мѣсто среди другихъ элементовъ русскаго общественнаго и государственнаго строя: неустанно бороться съ тупымъ равнодушіемъ или даже непріязненнымъ къ себѣ отношеніемъ и всячески популязировать свое назначеніе, наглядно выясняя обществу практическіе результаты, каковыхъ въ правѣ оно ожидать отъ университетской науки и отъ ея представителей. Не будучи продуктами свободнаго общественнаго самосознанія и духовнаго развитія, не имѣя за собою, подобно университетамъ западноевропейскимъ, многовѣковыхъ традицій, которыя сдѣлали бы ихъ неотъемлемыми и ненарушимыми элементами общаго строя культурной жизни народа, русскіе университеты были лишены значенія «очаговъ науки», дѣятельность которыхъ произвольно затушена быть не можетъ... Напротивъ, въ исторіи русскихъ университетовъ наблюдались моменты, въ которые совершались святотатственныя попытки не только загасить свѣточъ русской университетской науки, но въ которые на волоскѣ висѣлъ самый вопросъ о цѣлесообразности ея дальнѣйшаго существованія».

*

Довольно безотрадные годы были пережиты казанскимъ университетомъ на зарѣ его существованія. Предъ читателемъ длинной вереницей проходятъ начальники (вродѣ Яковкина), игравшіе роль наушниковъ и ябедниковъ предъ высшимъ начальствомъ и тирановъ относительно профессорской коллегіи; профессора, которые въ совѣтѣ требовали производства дознаній касательно нравственности особы, ставшей женою ихъ товарища; другіе профессора, занимавшіеся чуть ли не исключительно донъ-жуанствомъ и т. д., и т. д. Нѣтъ-нѣтъ—и проскользнутъ такія черточки, которыя очень внушительно напоминаютъ читателю, на какомъ общемъ фонѣ должна была развиваться высшая наука въ то время... «Сего мая 11-го числа,—пишетъ въ правленіе университета университетскій экзекуторъ,—найдена мною въ тенишевскомъ саду, позади колодца, на рѣшеткѣ удавившаяся г. ординарнаго профессора Арнгольда жены его крѣпостная женщина Василиса Николаева, неизвѣстно мнѣ отчего, о чемъ оному правленію на благоразсмотрѣніе честь имѣю донести». Начался допросъ, причемъ обнаружилось, что и свидѣтели по дѣлу ударились въ бѣга и показали, что «они возвратиться къ госпожѣ своей не могутъ по причинѣ опасности ихъ отъ побоевъ». Дѣло, конечно, ничѣмъ непріятнымъ для профессорской семьи не кончилось, трупъ же повѣсившейся женщины отправился въ анатомическій театръ университета... Въ Казанской губерніи наряду съ крѣпостнымъ правомъ существовало и рабовладѣльчество (относительно киргизъ и калмыковъ), не стѣсненное уже рѣшительно ничѣмъ, такъ что дѣти и взрослые, оптомъ и въ розницу, открыто продавались на ярмаркахъ. И тутъ гг. профессора вели себя вполнѣ благонамѣренно, т.-е. не уклонялись отъ общепринятыхъ обычаевъ: «встрѣчались случаи, въ которыхъ представители университета выступали рабовладѣльцами уже въ прямомъ и самомъ суровомъ значеніи этого слова, причемъ объектами такихъ рабовладѣльческихъ отношеній являлись восточные инородцы»... Вообще, чуть ли не большинство профессоровъ только и думало о своихъ матеріальныхъ нуждахъ и о средствахъ къ улучшенію своего положенія, ибо мизерное жалованье ихъ не обезпечивало. Даже профессора медицинскаго факультета (въ значительной степени иностранцы) горько сѣтовали на равнодушіе русскихъ людей къ медицинской помощи, что лишало ихъ доходовъ, ожидавшихся отъ практики. «Практикующему врачу,—пишетъ, напримѣръ, проф. Браунъ,—составить себѣ здѣсь благосостояніе не удастся. Русскому человѣку, вообще говоря, рѣдко требуется помощь врача. Чувствуя хворь,—онъ парится въ банѣ, натираетъ себѣ спину тертымъ хрѣномъ или пьетъ настоенный медомъ огуречный разсолъ. При недостаточности этихъ средствъ—пьетъ водку и тогда только рѣшается послать за врачемъ, когда смертельный исходъ уже не можетъ быть предотвращенъ». Масса отдѣльныхъ замѣчаній и бытовыхъ черточекъ, собранныхъ составителемъ, рисуютъ ярко полную зависимость, приниженность, мелкое корыстолюбіе многихъ и многихъ представителей университета. Они и взятками (болѣе или менѣе замаскированными) не брезгали, и у начальства чуть ли не милостыню просили, и какіе ни на есть «добавительные» курсы брались читать,—и все-таки очень многіе были въ относительно большихъ и безнадежныхъ долгахъ. Губернское общество относилось къ нимъ большею частью либо индифферентно, либо явно-недружелюбно; непосредственное начальство (вродѣ директора Яковкина) играло по отношенію къ нимъ роль оберъ-шпіоновъ, готовыхъ предать ихъ по малѣйшему поводу и окружному управленію, и, если понадобится, общей полиціи. Талантами и учеными заслугами они, въ общемъ, не блистали. Лекціи читались профессорами, часто на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, ибо профессора-иностранцы о русскомъ языкѣ имѣли весьма слабое понятіе. Студенты, ничего не смыслившіе ни въ нѣмецкомъ, ни, особенно, въ латинскомъ языкѣ, на лекціяхъ, конечно, присутствовали только по обязанности,

а на практическихъ занятіяхъ, быть можетъ, для курьеза, если только всѣ такія занятія были вродѣ устраиваемыхъ профессоромъ Германомъ: Германъ «въ лицахъ изображалъ съ своими слушателями античныя миѳологическія группы, въ которыхъ самъ онъ представлялъ Юпитера-Громовержца, а его студенты—трехъ грацій».

Жизнь студентовъ была подчинена строгой регламентаціи и администрація вмѣшивалась самымъ дѣятельнымъ и мелочнымъ образомъ въ распредѣленіе студенческаго дня. Неутѣшительно было и ихъ умственное и нравственное состояніе; такое общее впечатлѣніе остается отъ описаній студенческихъ подвиговъ въ Казани первой четверти XIX вѣка. То студенты на улицѣ останавливаютъ сани и бьютъ по щекамъ сидящихъ въ саняхъ барышенъ; то сѣкутъ розгами товарища; то постоянно дерутся между собою; то крадутъ со взломомъ; то крадутъ безъ взлома; то сѣкутъ крапивою маленькую дочь университетскаго служителя; то занимаются неестественными пороками и т. д., и т. д. Особенно же пьянствуютъ. Этотъ порокъ былъ развитъ, судя по всему, въ гомерическихъ размѣрахъ. «Зато», повидимому, политическая благонадежность царила архипримѣрная, что и дѣлаетъ удивительно поучительною картину наглаго, безсмысленнаго разгрома казанскаго университета, учиненнаго Магницкимъ въ 1819 и слѣдующихъ годахъ. Эта исторія, подробнѣйшимъ образомъ изложенная проф. Загоскинымъ, читается нами, людьми, прикосновенными къ университетскому преподаванію, поистинѣ съ захватывающимъ интересомъ, и, право, не только «историческій» этотъ нашъ интересъ.

Наполеонъ былъ побѣжденъ, русскій народъ цѣною неисчислимыхъ жертвъ изгналъ завоевателя, сталъ на нѣкоторое время вершителемъ европейскихъ судебъ,—и получилъ въ награду Аракчеева, военныя поселенія, усугубленную свирѣпость мелкой и крупной опричнины. Бюрократія была въ какомъ-то восторгѣ реакціи, если можно такъ выразиться. Она была тогда на самомъ дѣлѣ сильна—и стремилась себя показать. Мистицизмъ, къ которому нагло «примазался» (выраженіе Панаева) и Магницкій, назначенный въ 1819 году ревизовать казанскій университетъ, давалъ всему этому разгулу произвола какой-то особенно отталкивающій, лицемѣрный, приторно-елейный колоритъ. По разнымъ своимъ соображеніямъ министръ народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ вздумалъ, если возможно, казанскій университетъ совсѣмъ закрыть. Въ такихъ случаяхъ посылались предварительныя ревизіи, причемъ ревизору давалось напередъ понять, какой именно отчетъ онъ долженъ привезти въ Петербургъ, чтобы получить орденъ. Ретивый и юркій карьеристъ, расторопный до неугомонности (въ концѣ концовъ онъ этимъ испортилъ свою карьеру) Магницкій, получивъ подобный прозрачный намекъ въ письмѣ Голицына, пустился раскрывать несуществовавшую въ Казани крамолу. Магницкій былъ сыщикъ въ душѣ, шпіонъ по призванію, и въ порученное ему трудное дѣло—найти то, чего не было, онъ дѣйствительно, вложилъ недюжинныя дарованія. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Казань, обзавелся онъ сотрудникомъ изъ мѣстныхъ профессоровъ. «Профессоръ Никольскій»,—читаемъ мы на стр. 285 третьяго тома труда проф. Загоскина, въ рапортѣ Магницкаго министру,—«находился неотлучно при мнѣ во время обозрѣнія всѣхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университету; дѣятельность, кротость и безкорыстіе суть отличительныя достоинства сего профессора». Безкорыстныя заслуги проф. Никольскаго были, впрочемъ, награждены чрезъ три мѣсяца послѣ начала ревизіи орденомъ св. Владиміра четвертой степени. Нашлись и помимо проф. Никольскаго овцы среди казанскихъ козлищъ; такъ, напр., профессоръ Городчаниновъ публично привѣтствовалъ Магницкаго нежеслѣдующимъ стихотворнымъ обращеніемъ: «Питомецъ чистыхъ музъ, исполненный заслугъ, любви къ отечеству, усердія ко Трону, отъ юности твоей равно ты музамъ другъ, какъ собесѣдникъ ты Ѳе-

видѣ и закону. Воззри и ободри бесѣдою твоей,—ты здѣсь для насъ одинъ изъ Фебовыхъ лучей!» Этотъ «Фебовъ лучъ» довольно любопытно вышелъ изъ затрудненія, изъ своей, казалось бы, неразрѣшимой задачи найти въ студентахъ, отличавшихся, въ общемъ, больше пьянственнымъ образомъ жизни, крамольниковъ, а въ профессорахъ, читавшихъ часто нѣчто вполнѣ невразумительное—проповѣдниковъ революціи и безбожія. Напримѣръ: студенты не знали ничего изъ Закона Божія,—не по «принципіальнымъ» причинамъ, но просто по глубокому невѣжеству. Магницкій по сему поводу укоряетъ профессоровъ: «Развѣ забыли они, что почти вчера, недалеко отъ сего самаго университета, пылали домы и храмы столицы нашей, зажженные пламенникомъ такъ называемаго просвѣщенія? Развѣ забыли, что сей самый городъ недавно еще затѣсненъ былъ несчастными жертвами безбожія образованнѣйшаго народа?» и т. д. и т. д. Въ такомъ же духѣ производилась и дальнѣйшая «ревизія». Магницкій нашелъ въ конспектахъ лекцій «духъ деизма», «общественный вредъ» и чуть ли не оправданіе революціи,—нельзя сказать, даже, что придираясь къ словамъ, ибо и словъ никакихъ не указалъ, мало-мальски подходящихъ къ обвиненіямъ, а такъ, просто, взялъ да и выдумалъ, «творя волю пославшаго». Въ заключительныхъ же пунктахъ своего доклада онъ заявлялъ, что «казанскій университетъ... по непреложной справедливости и по всей строгости правъ—подлежитъ уничтоженію. Уничтоженіе сіе можетъ быть двухъ родовъ: а) въ видѣ пріостановленія университета и б) въ видѣ *публичнаго его разрушенія*. Я предпочелъ бы послѣднее»... И вотъ почему онъ «предпочелъ бы послѣднее»: поступокъ не столь отважный, безъ публичнаго обвиненія университета, позволитъ «ожесточеннымъ ученымъ всей Европы» клеветать на русское правительство. А ежели всѣ обвиненія высказать публично,—тогда «все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства будетъ на сторонѣ правительства», а также этотъ актъ «публичнаго разрушенія» университета заставитъ всѣ европейскія правительства «обратить особое вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ подъятымъ кинжаломъ». Университета не закрыли, но девять профессоровъ были уволены отъ службы, цѣлый рядъ курсовъ уничтоженъ, введено преподаваніе «богопознанія и христіанскаго ученія», и вскорѣ самъ Магницкій былъ назначенъ попечителемъ казанскаго округа, въ знакъ благодарности за учиненную имъ побѣду надъ революціонной гидрой.

Скорбное время наступило для университета. Магницкій открыто заявлялъ: «я положилъ себѣ правиломъ посвятить всю жизнь свою борьбѣ съ лжеученіемъ». Начавъ съ генеральнаго разгрома университета, Магницкій въ теченіе всего времени своего командованія казанскимъ просвѣщеніемъ не переставалъ держать себя тѣмъ же опричникомъ, обнаглѣвшимъ отъ сознанія собственной силы и холопства окружающихъ, какимъ онъ прибылъ въ Казань. Однихъ профессоровъ выгонялъ вонъ, другихъ назначалъ, совершенно ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считаясь. Такъ, выписалъ онъ изъ Петербурга не имѣвшаго никакихъ правъ и научныхъ степеней учителя гимназіи Сергѣева и назначилъ его профессоромъ «по кафедрѣ правъ». Вотъ истины, каковыя Сергѣевъ съ кафедры проповѣдывалъ своимъ слушателямъ: главная задача преподаванія правовѣдѣнія—«внушеніе учащимся лживости и суемудрія умозрительныхъ системъ и предоставленіе имъ орудія для защищенія себя отъ тѣхъ гибельныхъ и возмутительныхъ понятій, которыя распространяютъ нынѣ революціонизмъ и невѣріе»; «единственными источниками юридическихъ истинъ могутъ быть только положительные законы государства» и т. д., и т. д. Въ такомъ же духѣ были, въ большинствѣ случаевъ, и другія креатуры Магницкаго. «Можно безъ всякого преувеличенія сказать, что въ эту смутную для исторіи

русскаго просвѣщенія пору, вверхъ дномъ поставлена была въ злосчастномъ казанскомъ университетѣ вся система преподаванія, едва начавшая принимать болѣе или менѣе правильный и опредѣленный видъ». Доносы, интриги, мерзости всякаго сорта стали обычнымъ явленіемъ въ этой новой средѣ «профессоровъ», назначенныхъ Магницкимъ со стороны, либо запуганныхъ имъ до потери всякаго человѣческаго достоинства уцѣлѣвшихъ старыхъ преподавателей университета. Шпіонское подкарауливанье и сыскъ, чинимые попечителемъ относительно университетскихъ программъ даже въ эпоху этого уже «реформированнаго» состава профессоровъ, прямо поражаетъ насъ, привыкшихъ все-таки къ нѣсколько большей стѣсненности дѣйствій со стороны бюрократіи въ этихъ вопросахъ. Въ придиркахъ Магницкаго видна душа сыщика, тщетно тоскущая по «настоящемъ» матеріалѣ и выискивающая, что бы такое сотворить для окончательнаго удушенія здраваго смысла и совѣсти, каковые, по упущенію, могли бы еще гдѣ-нибудь въ преподаваніи сказаться. То онъ приказываетъ «обличать» англійскую конституцію, то рекомендуетъ возможно рѣшительнѣе искоренять «лжеименный разумъ», изливающійся изъ западно-европейской науки, то, наконецъ, проницательно обнаруживаетъ руководящее участіе *сатаны* въ университетскихъ безпорядкахъ, бывшихъ въ Европѣ: «акты разныхъ государствъ Европы, обнаруживъ въ одно и то же время, на разныхъ ея концахъ, совершенно одинакія начала нечестія и буйства въ университетахъ и училищахъ, открываютъ достаточно сей планъ врага Божія: ибо единомысліе разрушительныхъ ученій въ Мадридѣ, Туринѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ *не* можетъ быть случайнымъ». Въ качествѣ ректора посадилъ онъ нѣкоего Фукса, который хвалился, что слѣдитъ за профессорами при помощи такихъ средствъ: «личнымъ, сколько возможно, ближайшимъ опознаніемъ образа мыслей и, даже, чувствъ каждаго изъ преподавателей», для чего спеціально устраивалъ «обѣды и бесѣды у себя», а также «частымъ и внезапнымъ посѣщеніемъ лекцій» и «приватнымъ разспросомъ студентовъ». Профессора Солнцева Магницкій выжилъ изъ университета, обвинивъ его «въ оскорбленіи Духа Святаго Господня и власти общественной», послѣ чего этого оскорбителя св. Духа почти тотчасъ же назначили губернскимъ прокуроромъ: Магницкій въ полномъ смыслѣ слова оказался plus royaliste que le roi, да и другія вѣдомства, вообще, уступали въ бурно-пламенномъ усердіи—министерству народнаго просвѣщенія... О паденіи Магницкаго будетъ, вѣрно, разсказано въ IV томѣ. На этомъ пока кончается трудъ г. Загоскина. Съ интересомъ ждемъ продолженія его изслѣдованія. *Евг. Тарле.*

Н. Карѣевъ. Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Спб. 1905 г. Новая книга Н. И. Карѣева представляетъ собою сжатый компендіумъ соціальной, культурной и политической исторіи Западной Европы до франко-прусской войны. Очень интересны страницы, посвященныя первымъ временамъ соціализма, а также судьбамъ англійскаго пролетаріата въ эпоху чартизма и послѣ чартизма. Авторъ въ согласіи съ поставленною имъ себѣ темою стремится дать здѣсь не столько описаніе фактовъ, сколько ихъ объясненіе, которое онъ и находитъ прежде всего и больше всего въ экономической эволюціи, пройденной западно - европейскимъ обществомъ. Научное вліяніе школы Маркса характеризуется авторомъ такъ: «Научный духъ и историческое пониманіе въ серединѣ XIX вѣка стали проникать и въ новыя соціальныя теоріи: недаромъ Марксъ, наиболѣе сдѣлавшій въ этомъ отношеніи, свой соціализмъ, какъ «научный», прямо противоположилъ прежнимъ теоріямъ, какъ «утопическимъ». Въ этомъ ученіи только что возникшая внѣ соціальныхъ стремленій историческая школа политической экономіи дополнялась экономическимъ направленіемъ въ исторіи, что еще больше расширило примѣненіе историзма къ обществовѣдѣнію».

Совершенно справедливо также авторъ рѣшилъ, несмотря на небольшой объемъ книги дать въ видѣ вводной главы характеристику соціально-экономической эволюціи конца XVIII вѣка, что обрисовываетъ даже предъ несвѣдущимъ читателемъ общій фонъ, на которомъ предлагается знакомиться съ описываемыми въ первыхъ главахъ явленіями.

Жаль только, что не дана хотя бы самая краткая характеристика исторической эволюціи, прожитой въ XIX вѣкѣ Скандинавскимъ полуостровомъ и Даніей. Нѣкоторыя детали изъ исторіи введенія, напр., конституціи въ Даніи, прочлись бы теперь у насъ съ чрезвычайно живымъ интересомъ.

Книжку Н. И. Карѣева можно порекомендовать особенно тѣмъ, у кого нѣтъ въ распоряженіи достаточно времени, чтобы читать обширные историческіе труды, а также и желающимъ освѣжить въ памяти тѣ главные выводы и обобщенія, которые историческая наука сдѣлала на основаніи анализа пути, пройденнаго западною Европою въ памятный періодъ отъ начала XIX вѣка до 1870 года. *Е. Т.*

Л. Т. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Воспоминанія г. Пантелѣева относятся къ эпохѣ, никогда не теряющей интереса для русскаго общества, а въ настоящее время интересъ этотъ еще усиливается, благодаря огромной аналогіи между этими двумя моментами. Полъвѣка тому назадъ Россія переживала канунъ своего возрожденія, когда прогнившій сверху до низу крѣпостной строй рушился подъ громъ севастопольскаго пораженія, и намѣчался уже новый путь къ новому государственному порядку. Старое еще крѣпилось, уступая медленно и неохотно, но безсильное отстоять свои позиціи, оно только портило все, что могло, вливая въ зачатки каждой новой реформы каплю по каплѣ застарѣлый гной, отравляя въ зародышѣ всѣ мѣры правительства и общества, предпринятыя для подъема русской жизни. Въ теченіе протекшихъ съ того времени почти сорока лѣтъ эта отрава дѣйствовала неукоснительно и неустанно и привела къ полному изнуренію государственнаго организма, къ неслыханному разгрому всей системы и страшному истощенію всей страны. И теперь мы снова стоимъ наканунѣ... Чего? Вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ будущность Россіи; но каково оно, это рѣшеніе, не скажетъ ни одинъ пророкъ... Время описываемое г. Пантелѣевымъ, во многомъ удивительно похоже на наши дни. Какъ и теперь, общество жило тогда лихорадочной жизнью, всѣмъ интересуясь, горячо обсуждая готовившіяся реформы и волнуясь при каждой попыткѣ реакціи задержать ходъ русской жизни. Въ воспоминаніяхъ г. Пантелѣева проходятъ предъ читателемъ первыя студенческія волненія, отношеніе къ нимъ профессоровъ, общества и начальства, первые диспуты, въ которыхъ горячее участіе приняло общество, первыя женщины, двинувшіяся на борьбу за право учиться и работать, литературные спектакли, публичныя лекціи и т. д. Авторъ, бывшій въ то время студентомъ петербургскаго университета, стоялъ въ центрѣ всего этого движенія, какъ очень живой и всѣмъ интересующійся студентъ, что открывало ему двери всюду, такъ и по разнымъ личнымъ связямъ съ такими видными дѣятелями того времени, какъ Кавелинъ, Костомаровъ, Чернышевскій и др. Эта сторона, общественная жизнь и волненія того времени, представляетъ самую цѣнную часть воспоминаній.

Не такъ удовлетворяетъ читателя исторія тайнаго общества «Земля и воля», одного изъ первыхъ по времени возникновенія. Слишкомъ эта исторія въ изложеніи г. Пантелѣева получила мелочную оцѣнку, какъ нѣчто вродѣ дѣтской затѣи, чего-то несерьезнаго и подчасъ почти мальчишескаго. Мы нисколько не сомнѣваемся въ объективности и добросовѣстности автора, но не перегнулъ ли онъ палку слишкомъ въ другую сторону? Быть можетъ, опасаясь впасть въ преувеличеніе при оцѣнкѣ событій, въ которыхъ онъ прини-

малъ живѣйшее участіе, какъ одинъ изъ дѣятелей партіи, авторъ недостаточно оцѣнилъ самое движеніе, его размѣры, его участниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдующая жизнь, когда такія партіи приняли гораздо болѣе грандіозные размѣры, помимо воли автора, заставила его мѣрить все нѣсколько неподходящимъ аршиномъ. Положимъ, на отдаленіи сорока лѣтъ многое естественно стало казаться въ много меньшемъ масштабѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ первое подробное изложеніе исторіи этого общества, воспоминанія г. Пантелѣева очень цѣнны и окажутъ извѣстную услугу будущему историку эпохи шестидесятыхъ годовъ.

Что касается изложенія, то авторъ прекрасно справляется съ задачей: онъ просто и безыскусственно излагаетъ событія, давая рядъ мѣткихъ характеристикъ, интересныхъ живыхъ образовъ тогдашнихъ дѣятелей и яркихъ сценъ. Воспоминанія, благодаря этому, читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ, и у читателя является горячее желаніе услышать и дальнѣйшую исторію этой замѣчательной эпохи изъ устъ человѣка, жившаго въ то время и во многомъ принимавшаго дѣятельное участіе. Воспоминанія доведены до 1864 г.

А. Б.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Статистика выхода рабочихъ за границу".—*П. Лафаргъ.* „Американскіе тресты".—*А. Рафаловичъ.* „Промышленные синдикаты".

Статистика выхода рабочихъ за границу съ 1900 по 1903 г. Труды варшавскаго статистическаго комитета, вып. XIX. Варшава. 1902—1903 Изученіе экономической жизни Царства Польскаго только что начинается, и въ ряду немногочисленныхъ работъ польскихъ и русскихъ авторовъ, посвященныхъ этому предмету, изданія варшавскаго статистическаго комитета занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто. Разсматриваемый нами выпускъ, изданный три года тому назадъ, но всего только два-три мѣсяца какъ выпущенный почему-то въ свѣтъ, касается очень интереснаго и совершенно не изученнаго у насъ статистически вопроса о земледѣльческомъ отходѣ и его значеніи для населенія. Правда, отходъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ одну особенность: это отходъ заграничный, и граница между польскими губерніями и сосѣдней Германіей (Пруссіей) не только граница политическая, но и рѣзкая культурная граница. Послѣднее обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе: возвращаясь изъ Германіи, польскіе крестьяне выносятъ оттуда не только платье, шляпы, часы и т. п. внѣшніе признаки цивилизаціи, но значительно перерождаются и внутренне: они становятся требовательнѣе, не довольствуются тѣмъ, чѣмъ довольствовались раньше; измѣняются потребности, вкусы, взгляды. Прежде всего въ Германіи польскій рабочій получаетъ въ два, даже въ три раза большую плату, чѣмъ у себя на родинѣ: вмѣсто 40 коп. мужчинѣ и 25 к. женщинѣ, которыя платятъ польскіе помѣщики, въ Германіи земледѣльческій рабочій получаетъ, въ среднемъ, 73 и 50 коп. на хозяйскихъ харчахъ; на фабрикахъ плата еще выше: 1 р. 60 коп. мужчинѣ (на собственныхъ харчахъ) и 93 коп. женщинѣ. Пища, которую получаютъ рабочіе въ Германіи далеко не похожа не только на то, что ѣстъ дома крестьянинъ, но и на то, что ѣстъ у сосѣда-помѣщика: въ переводѣ на деньги на харчи сельскохозяйственнаго рабочаго въ Германіи тратится 23, даже 32 коп., въ Царствѣ Польскомъ—16 коп. и не больше 18 коп. Не меньше разница и въ помѣщеніяхъ, которыми пользуются рабочіе на родинѣ и за границей, гдѣ таковые имѣются;

въ Германіи, «въ имѣніяхъ, дающихъ каждое лѣто занятія большому числу пришлыхъ рабочихъ, построены для нихъ обширныя, высокія зданія, съ электрическимъ освѣщеніемъ, отдѣльно для женщинъ и мужчинъ, съ особыми помѣщеніями подъ кухни, столовыя, спальни.» «Организація работъ за границей нашимъ рабочимъ тоже болѣе нравится, чѣмъ у себя въ краѣ. Она отличается гораздо большей правильностью и строгой опредѣленностью»: рабочій день равняется 12 часамъ; за сверхурочные часы—особая плата,—все вещи совершенно неизвѣстныя у насъ.

Всѣ эти порядки заведены, конечно, не для польскихъ рабочихъ, приходящихъ въ Германію: ихъ требуетъ болѣе культурный нѣмецкій рабочій, и для поляка, работающаго рядомъ, не могутъ быть допущены исключенія. Но какъ бы тамъ ни было, возвращаясь на родину, польскій крестьянинъ уже не согласенъ работать у польскаго помѣщика-сосѣда на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ работалъ раньше.

И собранныя статистическимъ комитетомъ цифры говорятъ, что волей-неволей польскимъ помѣщикамъ приходится повышать заработную плату, лучше кормить рабочихъ и пр.

За послѣдніе годы изъ различныхъ, главнымъ образомъ пограничныхъ, губерній и уѣздовъ Царства Польскаго уходитъ въ Германію ежегодно до 200 тыс. рабочихъ; нѣкоторые пробираются въ Данію и даже въ Англію; по подсчету, произведенному статистическимъ комитетомъ, рабочіе приносятъ съ собой и присылаютъ ежегодно до 8 милліоновъ рублей, что является крупной поддержкой крестьянскому хозяйству края. *В. Шарый.*

П. Лафаргъ. Американскіе тресты. Переводъ И. М. Биллика подъ редакціей профессора В. Я. Желѣзнова. Издательство О. Н. Поповой. С.-Петербургъ. 1905 г. Цѣна 40 коп.—Алексѣй Рафаловичъ. Промышленные синдикаты за границей и въ Россіи. С.-Петербургъ. 1904 г. Цѣна 1 руб. Тресты, это послѣднее слово организаціи капиталистической промышленности, съ каждымъ днемъ привлекаютъ къ себѣ все большее вниманіе міра. Колоссальныя богатства, сосредоточенныя въ этихъ организаціяхъ, ихъ все растущее вліяніе на разнообразныя стороны общественной жизни, наконецъ, принципъ организаціи, все это по неволѣ заставляетъ изучать ихъ и слѣдить за дѣятельностью чудовищныхъ предпріятій финансистовъ и мелкихъ торговцевъ, фермеровъ и ученыхъ экономистовъ.

Предъ нами два ученыхъ изслѣдованія.

Извѣстный политическій дѣятель и писатель П. Лафаргъ написалъ небольшой этюдъ о трестахъ, выпукло обрисовывающій экономическую, соціальную и политическую роль сравнительно молодыхъ организацій. «Трёстъ, говоритъ онъ, не есть новое частное предпріятіе или эволюція такого предпріятія. Его прогрессивный ростъ не обусловленъ разореніемъ его соперниковъ,—напротивъ, онъ является федераціей или, точнѣе, амальгамаціей болѣе или менѣе значительнаго числа соперничавшихъ ранѣе обществъ. Ч. Швабъ, понимая это, опредѣляетъ его, какъ «общество обществъ».

Pool'ы и нѣмецкіе картели создаются промышленными предпринимателями, трёсты же организуются финансистами, не имѣющими никакихъ связей съ промышленной дѣятельностью. Этотъ фактъ и является однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ этой новой фазы товарнаго производства. Анонимныя общества, стоящія во главѣ трёстовъ, стягивая въ свои руки посредствомъ выпуска акцій значительные и малые капиталы, окончательно разрываютъ послѣднюю связь, соединявшую собственника и собственность. Система трёстовъ обезличиваетъ собственность и, такимъ образомъ, «воочію доказываетъ совершенную безполезность капиталистической собственности». Здѣсь явственнѣе

всего выступаетъ смыслъ и жизненный нервъ капитализма,—полученіе прибыли. При этой системѣ капиталистъ, владѣлецъ акцій получаетъ «процентъ» неизвѣстно откуда и за что, а рабочій эксплоатируется самымъ безжалостнымъ образомъ неизвѣстно кѣмъ: предъ нимъ только безличный общественный строй, капитализмъ. Анархія производства, несмотря на его «научную» организацію, и чрезвычайная нервность финансоваго рынка дѣлаютъ ужасными малѣйшія потрясенія, и кризисъ грозитъ при каждомъ шагѣ на пути прогрессивнаго развитія трёстовъ.

Мы, конечно, не можемъ здѣсь коснуться всѣхъ выводовъ П. Лафарга, который иллюстрируетъ свои положенія обиліемъ весьма интересныхъ фактовъ и справокъ. Все его блестяще написанное изслѣдованіе имѣетъ основной цѣлью выяснить одно главное положеніе: развитіе и распространеніе системы трёстовъ служитъ къ обостренію и завершенію классовой борьбы, ибо эта, теперь ничѣмъ не прикрашенная борьба слѣпой экономической силы, капитала, съ сознательной политической организаціей, быстро возрастающей массою рабочихъ и безработныхъ, ведетъ къ осуществленію соціалистическаго идеала. Только въ этой борьбѣ будутъ уничтожены трёсты.

Совершенно иной выходъ изъ затрудненій, создаваемыхъ развитіемъ системы трёстовъ, рекомендуетъ г. Рафаловичъ. Посвятивъ свою брошюрку точно также изслѣдованію экономическаго и соціальнаго значенія промышленныхъ синдикатовъ разнаго вида, г. Рафаловичъ отличается отъ П. Лафарга точкой зрѣнія на изслѣдуемое экономическое явленіе. Вѣрнѣе, у него нѣтъ никакой точки зрѣнія. Послѣднюю онъ замѣняетъ безпристрастіемъ ученаго бюрократа-буржуа и потому, стараясь согласовать противорѣчія капиталистической системы, особенно бьющія въ глаза въ разнаго рода синдикатахъ, этомъ наиболѣе совершенномъ порожденіи капитализма, онъ кончаетъ тѣмъ, что впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Г. Рафаловичъ не можетъ отказаться отъ почти идеальнаго способа выжиманія прибыли, какой находится въ распоряженіи этихъ промышленныхъ организацій, но онъ не желаетъ закрывать глаза и на зло, ими пораждаемое. Поэтому г. Рафаловичъ добро относитъ къ естественнымъ свойствамъ новыхъ промышленныхъ организацій, а зломъ надѣляетъ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. «Корень зла,—говоритъ онъ,—лежитъ не въ самихъ трёстахъ, а въ извращеніи недостойными людьми, захватившими въ свои руки власть и законодательство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ штатовъ».

Путаясь между естественнымъ добромъ и искусственнымъ зломъ, между достойнымъ процентомъ и недостойными людьми, г. Рафаловичъ поучаетъ капиталистовъ, что цѣль и смыслъ синдикатовъ не въ полученіи прибылей, а въ «оздоровленіи» производства, въ «достиженіи такой организаціи производства, при которой установилась бы большая планомѣрность въ экономической жизни» въ интересахъ производителей, рабочихъ и потребителей.

Но предчувствуя, что капиталисты мало заинтересованы во всеобщемъ благополучіи, г. Рафаловичъ предлагаетъ бюрократическую мѣру. «Въ этихъ видахъ является необходимымъ легализировать положеніе синдикатовъ и регламентировать въ извѣстномъ отношеніи ихъ дѣятельность, чтобы оградить населеніе отъ всегда возможныхъ злоупотребленій со стороны отдѣльныхъ группъ лицъ, ищущихъ быстрой наживы и ни предъ чѣмъ не останавливающихся въ своихъ своекорыстныхъ стремленіяхъ». Періодическій пересмотръ таможенныхъ тарифовъ, улучшеніе юридическаго положенія акціонернаго дѣла и пр.,—вотъ мѣры, направленныя противъ «подобнаго образа дѣйствій» синдикатовъ, «образа», который «съ государственной точки зрѣнія... конечно, не можетъ быть терпимъ ни въ какомъ случаѣ». Насколько мѣропріятія, пред-

лагаемыя г. Рафаловичемъ, цѣлесообразны, показываетъ его же книга, въ которой приведены примѣры сравнительной силы государства и трёста. Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ государство очень терпитъ то, чего государственная точка зрѣнія, «конечно», терпѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что «недостойные люди» оказываются «захватившими въ свои руки власть и законодательство».

Но еще болѣе разительную картину въ этомъ смыслѣ рисуетъ П. Лафаргъ, ибо она отличается цѣльностью и строго логическимъ единствомъ всѣхъ деталей. Американскіе трёсты съ вполнѣ «естественно» растущей силой овладѣваютъ не только индустріей, сельскимъ хозяйствомъ, банками, всей промышленной жизнью своей страны, они распростираютъ свое господство за океанъ, они оказываютъ рѣшающее вліяніе на политику, направляютъ науку и даже религію. Рокфеллеръ, напр., намѣренъ организовать трёстъ «для изданія учебниковъ, въ которыхъ Библія была бы очищена отъ встрѣчающихся въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ гнѣвныхъ обличеній, направленныхъ противъ богачей».

Что можетъ сдѣлать противъ этого побѣдоноснаго шествія благоразуміе немногихъ «достойныхъ» людей, воздерживающихся отъ неумѣренныхъ прибылей? Единственнымъ борцомъ противъ промышленныхъ синдикатовъ остается рабочій классъ, онъ весь состоитъ изъ людей, «воздерживающихся» отъ прибылей, и, кромѣ того, «развитіе трёстовъ ускоряетъ движеніе» къ цѣлямъ рабочаго класса, какъ иронически привѣтствовалъ секретарь пенсильванскаго комитета соціалистической партіи Дж. Пирпонта Моргана, который создалъ столько трёстовъ и «морганизовалъ» столько отраслей промышленности.

Мы горячо рекомендуемъ талантливую книжку П. Лафарга вниманію читателей. *Л. Б.*

ФИЛОСОФІЯ.

Куно-Фишеръ. „Исторія новой философіи".—*Гефдингъ.* „Философскія проблемы".

Куно-Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ III. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Полилова. Съ портретомъ Лейбница. С.-Петербургъ. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. 1905 г. Цѣна 4 р. Томъ VII. Шеллингъ, его жизнь, ученіе и сочиненія. Переводъ со второго нѣмецкаго дополненнаго изданія пр.-доц. Н. О. Лосскаго. Съ портретомъ Шеллинга. Спб. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. 1905 года. Цѣна 5 руб. Мы уже высказались въ нашемъ журналѣ («Міръ Божій» 1904 г., 8 кн.) объ общемъ характерѣ грандіознаго труда Куно-Фишера, объ его преимуществахъ надъ подобнаго же рода работами. Мы указали тамъ, что его отличительною особенностью является его научность. Этимъ же научнымъ характеромъ проникнуты также и разбираемые нами здѣсь оба тома его исторіи философіи. Не касаясь того, насколько удалось Куно-Фишеру понять системы Лейбница и Шеллинга, какъ дѣйствительно логически законченныя системы, мы хотимъ обратить вниманіе читателя на другую сторону, на то, какое мѣсто онъ имъ отводитъ въ закономѣрномъ ходѣ развитія философской мысли. Это кажется намъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится значеніе обоихъ философовъ для нашего времени.

Лейбницева система, по мнѣнію Куно-Фишера, заканчиваетъ собою эпоху догматической философіи. Она представляетъ дальнѣйшій шагъ сравнительно съ картезіанско-спинозовской философіею. Послѣдняя въ сферѣ исторіи философіи является проводникомъ чисто-механическаго міропониманія, сущность котораго состоитъ въ возведеніи принциповъ субстанціональности и причинности въ

міровые, абсолютные принципы, и которое еще до сихъ поръ живетъ въ извѣстныхъ научныхъ сферахъ. Основу для этого міропониманія положилъ Декартъ, систематически развилъ и логически завершилъ его Спиноза. Однако, какъ разъ въ этой послѣдней развитой формѣ въ механическомъ міросозерцаніи раскрылись раздирающія его внутреннія противорѣчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ неспособность его удовлетворить запросамъ человѣческаго духа. Лейбницъ ясно замѣтилъ это. Отъ его пытливаго взора не укрылось, что механическое міросозерцаніе не въ силахъ объяснить явленія духовной и органической жизни, даже болѣе, что оно впадаетъ въ противорѣчіе съ фактами безжизненной природы. Если понимать всѣ конечныя вещи, какъ модификаціи одной безконечной субстанціи, изъ которой онѣ неизбѣжно вытекаютъ по закону причинности, если понимать ихъ, слѣдовательно, какъ безжизненныя, лишенныя самости и приводимыя въ движеніе лишь толчкомъ извнѣ, словомъ, если видѣть ихъ сущность въ голомъ протяженіи, то остается совершенно необъяснимою сила сопротивленія, которую мы наблюдаемъ въ тѣлахъ, инерція. Тѣла не только протяженіе, но и силы! Съ этимъ фактомъ уже не можетъ согласоваться механическое міропониманіе, лишающее самостоятельности всѣ конечныя вещи и сводящее все къ одной безжизненной субстанціи. Надо признать самостоятельность или субстанціональность за вещами, словомъ, надо признать, что существуетъ не одна, а множество субстанцій, силъ. Механическое міросозерцаніе должно уступить мѣсто динамическому, которое по существу телеологично, т.-е. представляетъ собою разсмотрѣніе не по дѣйствующимъ причинамъ, а по цѣлямъ. Въ самомъ дѣлѣ разъ каждая вещь—сила, активная сила, т.-е. разъ она самодѣятельная, самообнаруживающаяся, живая сила, то она не только причина, изъ которой слѣдуютъ дѣйствія, но и цѣль своихъ дѣйствій, къ которой они и направляются, она, слѣдовательно, дѣйствующая по цѣлямъ сила, и такимъ образомъ міровымъ принципомъ, приложимымъ ко всему міру, является не механическая причинность, а телеологія. Однако, съ этимъ не уничтожается вполнѣ значеніе механической причинности. Каждая вещь, монада не только самодѣятельная, активная сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ монадъ много, и ограниченная пассивная сила, не только форма, но и матерія. Поэтому, поскольку монада пассивна, тѣло, постольку она должна всецѣло быть подчинена механизму, разсматриваться съ точки зрѣнія механической причинности. Положивъ въ основу своей философіи динамическій или телеологическій принципъ, Лейбницъ, продолжаетъ Куно-Фишеръ, былъ въ состояніи создать дѣйствительно универсальную систему, примирившую всѣ антитезы, которыя волновали прежнюю философію и которыя сводились въ концѣ концовъ къ противоположности дѣйствующихъ причинъ и цѣлей, механичсекой причинности и телеологіи. Онъ былъ въ состояніи, подчинивъ послѣдней первую, объяснить не только неорганическую природу, но и органическую жизнь. Однако, являясь вѣнцомъ и послѣднимъ словомъ догматической философіи, лейбницевская система, по мнѣнію Куно-Фишера, страдаетъ тѣмъ же основнымъ недостаткомъ, что и другія догматическія системы: она не въ силахъ объяснить яснаго познанія, самое себя. Если всѣ монады—лишь ограниченныя силы и имѣютъ поэтому лишь смутныя представленія, то монадологія невозможна. Поэтому, послѣ того, какъ въ лицѣ Лейбница догматическая философія исчерпала всѣ возможныя точки зрѣнія для объясненія міра, и при этомъ все же ясное познаніе для нея осталось непонятнымъ, для философіи оставался лишь единственный путь—преобразовать проблему и измѣнить точку зрѣнія: необходимо было, прежде чѣмъ заниматься объясненіемъ міра, сдѣлать проблемою возможность самого познанія. Такой шагъ и былъ сдѣланъ критическою философіею въ лицѣ Канта. Вслѣдствіе этого философія изъ метафизики бытія пре-

вращается въ теорію познанія. Обрисованная въ общихъ чертахъ Кантомъ и обстоятельно разработанная Фихте, философія какъ теорія познанія, неизбѣжно, однако, ведетъ къ выходу за свои границы, за предѣлы чисто-субъективной теоріи познанія, она, словомъ, стремится изъ теоріи познанія стать опять теоріею міра, сохраняя при этомъ всѣ добытыя на предшествующей ступени результаты. Этотъ выходъ изъ сѣтей субъективности и оковъ абстрактности въ свободное поле объективной науки и составляетъ, по мнѣнію Куно-Фишера неоцѣнимую заслугу Шеллинга въ исторіи философіи.

Въ теоріи знанія Канта-Фихте рѣчь идетъ о томъ, какъ возникаетъ объектъ знанія, познаваемый міръ. На это оба мыслителя отвѣчали, что такая возможность покоится на извѣстныхъ факторахъ человѣческаго разума. Однако, такъ какъ самъ человѣкъ происходитъ изъ міра, относится къ числу явленій, то необходимо, думаетъ Куно-Фишеръ, поставить слѣдующій вопросъ: какъ возникаетъ въ ходѣ развитія міра человѣкъ, въ которомъ міръ становится познаваемымъ, какъ возникаетъ самъ разумъ? Словомъ, ставится задача прослѣдить досознательную исторію разума, досознательное развитіе знанія. Если мы назовемъ міръ, предшествующій дѣйствительному познанію въ свѣтѣ сознанія, природою, то прежній вопросъ можетъ быть формулированъ такъ: какимъ образомъ природа приходитъ къ знанію, какимъ образомъ изъ природы возникаетъ духъ? Эту задачу ставитъ и разрѣшаетъ Шеллингъ въ своей философіи природы, которая такъ же точно относится къ эмпирическому естествознанію какъ философія вообще — къ эмпирической наукѣ. Однако вырвавшись изъ оковъ субъективности, поставивъ наряду съ теоріею познанія, изучающей развитіе познанія, духа, въ качествѣ равноправной ей философію природы, Шеллингъ, продолжаетъ Куно-Фишеръ, принужденъ былъ сдѣлать еще шагъ впередъ. Разъ природа есть безсознательный разумъ, т.-е. разъ она въ существѣ тождественна съ духомъ, то философія должна быть не чѣмъ инымъ, какъ ученіемъ объ этомъ единомъ тождественномъ, лежащемъ въ ихъ основѣ, и объ его развитіи въ мірѣ, она должна быть философіею тождества. Положивъ основу для этой новой эры въ философіи, расцвѣтъ которой, главнымъ образомъ, связывается съ именемъ Гегеля, Шеллингъ, по мнѣнію Куно-Фишера, окончательно уничтожилъ односторонность критицизма и далъ плодотворное и глубокое примиреніе спора между нимъ и догматизмомъ. Догматизмъ признавалъ міръ, объективное, вполнѣ независимымъ отъ знанія, субъекта, разума и поэтому не могъ объяснить возможности познанія; критицизмъ или субъективный идеализмъ Канта—Фихте дѣлалъ міръ, объективное, зависимымъ отъ субъективнаго человѣческаго знанія, вслѣдствіе этого у него пропадала истинная реальность; философія тождества соединяетъ оба направленія: объективное зависимо не отъ субъективнаго человѣческаго знанія, разума, а отъ абсолютнаго знанія; оно есть, говоря иначе, низшая ступень знанія, безсознательный разумъ; вслѣдствіе этого спасается истинная реальность и дается возможность объясненія познанія.

На этомъ мы и прервемъ изложеніе, по Куно-Фишеру, системъ Лейбница и Шеллинга. Какъ бы мы ни расходились съ его толкованіямъ Лейбница и Шеллинга, а особенно позднѣйшей философіи послѣдняго, его такъ называемой, положительной философіи, во всякомъ случаѣ, надо признать, что Куно-Фишеръ въ существенныхъ чертахъ правильно схватилъ значеніе системъ обоихъ философовъ въ исторіи философіи. Это и дѣлаетъ особенно цѣнными оба его тома также и для настоящаго времени. Въ области научнаго мышленія еще до сихъ поръ не окончилась борьба между механизмомъ и динамизмомъ, и между ними обоими, какъ догматическими воззрѣніями, и критицизмомъ; — быть можетъ, т. III исторіи философіи Куна-Фишера освѣтитъ передъ читателями этотъ споръ и поможетъ, какъ слѣдуетъ, оцѣнить указанныя міросозерцанія. Съ другой стороны, начинающій все болѣе и болѣе пріобрѣтать власть надъ умами кри-

тицизмъ или субъективный идеализмъ найдетъ въ VII томѣ ясное освѣщеніе своихъ прорѣхъ и недостатковъ, и получитъ мощное побужденіе къ дальнѣйшему развитію.

Что же касается переводовъ, то переводъ III-го т. ист. нов. фил. К. Фишера, сдѣланный Н. Н. Полиловымъ, можно назвать удовлетворительнымъ, хотя промахи и попадаются. Встрѣчаются не имѣющія смысла фразы, напр.: «ибо иное тѣло есть также иной духъ» (стр. 336), надо же сказать: «измѣненіе пониманія тѣла связано съ измѣненіемъ пониманія духа»... и др. Терминологія передается не всегда правильно; такъ, напр. «Uebel» переводится то «зло» (590, 592, 594) то «бѣдствіе» (589, 599) «Böse» то «зло» (590, 593, 594), то «грѣхъ» (590, 592), тогда какъ слѣдовало бы обоимъ словамъ дать различное значеніе и сохранять его постоянно; «Richtung» (стр. 602) вмѣсто «направленіе» передается терминомъ «стремленіе» и другія.

Переводъ же VII тома Ист. Нов. Фил. Куно-Фишера, сдѣланный Н. О. Лосскимъ, вполнѣ удовлетворителенъ, хотя есть такъ же погрѣшности. Терминологія передана не вполнѣ безукоризненно; такъ напр.: «moralisch» передается то терминомъ: «моральный» (312, 315 и т. д.), то словамъ «нравственный» (311, 312). Выраженіе «Vorgeschichte des Bewusstseins» передано (478) «предварительная исторія сознанія», что не выражаетъ какъ разъ того, на что дѣлалъ удареніе авторъ; также точно выраженіе «Vorstufer der Vernunft» переведено (478) «предварительныя ступени разума». *N. N.*

Гаральдъ Гёфдингъ. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго Рафаила Соловьева. Москва. Книгоиздательство «Творческая мысль». 1905 г. Цѣна 60 коп. Къ философскимъ проблемамъ Гёфдингъ относитъ 4 проблемы: психологическую или иначе проблему личности, теоретико-познавательную, или проблему о достовѣрности принциповъ познанія, космологическую и проблему оцѣнки, распадающуюся съ своей стороны на двѣ—на этическую и религіозную. Въ основѣ всѣхъ ихъ однако, думаетъ онъ, лежитъ одна и та же проблема о соотношеніи единства и многообразія. Задача его книжки и состоитъ въ томъ, чтобы вскрыть во всѣхъ указанныхъ проблемахъ эту основную философскую проблему, показать на конкретныхъ случаяхъ невозможность разрѣшить ее и такимъ образомъ выдвинуть на видъ, что философскія задачи никогда не перестанутъ волновать человѣческій умъ. Въ области психологіи, утверждаетъ онъ, наша философская мысль не въ силахъ создать цѣльное понятіе личности изъ отдѣльныхъ элементовъ психической жизни; въ области теоріи познанія она не въ силахъ доказать достовѣрность, объективность принциповъ познанія, открыть такіе принципы, которые были бы способны побѣдить качественное разнообразіе явленій; наконецъ, такъ же безплодны ея попытки разрѣшить окончательно и прочія проблемы.

Если нужно признать заслугу за Гефдингомъ въ томъ отношеніи, что ему удалось свести всѣ философскія проблемы къ одной основной, именно къ вопросу, какъ возможно внести во многообразіе единство, то, кажется намъ, его скептическое разрѣшеніе этой основной проблемы, его утвержденіе, что мы никогда не будемъ въ силахъ окончательно схватить многообразіе въ единствѣ, что, слѣдовательно, наше познаніе навсегда останется недостовѣрнымъ, а всѣ коренные вопросы нашего ума — неразрѣшимыми, зависитъ отъ его теоретико-познавательной точки зрѣнія. Если мы будемъ, какъ дѣлаетъ авторъ, исходить изъ противоположенія познающаго субъекта и многообразія міра явленій, то, конечно, для насъ будетъ непонятно, какъ возможно познаніе. Но эта непонятность только и свидѣтельствуетъ о неудовлетворительности занятой авторомъ позиціи, о неправильности его точки зрѣнія. *N. N.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изъ новыхъ изданій **«Библіотеки для всѣхъ»** О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой отмѣтимъ, какъ наиболѣе интересныя: **С. Гусева-Оренбургскаго Чужая вина (Кузьма) 24 стр. Ц. 4 к.** Крестьянинъ батракъ по проискамъ и плутнямъ старшины приговоренъ къ тѣлесному наказанію; глубоко-потрясенный несправедливымъ приговоромъ и позоромъ перенесеннаго наказанія Кузьма не выдержалъ и повѣсился. Разсказъ написанъ художественно и производитъ сильное впечатлѣніе.

И. Наживина. Въ стѣнахъ. 56 стр. Ц. 10 к. Суровая, мрачная монастырская жизнь «по обряду» и рядомъ съ этимъ корысть и лицемѣріе братіи и монастырскаго начальства одинаково не удовлетворяютъ и жизнерадостную натуру молодого инока Ивана, съ дѣтства попавшаго въ монастырь и всей душой стремившагося къ простой, свободной жизни хозяина-хлѣбопашца, и пытливый умъ инока Іоны, страстно искавшаго «всю истину» и не находившаго ее въ поученіяхъ монастырской морали. Глубокую драму переживаютъ они оба въ монастырскихъ стѣнахъ, пока наконецъ одинъ не убѣгаетъ оттуда, а другой не лишается разсудка и не становится «блаженнымъ», «божьимъ человѣкомъ», доставляющимъ не малый доходъ монастырю.

Интересенъ разсказъ **Л. Мельшина «На китайской рѣкѣ» 48 стр. Ц. 10 к.** изъ жизни крестьянъ Забайкалья времени японско-китайской войны 94—95 г. Авторъ выдвигаетъ яркую фигуру крестьянина Лагунова, пытливая мысль котораго упорно работаетъ надъ способами улучшенія жизни односельчанъ, задыхающихся въ сѣтяхъ кулаковъ и всесильныхъ мѣстныхъ властей. Въ неравной борьбѣ съ послѣдними и погибаетъ Лагуновъ жертвой тьмы и невѣжества односельчанъ, интересы которыхъ онъ отстаивалъ.

Нельзя того же сказать о путевыхъ набросках **И. Наживина. Среди могилъ. 166 стр. Ц. 25 к.** Это изданіе «Библіотеки для всѣхъ» необыкновенно дешевое по цѣнѣ, тѣмъ не менѣе едва ли будетъ имѣть интересъ для широкихъ массъ читателей. Путевыя впечатлѣнія автора, посѣтившаго Константинополь, Грецію, Корфу, Сицилію, Палермо даютъ читателю слишкомъ много длинныхъ описаній, образовъ и воспоминаній, естественно встающихъ передъ авторомъ при посѣщеніи развалинъ былого величія страны, но мало понятныхъ читателю, не знакомому съ исторіей древняго міра и слишкомъ мало картинъ дѣйствительности и современной жизни. Высокая идея всеобщаго равенства и братства народовъ, часто одушевляющая автора, пропадаетъ въ массѣ торжественныхъ и порою скучныхъ описаній величественныхъ картинъ южной природы и памятниковъ древности.

Въ изданіяхъ Раппа и Потапова отмѣтимъ разсказы **В. Короленко. Страстная суббота. 16 стр. ц. 3 к. Л. Юрьевой** (перед. съ француз.) **Дѣло Жерома 16 стр. ц. 3 к.** Честный уличный торговецъ, Жеромъ, случайно попадаетъ въ тюрьму; двухнедѣльное тюремное заключеніе оказалось роковымъ для старика— улица не желаетъ болѣе имѣть съ нимъ ничего общаго, онъ теряетъ всѣхъ покупателей и впадаетъ въ полную нищету.

Небольшой разсказъ-быль **Л. Н. Толстого. Тяжелое бремя. 8 стр. 2 к.** затрогиваетъ вопросъ объ одномъ изъ наболѣвшихъ золъ современнаго государства—тюремномъ режимѣ. На примѣрѣ маленькаго государства Монако авторъ указываетъ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложится на страну содержаніе тюремъ и лишеніе заключенныхъ возможности участвовать въ производительномъ трудѣ страны. **Н. Темный. Обыскъ. 16 стр. ц. 3 к.**—картинка обыска рабочихъ при выходѣ съ фабрики и возмутительнаго произвола фабричной администраціи, не щадящей ни самолюбія, ни чувства личнаго достоинства рабочихъ.

А. Фогаццаро. Холера. 16 стр. Ц. 3 к. Бѣгство богатаго графа съ семьей при первомъ появленіи холеры на ихъ виллѣ и полная заброшенность ихъ слугъ, оставленныхъ въ жертву эпидеміи, нашедшей себѣ благопріятную почву въ ихъ убогой обстановкѣ.

Менѣе интересны разсказы **Айзмана** изъ жизни евреевъ: **Саванъ Ц. 5 к. Въ чужой сторонѣ. Ц. 7 к.**, и разсказы **Дмитріевой: Ванька Ц. 7 к.**, изъ жизни уличныхъ дѣтей, **Марфутка Ц. 10 к. 80 стр.** исторія паденія крестьянской дѣвушки, попавшей къ господамъ «въ няни», а затѣмъ уѣхавшей въ Москву на заработки, и драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ того же автора (изъ временъ крѣпост. права)—**Бурмистерша. 74 стр. Ц. 20 к.**

О. Давыдова. Изъ воспоминаній учительницы. 116 стр. Ц. 30 к.—живо написанный разсказъ учительницы о ея первыхъ шагахъ педагогической дѣятельности въ женской гимназіи и о борьбѣ ея съ современной рутиной преподаванія и формализмомъ, преслѣдующимъ всякую попытку живого общенія преподавателей съ учащимися.

Одно изъ самыхъ дѣятельныхъ современныхъ книгоиздательствъ, «Донская Рѣчь», пополнило серію научно-популярныхъ книгъ еще нѣсколькими очень интересными изданіями.

По исторіи русскаго права и исторіи русскаго общественнаго движенія вышли слѣдующія 4 книги: **В. Алексѣевъ. Народовластіе въ древней Руси. 69 стр. Ц. 20 к. Е. Звягинцевъ Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ девятнадцатаго вѣка. 61 стр. Ц. 20 к. В. А. Мякотинъ. На зарѣ русской общественности 87 стр. Ц. 20 к. И. И. Дитятинъ. Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ жизни московскаго государства. 46 стр. Ц. 15 к.**

Всѣ эти книги имѣютъ въ виду читателя уже болѣе или менѣе подготовленнаго; первыя двѣ изъ нихъ написаны живѣе и проще, а потому доступны болѣе широкому кругу читателей. Книга **Алексѣева** знакомитъ читателя съ вѣчевымъ строемъ древней Руси кіевскаго періода. Отдѣльная глава посвящена организаціи вѣча, его компетенціи и дѣятельности. Хорошо выяснено взаимоотношеніе вѣча и князя и характеръ княжеской власти въ древней Руси; избраніе, или, вѣрнѣе, признаніе князей народомъ, договоръ князя съ народнымъ вѣчемъ указываютъ на то, что въ древней Руси верховенство принадлежало не князю, а вѣчу: князь управляетъ лишь по уполномочію народа, вѣчу принадлежитъ власть законодательная, судебная и частью исполнительная. Указаны различныя формы и народовластія на сѣверѣ и югѣ Россіи, въ зависимости отъ различія географическихъ условій и историческаго развитія этихъ областей; въ то время какъ на сѣверѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, народовластіе носило характеръ современныхъ непосредственныхъ республикъ, на югѣ княжеская власть имѣла большее значеніе и народовластіе приняло характеръ вѣчевой монархіи, гдѣ власть княземъ была ограничена народнымъ собраніемъ вѣча.

Книжка Алексѣева, какъ одна изъ немногихъ дешевыхъ книгъ, знакомящихъ съ исторіей древнерусскаго государственнаго права, заслуживаетъ вниманія и широкаго распространенія.

Книжка Дитятина посвящена также одному изъ вопросовъ русскаго государственнаго права—иниціативѣ населенія Россіи въ законодательствѣ. Отмѣтивъ полную невозможность для народа въ современной Россіи проявлять свою иниціативу въ законодательствѣ, авторъ указываетъ на тѣ формы, въ которыхъ она могла проявляться въ московскомъ государствѣ. Челобитья самому царю и царскіе приказы отъ всѣхъ сословій московскаго государства, съ одной стороны, и земскіе соборы, съ другой—вотъ два пути, посредствомъ которыхъ тогда голосъ народа могъ непосредственно доходить до царя. Челобитья затрагивали всѣ сферы административнаго строя, всѣ стороны общественныхъ отношеній и часто принимались во вниманіе московскимъ правительствомъ. Оха-

рактеризовавъ самодержавную власть московскаго царя, авторъ подробно останавливается на томъ, какъ и о чемъ могъ народъ бить челомъ царю и чего достигали эти челобитныя. Право челобитій, предоставленное одинаково всѣмъ сословіямъ древней Руси, отъ крестьянъ до бояръ и стольниковъ, и составленіе ихъ поддерживали проявленіе народной самодѣятельности и устанавливали общеніе между различными общинами и городами, даже между различными сословіями общинъ, подававшими иногда одну общую челобитную. Рядъ важнѣйшихъ законодательныхъ реформъ въ московскомъ государствѣ былъ проведенъ подъ вліяніемъ народныхъ челобитныхъ.

Вторая глава посвящена земскимъ соборамъ, ихъ составу, роли и значенію въ московскомъ государствѣ, какъ средства для проявленія народной иниціативы въ дѣлахъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ. Касаясь очень интереснаго вопроса въ исторіи русскаго государственнаго права, книжка Дитятина написана недостаточно доступно и будетъ читаться лишь ограниченнымъ кругомъ читателей изъ массы.

Книга Звягинцева, напротивъ, будетъ читаться съ большимъ интересомъ и въ болѣе широкихъ кругахъ массового читателя. Вниманіе читателя останавливается здѣсь на одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общественнаго движенія —началѣ XIX вѣка. Охарактеризовавъ кратко первые годы царствованія Александра I-го и одушевлявшіе его освободительные стремленія и планы реформъ, авторъ главную часть книги посвятилъ общественному движенію, охватившему Россію послѣ войны 1812 г. и особенно послѣ 1814 г., когда правительство вступило на путь реакціи. Развитіе просвѣтительной дѣятельности общества, образованіе тайныхъ обществъ, возникновеніе «Союза Благоденствія», его задачи и дѣятельность, вліяніе на русскую жизнь отдѣльныхъ его членовъ и, наконецъ, распаденіе его въ 20-хъ годахъ, когда подъ вліяніемъ растущей реакціи правительства, у членовъ его естественно явилась мысль о необходимости государственнаго переустройства—все это увлечетъ и сильно заинтересуетъ читателя. Заключительная глава, посвященная 20-мъ годамъ, возникновенію тайныхъ обществъ, сѣвернаго и южнаго, и характеристикѣ ихъ дѣятельности, закончившейся неудачнымъ возстаніемъ 14-го декабря, къ сожалѣнію, недостаточно полно характеризуетъ это движеніе, но тѣмъ не менѣе читатель выяснитъ себѣ его главнѣйшія задачи и стремленія.

Книга **Мякотина «На зарѣ русской общественности»** является переизданіемъ хорошо извѣстной русской читающей публикѣ статьи его о Радищевѣ, и выходъ ея въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ можно лишь привѣтствовать. Если она не будетъ доступна всей массѣ читающей публики изъ народа, то найдетъ себѣ тѣмъ не менѣе широкій кругъ читателей изъ ея интеллигенціи и учащейся молодежи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

П. Лакомбъ. Краткая исторія французскаго народа, изд. Д. Р. 138 стр. Ц. 25 коп. У насъ нѣтъ почти совершенно дешевыхъ книгъ по исторіи Западной Европы, изданіе книжки Лакомба поэтому является очень своевременнымъ. Въ ней читатель найдетъ исторію развитія соціально-политической жизни Франціи со временъ галловъ до первой революціи 1789 года. Главное вниманіе авторъ обращаетъ не на политическую исторію страны, а на ея соціально-экономическое развитіе и измѣненіе въ связи съ этимъ и ея политическаго строя. Авторъ заканчиваетъ описаніемъ угнетеннаго положенія французскаго народа и его разоренія наканунѣ революціи. Необходимо замѣтить однако, что отсутствіе живыхъ образовъ и картинъ и слишкомъ схематичное изложеніе затруднитъ широкое распространеніе этой интересной книги.

К. Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Изд. Д. Р. 104 стр. Ц. 20 к. Книга эта является какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей. Читатель найдетъ въ ней обобщающее изложеніе при-

чинъ роста абсолютной монархіи во Франціи и затѣмъ подробное изложеніе классовыхъ интересовъ различныхъ группъ французскаго народа передъ великой революціей 1789 года. Блестящія характеристики, картины экономическаго положенія народа, глубокое пониманіе исторической роли классовыхъ противорѣчій въ эпоху французской революціи и вліяніе ихъ на ходъ революціонныхъ событій—многое объяснитъ читателю и поможетъ ему сознательно отнестись и разобраться въ сложной картинѣ революціонной борьбы во Франціи 1789 г. Книга доступна, однако, лишь читателю, знакомому съ исторіей Франціи и съ главнѣйшими событіями французской революціи.

К. Каутскій. Ирландія. Изд. Д. Р. 52 стр. Ц. 15 к. Очеркъ Каутскаго, написанный четверть вѣка тому назадъ, даетъ читателю картину бѣдственнаго положенія ирландскаго народа; въ историческомъ очеркѣ страны авторъ указываетъ на главнѣйшія причины нищеты въ Ирландіи—политическій гнетъ завоевателей-англичанъ и экономическій гнетъ англійскихъ лендлордовъ, захватившихъ ирландскія земельныя богатства—и указываетъ на главнѣйшіе моменты борьбы Ирландіи за свободу и землю. Единственнымъ выходомъ изъ современнаго положенія авторъ считаетъ борьбу народныхъ массъ за коренную реформу землевладѣнія въ Ирландіи.

В. В. Водовозовъ. Всеобщее избирательное право на Западѣ. Изд. Д. Р. 31 стр. Ц. 8 к. Въ настоящій моментъ, когда вопросъ объ избирательномъ правѣ пользуется всеобщимъ интересомъ, изданіе этой книжечки является въ высшей степени своевременнымъ. Читатель найдетъ въ ней разъясненіе понятій всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, ознакомится съ ограниченіями всеобщности голосованія, установленными въ различныхъ странахъ Западной Европы, частью необходимыми, частью искажающими самый принципъ (возрастъ, полъ, правоспособность, цензъ, осѣдлость, множественные вотумы) и узнаетъ главнѣйшіе аргументы противъ открытой подачи голосовъ и двустепенныхъ выборовъ.

Книжечка написана просто, но предполагаетъ у читателя нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи, географіи и о современномъ политическомъ строѣ государствъ Запада.

Е. И. Бумакова. Заря будущаго. Повѣсть изъ средневѣковой жизни. Изд. Д. Р. 132 стр. Ц. 25 к. Первая часть повѣсти переноситъ читателя въ средневѣковой городъ XV в.; передъ нимъ проходитъ рядъ картинъ изъ жизни ремесленниковъ, захватившихъ въ свои руки управленіе городомъ. Фактически однако городомъ управляетъ наиболѣе зажиточная цеховая аристократія, что возбуждаетъ недовольство остальной массы ремесленниковъ. Начинается борьба, въ которой активное участіе принимаютъ главныя дѣйствующія лица повѣсти. Демократія побѣждаетъ, но не надолго, она принуждена уступить силѣ оружія сосѣдняго могущественнаго герцога, къ помощи котораго обратились патриціи города.

Казнью зачинщиковъ возмущенія заканчивается первая часть. Вторая часть переноситъ читателя въ средневѣковой монастырь, куда удалилась дочь одного изъ казненныхъ вождей возстанія. Въ рядѣ картинъ авторъ рисуетъ упадокъ католической церкви и духовенства, а въ концѣ выдвигаетъ величественную фигуру проповѣдника, бичующаго порочную жизнь католическаго духовенства и мірянъ и думающаго строгими требованіями нравственности поднять церковь изъ болота разложенія. Вѣрный сынъ католической церкви онъ боится кореннаго ея измѣненія, уже назрѣвшаго и бывшаго единственнымъ выходомъ для ея обновленія. Его голосъ остался одинокимъ, его нравственная жизнь—безслѣдной. «Онъ былъ лишь предразсвѣтной звѣздой, какъ выражается авторъ, знаменовавшей собою скорое наступленіе яркаго и торжествующаго утра. Это утро олицетворилъ собою—Лютеръ». Въ изложеніи автора много описаній и мало

*

художественныхъ образовъ; повѣсть нѣсколько растянута, но тѣмъ не менѣе она интересна какъ иллюстрація къ изученію жизни города и церкви въ концѣ среднихъ вѣковъ и найдетъ свой кругъ читателей.

Лангманъ. Бартель Туразеръ (драма изъ жизни рабочихъ) **Изд. «Д. Р.» 86 стр. Ц. 15 к.** Можно только привѣтствовать появленіе въ свѣтъ этой извѣстной драмы Лангмана дешевымъ изданіемъ. Она будетъ читаться съ живѣйшимъ интересомъ: драма, пережитая Туразеромъ, и мотивы, побудившіе его измѣнить дѣлу товарищей будутъ понятны каждому и вмѣстѣ съ тѣмъ подни-мутъ въ каждомъ бурю негодованія. Только искреннее сознаніе и открытое признаніе подлости своихъ дѣйствій примиряетъ съ нимъ читателя, съ облегченнымъ сердцемъ заканчивающаго чтеніе тяжелой драмы.

К. К. Суздальцевъ. Другъ фабричныхъ дѣтей Ричардъ Остлеръ. Изд. Д. Р. 32 стр. Ц. 3 к. Изобрѣтеніе машинъ и быстрое распространеніе ихъ въ концѣ XVIII в. произвели крупный переворотъ въ промышленной жизни Англіи. Нуждаясь въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, фабриканты вербовали первоначально на фабрики дѣтей нищихъ изъ благотворительныхъ заведеній. Дѣти эти становились рабами фабриканта и безропотно переносили всѣ его требованіе и безчеловѣчно-жестокое обращеніе надзирателей. Авторъ рисуетъ ужасающія картины изъ жизни этихъ маленькихъ бѣлыхъ невольниковъ. Однимъ изъ первыхъ горячихъ защитниковъ фабричныхъ дѣтей былъ Ричардъ Остлеръ; въ 1830 г. онъ началъ свою агитацію въ пользу необходимости законовъ для защиты дѣтскаго труда и затѣмъ всю свою жизнь посвятилъ этому дѣлу. Въ простомъ, доступно написанномъ очеркѣ авторъ знакомитъ читателя съ неутомимой дѣятельностью Остлера и съ тѣми результатами, которые удалось ему достигнуть, не смотря на сильную оппозицію фабрикантовъ и благодаря поддержкѣ рабочихъ, принявшихъ самое активное участіе въ этой борьбѣ за проведеніе фабричнаго законодательства въ парламентѣ. Очеркъ заканчивается краткимъ изложеніемъ главнѣйшихъ постановленій современнаго фабричнаго законодательства Англіи.

Общедоступные разсказы изъ русской исторіи. Для школъ и самообразованія. Изд. книж. маг. Школьное и Библіотеч. Дѣло (2-ое изд. дополненное и переработанное) 128 стр. Ц. 30 к. Задача автора дать пособіе для изученія начальнаго курса русской исторіи въ школахъ (особенно въ школахъ для взрослыхъ) и для самостоятельнаго чтенія выполнена очень удачно. Главное вниманіе авторъ сосредоточиваетъ на исторіи внутренней государственной и общественной жизни русскаго народа; событіямъ внѣшней исторіи отведено сравнительно меньшее мѣсто и въ этомъ большое достоинство книги: именно этого-то и не находимъ мы въ большинствѣ учебниковъ и отдѣльныхъ дешевыхъ брошюрахъ по русской исторіи. Стремленіе автора быть краткимъ иногда нѣсколько вредитъ полнотѣ содержанія (особенно въ изложеніи петербургскаго періода русской исторіи), но въ конспективномъ изложеніи авторъ знакомитъ тѣмъ не менѣе почти со всѣми важнѣйшими событіями изъ исторіи русскаго народа и съ внутреннимъ строемъ страны въ различные періоды русской исторіи. Книга заканчивается изложеніемъ главнѣйшихъ преобразованій и войнъ въ царствованіе Александра II. Надо пожелать книгѣ самаго широкаго распространенія. Изложеніе доступное и мало подготовленному читателю.

Клочковъ. Земскіе соборы въ старину. Изданіе «Общественной Пользы». 48 стр. Ц. 15 коп. Въ первой главѣ читатель найдетъ изложеніе взглядовъ русскихъ историковъ на земскіе соборы, а затѣмъ въ послѣдующихъ—исторію земскихъ соборовъ, описаніе ихъ состава и условій, при которыхъ они выступали на сцену русской жизни. Въ послѣдней главѣ авторъ даетъ оцѣнку значенія и характера земскихъ соборовъ, сравнивая ихъ съ представительными учрежденіями государствъ Западной Европы. Онъ знакомитъ при этомъ чита-

теля съ сущностью представительнаго образа правленія, съ его значеніемъ для жизни страны и отдѣльныхъ гражданъ и указываетъ на коренныя различія земскихъ соборовъ и представительныхъ учрежденій Западной Европы: отсутствіе у земскихъ соборовъ правъ и полномочій (ихъ постановленія не имѣютъ юридической силы), неопредѣленный составъ земскихъ соборовъ и исключительно совѣщательный характеръ. Авторъ не забываетъ, однако, указать на крупное значеніе, которое имѣли земскіе соборы въ московскомъ государствѣ, какъ голосъ земли, къ которому прислушивалось правительство въ затруднительныхъ обстоятельствахъ государственной жизни и который доводилъ непосредственно до свѣдѣнія верховной власти о всѣхъ нуждахъ и бѣдствіяхъ народа. По изложенію книжка будетъ доступна только читателю болѣе или менѣе подготовленному.

Что такое Земскій Соборъ. Изд. Н. М. Лагова. Спб. Ц. 10 к. 24 стр. Книжечка эта слишкомъ конспективна, захватывая массу вопросовъ, она не даетъ читателю возможности оріентироваться ни въ исторической обстановкѣ среди которой собирались земскіе соборы, ни въ ихъ значеніи для государственной жизни въ различные періоды русской исторіи, хотя на все это знакомый съ предметомъ читатель найдетъ въ ней указанія. На 24 страницахъ небольшого формата читателю дается вся исторія земскихъ соборовъ и краткія свѣдѣнія о коммиссіяхъ при преемникахъ Петра I и при Екатеринѣ II, до нѣкоторой степени замѣнившихъ совѣщательный голосъ земскихъ соборовъ. Удачный пріемъ изложенія—короткія главы, изъ которыхъ каждая отвѣчаетъ на опредѣленный вопросъ, поможетъ читателю мало подготовленному усвоить содержаніе книги, но тѣмъ не менѣе едва ли книга дастъ ему ясный отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое земскій соборъ.

Н. Сѣверовъ. Шербекскіе выборы. Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ. Изд. Новой Библіотеки т-ва М. Д. Орѣхова и К° 176 стр. Ц. 50 к. Интересный разсказъ Сѣверова знакомитъ читателя съ предвыборной агитаціей въ небольшомъ мѣстечкѣ Фландріи, издавна посылавшаго въ бельгійскій парламентъ депутата-клерикала, не встрѣчавшаго долго при выборахъ никакой оппозиціи. Однако новыя соціально-политическія теоріи и политическая борьба проникаетъ и въ Шербекъ. На предстоящихъ выборахъ населеніе должно уже выбирать между тремя кандидатами: рядомъ съ клерикалами своихъ кандидатовъ выставили либералы и соціалисты. Въ интересномъ живомъ изложеніи и рядѣ картинокъ вводитъ авторъ читателя во всѣ детали предвыборной агитаціи, указываетъ на открытую борьбу и скрытыя пружины, пущенныя въ ходъ партіями для завоеванія себѣ голосовъ населенія. Побѣда и на этотъ разъ остается за кандидатомъ клерикаловъ, но значеніе предвыборной агитаціи для политическаго воспитанія массъ ясно читателю.

Къ сожалѣнію, чтеніе разсказа для массы читателей затрудняется введеніемъ не переведенныхъ даже въ примѣчаніяхъ фразъ и выраженій на французскомъ и фламандскомъ языкахъ. Примѣчаніе въ концѣ книги даетъ краткое изложеніе бельгійской конституціи и численнаго состава партій въ бельгійскомъ парламентѣ.

Крѣпостное право на Руси. Сборникъ. Изд. «Новой Библіотеки» М. Д. Орѣхова. 54 стр. Ц. 8 к. Этотъ сборникъ, очень живо и интересно составленный, можно рекомендовать для самаго широкаго распространенія. Въ рядѣ очерковъ и отрывковъ изъ беллетристическихъ произведеній читатель знакомится съ исторіей крестьянства на Руси, съ положеніемъ крѣпостныхъ, съ главными причинами, вызвавшими освобожденіе крестьянъ и съ главными условіями освожденія ихъ. Рядъ очень удачно подобранныхъ стихотвореній иллюстрируетъ картины крѣпостного права и жизни крестьянъ послѣ освобожденія. На обложкахъ обоихъ этихъ изданій Орѣхова читатель найдетъ не-

большой списокъ рекомендуемыхъ книгъ по беллетристикѣ, исторіи и географіи.

А. Горбуновъ. Гарантіи личной свободы въ Англіи. Изд. «Дон. Рѣчи». 55 стр. Ц. 15 к. Въ настоящій моментъ, когда вопросъ о гарантіяхъ личной свободы сталъ однимъ изъ насущныхъ и жгучихъ вопросовъ русской дѣйствительности, появленіе книги Горбунова очень своевременно Въ ней читатель найдетъ краткій историческій очеркъ борьбы англичанъ за политическую и гражданскую свободу и за обезпеченіе ея въ дѣйствительной жизни. Народное представительство и хорошо организованный судъ—вотъ средства, которыми англичане шагъ за шагомъ ограничили произволъ короля и администраціи. Авторъ подробно останавливается на главнѣйшихъ парламентскихъ актахъ. «Петиція права», «Habeas Corpus Act» и «Декларація правъ», содѣйствовавшихъ установленію реальной защиты признанныхъ правъ личности. Чтобъ выяснить читателю главнѣйшія условія, при наличности которыхъ обезпечивается какъ личная свобода гражданъ, такъ и безопасность общества и государства, авторъ очень подробно останавливается на томъ, въ какихъ случаяхъ и при какихъ условіяхъ допускаетъ англійское право примѣненіе ареста и какія оно предоставляетъ гарантіи арестованному для возвращенія свободы, въ случаѣ неправильнаго или незаконнаго ареста. Этимъ гарантіямъ—защитѣ суда, въ силу «Habeas Corpus Act'a», предоставленной каждому арестованному въ Англіи, и строгой судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ за произвольное и незаконное лишеніе свободы—авторъ посвящаетъ отдѣльныя главы и выясняетъ ихъ детально, обращая особое вниманіе читателя на то, что въ Англіи всѣ равны передъ закономъ и судомъ и для привлеченія къ суду должностныхъ лицъ не требуется разрѣшенія ихъ начальства. Въ концѣ книги указывается на огромное значеніе свободы печати, создающей постоянный контроль надъ дѣятельностью всѣхъ учрежденій, и политической свободы вообще, какъ лучшей гарантіи личной свободы и примиренія ея интересовъ съ интересами правового порядка и безопасности. Книга даетъ очень много цѣнныхъ свѣдѣній, но написана она довольно сухо и недоступна мало подготовленному читателю.

С. Русова. Какъ болгары добыли себѣ свободу. 60 стр. Ц. 6 к. Изд. «Д. Р.» Кратко ознакомивъ читателя съ географическимъ положеніемъ Болгаріи, ея природой, бытомъ населенія и съ положеніемъ болгаръ подъ гнетомъ турецкаго ига, нѣсколько столѣтій, тяготѣвшаго надъ страной, авторъ подробно останавливается на постепенномъ пробужденіи среди болгарскаго народа стремленія къ свободѣ и къ борьбѣ ея лучшихъ людей за свободу родины. Въ живомъ, яркомъ разсказѣ знакомится читатель съ первыми шагами освободительнаго движенія, съ его послѣдующимъ быстрымъ ростомъ и характеромъ, съ главнѣйшими вождями, подготовлявшими населеніе къ борьбѣ и руководившими народнымъ возстаніемъ. Турецкія звѣрства вызываютъ наконецъ вмѣшательство Россіи. Война 1878 г. заканчиваетъ освобожденіе Болгаріи, начатое самимъ народомъ. Для Болгаріи начинается новая жизнь; авторъ подробно останавливается на первомъ учредительномъ собраніи, давшемъ странѣ конституцію, знакомитъ съ болгарской конституціей и съ исторіей послѣдующихъ событій въ жизни Болгаріи. Государственный переворотъ Александра Баттенбергскаго, возстаніе въ Румеліи, война съ Сербіей, паденіе Баттенберга, выборъ новаго князя, наконецъ, режимъ Стамбулова и его паденіе, все это затронуто коротко авторомъ, въ послѣдней главѣ знакомящимъ читателя съ современной политической жизнью страны, съ различными союзами и партіями, отстаивающими интересы населенія и верховныя права народнаго собранія. Книга написана ясно и живо и будетъ доступна широкому кругу читателей.

С. Русова. На счастливыхъ островахъ. Ао-Теа-Роа (Новая Зеландія). 52 стр. Ц. 6 к. Изд. «Д. Р.» Своеобразная жизнь Новой Зеландіи, ея демократическій политическій и соціальный строй, аграрное и рабочее законодательство глубоко интересуютъ читателя изъ народа, привлекаютъ его вниманіе и невольно вызываютъ аналогію съ окружающей его дѣйствительностью. Въ книгѣ Русовой читатель найдетъ рядомъ съ картиной современной жизни Новой Зеландіи описаніе ея природы, туземнаго населенія, но для него останется загадкой, какъ и почему такъ счастливо сложилась жизнь населенія этой колоніи и почему широко демократическія реформы проводятся здѣсь въ жизнь. Нельзя не указать еще на одинъ недостатокъ книги—искусственность разсказа: читатель знакомится съ разнымъ сторонами общественной и политической жизни Новой Зеландіи по впечатлѣніямъ переселенца изъ Россіи, отъ имени котораго и ведется разсказъ, въ силу чего автору пришлось не разъ прибѣгать къ очень искусственнымъ комбинаціямъ и сопоставленіямъ, что едва ли способствуетъ выясненію вопросовъ и затрудняетъ читателя.

С. Живаго. Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи. Изд. Д. Р. 40 стр. Ц. 10 коп. Авторъ останавливается на исторіи народнаго освобожденія въ одномъ изъ кантоновъ Швейцаріи—Цюрихѣ. Описаніе ежегоднаго національнаго праздника въ Устерѣ въ день перваго народнаго собранія, положившаго конецъ аристократическому правленію въ Цюрихѣ и начало новому политическому строю кантона, переноситъ автора къ прошлому страны. Онъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ сначала утвержденіе въ кантонѣ реакціоннаго бюрократическаго и аристократическаго режима въ началѣ XIX вѣка, его вліяніе на жизнь кантона, упадокъ экономическаго благосостоянія и просвѣщенія народа, а затѣмъ постепенно растущее недовольство режимомъ среди различныхъ группъ населенія и начало освободительнаго движенія среди народа, закончившееся народнымъ собраніемъ въ Устерѣ и положившемъ конецъ народному угнетенію. Интересная по содержанію, книга эта по изложенію, недостаточно популярна и можетъ быть доступна лишь читателю болѣе или менѣе подготовленному.

Ф. Мускатблитъ. Народное представительство. Съ предисловіемъ С. Изгоева. Изд. В. Распопова. Одесса. 38 стр. Ц. 7 коп. Нельзя не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ этой небольшой, но очень доступно и ясно составленной книги по вопросу, который сейчасъ является злобой дня въ Россіи. Читатель познакомится въ I-й главѣ этой книги съ вопросомъ объ избирательномъ правѣ, съ понятіемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и съ условіями проведенія этихъ понятій въ дѣйствительную жизнь; во II-й и III-й гл.—съ различными системами выборовъ, причемъ авторъ изложеніе иллюстрируетъ конкретными примѣрами; IV-я гл. посвящена различнымъ формамъ народнаго представительства: конституціонализму и парламентаризму, ихъ сущности и различію; V-я гл. даетъ понятіе объ одно и двупалатномъ народномъ представительствѣ и, наконецъ, VI-я гл. посвящена выясненію понятій партіи и ея программѣ. Въ концѣ книги авторъ даетъ сводку всего изложеннаго, что помогаетъ читателю мало подготовленному провѣрить и усвоить прочитанное, а въ заключеніи указываетъ на значеніе народнаго представительства въ жизни всякаго народа. По изложенію книга доступна широкому кругу читателей, хотя нѣкоторые сложные вопросы конституціоннаго права, какъ напр. вопросы о пропорціональной системѣ выборовъ, о конституціонализмѣ и парламентаризмѣ, мало подготовленнымъ читателемъ едва ли будутъ усвоены, но книга ихъ ставитъ и за это ей многіе уже будутъ благодарны. *Л. К—ва.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го апрѣля по 15-е мая 1905 г.).

А. Федоровъ. Земля. Ром. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 1 р.

А. К. Стихотворенія. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Евг. Мазепинъ. Два разсказа. Торговцы и Фельдшеръ. Спб. 1905. Изд. А. Б. Ц. —

Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Ист. пов. Спб. 1905. Изд. Девріена. Ц.—

І. Скартаццини. Данте. Перев. О. Л. Введенской. Подъ ред. проф. Спб. В. Ж. К. Д. К. Петрова. Спб. 1905. Изд. О-ва Вспом. ок. курсъ Высш. Жен. Курс. Ц. 1 р. 20 к.

А. Н. Вознесенскій (Усталый). Пѣсни молчанія. Москва. 1905 г. Книгоизд. «Сфинксъ». Ц. 1 р.

Н. Н. Каразинъ. Погоня за наживой. Ром. 3 част. Спб. 1905. Изд. П. Сойкина. Ц. 2 р.

В. П. Желиховская. На весенней зарѣ. Спб. 1905. Изд. А. Девріена. Ц. 90 к.

В. Пуришкевичъ. За кѣмъ? Пьеса въ 1 д. Спб. 1905. 2-ое изд. Ц. 20 к.

Генр. Сенкевичъ. Разсказы. Пер. Вук. М. Лавровъ. Безпл. прил. къ «Дѣт. Чт.». Москва. 1905.

Изд. Скирмунта. Москва. 1905. 1) Полн. собр. сочиненій Герг. Гауптмана. Перев. съ нѣмец. подъ ред. К. Бальмонта. Т. III. Ц. 1 р. 50 к. 2) М. Арцыбашевъ. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.

Книгоизд. «Скорпіонъ». Москва. 1905. 1) De profundis. Стан. Пшибышевскій. Кн. II. Ц. 2 р. 40 к. 2) Сѣверные цвѣты ассирійскіе. Альмана IV. Ц. 6 р.

И. Кордовскій. Очерки и разсказы. Спб. 1905. Изд. «Общ. Пользы». Ц. 1 р. 25 к.

С. А. Ан—скій. Разсказы. Т. I. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Изд. Тов-ва «Знаніе». Спб. 1905 г.: III, IV и V сборники за 1904 г. Ц. 1 р. кажд. Семенъ Юшкевичъ. Разсказы. Т. I и II. Ц. 1 р. кажд. А. Серафимовичъ. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р. Имре Мадачъ. Человѣческая трагедія. Драм. поэма. Пер. З. Крашенинниковой. Ц. 50 к. Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя. Ц. 1 р. Э. Золя. Углекопы. Пер. А. Коморской. Ц. 1 р. Нижегородскій сборникъ. Ц. 1 р.

И. Т. Кокоревъ. Саввушка. Пов. Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц. 15 к.

К. П. Злинченко. Лакей. Разсказъ. Одесса. 1905. Ц. 3 к.

Сборникъ молодыхъ писателей. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Поволжье. Сборникъ № 1. Под. ред. А. Я. Допуховскаго. Саратовъ. 1905. Ц. —

В. Н. Авдѣевъ. Изданіе 1904. I—Кавказъ, I,2—Жизнь II,—Бѣдствіе II,2—Сфинксъ. Кисловодскъ. 1904. Ц. —

Б. Гринченко. Пысання. Т. II. Выдавныцво «Викъ». Кыивъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Иванъ Франко. Збирныкъ творивъ. Кыивъ. 1905. Ц. 65 к.

Выдавныцтво «Викъ». 1904. Щаслывою стежкою. Оповидання мижъ хмарамы сонечко.

Рыбаковъ. Гипнотизмъ и психическая зарава. Москва. 1905.

А. Богдановъ. Эмпиріомонизмъ. Книга 2-я. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Москва. 1905. Ц. 70 к.

Р. Авенаріусъ. Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи А. Луначарскаго. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Москва. 1905. Ц. 80 к.

А. Яриловъ. Педологія, какъ самостоятельная естественно-научная дисциплина о землѣ. Ч. II. Юрьевъ. 1905. Ц. 2 р.

В. Лункевичъ. Основы жизни. Популярная біологія. Изд. Павленкова. Спб. 1905. Ц. 4 р.

И. Акинфіевъ. Общедоступныя бесѣды по геологіи и біологіи. Екатеринославъ. 1905. Ц. 50 к.

Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства. (Къ 50 - лѣтнему юбилею И. Ю. Стебута). Изд. почитателей и учениковъ Стебута. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Екатеринославской губ. Отчетъ губ. земству проф. В. Курилова. Екатер. 1904.

А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ и поговоркахъ. Т. IV. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Эльпе. Душа животныхъ и растеній. Изд. Суворина. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Максимъ Ковалевскій. Современные соціологи. Изд. Пантелѣева. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Анреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Проф. С. Ньюкомъ. Астрономія для всѣхъ, пер. съ англ. Одесса. 1905. Ц 1 р. 50 к.

Н. Карабчевскій. Приподнятая Завѣса. (Проза и стихи). Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. Лоуэлль. Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы. Изд. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 2 р.

Н. Г. Чернышевскій. Статьи по крестьянскому вопросу. Изд. Н. М. Чернышевскаго. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. I. Москва. Изд. Панафидиной. 1905 г. Ц. 1 р.

А. А. Корниловъ. Очерки по исторіи обществен. движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1905. Библ. Общ. Пользы Ц. 2 р.

П. И. Бахметьевъ. Попытка установить періодическ. систему палеарктич. бабочекъ. Саратовъ. 1905.

Карлъ Марксъ. Нищета философіи. Пер. съ фр. С. Алексѣева. Одесса. 1905. Ц. —

Н. Жаринцева. Ч. I. Объясненіе полового вопроса дѣтямъ. Письмо къ нѣкот. русскимъ родителямъ. Ч. II. Какъ все на свѣтѣ рождается. Письмо къ дѣтямъ. Спб. 1905. Ц. за обѣ части 1 р. 10 к.

И. П. Лысковъ. А. П. Чеховъ въ пониманіи критики (матеріалы для характерист. его творчество). Москва. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Альбрехтъ Дюреръ. (Великіе художники). Критич. біографія О. Маршлыра. Спб. 1905. Изд. А. Суворина. Ц. —

Н. Карѣевъ. Polonica. Сборн. статей по польскимъ дѣламъ.

Л. Б. Скаржинскій. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ царства польскаго. Спб. 1905.

С. Дороватовскій и А. Чарушниковъ. Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборн. статей. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

М. В. Довнаръ.—*Запольскій*. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Кіевъ. 1905. Изд. А. Сапунова. Ц. 1 р. 50 к.

И. Аллендорфъ. Учебникъ нѣмецкаго языка для мл. кл., ч. I. Изд. 16-е. Одесса. 1905. Ц. 70 к.

Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ. Спб. 1905. Изд. Русск. Собранія.

Матеріалы по вопросамъ профессіональнаго образованія и поощренія рем. труда среди евреевъ въ Россіи. Спб. 1905. Изд. Евр. Колон. О-ва. Ц. 1 р. 25 к.

Г. П. Задѣра. Медицинскіе дѣятели А. П. Чехова въ оцѣнкѣ д-ра М. А. Штерна. Спб. 1905. Изд. «Медиц. Журнала». Ц. 15 к.

Иммануилъ Кантъ. Рѣчи А. Риля и В. Виндельбанда. Пер. съ нѣм. Москва. 1905. Изд. Д. Ефимова. Ц. 30 к.

П. И. Межеричеръ. Черченіе съ натуры. Составленіе эскизовъ частей машинъ. Спб. 1905. Изд. Карбасникова. Ц. 75 к.

Проектъ основаній и нормъ для оцѣнки земель. Петровскій и Аткарскій уѣзды. 1904.

Проф. Георгъ Зиммель. Кантъ и современная эстетика и проф. К. фонъ-Келлесъ-Краузъ—Музыка и экономика. Спб. 1905. Изд. «Совр. Библ.». Ц. 10 к.

Дм. Языковъ. Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Ист.-лит. очеркъ. Москва. 1904. Ц 20 к. О. О. Садовская. Москва. 1905. Ц. 25 к. Алекс. Васил. Сухово-Кобылинъ. Очеркъ. Ц. 20 к. Алексѣй Степ. Хомяковъ. Оч. Ц. 20 к.

Е. И. Аркадьевъ. Всеобщее обязательное обученіе въ Россіи и за границей. Москва. 1905.

Г. Ф. Шершеневичъ. Земскій Соборъ. Казань. 1905. Ц. 50 к.

И. В. Мушкетовъ. Физическая геологія. Т. II денудаціонные процессы. Спб. 1905. Изд. 2-е, перераб. и дополн. К. И. Богдановичъ. Ц. —

Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ географіи Россіи. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Э. Сандомирскій. Сборникъ упражненій по ариѳметикѣ. Ч. I. Ц. 15 к.; ч. II. Ц. 20 к. Приложеніе для учителя. Кишиневъ. 1905. Ц. 10 к.

Александръ Бычковъ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905. Ц. 40 к.

Gugo Grothe. По азіатской и европейской Турціи. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Ф. Карповъ. Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ. Ч. I. Спб. 1905.

Н. Синицынъ. Важнѣйшіе вопросы общеобразовательной народной школы. Изд. Тихомирова. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Н. Молоствовъ. Волынскій и новѣйшіе идеалисты. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Ан. К—ръ. Алексѣй Мошинъ. Краткая критико-біографическая замѣтка. Спб. 1905. Ц. 10 к.

О кобылкѣ. Два чтенія для крестьянъ. Томскъ. 1905. Ц. 20 к.

С. Мокржецкій. Самосудъ въ наукѣ. Симферополь. 1905.

О. фонъ Цвидинекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы. Изд. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 2 р.

С. Пантелѣева. Нидерланды и Бельгія. Очерки стараго и новаго. Изд. Пантелѣева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Кл. Оланьонъ. Сибирь и ея экономическая будущность. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1905. Ц. 2 р.

Георгъ Шустеръ. Тайныя общества, союзы и ордена. Т. I. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Элизе Реклю. Земля и люди. Вып. VIII. Италія. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 80 к.

Проф. Р. Випперъ. Лекціи по исторіи Греціи. Ч. I. Москва. 1905. Ц. 1 р.

А. Климонтовичъ. Переселенія животныхъ. Изд. Музея учебныхъ пособій. Спб. 1905. Ц. 20 к.

А. Медвѣдковъ. Всемірный потопъ съ научной точки зрѣнія. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Тексты конституцій. Сборникъ первый. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1905. Ц. 40 к.

П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII вв. Изд. Залѣсской. Москва. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. Гудванъ. Приказчичій вопросъ. Одесса. 1905. Ц. 80 к.

П. Геллатъ. Дыханіе и положеніе гортани. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Т. Шлезингеръ-Экштейнъ. Женщина къ началу XX вѣка. Изд. «Современной Библіотеки». Спб. 1905. Ц. 20 к.

Рихардъ Кальверъ. Міровое хозяйство къ началу XX вѣка. Изд. «Современной Библіотеки». Спб. 1905. Ц. 10 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Modern Methods of Charity», by Charles R. Henderson. New-York and London. (Macmillan). (Современные методы благотворительности). Въ первой части своего обширнаго изслѣдованія общественной благотворительности авторъ говоритъ о странахъ, гдѣ преобладаетъ именно общественная форма благотворительности надъ церковной. Такими странами являются: Германія, Австрія, Швейцарія, Англія, Шотландія, Ирландія, Индія, Австралія и Канада, а также Голландія, Швеція и Норвегія и, наконецъ, Соединенные Штаты, которымъ посвящена очень обширная глава. Во второй части авторъ разсматриваетъ «латинскія страны», гдѣ церковная благотворительность стоитъ на первомъ планѣ, а общественная на второмъ, таковы: Франція, Италія, Бельгія. Въ третьей части авторъ говоритъ о Россіи, какъ о единственномъ цивилизованномъ государствѣ, гдѣ нѣтъ законодательства о бѣдныхъ и нѣтъ организованной общественной благотворительности. Четвертая и послѣдняя часть посвящена организаціи еврейской благотворительности въ Европѣ и Америкѣ.

(Daily News).

«Histoire des systèmes économiques et socialistes», par Hector Denis. T. I. Les Fondateurs. (Giard et Brière). 7 fr. (Исторія экономическихъ и соціалистическихъ системъ). Первый томъ своего новаго сочиненія авторъ, профессоръ свободнаго университета въ Брюсселѣ, посвящаетъ физіократамъ и Адаму Смиту. Онъ изслѣдуетъ ту историческую среду, которая создала такихъ людей, какъ Рикардо, Мальтусъ и Карей, и изучаетъ генезисъ соціализма, причемъ онъ называетъ Мабли однимъ изъ самыхъ глубокихъ предшественниковъ современной соціологіи.

(Polybiblion).

«Corporations et Syndicats», par Gustave Fagniez. (Lecoffre). Paris. 2 fr. (Корпораціи и синдикаты). Это популярный историческій очеркъ, въ которомъ авторъ, шагъ за шагомъ, изслѣдуетъ, изъ вѣка въ вѣкъ, развитіе корпорацій, начиная съ древнихъ временъ и кончая современною эпохой. Много новыхъ взглядовъ заключаетъ въ себѣ глава, посвященная средневѣковымъ корпораціямъ, но размѣры книги не дозволяли ему болѣе подробно коснуться этого вопроса. Во всякомъ случаѣ, несмотря на всю объективность своего научнаго изслѣдованія, авторъ высказываетъ явныя симпатіи къ корпоративному режиму.

(Polybiblion).

«La Démocratie en Nouvelle Zelande», par André Siegfried. Paris. (Colin). 4 fr. (Демократія Новой Зеландіи). Авторъ знакомитъ читателей съ подробностями тѣхъ смѣлыхъ реформъ, которыя были осуществлены въ Новой Зеландіи и разъясняетъ условія, способствовавшія ихъ осуществленію.

(Polybiblion).

«La Paix et l'Enseignement pacifiste», par d'Estournelles de Constant, Frederic Passy, H. La Fontaine, André Weiss, Emile Bourgeois, G. Lyon et Charles Richet (Alcan). 6 fr. (Миръ и пропаганда мира). Въ книгѣ собраны десять лекцій, читанныхъ въ «École des hautes études sociales» и являющихся проповѣдью идей мира. Проповѣдники мира убѣждены, что единственнымъ препятствіемъ къ европейской федераціи мира служитъ эльзасъ-лотарингскій вопросъ и поэтому они стараются найти такой способъ его разрѣшенія, который бы могъ содѣйствовать въ то же время и успѣхамъ пропаганды мира.

(Polybiblion).

«Child Slaves of Britain», by M. Sherard (Hurst and Blackett). 6 s. (Дѣти рабы Британіи). Книга составлена изъ статей, печатавшихся въ ежемѣсячныхъ журналахъ, авторъ которыхъ изобразилъ яркими красками ужасныя условія жизни англійскихъ и шотландскихъ дѣтей въ различныхъ рабочихъ кварталахъ, главнымъ образомъ въ Лондонскомъ Истъ-Эндѣ и въ различныхъ большихъ фабричныхъ городахъ, напр. Манчестерѣ, Бирмингемѣ, Гримаби и др. шотландскихъ промышленныхъ центрахъ. Книга чрезвычайно интересна и мѣстами производитъ потрясающее впечатлѣніе.

(Daily News).

«Adventures among Books», *by Andrew Lang* (*Longman*). *6 s.* (*Приключенія среди книгъ*). Это очень живо написанная «книга о книгахъ», авторъ которой во вступительной статьѣ описываетъ свои первые шаги въ дѣлѣ знакомства съ книгами, начиная съ того возраста, когда впервые онъ началъ сознательно относиться къ чтенію и выбиралъ между любимыми и нелюбимыми книгами. Авторъ старается анализировать причины, заставлявшія его дѣлать такой выборъ въ дѣтствѣ и въ юношескомъ возрастѣ, при этомъ онъ высказывается противъ какихъ бы то ни было курсовъ чтенія, находя, что тѣ, кто любитъ читать, должны читать всѣ книги, которыя имъ попадаютъ подъ руку и извлекать изъ нихъ пользу, вырабатывая постепенно и безъ всякаго давленія извнѣ, свои литературныя симпатіи и антипатіи.
(Daily News).

«Les Dévotes de Robespierre», *par Henri d'Almeras* (*Jucène et Oudin*). *3 fr. 50.* (*Поклонницы Робеспьера*). Въ этой книгѣ авторъ продолжаетъ серію своихъ интересныхъ историческихъ монографій. Послѣ «Caglisotro» и «Dames de Sainte Amaranthe», онъ теперь занялся изученіемъ культа Робеспьера и предметомъ своего новаго историческаго изслѣдованія дѣлаетъ Катерину Тео, ея жизнь и приключенія.
(Journal des Débats).

«Racial Supremacy: being Studies in Imperialism», *by I. G. Godard* (*Simpkin, Marshal and C°*). *6 s.* (*Расовое превосходство: очерки империализма*). Авторъ возстаетъ противъ рокового заблужденія, что имперія является лишь выраженіемъ преобладанія расы. Онъ говоритъ, что имперіализмъ требуетъ главенства и подчиненія одной расы или одного народа другой расѣ или другому народу. Но даже самое лучшее правительство не можетъ быть совершеннымъ, такъ какъ имъ руководятъ люди, а люди могутъ ошибаться, и это правило должно относиться еще больше къ тѣмъ случаямъ, когда одна раса или нація подчиняетъ себѣ другую. Съ этической точки зрѣнія подчиненіе можетъ быть оправдываемо только тогда, когда оно имѣетъ цѣлью благо другой націи. Имперіалисты же, стремящіеся къ преобразованію, большею частью преисполнены расовой гордости, высокомѣрія и самодовольства. Они гордятся тѣмъ, что принадлежатъ къ націи, которую считаютъ самою великой среди другихъ націй, и имъ доставляетъ глубокое удовлетвореніе мысль, что нація ихъ обладаетъ дѣйствительнымъ или кажущимся господствомъ надъ народами, населяющими около четверти земного шара. Авторъ отрицаетъ всѣ тѣ главныя положенія, на которыхъ расы основываютъ свои права на господство.
(Review of Reviews).

«Critical Times in Turkey», *by Georgina Hing Lewis* (*Hodder*). *3 s.* (*Критическія времена въ Турціи*). Авторъ описываетъ положеніе македонскихъ крестьянъ на основаніи личныхъ наблюденій во время поѣздки по Македоніи съ цѣлью оказанія помощи потерпѣвшимъ. Простота разсказа дѣйствуетъ еще сильнѣе на читателя, передъ глазами котораго развертывается во всей ея неприкрашенной наготѣ, картина возмутительныхъ злоупотребленій и произвола турецкихъ властей.
(Review of Reviews).

«The Principles of Heredity», *by D-r Reid* (*Chapman and Hall*). *12 s. 6 d.* (*Принципы наслѣдственности*). Эта книга была первоначально предназначена для врачей, но она представляетъ интересъ и для широкаго круга читателей, особенно для тѣхъ, кто занимается научными вопросами. Авторъ обращаетъ спеціальное вниманіе на значеніе болѣзней въ образованіи имперіи, такъ какъ наслѣдственность передачи болѣзней можно считать установленной. Что же касается пріобрѣтенныхъ качествъ, то они никогда не передаются потомкамъ и окружающія условія рѣдко оказываютъ непосредственное дѣйствіе на зародышевую клѣтку. Въ заключеніе онъ говоритъ, что всѣ тѣ усовершенствованія медицинской науки, благодаря которымъ переживаютъ слабыя и неспособныя особи, выдвигаютъ на сцену одну изъ важнѣйшихъ проблемъ, откладываніе рѣшенія которой можетъ быть гибельно для расы.
(Review of Reviews).

«Principles and Methods of Industrial Peace», *by A. C. Pigon* (*Macmillan*). *3 s. 6 d.* (*Принципы и методы промышленнаго мира*). Эту книгу можно рекомендовать всѣмъ, интересующимся соціальными реформами, такъ какъ въ ней подробно разбираются вопросы, касающіеся отношеній между рабочими и работодателями и обсуждаются методы, употребляемые различными странами для улаженія промышленныхъ споровъ и разногласій, возникающихъ на почвѣ антагонизма между трудомъ и капиталомъ.
(Review of Reviews).

«Essai sur la propriété», *par Ernst Tarbouriech* (*Giard et Brière*) *3 fr. 50.* (*О собственности*). Авторъ подвергаетъ критическому анализу основы собственности, какъ абстрактнаго права. Онъ изслѣдуетъ католическую доктрину и ученіе о собственности и говоритъ объ ихъ несостоятельности, доказывая, что одной эволюціи будетъ мало, чтобы сокрушить капитализмъ и тѣсно связанныя съ нимъ системы права, религіи и собственности.
(Journal des Débats).

«Esquisse d'une histoire générale et comparée des philosophies medièvales» par François Picaret. (Alcan). (Очерки всеобщей и сравнительной исторіи средневѣковыхъ философій). Этотъ прекрасно написанный очеркъ всеобщей и сравнительной исторіи помогаетъ читателю въ пониманіи среднихъ вѣковъ и поясняетъ переходъ отъ древней цивилизаціи къ средневѣковой, а также образованіе нашей современной цивилизаціи. Авторъ обнаруживаетъ весьма солидное знаніе своего предмета и большую эрудицію.

(Temps).

«Les Médecins dans l'histoire de la Révolution», par le D-r Miquel-Dalton (Société française d'imprimerie et de librairie). 3 fr 50. (Врачи въ исторіи революціи). Роль врачей въ исторіи французской революціи не достаточно изучена, между тѣмъ они принимали участіе какъ въ учредительномъ собраніи, такъ и въ законодательномъ, а также въ собраніяхъ директоріи. Авторъ старается пополнить этотъ пробѣлъ и изслѣдуетъ въ своей книгѣ политическое поведеніе врачей во время этой бурной эпохи.

(Journal des Débats).

«Les Doctrines médicales, leur évolution»» par le prof. E. Boinet. Paris. (Flammarion). 3 fr. 50. (Медицинскія доктрины и ихъ эволюція). Съ самаго начала медицина основывалась на наблюденіи и только позднѣе, группируя и сопоставляя факты, она возвысилась до общихъ формулъ и систематизаціи своихъ открытій. Но формулы мѣнялись и факты получали другое объясненіе вслѣдствіе новыхъ научныхъ открытій. Сообразно съ этимъ измѣнялось, конечно, и искусство врачеванія, на что и указываетъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи. Онъ дѣлаетъ обзоръ различныхъ эпохъ: древней средневѣковой, эпохи возрожденія и современной, но самая значительная часть его книги посвящена изложенію современныхъ взглядовъ на болѣзни. Онъ послѣдовательно разсматриваетъ инфекціонныя и эпидемическія болѣзни и условія ихъ появленія и развитія, самозараженія, наслѣдственныя болѣзни и научныя теоріи, къ которымъ онѣ дали поводъ. Онъ заканчиваетъ краткимъ, но довольно подробнымъ изложеніемъ современныхъ взглядовъ на гигіену и терапію и съ большимъ энтузіазмомъ поддерживаетъ ихъ, доказывая, что отъ ихъ дальнѣйшаго развитія зависитъ будущее человѣчества.

(Journal des Débats).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Земская либеральная партія.—Пересмотръ положенія объ усиленной охранѣ.— Новый законъ о печати.—Гибель русскаго флота.

Въ прошлый разъ мы охарактеризовали правое отвѣтвленіе группы земскихъ дѣятелей, собравшихся на ноябрьскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ,—національно-прогрессивную партію съ г. Шиповымъ во главѣ. Другая часть съѣзда пошла въ лѣвую сторону и, съ развитіемъ событій, образовала земскую либеральную партію, программа которой недавно была опубликована во всѣхъ русскихъ газетахъ. Эта партія стремится къ замѣнѣ полицейско-бюрократическаго режима правовымъ государствомъ съ облеченнымъ законодательною властью народнымъ представительствомъ. Организація народнаго представительства опредѣляется въ проектѣ земскихъ конституціоналистовъ слѣдующими чертами.

Въ организаціи народнаго представительства Россійской имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ, т.-е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ или группъ населенія. Группировка населенія для выбора представителей должна быть основана исключительно на территоріальномъ принципѣ.

Представительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія не можетъ служить единственной или главной основой народнаго представительства, необходимо представительство, избираемое населеніемъ безъ посредства какихъ-либо общественныхъ учрежденій.

При выборахъ представителей отъ населенія, установленіе имущественнаго ценза для избирателей въ какой бы то ни было формѣ является несправедливымъ и несоотвѣтствующимъ общественному и политическому состоянію Россіи.

Условіямъ русской жизни не соотвѣтствуетъ также образовательный цензъ, хотя бы даже въ видѣ ценза грамотности.

Право участія въ выборахъ народныхъ представителей должно принадлежать всѣмъ гражданамъ Россійской имперіи мужского пола, достигшимъ гражданскаго совершеннолѣтія (21 года), за исключеніемъ: а) лицъ, подвергшихся по приговору суда лишенію или ограниченію правъ, б) находящихся подъ опекой, в) состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ и г) чиновъ полиціи.

При выборахъ народныхъ представителей никто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

Выборы представителей отъ населенія должны быть прямые, т.-е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право.

Наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ посредствомъ всеобщаго, равнаго и прямого голосованія (палатою народныхъ представителей),

должно быть образовано особое представительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ видѣ отдѣльной палаты, избираемой губернскими земскими собраніями и городскими думами значительнѣйшихъ городовъ (земская палата). Обѣ палаты должны быть равноправны.

Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всю Россійскую имперію и преобразовано на началахъ представительства, исключающихъ сословную и классовую группировку избирателей и предоставляющихъ право участія въ земскихъ и городскихъ выборахъ: а) всѣмъ лицамъ, прожившимъ опредѣленный срокъ въ данной мѣстности; б) всѣмъ плательщикамъ мѣстныхъ земскихъ или городскихъ налоговъ, хотя бы и не проживающимъ въ мѣстности.

Выборы въ обѣ палаты производятся посредствомъ закрытой подачи голосовъ.

Для производства выборовъ въ палату народныхъ представителей Россійская имперія дѣлится на избирательные округа, избирающіе каждый одного представителя, по среднему разсчету, на 150—200 тысячъ населенія по послѣдней переписи.

При раздѣленіи имперіи на избирательные округа, которое должно производиться въ законодательномъ порядкѣ, желательно соблюденіе нижеслѣдующихъ правилъ: а) избирательные округа образуются примѣнительно къ установленной средней нормѣ ихъ народонаселенія съ извѣстными колебаніями въ ту или другую сторону въ соотвѣтствіи со степенью густоты населенія, а также съ изложенными въ послѣдующихъ пунктахъ правилами, имѣющими цѣлью по возможности избѣжать дробленія городовъ и уѣздовъ: а) должны быть установлены общіе для всей Россіи высшій и низшій предѣлы народонаселенія избирательнаго округа; б) границы избирательныхъ округовъ должны ни въ какомъ случаѣ не пересѣкать границъ уѣздовъ (т.-е. каждый округъ долженъ состоять изъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ, или, наоборотъ, уѣздъ изъ двухъ округовъ), и лишь при невозможности произвести такое дѣленіе безъ слишкомъ большихъ уклоненій отъ средней нормы народонаселенія въ ту или другую сторону допускается присоединеніе къ одному уѣзду части другого или образованіе округа изъ частей различныхъ уѣздовъ; в) города, количество народонаселенія которыхъ превышаетъ упомянутый въ п. а низшій для избирательнаго округа предѣлъ, выдѣляются, во всякомъ случаѣ, изъ уѣздовъ въ одинъ или нѣсколько городскихъ избирательныхъ округовъ. Всѣ остальные города или включаются въ соотвѣтствующіе уѣзды, или соединяются съ частями уѣздовъ, но ни въ какомъ случаѣ не раздробляются между нѣсколькими избирательными округами.

Въ избирательные списки вносятся всѣ лица, удовлетворяющія условіямъ, указаннымъ въ п. 5, и имѣющія постоянное мѣстожительство въ данномъ избирательномъ округѣ или же прожившія въ предѣлахъ его промежутокъ времени, необходимый для правильнаго и своевременнаго составленія списковъ.

Народные представители могутъ быть избираемы изъ числа всѣхъ лицъ,

имѣющихъ право участія въ выборахъ, независимо отъ того, проживаютъ они или нѣтъ въ предѣлахъ даннаго избирательнаго округа, но при условіи, чтобы баллотировкѣ подвергались лишь кандидаты, предложенные (не позднѣе опредѣленнаго срока до начала выборовъ) не менѣе какъ 10-ми избирателями даннаго округа.

Если никто изъ кандидатовъ не получилъ абсолютнаго большинства всѣхъ законно подданныхъ голосовъ, производится перебаллотировка, при которой считается избраннымъ кандидатъ, получившій наибольшее число голосовъ.

Народные представители избираются на трехлѣтній срокъ. Въ случаѣ выбытія представителя изъ палаты до истеченія срока, въ округѣ, избравшемъ его, производятся новые выборы на остающійся до окончанія трехлѣтія срокъ.

Земская палата состоитъ изъ государственныхъ гласныхъ, избираемыхъ губернскими земскими собраніями и городскими думами городовъ, выдѣленныхъ въ самостоятельные избирательные округа въ слѣдующемъ количествѣ: а) отъ губерній или областей, имѣющихъ менѣе 500 тысячъ жителей,—по одному гласному; б) отъ губерній или областей, имѣющихъ отъ 500 тыс. до 1 милліона населенія,—по два гласныхъ; в) отъ губерній или областей, имѣющихъ отъ 1 до 2 милліоновъ населенія,—по три гласныхъ; г) отъ губерній или областей, имѣющихъ отъ 2-хъ до 3-хъ милліоновъ населенія,—по четыре гласныхъ; д) отъ губерній или областей, имѣющихъ свыше 3-хъ милліоновъ населенія,—по пяти гласныхъ; е) отъ городовъ, составляющихъ самостоятельные избирательные округа для выборовъ въ палату народныхъ представителей, но имѣющихъ населенія менѣе 200 тыс.,—по одному гласному; ж) отъ городовъ съ населеніемъ 200—400 тыс.—по два гласныхъ; з) отъ городовъ съ населеніемъ 400 тыс.—1 милліонъ—по три гласныхъ; и) отъ городовъ съ населеніемъ свыше милліона—по четыре гласныхъ. При этомъ населеніе городовъ, имѣющихъ самостоятельное представительство въ земской палатѣ, исключается изъ счета населенія подлежащихъ губерній, и губернскіе гласные отъ этихъ городовъ не участвуютъ въ избраніи государственныхъ гласныхъ губернскими земскими собраніями.

Государственные гласные избираются на тотъ же срокъ, какъ и избирающія ихъ собранія, въ теченіе перваго года по возобновленіи состава этихъ послѣднихъ. Въ случаѣ выбытія государственнаго гласнаго изъ земской палаты до истеченія означеннаго срока, на его мѣсто избирается тѣмъ же собраніемъ новый гласный, на время, остающееся до истеченія срока полномочій выбывшаго гласнаго.

Ни государственнымъ гласнымъ, ни народнымъ представителямъ не можетъ быть даваемо никакихъ инструкцій или наказовъ отъ избирающихъ ихъ лицъ или собраній.

Народные представители и государственные гласные должны получать содержаніе изъ государственнаго казначейства въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ.

Этотъ проектъ организаціи народнаго представительства не можетъ быть,

строго говоря, признанъ программою партіи, такъ какъ онъ охватываетъ исключительно политическія задачи извѣстной группы и совершенно не касается соціальнаго вопроса, то или иное отношеніе къ которому въ настоящее время является неизбѣжнымъ условіемъ жизнеспособности всякой партійной организаціи. Очевидно, земская либеральная мысль еще ищетъ общепріемлемыхъ въ опредѣленной средѣ задачъ соціальной политики, которыя могли бы занять мѣсто въ партійной программѣ. Но, разсматривая даже только политическія требованія земскихъ дѣятелей, мы должны отмѣтить, что по сравненію съ туманными и расплывчатыми резолюціями ноябрьскаго съѣзда земская мысль значительно подвинулась впередъ, хотя, быть можетъ, и не достигла конечной точки своего развитія.

Содержаніе политическихъ стремленій земской партіи находится въ полномъ соотвѣтствіи съ природою той соціальной группы, къ которой принадлежитъ большинство либеральныхъ земцевъ. Видный русскій идеологъ буржуазнаго либерализма, покойный Чичеринъ, уже давно съ свойственной ему ясностью формулировалъ политическій идеалъ либерализма.

«Если бы выборъ образовъ правленія,—писалъ онъ,—зависѣлъ отъ идеальныхъ совершенствъ, а не отъ жизненныхъ условій и состоянія общества, то нѣтъ сомнѣнія, что конституціонная монархія заслуживала бы предпочтеніе передъ всѣми другими». При этой формѣ государственной жизни «воля народа встрѣчаетъ преграды и сдержки, а это составляетъ важнѣйшее условіе уравновѣшеннаго правленія и лучшую гарантію для образованныхъ классовъ». Передъ демократіей конституціонная монархія «имѣетъ то громадное преимущество, что здѣсь не владычествуетъ масса». Эта особенность не устраняется даже существованіемъ всеобщаго избирательнаго права. «Конституціонная монархія можетъ существовать при весьма низкомъ цензѣ, какъ исключеніе, даже при всеобщей подачѣ голосовъ, но это вовсе не основное ея начало, какъ въ демократіи». «Шаткая воля массы имѣетъ предъ собою преграды, отъ нея независимыя, съ которыми справиться не легко» *).

Указанныя Чичеринымъ отличительныя особенности конституціонной монархіи нашли полное признаніе въ средѣ земской либеральной партіи, какъ показываетъ и другое положеніе земскаго проекта—о необходимости двухъ палатъ: палаты народныхъ представителей и земской палаты.

Вторая, верхняя, палата всегда имѣла, имѣетъ и будетъ имѣть задачею охраненіе существующаго строя отъ слишкомъ радикальныхъ воздѣйствій демократическаго представительства нижней палаты. Обыкновенно, верхняя палата никогда не проявляетъ творческой иниціативы. Она сдерживаетъ развитіе соціально-политической жизни страны. Эта цѣль достигается установленіемъ болѣе сложной системы выборовъ въ верхнюю палату, вслѣдствіе чего въ нее попадаютъ наиболѣе консервативные элементы страны. Положительная ихъ роль равна нулю. Чичеринъ признаетъ, что «не имъ принадлежитъ иниціатива

---

*) Чичеринъ. „Курсъ государственной науки". Часть IVI. Политика. Спб. 1898 г. Стр. 232—233.

движенія, а представителямъ демократіи; ихъ роль—умѣрять народныя увлеченія и давать движенію устойчивость, чѣмъ самымъ они служатъ опорою монарху, который есть высшій умѣритель. Эта роль тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе въ нижней палатѣ преобладаетъ демократія. Прочно устроенная аристократическая палата одна можетъ поставить преграду неудержимому ея напору и служить убѣжищемъ лучшимъ силамъ общества» *). Согласно съ охранительными цѣлями верхней палаты, земскій проектъ устанавливаетъ для нея особую систему выборовъ. Государственные гласные земской палаты должны будутъ избираться губернскими или областными земскими собраніями и городскими думами. Такимъ образомъ, для верхней палаты опредѣляется двухстепенная системы выборовъ. Но, кромѣ того, самый составъ гласныхъ мѣстнаго самоуправленія подвергается нѣкоторому фильтрованію съ цѣлью обезпечить преобладаніе консервативнымъ элементамъ. Право участія въ земскихъ и городскихъ выборахъ предоставляется, по проекту только лицамъ, прожившимъ *опредѣленный* срокъ въ данной мѣстности, если они не состоятъ плательщиками мѣстныхъ налоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проектъ предусмотрительно оговариваетъ, что плательщики мѣстныхъ налоговъ пользуются правомъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи, хотя бы они и не проживали въ данной мѣстности.

Эти ограничительныя условія составляютъ обычный пріемъ противодѣйствія вліянію демократіи. Смыслъ ихъ заключается въ томъ, чтобы ограничить участіе въ политической жизни страны пролетаріата, которому, по роду его занятій или въ поискахъ работы, часто приходится измѣнять свое мѣстожительство и, такимъ образомъ, терять право на участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. При русскихъ условіяхъ ограничительная сила этого пункта распространится и на значительную часть крестьянства, вынужденнаго, какъ извѣстно, добывать себѣ средства къ существованію отхожими промыслами. Вслѣдствіе этого, проектируемая земская палата, несомнѣнно составится изъ элеменовъ, которые будутъ въ состояніи выполнить единственную задачу двухпалатной системы народнаго представительства — служить тормозомъ демократическому развитію общества. Въ этомъ отношеніи земскій проектъ разработанъ вполнѣ удовлетворительно. Онъ носитъ совершенно опредѣленный антидемократическій характеръ и, несомнѣнно приведетъ либеральную партію къ борьбѣ съ демократическими теченіями русскаго общества. Предвидя этотъ неизбѣжный конфликтъ, мы, однако не хотимъ уменьшать прогрессивное значеніе факта образованія земской конституціонной партіи. Мы привѣтствуемъ его, какъ одно изъ проявленій развитія русской политической мысли.

Другой вопросъ, каково значеніе новой политической группы, какъ одной изъ созидательныхъ силъ новой Россіи. Отвѣта на этотъ вопросъ мы должны искать въ тактикѣ земскихъ либераловъ, такъ какъ непосредственная цѣнность каждой партіи опредѣляется не только ея цѣлями, но и тѣми средствами которыми она достигаетъ поставленныхъ цѣлей.

---

*) Ibid. Стр. 250.

Къ сожалѣнію, тактика земской группы не отличается необходимою ясностью и опредѣленностью. Основная идея этой тактики—*содѣйствіе* правительству въ установленіи новаго государственнаго порядка. Проектъ признаетъ возможность участія представителей самоуправленія въ коммиссіи г. Булыгина по выбору общественныхъ учрежденій, на равныхъ правахъ съ правительственными членами совѣщанія и при условіи участія ихъ въ возможно большемъ числѣ и во всѣхъ стадіяхъ дѣятельности совѣщанія, а также при широкой гласности работы коммиссіи.

Задачами особаго совѣщенія г. Булыгина земскій проектъ считаетъ выработку порядка избранія представителей въ первое представительное собраніе и созданіе общихъ условій, необходимыхъ для выборовъ, причемъ перечисляя эти условія земцы забываютъ упомянуть о чрезвычайно важномъ вслѣдствіе особенностей русской дѣйствительности условіи—о необходимости амнистіи многочисленныхъ лицъ, пострадавшихъ за свой образъ мыслей.

Первое представительное собраніе и должно сосредоточить свое вниманіе на установленіи государственнаго правопорядка. «Оно должно провозгласить и провести въ жизнь основныя права русскаго гражданина и выработать основной законъ объ организаціи и функціонированіи постояннаго законодательнаго собранія».

Это опредѣленіе цѣли перваго представительнаго собранія было истолковано нѣкоторыми органами печати въ качествѣ требованія учредительнаго собранія. Здѣсь произошло очевидное недоразумѣніе, которое, однако, въ послѣднее время встрѣчается довольно часто. Съ тѣхъ поръ, какъ требованіе учредительнаго собранія, выставленное крайнею лѣвою, было подхвачено потокомъ широкаго общественнаго движенія,—оно потеряло свою первоначальную ясность и опредѣленность.

Въ первоначальномъ смыслѣ подъ учредительнымъ собраніемъ разумѣлось французское національное собраніе 1789—1791 года, кореннымъ образомъ и суверенно перестроившее государственный бытъ Франціи въ духѣ новыхъ тогда идей равенства и свободы.

Поэтому г. Суворинъ былъ правъ, когда, полемизируя съ крайними партіями, утверждалъ въ одномъ изъ своихъ «маленькихъ писемъ», что созывъ учредительнаго собранія является для всякаго правительства непріемлемымъ, такъ какъ ни одно правительство не можетъ признать себя банкротомъ и передать въ руки народныхъ представителей всю полноту государственной власти. Слѣдовательно, требованіе учредительнаго собранія могло быть выставлено только тѣми партіями, которыя стремятся къ созыву учредительнаго собранія представителями народа, а не правительствомъ. Земскій проектъ, очевидно, очень далекъ отъ этой точки зрѣнія. Онъ вполнѣ считается съ существующими государственными властями и возлагаетъ созывъ «учредительнаго собранія» на особое совѣщаніе г. Булыгина, пополненное общественными представителями.

Эта особенность земскаго проекта проводитъ рѣзкую черту между либеральною и крайнею лѣвою партіями. Въ интересахъ необходимой точности

политической терминологіи чрезвычайно важно установить, что въ послѣднее время въ слова «учредительное собраніе» различными партіями вкладывается различное содержаніе. То «первое представительное собраніе», которое рисуется земскимъ дѣятелямъ, не имѣетъ ничего общаго съ французскимъ собраніемъ 1789—1791 гг. и скорѣе напоминаетъ прусское представительное собраніе 1848 года *). Это—*не учредительное собраніе*, а *палата соглашенія*,—различіе, которое представляетъ большую практическую важность. Безъ сомнѣнія, оба учрежденія являются послѣдствіемъ пробужденія народа, «И созывъ учредительныхъ собраній и октроированіе представительныхъ учрежденій одинаково вызывались обыкновенно политическимъ движеніемъ, происходившимъ въ странѣ, т.-е. въ большинствѣ случаевъ не были совершенно добровольными актами власти», справедливо говоритъ проф. Карѣевъ. Но въ то время, какъ учредительное собраніе непосредственно осуществляетъ народный суверенитетъ, палата соглашенія заключаетъ лишь договоръ съ властью, учитывая народное движеніе впредь до его логическаго развитія. Политическія задачи палатъ соглашенія могутъ быть удовлетворительно формулированы словами Мирабо, который, наканунѣ бурнаго 1789 года, писалъ одному изъ министровъ Людовика XVI, что онъ видитъ спасеніе «въ такой конституціи, которая могла бы спасти страну отъ заговоровъ аристократіи и отъ эксцессовъ демократіи и отъ глубокой анархіи, въ какую вмѣстѣ со страною попала власть, желавшая быть абсолютною» **).

Являясь, такимъ образомъ, представителемъ средней политической линіи, палата соглашенія неизбѣжно обречена на приспособленіе къ требованіямъ стараго режима, съ одной стороны, и требованіямъ новыхъ народныхъ силъ,—съ другой. Поэтому, партія, поставившая своей задачею достиженіе палаты соглашенія, не можетъ развить самостоятельной творческой силы и является, обыкновенно, производной величиной, мѣняющейся въ зависимости отъ состоянія народнаго движенія. Это обстоятельство всегда, разумѣется, ведетъ къ колебаніямъ, слабой активности, зигзагообразному политическому курсу и второстепенной политической роли. Мы полагаемъ, что и земская либеральная партія въ Россіи не сможетъ освободиться отъ тѣхъ отрицательныхъ особенностей, которыя свойственны ея соціально-политической природѣ.

Съ 5 мая происходятъ засѣданія состоящей подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева комиссіи по пересмотру положеній объ усиленной охранѣ. Работа комиссіи, насколько можно судить по бывшимъ до сихъ поръ тремъ засѣданіямъ, встрѣчаетъ препятствія, которыя едва ли могутъ быть преодолѣны въ рамкахъ полицейско-бюрократическаго строя. Какъ справедливо замѣтилъ гр. Игнатьевъ въ своей вступительной рѣчи, комиссіи пред-

*) „...Собраніе видитъ свою задачу... въ томъ, чтобы по соглашенію съ королемъ выработать конституцію"... Изъ резолюціи прусской палаты 9-го іюня 1848 г. См. „Очерки по исторіи Германіи въ XIX в." Т. I. Спб. 1905 г., стр. 340.

**) Проф. Карѣевъ. „Изъ исторіи учредительныхъ собраній".

стоитъ весьма сложная и трудно разрѣшимая задача. «Въ то время, когда общество находится въ состояніи крайняго возбужденія, когда острымъ положеніемъ вещей пользуются крайніе элементы для своихъ цѣлей, когда обостренное положеніе, между прочимъ, выражается въ рядѣ преступныхъ покушеній, словомъ, когда, казалось бы, необходимы сильныя репрессивныя мѣры для возстановленія правильнаго теченія и развитія государственной жизни,—въ это время,—по словамъ гр. Игнатьева,—необходимо, однако, считаясь съ положеніемъ вещей и вытекающими отсюда запросами въ цѣляхъ умиротворенія и общаго удовлетворенія, озаботиться допущеніемъ вызываемыхъ исключительными законами ограниченій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности». Положеніе дѣйствительно, трудное: съ одной стороны, государство чувствуетъ потребность усиленія всевозможныхъ «скорпіоновъ», съ другой — оно видитъ полную безплодность этихъ скорпіоновъ, видитъ, что ихъ примѣненіе приноситъ даже обратные результаты... Но это трагическое положеніе не ново для русской бюрократіи: она всегда испытывала его, когда поднималась волна общественной жизни. Оживленіе «смуты» и «крамолы» всегда сопровождалось «пересмотромъ» административныхъ средствъ и методовъ воздѣйствія. Само пресловутое положеніе объ усиленной охранѣ явилось плодомъ одного изъ такихъ пересмотровъ, начатаго гр. Лорисъ-Меликовымъ и законченнаго покойнымъ Плеве. И всегда эти пересмотры или не приводили ни къ чему, или приводили къ усиленію административныхъ репрессій, несмотря на искреннее, повидимому, осужденіе администраціей «пересматриваемыхъ» порядковъ. Результатъ странный, но—неизбѣжный.

Чѣмъ болѣе развивались общественныя отношенія, тѣмъ болѣе полицейское государство становилось въ непримиримое противорѣчіе въ насущными потребностями народной жизни, тѣмъ болѣе оно должно было прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ для сокращенія своей позиціи. И оно дошло до крайнихъ предѣловъ.

Сосредоточивая руководство дѣятельностью мѣстныхъ властей по обезпеченію порядка и надзоръ за этой дѣятельностью въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ, положеніе объ охранѣ 14-го августа 1881 года предоставляетъ администраціи:

1) Издавать обязательныя постановленія для предупрежденія нарушеній порядка и налагать за неисполненіе этихъ постановленій наказанія штрафомъ и арестомъ (ст. 15 и 16).

2) Воспрещать, подъ угрозою того же наказанія, всякія собранія, даже частныя (ст. 16).

3) Закрывать торговыя и промышленныя заведенія (ст. 16).

4) Воспрещать отдѣльнымъ лицамъ жительство въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ (ст. 16).

5) Передавать на разсмотрѣніе военнаго суда дѣла о преступленіяхъ съ тѣмъ, чтобы наиболѣе тяжкія изъ нихъ судить по законамъ военнаго времени (ст. 17 и 18).

6) Требовать разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ суда (ст. 17).

7) Контролировать допущеніе на службу и устранять отъ службы по земскимъ, городскимъ и судебно-мировымъ учрежденіямъ (ст. 20).

8) Подвергать отдѣльныхъ лицъ аресту по одному подозрѣнію въ совершеніи ими государственнаго преступленія, прикосновенности къ нему и принадлежности къ противозаконному сообществу (ст. 21).

9) Подвергать обывателей обыскамъ, не основываясь даже, какъ въ отношеніи ареста, на подозрѣніи (ст. 21) и

10) Подвергать отдѣльныхъ лицъ высылкѣ въ разныя мѣстности имперіи подъ гласный надзоръ полиціи на срокъ не свыше пяти лѣтъ (ст. 32 и 36).

Изъ этихъ полномочій администраціи особенно широкое распространеніе получили права ареста, обыска и высылки и право недопущенія такъ называемыхъ «неблагонамѣренныхъ лицъ» на службу въ общественныхъ учрежденіяхъ. Было бы вопіющей несправедливостью не признать за администраціей энергичнаго пользованія предоставленными ей правами. И, однако, результаты не оправдали надеждъ. Въ самый разгаръ административной дѣятельности по искорененію вредныхъ элементовъ разящая рука вдругъ теряла твердость, пораженная сомнѣніемъ. Коммиссіи гр. Палена, гр. Лорисъ-Меликова почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ должны были констатировать, что усилія администраціи не только не увѣнчиваются успѣхомъ, но даже приводятъ къ развитію тѣхъ самыхъ идей, которыя были признаны подлежащими уничтоженію. Тѣ же выводы повторяетъ и опубликованная недавно записка бывшаго директора департамента Лопухина; съ тѣхъ же выводовъ начинаетъ свои работы и новая коммиссія гр. Игнатьева. Невольно вспоминается миѳъ о гидрѣ, у которой на мѣсто каждой отрубленной головы выростали семь новыхъ. Въ самомъ дѣлѣ. Право недопущенія неблагонамѣренныхъ лицъ въ общественныя учрежденія должно было изолировать вредные элементы и ограничить ихъ вліяніе возможно болѣе узкими рамками. Въ дѣйствительности же, по авторитетному свидѣтельству г. Лопухина, это право, «связанное съ крайней подозрительностью, вызываетъ озлобленіе въ средѣ, необезпеченной матеріально, существующей личнымъ заработкомъ и нуждающейся въ устойчивости таковаго»... «Вмѣсто того, чтобы дать безпокойнымъ элементамъ общества возможность получить кусокъ хлѣба и заняться дѣломъ, которое отвлекало бы ихъ отъ подпольной дѣятельности, ихъ или лишаютъ средства къ существованію, или... даютъ столь неустойчивое положеніе, что они переходятъ изъ губерніи въ губернію... и разносятъ за собою недовольство существующими порядками».

Постановленія объ обыскахъ, арестахъ и высылкахъ также привели только къ раздраженію и обремененію обывателей. По словамъ цитированной записки, «производство обысковъ получило столь широкое распространеніе, что къ нимъ прибѣгаютъ, какъ къ средству провѣрить благонадежность обывателей, и на нихъ во многихъ мѣстностяхъ считаютъ себя въ правѣ не только околодочные, правомъ обысковъ по закону не пользующіеся, но иногда даже городо-

вые. Совершенная произвольность обысковъ настолько вошла въ полицейскій и административный обиходъ, что съ этимъ произволомъ центральному учрежденію, министерству, нѣтъ возможности бороться»...

Право ареста, въ свою очередь, создаетъ только новые поводы къ недовольству властью. Его примѣненіе не отвѣчаетъ «ни интересамъ справедливости, ни требованіямъ порядка». Для ареста «въ огромномъ количествѣ случаевъ оказывается достаточной наличность агентурныхъ данныхъ, весьма неопредѣленныхъ по содержанію и ничѣмъ не провѣренныхъ». По свидѣтельству г. Лопухина, даже департаментъ полиціи вынужденъ былъ «къ упорному противодѣйствію тенденціи мѣстныхъ органовъ допускать злоупотребленія правомъ ареста», но не могъ добиться значительныхъ результатовъ, «благодаря годами накопившемуся индифферентизму мѣстныхъ чиновъ къ интересамъ обывателей».

Подавляющее большинство коммиссіи гр. Игнатьева признало это право противорѣчащимъ элементарнымъ понятіямъ о гражданскихъ правахъ, тикъ какъ оно создаетъ такое положеніе вещей, что никто не огражденъ отъ вторженія въ собственную квартиру, въ любое время, причемъ никогда не принимаются во вниманіе даже самыя уважительныя причины, какъ, напримѣръ, болѣзнь.

Къ еще болѣе отрицательнымъ результатамъ привело право высылки. «Пользованіе этимъ правомъ при современномъ положеніи общества, когда въ Россіи широко развивается» недовольство существующимъ порядкомъ вещей и сильное оппозиціонное движеніе, приводитъ къ тому, что «оно примѣняется и къ тѣмъ, кто дѣйствительно опасенъ для государства, и къ тѣмъ, кто проявляетъ лишь самостоятельность мнѣній, и даже болѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ». Въ итогѣ, «озлобляя населеніе, административная ссылка разбрасывала революціонное движеніе по лицу земли русской, и въ настоящее время уже извѣстны случаи имѣвшей успѣхъ противоправительственной пропаганды въ якутской области и въ Киргизской степи».

Таковъ приговоръ, произнесенный устами самой администраціи надъ системою усиленной охраны. Какъ мы уже говорили, такой же приговоръ вынесла системѣ административной расправы и коммиссія гр. Лорисъ Меликова; такой же приговоръ повторила въ засѣданіи 10 мая и коммиссія гр. Игнатьева.

Но, правильно оцѣнивая недостатки системы усиленной охраны, коммиссія гр. Лорисъ Меликова привела только... къ положенію объ усиленной охранѣ. Къ чему приведетъ коммиссія гр. Игнатьева?

Мы не видимъ основаній ожидать усиленія административной репрессіи: дальше въ этомъ направленіи идти некуда. Но мы не видимъ основаній и надѣяться на уничтоженіе усиленной охраны. Она слишкомъ неразрывно связана съ системою полицейскаго государства. То отрицательное отношеніе, которое по временамъ проявляетъ администрація къ исключительнымъ полномочіямъ вполнѣ объясняется условіями момента.

Въ періодъ общественнаго напряженія власть не можетъ не замѣчать, что ея охранительная дѣятельность превращается въ свою противоположность. Изнемогая подъ бременемъ своихъ правъ, администрація ищетъ тогда убѣжища

подъ сѣнью законности, старается привлечь къ себѣ на помощь судебныя учрежденія. Но усилія не приносятъ желаемаго облегченія.

Законность, судебный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, при самомъ тѣсномъ единеніи суда и администраціи, не можетъ удовлетворить потребностей полицейскаго государства съ его стремленіемъ опекать не только дѣло, но и слово и даже помышленіе. Для суда необходимъ составъ преступленія, необходима наличность опредѣленыхъ признаковъ обсуждаемаго дѣянія. Между тѣмъ, полицейское государство знаетъ преступленія, совершенно не поддающіяся правомѣрному преслѣдованію.

Г. Лопухинъ свидѣтельствуетъ, напр., что административная высылка примѣнялась, какъ кара за «самостоятельность мнѣній». Исторія русской общественности хранитъ обвиненіе нѣкоторыхъ членовъ вольно-экономическаго общества въ томъ, что они *легальными* мѣрами противодѣйствовали видамъ правитильства. При такихъ условіяхъ, когда государство ведетъ борьбу съ мыслью и чувствомъ, администрація лишена возможности укрыться въ крѣпости законности. Она неизбѣжно обречена искать спасенія въ положеніяхъ объ усиленной охранѣ, освобождающихъ личный произволъ и усмотрѣніе отъ какихъ бы то ни было стѣсненій и ограниченій. Положеніе объ усиленной охранѣ—естественное и необходимое защитное оружіе полицейскаго государства. Судьбы того и другого неразрывны, и каждая попытка раздѣлить ихъ влечетъ за собою неудачу. Коммиссія гр. Игнатьева уже наткнулась на этотъ камень.

Въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ она признала, что вмѣсто хроническаго держанія страны подъ гнетомъ усиленной охраны болѣе цѣлесообразно прямо объявлять мѣстность на военномъ положеніи въ тѣхъ особо исключительныхъ случаяхъ, когда того требуетъ государственная безопасность. Но когда коммиссія приступила къ обсужденію вопроса о томъ, что слѣдуетъ считать нормальнымъ явленіемъ и что исключительнымъ, т.-е. дѣйствительно вызывающимъ необходимость исключительныхъ мѣръ,—она не могла придти къ опредѣленному заключенію. Бюрократическая мысль, опасающаяся каждаго всплеска народнаго моря, оказалась безсильной установить разницу между нормальнымъ и исключительнымъ явленіемъ народной жизни. «Вопросъ остался открытымъ», сообщаютъ газетные рефераты засѣданія.

Отнюдь не избалованная «вольностями» русская печать готовится получить новое «облегченіе». Какъ сообщаютъ газеты, министерство внутреннихъ дѣлъ внесло въ государственный совѣтъ представленіе объ устраненіи «излишнихъ стѣсненій» печати. Сущность новаго законопроекта сводится, въ общихъ чертахъ, къ предоставленію министру внутреннихъ дѣлъ новаго права. Министерство считаетъ необходимымъ надѣлить министра внутреннихъ дѣлъ правомъ въ случаяхъ, когда онъ «усмотритъ явную опасность для общественнаго порядка и спокойствія отъ дальнѣйшаго выхода въ свѣтъ какого-либо, подлежащаго предварительной цензурѣ или изъятаго отъ нея, повременнаго изданія, пріостанавливать его, безъ предварительныхъ предостереженій, подъ непремѣннымъ, однако условіемъ одновременнаго внесенія въ правительствующій сенатъ

представленія о прекращеніи этого изданія». Этотъ порядокъ долженъ замѣнить существующія правила, по которымъ совершенное прекращеніе повременныхъ изданій подлежитъ коллегіальному рѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, при участіи министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, возбудившихъ вопросъ о прекращеніи изданія.

Этотъ проектъ представляетъ яркую иллюстрацію къ высказаннымъ выше мыслямъ о невозможности для полицейско-бюрократическаго строя отказаться отъ системы управленія посредствомъ различныхъ исключительныхъ мѣръ, вродѣ положенія объ усиленной охранѣ. Законныя юридическія формы никогда не могутъ удовлетворить потребностямъ администраціи въ ея борьбѣ съ общественными силами. Казалось бы, что предварительная цензура достаточно обезпечиваетъ невозможность появленія въ повременныхъ изданіяхъ антиправительственныхъ статей, разумѣется, не предполагать соучастія цензора. Тѣмъ не менѣе, новый законопроектъ предусматриваетъ возможность «явной опасности для общественнаго порядка и спокойствія» отъ дальнѣйшаго выхода въ свѣтъ даже подцензурнаго періодическаго изданія. Въ такихъ выраженіяхъ можно говорить только о призывахъ къ возстанію. Неужели они могутъ появиться въ подцензурной печати? Очевидно, нѣтъ, и «явная опасность», съ точки зрѣнія бюрократіи, заключается все въ той же «самостоятельности мнѣній», которая, по свидѣтельству г. Лопухина, служила даже причиной административной высылки, все о томъ же пресловутомъ «вредномъ направленіи», признаки котораго опредѣляются чуть ли не ежемѣсячно по новому, въ зависимости отъ общихъ и личныхъ настроеній извѣстныхъ сферъ. Привлеченіе сената къ соучастію въ административной работѣ пресѣченія и предупрежденія мало измѣняетъ положеніе дѣла. Такъ или иначе рѣшитъ сенатъ, а газета пріостанавливается впредь до приговора сената, который всегда дѣйствуетъ съ неторопливостью подобающей высшему судилищу. Затѣмъ, даже послѣ неблагопріятнаго для повременнаго изданія сенатскаго вердикта, чѣмъ оно гарантировано, что чрезъ пять-шесть номеровъ послѣ невольнаго перерыва оно снова не окажется виновнымъ, съ точки зрѣнія администраціи, «во вредномъ направленіи» и снова не будетъ пріостановлено? Такой образъ дѣйствія со стороны административной власти былъ бы только послѣдовательнымъ, такъ какъ, естественно, что честное изданіе не измѣняетъ своего направленія въ зависимости отъ внѣшнихъ «вѣяній» и «настроеній». Но вторая, а иногда и первая пріостановка означаетъ гибель изданія. Литературное предпріятіе имѣетъ и коммерческую сторону. Неустойчивость, постоянные перерывы влекутъ за собою неисполненіе обязательствъ предъ читателями и убиваютъ изданіе съ мѣткостью японской артиллеріи.

Слѣдовательно, только освобожденіе печати отъ административнаго произвола, мыслимое лишь въ извѣстныхъ правовыхъ условіяхъ, можетъ дать дѣйствительное «облегченіе» священному орудію мысли — слову. Новый законопроектъ не даетъ и не можетъ дать этого освобожденія. Онъ не измѣняетъ положенія печати И поэтому смѣшно и грустно читать разсужденія нѣкото-

рыхъ газетъ о томъ, что лучше: коллегіальное ли усмотрѣніе нѣсколькихъ министровъ или личное одного? Какой же тутъ выборъ...

Уничтоженіе русскаго флота является столько же вопросомъ внутренней, какъ и внѣшней политики. Роковой бой, въ которомъ погибли двѣ эскадры—адмираловъ Рожественскаго и Небогатаго, рѣшаетъ и споръ русской арміи съ японской и споръ русскаго народа съ бюрократическимъ всевластіемъ. На броненосцахъ и крейсерахъ балтійской эскадры плыли послѣднія надежды военной партіи. Въ далекихъ волнахъ Корейскаго пролива потоплены не только гордыя суда и несчастные матросы, но и послѣдніе остатки довѣрія къ столько разъ изобличаемой системѣ управленія. Банкротство такъ называемаго «приказнаго строя» обнаружилось несомнѣнно не со дня несчастной морской битвы. Разнообразныя внутреннія неурядицы, остановка развитія производительныхъ силъ страны, обнищаніе народа, хроническія голодовки, — давно стояли грознымъ предостерегающимъ призракомъ надъ Россіей. Но, безсильная удовлетворить внутренніе запросы страны, «бюрократія» прикрыла свою наготу идеей національнаго единства и внѣшняго могущества. Она выступила предъ непроницательными людьми съ ореоломъ великодержавной политики и національной славы, искупавшихъ народную нищету и безправіе. Японская война разсѣяла эту иллюзію. Длиннымъ рядомъ пораженій, рѣками крови, сотнями тысячъ жизней, милліардами трудовыхъ денегъ исторія заставила насъ сосредоточить вниманіе на окружающей дѣйствительности. И потрясающая трагедія балтійской эскадры является высокопоучительной, если припомнить всѣ предупрежденія, которыя высказывались въ печати, пока мы пассивно слѣдили за медленнымъ ходомъ обреченныхъ, которые до послѣдней возможности оттягивали, какъ оказалось, неизбѣжный роковой исходъ. Усиленная всенародная работа надъ устроительствомъ собственнаго государственнаго и общественнаго быта—вотъ единственныя очередныя задачи, на которыхъ должна сосредоточиться народная мысль и народная самостоятельность. Только ослѣпленные безумцы могутъ думать иначе. По словамъ «Пет. Газеты» одинъ изъ членовъ военной партіи сказалъ: «мы затянемъ войну на десятилѣтіе, но не уступимъ. До тѣхъ поръ не уступимъ *пока одинъ народъ не будетъ уничтоженъ другимъ»*. Это дикое желаніе является поистинѣ преступнымъ. Русскій народъ не долженъ, не можетъ не хочетъ допустить своего уничтоженія. Онъ живетъ и будетъ жить. Онъ не можетъ желать и уничтоженія японскаго народа, также истомленнаго долгой и упорной враждой. Если теперь, по мнѣнію военной партіи, вопросъ идетъ уже не о борьбѣ двухъ армій, а объ уничтоженіи того или другого народа, а такая постановка вопроса, къ сожалѣнію, очень близка къ истинѣ, то отвѣтъ можетъ быть только одинъ: довольно! Народъ, дѣти котораго гибнутъ въ безвѣстныхъ пучинахъ и на чуждыхъ поляхъ, народъ, который отдаетъ государству послѣднюю трудовую копейку, народъ, котораго авантюристы обрекаютъ на уничтоженіе,—самъ народъ долженъ прекратить оргію кровопролитія и высказаться о пріемлемыхъ условіяхъ мира.

Н. І.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Именные Высочайшіе Указы Правительствующему Сенату:

I.

Указомъ Нашимъ, Правительствующему Сенату 22-го сентября 1904 года даннымъ, возложили Мы на Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, коему ввѣрено командованіе отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, вообще завѣдываніе полиціей и тогда же утвердили инструкцію, опредѣлявшую его права и обязанности.

Признавъ нынѣ, по обстоятельствамъ времени, необходимымъ установить сіи права и обязанности на иныхъ основаніяхъ, повелѣваемъ:

I. Высшее завѣдываніе подлежащими вѣдѣнію центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ дѣлами по предупрежденію и пресѣченію преступленій, а равно по охраненію общественной безопасности и порядка, а также всѣми дѣлами, подлежащими вѣдѣнію департамента полиціи, возложить на Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдывающаго полиціей, которому вмѣстѣ съ тѣмъ состоять командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

II. По всѣмъ дѣламъ, въ статьѣ I сего указа означеннымъ, предоставить Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдывающему полиціей, разрѣшать всѣ вопросы, кои, по учрежденіямъ Министерствъ и на основаніи подлежащихъ узаконеній, разрѣшаются властью Министра; въ случаяхъ же, власть Министра превышающихъ, предоставить Товарищу Министра, завѣдывающему полиціей, дѣйствовать въ порядкѣ и на основаніяхъ, для Министровъ установленныхъ, входя, въ подлежащихъ случаяхъ, къ Намъ съ докладами.

III. Предоставить Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдывающему полиціей:

1) утверждать постановленія Особаго Совѣщанія, образованнаго на основаніи статьи 34 приложенія 1-го къ примѣчанію 2-му къ статьѣ I устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, въ каковомъ Совѣщаніи впредь предсѣдательствовать директору департамента полиціи.

2) разрѣшить всѣ вопросы, возникающіе по примѣненію положенія о гласномъ полицейскомъ надзорѣ;

3) давать, въ подлежащихъ случаяхъ, указанія и разъясненія губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полиціймейстерамъ по предметамъ, въ статьѣ I сего указа означеннымъ, на основаніяхъ, для Министра Внутреннихъ Дѣлъ установленныхъ;

4) распоряжаться всѣми кредитами, ассигнуемыми Министерству Внутреннихъ Дѣлъ по управленію полиціей;

5) давать заключенія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда право это предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

6) закрывать съѣзды, какъ разрѣшаемые, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, установленіями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и разрѣшаемые установленіями другихъ вѣдомствъ, если дѣятельность сихъ съѣздовъ будетъ имъ признана вредною для общественной безопасности и порядка, а равно закрывать, въ тѣхъ же случаяхъ, временно, на срокъ до одного года, всякаго рода общества, собранія, союзы и тому подобныя учрежденія, въ какомъ бы порядкѣ ни послѣдовало ихъ открытіе и къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали.

IV. Предоставить Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдывающему полиціей, право высшаго надзора за порядкомъ содержанія подъ стражею лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

V. По всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ рѣшенію Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдывающаго полиціей, предоставить ему сноситься со всѣми правительственными мѣстами и лицами непосредственно.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Царское Село.
21-го мая 1905 года.

II.

Признавая необходимымъ объединить дѣятельность отдѣльныхъ полицейскихъ органовъ намѣстничества Нашего на Кавказѣ повелѣваемъ:

1. Учредить должность завѣдывающаго полиціей на Кавказѣ на основаніяхъ, изложенныхъ въ утвержденномъ Нами положеніи.

2. Образовать при завѣдывающемъ полиціею на Кавказѣ канцелярію на изъясненныхъ въ упомянутомъ положеніи основаніяхъ

и 3. Отпускать въ распоряженіе намѣстника на Кавказѣ на секретные расходы по полицейской части по 100.000 рублей въ годъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ,
22-го мая 1905 г.

ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Ни для кого не тайна *), что лица, принадлежащія къ различнымъ свободнымъ и даже несвободнымъ профессіямъ, организуются теперь, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, въ особые профессіональные союзы.

Организовались профессора и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, организовались учителя среднихъ и начальныхъ школъ, организовались адвокаты, инженеры, врачи, литераторы, организовались, наконецъ, фармацевты, конторщики, ветеринары, мастера и техники, женщины (политическій союзъ женщинъ), организуются, вѣроятно, и многіе другіе. Одни изъ этихъ союзовъ охватываютъ пока только Петербургъ и Москву, другіе стали уже «всероссійскими». Въ настоящее время имѣется уже 15 такихъ всероссійскихъ союзовъ.

«Союзное движеніе въ Россіи,—пишетъ г. *Ашешовъ* въ № 82 газеты «Наша Жизнь»,—имѣетъ весьма краткую исторію. Независимое отъ бюрократическихъ рамокъ общеніе культурныхъ силъ на почвѣ единства политическихъ взглядовъ началось недавно, и если говорить о пріоритетѣ въ этомъ отношеніи, то нельзя не упомянуть о первомъ политическомъ соединствѣ—о писательской политической группѣ въ Петербургѣ, образовавшейся въ 1903 г. спустя два года послѣ разгрома союза взаимопомощи русскихъ писателей и ученыхъ. Эта группа, за отсутствіемъ другихъ формъ для публичнаго оказательства своего политическаго настроенія, собиралась на «ужины», обсуждала здѣсь вопросы текущей политической жизни и выражала свое къ нимъ отношеніе въ резолюціяхъ, не попадавшихъ, впрочемъ, въ русскія изданія. Двухлѣтній опытъ подобныхъ собраній, часто вызывавшихъ, во времена Плеве, репрессіи, укрѣпилъ идею союзности и выдвинулъ ее, какъ одну изъ неотложныхъ потребностей времени». Но первый серьезный шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ уже въ новомъ фазисѣ русской жизни, начальная условная грань котораго датирована 15-мъ іюля 1904 года. И этотъ первый шагъ сдѣлали петербургскіе инженеры въ ноябрѣ прошлаго года. Недавно опубликованный отчетъ бюро союза инженеровъ («Право», № 11) отмѣчаетъ очень опредѣленно практическія задачи подобныхъ соединствъ. Объединившись на общей политической платформѣ требованій демократической конституціи, союзъ инженеровъ реагируетъ своими заявленіями на крупнѣйшія политическія событія (9-го января въ Петербургѣ, бакинская рѣзня, образованіе коммиссіи Шидловскаго и ея дѣятельность, предполагаемое празднованіе 1-го мая), энергично старается пробудить въ обществѣ интересъ и содѣйствовать разработкѣ соціальныхъ вопросовъ (обсужденіе рабочаго вопроса), переходитъ, наконецъ, къ нѣкоторымъ практическимъ мѣропріятіямъ, въ виду мертвеннаго отношенія къ нимъ со стороны казенныхъ и общественныхъ учрежденій (организація помощи семьямъ убитыхъ и раненыхъ 9-го января рабочихъ, устройство народныхъ столовыхъ).

---

*) Мы пользуемся здѣсь только матеріаломъ, опубликованнымъ въ газетахъ, издающихся съ предварительной цензурой.

Профессіональная дѣятельность инженеровъ широка, тѣсно соприкасается съ наиболѣе острыми соціальными явленіями и кругъ ихъ общественной работы естественно, поэтому, широкъ и многостороненъ. Въ этомъ отношеніи въ менѣе благопріятной обстановкѣ находятся другія профессіональныя группы».

Всѣ всероссійскіе союзы, продолжаетъ г. Ашешовъ, «возникли изъ мѣстныхъ (петербургскихъ или московскихъ) группъ и окончательно конституировались путемъ всероссійскихъ съѣздовъ делегатовъ или путемъ организаціонной работы центральныхъ группъ въ провинціи. Общая ихъ черта—принятіе первичной политической платформы, какъ ближайшей задачи, и стремленіе къ достиженію ея путемъ средствъ, болѣе всего доступныхъ по условіямъ профессіональной дѣятельности. Принятіе политической платформы со всѣми входящими въ нее «свободами» накладываетъ на каждаго члена союза громадное нравственное обязательство проводить и по мѣрѣ возможности осуществлять признанные въ объединительномъ документѣ идеи въ своей непосредственной практической дѣятельности. Педагоги средней школы, напримѣръ, взяли на себя обязательство защиты учащихся отъ всякаго насилія школьнаго режима противодѣйствія всему, что такъ часто коверкаетъ нашихъ дѣтей и убиваетъ въ нихъ живую душу. Профессора союза отграничили себя отъ чиновниковъ-лекторовъ и отказываются быть проводниками полицейскихъ мѣропріятій, до сихъ поръ преобладавшихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мастера союза обязуются не выполнять также полицейскихъ функцій, возлагаемыхъ на нихъ обычно на фабрикахъ, обратившихъ этихъ мастеровъ въ своихъ городовыхъ и околодочныхъ и т. д.».

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Ашешова, русская жизнь «постепенно должна насыщаться элементами будущаго справедливаго правопорядка, къ которому, такимъ образомъ, перекидывается надежный мостъ прочной структуры». Близкій взглядъ на значеніе образовавшихся союзовъ развивалъ еще раньше г. Ашешова г. *Ландау* въ газетѣ «Сынъ Отечества» (№ 51); онъ разсматриваетъ эти союзы, какъ «суррогатъ свободнаго общества», которое фактически устанавливаетъ свободу и совершаетъ «грандіозную работу общественнаго перевоспитанія», кромѣ того, по мнѣнію г. Ландау, союзы эти могутъ служить и средой для послѣдующаго созданія «опредѣленныхъ и внутренне-цѣльныхъ партій».

По поводу статьи г. Ландау въ печати разгорѣлась полемика, отражающая въ себѣ ту борьбу, которая до того велась на организаціонныхъ и делегатскихъ собраніяхъ, конституировавшихъ различные союзы. Полемика касалась, главнымъ обрзомъ, вопроса, нужны ли намъ профессіональные союзы, какъ широкія политическія организаціи, и если нужны, то какія цѣли они должны преслѣдовать, или же союзы эти по самой своей сущности могутъ быть только профессіональными, но отнюдь не политическими. Мы не станемъ касаться здѣсь отдѣльныхъ моментовъ этой полемики, а постараемся представить только самое существенное во взглядахъ различныхъ авторовъ на «союзы». Мы остановимся на мнѣніяхъ проф. Милюкова, проф. Салазкина и прив.-доц. Рожкова.

Проф. Милюковъ полагаетъ, что въ настоящее время «мы переживаемъ трудный процессъ переработки литературныхъ мнѣній въ политическія программы»... По мѣрѣ того, какъ коренная политическая реформа становится предметомъ очередного законодательства, основные вопросы программы выдвигаются на первый планъ, и вмѣсто простого отрицанія и критики, которыя объединяли всѣхъ въ литературный періодъ «политики», начинается положительная творческая работа, которая не можетъ не разъединять.

«При этихъ условіяхъ вполнѣ понятно,—говоритъ проф. Милюковъ,—почему, послѣ полосы единодушныхъ общественныхъ заявленій, которую мы переживали въ минувшіе мѣсяцы, мы вступаемъ въ полосу оживленныхъ принципіальныхъ споровъ и партійной дефференціаціи...

«Но условія, при которыхъ совершаются эти первые шаги нашего вступленія въ нормальную политическую жизнь, остаются все еще совершенно ненормальными. Если бы общество имѣло полную свободу обсужденія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые представляютъ для него теперь насущный, жизненный интересъ, то всѣ различія мнѣній, принципіальныя и программныя, представились бы совершенно ясными, дифференцировка и перегруппировка общественныхъ теченій совершилась бы весьма быстро, и такъ же быстро произошло бы окончательное соединеніе группъ въ болѣе широкія общественныя партіи. Въ настоящее же время образованіе партій искусственно задержано отсутствіемъ гарантій свободы обсужденія. Время, однако, не ждетъ, и то, что не можетъ быть сдѣлано вполнѣ правильно, все-таки какъ-нибудь дѣлается, потому что это безусловно необходимо дѣлать. Не имѣя возможности сразу разгруппироваться по партіямъ, интеллигентная Россія предварительно группируется по «союзамъ». Каждый день приноситъ извѣстія о какомъ-нибудь новомъ союзѣ лицъ одной и тэй же профессіи, объединившихся, съ цѣлью общественной дѣятельности, на какой-нибудь платформѣ. Платформы эти, или «резолюціи» союзовъ, оказываются болѣе или менѣе однородными по общему настроенію; ихъ отрицательная и критическая часть совершенно одинакова; болѣе или менѣе сходенъ и ихъ политическій отдѣлъ. Но далѣе начинаются разногласія... Конечно, люди, согласные въ настоящій моментъ объединиться на извѣстномъ общественномъ заявленіи, уже этимъ однимъ примыкаютъ къ совершенно опредѣленному политическому настроенію, но отъ настроенія до опредѣленной программы еще очень далеко. И вотъ, какъ только начинается детальное обсужденіе программы въ средѣ людей, повидимому очень опредѣленныхъ, тотчасъ же обнаруживается трудность, почти невозможность сговориться Если, несмотря на эти трудности, союзы все-таки образуются, то это достигается или путемъ исключенія спорныхъ пунктовъ совсѣмъ изъ программы, или путемъ разрѣшенія ихъ въ духѣ той или другой преобладающей въ данный моментъ группы».

Такимъ образомъ, «союзы» проф. Милюковъ считаетъ временными случайными соединеніями, вызванными къ существованію лишь ненормальными условіями современной политической жизни. Главная цѣль союзовъ, по мнѣнію проф. Милюкова, состоитъ въ томъ, чтобы «вызвать активность элементовъ до

сихъ поръ бездѣятельныхъ». Рано или поздно союзы эти должны расколоться, но теперь они имѣютъ все же громадное значеніе, такъ какъ привлекаютъ къ себѣ политически недифференцированные средніе элементы русской жизни, отъ активнаго выступленія которыхъ зависитъ, по мнѣнію Милюкова, тотъ характеръ и то содержаніе, которые будутъ свойственны русской политической жизни въ первое время ея освобожденія отъ старыхъ путъ. Для этой цѣли «сложившіеся теперь союзы и сформулировунныя до сихъ поръ программы даютъ наилучшее средство, представляютъ наиболѣе удобную исходную точку. Вотъ почему,—утверждаетъ г. Милюковъ,—не расколъ, а дальнѣйшее расширеніе уже существующихъ группъ представляется намъ очередной задачей текущаго политическаго момента. Строить дальше надо съ той платформы, которая уже возведена; было бы ошибкой все вновь разрушить и начинать постройку сначала. Союзы уже оказали огромную услугу, познакомивъ другъ съ другомъ людей, принимающихъ болѣе или менѣе активное участіе въ современной политической жизни, и выяснивъ силы и взаимное соотношеніе разныхъ группъ и разныхъ политическихъ и общественныхъ формулъ. Союзы же должны оказать и другую, еще болѣе важную услугу обществу: они должны послужить той организаціей, посредствомъ которой познакомившіеся другъ съ другомъ люди и группы вновь разойдутся для созданія кадровъ и программъ большихъ русскихъ политическихъ партій, имѣющихъ образоваться при условіяхъ свободной политической жизни».

Ближайшая цѣль союзовъ, по мнѣнію проф. Милюкова, это «дальнѣйшее расширеніе ихъ состава—на почвѣ менѣе яркой программы и тактики... На первое время нужно отодвинуться нѣсколько назадъ съ боевого поля, чтобы занять твердую позицію, укрѣпить ее и собрать подкрѣпленія».

Какъ видитъ читатель, большого разногласія между взглядами г. Милюкова и г. Ландау на цѣли союзовъ не наблюдается, существенное различіе только въ оцѣнкѣ настоящаго момента: проф. Милюковъ совѣтуетъ тактику выжидательную, смотритъ въ будущее, г. Ландау полагаетъ, что нужно воспользоваться уже имѣющейся активностью союзовъ въ настоящемъ.

Мы высказались бы еще рѣзче, чѣмъ г. Ландау. Для насъ союзы, дѣйствительно, только временныя соединенія, призванныя для совмѣстной работѣ въ настоящій подготовительный періодъ. Поэтому платформа и тактика ихъ должны быть расчитана, прежде всего, на сегодняшній день; прежде всего нужно столковаться и рѣшить, что дѣлать сегодня, завтра, въ ближайшіе мѣсяцы, *до* созыва народныхъ представителей.

Что дѣлать, чтобы добиться осуществленія отрицательной части платформы, общей у всѣхъ союзовъ? Какую роль должны играть въ борьбѣ *сегодняшняго дня* всѣ эти союзы и «союзы союзовъ», могутъ ли они помочь тѣмъ, кто не сторонится этой борьбы и не можетъ оставаться въ ней спокойнымъ и разсчетливымъ наблюдателемъ? И, вообще, возможна ли теперь выжидательная поза?

Во всякомъ случаѣ, людей, чувствующихъ близость неизбѣжной борьбы, такая «политическая» поза не удовлетворитъ, и если союзы осуждены на столь

красивый жестъ, то эти люди, хотя бы и не принадлежащіе къ опредѣленной партіи, въ союзы не войдутъ.

Для насъ важнѣе не опредѣленность и рѣзкость теоретической программы союза, а активность его тактики, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что близкое къ нашему мнѣніе высказывалъ и проф. *Салазкинъ* («С. О.», № 68). «Политическая программа союзовъ,—говоритъ онъ,—должна быть настолько общаго характера, чтобы на ней могли сойтись всѣ члены союзовъ или, иначе говоря, ихъ политическія требованія и заявленія должны быть органически связаны съ интересами ихъ профессіональнаго дѣла и этими же интересами обоснованы. Это будетъ практическое и жизненное доказательство непригодности существующаго строя. Чѣмъ больше такихъ доказательствъ и чѣмъ они обоснованнѣе, тѣмъ лучше. Въ дѣлѣ общаго движенія союзы особенно важны активностью ихъ тактики, а не резолюціями политическаго характера, какъ бы ни были крайни послѣднія. Въ нихъ проявляется корпоративный и активный протестъ, имѣющій жизненное, а не теоретическое значеніе».

Мы, съ своей стороны, не настаивали бы на неизбѣжной органической связи политическихъ требованій и заявленій прежде всего съ профессіональными интересами. Иногда и даже часто въ этихъ требованіяхъ общегражданскій долгъ идетъ и даже долженъ идти впереди профессіональнаго. Кромѣ того, что еще важнѣе, требованія и заявленія эти должны теперь смѣниться уже дѣятельностью.

Совершенно противоположенъ всѣмъ изложеннымъ до сихъ поръ взглядамъ на союзы является взглядъ прив.-доц. *Н. Рожкова* («С. О.», № 60 и 73). Г. Рожковъ полагаетъ, что «профессіональные союзы должны быть не политическими въ широкомъ смыслѣ, а дѣйствительно профессіональными, т.-е. преслѣдующими интересы юридической, нравственной и матеріальной взаимопомощи лицъ, принадлежащихъ къ составу данной профессіи, равно какъ и интересы того профессіональнаго дѣла, которому члены даннаго союза служатъ. Политическая же борьба въ собственномъ смыслѣ этого слова—дѣло политическихъ партій, и кто хочетъ ее вести, тотъ пусть поступаетъ въ ихъ ряды.

«Какую платформу и какую тактику можетъ усвоить себѣ *безпартійный* союзъ?—спрашиваетъ г. Рожковъ. Или никакой, или либерально-буржуазную: къ этому роковымъ образомъ приведетъ его безпартійность, потому что при отсутствіи *системы* политическихъ взглядовъ (а система и дается именно партійной организаціей) классовое положеніе человѣка выступаетъ во всей своей наготѣ и властно диктуетъ ему опредѣленные, хотя и несистематизированные взгляды. Итакъ, платформа и тактика существующихъ профессіональныхъ союзовъ, поскольку они хотятъ быть также и союзами политическими, необходимо носитъ на себѣ либерально-буржуазный отпечатокъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, при созданіи этихъ союзовъ имѣлась въ виду цѣль организаціи либерально-буржуазной партіи. Этихъ двухъ обстоятельствъ, достаточно, чтобы исключить возможность присоединенія къ такимъ союзамъ болѣе лѣвыхъ партій, въ частности марксистской».

И мы знаемъ, что «марксисты», дѣйствительно не присоединяются къ этимъ союзамъ.

Съ своей точки зрѣнія марксисты, конечно, правы: имъ и не слѣдуетъ входить въ союзъ, такъ какъ единственнымъ носителемъ соціально-политической истины они считаютъ рабочій пролетаріатъ, союзы же организуютъ интеллигенцію на либерально-демократической платформѣ, которая марксистами признается буржуазной.

Но люди другихъ партій, хотя бы и не менѣе «лѣвыхъ», чѣмъ марксисты, могутъ вполнѣ спокойно участвовать въ союзахъ, такъ какъ они убѣждены, что общественная справедливость будущаго не вырѣшена еще Марксомъ, и что строится это будущее не только классовой борьбой пролетаріата.

Люди этихъ партій будутъ, конечно, пользоваться союзами, какъ средой для вербованія себѣ адептовъ, но въ тоже время во многомъ пойдутъ съ ними рука объруку, не спрашивая у союзниковъ до поры до времени ихъ соціальнаго паспорта.

В. Агафоновъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По поводу напечатанной въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала статьи г. Петрищева «Обыкновенныя отношенія» мы получили отъ директора Акціонернаго Общества «Электрическая сила» г. Классона письмо, изъ котораго сообщаемъ здѣсь всю фактическую часть:

«Инцидентъ, разыгравшійся два года тому назадъ въ Обществѣ «Электрическая сила» въ Баку между инженеромъ Векслеромъ и слесаремъ Бухаловымъ, далеко не принадлежитъ къ числу «обыкновенныхъ случаевъ» и, напротивъ, представляется совершенно исключительнымъ случаемъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ при столкновеніи труда и капитала, страдающей стороной являются представители труда, въ данномъ же случаѣ дѣло обстояло совершенно наоборотъ и страдающимъ лицомъ явился, какъ это ни странно покажется г. Петрищеву, г. Векслеръ.

«По своимъ убѣжденіямъ г. Векслеръ былъ безусловнымъ защитникомъ интересовъ рабочаго класса и служеніе интересамъ этого класса навлекло на него несомнѣнно гораздо большія гоненія и непріятности, чѣмъ тѣ сравнительно ничтожныя гоненія, которымъ подвергся г. Петрищевъ, разсказывающій о томъ, что въ подлежащихъ сферахъ былъ «поставленъ вопросъ—пребывать ему или не пребывать на Кавказѣ». Поэтому г. Петрищеву во всякомъ случаѣ не пристало драпироваться въ гражданскую тогу и роль эта гораздо болѣе шла бы г. Векслеру, котораго г. Петрищевъ обвиняетъ въ гоненіи рабочихъ.

«Отношенія администраціи къ рабочимъ на биби-эйбатской электрической станціи, о которой идетъ рѣчь, были самые дружественные и если на такой почвѣ все-таки разыгралась тежелая драма, то виною этому послужилъ случайный внѣшній фактъ—антисемитизмъ рабочихъ. Г. Векслеръ былъ еврей

(и притомъ единственный въ Обществѣ «Электрическая сила») и въ этомъ заключалось его несчастіе, такъ какъ именно это и послужило основаніемъ инцидента.

«Слесарь Бухаловъ, котораго г. Петрищевъ выставляетъ какъ несчастнаго увѣчнаго человѣка, дѣйствительно потерялъ вслѣдствіе несчастнаго случая, два пальца.

«По этому поводу г. Петрищевъ утверждаетъ, что я будто бы приказалъ снять приборъ, находящійся подъ токомъ высокаго напряженія, слесарю Бухалову. А между тѣмъ въ «Электрической силѣ» за 5 лѣтъ ея существованія всегда всѣ тѣ работы надъ высокимъ напряженіемъ, которыя представляютъ опасность, производятся исключительно инженерами и старшими монтерами и никогда рабочіе къ нимъ не допускаются. Слесарь Бухаловъ вмѣстѣ съ другимъ слесаремъ былъ поставленъ около электрическихъ приборовъ высокаго напряженія, съ которыми производились опыты, исключительно для того, чтобы никого не подпускать къ нимъ, и несчастный случай прозошелъ слѣдующимъ образомъ:

«Измѣрительный приборъ надо было замѣнить другимъ, и я послалъ Бухалова за отверткой, которой я хотѣлъ лично отвернуть два винта и замѣнить одинъ измѣрительный приборъ другимъ. Для того, чтобы произвести эту работу, надо было прекратить электрическій токъ въ этомъ приборѣ, и я пошелъ на центральную станцію, чтобы выключить токъ, ведущій къ этому прибору. Въ это время прибѣжалъ Бухаловъ съ отверткой и, желая угодить, началъ собственноручно отвинчивать приборъ, находящійся еще подъ токомъ.

«Бухаловъ человѣкъ очень добросовѣстный и старательный, и несчастный случай съ нимъ, тѣмъ болѣе первый несчастный случай на биби-эйбатскбй станціи, произвелъ на всю администрацію самое тяжелое впечатлѣніе, и ему было оказано очень много вниманія.

«Г. Петрищевъ представляетъ дѣло такъ, что «Электрическая сила» торговалась съ Бухаловымъ относительно размѣра вознагражденія за увѣчье и всяческими уговорами добилась того, что онъ согласился получить только 450 руб. за потерю пальцевъ, но зато остался на службѣ въ Обществѣ на прежнемъ жалованьѣ въ 60 руб. въ мѣсяцъ.

«На самомъ же дѣлѣ всѣ рабочіе «Электрической силы», и въ томъ числѣ Бухаловъ, были застрахованы, какъ и въ настоящее время, и слѣдовательно «Электрическая сила» вовсе не была матеріально заинтересована въ томъ, чтобы выторговывать у Бухалова, такъ какъ платить приходилось не «Электрической силѣ» а страховому обществу.

«Послѣ этого случая слесарь Бухаловъ служилъ въ обществѣ еще полтора года, но, къ сожалѣнію, онъ началъ пить. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что, съ одной стороны, онъ долго не работалъ, пока продолжалось леченіе, а съ другой стороны, интересъ, проявленный къ нему послѣ несчастнаго случая администраціей станціи, онъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что у него несмѣняемое мѣсто и, слѣдовательно, онъ можетъ себѣ все позволять. Я нисколько не хочу обвинять въ этомъ Бухалова, напротивъ, то обстоятельство, что

вполнѣ добросовѣстный и трудолюбивый рабочій послѣ несчастнаго случая такъ сильно измѣнился, еще болѣе усиливаетъ драматизмъ положенія, такъ какъ очень вѣроятно, что безъ несчастнаго случая этого нравственнаго перерожденія у Бухалова не произошло бы.

«Черезъ полгода приблизительно положеніе администраціи станціи стало очень затруднительно: съ одной стороны Бухаловъ постоянно пьянствовалъ и манкировалъ службой и никакія убѣжденія не помогали; съ другой стороны, онъ былъ человѣкъ увѣчный, потерявшій отчасти трудоспособность въ нашемъ предпріятіи и потому администрація не считала себя нравственно въ правѣ увольнять его. Пришлось прибѣгнуть къ штрафамъ, какъ къ единственному средству воздѣйствія, и въ теченіе полутора лѣтъ Бухаловъ былъ оштрафованъ пять разъ, въ общей сложности на 8 руб., притомъ штрафъ ни разу не налагался на него Векслеромъ, а всегда завѣдующимъ станціей инженеромъ Л. Б. Красинымъ.

«По поводу штрафовъ г. Петрищевъ говоритъ, будто бы штрафы иногда записываются въ штрафной журналъ, а иногда только въ разсчетныя книжки, чѣмъ достигается то, что штрафной капиталъ поступаетъ или въ собственность завода, или распредѣляется между мастерами, подмастерьями или иными «старшими лицами».

«Ничего подобнаго, конечно, никогда не практиковалось, и штрафы, записываемые въ расчетныя книжки, всегда записывались и въ штрафной журналъ. Между прочимъ штрафы вообще не приняты въ обществѣ, и на главномъ заводѣ «Электрической силы» въ «Бѣломъ Городѣ» *) за 5 лѣтъ существованія завода не наложено ни одного рубля штрафа. На биби-эйбатской станціи за тѣ же 5 лѣтъ взыскано штрафу 64 руб. 27 коп., изъ нихъ на Бухалова пришлось 8 руб.

«Положеніе вещей, вѣроятно, не измѣнилось бы въ теченіе долгаго времени, если бы не произошло нападенія пьянаго Бухалова на Векслера; Векслеръ былъ человѣкъ физически слабый и защищаться не могъ. Самъ по себѣ фактъ нападенія пьянаго человѣка не имѣлъ бы особеннаго значенія, такъ какъ это со всякимъ можетъ случиться, но дѣло осложнилось тѣмъ, что г. Петрищевъ, къ которому обратился уволенный Бухаловъ съ жалобой на Векслера, изобразилъ г. Векслера чуть ли не звѣремъ, бросающимся на рабочихъ. Естественное желаніе Векслера возстановить истину не могло осуществиться, такъ какъ г. Петрищевъ не изъявлялъ желанія знакомиться съ дѣломъ иначе, какъ изъ устъ Бухалова. Редакція газеты «Баку» не печатала опроверженій, а напротивъ, каждый день выступала съ новыми нападками противъ заводской администраціи.

«Три—четыре дня газетныхъ нападокъ завершились тѣмъ, что второй рабочій, уволенный во время этого инцидента завѣдующимъ станціи за сочувственное отношеніе къ дракѣ, также бросился на Векслера съ кулаками. Положеніе Векслера стало самое драматическое—два раза онъ подвергся избіенію

*) Названіе заводскаго района въ Баку.

*

отъ представителей того класса, интересамъ котораго. онъ былъ всецѣло преданъ.

«Тогда Векслеръ рѣшилъ прибѣгнуть къ литературной дуэли, которая нѣсколько дней тому назадъ самимъ же г. Петрищевымъ предложена была представителю другой газеты, съ которымъ онъ велъ полемику. Дуэль эта состояла въ томъ, что собирался третейскій судъ, и лицо, оказавшееся виновнымъ, должно было оставить Баку и занимаемую имъ службу.

«Но г. Петрищевъ уклонился и отъ суда, и отъ дуэли.

«Утвержденіе г. Петрищева, что Векслеръ получилъ годичный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и что поэтому ему эта дуэль не страшна, не вѣрно. Векслеръ при увольненіи изъ общества, послѣдовавшаго вскорѣ послѣ случая съ Бухаловымъ, получилъ жалованье лишь за два мѣсяца впередъ.

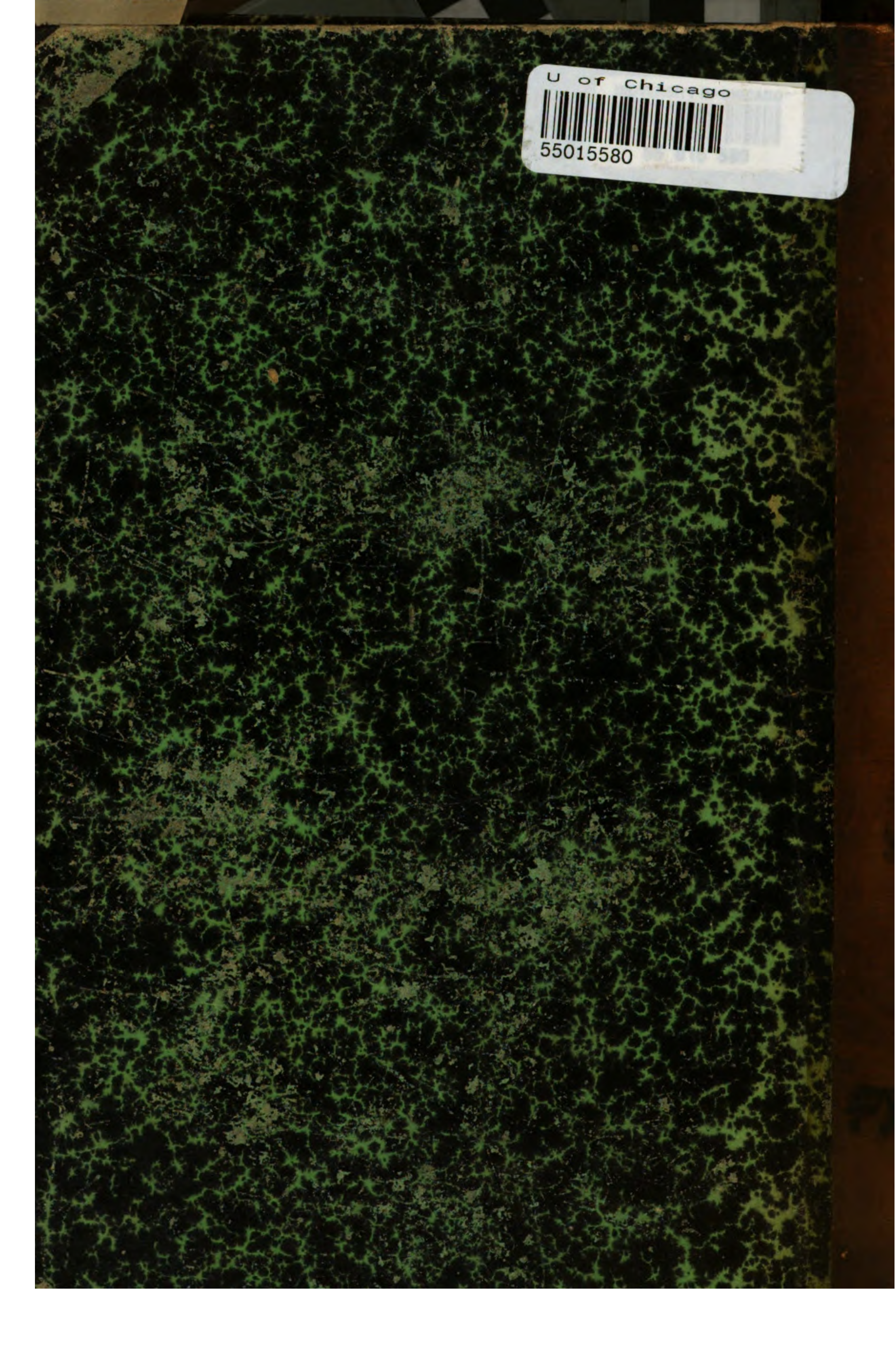
«Пусть же г. Петрищевъ подумаетъ о томъ, что г. Векслеръ исчерпалъ всѣ способы оправданія себя передъ обществомъ и всѣ способы выясненія вопроса и они ни къ чему не привели, и вся исторія на немъ отразилась настолько тяжело, что онъ пришелъ въ психическое разстройство, осложнившееся еще тѣмъ, что ему пришлось долгое время просидѣть въ одиночномъ заключеніи вскорѣ послѣ ухода изъ Баку.

«По всей вѣроятности это мое письмо вызоветъ соотвѣтственное возраженіе г. Петрищева, а потому я предлагаю на этотъ разъ редакціи «Міра Божія» всесторонне ознакомиться съ предметомъ, причемъ со стороны «Электрической Силы» редакціи будетъ оказано всяческое содѣйствіе.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ
«Директоръ Акц. О-ва «Электрическая Сила»
«Р. Классонъ».

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.14
no.6
June1905

U of Chicago
55015580